

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА**

**Материалы IV Международной
научно-методической конференции
(г. Уфа, 23 декабря 2015 г.)**

**Уфа
РИЦ БашГУ
2015**

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2
М 43

*Печатается по решению кафедры иностранных языков
естественных факультетов БашГУ
(протокол № 4 от 26 ноября 2015 г.)*

Редакционная коллегия:

д-р филол.наук, профессор **Н.П. Пешкова** (отв. редактор);
д-р филол.наук, профессор **Ф.Г. Фаткуллина** (зам.отв. редактора);
д-р филол.наук, профессор **Е.А. Морозкина** (зам.отв. редактора);
канд.филол.наук, доцент **Р.И. Виноградова**;
старший преподаватель **Д.Ш. Юзликбаева**

М 43 **Межкультурная↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения:** Материалы IV Международной научно-методической конференции (г.Уфа, 23 декабря 2015г.) / отв.ред. Н.П. Пешкова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 472 с.

ISBN 978-5-7477-3991-8

Сборник материалов конференции содержит статьи, посвященные проблемам общей и профессиональной межкультурной и интракультурной коммуникации. Рассматриваются теоретические и прикладные вопросы науки о языке, психолингвистики и социолингвистики, когнитивистики и прагматингвистики. Значительное внимание уделяется проблемам обучения языковой коммуникации, а также теории и практике перевода. Затрагиваются вопросы литературного дискурса и интертекстуальности.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов в области филологии, лингвистов, литературоведов, переводчиков, а также для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов.

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

ISBN 978-5-7477-3991-8

© БашГУ, 2015 г.

Некоторые вопросы изучения языковых заимствований¹

В истории лингвистики известны темы, актуальность которых не утрачивалась на протяжении разных периодов, выдвигавших различные приоритетные проблемы. К числу таких тем относится изучение языковых контактов и заимствований (как прямых лексических заимствований, так и семантических и грамматических влияний). Непреходящая актуальность данной темы связана, по крайней мере, с двумя обстоятельствами.

Во-первых, с 19 в. ведутся сравнительно-исторические исследования языков разных семей с целью выяснения их соотношений внутри семьи и с целью реконструкции их общего предка – праязыка. Процедура сравнительного анализа опирается в первую очередь на регистрацию лексических сходств между языками, на основе которых можно судить о том, как выглядел архетип – исходная форма слова в праязыке, к которой сводятся семантически и фонетически сходные слова в обследуемых языках.

И вот тут встает тонкий вопрос о природе сходства: является ли оно унаследованным от праязыка, т.е. следствием параллельного развития родственных языков из одного источника, или сходство есть результат заимствования слова из одного языка в другой (а то и параллельного заимствования обоими языками из какого-то третьего). Например, сравнивая существительные в двух языках банту – ганда и суахили, мы легко обнаружим схожие слова: ганда *ekitabu* – суах. *kitabu* ‘книга’; что это – генетическое сходство? Нет, потому что перед нами арабизм, сначала заимствованный в суахили, а уже из суахили оно заимствовано в ганда. Другой пример: ганда *leerwe* ‘железная дорога’ – суахили *reli* с тем же значением; можно ли здесь говорить о заимствовании из суахили в ганда? Нет, потому что форма этого слова в ганда отчетливо указывает на английский источник: *railway*, а тот факт, что в начале слова ганда мы видим не *г*, а *л*, объясняется действием фонетических правил ганда при ассимиляции этого англицизма. Следовательно, перед нами параллельное и независимое заимствование обоими языками из английского.

Во-вторых, в современной гуманитарной области знаний все большее внимание привлекают вопросы, связанные с культурными и

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 14 – 04 – 00488 «Языковые контакты в Африке».

языковыми контактами, с межкультурной коммуникацией, с цивилизационным глобализмом – и одновременно с проблемами национальной и иной идентификации, в основе которой лежат культурно-языковые факторы. Все это придает особую актуальность изучению языковых контактов и заимствований, о чем свидетельствуют международные конференции, где эта тема неизменно становится предметом обсуждения, а также рост числа публикаций как конкретно-описательного, так и теоретического характера – укажем в качестве примера три недавних труда: [5; 6; 7].

Тема контактирования и взаимовлияния языков имеет довольно долгую историю разработки как в общем плане, так и на материале отдельных ситуаций двуязычных контактов, и потому вполне заслуживает выделения ее в некую автономную дисциплину, которую иногда называют *лингвистической контактологией*. В рамках этой дисциплины сформировалась устойчивая и традиционная область исследования, имеющая своим предметом иноязычные заимствования, и ей давно можно было дать напрашивающееся и вполне прозрачное название – лингвистическая *ксенология* (*лингвоксенология*).

Лексический аспект изучения заимствований – наиболее традиционный, разработанный и общепризнанно важный. Чтобы в фонологической системе появилась новая фонема, достаточно нескольких неассимилированных лексических заимствований, содержащих эту фонему, плюс наличие в системе пустой клетки, как бы «предназначенной» для нее. Именно так появилась в русском языке фонема /ф/, отсутствовавшая в раннем древнерусском, но уверенно утвердившаяся в русской фонологической системе благодаря массовым заимствованиям (с начальным *φ*-) из греческого, латинского и иных европейских языков, а также благодаря сообразности этого фонологического приятия чуждой фонемы с отчетливой тенденцией к выравниванию и симметричности в системе русских консонантных корреляций ($n:\bar{b} = m:\bar{d} = k:\bar{z} / \phi:v = c:\bar{z} = ш:\bar{ж}$). Чтобы в морфологической системе появилась новая некорневая морфема, факта лексического заимствования с этой морфемой недостаточно, так как ксенолексемы остаются морфологически неразложимыми в системе языка-реципиента. Необходимо аналогическое распространение иноязычной морфемы за пределы принятых языком заимствований и появление ее в новых сочетаниях с исконными и заимствованными корнями, равно как отсутствие ее в других однокоренных словах. Поэтому, например, в русском языке не появилось суффикса *-инг*, несмотря на наличие таких заимствований, как *допинг*, *картинг*, *лизинг*, *маркетинг*, *шопинг* и т.п., в отличие от морфологически узаконенных суффиксов *-ир*-, *-изир*- (ср. *складировать*, *яровизировать*, *нормировать*, *иронизировать*, *третировать* и т.п.).

При описании контактов как родственных, так и неродственных языков первый вопрос, нередко требующий пояснения, касается направления заимствования. В теории языковых заимствований существует принцип, позволяющий в каждом конкретном случае определить направление данного процесса – это *принцип разложимости*, о чем, в частности, говорил Дж. Гринберг: «Важным, а в большинстве случаев решающим критерием является наличие грамматической разложимости в языке-источнике и отсутствие такой разложимости в заимствующем языке» [4, 208]. Этот принцип вполне эффективен по отношению к неродственным, отдаленно родственным или типологически несходным языкам. Например, суах. *alawensi* и англ. *allowance* означают ‘пособие, содержание, надбавка’, но в суахили это слово не разлагается на корень и суффикс, в отличие от английского (*allow* + *ance*), что ясно указывает на его чужеродность в суахили.

Однако простота и очевидность таких примеров, как *рюкзак*, *бутерброд*, *масштаб*, *кашине* и т.п. в русском языке (где эти слова неразложимы, а в языках-источниках это сложные слова), не должна провоцировать представление, будто в ситуациях контактов факт неразложимости слова всегда служит знаком заимствующего языка. Хрестоматийный пример обратной ситуации – суахилийское слово *kitabu* ‘книга’, которое в языковом сознании носителей языка суахили отчетливо состоит из префикса *ki-* и корня *-tabu*, поскольку *ki-* автоматически воспринимается как «родной» показатель класса предметов, ср. *ki-ntu* ‘вещь’, *ki-kuku* ‘браслет’, *ki-tana* ‘гребень’. А между тем именно *kitabu* является заимствованием из арабского (*kitābu*), где это слово как раз *линейно* неразложимо на две морфемы, а представляет собой комплекс корня *ktb* ‘писать’ и огласовки (трансфикса, по терминологии И.А. Мельчука) *i-ā-u*.

Обратимся теперь к вопросу об оценке *глубины заимствования*, понимая глубину как уровень проникновения иноязычного элемента в содержательную и формальную структуру языка-реципиента. С формальной точки зрения грамматическое заимствование должно оцениваться как более глубокое, чем фонологическое, поскольку грамматика служит несущей конструкцией всего языка. С семантической точки зрения оценка глубины заимствования могла бы опираться на продуктивное разграничение слова как лексемы и слова как концепта, или в иных терминах – лексической семантики и концептуальной семантики (наиболее отчетливо смысл такого разграничения представлен в фундаментальных трудах Ю.С. Степанова [1; 2; 3]). Лексема принадлежит лексической системе языка и описывается известными лексикологическими методами, концепт принадлежит концептуальной системе (часто назы-

ваемой концептосферой) и описывается на основе концептологического анализа, который приобрел необычайную популярность в России.

Вместе с тем представляется бесспорно рассматривать любое лексическое заимствование как концептуального, как вторжения в картину мира языка-реципиента, что якобы приводит к изменению мировидения его носителей. Языковую картину мира (ЯКМ) невозможно представить в виде простого словника (или даже упорядоченного лексикона), включающего все предметные имена. А ведь именно последние составляют основную массу кочующих по языкам лексем, сопровождающих (в качестве «удостоверения личности») материальные предметы, которыми неизбежно обмениваются соседствующие (и не только) этносы и народы. Вполне естественно также распространение артефактов материальной культуры из очагов возникновения по всей территории с изоморфным типом хозяйствования, где могут проживать разные этносы, говорящие на разных языках. ЯКМ как когнитивный феномен – это сложная категориальная структура, культурная маркированность которой выражается в специфической концептосфере, отличающей одну культурно-языковую общность от другой. Что же касается конкретных лексем (исконных или заимствованных), то они служат материалом выражения когнитивных категорий, в которых кумулируются знания о мире и коллективный опыт его познания.

Таким образом, нет оснований видеть в простом лексическом заимствовании факт иноязычного концептуального воздействия на мировосприятие носителя принимающего языка, т.е. на когнитивную структуру плана содержания языка-реципиента. Что, например, произошло с языковой картиной мира и с русским национальным мировосприятием в результате заимствования таких слов, как *диван*, *кофта*, *картон*, *багаж* и множества подобных? И фрагмент чужей языковой картины мира привнесен, например, чужим словом *диван*, если оно прошло долгий путь с семантическими изменениями от языка к языку (персидский, арабский, турецкий), пока через французский попало в русский в качестве предметного имени для обозначения нового для России XVIII века вида дворцовой мебели (в русском языке отмечается с конца XVIII в. [4, 251]).

Еще более спорным представляется положение о том, что в процессе заимствования осуществляется заполнение концептуальных лакун в воспринимающем языке и что содержанием этого процесса является заимствование иноязычных (и инокультурных) концептов. Приобрела ли, например, русская лингвокультура новый концепт в облике слова *бумеранг*? Нет, потому что в нем не было никакой потребности, потому что за банальной лексической лакуной не стояло такое отсутствие единицы, которое А.Мартине описывал в терминах пустых клеток приме-

нительно к «лакунам» в фонологической системе (наличие в системе «клетки» для потенциальной единицы, допустимой логикой системных противопоставлений), т.е. в нашем случае нет *концептуальной* пустой клетки.

Далеко не всякое слово, идя в другой язык, приходит в него в ранге концепта, и обусловлено это определенной консервативностью самой культуры и тем фактом, что любая культура в каждый отдельный отрезок времени самодостаточна в коммуникативном и когнитивном отношениях (см. [1, 9-10]), в ней нет лакун, как нет лакун в национальном мировосприятии, языковая картина мира вполне отражает тот комплекс знаний, то наивное представление о мире, которое присуще данному культурно-языковому коллективу. С течением времени, однако, коллективное представление о мире изменяется (как изменяется индивидуальный комплекс знаний), и это находит выражение в изменениях концептосферы культуры: появляются новые концепты и подвергаются деконцептуализации некоторые прежние. Но считать при этом каждое заимствованное слово носителем (приносителем!) иноязычного концепта – значит ставить знак равенства между понятиями концепта и лексемы, а тем самым полностью девальвировать сущность концептологического подхода.

Литература

1. Виноградов В.А. Культурный концепт и его лингвистические составляющие: БЛИЗНЕЦЫ // Когнитивные исследования языка. Выпуск V. Исследование познавательных процессов в языке. М.–Тамбов, 2009. – С. 9-21.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е издание. М.: Академический проект, 2004а.
3. Степанов Ю.С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянских культур, 2004б.
4. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1994.
6. Greenberg J.H. Linguistic evidence for the influence of the Kanuri on the Hausa // Journal of African history, 1960, vol. I, N. 2. Pp. 205-212.
7. Hasselblatt C., Houtzagers P., Van Pareren R. (eds). Language contact in times of globalization. Amsterdam: Rodopi, 2011. 300 p.
8. Haspelmath M., Tadmor U. (eds). Loanwords in the world's languages: A comparative handbook. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. 1081 p.
9. Hickey R. (ed.) The handbook of language contact / London: Blackwell, 2010. 890 p.

© В. А. Виноградов, 2015

Interethnische Kommunikation und Zusammenleben im östlichen Europa

1. Die Sprachwissenschaft hat für die indogermanischen Sprachen viele Ergebnisse ermittelt. Dazu zählen auch die Forschungen zur Urheimat der einzelnen Ethnien, ebenso die Erkenntnisse zu den Wanderungen der jeweiligen Sprachträger, besonders in den letzten zwei Jahrtausenden. Die Archäologie und die Frühgeschichtsforschung haben ihrerseits das Bild bestätigt oder ergänzt und zuweilen auch präzisiert. In großen Nachschlagewerken kann sich jeder informieren z. B. über die frühen Kontakte zwischen den Slawen und Balten, zwischen den Slawen und Germanen in Osteuropa.

2. Insbesondere die Sprachwissenschaft hat mit dem Nachweis von wechselseitigen Entlehnungen zwischen dem Germanischen und Slawischen in vorschriftlichen Zeiträumen auf Kommunikation und Zusammenleben sowie Handel und Verkehr nachdrücklich aufmerksam gemacht. Die bisher ältesten Lehnbeziehungen kann die Linguistik für die Urperioden in der Entwicklung der Sprachfamilien einwandfrei darstellen. Jedes einzelne Lehnwort in der Geschichte einer Sprache ist zugleich ein Beweis für Kommunikation im Alltag in Nachbarschaft. Jedes einzelne Lehnwort ist ein Beweis für interethnische Kommunikation und Kulturkontakt.

3. Seit der Zeit der einsetzenden schriftlichen Tradierung historischer Geschehnisse werden Einblicke in die interethnischen Beziehungen noch leichter möglich. Für die Kontakte zwischen Germanen und Slawen ist das die Zeit vor allem ab dem 8./9. Jahrhundert. Wir erfahren von den aus Skandinavien bis weit nach Süden aus dem damaligen ostfränkischen Territorium bestehenden Verbindungen zu den Slawen im Norden Europas bis hin zum Balkan. Mit der Verbreitung des Christentums haben sich diese Kulturkontakte noch wesentlich verstärkt. Wir wissen aber auch, dass neben Handel und Verkehr auch gemeinsame militärische Aktionen im Sinne von Bündnissen durchgeführt wurden. All das wäre ohne interethnische Kommunikation nie möglich gewesen.

4. Das Herrschaftsstreben im Mittelalter war verbunden mit der Erweiterung der jeweiligen Herrschaftsgebiete. Ganz deutlich ist das geworden mit der Eroberung von slawisch besiedelten Gebieten. Das betraf das Territorium östlich der alten germanisch-slawischen Grenze aus der Völkerwanderungszeit. Anfang des 10. Jahrhunderts wurde dieses große Territorium der seit drei Jahrhunderten slawisch besiedelten Gebiete östlich der Flüsse Elbe und Saale – beide tragen vorgermanische Namen – zu deutschen Herrschaftsgebieten. Die neuste Forschung ermöglicht es zu zeigen, dass die militärische Eroberung

rung eine positive Folge hatte: Es erfolgte Zusammenarbeit mit der slawischen Elite in dem Gebiet. Und das alles erforderte interethnische Kommunikation.

5. Im 10./11. Jahrhundert gab es von slawischer Seite ebenso eine ganze Folge von kriegesischen Bemühungen, die Herrschaftsgebiete nach Westen hin zu erweitern. Es betraf genau jenen slawisch bewohnten Raum, der von deutscher Seite vorher erobert worden war. Die Angriffe erfolgten sowohl von Polen aus als auch von Böhmen aus. Längere militärische Konflikte mit wechselseitiger Kundschaftertätigkeit sowie anschließende Friedensverhandlungen wurden zu Zeugen für interethnische Kommunikation. Gleiches gilt für die von Deutschen und ihren slawischen Nachbarn gemeinsam in diesen Jahrhunderten vollzogene Missionierung und Christianisierung der Völker vom 10. bis 13. Jahrhundert. Die Missionsgeistlichen eigneten sich eine *lingua Slavica missionarica* an. Anders war die Missionsarbeit nicht möglich.

6. Die bis jetzt mehrfach genannte „interethnische Kommunikation“ war aber keinesfalls eine auf ethnischer Zweisprachigkeit beruhende Kommunikation. Die interethnische Kommunikation wurde von einzelnen getragen und vollzogen. Beteiligt waren neben Handelsleuten vor allem die Herrschaftsträger auf beiden Seiten und die von ihnen für die Realisierung von Verständigung/Kommunikation ausgebildeten Spezialisten. Dazu gehörten zum Zwecke der Missionsarbeit die Geistlichen. Sie stammten aus der weltlichen Oberschicht. Und sie wurden auch als Söhne des jeweiligen deutschen und slawischen Adels z. B. in Domschulen gemeinsam ausgebildet.

7. Die langjährigen Forschungen zum slawisch-deutschen Kontakt-raum im östlichen Deutschland haben mehreres erkennen lassen:

- In der Zeit der beginnenden deutschen Herrschaft hat der König nur einzelne deutsche Verwalter als Markgrafen und Burggrafen eingesetzt. Der slawische Adel hat mit den neuen Herrschaftsträgern zusammengearbeitet. Es gab wechselseitige Akzeptanz. Die slawischen Bewohner bildeten weiter vom 10. bis zur Mitte des 12. Jahrhunderts die Majorität im Lande. Die interethnische Kommunikation erfolgte zwischen dem Adel auf beiden Seiten. Der slawische Adel hat sich zunehmend am Deutschen orientiert, sowohl kulturell als auch sprachlich.

- Erst ab Mitte des 12. Jahrhunderts erfolgte eine grosse deutsche Zuzug von Bauern und Handwerkern. Am Ende des 12. und im Verlauf des 13. Jahrhunderts bildeten die deutschen Sprecher dann die Majorität. Daraus entwickelte sich auf dem ganzen Territorium im Verlaufe von einigen Generationen eine allmähliche Verschmelzung von Slawen und Deutschen. Am Ende dieses Prozesses gingen die Slawen im Deutschen auf.

- Wichtig ist die Feststellung, dass vom 10. bis 13./14. Jahrhundert die slawische Sprache als eine ganz normale Landessprache anerkannt war. Die slawischen Namen von Siedlungen, Gewässern und vor allem auch von Per-

sonen wurden in zahlreichen Urkunden korrekt im lateinischen Text wiedergegeben. Es gab in jener Zeit des Zusammenlebens keine Vorurteile gegenüber den Slawen und ihrer Sprache.

8. Ein solches ethnisches Miteinander wiederholte sich Jahrhunderte später nochmals zwischen Deutschen und Slawen. Es vollzog sich im zaristischen Russland im 18. Jahrhundert mit der Zuwanderung von Deutschen vor allem aus Süddeutschland. Zahlreiche Niederlassungen in verschiedenen Gegenden entstanden. Besonders bekannt geworden sind die Ansiedlungen im Wolga-Gebiet. Die deutsche Minorität hat im Laufe der Zeit die russische Landessprache als Zweitsprache angenommen. Damit war über Jahrhunderte die interethnische Kommunikation gesichert. Ein für beide Seiten normales Zusammenleben war gewährleistet.

9. Insgesamt ist zu schlussfolgern: Interethnische Kommunikation ist eine wesentliche Voraussetzung für das Zusammenleben von Menschen unterschiedlicher ethnischer Zugehörigkeit. Entsprechende Ausbildung mit Spracherwerb ist eine *conditio sine qua non*.

© Karlheinz Hengst, 2015

К.И. Белоусов
ПГНИУ, Пермь, Россия

Динамика изменения информационного пространства поддержанных проектов РГНФ по языкознанию за 2010-2015 гг.

Научная ПрО представляет собой создаваемую индивидуальными и коллективными агентами научного производства открытую мультиструктурную информационную систему, в которой осуществляется непрерывный интра- и интерпредметный процесс обмена информацией по доступным информационным каналам. Результатом информационных процессов становится постоянное обновление содержательной и структурной составляющих научной ПрО: конкуренция (изменение конфигураций, зависимостей, влияния друг на друга) частнонаучных ПрО в рамках общей ПрО, а также обновление концептуального пространства ПрО за счет междисциплинарных связей [1].

Создаваемая модель информационного пространства ПрО не является ее онтологией, которой может быть назван целостный, устойчивый, воспроизводимый и кодифицированный сегмент. В нашем случае речь идет как о кодифицированных, отраженных в энциклопедиях, знамиевых единицах, так и о некодифицированных (которых значительно больше, чем кодифицированных), зависящих от ситуации и контекста.

В то же время следует отметить, что даже единицы онтологии ПрО в ее ментальной проекции, т.е. в области “живой науки”, будучи погруженными в самые разные контексты употребления, концептуализируются, “обрастают” новыми значениями, пониманием, не отражаемыми в процессе кодификации. Так, в результате использования исследователями одних и тех же научных понятий и категорий происходит концептуализация понятийно-категориальной сферы науки. Этот процесс свидетельствует о значимости личностного творческого начала в процессе осмысления реальности с помощью инструментов научного познания. Сам же факт существования десятков или даже сотен определений одних и тех же терминов создает возможность изучения процесса их концептуализации.

Поэтому, если рассматривать ПрО как открытую мультиструктурную информационную систему, в которой каждый из ее компонентов находится в процессе постоянного изменения в силу непрерывно меняющегося контекста, то процесс концептуализации каждого “узла” системы, проявляющийся за счет образования новых связей между “узлами” (т.е. приращением структуры) (см., например, [3]) позволяет говорить о создаваемой модели как о концептосфере ПрО.

Такая постановка проблемы моделирования концептосферы ПрО может решаться только с учетом контекстов употребления терминов (в широком смысле слова) в каждом конкретном исследовании, входящим в корпус работ, конструирующих данную ПрО. Одним из вариантов решения видится использование в качестве операциональных единиц базовых терминов, выносимых авторами публикаций в наборы ключевых слов (далее – НКС). Обращение к ключевым словам (далее – КС) обусловлено тем, что, во-первых, посредством КС и НКС авторы сами обозначают доминанты концептуального пространства своих исследований; во-вторых, НКС научных публикаций представляют собой легко формализуемый конструкт в рамках большого корпуса текстов; в-третьих, НКС обычно доступны для автоматизированного извлечения.

Использование НКС в качестве единиц построения информационной модели ПрО позволяет учитывать контексты использования терминов (КС), что особенно удобно осуществлять при обзоре источников по какой-то узкой теме. В данном случае анализируемый термин раскрывается в контекстах своего функционирования, анализ которых позволяет определять значимость отдельных научных направлений, их пересечения или наоборот “отстройку” друг от друга, наиболее перспективные научные направления, в том числе и междисциплинарного уровня (см., например, [2]).

В то же время совокупность НКС может использоваться для моделирования информационного пространства ПрО, выделенной по дру-

гим критериям, в частности, на основании анализа корпуса статей тематического журнала или тематических журналов одной научной дисциплины, или публикаций ведущих ученых той или иной науки. Отдельный интерес представляет собой материал поддержанных научными фондами проектов, он показывает наиболее востребованные частнонаучные направления, с одной стороны, проводимые на высоком исследовательском уровне, а с другой, - задающие наиболее вероятные вектора развития науки.

В нашей работе в качестве ПрО рассмотрено ЯЗЫКОЗНАНИЕ, а непосредственным материалом послужили 399 текстов-описаний проектов типа А (проведение научных исследований, выполняемых научным коллективом или отдельным ученым), поддержанных РГНФ в период с 2010 по 2015 гг. Все материалы размещены в режиме свободного доступа на портале РГНФ (<http://www.rfh.ru>).

Базовым методом исследования информационного пространства ПрО является метод графосемантического моделирования, реализованный в Информационной системе "Семограф" (<http://semograph.com>).

Исследование включает в себя экспертную группировку терминов в терминополья, актуальные для анализируемой предметной области; изучение временной динамики и территориальных аспектов актуализации терминопольей в концептуальном пространстве предметной области ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Значимым аспектом исследования является сопоставительный анализ графов терминопольей, отражающих синхронные временные срезы (2010-2015 гг.) состояния концептосферы предметной области ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Не имея возможности подробно останавливаться на анализе графов, отметим, что их сопоставление позволяет сделать вывод о значительном изменении проблематики поддержанных научным фондом проектов. Так, граф, репрезентирующий концептосферу ПрО ЯЗЫКОЗНАНИЕ на основе анализа поддержанных исследований в 2010 г., свидетельствует о доминировании "традиционных" для российской лингвистики типологических, исторических, этнолингвистических направлений в изучении ЯЗЫКОВ МИРА. Граф, отражающий состояние исследований в 2015 г., имеет более сложную структуру, в которой выделяется несколько секторов: 1) "традиционных" исследований (с заметным снижением частотности соответствующих терминопольей и связей между ними), 2) значительное увеличение доли когнитивных исследований и "сектора" психолингвистики (с терминопольями РЕЧЬ, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ), 3) более активное обращение к проблемам ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ И ПРАГМАТИКИ, а также ТЕКСТА И ДИСКУРСА. Кроме того, следует выделить еще две важные тенденции: а) рост

научного интереса к методологии исследований и б) формирование устойчивого запроса на информационные продукты, представляемые по результатам НИР.

Проведенное исследование демонстрирует значимость результатов сопоставительного анализа состояний информационного пространства отдельной ПрО: даже небольшой временной период отражает значительные структурные сдвиги в концептосфере предметной области, в том числе в определении доминирующих направлений и в прогнозировании состояния науки. Поэтому результаты могут использоваться в контексте поиска новых форм, методов, инструментов эффективного планирования научной деятельности отдельных исследователей или научных коллективов.

Исследование выполнялось при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-06-06373а).

Литература

1. Белоусов К.И., Баранов Д.А., Зелянская Н.Л. Научный коллектив и его предметные области (к вопросу о методах эффективного планирования научной деятельности) // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. – 2014. – № 4. – С. 13-26.
2. Баранов Д.А., Белоусов К.И., Ичкинеева Д.А. Пространственные, временные и дисциплинарные аспекты распространения понятия ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС // Социо- и психолингвистические исследования. – 2015. – Вып. 3. – С. 152-167.
3. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

© К.И. Белоусов, 2014

Ж.А. Вардзелашвили

Грузинский технический университет, Тбилиси, Грузия

Исходная когнитивно-денотативная ситуация, суппозиции и модификация референтных связей концептуального множества

Новейшие лингвистические исследования, которые связаны с изучением механизмов категоризации и концептуализации внеязыкового мира, требуют исследовательских операций с построением сложных научных абстракций, что дает возможность описать, либо приблизиться к описанию того, что скрыто за движением артикулированной мысли.

Внутренняя структура отдельного слова рассматривается в данной статье как результат синхронизации когнитивных и языковых процессов, связанных с постижением фрагмента действительности. За общим именем, звуковым символом, стоят иерархически упорядоченные значения слова, различные ракурсы эмпирически или теоретически ос-

военной реалии (лексико-семантические варианты слова), которые отражают уровни постижения образа данного референта языковым сознанием народа. Напомним, что в лингво-когнитивных и лингво-культурологических исследованиях последних десятилетий слово наиболее частотно трактуется как концепт – единица, объединяющая понятие, значение, культурные символы, коннотации, связанные с именем, данным реалии в языке.

Мы понимаем эту условную единицу исследования как конструктивную сущность, имеющую имя в языке (номен, слово-номинатор), которая может быть представлена в качестве открытого лингво-ментального множества элементов, объединенных вокруг прототипического ядра. Прототипический элемент служит для верификации правомерности включения языковых единиц в данную структуру. Полученные данные подтверждаются дискурсивными фрагментами, анализом авторского идиостиля, частотностью словоупотреблений и т.п. В нашей методике прототипический элемент структуры выводится на основании компонентного анализа лексемы-номинатора.²

Таким образом, концептуальное множество, с одной стороны, представляет собой открытую структуру, расширяющуюся вместе с познавательным опытом, а с другой стороны, данная структура имеет ограничитель – константный прототипический элемент, который с различной степенью выраженности содержится во всех языковых экспликаторах концептуального смысла структуры.

Если адаптировать для целей лингво-когнитивного анализа математический термин «топологическая структура», то речь будет идти о некоторой фигуре в ментальном пространстве, которая образуется элементами, находящимися в «интуитивно ясном отношении близости» [2], но в которой «тем или иным способом определены предельные соотношения» [3]. Полагаем, что топологическая структура вербализованного концептуализированного смысла (пространство – ментальный лексикон абстрактной языковой личности) организована вокруг прототипического ядра, которое для укрупнения объекта может быть развернуто как когнитивно-денотативная ситуация. Представим, что в основе концептуализированного смысла лингво-ментального множества лежит некоторая исходная когнитивно-денотативная ситуация, которая формирует топологическую структуру. Данная структура открыта для дальнейшего ког-

²Вардзелашвили Ж.А.: «Языковая репрезентация когнитивных моделей» // Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. Международная конференция МАПРЯЛ. Сборник научных статей. Том I. Тб., 2005, с. 113-120; «Наносмыслы в компонентном анализе слова» // Славистика в Грузии № 4, 2003, с. 26-29.

нитивного развития (имеющееся знание+новое знание, понятое на базе уже освоенного), но имеет предельные соотношения. Логично допустить, что дальнейшее развитие концептуального смысла – это концептуальная модификация исходной когнитивно-денотативной ситуации, мотивированная логикой познавательного процесса и связанными с реальностью допущениями, конвенционально принятыми в конкретной лингвокультуре. За этим этапом во внутренней структуре знака может последовать семантическая модификация.

Проиллюстрируем эти теоретические тезисы на примере реконструкции исходной когнитивно-денотативной ситуации, связанной с универсальным лингво-культурным концептом «Деньги» на материале данных современного русского языка.

Для моделируемого множества инвариантным представлением, выраженным в форме слова, можно считать прототип «мера стоимости, капитал», установленный на основе компонентного анализа номена структуры, лексемы-номинатора «Деньги» по авторитетным словарям современного русского языка (БАС, МАС, Большой Толковый Словарь русского языка под ред. Кузнецова). Данный параметр, следуя базовым положениям лингвокультурологии, отражает специфический характер, традицию осмысления понятия и оказывает влияние на конструирование и моделирование факта действительности при помощи средств конкретного языка.

Семантический прототип находится с членами моделируемой структуры в отношениях «вариант-инвариант», которые в нашем понимании основаны на исходных суппозициях. Суппозиции в работе понимаются так, как это трактуется в Философском энциклопедическом словаре: «Суппозицией (лат. *suppositio* – предпосылка, предположение) в широком смысле называется и допущение, и допущенное. Суппозицией «называется также отнесенность слова, имеющего одно и то же значение, к областям, часто весьма различным...» [5].

Динамические изменения концептуально-вербальной структуры, основаны на когнитивной и языковой деятельности человека, развитии и компоновке элементов значений и смысла исходного прототипического начала, которое связано с областью концептуализированного знания. Анализируемое множество мы относим к концептам усложненного типа, т.е. оно является «сложной категориальной структурой основного референта, связывающей такие его «определители», как предметы, предметные свойства, состояния, действия, предметные ситуации и события, а также инвариантные отношения между ними» [4, 471]. Очевидно, это объясняет тот факт, что в современном обществе деньги все чаще рассматриваются как социальная метафора, как некий мост, поддерживающий взаимосвязи в социуме.

Если к ракурсу нашего исследования приложить понятийный аппарат логики, то разрастание концептуализированного смысла прототипа «мера стоимости, капитал» возможно на основании следующих суппозиций: 1) формальная/естественная суппозиция: деньги в собственном смысле слова; 2) материальная суппозиция: статус слова-знака в системе языка: деньги – имя существительное; 3) персональная суппозиция: заработать, достать, потратить, пустить на ветер; 4) простая суппозиция: деньги – разновидность капитала. Эти же суппозиции допустимо считать исходными для формирования прототипической/исходной когнитивно-денотативной ситуации концепта «Деньги», в которой заложен потенциал когнитивного деривационного функционирования.

Деньги – объект материального мира, который охарактеризован комплексом социально-детерминированных представлений, как универсальными, так и культурно-маркированными. Для выявления последних обратимся к русским паремиям, связанным с анализируемой концептуализированной областью. Анализ паремиологического фонда русского языка³ избранного поля (всего сорок пять единиц) дает основание сделать следующий вывод: нейтральное отношение к деньгам встречается в русских паремиях относительно редко (всего три). Они содержат сентенции, связанные с опытом обращения с деньгами, и основаны на уважительном отношении к деньгам, например: *Бог любит веру, а деньги счет*. Двенадцать паремий содержат положительную оценку денег и богатства, например: *После Бога – деньги первые*; семнадцать – отрицательную: *Богатство с деньгами, голь – с весельем*; тринадцать – двойственное отношение: *Деньги – склока, а без них плохо*.

Как свидетельствуют паремиологические тексты, в русском языковом сознании деньги и связанные с ними богатство и бедность осмысливаются как в прагматичном, так и в этическом аспекте, что дает интересный материал для культурологического анализа: объект материального мира vs. категория духовного мира.

Частотны паремии синкретичного содержания: *Тому живётся, у кого денежка ведётся (прагматичное осмысление)*; *Деньги искус любят (этическое осмысление)*; *От богатства брюхо пучит, а душу плющит (этическое осмысление)*. Сложность бытия объекта «деньги» объясняет антонимичность целого ряда сентенций, сравним: *Рубль есть – и ум есть; нет рубля – нет и ума* и *Не всякий умен, кто богато наряжен, а бывает с умом и бедный Пахом*.

³Материал отобран из сборников: Вл. Даль. «Пословицы и поговорки русского народа», М., 1998; В.П. Жуков. «Словарь русских пословиц и поговорок», М., 1968; Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь», М., 1980.

Приведенные тексты русских паремий дают возможность проследить формирование и деривацию аксиологического компонента исходной когнитивно-денотативной ситуации базовых суппозиций анализируемого множества в русском языковом сознании. Эти тексты свидетельствуют также о том, что объект «деньги», насчитывающий длительную историю бытования, сложился как коллективный смысл, в котором аккумулированы социальное, этическое и прагматическое начала. В процессе актуализации определенная часть концептуального содержания выдвигается на уровень актуального смысла в результате контрастирования с исходной когнитивно-денотативной ситуацией.

По нашим данным, в современном русском языке наиболее регулярными регистрами языковой экспликации деривационных процессов исходной когнитивно-денотативной ситуации концепта «Деньги» являются: а) словообразовательный: *деньги, денежный, денежно, безденежный, безденежье*; синтаксической транспозиции: *безденежный* (1. *Бедный, не имеющий денег, нуждающийся в деньгах (разг.). – безденежье (Недостаток в деньгах, отсутствие денег)*); б) метафорический/перифрастический: *хлеб, пот, капуста, зеленые, дерево, живые деньги, презренный металл, деньги уплывают*; в) фразеологический: *денежный мешок, денег куры не клюют, денег кот наплакал, деньги не пахнут, деньги на ветер*; г) терминологический/вариативная номинация денег: *чеки, боны, облигация, наличные, гроши, купюра, купоны, вексель, капитал, банкнота, денежная масса*; д) трансдеривационная неологизация: *долларизация, кредитка, неликвидность*; е) дискурсивный: «*Нравне с землей, водой, воздухом и огнем, – деньги суть пятая стихия...*» (И. Бродский. О Достоевском).

Модификация исходной когнитивно-денотативной ситуации связана с экстралингвистической ситуацией и носит системный характер. Разделяя точку зрения Л.В. Бабиной [1], предполагаем, что модификация связана с действием взаимосвязанных процессов: концептуальности композиционности и концептуальной интеграции. Действие названных процессов может быть основано на когнитивных механизмах сравнения (соположения), например: *деньги* → *денежный* → *деньжищи*, конструирования (достраивания), например: *деньги* → *нищий* → *побирушка* и развития (интеграции), например: *успех* = *деньги*, *свобода* = *деньги*, *слава* = *деньги*, *карьера* = *деньги*. Все эти механизмы обеспечивают концептуальную композиционность моделируемой когнитивно-вербальной структуры и включение в ее зону новых элементов, которые в данной лингвокультуре коррелируют с исходным смыслом.

Процесс концептуальной композиционности подтверждает тезис о структурной упорядоченности лингво-ментального множества, а процесс концептуальной интеграции – понимание феномена познания как

активной, целенаправленной и непрерывающейся деятельности человека.

Литература

1. Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №4. С. 86-91.
2. Большая Советская Энциклопедия, т. IX, 1978, 3-е изд., М.: Изд-во «Советская Энциклопедия».
3. Современный энциклопедический словарь. Топологическое пространство/TOPOLOGICHESKOE_PROSTRANSTVO; электронный ресурс, режим доступа: <http://encyclopediadic.slovaronline.com>; дата доступа: 20.11.2015.
4. Старовойтенко, Е.Б. (2001). Современная психология. М.: Изд-во «Академический проект». -544 с.
5. Философский энциклопедический словарь. Суппозиция: электронный ресурс, режим доступа: http://www.slovarik.net/filosofskiy_entsiklopedicheskij_slovar/page/suppozitsiya.3612; дата доступа: 20.11.2015.

© Ж.А. Вардзелашвили, 2015

Н.В. Васильева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Терминологические ловушки и терминообразование

Терминологи прошлых лет помнят так называемые требования к идеальному термину, сформулированные Д.С. Лотте (однозначность, краткость, точность, системность, отсутствие синонимов). Однако практика показала, что в действительности даже далекие от идеала термины вполне справляются со своей задачей в процессе профессиональной коммуникации. В настоящее время, когда термин, войдя в парадигму антропоцентрического и когнитивного терминоведения, стал восприниматься и трактоваться не только как номинативный элемент специальной области знания, но и как элемент когнитивной структуры профессиональной языковой личности, названные требования утратили свою релевантность. Представляется, что удачность терминотворческого процесса сейчас можно определить, исходя не из параметров «идеального термина», а скорее *in adverso*, т.е. понять, в каких случаях термин не является удачным. Поэтому мы вынесли в заглавие выражение «терминологические ловушки». Это выражение можно обнаружить в научных текстах, посвященных проблемам перевода, ср.[3], а также в публицистических текстах, как правило, оценивающих различные идеологии (типа *демократия*). Исходя из того, что ловушки можно расставлять, но можно и в них попадать, манипуляции с идеологемами можно отнести – как и многое другое в политическом дискурсе – к расставляемым ловушкам, т.е. манипуляционная (и закамouflированная) интенция исходит

от отправителя текста [4]. «Ложные друзья переводчика» в межкультурной коммуникации следует, очевидно, отнести ко второму типу ловушек, в которые попадает неисключенный толмач, переводя, например, нем. слово *der Schlack* как ‘шлак’, в то время как значение этого слова ‘слякоть; дождь со снегом’, а значение ‘шлак’ имеет слово *die Schlacke*.

На примере ономастической терминологии рассмотрим ситуацию в терминологическом образовании, связанную с терминологическими ловушками, в которые может попасть как создающий новый термин специалист, так и тот специалист, который терминами пользуется.

1) Интернациональные термины. Как ни парадоксально, но именно в интернациональном облике терминов, в частности, терминов на греко-латинской основе, кроются затруднения для взаимопонимания специалистов. Это связано, прежде всего, с тем, что из интернационального лексического фонда разными учеными извлекается одинаковое слово, но при создании термина используются разные лексико-семантические варианты или разные оттенки значения этого слова. Так, в русской ономастической терминологии термин *хрема* означает ‘собственное имя вещи’, при этом ‘вещь’ понимается только как артефакт («Шапка Мономаха»), а у западных славян этим термином обозначаются имена собственные и артефактов, и институций, и общественных явлений [5], т.е. налицо узкое и широкое понимание греч. слова *chrēma*, *chrēmatos* ‘вещь, предмет или дело’.

2) Нежелательный терминологический эффект может возникнуть при сбоях в категориальном значении терминологической модели. Это достаточно редкое явление; тем интереснее, что в англоязычной терминологии ономастики оно обнаружилось в одной из самых частотных моделей, а именно: в модели с категориальным компонентом *-онимия* ‘совокупность собственных имен, специфицированных первым компонентом’. Категориальный сбой выразился в том, что термины *patronymy* ‘патронимия’ и *matronymy* ‘матронимия’ означают не совокупность патронимов *resp.* матронимов, а принцип проприальной номинации, когда ребенок получает имя, производное от имени отца (патронима) или матери (матронима).

3) Терминологические затруднения возникают при попытках использования очень специфических индивидуальных терминосистем. Так, филолог А.А. Белецкий, будучи знатоком древних языков, построил свою собственную ономастическую терминосистему на элементах, максимально точно воспроизводящих значение греческих лексем. Данная терминосистема обогатила метаязык науки, но не вошла в практический обиход, поскольку этимологическая точность терминов сыграла роль терминологической ловушки. Например, для базовых понятий «имя собственное» и «имя нарицательное» А.А. Белецкий создает термины *эйдос*

ним и *геноним* (от греч. *eidos* 'вид' и *genos* 'род'). Термин *эргоним* (от греч. *ergon* 'дело, труд, результат труда') в системе Белецкого означал 'собственное имя произведения литературы и искусства'[1], в то время как в общепринятой в настоящее время терминологии это термин применяется для собственных названий деловых объединений людей. Подобные терминосистемы, однако, являются ценным свидетельством определенного типа терминологического мышления [2].

Кроме перечисленных терминологических ловушек, возможны ловушки на фонетическом уровне (неблагозвучие) и в стилистическом плане (двусмысленности). К описанной проблеме примыкают, на наш взгляд, также случаи порождения терминологических фантомов (терминологических «поручиков Кижее»), возникающие из-за непонимания (неполного понимания) текста или иноязычного термина.

Литература

1. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев.: Изд-во Киевского университета, 1972. – 208 с.
2. Васильева Н.В. О терминологическом мышлении // Когнитивные исследования языка. Вып. XX: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению: Сб. науч. трудов / Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 185-192.
3. Попкова Е.М. Arbitrazh vs arbitration: терминологические ловушки в русско-английском переводе реалий российской судебной системы// Филологические науки в МГИМО. Сб. науч. трудов. № 46(61). М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2011. – С. 98-111.
4. Фельдман Д.М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Форум: Неолит, 2015. – 480 с.
5. Knappová M. Namen von Sachen (Chrematonymie) II // Namenforschung: Ein Internationales Handbuch zur Onomastik. Bd. II. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. S. 1567-1572.

© Н.В. Васильева, 2015

Р.А. Газизов

БашГУ, Уфа, Россия

«Вежливые» частицы

в вербальном коммуникативном поведении немцев

В вербальном коммуникативном поведении немецкой лингвокультурной общности выработана разветвленная система языковых средств для проявления вежливого, уважительного отношения к собеседнику, поскольку в немецкой лингвокультуре категория вежливости представляет собой одну из значимых коммуникативных категорий, реализуемых при речевом/неречевом взаимодействии общающихся.

Среди наиболее употребительных лексических средств выражения вежливости можно выделить модальные частицы, которые используются чаще всего в составе побудительных высказываний. Именно частицы наряду с модальными глаголами представляют собой частотные средства для смягчения просьб и других речевых действий. Как образно отмечает Г. Хельд, «частицы принципиально направлены на создание коммуникативной общности. Они сглаживают конфликты, <...> смягчают «увесистые» иллокуции, редуцируют угрозы лица/имиджа, устраняют противоречия» [8, 7], сигнализируют «о чем-то непринужденном, вежливом и ни к чему не обязывающем» [6, 350].

К наиболее употребительным можно отнести следующие частицы: *mal, doch, halt, auch, vielleicht, denn, bloß, nun, nur, schon, etwa, ja* и др. Однако не все частицы используются для выражения вежливых речевых действий. Актуальными в аспекте вежливости являются прежде всего те частицы, которые употребляются в составе директивных высказываний (просьба, предложение, приглашение, совет).

Так, для выражения вежливой просьбы часто используются частицы *mal, doch, vielleicht*, а также комбинация из двух частиц, например, *vielleicht* и *mal*. К примеру, просьбу *Geben Sie mir das Buch!* (*Дайте мне книгу!*) можно смягчить и сделать вежливой следующим образом: *Könnten Sie mir **mal** das Buch leihen? / Leihen Sie mir **doch** das Buch! / **Vielleicht** leihen Sie mir das Buch! / **Vielleicht** leihen Sie mir **ja mal** das Buch!* [13, 11]. Ср. также употребление *vielleicht* (а) и *mal* (б) в следующих речевых актах просьбы:

- (а) “*Könnte ich **vielleicht** noch eine haben?*” *Sie deutete auf die Zigaretten. “Selbstverständlich”, ich stand auf und brachte ihr eine* [7, 245].
- (б) “*Darf ich **mal**?*” *Eine rothaarige Frau langte mit dem Arm vor mich und griff nach dem Waschpulver* [там же, 279].

Встречается также сочетание частицы *doch* с *mal*, направленное на смягчение иллокутивной силы директивных высказываний и понижение тем самым степени импозиции:

“*Gehen Sie **doch mal** beiseite, junger Mann.*”

Hans-Ullrich hatte mit dem Kopf geruckt, Angst [11, 117].

С употреблением модальных частиц в составе речевых высказываний связана реализация некоторых стратегий вежливости, служащих удовлетворению потребностей как позитивного, так и негативного лица адресата. Необходимость использования коммуникативных стратегий вежливости в речевом общении продиктована тем, что каждый человек «постоянно нуждается в признании, в устойчивой и, как правило, высокой оценке собственных достоинств, каждому из нас необходимы и уважение окружающих нас людей, и возможность уважать самого себя» [2, 88]. В этом случае у человека порождается «чувство уверенности в

себе, чувство собственной значимости, силы, адекватности, чувство, что он полезен и необходим в этом мире» [там же].

Итак, при употреблении частиц в составе директивных речевых актов актуализируется, прежде всего, стратегия семантической минимизации импозиции, направленная на смягчение или избегание актов, пренебрегающих потребностями негативного лица адресата.

Данная стратегия вежливости также реализуется в речевых актах приглашения. Одним из средств выражения стратегии семантической минимизации импозиции служит частица *vielleicht*. В контексте вежливости у этой частицы особая функция, поскольку она создает дружелюбный тон, а вопрос не звучит как риторический [6, 354]:

Vielleicht gehen wir heute Abend ins Kino? (*Не пойдёте ли нам сегодня вечером в кино?*).

В приглашениях может использоваться частица *doch* (a), также в комбинации с частицей *auch* (b):

- (a) «*Ach*», sagte ich bittend, «lass dich **doch** von mir einladen! Ich hielt das für selbstverständlich, wir sind **doch** Freunde geworden. Lass dich einladen, wohin du willst, ich bitte dich» [1, 111].
- (b) Sie kommen **doch auch** mit? (*Вы же тоже пойдёте с нами?*).

Наряду с просьбами и приглашениями к побудительным речевым актам относятся речевые акты совета, в которых модальные частицы смягчают иллюкутивную силу импозитивов. К наиболее употребительным можно отнести следующие: *mal* (a), *vielleicht* (b), *doch* (c), которые часто употребляются в комбинации друг с другом (b), (c), (d):

- (a) „Das solltest du auch **mal** probieren.“
„Ja, danke für den Tip. Das versuche ich mal.“ [12, 112].
- (b) “**Vielleicht** solltest du **mal** bei Durach Rat einholen. Der lebt seit zwanzig Jahren enthaltsam, der ist fast schon ein sächliches Wesen. Vielleicht hilft er dir auch bei deiner Angst vor der Zeit.” [9, 162].
- (c) “Können Sie Jiu-Jitsu?” fragte er. Und da sie lachend den Kopf schüttelte: “Dann sollten Sie **vielleicht doch** mitfahren.” [5, 125].
- (d) “Das kann ich nicht entscheiden”, bedauert der Sprinter. “Aber frag **doch mal** den Chef. Willst du die Telefonnummer?”
Ich winke ab [16, 212].

Положение о том, что частицы выступают в качестве средств смягчения импозиции в побудительных речевых актах просьбы, совета и приглашения, релевантно также и для речевых актов предложения, ср. использование частиц *mal* (a), *doch* (b), *vielleicht* (c):

- (a) “Schön”, erwiderte ich. “Wollen wir **mal** den ‘Alten Kameradenmarsch’ runterhauen.” [14, 64].

- (b) *Harold atmete schwer durch, zündete sich eine Marlboro an und klopfte auf die Schachtel, damit eine weitere Zigarette herauskam. „Wollen Sie nicht **doch** eine?“*
„Danke, nein.“ [7, 74].
- (c) *Polowzew sagte befangen: „Herr Oberst, **vielleicht** dürfen wir Ihnen etwas anbieten? Ganz bescheiden zwar, aber nehmen Sie vorlieb!“ [15, 393].*

Некоторые модальные частицы могут использоваться также в экспрессивных речевых актах, например, при приветствии.

Так, в немецком коммуникативном поведении распространены так называемые «неожиданные приветствия» (Überraschungsgrüße), которые не являются «чистыми» приветствиями, но они способны выполнять их функции. Это такие варианты, как *Da bist du ja* (a), *Da sind Sie ja!* (b), *Da seid ihr ja!*, *Was machst du denn hier?* (c), *Wo warst du?*, *Wo kommst du denn her?*, *Auch hier?*, *Auch auf der Konferenz?*, выражающие приятное удивление человека по поводу неожиданной встречи. При этом употребление частиц *ja* и *denn* служит реализации стратегии преувеличения, направленной на выражение внимания, симпатии, демонстрацию подчеркнутого интереса. Подобные вопросы освобождают говорящего от приветствия партнера:

- (a) *Renate: Da bist du **ja**, Heidi!*
Heidi: Grüß dich, Renate! [3, 110].
- (b) *“Ach, Nelly, da sind Sie **ja**”, sagte er, al ser mittags kurz hineinging, um utter zu holen [7, 314].*
- (c) *Da tippt mir jemand auf die Schulter.*
„Judith?“
*„Mensch, Hagen, was machst du **denn** hier?“*
„Ich such dich die ganze Zeit. Wo warst du denn?“ [10, 285].

В свою очередь, некоторые из вышеперечисленных вариантов приветствия могут усиливаться лексико-синтаксической конструкцией *das ist **ja** schön / super / Klasse*, в составе которой употребляется усилительная частица *ja*, ср.:

*Martina: Hallo, ihr beiden! Das ist **ja** schön, dass ihr da seid. Kommt doch rein!...*

Peter: Hallo, Martina [4, 84].

Таким образом, модальные частицы, используемые для выражения вежливых речевых актов в вербальном коммуникативном поведении немцев, являются частотным лексическим средством актуализации некоторых коммуникативных стратегий вежливости, направленных, с одной стороны, на сохранение «позитивного лица» собеседника при помощи проявления повышенного внимания, симпатии, интереса к нему, с

другой – на сохранение «негативного лица» коммуниканта, т.е. на соблюдение его личной дистанции, проявление уважения к нему.

Литература

1. Гессе Г. Степной волк = Der Steppenwolf / H. Hesse; сокращ. текст, упражнения, коммент. Н.П. Агуреевой. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 176 с.
2. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. Перевод с англ. Татлыбаевой А.М. Вступительная статья Акулиной Н.Н. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
3. Alles Gute. Телевизионный курс немецкого языка. – М.: Фирма «Акция», 1991. – 288 с.
4. Beile, W. und A. Alltag in Deutschland. Übungsmaterial. 4. Auflage – Bonn: Inter Nationes, 1998. – 224 S.
5. Feuchtwanger, L. Erfolg. Drei Jahre Geschichte einer Provinz. Roman. – Berlin: Buchclub65, 1969. – 782 S.
6. Feyrer, C. Höflichkeitsstrukturen und Partikeln – Überlegungen aus transkultureller und translationsrelevanter Sicht // Gudrun Held (Hrsg). Partikeln und Höflichkeit. – Frankfurt am Main: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaft, 2003. – S. 341-365.
7. Franck, J. Lagerfeuer. Roman. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2005. – 335 S.
8. Held, G. Partikeln und Höflichkeit – oder: wie problematisch ist die Symbiose wirklich? // Gudrun Held (Hrsg). Partikeln und Höflichkeit. – Frankfurt am Main: Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaft, 2003. – S. 3-9.
9. Krausser, H. Die Zerstörung der europäischen Städte. Erzählungen. – Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. – 192 S.
10. Krausser, H. Fette Welt. Roman. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1999. – 320 S.
11. Kuckart, J. Der Bibliothekar. Roman. – Frankfurt/Main: Eichborn GmbH & Co. Verlag KG, 1998. – 255 S.
12. Lebert, B. Der Vogel ist ein Rabe. Roman. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2003. – 128 S.
13. Lüger, H.-H. Höflichkeit und Höflichkeitsstile / H.-H. Lüger // Höflichkeitstile / Heinz-Helmut Lüger. – 2., korrigierte Aufl. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. – S. 3–23.
14. Remarque, E.M. Drei Kameraden. Roman. – Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960. – 454 S.
15. Scholochov M. Neuland unterm Pflug. Teil II. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1961. – 412 S.
16. Wittler, T. Parallelwelt. Roman. – Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. – 312 S.

© Р.А. Газизов, 2015

Билингвизм и межкультурная коммуникация

В полиэтническом и полилингвальном пространстве (таковы почти все страны и регионы мира) *билингвизм* (владение двумя языками: своим родным и вторым, чужим – обычно языком-посредником) представляет собой один из основных способов бесконфликтного сосуществования разноязычных народов на одной территории (да и на разных территориях тоже). Феномен билингвизма заключается в том, что с его помощью вступают в языковой контакт люди разных национальностей – носители разных языков, далекие друг от друга по культуре, психическому складу, условиям проживания. Билингвизм является фактически единственным способом решения проблемы *языкового барьера* в полилингвальном мире, надежным средством регулирования межнациональных отношений, средством воспитания чувства толерантности у представителей разных национальностей по отношению друг к другу. Не случайно возник он в далеком прошлом и развивался все последующие годы как необходимое условие совместного проживания разноязычных народов. Совершенствуется он ныне в новом формате – в виде активного билингвизма, который предполагает свободное владение двумя языками.

В современном многоязычном мире существуют разные типы билингвизма. В Российской Федерации как основной тип (существуют и другие типы) распространен национально-русский билингвизм (первый компонент – родной язык представителя нерусской национальности, второй компонент – русский язык, используемый в качестве языка-посредника), который функционирует в более чем ста вариантах за счет варьирования первого компонента (башкирско-русский, мордовско-русский, чувашско-русский и т.д.). В этом типе билингвизма роль русского языка как языка-посредника настолько велика для россиян, что даже трудно представить сегодня нормальную жизнь нерусских народов страны без знания русского языка. Как государственный язык страны, русский язык выполняет прежде всего *консолидирующую функцию*: он объединил разноязычные и разнокультурные народы огромной страны в одну большую дружную семью, он обслуживает каждого гражданина страны во всех сферах его жизнедеятельности. Главное – владение русским языком раздвигает границы языкового общения нерусских граждан великой России. Знание русского языка создает возможность общения нерусскому населению страны не только с русским народом, но и со всеми другими народами отечества, приобщает их к духовным богатствам не только русского народа, но и других народов, дает возможность

знакомится с литературой и культурными достижениями не только русской нации, но и других национальностей страны, больше того, приобщает к мировой литературе и к достижениям мировой культуры (через переводы на русский язык); открывает нерусским народам выход за пределы своего региона, позволяет знакомить со своими достижениями других; и, пожалуй, самое существенное – открывает новые потенциальные возможности для их духовного развития через *диалог культур посредством русского языка*.

Поясним наше понимание сути последнего.

В современном полилингвальном и поликультурном мире ни один народ не может существовать в изоляции: каждый народ обращается к культурным достижениям других народов и делится собственным культурным опытом. Это приводит к взаимообмену и взаимообогащению культур, что получило название *диалог культур* или *межкультурная коммуникация*. В основе этого процесса лежит владение языками.

Язык – это не только средство общения, система знаков, используемых для обозначения предметов и явлений действительности, не только знаковый код, система знаков. Язык ещё – сокровищница культуры народа, говорящего на данном языке. «Язык – неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой предполагает изучение не только материальной и духовной культуры, но и проникновение в образ мышления нации, попытку взглянуть на действительность с точки зрения носителей данной культуры», – утверждают Р.Р. Замалетдинов и Г.Ф. Замалетдинова [1, 96]. Значит, владение национальным языком народа означает одновременно и владение его национальной культурой. Язык и культура, будучи двумя самостоятельными явлениями, настолько тесно взаимосвязаны и взаимодействуют, что предполагают друг друга, воспринимаются как две данности одного целого, как две стороны одного и того же явления. Такая тесная взаимосвязь языка и культуры проявляется в том, что вся культура живет и развивается в «языковой оболочке», отражается в языке, и в то же время язык является орудием создания и развития культуры, ее частью: с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры [6, 14]. Словом, язык является и продуктом культуры, и условием отражения культуры, является ее воплощением, и сам по себе является культурной ценностью. Следовательно, нельзя рассматривать язык в отрыве от культуры, а культуру – в отрыве от языка: *язык материализует культуру, а вся культура отражается в языке*. Значит, если человек как языковая личность формируется с помощью языка [8], то он одновременно формируется и как культурная личность.

Но здесь важно понять вот что. Язык и культура имеют национальный характер. Национальная природа языка и культуры связаны с понятиями «языковая картина мира» и «культурная картина мира». Реальный мир, существующий независимо от познания человека, отражается в сознании разных народов по-разному. Каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему видит мир и отражает это видение средствами своего языка. Словом, любой язык национально маркирован. Национальная маркированность языка проявляется не только в своеобразии фонетической, лексической и грамматической систем, но и в способах отражения картины мира и самой человеческой деятельности в сознании конкретного народа или человека [6, 93]. Язык отражает мировосприятие конкретной культурной общности. Именно в языке находит выражение национальный характер, психологический склад этноса, его история и культура. Словом, нет просто языковой картины мира, а есть только *национальная языковая картина мира*. Национальная специфика языковой картины мира объясняется не только структурными особенностями каждого языка, но и *национальным своеобразием культуры* народа, говорящего на данном языке [4, 44]. У каждого народа своя национальная культура – этнокультура [1, 17].

Из признания национального характера языка и культуры вытекает следующий очень важный вывод: поскольку язык и культура органически взаимосвязаны, то овладение вторым языком означает *вхождение в другую культуру*, усвоение образа мышления, мировидения, нравов, обычаев, менталитета народа – носителя данного языка, что способствует в конечном итоге формированию *вторичной языковой личности* [3, 76]. Такая личность в состоянии пользоваться средствами обоих языков в соответствии с отражаемой ими языковой картиной мира, способна адекватно понять чужие мысли и точно передавать свои собственные устно и письменно на любом из двух языков. Такую личность можно назвать *билингвальной (двуязыковой)* личностью. Естественно, она формируется в условиях билингвизма (активного билингвизма). Именно билингвальная личность в состоянии успешно реализовать *межкультурную коммуникацию*, под которой понимают «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [2, 26], «общение людей, представляющих разные культуры» [5, 14]. В основе этих определений лежит идея правильного взаимопонимания как необходимого условия успешности коммуникативной деятельности людей – носителей разных языков и принадлежащих к разным национальным культурам. В наших условиях – в многонациональной и многоязычной Российской Федерации, в том числе в Республике Башкортостан – в основе успешной межкультурной коммуникации лежит владение нерусскими народами русским

языком как языком-посредником, являющимся вторым компонентом национально-русского билингвизма. В этой связи возникает методическая проблема успешного формирования билингвальной личности (по определению В.В. Воробьева «второй языковой личности»), а также проблема формирования у билингва межкультурной компетентности, от степени которой зависит успех межкультурной коммуникации.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. – М.: Academia, 2002. – 278 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 138 с.
3. Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие. Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: Ладомир, 2006. – 286 с.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
5. Елизарова В.Г. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб: КАРО, 2005. – 352 с.
6. Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии: Курс лекций. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с.
7. Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Р. Язык и культура: Проблемы и перспективы исследований. // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г.Уфа, 27 ноября 2015 г.). Часть 1. /ответ. ред. Р.Б.Ахмадиев, Р.Я. Хуснетдинова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 58 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. /Отв. ред. член-кор. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

© К.З. Закирьянов, 2015

Г.Г. Ишимбаева
БашГУ, Уфа, Россия

Особенности военного дискурса в романе Э.-М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»

В предисловии к своему знаменитому роману Э.-М. Ремарк написал: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов» [1, 3]. Заявленный тезис получает выражение прежде всего в специфическом военном дискурсе этого романа.

Ремарк, призванный в армию в 1916 г., в течение полутора месяцев 1917 г. служивший на Западном фронте и после ранения попавший

до конца войны в госпиталь, через 10 лет после окончания войны написал автобиографический роман, где от имени целого поколения говорит вчерашний школьник девятнадцатилетний солдат Пауль Боймер, который, как и его одноклассники, под влиянием речей наставника Канторекка отправился добровольцем на фронт.

Думается, выбор именно такого автора-повествователя связан с тем, что Ремарк, в 1915 г. обучавшийся в католической учительской семинарии, а после войны некоторое время работавший учителем, знал изнутри немецкую школьную программу с ее консерватизмом и дрессурой.

Настроенный против педагогической тирании, Пауль Боймер увлечен литературой, биологией и зоологией. Попав на фронт, он склонен к демонизации и космизации войны. И его эмоционально-духовное состояние отражается на особенностях исповедальной интенции.

Свой коммуникативный замысел он реализует, основываясь на небольшом жизненном опыте и приобретенной военной практике. Боймер отправился воевать в качестве единицы коллектива, с которым сроднился за десятилетие школьной жизни и с которым разделяет разочарование открывшейся пропастью между высокими словами учителей и страшной реальностью войны.

Говоря «я», он всегда имеет в виду «мы» всего поколения, погубленного войной, с «рухнувшим мировоззрением» [1, 8]: «Мы еще не успели пустить корни. Война нас смыла» [1, 11]. По мере того, как он теряет своих однополчан, все отчетливее проступает в потоке его сознания съезживающееся «мы», стремящееся к одинокому «я», к той мысли, что чуть позже будет сформулирована Х. Фалладой – «каждый умирает в одиночку».

Ремарк тяготеет к экспрессивной стилистике и воссоздает ситуации артобстрела, боя, штурма, ночной разведки, ранений и смертей, окопных и госпитальных будней и т.д., а также эпизоды, связанные с пребыванием героя в отпуске.

Примечательно то, что, во-первых, в сознании отпускника Боймера возникают весьма символические ассоциативные образы: все вокруг видится ему «мягким, как резина», а мускулы – «дряблыми, как вата» [1, 67]; во-вторых, официальный дискурс войны существует в иронических контекстах. Например, когда какой-то старик называет отъезжающих на фронт вчерашних школьников «юными героями» [1, 22], тут же следует уточнение Боймера: накануне они совершили свою «кровавую месть» унтер-офицеру Химмельштосу, поэтому держатся молодцевато.

Приближаясь к передовой, они становятся «полулюдьми-полуживотными» [1, 25]. Найденное сравнение будет повторено не единожды: «Мы превратились в опасных зверей» [1, 48], – говорит Боймер

и сравнивает новобранцев, которые еще не постигли законов войны, с «баранами», «зайцами», «несчастливыми щенятами» [1, 54], а всех солдат скопом называет «серой скотиной» [1, 105], «мыслящими животными» [1, 108].

Общая тональность романа Ремарка минорная, определяемая тем, что здесь представлен мартиролог, который ведет главный герой и который заканчивается его собственной гибелью в октябре 1918 г. «На Западном фронте без перемен» в жанровом отношении – плач по убиенным мученикам Первой мировой войны.

Авторская ламентация совпадает с настроениями Боймера и его товарищей. Чувствующие фальшь и лицемерие официоза, пытающиеся скрыть нежные сердца за маской сквернословов и похабников, они чужды миру, долгое время боятся облекать свои мысли в слова и лишь перед смертью приходят к социальным выводам о том, кому нужна война и о том, что государство и родина не одно и то же. Единственным их великим приобретением стало то, что Боймер назвал «чувством взаимной спаянности», на фронте переросшим в «товарищество» [1, 13], которое, однако, не спасло их от крушения.

Таким образом, военный дискурс романа «На Западном фронте без перемен» создает особый мир со своей грамматикой, лексикой, правилами словоупотребления, позволяя его эксплицитному автору ретранслировать социальный и общественный опыт, модели речевого поведения всего «потерянного поколения».

Литература

1. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен // Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. Возвращение. – М.: Художественная литература, 1988. – 399 с.

© Г.Г. Ишимбаева, 2015

Е.А. Морозкина, З.М. Сафина
БашГУ, Уфа, Россия

Бифуркации в художественном дискурсе

Одной из основных категорий в коммуникативной лингвистике является дискурс, допускающий, как и любое широко употребляющееся понятие, множество научных интерпретаций.

Как известно, выделяют три основных подхода к трактовке термина «дискурс». Первый подход, осуществляемый с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс как язык выше уровня предложения или словосочетания [11, 1]. Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложе-

ний, находящихся друг с другом в смысловой связи [2, 170]. Второй подход дает функциональное определение дискурса как употребления языка [7, 1]. Этот подход предполагает обусловленность функций дискурса функциями языка в широком социокультурном контексте. Третий вариант определения подчеркивает взаимодействие формы и функции и определяет дискурс как высказывание [8, 65]. Это подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры, превышающих предложение, а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Подобное широкое употребление термина "дискурс" сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе [4, 59]. Таким образом, с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста [1, 8].

Исследователи выделяют различные типы категорий дискурса: бытовой, научный, художественный и т.п. Литературно-художественный дискурс представляет собой совокупность художественных произведений, выступающих результатом взаимодействия авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций реципиента. Реализация художественного дискурса в сложном тематическом единстве неопределенного множества литературных произведений, находящихся в тесном и динамическом взаимодействии в пределах соответствующего культурно-исторического контекста, дает основание говорить о существовании различных видов литературно-художественного дискурса [5, 18]. Определение дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает наличие интегрированных моделей обработки дискурса. Одной из таких моделей, на наш взгляд, могут выступать принципы фрактальной лингвистики. Особый интерес в этом отношении представляет приложение теории бифуркаций к анализу фрактальной структуры художественного дискурса, что должно способствовать «раскрытию его смысла или смыслов, выраженных в совокупности языковых знаков» [22, 86], языковых единиц и структур и экстралингвистических явлений. Интерпретируя художественный текст, необходимо «раскрыть смыслы, не выраженные эксплицитно в тексте, и осознать, к какому выводу хотел подвести читателей автор» [22, 87].

Понятие «бифуркация», свободно используемое и интерпретируемое в разных контекстах, пользуется сегодня особой популярностью. Термин происходит от лат. *bifurcus* – раздвоенный и употребляется в широком смысле для обозначения всевозможных качественных перестроек или метаморфоз различных объектов при изменении параметров, от которых они зависят.

Основы теории бифуркаций были заложены математиками Анри Пуанкаре (H. Poincaré) и А.М. Ляпуновым на рубеже XIX-XX веков. Важнейший вклад в ее развитие был сделан в 1937 году А.А. Андроновым и Л.С. Понтрягиным. Под бифуркацией в точных науках понимают перестройку установившихся режимов движения в системе. Значения параметров, при которых происходит перестройка, называются бифуркационными значениями параметра (или точкой бифуркации). При непрерывном изменении параметров могут возникать каскады бифуркаций [6, 87]. И.Р. Пригожиным было установлено, что в процессе эволюции некоторых сложных систем чередуются устойчивые и неустойчивые области [6, 235]. В устойчивых областях, где доминируют детерминистические законы, система имеет один путь развития и ее поведение полностью предсказуемо. В неустойчивых областях, вблизи точек бифуркации, перед системой открывается возможность выбора нескольких вариантов будущего развития. В качестве причин, вызывающих потерю устойчивости, выступают временные изменения внутреннего состояния или внешние условия.

И. Пригожин и И. Стенгерс считают, что вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации (от лат. *fluctuatio* 'колебание' – любое периодическое изменение) или случайные элементы, которые вынуждают систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы. На эволюцию системы способны влиять даже ничтожные флуктуации, которые в «прочном», равновесном состоянии системы не могут влиять на неё. Так что заранее категорически непредсказуемо, как будет развиваться система, достигнув и проходя точку бифуркации: падет ли система в хаос или выйдет на новый, более высокий уровень порядка [10, 176]. Поведение системы в точке бифуркации подобно блужданию по лабиринту со множеством тупиков. "Выбор" пути развития осуществляется методом проб и ошибок до тех пор, пока она не "находит" оптимальный вариант.

В языке, как мы полагаем, проявляются некоторые свойства фрактала, что дает право рассматривать художественный дискурс как самоорганизующуюся систему. Для анализа нами был выбран роман Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна» ("Tender is the Night", 1934) [9]. С нашей точки зрения, художественный текст как систему можно рассматривать в «устойчивом состоянии», имея в виду определенную стабильность вектора развития, заложенную писателем. В определенный момент данная система приходит в условно критическое состояние, когда происходит изменение фрактальных характеристик, связанное с необходимостью приспособления к новым условиям развития. Подобно тому как жизненный путь каждого человека содержит множество моментов решающего выбора, своеобразную цепь бифуркаций, так и

герои романа в определенный момент теряют устойчивость и становятся чувствительными к влияниям внешних и внутренних сил. Так, до определенного времени жизненная линия главных героев Дика и Николь относительно устойчива и характеризуется смысловой доминантой устойчивости, духовной уравновешенности Дика и, напротив, слабости, болезненности и неустойчивости Николь. В точке бифуркации оба героя как бы меняются векторами развития: Николь обретает уверенность и жизненную силу, в то время как Дик переживает состояние неуверенности в себе и опускается в пучину пьянства и безысходности. Флуктуациями, повлиявшими на выбор путей развития героев, можно считать такие события, как выздоровление Николь и переосмысление Диком своего жизненного пути. Точка бифуркации обнаруживается и в сюжетной линии, связанной с второстепенными персонажами. Томми из друга Дика в определенный момент превращается в его врага и соперника. Розмэри также переживает момент бифуркации, когда наивная романтическая девушка становится расчетливой, бездушной представительницей шоу-бизнеса. Таким образом, сюжетная линия ответвляется, создавая многочисленные возможности и решения, возникающие не только из-за взаимодействий внутри системы, но также из-за ее предыдущего развития, характерного только для нее.

Таким образом, художественный дискурс - это многослойная, неоднородная структура, содержащая некие свойства фрактала, исследование которых позволяет наблюдать моменты бифуркации, выступающие как конфликтный срыв, узел взаимодействия между случаем и внешним ограничением в сюжетной линии героев. Дискурсивный анализ художественного произведения способствует проникновению в глубинные смыслы, заложенные автором.

Литература

1. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
2. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Московского университета, 1976. 309 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
5. Морозкина Е.А., Насанбаева Э.Р. Смысловая интерпретация художественного текста в герменевтической модели перевода//Вестник Башк. ун-та, 2013. Т. 18 № 1. С. 86 - 88.
6. Музыка О.А. Бифуркации в природе и обществе: естественнонаучный и социосинергетический аспект // Современные наукоемкие технологии. № 1, 2011. М.: "Академия естествознания", 2011. С. 87 -91.
7. Олизько Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе. Дисс.....д-ра филол.н. Челябинск, 2009. 343 с.

8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 471 с.
9. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge University Press. 1983. 283 p.
10. Drew P. Conversation Analysis // Rethinking methods in psychology. Great Britain. 1996. 214 p.
11. Fitzgerald F. S. Tender is the Night/<http://www.planetebook.com/Tender-is-the-Night.asp>
12. Prigogine. I., Stengers I. Order out of chaos. Man's new dialogue with nature. USA. Bantam Books, 1984. 349 p.
13. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Chicago: The University of Chicago Press, 1983. 279 p.

© Е. А. Морозкина, З. М. Сафина, 2015

Н.П. Пешкова
БашГУ, Уфа, Россия

Конфликт как развитие внутренних противоречий личности и его отражение в «контр тексте» при восприятии информации

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать экспериментальные данные, полученные с использованием метода «встречного текста» и связанные с пониманием и интерпретацией текстовой информации, с учетом некоторых понятий современной конфликтологии.

Как известно, данное научное направление занимается исследованием проблемы «конфликта» в самом широком смысле, начиная от **причин** его возникновения, механизмов и закономерностей развития и заканчивая последствиями конфликтной ситуации, как негативными, так и позитивными. В круг интересов конфликтологии входят субъекты, или стороны, конфликта, его социальные функции, а также возможности и способы предупреждения, локализации, минимизации и разрешения конфликта.

Нужно отметить, что в общем понимании конфликт представляет собой такое антагонистическое отношение между двумя или несколькими участниками действия, при котором, по крайней мере, один из участников стремится установить свое господство над социальным полем уже сложившихся или складывающихся взаимоотношений.

Конфликт часто рассматривают как проявление противоречий, объективных или субъективных, выражающееся в противоборстве сторон и остром способе их разрешения, приводящем к негативным или, возможно, позитивным последствиям. В некоторых определениях поня-

тия «конфликт» особо отмечается, что его развертывание сопровождается негативными эмоциями сторон конфликтной ситуации.

Современный научный подход к понятию «конфликт» предполагает изучение его как процесса, характеризующегося определенной структурой, включающей становление, развертывание, разрешение и предупреждение конфликтной ситуации.

Ю.В. Рождественский в своих работах рассматривает противоречие как речевое действие. Он выделяет три стадии в развитии противоречия, ведущих к конфликту. Это – различия во мнениях, противоречия в дискуссиях и прямая борьба в виде конфликтов в действиях [5].

Опираясь на подобные представления о противоречии, лежащем в основе любого конфликта, к нему можно отнести и такой диалог, в ходе которого проявляются различия сторон в той или иной форме, направленной на нанесение ущерба противоположной стороне.

Как нам представляется, диалог этот может быть и внутренним, например, в виде «контр текстов», т.е. наборов вербализованных реакций испытуемых реципиентов, которые мы получаем в наших экспериментах на понимание письменных текстов различных типов.

Как известно, «внутренний текст» продуцируется реципиентом в форме вербальных реакций при восприятии и понимании информации, поступающей в его вербальное сознание в форме либо устных сообщений при непосредственном общении, либо письменных текстов при опосредованной коммуникации, в процессе которой адресат информации ведет внутренний диалог с автором текста [2].

Согласно современной конфликтологии, так называемый «конфликтотенный потенциал» заложен в самой природе некоторых единиц языка, следствием чего и является его последующая реализация в речи. Таким образом, как единица речи письменный текст в целом, а также и его отдельные фрагменты могут провоцировать возникновение виртуальной конфликтной ситуации между автором и адресатами в процессах восприятия, понимания и интерпретации его содержания и смыслов. Подобная ситуация обеспечивает возможность моделирования и прогнозирования конфликта, возникающего как реакция на определенную информацию.

В процессе внутреннего диалога «адресат – автор» сторона, представленная автором, не преднамеренно или преднамеренно, в зависимости от коммуникативной задачи, воплощенной в тот или иной тип текста, может способствовать возникновению агрессивных вербальных реакций со стороны адресата.

Иными словами, автор текста может провоцировать возникновение конфликтной ситуации, используя определенную информацию, т.е. на содержательно-смысловом уровне, а также на вербальном уровне с

помощью разнообразных языковых средств, имеющих «конфликтогенный потенциал».

Адресат, в свою очередь, продуцирует конфликтогенные реакции, составляющие «контр-текст» в рамках общего «встречного текста», т.е. внутреннего диалога с автором. В этом случае «контр-текст» можно рассматривать как модель потенциального конфликта. В такой модели не только реализуются стратегии восприятия информации, свойственные тому или иному реципиенту, но и отражается его склонность к генерированию конфликта. Подобная склонность проявляет себя в форме реакций несогласия, по меньшей мере, или же по максимуму в виде словесного нападения, вербальной агрессии, порой доходящей до оскорбления и т.п.

Здесь следует еще раз напомнить, что в основе гипотезы «встречного текста» А.И. Новикова лежит представление об активной роли реципиента в процессе восприятия информации. Автор метода «встречного текста» справедливо отмечал, что адресат информации не может быть просто «экраном», на котором проецируется содержание текста, что он сам активно «строит «встречный текст», или «контртекст» [2, 65]. Наши экспериментальные данные многократно подтвердили тот факт, что реципиент практически никогда не реагирует на информацию текста пассивно, он генерирует ассоциации, высказывает мнения, часто контрмнения, оценивает содержание эмоционально или рационально, зачастую негативно, резко, в некоторых случаях агрессивно.

Мы уже упоминали в предшествующих работах о том, что «нейтральная» коммуникация невозможна в принципе. Если автор информации стремится, как минимум, осуществить перестройку категориальной структуры индивидуального сознания адресата, ввести в нее новые конструкторы [3], то последний старается, как минимум, защититься от подобного вмешательства, а как максимум, начинает нападать сам. Подобного противоречия достаточно для продуцирования небольшого конфликта.

Такая тенденция восприятия, связанная с механизмами защиты от информации и сопротивления навязыванию, явному или имплицитному, тех или иных представлений и фактов, является общей для процессов понимания и интерпретации текстов любого типа, о чем мы уже писали ранее [7]; [4]. Она прослеживается на экспериментальном материале, полученном при восприятии испытуемыми разных типов текстов, от научно-популярной и художественной литературы до Библии и современных гламурных журналов.

Как уже отмечалось, среди реакций, составляющих «контр тексты», можно найти и умеренные высказывания мнений и оценок, и выражения явной вербальной агрессии. Некоторые из таких примеров в

качестве иллюстрации к представленным ранее рассуждениям мы приводим ниже в порядке нарастания языковой агрессии.

– *Нереально. Тоже мне, теоретик!*

– *Глупости! Ему, точно, нечем было заняться!*

– *Это статистика для туристов! Наверняка, было немало слушателей, но о них умалчивают, как всегда.*

– *Деньги им девать некуда! Да лучше бы потратились на детские дома.*

– *Ненормальные они все! Да и дайверы эти ненормальные. На земле у них проблем нет, легко живется, их на дно океана тянет.*

– *Придурки! Богатые придурки!*

– *Идиот! Лучше бы придумал, как накормить голодных.*

– *Вот-вот. Про таких, как ты, всегда в народе говорили – из грязи в князи.*

Исследование общего поля реакций «контр текста» показывает, что они составляют значительную часть во внутреннем диалоге адресата с автором. По результатам последнего количественного анализа можно привести следующие цифры. Реакции общего «контр текста», полученные при восприятии информации из гламурного журнала достигают 45 %, научно-популярного текста – 40-42%, научного текста – 25 %, художественной литературы – 23-25%, фрагментов из Библии – 10-15%.

Однако нужно учитывать, что не все реакции «контр текста» носят явно выраженный характер конфликта. Как можно было видеть из примеров, одни из них выражают «умеренное» несогласие, другие передают негативную оценку, но также без явной вербальной агрессии. И лишь некоторая часть реакций носят открыто агрессивный характер, доходящий до оскорблений.

Здесь будет уместно вспомнить о том, что зачастую внешний конфликт может быть обусловлен внутренним конфликтом личности.

По современным представлениям, внутриличностный конфликт можно определить как острое негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой структур внутреннего мира личности, отражающее противоречивые связи личности с социальной средой.

Когнитивная психология, например, рассматривает внутриличностный конфликт через когнитивный диссонанс [6]. Подобный диссонанс представляет собой негативное состояние, возникающее в ситуации несоответствия знания и поведения, а также несовпадения двух или более знаний. Субъективно когнитивный диссонанс может переживаться как внутренний дискомфорт, который личность стремится устранить различными способами, в том числе и путем конфликта внешнего.

В некоторых зарубежных теориях внутриличностного конфликта в качестве его основы также рассматривается уже упомянутая нами выше категория противоречия, а также понятие психологической защиты как преодоления конфликта (А.Голднер, Р.Ассаджоли).

Нельзя не упомянуть, что в отечественной психологии одним из первых внутренние конфликты исследовал А.Р. Лурия, он интерпретировал внутриличностный конфликт как такую ситуацию, при которой в поведении индивида сталкиваются две сильные, но противоположно направленные тенденции [1].

Считается, что внутриличностный конфликт может проявляться в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. В когнитивной сфере внутренний конфликт личности может быть вызван противоречиями «внутреннего Я» и снижением самооценки, что зачастую сопровождается отрицательными переживаниями и эмоциональным напряжением, все это может проявляться в поведенческой сфере как общий негативный эмоциональный фон общения.

Как показывает наш анализ экспериментального материала, именно такой эмоционально негативный коммуникативный фон наблюдается и в реакциях вербальной агрессии, составляющих «контр тексты» испытуемых реципиентов.

Исследование всего поля вербальных реакций «внутреннего текста» реципиентов, включая локализацию «контр текста» внутри «встречного текста», позволяет выявить реакции, отражающие предрасположенность личности к продуцированию конфликтной ситуации, направленной вовне, в реальную коммуникацию.

В перспективе изучение таких «контр текстов» дает возможность прогнозирования конфликтных ситуаций как на основании индивидуальных стратегий и тактик восприятия информации испытуемыми, проявляющими склонность к языковой агрессии, так и с учетом источника воспринимаемой информации, потенциально провоцирующего проявление вербальной агрессии, приводящей к возникновению конфликта.

Литература

1. Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. – М.: Когито-Центр, 2002. – 527 с.
2. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – № 1. – 2003. – С. 64-76.
3. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М.-СПб: Питер, 2005. – 480с.
4. Пешкова Н.П. Механизмы речевого воздействия на языковое сознание: от сопротивления до подавления // Жизнь языка в культуре и социуме-5. – Материалы международной научной конференции. – М: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2015. – С. 223-225.
5. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. Под. Ред. В.И. Аннушкина – М.: Флинта, Наука, 2003. – 176 с.

6. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. – СПб.: «Ювента», 1999. – 318 с.

7. Peshkova N.P. Verbal Impact: Psycholinguistic and Pragmatic Aspects of the Problem // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society. – Volume 7, Part 1. – pp. 266-274. – <http://www.scientific-publications.net>.

© Н.П. Пешкова, 2015

Н.Н. Трошина
ИНИОН РАН, Москва, Россия

Языковые процессы в современной Европе

Языковые процессы, активно проявляющиеся сегодня на территории европейских стран, берут свое начало в веке XX под воздействием факторов, обусловивших изменения в экономической и, особенно, социокультурной жизни народов Европы. Самым главным фактором является глобализация, которая не могла не сказаться на языковых практиках и, соответственно, на различных сферах коммуникации. Следует, однако, уточнить, что с языковым аспектом глобализации европейцы сталкивались и раньше: «Достаточно вспомнить об эллинизации, латинизации, балканизации или арабизации большого гетерогенного ареала в древности и в средневековье» [8, 252]. Специфика современной глобализации, языковой опорой которой является английский язык в его американском варианте, заключается в ее масштабности, многоаспектности и информационном охвате различных областей деятельности человека, в результате чего наблюдается тенденция к нивелировке национальных особенностей различных культур и в проникновении английского языка в самые разные коммуникативные сферы.

Трудно спорить с тем, что этот процесс является самым ярким и определяющим языковым процессом в сегодняшней Европе, но не стоит забывать и о том, что процессу глобализации противодействует процесс регионализации (часто его называют «глокализацией»): «Для индивидуума связь с определенным регионом выполняет защитную функцию, она способствует налаживанию социальных связей и дает ощущение безопасности. Всё это проявляется в чувстве солидарности ('Мы'), в защите от всего чужого, от всех влияний извне, угрожающих целостности личности» [op.cit., 254-255]. Ощущение целостности личности связано с верностью своему родному языку, с желанием сохранить его. Поэтому неудивительно, что в сегодняшней Европе так стремительно развивается народная языковая рефлексия как проявление тревоги за жизнь и судьбу родного языка. Этот феномен составляет одну из важных черт глобализации и особенность современной языковой жизни, пишет А.В.

Кирилина в статье «Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации» [2]. Образуются союзы по защите языков, открываются сайты, возникают дискуссии в Интернете, растет число научно-популярных изданий, посвященных жизни языка.

Объединение Европы – это важнейшее политическое достижение, которое, однако, стоит всем европейским языкам, кроме английского, утраты своего коммуникативного престижа и своих позиций. В языковой сфере сформировалась оппозиция «английский язык – неанглийские языки» [3], которые постепенно превращаются в малые языки. Особенно остро это превращение переживают такие коммуникативно мощные языки, как немецкий и французский. Носители французского языка утешаются хотя бы тем, что их язык является рабочим языком в институтах Европейского Союза (хотя его реальное использование также сокращается). Носители же немецкого языка воспринимают вытеснение их языка из сферы международной политики как наказание за преступления национал-социализма, отмечает У. Аммон [10].

Специфику языкового развития в сегодняшней глобализирующейся Европе обуславливают две особенности: «ярко выраженная *динамичность*, с одной стороны, и несомненная *противоречивость*, с другой. Подобное сочетание не может не служить источником напряженности как внутриэтнической, так и межэтнической языковой ситуации. Причиной повышенной *динамичности* во многом явились экстралингвистические факторы и прежде всего огромные достижения научно-технического прогресса», считает Г.П. Нешименко [5, 38]. Эти достижения сделали возможным транснациональное общение, которое, в свою очередь, поддерживается адаптацией языковых средств к новой ситуации. Однако надо сказать, что такая адаптация проходит непросто, что проявляется, например, в трудностях унификации терминологии. Так, в октябре 2004 г. в Европейском Союзе (ЕС) развернулась дискуссия по поводу термина «евро»: «... пять новых членов ЕС пригрозили тем, что не подпишут европейскую конституцию, если им будет отказано в сохранении собственного обозначения этого денежного знака. Официальный протест, поддержанный Латвией, Словенией, Венгрией и Мальтой, принес представитель Литвы А. Бразаускас. Протест содержал требование сохранить характерные для этих языков версии обозначения этой денежной единицы: «“О” в конце слова “евро” противоречит системе литовского языка, т.е. это слово должно звучать как euras и иметь семь падежей и окончаний» [ор.сit., 64].

Противоречивость языкового развития на рубеже столетий состоит в том, что в этот период одновременно и форсированно действуют противонаправленные процессы интеграции и дезинтеграции, т.е. распадаются полиэтнические государства и возникают моноэтнические. Для

обозначения этого процесса К. Штайнке использует термин «глоттотомия» (рассечение языка). Такой процесс имел место, например, в Югославии, где «после распада федерации сербскохорватский язык утратил свой базис и были созданы новые государственные языки» [8, 255]. В таких случаях процесс культурной и языковой этнизации «осуществляется по триединой формуле ‘одно государство – один этнос – один язык’» [5, 40], т.е. «вопрос об идентичности выходит на первый план» [4, 65].

Последствия такого развития проявляются, в частности, и в том, что в Европейском Союзе признаны в качестве официальных 24 языка – сюда входят государственные языки тех стран, которые возникли как моноэтнические в результате распада полиэтнических государственных образований (Югославия, Чехословакия). Такое количество официальных языков вызывает практические и финансовые проблемы в функционировании институтов ЕС, что потребовало принятия ряда документов, учитывающих положения «Регламента № 1 об установлении языкового режима в ЕЭС» от 15 апреля 1958г. [11]. Сложность языковой ситуации в европейских странах обусловлена также существованием большого числа миноритарных или региональных языков (к ним относятся, например, ливский, корнский, доломитский ладинский, сардинский, фарёрский и многие другие языки), использование и защита которых обеспечивается «Европейской Хартией региональных языков или языков меньшинств» (1992).

Таким образом, европейский языковой ландшафт характеризуется исключительным разнообразием, т.е. бытованием языков, принадлежащих к различным языковым семьям: 1) индоевропейской семье – германские языки (например, английский, немецкий, шведский, норвежский, датский, нидерландский, фризский), романские языки (например, испанский, итальянский, португальский, румынский, сардинский, ретороманский), славянские языки (например, русский, украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, словенский, серболужицкий, хорватский, сербский), кельтские языки (например, ирландский, шотландский / гэльский), греческий язык; 2) финно-угорской семье (например, финский, эстонский, венгерский, вепсский, карельский); 3) семитской семье (мальтийский); 4) баскский язык (псевдо-изолированный язык, традиционно включаемый в состав палеоиспанских языков)⁴.

От языкового многообразия следует отличать многоязычие (полилингвизм, мультилингвизм), т.е. «одинаково свободное пользование индивидом, по крайней мере, тремя различными языками как обиходными в отличие от иностранных языков» [7, 132] см. также «Общевро-

⁴ Перечень языков неполный. – *Прим. авт. (Н.Т.)*

пейские компетенции владения иностранным языком, 2006» [6]. По данным опроса «Евробарометра»⁵ (Eurobarometer-Umfragen), среднестатистический житель Люксембурга в наибольшей степени соответствует идеалу европейца, т. к. владеет тремя языками: французским (он играет главную роль в общественной коммуникации), немецким (на нем проводится обучение в школе) и летцебургским (язык бытового общения), сообщается в статье Х. Такахаша «Языковая политика малого государства в ЕС: Люксембургский трилингвизм и его перспектива» [15].

В 2008 г. «Общество немецкого языка» (Gesellschaft für deutsche Sprache) и Гёте-институт (Goethe-Institut) провели в Брюсселе конференцию под названием «“English only? Что будет с немецким и другими европейскими языками?»», на которой подчеркивалось, что международная и межнациональная коммуникация особенно интенсивно осуществляется именно через институты Европейского Союза, чему имеется ряд причин: 1) беспрепятственно осуществляется экономическое сотрудничество и передвижение граждан по территории стран-членов Союза (индивидуальная мобильность); 2) формируется единое европейское пространство высшего образования и научных исследований в соответствии с Болонским процессом⁶ (Болонский процесс); 3) ставится цель формирования широкой европейской общественности и общеевропейского медийного пространства [14], что в условиях языкового многообразия не просто сделать без введения единого языка. Кроме того, решение экономических вопросов, так или иначе, затрагивает и языковой аспект, так как связано с миграцией рабочей силы.

Вопрос о введении единого языка актуален для Европейского союза в следующих трех аспектах, которые называет У. Аммон в своей фундаментальной монографии «Роль немецкого языка в мире» [10]:

1) «для внутренней коммуникации в институтах Европейского Союза (рабочий язык ЕС); 2) для коммуникации между институтами Европейского Союза и гражданами этого Союза (официальный язык ЕС); 3) для коммуникации между гражданами Европейского Союза (lingua franca ЕС)» [op.cit., 770].

Для принятия решения по этому вопросу необходимо проведение референдума в европейских странах. Однако это представляется затруднительным, так как граждане Европейского Союза не проявляют долж-

⁵ Eurobarometer – организация, проводящая опросы населения в целях выявления общественного мнения в Европе. – Прим. авт. (Н.Т.).

⁶ Болонский процесс – процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Официальной датой начала процесса принято считать 19 июня 1999 года, когда была подписана Болонская декларация (Википедия).

ной заинтересованности в этом отношении, считая языковой вопрос несущественным (*eine Bagatelle*), с сожалением отмечает У. Аммон.

Наиболее вероятным кандидатом на роль *lingua franca* является, конечно, английский язык. Сторонники такого подхода видят в английском языке силу, которая может объединить и эмоционально сплотить народы Европы [12]. Эту концепцию критикует У. Аммон, указывая, что «это под силу родному языку в пределах одной страны, поскольку диалектная вариативность не препятствует признанию общего литературного языка в качестве ‘правильного’» [10, 266]. Такая языковая ситуация сложилась, например, в Германии. Однако добровольное признание литературного стандарта языка может быть затруднено, если язык повседневного общения и литературный стандарт сильно отличаются друг от друга, что показательно, например, для немецкоязычных кантонов Швейцарии, где в повседневности говорят на алеманском (западно-южнонемецком) диалекте (*Schwyzerdütsch*). Обиходно-разговорный язык как форма языка, существующая между диалектом и литературным языком, в швейцарской речевой практике отсутствует (в отличие от речевой практики в других немецкоязычных странах). И уже совсем нереальна объединяющая функция *lingua franca*, если на нем общаются народы-носители языков, принадлежащих к различным языковым семьям (см. выше). Так, немецкий язык был *lingua franca* в габсбургской империи (в Австро-Венгрии), но это не спасло ее от распада в конце Первой мировой войны.

При всем разнообразии мнений относительно превращения английского языка (в его американском варианте) в *lingua franca* для Европы приходится констатировать, что процесс идет именно в этом направлении еще и потому, что его поддерживает значительная часть молодежи. Не случайно, в социолингвистике последних десятилетий все большее внимание уделяется молодежному фактору, хотя категория «поколение» еще не введена в понятийный аппарат социолингвистического анализа. Э. Нойланд считает, что понятие поколения является ключевым для рассмотрения общественных движений и языковых изменений, что подтверждается также активным использованием понятия поколения в новейших исследованиях по истории языка, поскольку оно может быть соотнесено со временем появления и распространения языковых инноваций [13]. В распространении английского языка в качестве *lingua franca* для Европы заинтересованы, по наблюдениям У. Аммона, также носители миноритарных языков, так как это избавило бы их от необходимости осваивать еще и какой-либо другой язык, кроме английского [9]; [10].

Стремительное распространение английского языка в странах современной Европы ни в коей мере не опровергает того факта, что на-

циональные языки воспринимаются их носителями как непреходящая ценность и как нечто само собой разумеющееся. Сознвая важность этой константы европейского сознания, Европейский Союз принял лозунг «Единство в многообразии!», который предполагает сохранение богатого языкового ландшафта европейского континента.

Литература

1. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. – <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/148.htm>
2. Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. – № 2 (18). – 2013. – С.36-45.
3. Кирилина А.В. Немецкий язык и дискурс глобализации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – М., 2014. – Т. 11: Языковая системность и дискурсивные практики. – С. 11–22.
4. Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. – М., 2015. – 317 с.
5. Нешименко Г.П. К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 38 – 69.
6. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – Страсбург, 2003. – 256 с.
7. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. Михальченко В.Ю. – М., 2006. – 311 с.
8. Штайнке К. Глобализация – регионализация и лингвистика / Пер. с нем. // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 249–258.
9. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – B.; N.Y., 2014. – XVIII, 1296 S.
10. Ammon U. Thesen zur Abträglichkeit der EU-Sprachenpolitik für Deutsch als Fremdsprache // Der Sprachdienst. – Wiesbaden, 2009. – H. 1. – S. 16 –19.
11. Council Regulation 1. –<http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31958R0001:EN:HTML>
12. Gerhards J. Mehrsprachigkeit im vereinten Europa: Transnationales Kapital als Ressource in einer globalisierten Welt. – Wiesbaden, 2010. – 244 S.
13. Neuland E. Soziolinguistische Dimensionen (inter)generationellen Sprachgebrauchs // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 209 –223.
14. Schreiner P. Deutsch im Konzert europäischer Sprachen: Über die Sprachpolitik der EU und die Situation der deutschen Sprache auf europäischer Ebene // Der Sprachdienst. – Wiesbaden, 2006. – H. 4 / 5. – S. 41–51.
15. Takahashi H. Sprachenpolitik eines Kleinstaates in der EU // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 293–308.

© Н.Н. Трошина, 2015

Способы передачи риторической аргументации в буквальном переводе

Взгляд на буквальный перевод в науке длительное время характеризовался градацией между мыслями М. Гаспарова об оправданности буквального перевода на начальном этапе знакомства с чужой культурой и о том, что разные эпохи и разные читатели требуют разных переводов, причем более просвещённая и искушённая эпоха требует более буквального перевода, так как у нее есть потребность изучить, понять «чужое» и нет боязни «утрудиться» [2, 57]. С другой стороны, на новое понимание буквального перевода проливает свет утверждение В. Руднева о господстве синтетического перевода в сравнении с аналитическим и принадлежности национальных переводов на территории СССР к синтетическим.

Противопоставление аналитического перевода синтетическому теоретически было обосновано и реализовано Рудневым в переводе книги «Винни Пух» А. Милана и его работах «Винни Пух и философия обыденного языка» [4], «Морфология реальности: Исследование по "философии текста"» [5], «Прочь от реальности: Исследования по философии текста» [6]. Автор так формулирует задачу аналитического перевода: «...не дать читателю забыть ни на секунду, что перед его глазами текст, переведенный с иностранного языка, совершенно по-другому, чем его родной язык, структурирующего реальность». Задачу синтетического перевода Руднев видит в том, чтобы заставить читателя забыть не только о том, что перед ним текст, переведенный с иностранного языка, но и о том, что это текст, написанный на каком-либо языке. Суть концепции аналитического перевода обусловлена соответствием плана выражения плану содержания.

Анализ соответствия плана выражения плану содержания в плане влияния на отношения означающего и означаемого был осуществлён автором настоящей работы на материале точных и интерпретативных переводов Михаила Лермонтова Абаем Кунанбаевым [7, 331-338]. Автором были предприняты также попытки обосновать неслучайность преобладания стратегии буквального перевода в казахских переводах Лермонтова на основе сопоставления опытов Абая и других казахских поэтов и доказательства концепции буквального перевода в казахской литературе как аналитического. Так, было предпринято решение задачи – исследовать систему корреляций *свой / чужой* в стратегии буквального перевода как способа реконструкции *Другого*, узнавания *себя / своего*

в *чужом*, выстраивания идентичности *Другого*. [8]. Были проанализированы типы корреляций прямого и переносного значений казахских слов, что позволило установить их связь с отношениями означающего и означаемого. Принадлежность фактов художественного перевода явлениям культурного трансфера, влиянию, подражанию, типологической параллели, источнику и др. позволило расширить понимание о природе буквального перевода.

В результате такого подхода стало возможным объяснение неслучайности доминирования буквального перевода. Была охарактеризована корреляция *своего* / *чужого* как источника разных форм проявления национальной идентичности, типов связи между интерпретацией романтических образов в оригинале и национальными формами преломления в казахских переводах, что обусловлено ресурсами казахского языка в области семантической поэтики и индивидуальными особенностями стиля казахских поэтов. В ритмике и метрической организации буквального перевода было отмечено постоянство 4-стишия в строфическом репертуаре и способа рифмовки (*ааба+ввгв+ггдг+ееже*).

Следующим этапом изучения способов создания буквального перевода стало осмысление «чужого текста» [9]. Был реконструирован процесс пересоздания «чужого слова» и предметной изобразительной описательности посредством системы этикетных отношений, традиционной формульности казахского поэтического языка, обусловивших риторические фигуры текста.

В настоящей работе обоснование концепции буквального перевода как аналитического обусловлено способами передачи риторической аргументации. Актуальность такого подхода объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, это актуальность методологического порядка. Так, В. Аннушкин в качестве основной методологической ошибки при изучении и преподавании филологии называет выпадение из школьного и вузовского преподавания риторики [1, 33]. Между тем восстановление этого звена в преподавании русского языка и литературы выявляет необходимость выработки методологической базы, на которой может быть реализована интеграция риторики с историей и теорией русской литературы. Во-вторых, определение методологической базы предполагает включение в риторику вопросов художественного перевода. В-третьих, конкретизация теоретического содержания данного раздела с позиций отмеченной интеграции может быть сведена, в частности, к вопросам об изучении риторической аргументации в контексте речевого воздействия, механизма приобретения текстом аргументативных характеристик, стратегии аргументатора. В-четвёртых, сопоставительная база двух языков – русского и казахского – уточняет представление о методике преподавания риторики в билингвальной и полиэтнической среде. Такой

подход создаёт возможность расширения отмеченных Аннушкиным дефиниций риторики [1, 34] идей: риторика – учение о понимании и восприятии художественного текста. Соответственно дополняется и представление о риторической компетенции личности.

В подтверждение заявленных тезисов рассмотрим два примера буквального перевода стихотворения «Кинжал» Лермонтова (1838) (II) [3, 108] – Ильяса Джансугурова [12, 593] и Касыма Аманжолова [11, 58] в аспекте риторической аргументации, а именно: с позиций речевого воздействия, приобретения текстом аргументативных характеристик и стратегии аргументатора.

У Лермонтова аргументация символики воинского братства: «товарищ светлый и холодный» и вместе с тем как «залога» «любви немой» – сюжетная линия, которая делает его «примером бесполезным». Третий сюжетобразующий мотив – мотив «странника» как знака духовного скитальчества, этического поиска. Отсюда аксиология дружбы – ценность жизни заключается в постоянстве дружбы и любви, закалённой в огне битвы. Отсюда условность этнонимов «грузин» и «черкес» как персонификаций беспокойного Востока и клятвы и признания как способа воплощения воинской и любовной тем.

Две линии нарративного повествования о кинжале – в духе воинской повести и истории разлуки, атрибутируемой символом слезы «страдания, таинственной печали», определяют синтез двух способов приобретения текстом аргументативных характеристик кинжала как «примера» «бесполезного».

Аргументатор – повествователь, для которого способ оказания речевого воздействия обусловлен жанровой стратегией признания в любви к боевому оружию. Метонимичность образа возлюбленной: «лилейная рука», «светлая слеза – жемчужина страдания», «черные глаза ... Исполнены таинственной печали», вторичного по нарративной структуре, но основного и определяющего по силе эмоционального воздействия, становится базой для построения молитвенной, исповедальной, медитативной структуры повтора «как ты, как ты, мой друг железный».

Воспроизведение аксиологии дружбы у Джансугурова строится на внимании к переносному значению: *жолдасым өзіме аужал*, т.е. не просто товарищ мой, *аужал* – *опора*. Стратегия аргументатора и придание тексту аргументативного дискурса актуализирует для речевого воздействия этические понятия. Отсюда у переводчика дидактико-наставительный стиль. У Аманжолова кинжал – *серігім (спутник мой)*. Опора переводчика на прямые значения слов определяет его стратегию буквального перевода.

«Задумчивый грузин» у Джансугурова – *сақ (бдительный, осторожный)*. Значение погружения в состояние отрешённости продолжает

стратегию условности, абстрагирования, создания метафорической картины за счёт переносных значений слова. У Аманжолова сохранение прямого значения *ойшыл* (*задумчивый*), так же, как в оригинале, служит композиционной основой семантического параллелизма. «Черкес свободный» у Джансугурова осмыслен в категориях прямого значения: *еркін* (*свободный, вольный*), в то время как у Аманжолова *қаһарлы* (*грозный, суровый*) реализует переносное значение, апеллирующее к «грозному бою» оригинала. «Грозный бой» у Джансугурова передан в эмоциональной модальности – *тілеп жанжал* (*желая битвы*). Отсюда нивелировка лермонтовского мотива мести, сюжетно организующего тему возмездия как основы духовного единства и структуры метонимии: бойца, воина и его кинжала как друзей. *Месть грузина* у Джансугурова нивелирована, у Аманжолова сохранена. При этом Аманжолов избегает повтора, поскольку его черкес «грозный».

Сложность для перевода составляет «лилейная рука». Лилейная – белизной, нежностью напоминающий лилею, т.е. лилию (поэт., устар.) [10]. Например, «лилейные плечи» в «Руслане и Людмиле» А.С. Пушкина. Не имеющие единого этнического субстрата русский и казахский языки создают поле для стилистического маневра. У Джансугурова «лилейная рука» – *балауса қол*, т.е. рука юной девушки (в прямом значении «балауса» – росток зелени). Аманжолов перевёл как *сал білек*, в переносном значении, создав метонимию «нарядное запястье», т.е. рукав, прикрывающий запястье. Устаревшее значение слова «сал» как «нарядно, роскошно, изящно, модно» одетый [13, 548].

Риторическая аргументация оригинала основана на интерпретации страдания как темы верности. Помимо сохранения переводчиками образа «жемчужины страданий», у Джансугурова звукоподражание сердечного трепета «дір-дір» становится семантическим параллелизмом дрожания стали «при трепетном огне». А «остановившийся» взгляд у казахских переводчиков – взгляд всматривающихся глаз, в которых скопились непролившиеся слёзы (у Аманжолова), и пристальный взор (кадалганда) у Джансугурова. Корреляция прямого значения у Аманжолова с переносным у Джансугурова выявляют распространённую у казахов поэтическую формульность.

«Трепетный огонь» Лермонтова обретает у казахских переводчиков характер развёрнутой метафоры. Так, у Джансугурова метафора внутреннего огня стала композиционной основой мотива страдания: «*светлая слеза – жемчужина страдания*» переведена «*Ішкі өртім ұшқыны еді маржан*» (искра моего внутреннего пламени жемчужиной была). Аксиологический момент – *қасиетті жас* (святая слеза). У Аманжолова «*асыл от*» (благородное (светлое) пламя) и «*нұр сәулесі*»

(«лучи солнца» о глазах возлюбленной) воспроизводят аксиологические концепты как основу эстетического. Для стратегии аргументации в буквальном переводе значима этическая обусловленность прекрасного.

Риторическая фигура в финале оригинала создаёт речитативную интонацию за счёт клятвы («не изменюсь и буду твёрд душой») и повтора («как ты, как ты»). Если Аманжолов передаёт обещание твёрдости «айнымас жаным менің» (не изменится моя душа), сохраняет повтор «өзіндей, дәл өзіндей» (как ты, как ты), то Джансугуров, сохраняя буквально клятву оригинала: «я буду твёрд душой, не изменюсь», при создании повтора использует конструкцию риторического вопроса: «Сен қандайсың? Қандайсың, достым темір?» («Как ты, Как ты, мой друг железный»).

Абсолютно идентична метрико-ритмическая структура двух казахских переводов. В строфическом решении Аманжолов придерживается, как и Джансугуров, выбора 4-стиший, как и Абай и многие другие казахские переводчики Лермонтова, в то время как в оригинале 2 строфы. Способ рифмовки у Аманжолова тот же, что у Джансугурова: *ааба+ввгв+ггдг+ееже*, в то время как у Лермонтова *абаб + вгвгддеежжзжз*.

Таким образом, для передачи риторической аргументации в буквальном переводе значимо выявление стратегий понимания и восприятия. Реконструкции приёмов речевого воздействия, «поведения» аргументатора иллюстрирует приобретение текстом характера аргументативного дискурса.

Литература

- 1 Аннушкин В.И. Русская философия слова и современные науки о речи - слове - языке // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов X Международной конференции по риторике / науч. ред.-сост. В.И. Аннушкин, В.Э. Морозов. М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 30-35.
- 2 Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. – С. 29-61.
- 3 Ссылки на сочинения Лермонтова приводятся по изданию: Лермонтов М.Ю. Соч. в шести томах. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957 гг., римскими цифрами в скобках указан том. Том 2. - Том II. Стихотворения, 1832-1841. / Редактор II тома Н. Ф. Бельчиков. М., Л.: Издательство АН СССР, 1954. – 452 с.
- 4 Руднев В. Винни Пух и философия обыденного языка. М.: Аграф, 2002. – 127 с.
- 5 Руднев В. Морфология реальности: Исследование по "философии текста". М.: Аграф, 1997. – 207 с.
- 6 Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. - 432 с.

- 7 Уразаева К.Б. Михаил Лермонтов и Абай Кунанбаев: интерпретативные стратегии перевода (Ф. Шиллер, Дж.Г. Байрон, И.В. Гёте) // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики : сборник научных статей / Сост.: И.А. Киселева, Т.А. Алпатова, Ю.Н. Сытина. - М.: Московский государственный областной университет, 2013. - С.331-338.
- 8 Уразаева К. Множественность смыслов *своего* / *чужого* в стратегии буквального перевода (казахские переводы лирики М. Лермонтова). //Филолого-коммуникативные исследования-2015. Барнаул: АлтГУ, 2015. – *В печать*.
- 9 Уразаева К.Б. Казахские переводы М. Лермонтова: «чужой» текст и буквальный перевод // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Красноярск: издательство Сибирского федерального университета, 2015. – *В печати*.
- 10 Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка (онлайн версия).
- 11 Аманжолов Қ. Аудармалар. Екі томдық шығармалар жинағы. Екінші том. Аудармалар, дармалық шығармалар. / Құрастырған Д.Л. Аманжолова. Алматы: ТОО «Тенгри», 2001. – Екінші том. Аудармалар, дармалық шығармалар. - 424 б.
- 12 Өлендер мен поэмалар. Алматы: Қазақтың мемелекттік көркем әдебиет баспасы, 1958. – 627 б.
- 13 Қазақ тілінің сөздігі (Толковый словарь казахского языка / Жалпы ред. басқарған Т. Жанұзақов. Алматы: Дайк-Пресс баспасы, 1999. – 776 с.

© К.Б. Уразаева, 2015

Ф.Г. Фаткуллина
БашГУ, Уфа, Россия

Семантическая деривация в сфере глаголов деструктивного воздействия

Проблема семантической деривации является одной из важнейших в изучении лексической семантики. Решение этой проблемы связано с решением целого ряда задач: определения семной структуры лексико-семантических вариантов (ЛСВ), разграничения значений, установления внутрисловных и внешних связей, выявления закономерностей в строении внутрисловной парадигмы ЛСВ, особенностей путей их развития. Еще академик М.М. Покровский на заре развития семасиологии писал, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, а соединяются независимо от нашего сознания в различные груп-

пы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [5, 82].

Это обстоятельство и определяют актуальность изучения деривационного потенциала глаголов деструктивного воздействия – «одного из самых употребительных классов русского глагола» [7, 69].

Каждое слово в языке имеет присущую только ему способность к ассоциативно-смысловым переходам, взаимодействию с другими образами в сознании человека. Эта способность и есть семантический потенциал слова. Каждое слово путем реализации своего ассоциативно-семантического потенциала в речи наращивает число значений. Это делает возможной языковую коммуникацию, обуславливает принципиальную возможность семантического развития каждого знака и, соответственно, историческое развитие языка в целом. При достаточно частой и регулярной реализации в речи отмеченных особенностей явления функционирования могут социализироваться, перерастая в явления системности и закрепляясь в языке в виде самостоятельных лексико-семантических единиц. «Языковыми же предпосылками развития у слова новых значений являются дискретность его семантики, т.е. расчлененность на разного типа взаимодействующие друг с другом, внутренне упорядоченные семантические компоненты, диффузность семантической структуры» [7, 128].

Как известно, семантические связи между отдельными значениями одного слова не являются уникальными, они в определенной мере похожи у близких по значению слов. Эти слова способны развивать однотипные переносные значения, поэтому нередко они имеют похожие структуры отношений [3]. «Глаголы деструктивной семантики тоже принадлежат к таким словам: у них соотносительны не только деструктивные значения, но и другие значения, которые словари выделяют как переносные» [8, 92]. В наши задачи не входит полный анализ полисемии деструктивных глаголов, тем более что многие рассматриваемые глаголы имеют большой семантический объем. Так, у глагола *бить* БАС выделяет 9 самостоятельных значений, 8 оттенков, 22 употребления, 16 фразеологически связанных значений; у глагола *резать* – 13 значений, 21 оттенок, 5 употреблений и т.д.

В данной статье мы ограничимся наблюдениями над некоторыми достаточно типичными, регулярными значениями глаголов деструктивной семантики (в основном глаголов механической деструкции), поскольку метафоризация есть лишь дальнейшее развитие этого процесса на уровне образно-экспрессивной лексики.

Лингвистическая теория многозначности складывалась в основном на материале имен существительных. Исследования же глагольной полисемии проводились на примере лишь нескольких лексико-

семантических групп и отдельных глаголов. При обращении к нашему материалу привлекает внимание тот факт, что «деструктивные глаголы чаще всего подвергаются метафоризации, поэтому нами в первую очередь определены семантические сферы, продуктивные для образования метафор, рассмотрены изменения субъектно-объектных отношений при метафоризации, определены регулярные типы переносов, показано место метафоры, образованной от деструктивных глаголов, в создании языковой картины мира» [9, 241].

Как известно, метафорическая лексика пронизывает весь лексический состав языка. Даже язык точных наук не может обойтись без метафоры (А. Ричардс). Практически все слова реально или потенциально связаны с метафорой. Наименования, возникающие в результате метафорического переноса, суть порождение развития системы языка, основанного на действии закона асимметричного дуализма языкового знака. Метафорический перенос понятий является универсалией синхронической и диахронической семантики [2].

Метафорический перенос понятий базируется на присущей разуму человека операции сравнения различных сущностей. Использование метафорических понятий основано на применении синтеза, объединения в понятии представлений об окружающем мире при сравнении его реалий.

Метафора, как известно, рассматривается как одна из форм концептуализации, процесс, который выражает и формирует новые понятия. По своему источнику метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов [1, 5].

При анализе потенциальных способностей различных разрядов лексики исследователи отмечают, что большими потенциями в плане метафоризации обладает конкретная лексика, так как сложные мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми и конкретно наблюдаемыми. Это справедливо и в отношении к глаголам деструктивной семантики.

Наши исследования показали, что основным источником метафоризации является трансформация от конкретного к абстрактному. Возьмем, к примеру, глаголы механической деструкции: *резать, колоть, давить, долбить* и др. При их метафоризации происходит перенос или переброска лексем в другие классы, такие как эмоции, интеллект, социальные отношения. Например, в пословице *Обидное слово ранит сильнее, чем кинжал* мы наблюдаем метафорическую трансформацию из сферы физического в сферу межличностных отношений.

Лежащее в основе метафорического переноса сравнение связано с признаками, приписываемыми объекту сравнения сознанием языкового

коллектива или впечатлением от этого объекта (ср.: *Ткань **измочалилась** от носки.* – *Человек **измочалился** от забот.*).

Как известно, метафора выполняет в языке две функции: характеризующую и номинативную (иначе называемую идентифицирующей). Вероятно, характеризующая функция является исходной для метафоры, семантическая двуплановость которой затемняет ее предметную отнесенность.

При изучении глагольной метафоры необходимо учитывать подчиненность языковой метафоры общим закономерностям лексической системы языка, и к ее специфическим чертам относится прежде всего явная “антропоориентированность”. Регулярная «метафоризация возможна лишь там, где соответствующие объекты и явления действительности не просто связаны с познавательной деятельностью человека, но и являются предметом его непосредственного чувственного восприятия и способны порождать обратное представление» [7, 131].

В лексическое значение глагола входит содержание, приписываемое семантическим валентностям. Сложность классификации метафоры состоит в том, что на метафоризацию каждого глагола влияет изменение наполнения субъектной и объектной валентностей глагола. С этой точки зрения метафоризация глагола может быть результатом одного из трех семантических процессов. Рассмотрим их.

1. Перенос субъекта, обозначенного глаголом действия, из одной семантической сферы в другую (*Пчела **ужалила** меня – Он **ужалил** меня своими глазами; Девочка **режет** хлеб – Ваши ошибки **режут** слух*).

2. Перенос объекта действия, обозначенного деструктивным глаголом, из одной семантической сферы в другую (***кусать** хлеб – **кусать** собеседника; **изнашивать** одежду – **изнашивать** чувства; **стирать** надпись – **стирать** память*).

3. Изменения содержания действия при возможном сохранении субъекта (и объекта) (***сгибаться** от тяжести ноши – **сгибаться** от забот*).

Отсюда можно выделить следующие глобальные семантические сферы:

1. Объекты реальной действительности. Материальный мир.
2. Человек как физическое, психическое и социальное существо.

Исследуемые глаголы могут располагаться в идеографической схеме в соответствии с их местом в создании языковой картины мира. Исследование идеографического распределения является важным средством изучения всех явлений, связанных с коннотацией. В.Н. Телия по этому поводу пишет: «При исследовании ассоциативно-образной природы коннотации необходимо знать и происхождение образа – его идеографическое распределение. Так, трудовая деятельность вызывает эмпи-

рические ассоциации или экономические, взаимоотношение в социуме – социальные, поведение чаще всего этические, знание – исторические, ландшафт, явления природы – экономические и т.п. » [6, 108].

Соответственно денотаты распределяются следующим образом:

а) В семантическую сферу «материальный мир» входят деструктивные глаголы, описывающие нарушение целостности объекта, членение/изменения предметов (*обмелеть, портить, засохнуть, расстрескаться, рвать, мочалить, толочь, дробить, комкать*); температурные изменения (*выкипеть, растаять, расплавиться*); изменения состояния предметов в результате использования их человеком (*износиться, измочалиться, истрепаться, изорваться, затупиться*); глаголы проникновения внутрь объекта (*сверлить, прорезывать, пробивать* и др.); глаголы воздействия на поверхность объекта (*сглаживать, отпечатывать, утюжить, обтесывать* и др.); глаголы изменения функциональных свойств объекта (*острить, оттачивать, тупить* и др.). Для этих глаголов характерно образование производных значений, связанных с параметрами “способ действия” и “результат”. Например, для глагола *портить* характерно значение «нанести ущерб, привести в негодность, испортить благоприятное положение вещей»: *портить карьеру, портить жизнь, портить планы* и т.п.; для глагола *рвать* – “нарушить непрерывность, разъединить, расколоть”: *вырвать фразу из контекста, прервать молчание, тишину, переговоры; порывать отношения* и т.п.

б) Для характеристики сферы «человек как физическое и психическое существо» используются деструктивные глаголы, которые трансформируются в сферы эмоций, чувств, умственной и физической деятельности человека: (*крушатся надежды, грызет тоска, разжигать страсти, зажигать сердце, погасить страсти, затушить страсти, вянут чувства, выбивать и выкорчевывать навыки, отточить мастерство, вколачивать знания* и т.п.). Ср.: изделие *выковывается* из металла – человеком *выковывается* дело, *прожевывают* пищу – *прожевывают* слова. Ср. также: Подошел. *Просверлил* глазами, *вынул* душу, *положил на ладонь и внимательно осматрел* (Булгаков) и др.

Группу активного физического действия образуют глаголы, обозначающие производимое человеком при помощи орудия или без него воздействие на предмет (неодушевленный/ одушевленный), вызывающее какое-либо изменение в структуре или состоянии объекта:

а) глаголы нанесения удара (*бить, отшлепать, оглушить, полоснуть, уколоть*);

б) глаголы нарушения целостности объекта (*расчленить, разодрать, изорвать, разрезать*);

в) глаголы со значением «проникновение внутрь объекта» (*просверливать, пронизывать, выдалбливать*);

г) глаголы со значением «воздействие силой тяжести, массой» (*давить, мять, жать, ущемлять*) и т.д. Например: *На экзаменах сильно режут*; *Обида и жажда справедливости рвали ее сердце*; *В России прежде ломали немецкий, а теперь коверкают французский язык*; *В редакции срочно пекли материал к сдаче в набор*; *Голову сверлит тревожная мысль* (М. Булгаков).

Понятие инструмента (орудия) применяется для того, чтобы охарактеризовать участника, представленного косвенным дополнением в составе метафорических групп типа: *резать* кого-либо взглядом, *сверлить* кого-либо глазами. Это так называемый «метафорический инструмент». С точки зрения понятийного анализа, как указывает Дж. Лакофф, эти понятия можно классифицировать как способ психологического воздействия [4].

Прямое и переносное значение глагола совмещаются также в конструкции сравнения. «При сравнении отвлеченного понятия с конкретным глагол, выбранный в качестве основания для сравнения, в большей степени связан с образом сравнения, нежели с его предметом» [7, 75]. Сравнения не только обновляют традиционные образные связи, но и устанавливают новые. Образ сравнения представляющий собой обычное сочетание, мотивирует необычное сочетание предмета сравнения с глаголами деструктивной семантики, круг которых расширяется: *Жизнь перерублена, как канат* (И. Тургенев); *Жизнь нужно было тесать, как избы* (Шолохов, т.5).

Одновременно расширяется круг объектов действия. В качестве объекта конкретного действия при перечисленных глаголах используются многие отвлеченные существительные, среди которых на первом месте стоит слово воздух: *Крики рвали воздух* (М. Горький); *Воздух разрезан свистом* (В. Брюсов); *Еще свистки ломали воздух* (А. Блок).

Среди глаголов деструктивной семантики, сочетающихся с другими существительными, наиболее широкой сочетаемостью обладают глагол *резать* и его дериваты: *Свистом разрезая темноту* (А. Блок); *Гвалт охрипших голосов прорезала горластая бабья брань* (М. Шолохов). Однако и другие глаголы вступают в художественном тексте в необычные сочетания: *Перекраивать себя по новой – больно* (Р. Казакова).

Круг деструктивных глаголов, сочетающихся с отвлеченными существительными, расширяется благодаря разговорным и просторечным словам, которые могут отражаться в речи персонажа: *Полно вам вздор толочь*; *Вы меня замечанием этим как бы насквозь проткнули и внутри прочли* (Ф. Достоевский).

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о качественной неоднородности основного и производных значений, различающихся по семантическому содержанию, по положению в семантической

структуре слова, закономерностям их функционирования и парадигматическому положению. Качественное своеобразие производных значений по сравнению с основным определяет их особую роль в функционировании лексико-семантической системы языка, где они, обозначая различного рода переходные, субъективно значимые, случайные и временные явления, призваны, в конечном счете, увеличивать гибкость и выразительную силу языка.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. – М., 1988. – 339 с.
2. Гак В.Г. Номинация действия //Логический анализ языка: Модели действия. – М., 1992. – С. 77 – 84.
3. Иванян Е. П. Эвфемизмы русского языка. 2-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. - 151 с.
4. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. Пер. с англ. и нем. – М., 1996. – С 143–184.
5. Покровский М.М. Несколько вопросов в области семасиологии // Философское обозрение. – М., 1897. – Т. XII. – Кн. I. – С. 64 – 82.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, культурологический аспекты. – М., 1996. – 284 с.
7. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук.– Уфа, 2002.– 343 с.
8. Фаткуллина Ф.Г. Семантика деструктивных глаголов: учебное пособие/Фаткуллина Ф.Г. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. – 127 с.
9. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. – С.239-243.

© Ф.Г. Фаткуллина, 2015

Секционные доклады

А.З. Абдурахманова

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия

Категориальные признаки строительных конструкций и их объективация в англоязычной терминосистеме «Civil engineering»

Объекты и явления окружающей действительности отражаются в сознании человека в виде концептов в зависимости от их инвариантных и дифференциальных признаков, их количества и места в пространстве относительно других объектов. В работах В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, О.Н. Прохоровой концепт интерпретируется как объективируемая в языке когнитивная структура; это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [2, 90]. По мнению многих исследователей, объективация концепта выступает как его способность и обязательное условие существования. Так, М.В. Пименова считает, что «концепт объективируется различными языковыми знаками, разные авторы выражают одни и те же признаки концептов разнообразными языковыми средствами» [4, 12]. При этом, как подчеркивает О.А. Алимуратов, не все признаки концепта попадают в поле зрения говорящего, а лишь та информация, которая связана с репрезентируемой областью [1, 12].

Опираясь на данные положения, мы исследовали возможные морфологические признаки фрейма «building structures (строительные конструкции)» концептосферы «Civil engineering» с целью систематизации профессиональных знаний инженера-строителя. Концептуальная интерпретация фрейма «строительные конструкции» была осуществлена посредством изучения релевантных контекстов, классификации и систематизации ассоциативной информации, существующей в сознании специалистов вокруг этого концепта.

Морфологические описания очень важны для конструкционной и строительной деятельности при определении пространственных свойств объекта: расположения, размеров его частей и деталей. На них построены не только технические, но и некоторые художественные нормы проектирования. Так, когда говорят о «стилях», имеют в виду, прежде всего, морфологические свойства архитектурных форм, так что может сложиться представление, что именно к морфологии и сводится смысл архитектурной формы. Определение признаков требует фундаментальных

знаний рассматриваемой предметной сферы: чем глубже изучение области, тем более возрастает реалистичность и практичность дифференциации посредством терминологических единиц и их дефиниций. «Структуры знания, отраженные в термине, представляют собой интеграцию нескольких видов знания: знания об определенном фрагменте мира, знания о ментальных формах его отражения в сознании, о языковых формах его репрезентации, а также знания об оперировании языковыми единицами с целью обработки, хранения и передачи знаний» [3, 11-15]. В результате проведенного нами концептуального анализа англоязычной терминологической системы «Строительство» были выявлены корреляции между такими философскими и общенаучными категориями, как **функция, структура, пространство, форма, время**, и базовыми категориальными признаками исследуемой концептосферы и ее терминосистемы.

Центральное место занимает категориальный признак **функция**. Строительные конструкции характеризуются большим разнообразием функциональных типов и свойств. В зависимости от того, каким образом объекты используются или каково их целевое назначение, этот признак объективируется в следующих группах концептов:

- По функции среди пользователей (**function with users**): *museum (музей), pedestrian tunnel (подземный переход)*;

- По функции при установке (**function with an installation**): *railroad, boilerhouse*;

- По функции при учете фактора окружающей среды (**function with an environmental agent**): *seawall (волнолом), rainshed (противождядая галерея); snow shed (снегозащитная галерея); snow shield (снеговой щит); snow slide (обвал снега); snow protection hedge (снегозащитная изгородь); snow fence (снегоудерживающее ограждение); snow gallery (защитная от снежных лавин галерея); snow barrier (снежный вал); rain cap (навес от дождя); rain-gauge (дождемер); rain gutter (водосточный желоб); rain leader (водосточная труба); rain water pipe (водосточная труба); wind breaker (ветрогаситель); wind chamber (пространство между дверей при входе в здание)*.

- По внутренним функциям (**intrinsic properties**), которые проявляются в базовых функциях элементов конструкции. Это определяет важные конструктивные функции структуры здания, являющиеся особо значимыми в процессе проектирования: *building (здание); bridge (мост); mast (мачта); tunnel (туннель); dam (дамба)*.

Объективацию категориального признака **структура** в исследуемой терминосистеме находим в понятии **load-bearing structure (несущая конструкция)**, в которое входят *foundation (фундамент), beams (балки), column (колонна)*, т.е. те конструкции, которые воспринимают

силовые нагрузки. Понятия и термины, обозначающие остальные конструкции здания, задачей которых является изолировать пространство здания от внешней среды, разделять это пространство на отдельные помещения и защищать эти помещения и пространство здания в целом от всех видов воздействий несилового характера, отнесены к **ограждающим (самонесущим) конструкциям (enclosure structure)**: *partition (перегородка)*, *roofing (кровля)*, *windows (окна)*, *doors (двери)*. Также можно выделить **nonstructural components (неструктурный компонент)**, например, лабораторное оборудование, мебель, вентиляционные или электрические системы в отличие от структурных компонентов. В понятие **nonbuilding structures (нестроительные сооружения)** входит то, что сооружается вместе со зданиями, но зданиями не является: *storage tanks (резервуар для хранения топлива)*, *pressure vessels (сосуд высокого давления)*, *pipe support (опора трубопровода)*; *water towers (водонапорная башня)*; *chimney (дымовые трубы)*; *steel storage racks (стеллажи для хранения)*; *pier (волнолом)* и *wharves (пристань)*; *amusement structures (элементы аттракционов)* *roller coasters (горки)*; *electrical transmission towers (башни электрической передачи)*.

Ориентирование строительных конструкций и их элементов относительно друг друга – наиболее распространенный в строительной науке и практике тип **пространственных** отношений. Ссылка на стандартное расположение объекта относительно другого чаще всего содержится в дефиниции термина. Специфика взаимного расположения объектов может послужить дифференцирующим признаком, который в свою очередь может выступить критерием для выделения видовых понятий внутри родового. Более того, расположение объекта относительно другого может отражаться на внутренней форме термина: *подбалластная плита (roadbed base plate)* содержит указание на то, что объект расположен под каким-либо плотным балластным слоем другого материала (представляет собой железобетонную плиту, перекрывающую слабый грунт участка площадки земляного полотна железнодорожного пути). Как правило, указание на положение объекта во внутренней форме термина появляется с помощью дополнительных словообразовательных терминоэлементов. К ним можно отнести префиксы, указывающие на пространственную локализацию: **under-** (*undercarrying oscillation (поднесущее колебание)*); *undercutting tool (подрезной резец)*), **over-** (*overlap connection (соединение внахлестку)*), **inter-** (*inter-floor construction (межэтажное перекрытие)*); *inter-floor covering (неперекрытое)*), **out-** (*out of level (негоризонтальный, смещенный)*); *out-of-plane loading (внеплоскостное нагружение)*); *out-of-true (установленный не по отвесу и не по уровню)*; *outswinging casement (раскрывающиеся наружу створные переплеты окна)*). Признаком пространственных отношений могут также выступать

терминологические словосочетания с дополнительными словами: *beam over deck*; *structure under concreting*.

Категория **пространство** представляет собой одну из центральных категорий строительной терминосистемы: каждый строительный объект может быть интерпретирован с помощью пространственных характеристик, которые лежат в основе знаний о конструктивной системе. Выбор конструктивных систем – один из основных вопросов, решаемых при проектировании зданий.

Следует отметить, что любой строительный объект, определенная конструкция, ее элемент, деталь обладают признаком **размер**, что, как правило, получает выражение в метрических понятиях: *millimeter*; *centimeter*; *kilometer*; *inch*; *foot*; *yard*; *acre*; *gramme*; *kilogram*; *ounce*.

Категория **форма** выступает одной из первичных характеристик строительных объектов и часто описывается через геометрические фигуры. Разнообразие, присущее формам и фигурам, очень широко и многоаспектно: *straight embedment of anchorage* (прямая анкеровка арматуры); *straight joint* (соединение без шпунтов и шпонок); *straight joint* (сплачивание "впнутык"); *straight-line portion of curve* (прямолинейный участок кривой); *all-steel curved form panel* (цельностальной криволинейный опалубочный щит); *straight web sheet pile* (шпунтовая плоская свая); *straight web sheet pile* (плоский стальной шпунт); *straight weld on pipe* (приварное резьбовое соединение); *compound curve* (составная кривая); *curved beam* (криволинейная балка); *curved bottom chord* (криволинейный нижний пояс (фермы)); *beginning of curve* (начало кривой (в плане)); *bending curve* (упругая линия); *column curve* (кривая критических напряжений при продольном изгибе); *straight-shaft caisson* (свая-столб с вертикальными стенками (без уширения основания)); *straight-shank drill bit* (спиральное сверло с цилиндрическим захватом); *straight T-joint* (T-образное соединение без скоса кромок); *straight flight* (прямой лестничный марш). Строительные конструкции, элементы, детали актуализируются в большом числе различных форм, что приводит к полиморфизму.

Следует отметить, что строительные и архитектурные формы могут также дифференцироваться на основе категориального признака **время**. Категория времени репрезентируется через другие категории и понятия: например, стиля, исторической эпохи. Последние могут включать в себя имена собственные – антропонимы и топонимы как маркеры времени: *classical* (классический), *Roman* (романский), *Gothic style* (готический стиль); *New England Colonial* (новоанглийский колониальный стиль); *German Colonial* (немецкий колониальный стиль); *Georgian Colonial* (грузинский колониальный стиль); *Spanish Colonial* (испанский колониальный стиль); *Khrushchev-era apartment blocks* (хрущевка); *neo-classical Stalin-era building* (сталинка). Временной признак наиболее

явно репрезентирован в терминах, обозначающих различные строительные конструкции и их элементы.

Таким образом, на основе комплексного анализа терминов, которые являются номинациями строительных конструкций и их элементов, а также дефиниций этих терминов, представляющих концептосферу «Civil engineering», были выделены категории, объективирующие их структурные, функциональные, пространственные и количественные признаки. Вербализация концептов, включающих выделенные категориальные признаки, носит диверсифицированный характер.

Литература

1. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. 305 с.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
3. Новодранова В.Ф. Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей. Терминология и знание. Материалы III международного симпозиума. – М., 2013. С. 11–15.
4. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. 179 с.

© А.З. Абдурахманова, 2015

Л.А. Азнабаева, А.А. Анищенко
БашГУ, Уфа, Россия

Грамматический аспект эмпатии (на материале канонического диалога и интернет коммуникации)

Эмпатию, которую толковые словари кратко определяют как “мысленный перенос собственного сознания на другого” [9, 326] или “понимание чувств, потребностей другого, аффективная связь с другим, разделение состояния другого или группы” [2, 150], обычно относят к области психологии. Проблемой эмпатии занимались многие зарубежные и отечественные психологи: Зигмунд Фрейд, Карл Роджерс, В.В. Бойко, Т.П. Гаврилова, И.М. Юсупов и др. Между тем в последние десятилетия когнитивное направление в лингвистике позволило шире взглянуть на связь между языком и мышлением, вовлекая в лингвистические исследования и некоторые явления психического характера. Так, было отмечено, что в речи некоторые грамматические особенности высказывания могут быть вызваны проявлением эмпатии.

Напомним, что в современной психологии выделяют несколько видов эмпатии: эмоциональная, или аффективная (способность эмоцио-

нально реагировать), когнитивная (интеллектуальная), предиктивная (способность понимать и предвидеть), а также эстетическая эмпатия (вчувствование в художественный объект) [5, 429]. Диапазон эмоциональной нагрузки эмпатии может варьировать от более нейтрального эмоционального переживания до полного погружения в мир чувств партнера по общению.

В функциональном *синтаксисе* термин эмпатия возник в работах С. Куно в 70-х гг. 20 века. Эмпатия может варьироваться от объективного изложения события до абсолютного совпадения точек зрения говорящего и участника излагаемой ситуации: например, John asked Mary / Джон спросил Мэри – объективно; John asked his wife / Джон спросил свою жену – идентификация с Джоном; Mary's husband asked her / Муж спросил ее – с Мэри. В высказывании обычно бывает один фокус эмпатии, поэтому недопустимы фразы типа Then Mary's husband asked his wife / Тогда муж Мэри спросил свою жену (два фокуса) [6, 592].

Такая эмпатия может быть отнесена к когнитивной в классификации А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [7, 418]. Рамки использования понятия эмпатии в лингвистике расширяются, если рассматривать метапонятие фокус смещения эмпатии при «семантическом описании предикатов и лексем, отвечающих за языковую репрезентацию процессов восприятия» [4, 131].

Мы предположили, что подобная связь с грамматическими факторами может проявиться и в случае *эмоциональной* эмпатии.

Использование эмпатийных высказываний в речи, межличностном диалоге позволяет выделить три вида эмпатии: 1) грамматическая эмпатия как способ передачи информации при помощи идентификации говорящего с одним из участников высказывания; 2) интеллектуальная эмпатия – переход на точку зрения адресата высказывания; 3) сочетание интеллектуальной эмпатии с эмоциональной.

Первый вид эмпатии является чисто лингвистическим, поскольку он связан со структурой предложения, так как речь идет об «идентификации говорящего с участником или объектом сообщаемого события», изложения чего-либо с некоторой точки зрения, т.е. речь идет о различных членах предложения. Такая эмпатия может иметь место в высказываниях нарративного характера.

Во втором случае эмпатия употребляется с прагматической точки зрения. Например, как отмечает Г.А. Кривобокова, адресант в рекламном дискурсе «использует тактики эмпатии, описывая товар/услугу с позиции адресата рекламного текста» [3, 83]. Такой вид эмпатии используется в не- каноническом диалоге, в частности, когда адресант (политик, рекламодатель) обращается к широкому кругу адресатов.

В каноническом, межличностном общении, где присутствуют говорящий и адресат в ситуации речевого взаимодействия, требующей выражения сопереживания или сорадования, эмпатия проявляется главным образом эмоционально.

Цель данного исследования – определить содержательные конститuentы и формы влияния эмпатии на грамматическую структуру высказывания в межличностном диалоге.

Такой подход находится в русле антропоцентризма как одного из *актуальных* основополагающих направлений современной лингвистики.

В диалогической речи, где эмпатия проявляется значительно чаще, можно выделить следующие виды эмпатийной реакции, реализующейся в определенных грамматических формах.

(В качестве примера возьмем ситуацию, где от молодой соседки-коммуниканта ушел жених). **Эмоциональная** эмпатия, проявленная говорящим (сочувствующим соседом) в такой ситуации может содержать содержательные компоненты, выраженные при помощи следующих грамматических средств:

1) *объединяющая* замена местоимений: «вы», «я» на «мы». «А *мы*-то думали!» «Все *мы* можем ошибаться!»

В подобных случаях во французском языке происходит замена местоимения 1 лица мн. числа «мы» на определительное местоимение “*chacun*” – каждый или обобщающее выражение “*tout le monde*” – все. *Tout le monde peut se tromper* / Все мы можем ошибаться. *Chacun a son péché mignon* / Все *мы* не без греха.

2) имплицитное использование местоимения «ты» в значении *обобщения*: «Никогда не знаешь (ты), как все обернется!» «Никогда не думаешь, что может выкинуть твой самый близкий человек». В таких случаях местоимения «ты» «твой» могут использоваться и эксплицитно со значением «любой», «всякий».

On ne sais jamais se qui peut arriver / Никогда не знаешь (ты), что произойдет.

Здесь во французском языке для выражения обобщения употребляется безличное местоимение “*on*”.

3) *эгоцентрический* переход: «Со мной такое тоже было!», «Я бы не позволил так поступать со мной!». Целенаправленное смещение фокуса с адресата на говорящего происходит при использовании личного местоимения «я» единственного числа в именительном или объектном падеже. Использование сослагательного наклонения говорит о том, что адресат ставит себя на место собеседника, он даже признает, что и сам был в подобной ситуации.

4) высокая степень *эмоциональной вовлеченности*: Да как он смеет! Да что он о себе воображает!

Comment a-t-il pu faire ça?! / Как он мог с тобой так поступить?!

Oh! Si vous saviez! Je vous comprends tant! / Ох! Если бы вы только знали, насколько я вас понимаю!

Как видим, повышенная эмоциональность высказываний достигается путем использования восклицательных и вопросительно-восклицательных предложений и интенсификаторов (как, да как, насколько и т.п.) как в русском, так и французском языке. Эмпатийные высказывания во французском языке довольно часто включают восклицательные междометные реплики, которые иногда могут заменять само эмпатийное высказывание: *Ah bon! / Ах, вот как!* [1, 64-65].

5) В некоторых случаях, под влиянием эмпатии в диалогическом высказывании возникают *пропуски*: Да ты что (говоришь)?! Наш-то, хорошо! Пропуск слов говорит о высокой эмоциональности эмпатийного высказывания, которая свидетельствует о полной погруженности коммуникантов в ситуацию общения, высокой степени взаимопонимания.

Таким образом, эмпатизация может реализоваться в диалогическом высказывании в виде морфологических и синтаксических изменений. В первом случае речь идет о местоименных переносах объединяющей, обобщающей и эгоцентрической направленности. Во втором случае высказывания с эксплицитным отрицанием могут заменяться восклицательными предложениями с имплицитным отрицанием под влиянием эмпатийной эмоциональной напряженности.

Во всех вышеуказанных случаях эмпатия выражалась главным образом при помощи речевого акта *утверждение*.

Аналогичная ситуация в Интернете на французском языке выглядит иначе: пострадавшая чаще всего получает многочисленные эмпатийные отклики в виде сочетания речевых актов *совета* и *пожелания* или *утверждения* и *пожелания*:

Il faut laisser cooler / Нужно отпустить ситуацию.

Un peu de fierté! / Будь храбрее!

Объединяющий характер данных эмпатийных высказываний выражен безличной конструкцией *Il faut* (нужно), выделительным оборотом *C'est* (это). Такая эмпатия может быть отнесена к интеллектуальной.

Рассмотрим грамматический аспект данных сочетаний речевых актов:

совет+пожелание

Il faut bien entendu se respecter, cela est très important ! Bon courage à toi! / Нужно, конечно, уважать себя, это очень важно! Удачи тебе!

утверждение+пожелание

Je vis plus ou moins la même chose que toi, ta peine, je me suis pas mal reconnu dans ton récit. Allez, courage et je te souhaite le meilleur avenir

/ Я пережил примерно то же самое, что и ты, я узнаю себя в твоём рассказе. Ну же, удачи, желаю тебе всего наилучшего в жизни.

На лексико-грамматическом уровне в первом случае имеет место безличная конструкция с обобщающим значением *Il faut* (нужно), а во втором случае повторение местоимения *je* (я) свидетельствует об эгоцентричном переходе, когда фокус эмпатии смещен с адресата на говорящего. Посессивность, выраженная притяжательным местоимением *ta peine, ton récit* (твоя боль, твой рассказ) и ударным местоимением *toi* (ты), а также повелительное наклонение эксплицируют эмпатийное принятие и разделение чувств собеседника. Прошедшее время говорит о переживании говорящего подобной ситуации в прошлом (я понимаю тебя, со мной было то же самое).

Литература

1. Азнабаева Л.А., Анищенко А.А. Междометия как средство выражения эмпатии (на материале французского языка) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. № 2 (26). 2015. С. 63-68.
2. Гаврилова Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии. Исторический обзор и современное состояние проблемы. // Вопросы психологии. 1975. №2. – С. 147–156.
3. Кривобокова Г.А. Адресат как когнитивно-прагматическое основание аргументации в английском рекламном дискурсе // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. № 2 (26). 2015. С. 80-85.
4. Лось А.Л. Средства выражения эмпатии в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): ч. I. С. 131-135.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – СПб.: 2002. – 639 с.
6. Николаева Т.М. Эмпатия. // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под. ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1998. – С. 592
7. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: словарь. – М.: Политиздат, 2-е изд. – 1990. – 463 с.
8. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1-2-3. С. 47-56.
9. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 1944 p.1276.
10. Davis, M. H. Empathy: A social psychological approach / M. H. Davis. Boulder, CO: Westview Press, 1996. – 260 p.
11. <http://sentence.yourdictionary.com/think#IOjeO8qCQkcqb2Hl.99>
12. http://forum.aufeminin.com/forum/conflits/_f8193_conflits-Comment-quitter-quelqu-un-qu-on-aime.html
13. <http://www.psychomedia.qc.ca/forum/26865/page/1#thread-posts>

© Л.А. Азнабаева, А.А. Анищенко, 2015

Аббревиация в техническом тексте

Как известно, целью овладения иностранным языком на неязыковых специальностях считается сформированность профессиональной коммуникативной компетенции, что предполагает специальное обучение профессионально значимым навыкам и умениям в сфере будущей трудовой деятельности на базе научных текстов.

Языку научных текстов свойственны логичность, смысловая точность, объективность изложения, стереотипность – единообразие и устойчивость при организации языкового материала, распространяемая на широкий круг явлений: устойчивые лексические единицы, синтаксические конструкции и применение особого пласта лексики – терминологии. Терминология включает в себе пласт специальных терминов, которые отражают как уже существующие, так и только появившиеся понятия в той или иной отрасли науки и техники. В немецком языке данный пласт лексики обозначается как *Fachlexik*, *Beruflexik*, в английском языке – *LSP* (*Language for Specific Purposes*) и *ESP* (*English for Specific Purposes*), где *ESP* – скорее является средством приобретения профессиональных знаний, нежели целью обучения. Следует отметить, что термины подчиняются общезыковым законам словообразования, т.е. новая профессионально ограниченная лексика может быть образована посредством префиксации, суффиксации, конверсии, словосложения и аббревиации в том числе.

Аббревиация как способ словообразования представляет сложное, многогранное явление, уходящее своими корнями в далекое прошлое, так, еще римляне обозначали сотни буквой *C* (*centum*), тысячи – *M* (*mille*); в латыни употреблялись, например, сокращения *N.B.* – *nota bene* или *P.S.* – *post scriptum*. Распространение аббревиатур связывают с появлением в реальной действительности сложных денотатов, требующих для своего обозначения словосочетаний или сложных слов. Функция аббревиатуры в процессе коммуникации заключается в более экономном выражении мысли и устранении избыточности информации. В аббревиатурах информация передается меньшим числом знаков, заключающих в себе тот же объем информации, что и исходные единицы, т.е., мы имеем дело с оптимизацией речевого сообщения посредством создания предельно экономных и семантически емких номинативных единиц. Необходимо отметить, что различают 2 основных вида сокращенных слов: лексические сокращения (аббревиатуры) – сложносокращенные слова, образованные путем удаления части составляющих их письма или

от частей слов (the USA, die BRD, СНГ, Уфаорггаз) и графические сокращения, применяемые в письме сокращенные обозначения слов (usw, и т.д., кв.м). Лексические сокращения (аббревиатуры) функционируют как самостоятельные слова. Графические сокращения словами не являются, применяются только на письме и при чтении расшифровываются и читаются полностью.

Следует подчеркнуть, что единой классификации аббревиатур в лингвистике не существует. Так, В.В. Виноградова различает 8 типов сокращений: буквенные сложения, фонемные, буквенно-фонемные, слоговые, фонемно-слоговые, слоги-словные, слоги-словоформные, слоговые «телескопические». В основу классификации Э.А. Халифмана был положен родово-видовой принцип, где он разделяет аббревиатуры и усеченные слова. Е.А. Дюжикова подразделяет морфологические сокращения на три типа: слоговые аббревиатуры, инициальные аббревиатуры и сложно-слоговые аббревиатуры, в состав которых входят не только редуцированные части слов, но и полные слова. Сложно-слоговые аббревиатуры по морфологической классификации Е.А. Дюжиговой были разделены на собственно сложнослововые (BoulMich <Boulevard Saint Michel), сращения (smog < smoke + fog), накладки (bedventure < bed + adventure), вставки (askillity < ability + skill) и частично сокращенные слова (prepschool < preparatory + school) [1, 27-29].

При работе с научным (техническим) текстом студентам необходимо усвоение терминов по своей специальности. Часть терминов будет в обязательном порядке представлена аббревиатурными единицами. Для успешного использования данных единиц требуется осмысленный подход к «раскодированию» аббревиатуры. Так, аббревиатура ABC в английском языке имеет 21 значение, начиная от «основы» до “Automatic Brightness Control” – автоматической регулировки яркости, тем самым еще раз подчеркивая значимость контекста. Относительно более употребительных и однозначных ABS – *acrylonitrile butadiene styrene* (бутадиен-стирол); ALU – *arithmetic-logical unit* (арифметико-логическое устройство); CAM – *computer-aided manufacturing* (система автоматизированного управления технологическим процессом); CNC – *computer numerical control* (числовое программное управление); ECPD – *the American Engineer’s Council for Professional Development* (американский совет инженеров по профессиональному развитию); FMS – *flexible manufacturing system* (гибкое автоматизированное производство); FWD – *front-wheel drive* (передний привод); GRP – *glass-reinforced plastics* (стеклопластик); HGV – *heavy goods vehicle* и LGV – *large goods vehicle* (большие грузовые транспортные средства); PVC – *polyvinylchloride* (поливинилхлорид); RWD – *rear-wheel drive* (задний привод); 4WD – *four-wheel drive* (полный привод) требуется обычная рутинная работа в виде лекси-

ко-грамматических упражнений, направленных на формирование и совершенствование профессиональной коммуникативной компетенции.

Таким образом, аббревиация как способ словообразования – замена какого-либо устойчивого языкового выражения более коротким эквивалентом с сохранением первоначального смысла – служит для рационализации коммуникативного акта, что является основополагающим фактором при формировании научного (технического) текста.

Литература

1. Дюжикова Е.А. Аббревиация сравнительно со словосложением (на материале современного английского языка): Автореф. дис на соиск. науч. степени д-ра филол. наук. М., 1997. – 96 с.
2. Черепанов А.Т. Англо-русский словарь сокращений по компьютерным технологиям, информатике электронике и связи. «БХВ-Петербург», 2008 fictionbook.ru

© Д.Г.Акубекова, 2015

О.Е. Артемова
БашГУ, Уфа, Россия

Метод проектов как вид самостоятельной работы студентов (на материале художественных фильмов)

Самостоятельная работа и метод проектов как один из ее разновидностей находят все большее распространение в системе образования. Одна из причин этого процесса состоит в том, что вектор модернизации образовательной парадигмы на сегодняшний день направлен на развитие компетентной личности, ориентированной на будущее, способной самостоятельно «решать типичные проблемы и задачи исходя из учебного опыта и адекватной оценки конкретной ситуации» [3].

Методика проектов обладает большим потенциалом не только для организации работы над языковым материалом различного порядка, но и представляет собой один из действенных способов формирования личности, обладающей компетенцией коммуникации, личности, готовой к общению с носителями языка. В этом отношении огромным ресурсом обладает работа с видео в рамках проектной методики.

Видеофильм на занятии по иностранному языку «способствует созданию самого главного, что характеризует коммуникативный метод обучения – коммуникативной ситуации» [2, 88] Не менее важной является задача приобщения учащихся к культурным ценностям народа – носителя языка. Этой цели могут служить как учебные, так и художественные и документальные видеофильмы. Использование этих ресурсов представляет «практически неограниченные возможности анализа...

культурных реалий и особенностей поведения людей в различных ситуациях межкультурного общения» [4, 93]. Это один из моментов, когда проявляется актуальность использования видеоматериалов на уроках иностранного языка. Использование видеозаписей на уроках способствует индивидуализации обучения и развитию мотивированности речевой деятельности обучающихся. При использовании видеофильмов на уроках иностранного языка развиваются два вида мотивации: самомотивация, когда фильм интересен сам по себе, и мотивация, которая достигается тем, что учащемуся будет показано, что он может понять язык, который изучает. Это приносит удовлетворение и придает веру в свои силы и желание к дальнейшему совершенствованию. Необходимо стремиться к тому, чтобы учащиеся получали удовлетворение от фильма именно через понимание языка, а не только через интересный и занимательный сюжет. Еще одним достоинством видеофильма является сила впечатления и эмоционального воздействия на учащихся. Поэтому главное внимание должно быть направлено на формирование учащимися личностного отношения к увиденному. Успешное достижение такой цели возможно лишь, во-первых, при систематическом показе видеофильмов, а во-вторых, при методически организованной демонстрации.

Использование видеофильма способствует развитию различных сторон психической деятельности учащихся, и прежде всего, внимания и памяти. По мнению методистов, «визуальный ряд позволяет лучше понять и закрепить как фактическую информацию, так и чисто языковые особенности речи в конкретной ситуации» [4, 93]. Во время просмотра в аудитории возникает атмосфера совместной познавательной деятельности. Для того чтобы понять содержание фильма, учащимся необходимо приложить определенные усилия. Так, непроизвольное внимание переходит в произвольное. А интенсивность внимания оказывает влияние на процесс запоминания. Видеотекст, как отмечает Елена Николаевна Соловова, «имеет то преимущество, что соединяет в себе различные аспекты акта речевого взаимодействия» [4, 93]. Использование различных каналов поступления информации (слуховой, зрительный, моторное восприятие) положительно влияет на прочность запечатления страноведческого и языкового материала. Таким образом, психологические особенности воздействия фильмов (способность управлять вниманием аудитории, влиять на объем долговременной памяти и увеличение прочности запоминания, оказывать эмоциональное воздействие и повышать мотивацию обучения) способствуют интенсификации учебного процесса и создают благоприятные условия для формирования как языковой, так и социокультурной компетенции изучающих иностранный язык.

Современные учебники английского успешно решают проблему обучения языку при помощи видео. Многие издания (к сожалению, для

высшей школы это издательства, в основном, зарубежные) практически для каждого уровня предлагают DVD с видеоприложением. В отечественном исполнении хотелось бы отметить учебное пособие, составленное Чаплыгиной Юлией Сергеевной, доцентом кафедры иностранных языков Самарского государственного экономического университета. Пособие «Manners Matter!» предназначено для занятий по деловому английскому, но может также использоваться и студентами факультетов зарубежной филологии. Пособие рассматривает практически все аспекты делового этикета (в ресторане, на переговорах, дресс-код, культурные, в том числе и лингвокультурные, различия и пр.) сквозь призму англо-американских художественных фильмов. Это очень важные и сложные моменты процесса коммуникации, но, по утверждению автора, «лишь немногие готовы читать об этих, хоть и очень интересных вещах, в аудитории» [5, 6], что и явилось причиной появления данного видеоруководства. Методика работы с видео в данном пособии, как и во всех видеоприложениях к различным изданиям, представлена в виде следующего алгоритма действий: задания до просмотра, во время просмотра и после просмотра клипа. Задания до просмотра (скорее, дополнительная информация, расширяющая кругозор студентов) носят, как правило, национально-культурный характер. На этом же этапе вводится новый лексический, культурологический и/или лингвокультурологический материал. На завершающем этапе – это обсуждение, написание эссе или отзыва о фильме. Наиболее интересный момент в методическом плане – это работа студентов в процессе или непосредственно после просмотра видеоклипов. Так, в подразделе What is a compliment? после просмотра клипа из фильма “The Devil wears Prada” студентам предлагается заполнить таблицу с колонками “Who says a compliment?”, “What kind of compliment?”, “Whom is the compliment said to?”.

Используя данный материал как модель, студенты могут представлять свои проекты по работе с художественными фильмами на практических занятиях по иностранному языку. Проекты по видео, как и любые другие проекты, предполагают следующий алгоритм действий:

1. выбор темы;
2. создание общей концепции и составление плана проекта;
3. подготовка материалов для работы над проектом, составление заданий;
4. определение форм выражения итогов (продукта) проектной деятельности;
5. работа над проектом;
6. оформление результатов;
7. презентация;
8. рефлексия.

Тему, то есть фильм, студенты выбирают самостоятельно. Условием является наличие проблемы, на основе которой (или которых) можно будет организовать дискуссию. Концепция работы в процессе проведения подобных занятий также сформировалась в общем единая: предварительный этап - это просмотр фильма и выполнение заданий к нему. Проверка заданий и обсуждение проводится в аудитории. Автор проекта составляет задания согласно общепринятому алгоритму работы – задания до просмотра, во время просмотра и после просмотра. Задания предполагают как работу с лексикой, так и знакомство с материалом культурологического и лингвокультурного плана. Форма представления проекта – презентация с использованием видеоматериала (трейлеры, интервью, отрывки из фильма).

Хотелось бы отметить, что подобная работа значительно поднимает уровень мотивации студентов, которые, учитывая выбор учебного заведения, и так должны быть достаточно мотивированы. Студенты-авторы проекта в основном отлично справляются с работой, представляя грамотно и интересно составленные презентации. Особенно активное участие в работе студенты принимают на этапе обсуждения. Студенты любого уровня владения языком активно отстаивают свою точку зрения, при этом они вынуждены использовать активную лексику, что является одной из целей данного вида работы.

Таким образом, проведя анализ представленных студентами проектов по видео, можно сказать, что работа с художественными фильмами – это, в первую очередь, средство развития художественного вкуса студентов. Просмотр и обсуждение фильмов в оригинальном исполнении дает мощный толчок для изучения иностранных языков, пополняет лексический запас, позволяет студентам познакомиться с культурой и особенностями национального характера страны.

Литература

1. Кобзева Н.А. Коммуникативная компетенция как базисная категория современной теории и практики обучения иностранному языку// Молодой ученый. – 2011. - №3. Т.2 www.moluch.ru/archive/26/2790/.
2. Смирнов И.Б. Актуальные вопросы преподавания немецкого языка в средней школе: Учебно-методическое пособие для учителя. – СПб.: Каро, 2005. – 160 с.
3. Соловова Е.Н. Организация и контроль самостоятельной работы студентов: методические рекомендации/ сост. Н.В. Соловова; под ред. В.П. Гарькина. – Самара: Изд - во «Универс-групп», 2006. – 15 с. http://media.samsu.ru/lectures/teacher/solov/zakaz_397.pdf
4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс. – М.: АСТ: Астрель, 2008.- 272 с.
5. Чаплыгина Ю.С. Manners matter! – Учебное пособие по деловому этикету на английском языке. – Самара: Самар. отделение Литфонда, 2008. Workbook – 27 с. Teacher'sBook – 77 с. + CD.

© О.Е. Артемова, 2015

К вопросу об организации самостоятельной работы студентов

Важным аспектом интенсификации процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе является организация самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы студентов. Необходима рациональная организация учебного труда студентов.

Значимость самостоятельной работы подкрепляют такие тенденции учебно-воспитательного процесса как динамизм, возможность самостоятельного доучивания, дифференциации обучения и т.д.

Недостаточно только индивидуализировать процесс обучения, важнее сформировать сами навыки самостоятельной работы. Именно в процессе этой работы у студента активизируются его творческие возможности, развиваются мышление, логика, умение контроля, самооанализа и самооценки.

Большое значение для непрерывного управления самостоятельной работой каждого студента в учебной аудитории имеет система средств, среди которых стоит отметить:

- 1) программированные средства машинного и безмашинного типа;
- 2) технические средства (информационные и обучающие);
- 3) непрограммированные средства с обратной связью и т.д.

Наличие этих средств позволяет преподавателю работать индивидуально с каждым из студентов, индивидуализировать работу студентов как в режиме тренировки, так и в режиме самоконтроля и взаимоконтроля.

Внеаудиторные формы самостоятельной работы студентов имеют разнообразные виды, такие как: работа с печатными материалами (текстами), подготовка устного высказывания, работа в лаборатории устной речи, в Интернете и др.

В этой связи важным является вопрос преемственности в отборе учебного материала. Необходимо подбирать материалы для самостоятельной работы студентов в соответствии со знаниями, приобретёнными на предыдущем этапе обучения. Правильный выбор учебного материала – необходимое условия эффективности самостоятельной работы студентов.

Не только аудиторные, но и внеаудиторные формы самостоятельной работы студентов по иностранному языку предполагают огромную

роль преподавателя, который направляет и контролирует работу студентов.

© Г.А. Афанасьева, 2015

Г.Х. Ахмедова
БашГУ, Уфа, Россия

Задачи активного овладения иноязычной лексикой

Непосредственное активное усвоение слов представляет собой более сложную задачу, чем их доучивание исходя из пассивной базы. Пассивное знание достигается легче, чем активное, т.к. первое проявляет к индивиду, к его памяти и пониманию значительно менее жесткие требования, чем второе. Для того чтобы понять основное содержание связной речи, не требуется ни исчерпывающая полнота восприятия каждой лексической формы, ни абсолютная четкость осознания соответствующего значения, т.к. контекст и подсказывает, и корректирует, и допускает некоторые пропуски. В активной же речи говорящий или пишущий должен точно определить те конкретные значения, которые требуют своего выражения на иностранном языке в соответствии с поставленной коммуникативной задачей. Кроме того, пассивное владение языком предоставляет возможность чтения оригинальной литературы. Попытка же непосредственного овладения языком значительно обесценивается в обычных условиях отсутствием естественной среды, которая могла бы обеспечить реальное иноязычное общение и эмоциональное удовлетворение. Кроме того, потребление подлинных иноязычных речевых материалов обеспечивает, хотя и на пассивном уровне, глубокое проникновение как в систему значений изучаемого языка, так и в систему его внешних форм.

Уяснение того основного факта, что пассивному восприятию связных текстов органически свойственна неполнота различения отдельных лексических форм, мимолетность и беглость осознания соответствующих значений, определяет важнейший прием активизации слов, а именно целенаправленное фиксирование внимания непосредственно в процессе чтения подлинных иноязычных текстов на конкретных значениях и внешних формах тех слов и выражений, которые могут оказаться полезными при активном применении языка.

Благодаря пассивному запоминанию слов при широком чтении, а также их активном запоминании в составе связных отрывков, извлекаемых из оригинальных иноязычных текстов, интересующие нас слова

обрастают стойкими синтагматическими связями, протягивающимися к другим словам, с которыми они особенно часто сочетаются.

Для целей пассивного овладения лексикой начальная стадия – предзапоминание повторяющихся новых слов благодаря неоднократным встречам с ними при свободном чтении – носит главным образом непроизвольный характер; средняя фаза, заключающаяся в заучивании (повторении) списков этих слов, извлекаемых из текстов и снабжаемых толкованиями, имеет явный характер произвольного запоминания; наконец, завершающая фаза заключается в непроизвольном запоминании и подкреплении этих слов в процессе дальнейшего широкого чтения.

Порядок этих фаз для целей активного овладения иноязычной лексикой, по-видимому, меняется на обратный: здесь все начинается с операций фиксирования внимания на полезных словах и выражениях в оригинальных иноязычных текстах, т.е. носит произвольный характер; затем осуществляется и собирание выделенных отрывков в группы – фаза непроизвольного запоминания; наконец, завершающая фаза представляет собой произвольное «чистовое» запоминание в форме концентрированного сопоставительного обзора собранного материала.

Работа по активному овладению лексикой состоит, таким образом, не в заучивании незнакомых слов, ибо нужные слова должны быть пассивно известны, а в их фиксировании, собирании в группы, уточнении и повторении по соответствующим семантическим областям и темам, в их одновременном привлечении в поле зрения индивида.

Лишь в процессе реальной и интенсивной практики связи между значениями и соответствующими лексическими формами постепенно индивидуализируются и уточняются, освобождаются от ограничений, обусловленных косвенным запоминанием, в результате чего их активное применение становится все более свободным.

© Г.Х. Ахмедова, 2015

Г.А. Ахметова
БашГУ, Уфа, Россия

**«Власть тьмы» Л. Толстого и «Макбет» У. Шекспира:
тема судьбы и композиционный закон
трагической прогрессии**

Всем известна суровость толстовских оценок пьес Шекспира [1]. Их чрезмерность очевидна уже потому, что в своем художественном творчестве Толстой оказался близок предшественнику, которого он

«ниспровергал». Парадокс заключается в том, что толстовские негативные оценки драм Шекспира «опроверг» Толстой-художник.

Принято говорить о «несоизмеримости двух поэтик» – Шекспира и Толстого [2, 59]. Однако современники Толстого, восхищаясь «Властью тьмы», нередко сравнивали русского драматурга с Шекспиром. Так, В.В. Стасов считал, что драма Толстого написана с шекспировской мощью [3, 76]. Н.Н. Страхов также соотносил «Власть тьмы» с пьесами Шекспира. В феврале 1887 года критик писал Толстому, что тот показал, как делаются «самые обыкновенные, ходячие преступления»: «Они делаются простодушно, людьми скверными, но не злодеями во вкусе Шекспира или Вальтера Скотта». Страхов первый подметил сходство ситуаций в «Макбете» и «Власти тьмы»: главные герои в них совершают злодеяния под влиянием женщин. При этом критик выразил опасение, что при постановке драмы Толстого на сцене «(...) из Матрены сделают леди Макбет и придадут демонскую ядовитость ее речам и т. п.» [3, 345]. Толстой, видимо, сам опасался этого. Так, в 1895 году он заметил одному своему собеседнику: «Матрену не надо играть злодейкой, какой-то леди Макбет, как думают многие» [4, 94].

Таким образом, уже современники провели параллель между «Властью тьмы» и «Макбетом». Думается, шекспировское начало в драме Толстого проявилось не только в отдельных сюжетных мотивах, силе и глубине страстей, которыми движимы ее герои. Подобно автору «Макбета», Толстой переосмыслил античную драму с ее главной коллизией человека и слепого рока и композиционным законом предвращения трагических событий.

В античном театре гибель героя всегда обусловлена законами жестокого и неотвратимого предопределения. Так, в трагедии Софокла «Эдип» главный герой, полагая, что бежит от судьбы, на деле бессознательно осуществляет ее волю. В трагедии «Макбет» господствует идея Судьбы. Та же идея выражена в названии драмы Толстого, во второй ее части: «Власть тьмы, или Коготок увяз – всей птичке пропасть». При этом античная коллизия слепого рока сходным образом трансформируется в драмах Шекспира и Толстого. Она перерастает в тему высшего правосудия, моральной цены свободного выбора. Общая трагическая коллизия находит у двух драматургов близкое композиционное воплощение в сложной системе символических мотивов и образов, пронизывающих драмы «Власть тьмы» и «Макбет» и приближающих их трагические развязки.

Сцена с ведьмами в начале трагедии «Макбет» – оригинальная форма пролога. Страшный хоровод ведьм предвещает чудовищное попрание человечности. «Зло есть добро, добро есть зло», – этими словами предсказано нарушение естественного порядка вещей, которое произой-

дет вследствие преступлений Макбета. Ведьмы вещают Макбету, что он будет Кавдорским таном (бароном), а впоследствии и королем Шотландии. Сразу после этого Макбет получает известие от короля, подтверждающее первую часть предсказания ведьм. Слова вещуньи звучат как призыв, почти соблазн: они пробуждают в Макбете тайные помыслы о короне.

Злые силы порабащают лишь тех людей, кто уже носит в себе семена зла. Одержимый честолюбивыми желаниями, Макбет поддается наваждению и выбирает преступление. Леди Макбет выступает в роли вдохновительницы многодушных убийств – Дункана, его слуг, а также наследника трона Банко.

Судьба в трагедии «Макбет» предстает не как слепой рок, но как неизбежное наказание за грех кровопролития. Начиная с мистического пролога, все сцены трагедии полны предварений и намеков на будущую нравственную судьбу Макбета и его жены. Оправдываются слова Макбета: «Но нас возмездье ждет и на земле» [5, 556].

Тема вины и воздаяния воплощена в драме в системе повторяющихся мотивов: двойного предсказания ведьм о будущей короне и «ожившем» Бирнамском лесе, «чужого наряда», «зарезанного» сна, окровавленных рук, ада. Так, сквозным в пьесе становится мотив «чужого наряда». В первом акте Макбет, провозглашенный Кавдорским таном, говорит: «Зачем рядить меня в чужой наряд?». В ответ на эти слова Банко замечает: «Он должен к новой почести привыкнуть, ее, как платье, надо обносить» [5, 549]. Однако уже в пятом акте в словах Ангуса открыто звучит мысль о том, что Макбет незаконно владеет чужой «мантией»: «Вот наконец когда он убедился, что титул короля на нем висит, как мантия гиганта на воришке» [5, 618].

Макбет совершает тройное убийство, но при этом он убил еще свой «сон», то есть покой. Потрясенный собственным злодеянием, Макбет слышит голос совести, подобный крику: «Не надо больше спать! Рукой Макбета зарезан сон!» [5, 564]. Мотив «зарезанного» сна становится важнейшим лейтмотивом в трагедии Шекспира. Для Макбета и его жены сон превращается в кошмар, в котором возвращается явь, отравленная мыслями об убийстве и ужасом перед возмездием. Убийство «запускает» механизм самонаказания.

В систему символических мотивов, пронизывающих трагедию, вплетается мотив окровавленных рук. Зарезав Дункана и его слуг, Макбет пристально рассматривает свои руки – они, конечно, окровавлены. Наглядный символ преступления – несмываемая кровь на руках – будет мучить и леди Макбет. После убийства Дункана и его слуг она советует мужу: «(...) отмой улики эти» [5, 564]. Леди Макбет в своих кошмарах вновь и вновь переживает ночь кровавого преступления. Как сомнамбу-

ла, по ночам она бродит по замку со свечой в руке. В христианстве образ свечи символизирует «канал связи с Богом, определяет точку встречи земного с потусторонним» [6, 445]. Но Леди Макбет вызывает не к Богу – со словами раскаяния в преступлении, соучастницей которого она была. Свет свечи соединяет в ее сознании прошлое и настоящее. При свече она пытается стереть воображаемую кровь с рук, но следы неуничтожимы. Отмыть руки от крови – мысль об этом становится манией обезумевшей леди Макбет: «А руки, руки!.. Океана не хватит их отмыть». Эта кровь, по словам Макбета, не может быть смыта даже целым океаном: «(...) скорей вода морских пучин от крови покраснеет» [5, 565].

С каждым преступлением крови становится все больше. Макбет сравнивает себя с человеком, бредущим по этой крови, как в реке: «(...) погрузился в кровь, как в реку. Чрез эту кровь назад вернуться вброд труднее, чем по ней пройти вперед» [5, 591]. Эту кровь нельзя уничтожить, она остается на руках и превращает жизнь Макбета и его жены в нравственную агонию.

Настойчиво варьируется в трагедии «Макбет» мотив ада. Первоначально – в словах леди Макбет, когда она призывает себе в помощь «бесов, духов тьмы» и просит глухую ночь «одеться дымом ада» [5, 553]. Мотив повторен в словах привратника. Когда стучат в ворота, привратник поминает Вельзевула и приглашает всех пройти в пекло, где бушует «вечный огонь ада». При очередном стуке он говорит, что наслужился в «адских привратниках», а точнее, привратником дьявола. Привратник Макбета сам не понимает, насколько верно он себя характеризует.

Сомнамбулизм леди Макбет – проявление нравственной агонии, закона воздаяния. Для Макбета этот закон воплощается в преследующем его призраке Банко, а в финале трагедии – в образе «ожившего» Бирнамского леса. Оживший лес – это сама судьба, превратившая жизнь убийцы и самозванца в ад.

В античной трагедии гибель героя была не столько возмездием за его вину, сколько знаком необратимости слепого рока. Шекспир и вслед за ним Толстой сосредоточили внимание на свободном выборе человеком его поступков, на вине и наказании. В драме «Власть тьмы» в остром конфликте показаны герои, желающие жить по совести (Аким, Митрич, Анютка) и герои, жаждущие денег и легкой жизни любой ценой (Матрена, Аксинья). Главный герой драмы Никита Чиликин не закоренелый злодей, и именно его душа оказывается полем борьбы «божеского» и греховного.

История Никиты на протяжении почти всей драмы – история гибели человека в человеке. В первом действии он ложно клянется отцу перед образом, что не имеет отношения к совершению сироты Марины.

Во втором действии завладевает деньгами отравленного Аксиньей Петра. В третьем – Никита вступает в противополоственную связь с падчерицей, дочерью Аксиньи. Аким отказывается взять деньги от сына, и осуждение отца подобно осуждению Отца Небесного. В четвертом действии Никита убивает ребенка, прижитого с Акулиной.

События в драме развиваются по закону трагической прогрессии. Никита все более и более вязнет в грехах, своей судьбой демонстрируя неизбежный нравственный закон: «Коготок увяз – всей птичке пропасть».

В двух заглавиях драмы – «Власть тьмы, или Коготок увяз – всей птичке пропасть» заключен важный смысл. Если второе заглавие имеет фольклорное происхождение, то первое восходит к библейским текстам. Мотив царящей в мире «тьмы» проецируется на слова Иисуса, обращенные к толпе: «Когда Я каждый день был с вами в храме, вы не поднимали на Меня рук. Но это – ваш час и власть тьмы» (Лк., 22: 53); «Итак Иисус опять стал говорить им: Я есть свет мира; тот, кто последует за Мною, ни в коем случае не будет ходить во тьме, а будет иметь свет жизни» (Ин., 8: 12); «Если же свет, который в тебе, тьма, то как велика тьма!» (Мф., 6: 23) [7, 362, 433, 44].

В драме «Власть тьмы» «тьма» связана с животной чувственностью Никиты и жаждой легких денег. Важнейшим лейтмотивом в драме становится тема нравственного «пропадания» Никиты, погружения его во «тьму». Эта тема соединяется с мотивом «скуки», душевной тоски, переходящей в страдание и агонию.

Во втором действии Никита «плачет» и просит прощения у умирающего Петра. В следующем действии осуждающие слова отца Акима вновь рождают тоску в душе Никиты: «Ох, скучно, скучно... Где ж гармошка-то?». И снова: «Ох, скучно мне, как скучно! (Плачет)» [8, 71]. После убийства в погребке младенца, прижитого с Акулиной, звук «хрустящих» детских косточек и «писк» ребенка становятся наваждением Никиты. Оно подобно наваждению, преследующему Макбета и леди Макбет. Страх и ужас достигают высшей точки в финальном акте драмы. Никита уже не в силах лгать перед святым образом, не может в качестве отчима благословить брак падчерицы Акулины. Он помнит о погребке, где раздавил доской ребенка и погубил свою душу.

Вслед за Шекспиром Толстой обращается к теме самонаказания. Речь идет о воздаянии, которое приходит к человеку не от людей, но от Бога. Тема эта волновала Толстого уже в романе «Анна Каренина» с его библейским эпиграфом: «Мне отмщение, и аз воздам». Тема воздаяния находит у двух драматургов воплощение в композиционном законе трагической прогрессии – предварения неизбежного финала.

Финалы драм «Макбет» и «Власть тьмы» оставляют ощущение катарсиса в духе античной трагедии. Концовка «Макбета» возвращает к началу, пророчеству ведьм. Бирнамский лес, «оживая», символизирует высшую справедливость. Драма Толстого завершается сценой покаяния убийцы, в душе которого, по словам Акима, совершается «Божье дело».

Литература

1. Аникст А.А. Лев Толстой – ниспровергатель Шекспира // Театр. 1960, №11. - С. 53-65.
2. Левин Ю.Д. Лев Толстой, Шекспир и русская литература 60-х годов XIX века // Вопросы литературы. 1968, № 8. - С. 54-73.
3. Стасов В. Письмо к Толстому от 30 января 1887 года // Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878-1906. Л., 1929. - 432 с.
4. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. - 652 с.
5. Шекспир У. Трагедии. М.: Правда, 1983. - 671 с.
6. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Под редакцией В. Андреева. М.: Локид, 2000. 576 с.
7. Новый Завет. Живой поток: Анахайм. 1998. - 1458 с.
8. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 15. М.: Худож. лит., 1983. - 432 с.

© Г. А. Ахметова, 2015

З.В. Баишева
БашГУ, Уфа, Россия

Обучение студентов юридическому консультированию

Консультирование является специфической формой делового общения в деятельности юристов. Независимо от конкретной специальности каждый юрист так или иначе оказывается в ситуации консультирования. Наиболее значимо умение консультировать для адвоката, юрисконсульта, работника правовой службы предприятий, учреждений и организаций.

Как известно, процесс консультирования включает три этапа: выслушивание проблемы клиента, уточнение обстоятельств дела и разъяснения, советы, рекомендации. Для того, чтобы консультирование было максимально эффективным на каждом из этих трех этапов, юрист должен обладать определенным комплексом коммуникативных умений. В этот комплекс входят: *речевые умения*. Это умения – грамотно и ясно формулировать свои мысли; выбрать правильный тон разговора, найти точную интонацию; высказываться логично, связно, содержательно; выбрать стратегию, разработать программу речи; высказываться без предварительной подготовки и т.п.; *социально-психологические умения*, т.е. умения: психологически верно в соответствии с ситуацией вступить

в общение; поддерживать общение, психологически стимулировать активность партнеров; психологически точно определить «точку» завершения общения; максимально использовать социально-психологические характеристики коммуникативной ситуации для реализации своей стратегической линии; прогнозировать возможные пути развития коммуникативной ситуации, в рамках которой разворачивается общение; прогнозировать реакции партнеров на собственные акты коммуникативных действий; овладеть инициативой и удержать инициативу в общении и т.п.; *психологические умения*. Это умения – преодолевать психологические барьеры в общении; снимать излишнее напряжение; эмоционально настраиваться на ситуацию общения; психологически и физически «пристраиваться» к партнеру по общению; адекватно ситуации общения выбирать жесты, позы, ритм своего поведения; использовать эмоции как средство общения и т.п.; *умения использовать в общении нормы речевого этикета* в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией или умения: реализовать ситуативные нормы обращения и привлечения внимания; адекватно ситуации выразить просьбу; высказать совет, предложение, упрек, сочувствие, пожелание и т.п.; *умения использовать невербальные средства общения*, такие как: интонация, громкость речи, жест, мимика, поза, движения, дистанция общения и т.п. [1, 23].

Все названные умения развиваются у будущих юристов постепенно, от занятия к занятию в ходе различных практических упражнений, тренингов.

Одна группа упражнений может быть направлена на обогащение словарного запаса студентов, развитие их навыков работы с профессиональными терминами. Речь консультанта должна быть абсолютно понятной клиенту. Без юридических терминов обойтись нельзя, однако можно ограничить их употребление минимумом и растолковывать их значение и значение других выражений, которые могут быть также не поняты клиентом. Следовательно, будущий юрист должен уметь передавать одну и ту же информацию, используя различные языковые средства, владеть достаточно богатым словарным запасом.

Другая группа упражнений будет способствовать развитию умения задавать вопросы. Для консультанта важно получить как можно больше информации о клиенте и его ситуации, и эта информация должна быть достоверной. Будущие юристы должны усвоить различные виды вопросов: риторические, провокационные, сбивающие, зеркальные, альтернативные, вопросы, демонстрирующие свои знания, или заполняющие молчание, успокаивающие, основные и второстепенные, уточняющие и наводящие и др. Также важно обратить внимание на развитие умения формулировать вопросы краткие и ясные, умение подобрать со-

ответствующую интонацию, по-разному формулировать вопросы об одном и том же и т.п.

Следующая группа упражнений должна быть направлена на обучение студентов техникам предоставления информации. При этом следует исходить из того, что консультант информирует клиента о разных аспектах обсуждаемой проблемы, высказывает свое мнение. Формулировать свои мысли необходимо так, чтобы у клиента возникла стойкая уверенность в компетентности юриста. Речь юриста должна быть убедительна, доводы аргументированны. Чтобы сообщение информации не походило на навязывание мнения, юрист, исходя из интересов гражданина, предоставляет ему право выбора. Однако при этом он обязан разъяснить все имеющиеся варианты, их правовые последствия, может рекомендовать тот или иной способ правового поведения. Таким образом, консультант не просто предоставляет клиенту правовую информацию, варианты разрешения проблемы, но и оказывает помощь в выборе наиболее оптимального варианта в сложившейся ситуации.

Наиболее эффективным методом обучения консультированию, на наш взгляд, является деловая игра «В юридической консультации». Она дает возможность на практике реализовать полученные теоретические знания.

Предварительно студенты должны изучить соответствующую литературу и правовые акты. Преподаватель обращает внимание студентов на необходимость в процессе подготовки к деловой игре и проведения консультирования учитывать три аспекта, существенно влияющих на эффективность данного вида делового общения: правовой, психологический и речевой.

Группа разделяется на пары: юрист-консультант и клиент. Преподаватель предлагает на выбор правовые проблемы, с которыми, по статистике, чаще всего обращаются граждане в юридическую консультацию (о взыскании алиментов; о возмещении вреда, причиненного увечьем; о назначении пенсий и пособий; имущественные споры). Также предлагается выбрать психологический тип клиент (всезнайка; раздраженный, обозленный; тугодум и т.п.). Перед студентами ставится задача: выстроить линию своего поведения при консультировании и предложить клиенту выработанные варианты разрешения его проблемы, помочь выбрать оптимальный для него вариант. Каждая пара студентов представляет свою инсценировку консультирования, по итогам которой проводится групповое обсуждение.

В результате игры студенты получают представление об особенностях работы по консультированию; осваивают правовые, психологические и речевые аспекты проведения юристом приема граждан; формируют практические навыки проведения консультирования, акцентируя

внимание на умение задавать вопросы с целью получения юридически значимой информации по проблеме и предоставлять информацию.

Таким образом, последовательная работа, включающая в себя различные виды упражнений, тренингов, деловую игру и т.п., направленных на вовлечение студентов в активный процесс получения и переработки знаний, способствует выработке у будущих юристов стойких умений и навыков по проведению консультирования.

Литература

1. Афанасьева О.В., Пищелко А.В. Этика и психология профессиональной деятельности юриста. М.: Academia, 2004. - 224 с.

© З.В. Баишева, 2015

Ф.А. Басырова
БашГУ, Уфа, Россия

Слово как отражение динамичности и стабильности языка

Язык, являясь одной из характерных черт определенной социальной общности, должен удовлетворять требованиям, предъявляемым к нему как важнейшему средству коммуникации на всех этапах развития общества. Одним из обеспечивающих это условий является сочетание относительной стабильности и неизменности языка в рамках определённого периода времени, что достигается за счёт устойчивости некоторых основных компонентов лингвосистемы.

В то же время язык подвержен каждодневному, ежеминутному изменению вследствие коммуникативной и познавательной деятельности его носителей. Эти изменения протекают с различной скоростью в зависимости от уровня языковой системы. Наиболее подвижной частью языка, несомненно, является лексика, так как в ней регистрируются самые ощутимые изменения, связанные, например, с научно-технической революцией, информационным бумом, быстрым распространением знаний в широких кругах населения, сменой общественно-политического строя социальной общности.

В сложном характере изменений языка находит свое выражение единство стабильности и динамизма лингвосистемы, отмеченное ещё в начале XIX века Вильгельмом фон Гумбольдтом, который писал, что "по своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый момент преходящее"⁷.

⁷ Гумбольдт В.фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание. – Спб., 1859.- С.197.

Скорость и масштабы изменения такого компонента языка, как лексика, могут быть довольно легко замечены в течение короткого промежутка времени. В отличие от фонетического состава языка и грамматики, вокабуляр как таковой воспринимает изменения в течение более короткого отрезка времени. В исследованиях лингвистов отмечается, что словарный состав языка в XX веке обновлялся каждые десять лет на 25%.

Слово является, по мнению многих языковедов, основной лексической единицей. Лексические средства, вместе с звуковыми и грамматическими, составляют фундамент языка и могут полноправно рассматриваться как его универсальные признаки. Вместе с тем различие в инвентаре лексических единиц и характере их смысловой структуры, своеобразии их семантики в свете членимости "смыслового континуума" [14, 35] на понятийные домены и семантические категории составляют отличительные признаки отдельного языка.

В лингвистике слово, или лексема, - основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая набором семантических, фонетических, грамматических признаков, специфичных для каждого отдельного языка [6, 464]. Классическое определение слова как единства звучания и смысла основывалось на постулате о знаковом характере связи двух сторон этой единицы - звучания, т.е. материального выражения, и содержания, т.е. значения.

В более современных определениях подчеркиваются характерные признаки слова - цельность, делимость и свободная воспроизводимость в речи, и различаются следующие особенности: фонетическая (организованная последовательность звуковых явлений, образующих звуковую оболочку слова), морфологическая (совокупность строевых морфем), семантическая (инвентарь значений).

Развитие лексики может происходить в двух основных направлениях: а) количественные изменения в её составе и б) изменения качества репрезентирующих единиц. Это оказывается во многом предопределённым предшествующими процессами развития, что подразумевает сочетаемость синхронии и диахронии. Дихотомия языка в очередной раз подтверждается определённой мобильностью синхронии и одновременной стабильностью диахронии. По меткому выражению Р.О.Якобсона, хорошая синхрония не только статична, но и динамична, и, наоборот, хорошая диахрония не только динамична, но и статична.⁸

⁸ Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. - Вып.3.- М.: Прогресс, 1963.- С.104.

Большая же степень подвижности лексики оказывается в первую очередь обусловленной тем, что уже появившиеся новые понятия в когнитивном процессе познания действительности находят непосредственное выражение в языке образованием новых лексических единиц или развитием семантики тех, что существовали ранее. Количественная эволюция лексического уровня выражается главным образом в появлении неологизмов или заимствований из других языков, замене в словоупотреблении, выходе некоторых единиц из узкого применения путем перехода в архаизмы, диалектизмы и так далее. Всё вышеперечисленное относится к словам, не оказывающим системообразующее влияние на аппарат языка, эти изменения в подвижной, неустойчивой части вокабуляра «... ни в коей мере не решают судьбу языка»⁹.

Системность языка как одна из основных его характеристик в современном языкознании и получила дальнейшее развитие и осмысление в трудах представителей разных направлений лингвистики, в первую очередь, структурализма.

Основы структурализма были разработаны в трудах выдающегося лингвиста Ф. де Соссюра. Именно он заявил о языке как системе знаков, единственном объекте лингвистики, рассматриваемом в самом себе и для себя [13, 267].

Функционирование системы знаков, по мнению Ф. де Соссюра, – отличительная черта языка, т.е. последний есть система средств выражения, служащая какой-то определённой цели [13, 47]. Со времён глоссематиков и американских дескриптивистов язык воспринимается как «... чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы произвольно производимых символов» [12, 31]. Изучение языковых привычек людей рассматривалось в отрыве от мышления, от ментальных процессов, лежащих в основе или сопровождающих эти навыки [3, 33].

Структурализм, невзирая на всё многообразие проявлений и множество выдающихся имён и достижений, коротко может представляться в виде следующих постулатов его адептов:

во-первых, язык - это система знаков и должен исследоваться как система;

во-вторых, языковые знаки произвольны, линейны и неизменны;

в-третьих, исследование системы языка в определённый момент его существования не должно подменяться исследованием его истории;

в-четвёртых, предметом лингвистического анализа должен быть именно язык, а не речь или внеязыковые факты, связанные с ним или воздействующие на него.

⁹ Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Лексикология и лексикография . – М., 1977. - С.47

Эти положения надолго определили общий концептуальный подход к изучению языка, сохранившийся и по сей день, но претерпевший довольно существенные изменения в последние десятилетия XX века, предопределённые возникновением и распространением когнитивного направления в лингвистике.

Во-первых, языковая картина мира вторична по отношению к объективной действительности и является отражением когнитивных структур, что означает принципиальную зависимость языка от структур человеческого сознания и мышления [7; 23, 40].

Во-вторых, объекты когнитивистики отличаются специфичностью, поскольку языкознание в данном случае обращается к таким сущностям, которые ранее не входили в сферу его анализа. Это архетипы (в «юнговском» смысле), культурные концепты, концептуальные области. Эти элементы отличаются масштабностью, глубиной и образностью. Масштабность проявляется в их обширности по сравнению с традиционными квантами смысла; глубина детерминирована их скрытостью за непосредственной языковой данностью; образность же выражается в их инвариантности относительно всех частных видов образов (зрительных, моторных, слуховых, тактильных, обонятельных, вкусовых, эмоциональных). [2, 37-38; 5, 291-326].

Являясь знаковой системой, язык служит средством коммуникации, выражающим в соответствующих правилах сочетания слов, словосочетаний, предложений с целью обмена, передачи и хранения информации, а внешний мир с точки зрения структурализма не затрагивает его системы. Следовательно, знание о мире как экстралингвистическом факторе описывается разными типами знаков (вплоть до текста), которые, будучи элементами единой системы, обязаны быть рефлексамии соответствующих аспектов концептуальной картины мира.

Слово вышло на первый план в научных изысканиях последних лет XX века. Отличаясь от единиц других областей, оно приобретает характер некоего универсума, обнаруживаемого на различных уровнях языка. Если единицы других разделов - фонема, морфема, предложение - обычно соотносятся с соответствующими уровнями лингвистики и могут маркироваться взаимопроникновением, то слово постулируется как единица, представляющая и фонетическую, и грамматическую (морфологическую), словообразовательную и лексико-семантическую, а на рубеже веков и коммуникативную репрезентанту языка.

Несмотря на такое разнообразие характеристик, определение данной единицы страдает схематичностью, вызванной в первую очередь её амбивалентностью. В бытовом, обыденном понимании слово воспринимается и раскрывается в своей самой имманентной функции - номинативной - и на первый взгляд не вызывает трудностей в дефиниции в

лингвистическом плане. Как уже упоминалось, Шарль Балли совершенно справедливо утверждал, что «понятие слова обычно считается ясным, на деле же это одно из наиболее двусмысленных понятий, которые встречаются в языкознании» [1, 315].

В своей основе дефиниции сводились к одной и той же схеме «наивно-романтического определения [слова] как звукового выражения понятия и его вариантов, определения графики слова как буквы или ряда букв, ограниченных двумя интервалами, и однобокого определения слова как вычленяемого из речи организованного звукового комплекса» [8, 148]. Между тем ни одна из приведённых дефиниций не претендует на полноту, а опирается как на фундамент лишь на какое-либо свойство слова. Поэтому нам представляется достаточно последовательным определение слова Васильевым Л.М. как минимальной самостоятельной значимой единицы языка, предполагающее единство всех его сторон: фонетической, грамматической, семантической [4, 81].

В русле когнитивистики основное внимание уделяется всё же не слову как единице языка, а его атрибуту, удачно названному М.В. Никитиным словозначением [11, 23], как отдельному лексическому значению слова или значению лексико-семантического варианта. В нашем понимании словозначение – это семантическое воплощение лексического значения, отображающее связь с концептуальными категориями внеязыковой реальности [15, 90]. В рабочем определении под грамматическим значением слова понимается его лексико-грамматическая отнесенность, т.е. принадлежность к определенному классу (части речи) - одной из самых больших таксономий лингвистики [10, 58], а также валентность слова или актуализация словозначения в тексте, т.е. возможность его сочетания с другими словами.

Значение не может отождествляться с употреблением, представляющим либо модели былых применений без создания нового значения, либо новым, индивидуальным (окациональным) проявлением одного из значений в своеобразной ситуации, с не вполне обычным фразеологическим окружением [6, 22].

М.В. Никитиным под лексическим значением понимается «семантический инвариант номинаторов с общей лексемой» [11, 22].

Номинативность определяется как способность языковых единиц самостоятельно, без помощи окружения выразить, актуализировать (вызвать в сознании при восприятии) и сообщить соотнесённый с ними смысл, т.е. номинатором следует считать единицу, которая способна сама по себе актуализировать в сознании фиксируемый ею концепт [11, 9]. Если знаменательное слово обладает парадигмой, то номинативность проявляется немаркированной формой, например, в английском языке словоформой имени существительного единственного числа в противо-

поставлении множественному: *e.g. house – houses, man – men*; в глаголе - формой инфинитива в противопоставлении с другими формами: *e.g. open – opened, go – went* и т.д. Одно и то же понятие может обозначаться разными словами, например: *луна* и *месяц* - небесное тело, спутник Земли, и, напротив, одно слово соотносимо с различными понятиями, например: *заяц* - это и мелкое лесное животное, и трусливый, нерешительный человек, и тот, кто намеренно уклоняется от оплаты проезда в общественном транспорте, и тому подобное.

Издавна известное в лингвистике явление «непараллельности звучания и значения», материального и имплицитного выражается в разнообразных явлениях семантических сдвигов: полисемии и омонимии, синкретизме, разделении языковых сущностей на знаки и незнакомые, и тому подобное. Несовпадение двух языковых планов - формального и содержательного - предстанет более явно, если рассмотреть языковые знаки, в частности слова, в языке как системе и в языке как речи.

В плане выражения речь актуализируется временем: линейная последовательность фонем представляет одновременно и их временную протяжённость; в плане содержания в речи временной фактор не проявляется. В системе языка, напротив, план выражения словесных знаков не может иметь временной отнесенности, а значение слов на каждом синхронном срезе языка представляет собой историческую аккумуляцию предшествующего опыта.

Таким образом, постулат о слове как универсально выделяемой единице языка, имеющей определённое строение, кажется достаточно убедительным. В лингвистике достаточно часты указания на логичность дифференциации между словом и лексемой (словоформой, лексико-семантическим вариантом). По нашему мнению, слово - единица двуплановая, и если, с одной стороны, она принадлежит лексико-семантической системе данного языка, то и в грамматическом плане находит отражение её знаковый характер.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – 416 с.
2. Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект)// Вопросы языкознания. 2008. - № 1. – С.37-65.
3. Блумфилд Л. Язык. – М., 1968. – 607 с.
4. Васильев Л.М. Теоретические проблемы лингвистики. Внутреннее устройство языка как знаковой системы. – Уфа, 1994. – 208с.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997 – 412 с.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1986. – 640 с.
7. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. - №4. – С.17 – 33.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1990. – 685 с.
9. Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.; Л., 1963. – 291 с.
10. Мурясов Р.З. Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании // Вопросы языкознания. 1999. - № 4. – С.56 – 71
11. Никитин М.В. Лексическое значение слова.– М.,1983. – 272 с.
12. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. – М.; Л.,1934. – 223 с.
13. Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. – М., 1972. – 695 с.
14. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания языков. – М.,1986. – 240 с.
15. Шафиков С.Г. Проблемы лексической семантики в свете языковых универсалий (на материале русского, английского, французского и татарского языков).- Диссер. ... д-ра филол.наук. – Уфа, 1998. – 453 с.

© Ф.А. Басырова, 2015

Г.З. Батырова
БГМУ, Уфа, Россия

Сопоставительный анализ функционально-семантического аспекта окказиональных преобразований английских и русских глагольных фразеологизмов

Окказиональное преобразование фразеологизма может быть простым и сложным. При простом окказиональном преобразовании отмечается одно изменение структуры фразеологической единицы, а при сложном – два и более изменения структуры фразеологической единицы.

Сопоставительный анализ английских и русских текстов показывает сходство следующих типов простых структурных окказиональных преобразований фразеологических единиц:

1) включение новых слов:

Suddenly he gave a great start, and an exclamation once more was forced from his lips (to give a start) [2, 188].

Намедни как загогочет в лесу человеческим голосом, волосы на голове даже зашевелились (волосы шевелятся у кого-либо) [7, 82];

2) способность существительного изменяться в числе:

He ruined his partners and betrayed his friends and broke the hearts of his sweet wife and adorable children (to break smb's heart/the heart of smb) [1, 113].

Выпивайте чай и поезжайте отсюда кружить другие головы (кружить голову кому-либо) [8, 182];

3) замена слов-компонентов синонимами или словами, семантически связанными с замещаемыми словами:

I still had my hat on, but when Crundle came in I made a movement to take it off with the knife still in my hand (to make a move) [2, 125].

Полчаса походил на улице, замерз как собака, губа на губу не попадает (зуб на зуб не попадает у кого-либо) [6, 20].

Обнаруживается сходство и в сложном морфологическом преобразовании, которое включает 2 простых: включение нового слова и замена слова-компонента, например:

Eleanor Portal had made a brusque movement (to make a move) [2, 292].

А утром когда хозяин продрал свои очи, все выяснилось окончательно (продрать глаза) [6, 43].

В корпусе английских и русских фразеологических единиц обнаруживается сходство следующих типов простых синтаксических окказиональных преобразований:

1) способность компонентов к дистантному расположению (т.е. расщепление ФЕ):

He backed away from the body as far as he could, then came forward stealthily casting fearful glances to steal another look at the bruised forehead (to look forward) [2, 28].

Тут родственники начали одергивать Лебедева: дескать, заткни, действительно, глотку-то; дескать, обожди, вот выйдешь из храма, и тогда отводи душу (заткнуть глотку кому-либо) [6, 101];

2) способность существительного выступать в роли подлежащего в пассивной конструкции:

She 'ad a lovin'heart; I guess 'twas broken (to break smb's heart) [2, 108].

Тебе бы сейчас случаем пользоваться, что дачник густо пошел, крыть почем зря да в сундук прятать, а у тебя против него руки связаны (связывать руки кому-либо) [7, 96];

3) перестановка слов-компонентов:

There was nobody in the school then to save a chap from Carnaby, though Crawshaw put in a word or so (to put a word in for smb) [2, 44].

Но когда после захода солнца он попросил топорик, у Поликарповны тревожно ёкнуло сердце, и она стала уговаривать его, чтобы он отдохнул, что уже поздно (сердце ёкает) [7, 92];

4) двойная актуализация:

He left me behind him long ago; he soared up over my head, and cut a figure in the world that I couldn't cut – any how (to cut a figure) [2, 36].

Сосед открыл рот и так с открытым ртом и ушел (с открытым ртом (слушать) [4, 46].

Обнаруживается сходство и в сложном окказиональном преобразовании, которое включает 2 типа простых окказиональных преобразований: один тип – морфологический, другой – синтаксический, например:

He made light of what was before him which was but a day's journey into the mountains (to make light of smb/sth) [2, 11].

В этом примере морфологическое окказиональное преобразование – включение новых слов, синтаксическое окказиональное преобразование – способность существительного к синтаксическому распространению (наличие постпозитивного определительного оборота).

Если будет хоть одна жертва, заварится такая каша и они нам столько крови пустят, что этого нам никто не простит (каша заваривается) [5, 86]

В этом примере морфологическое структурное окказиональное преобразование – включение новых слов, а синтаксическое окказиональное преобразование – перестановка слов-компонентов.

В корпусе употреблений английских и русских фразеологических единиц обнаруживаются различия следующих простых окказиональных преобразований:

1) морфологическое: способность существительного принимать любой артикль или его заменитель, притяжательное или отрицательное местоимение, например:

But you don't say a word about it until we know more definitely (to say the word) [3, 201].

I prefer to take my own way out (to take one's way) [2, 289].

He paid no attention to the old man standing on the steps of the pilared porch waving his stick (to pay attention to smb) [2, 146];

2) синтаксическое:

а) прием антитезы, например:

He loved her still, with all his heart; most of us fall in and out of love (to fall out of love, to all in love) [2, 165];

б) способность существительного к синтаксическому распространению (наличие постпозитивного определительного оборота), например:

He made light of what was before him, which was but a day's journey into the mountains (to make light of smb/sth) [2, 11];

в) усечение фразеологической единицы, например:

There was nobody in the school then to save a chap from Carnaby, though Crawshaw put in a word or so (to put a word for smb) [2, 44].

Обнаруживаются различия и в сложном окказиональном преобразовании, которое включает 2 синтаксических простых преобразования, например:

1) усечение фразеологической единицы и двойная актуализация:

He left me behind him long ago; he soared up over my head, and cut a figure in the world that I couldn't cut – any how (to cut a figure) [2, 36];

2) перестановка слов-компонентов и усечение фразеологической единицы:

There was nobody in the school then to save a chap from Carnaby, though Crawshaw put in a word or so (to put a word for smb) [2, 44];

3) расщепление фразеологической единицы и способность существительного выступать в роли подлежащего в пассивной конструкции:

She 'ad a lovin' eart; I guess 'twas broken (to break smb's heart) [2, 108].

Обнаруживается и такое сложное окказиональное преобразование, которое включает 2 простых морфологических преобразования и 1 простое синтаксическое. Так, в русской глагольной фразеологической единице «намылить холку кому-либо» отмечается 2 морфологических окказиональных преобразования: включение новых слов и замена слов-компонентов синонимами или словами, семантически связанными с замещаемыми словами, и 1 синтаксическое окказиональное преобразование – перестановка слов-компонентов, например:

На деревне спросят: «Что же ты, уж мужу беспутному голову намылила?» (намылить холку кому-либо) [7, 107].

Фразеологические единицы с окказиональными преобразованиями как в английском, так и в русском рассказах вносят более объемную информацию об описательной характеристике именуемых ими действий/состояний, таких признаках, как оценка, способ, интенсивность, сравнение, чем фразеологические единицы в узуальном употреблении.

А также мы должны отметить, что чем больше происходит изменений структуры фразеологической единицы, т.е. если структура фразеологической единицы включает 2 и более окказиональных преобразований, тем больше интенсивность эмоциональной и рациональной оценки в тексте.

Литература

1. Cheever J. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1980. 344 с.
2. English Short Stories of the 20th century. М.: Raduga Publishers, 1988. 416 с.
3. Fitzgerald S. Selected Short Stories. М.: Progress Publishers, 1979. 356 с.
4. Булгаков М.А. Колесо судьбы. М.: Современник, 1990. 560 с.
5. Герман Ю.П. Рассказы о Дзержинском. М.: Правда, 1978. 272 с.

6. Зощенко М. Рассказы. М.: Художественная литература, 1987. 564 с.
7. Романов П.С. Черные лепешки. М.: Современник, 1988. 109 с.
8. Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. М.: Правда, 1985. 375 с.

© Г.З. Батырова, 2015

Ш.Ф. Батыршин
БашГУ, Уфа, Россия

Проблемы теории и практики перевода и сопоставительного изучения языков

Тема взаимопонимания наций в настоящее время становится все более актуальной, и на первое место выходит проблема специфики, самобытности и различий языков и культур разных народов [4, 1626]. Основной и первостепенной проблемой теории и практики перевода является закономерное соотношение подлинника и переводной версии текста..

Сопоставление языков в лингводидактических целях имеет сугубо практический характер, сопоставительное описание должно быть предельно простым и понятным как для преподавателей, так и для студентов [6, 10].

В данной статье будет проведено сопоставление трех языков: русского, английского и китайского.

На наш взгляд, если сопоставлять указанные языки, то самым сложным для понимания иностранцами будет русский язык.

Русский язык является самым сложным потому, что он концентрирует в себе предметно-образное мышление и доказательством всего этого являются новшества, которые были открыты нашими учеными – тепловидение, лазер, магнитная лента, спутники и так далее.

«Образность» в языке является, на наш взгляд, важной составляющей при переводе, а тем более при сопоставительном изучении языков. И образ в языке является своеобразным ключом передачи картинки на другой язык для его полноценного понимания.

Языковая образность как особая категория в сопоставительном плане не может не привлекать внимания и тем более, чем устойчивее, теснее и разнообразнее языковые контакты [6, 43].

Хотя китайский язык тоже является языком, содержащим в себе предметно-образные качества, но в плане не разговорного, а письменного языка.

Разберем пару иероглифов: Россия 俄罗斯 eluosi либо русский 俄人 eren. Где звучание “е” (Э) и иероглиф 俄 состоит из двух ключей —

это 人 rén человек и 我 wǒ я [7]. То есть простые китайцы даже не придают значения своим иероглифам (перевод: “Я человек”), а ведь людей, населяющих нашу территорию, они считают за “человека”!

Данный пример доказывает, что в китайском языке образность также присутствует.

Так же как и мы не придаем значения тому, что в предложении «Какой ты худой», слово *худой* произошло от слова «худо» – означающее беду (видимо, лучше было бы сказать «Какой ты *стройный*»), так и в китайском языке есть такое же понятие: 你很瘦 nǐ hěn shòu ты худой, где корень иероглифа 瘦 в основном включает 病 bìng болеть, 疗 liáo лечить, то есть в том же значении, что и русское «худо». Хотя, если говорить, что ты *стройный* употребляется другой иероглиф 苗条 miáotiáo – стройный.

Сложным языком является русский не только в плане образности, но и в плане грамматики. Разберем яркий пример: “я тебя люблю”

На английском языке он будет звучать как: I love you.

На китайском языке он будет звучать как: 我爱你 wǒ ài nǐ

И у данного предложения больше нет других версий написания. На русском же языке оно может звучать как: *Я тебя люблю. Тебя я люблю. Люблю я тебя. Люблю тебя я. Я люблю тебя. Люблю тебя.* И все это будет означать один и тот же смысл, не учитывая интонационные возможности.

Также и с грамматикой китайского языка. В русском языке: *Я делаю уроки дома. Дома я делаю уроки. Уроки я дома делаю. Делая дома я уроки* и тд. В китайском языке 我在家做作业 wǒ zài jiā zuò zuòyè – я дома делаю домашнее задание (уроки) (если поменять слова местами – будет грамматическая ошибка).

Поэтому того разнообразия, которое присуще русскому языку, больше нет ни в каком языке мира.

А в сфере того, что русский язык – это сложный инструмент общения, еще сложнее. Возьмем к примеру слово Совесть. В словаре С. Ожегова читаем: «СОВЕСТЬ, -и, ж. Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом. Люди с чистой совестью. С. нечиста у кого-н. Со спокойной совестью делать что-н. (будучи уверенным в своей правоте)» [2, 741].

В английском же языке отсутствует форма, чтобы правильно перевести данное слово «Совесть». В английском языке существует слово «conscience» [2, 949], которое мы переводим как совесть, однако в точном понимании оно означает «сознание».

И китайское «совесть» нам также не до конца раскрывает саму суть данного слова – 良心 liángxīn хорошее, доброе сердце [7, 560].

Так во многих языках слово совесть означает некую часть сознания человека, которая обязывает людей относиться к другим людям хорошо, только потому, что это выгодно для самого себя. В данном частном случае, и не только, возможно придется прибегнуть к дополнительному объяснению, применив лакунарные слова.

Также присутствуют и идеологемы в виде фраз и сочетаний в поговорах и поговорках, содержащих в себе определенный опыт наших предков иногда в иносказательном смысле. «Основным объектом при анализе фразеологических систем двух языков является фразеологический образ, т.к. особенности образного мышления больше отражаются в структуре фразеологических оборотов. В то же время тождественные фразеологические сферы различных языков вызывают близкие или полностью эквивалентные по своей образной основе единицы» [3].

Такой же тип поговорок относится и к 成语 Chengyu китайского языка, состоящего из 4-х иероглифов и несущего смысл одной повести либо случая.

Цели сопоставительных представлений национальных идиоматик и фразеологизмов вполне очевидны: «знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа [5, 134]. Как говорят англичане, *As the people, as the proverb* (Каков народ, таковы и пословицы). Что касается изобразительных средств, используемых языками для выражения нравственно-ценностных смыслов фразеологических единиц, то особенно заметна разница в «строительном материале» метафор русского и китайского языка. Китайское языковое сознание апеллирует, в основном, к природе, диким животным, в то время как «русское языковое сознание чаще обращено к бытовым сюжетам, люди гораздо чаще становятся действующими лицами данных лексем, чем животные, а среди последних преобладают домашние» [4, 1627]. Другое отличие состоит в различной стилистической окрашенности фразеологизмов и пословиц. Восточные идиомы тяготеют к возвышенному стилю, к поэтичности, что вполне соответствует статусу нравственно-ценностных оценок жизненных ситуаций и определенных моделей поведения человека в них. Стилистика же «русских идиом ценностного смысла оказывается явно сниженной, многие из них отмечены иронией или откровенной насмешкой, изобилуют просторечной (а иногда и бранной) лексикой» [5, 129].

Литература

1. Мюллер В.К. Большой Англо-Русский, Русско-Английский словарь. Современная редакция с грамматическим приложением. 300 тысяч слов. – Москва: ООО «Стандарт», 2015 – 1072 с.
2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского

языка им. В.В. Виноградова -4-е изд., дополненное, Москва: ООО «А ТЕМП» 2006. - 944 с.

3. Сираева Р.Т., Фаткуллина Ф.Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13230> (дата обращения: 26.05.2014).

4. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). С. 1626-1627

5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук.– Уфа, 2002.– 343 с.

6. Юсупов У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина // Методы сопоставительного изучения языков. Наука 1988. - 96 с.

7. 汉俄词典 HanE cidian. Китайско-Русский словарь. Shanghai wai guoyu xueyuan 2004, Beijing 1250 pages.

© Ш.Ф. Батыршин, 2015

Е.И. Беглова

НА МВД РФ, Нижний Новгород, Россия

Коммуникативный и экспрессивный потенциал перифразы в современной публицистике

Перифраза (от греч. periphrasis – пересказ) – троп, заключающийся в замене какого-либо слова или выражения описательным оборотом, в котором называются существенные признаки обозначаемого [7, 226]. Перифраза как устойчивое словосочетание, имеющее метафорическое значение активно используется в публицистическом тексте с целью, с одной стороны, «создания экспрессии, с другой – речевой экономии», поскольку перифраза может заменять большой по количеству слов описательный оборот [6, 239]. Более того, именно современная публицистика порождает новые перифразы, которые, пройдя стадию неологических образований, со временем становятся общеупотребительными и пополняют фразеологический состав русского литературного языка. В словарях публицистики [4] и специальных словарях перифраз [3] отражаются перифразы, активно использующиеся в газетном языке, теле и радиопублицистике. Перифразы активно используются носителями русского языка, так как, являясь устойчивыми образными словосочетаниями, они легко запоминаются и воспроизводятся в речи для образной передачи мысли, создания оценки о предмете речи, экспрессии речи в целом. Например: *летающий лыжник* – о спортсмене, занимающемся прыжками на лыжах с трамплина [4, 281]; *горный лён* – вид асбеста, способного расщепляться на тончайшие волокна [4, 280]; *болотный лимон* – ягода

клюква [4, 282]; *мыльная опера* – ирон., о сентиментальных, невысокого качества многосерийных телевизионных постановках [4, 318] и др. Как видно из данных перифраз, они являются словосочетаниями, созданными на основе сходства по признаку вкусового ощущения, то есть путём метафорического переноса значений слов.

Мы в своих работах уже освещали проблемы функционирования и семантики, этимологии современных перифраз [1; 2], но, по нашему мнению, важно отследить новые перифразы и изучить их в синхронии с целью определения тенденций их существования в русском литературном языке и потенциала в речи.

В данной работе мы анализируем новейшие перифразы, извлечённые нами из текстов публицистики и разговорной речи 2000-х гг., которые ещё не вошли в словари перифраз или фразеологизмов, но активно используются в публицистике и разговорной речи XXI века, что свидетельствует об освоении носителями русского языка некоторых образных словосочетаний, имеющих перспективу вхождения в русский литературный язык в качестве фразеологизмов или паремий и обогащения его новыми эмоционально-экспрессивными средствами.

Следует отметить, что перифразы рождаются вместе с необычными явлениями, которые появляются в российской действительности, отражая её разные сферы, например, устойчивое словосочетание *ледяной дождь* появляется и используется в период природных катаклизмов 2010 – 2011 гг. Так, в декабре 2010 года отмечалась резкая смена температуры (резкое потепление, резкое похолодание), приводящая то к снегу, то к дождю, то к *ледяному дождю*. Например, в Сочи в начале января 2011 года расцвела мимоза, которая зацветает обычно в апреле (ТК. Вести. 19.01.2011.). / *Докатит ли до наших широт Урсул? Это черноморский циклон с ледяным дождем. Синоптики отвечают уклончиво. Но скорее всего нам достанутся тонны мокрого снега с небес, а ледяной дождь сбросит на просторы Центральной России.* (МК-Поволжье.05.-12.01.2011. С.2. Рубрика «Погода на здоровье». Доктор Эльвира Шакирова советует...).

Ледяной дождь – это дождь в виде маленьких льдинок или капелек воды, падающих с неба и превращающихся при падении в льдинки; *этимология*: выражение появилось в СМИ для названия явления, не свойственного для зимнего периода России, то есть в связи с природными катаклизмами и является метафорой.

В начале 2000-ых гг. на российских дорогах появляются искусственные бетонные неровности, предназначенные для снижения скорости автомашин, и одновременно с ними для их образного именования в речи водителей рождается образное метафорическое выражение *лежащий полицейский* или слово-метафора *полицейский* на основе сходства вы-

полняемой функции— охранять порядок на дорогах,— активно используемое в современных СМИ, например: 1) – *Это что, «лежащие полицейские», что ли? – Да. – А почему не покрашены? – Они в штатском...* (КП. 17.03.2010. С.16.). 2) *Это только кажется, что для проезда через «полицейского» достаточно притормозить. Всё гораздо сложнее. Если не знать правила прохождения, это может сильно повредить авто... Когда машина касается препятствия поддоном картера, это может повредить низко расположенный приёмник масляного насоса и вывести из строя двигатель* (КП. 27.10.2006. С. 20. Рубрика «Автоликбез»). 3) *Проезд бетонного препятствия: для этого нужно энергично притормозить, а уже у самого бугра педаль отпустить. Как только передние колёса поднимутся на «полицейского», мягко нажмите на газ.* (КП. 27.11. 2006. С. 20.).

Итак, перифраза *лежащий полицейский* образовалось в речи автолюбителей, водителей; имеет значение «препятствие, преграда на дороге, ограничивающие скорость автомобиля, требующие торможения»; этимология: метафорический перенос значения на основе выполняемой функции.

В связи с притоком мигрантов в Россию и необходимостью их официальной регистрации появляется перифраза *резиновые квартиры* в значении «квартиры, в которых прописывается большое количество граждан из разных стран», например: 1) *В резиновых квартирах прописывается большое количество граждан из разных стран: гастарбайтеры, мигранты-азиаты, в которых и проживают часто* (Радио «Россия». 05.04. 2013.); 2) Предтекст: Вынесен первый приговор владельцу *«резиновой квартиры»*. Заголовок: «Прописка стала подсудной». «Вчера прозвучал первый судебный вердикт по незаконной прописке гастарбайтеров. ...За прописку в квартире нелегалов москвич Андрей Зимаков получил 2 года условно с таким же испытательным сроком ... Юридически он совладелец *«резиновой квартиры»*. ... С его слов, он оформлял приезжих за 1,5 тысячи с человека в квартиру на Валдайском проезде... (Рос. газ. 09.08.2013. С. 3.). *Резиновая квартира* – квартира, в которой зарегистрировано большое количество человек (до сотен человек), проживающих в ней или не проживающих, а только числившихся; этимология: метафорический перенос значения по признаку: *растягиваться, как резина*.

В 2010-е гг. появляются перифразы *социальная розетка* и *тревожная кнопка*, которые используются в газетах и телепередачах, в том числе и информационных. Значения этих перифраз раскрываются в самих текстах, что говорит об их новизне, то есть они в настоящее время являются неологическими словосочетаниями, образно называющими социальные явления второго десятилетия XXI века. Например: 1) *пре-*

словутая **«социальная розетка»**, куда можно подключить не только радио (9 программ), но и телевизор, компьютер (медленный, но бесплатный Интернет). К тому же бесплатной обещают сделать и так называемую **«тревожную кнопку»**, обеспечивающую экстренную связь со спецслужбами, милицией, МЧС и «скорой помощью». 2) В более отдаленной перспективе через **соцрозетки** можно будет подключиться к скоростному Интернету, даже получать доступ к телевидению современных форматов. В Кунцеве уже дома с подобными **«социальными розетками»** построены. ... По планам, такими розетками собираются оборудовать все московские квартиры только к 2015 году. (Рос. газ. 26.11.2009. С.22.).

Социальная розетка – радиоточка; имеет вариант соцрозетка, образованный сложением основы слова и целого слова. Используется в большей степени с целью речевой экономии, тяготея к термину.

Тревожная кнопка – экстренная связь населения с милицией, спецслужбами, МЧС, скорой помощью; *этимология*: метафорический перенос значений слова на основе признака (тревожный, волнительный, то есть вызывающий волнение, приводящий к тревожному состоянию).

Представленные выше перифразы в современной российской коммуникации выполняют экспрессивную и оценочную функции, в большей степени отражают положительную оценку называемого явления. Однако, отмечаются «перифразы, выполняющие эвфемистическую функцию, то есть функцию снижения отрицательной оценки явления или завуалированности истинного смысла явления» [5, 117]. Прежде всего, это устойчивые метафорические словосочетания, являющиеся перифразами, обозначающие с этической точки зрения отрицательные явления российской жизни, например: *жрицы продажной любви, путаны, ночные бабочки* – женщины лёгкого поведения: 1) *Пропустив наш рейтинг – 2009, главный санитарный врач России (Геннадий Онищенко) тут же поспешил исправиться. И в 2010-м отметил яркими высказываниями – заклеим алкоголь, сигареты и прочие пороки. Только про жриц продажной любви не сказал ничего. Видимо, жалеет. Они же мерзнут на трассах, бедняшки ...* (КП. 30.12.2010. – 06.01.2011. С.2); 2) *Может быть, доверять им (проституткам) управлять государством? Поставить на ключевые посты! Пусть жрицы любви сменяют взяточников и казнокрадов. И тогда всё изменится к лучшему! Настораживает разве что уточнение, что опыты учёные проводили на крысах. Но это, видимо, из-за нехватки средств. Было бы побольше денег, проводили бы на слонах.* (АиФ. № 8. 2012. В. Коклюшкин. Кушать подано!); 3) Заголовок «Девочки-рулетки». (Игорные залы скрестили с борделями). *Шесть разбросанных по всему городу точек располагалось в подвалах и отдельно стоящих зданиях ... работало более 150 игровых автоматов*

... некоторые из обнаруженных залов игровых автоматов находились под одной крышей с борделями. Клиенты таких заведений могли позволить себе выпить, попытать удачу, попариться, а заодно провести время с «ночной бабочкой». (АиФ. №44. 2007. Илья Георгиев. С.29).

Таким образом, потребность языковой личности в образных устойчивых оборотах речи, коими являются перифразы, не исчезает, а продолжает активизироваться одновременно с новыми явлениями российской действительности, которые они именуют, заменяя нейтральные слова или описательные обороты речи. Прежде всего, перифразы служат созданию экспрессии речи, а также и речевой экономии в письменной речи, иногда выполняют эвфемистическую функцию, снижая степень вульгарности явления или вуалируя его сущность. Перифразы-эвфемизмы можно расценивать двояко: 1) как положительное явление, когда они снижают грубость самого явления, его неэтичность (ср. *ночные бабочки*); или служат созданию иронической оценки (ср. *слуги народа*–чиновники); 2) как отрицательное явление, когда перифразы затемняют истинный смысл называемого явления (ср. *теневая экономика*, *теневой бизнес*, то есть ведение бизнеса и особенности экономики с нарушением законодательства; *страусиная политика* – политика неуверенная, с подчинением другим, страхом перед всеми, ничего не решающая, не приносящая пользы обществу).

Перифразы являются источником пополнения фразеологического состава русского литературного языка, поэтому их фиксация и лингвистический анализ необходимы как в диахронии, так и в синхронии. Их изучение способствует не только выявлению тенденций развития русской фразеологии, но и образного потенциала в современной разговорной и публичной речи.

Литература

1. Беглова Е.И. Перифраза как продуктивный способ языкового расширения // Русский язык в системе славянских языков: история и современность (выпуск III). Сборник научных трудов. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 368 с. – С.27 – 33.
2. Беглова Е.И. Перифраза и перефраз как образные компоненты публицистического текста // Труды Стерлитамакского филиала Академии наук Республики Башкортостан. Серия «Филологические науки». – Выпуск 4. / Отв. ред. И.Е. Карпухин. – Уфа: Гилем, 2010. – 232 с. С. 6 – 9.
3. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – М.: Русский язык-Медиа, 2004. – 352 с.
4. Солганик Г.Я. Стилистический словарь публицистики. – М.: Русские словари, 1999. – 650 с.
5. Фаткуллина Ф.Г., Халимова Р.Р.– Лингвопрагматика Product placemant монография [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина, Р.Р. Халимова.–Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.– 162 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Материалы Международ-

ной научно-методической конференции «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. Том 2. – С. 228-235.

7. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты /Под ред. А.П. Сковородникова. – 2-е изд-е. –М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.

© Е.И. Беглова, 2015

А.Н. Беляев
БашГАУ, Уфа, Россия

Окказиональные глаголы от имён собственных в современном немецком языке

Характерной чертой ономастических работ последнего времени является повышенное внимание исследователей к изучению ономастической системы в целом, а также отдельных её подсистем, в её функционировании, её реальном бытии в речи. Существует целый ряд специфических ономастических свойств и явлений, отличных от всех или почти всех уровней языковой системы [2, 12], внутренние потенции которых реализуются только в определённых речевых условиях. Одним из таких интереснейших явлений, наблюдаемых в сфере словообразования, являются эпонимические глаголы, образованные от личных имён и фамилий известных людей, прежде всего, политиков [3].

В основе возникновения эпонимических глаголов, как и многих классов лексических единиц, лежит деонимизация, т.е. переход собственного имени в нарицательное. При этом в семантике глагольных дериватов фиксируются два основных значения: (а) ‘использовать, применять в работе метод, разработанный X’ (*morsen, pasteurisieren*). Этот тип явно выражен в современном естественнонаучном, техническом и медицинском подязыке;

(b) ‘действовать, поступать (говорить/писать/думать и т. д.) как X’ (*heideggern, rilken, mangern, verballhornen*). Дериваты этого вида часто выражают иронию [6, 59].

В данной статье объектом анализа являются дериваты второго типа, представляющие собой чрезвычайно интересное поле для исследования важнейших проблем словообразовательной семантики. Их изучение позволяет не только разграничить более чётко сферы действия онимической транспозиции и лексической деривации, не только глубже понять специфику мотивационных связей между производящей и производной единицами, но и уточнить границы предсказуемости семантики производного слова, представить в несколько ином ракурсе проблему окказиональности дериватов. Главное, однако, состоит в том, что изуче-

ние слов указанного типа открывает возможность более глубокого проникновения в механизм и природу номинации. Изложению некоторых результатов исследования производных глаголов эпонимического типа, проведённого с целью анализа их семантических и структурных особенностей, и посвящена данная работа.

Интенсивное развитие современных СМИ вызвало к жизни целый ряд креативных и забавных глаголов (*abwaigeln*, *merkeln*, *guttenbergen*, *schrödern*, *wulffen* и др.), обладающих часто отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией. Появление каждого такого глагола зависит от вполне конкретного случая.

Одним из первых таких эпонимических глаголов в немецком языке можно назвать глагол *abwaigeln*. Когда в 1993 году Германия узнала о внебрачной связи тогдашнего министра финансов ФРГ и председателя партии ХСС Тео Вайгеля (Theo Waigel), разгорелся такой скандал, что политик был даже вынужден снять свою кандидатуру на выборах премьер-министра Баварии. Его финансовые дела явились отправной точкой в придании этому глаголу значения 'обобрать, обчистить, выманить хитростью'.

Относительно недавно появился глагол *guttenbergen* или *guttenborgen* со значением 'списать, присвоить чужое (интеллектуальное) достояние'. В 2011 году в немецком обществе разразился скандал с аферой тогдашнего министра обороны ФРГ К.-Т. Гуттенбергера в отношении его диссертации, значительная часть которой оказалась плагиатом, скопированной из работ других авторов, публикаций СМИ. После такого недостойного поведения Карл-Теодор Гуттенбергер был вынужден оставить свой пост и эмигрировать, а глагол *guttenbergen*, «крёстным отцом» которого он явился, стал частотным метафорическим словом в разговорном языке и в молодёжном сленге, где можно услышать такую фразу: «Lass mal die Hausaufgaben guttenbergen».

Эпонимический глагол *merkeln* (меркелить), образованный от фамилии действующего канцлера Германии Ангелы Меркель, означает 'сомневаться', 'быть нерешительным', 'неоднозначно высказываться' или 'уклоняться от ответов на прямые вопросы'. Немецкая печать содержала многие статьи со скандальными американскими оценками языковой личности Меркель. Она известна своим нежеланием участвовать в острых политических дебатах, предпочитая оставаться в тени, пока не вырисуется соотношение сил, после чего старается повернуть ход дебатов в желаемое русло. В конфиденциальных донесениях американских дипломатов ее часто называют «Ангела-Тефлон-Меркель», потому что она говорит весьма обтекаемо. Её характеризуют как «недостаточно творчески активную, не любящую рисковать» „*meidet das Risiko, selten kreativ*“ [1]. Ключевая черта характеристики этой языковой личности –

«мастерица приблизительности» *Meisterin des Ungefähren*. Она придерживается стиля Геншера, лавирует, темнит, недоговаривает. Неопределенность стала ее политической натурой. *Sie genschert, laviert, verunklart, lässt offen, bleibt unbestimmt. Das Vage ist ihr längst zur politischen Natur geworden.*

В связи со скандалом, который разгорелся вокруг бывшего президента ФРГ Кристиана Вульфа (угроза журналисту, сомнительный кредит, обвинения в коррупции и давлении на СМИ), в немецком языке отмечается появление нового глагола *wulffen*, образованного от его фамилии. Новое слово распространилось после телевизионного интервью Вульфа и имеет следующие значения: 1) оставить длинное сообщение на автоответчике; 2) произвольно и без остановки болтать; 3) уклончиво рассказывать о чём-либо, недоговаривать, но так, чтобы говорящего нельзя было уличить во лжи; говорить неправду; 4) присвоить чужое имущество [3, 65]. Человек, про которого говорят, что тот «вульфит», теряет доверие собеседников, но не дает возможности для прямого уличения его во лжи. Эти значения, как отмечает Р.Г. Гатауллин, могут дифференцироваться производными при помощи приставок и полуприставок *an-, durch-, aus-, voll-, ver-, weiter-, ein-* и др.: *anwulffen, auswulffen, einwulffen, vollwulffen, verwulffen*, ср.: In Deutschland hat es sich bereits "ausgewulfft" (DIEZEITNr. 9/2012).

Деонимические глаголы, образованные от основы онима с простым инфинитивным окончанием *-(e)n*, а также с суффиксом *-eln*, как правило, являются непереходными глаголами, обозначающими действия, поведение, манеру вести себя так, как это свойственно названным личностям, например: *barzeln, straußeln, schäubeln, schrödern, stoibern, merken*. Напротив образования с префиксом *ver-* или с суффиксом *-(is)ieren* являются переходными глаголами [4, 776-777]. В их семантике отражается намерение выразить в сфере общественного языкового употребления переход некоего субъекта (политика, известного лица, группы лиц) из одного состояния в другое, например: *verhayken, verschrödern, haiderisieren*.

Анализ морфологической структуры деонимических глаголов показывает, что в их образовании участвуют многие словообразовательные морфемы (суффиксы: *-eln, -ieren, -isieren*; префиксы и полупрефиксы: *ab-, aus-, auf-, be-, ein-, ent-, er-, durch-, her-, kaput-, los-, mit-, um-, unter-, ver-, vor-, weg-, zer-, zu-, zusammen-*). Примеры свидетельствуют о том, что имеются широкие возможности для образования подобных глаголов. Иллюстрацией тому служат собранные Д. Шеллером-Большцем «Merkel-Verben»: *ausmerkeln, aufmerkeln, bemerken, einmerkeln, hermerkeln, kaputtmerkeln, mitmerkeln, ummerkeln, untermerkeln, vermerkeln, wegmerkeln, zumerkeln, zusammenmerkeln* [5, 110-112].

Существуют подобные глаголы от фамилий известных немецких футболистов: Филиппа Лама, Мануэла Нойера, Томаса Мюллера и т. д. На страницах немецких периодических изданий можно прочесть такую фразу: «Es hat, geneuert, gemüllert, galahmt». Особенно популярен в Германии и за ее пределами игрок национальной сборной Томас Мюллер, забивающий в ворота противников много голов. Ср. газетный заголовок статьи о блестящей игре немецкого футболиста Томаса Мюллера против шотландцев: «Zwei mal hat es gemüllert in Glasgow».

Возникновение подобных неологизмов вызывает у сторонников пуризма негативное отношение: так ли уж необходимо обогащать словарный запас немецкого языка теми понятиями, отражающими текущие события? Но именно эти неологизмы выражают экспрессивность живого языка, способствуют его дальнейшему развитию. Благодаря им язык не стоит на месте, не застывает навечно в своём традиционном вокабуляре. Не будет преувеличением сказать, что окказиональные выражения способны вдохнуть жизнь в письменный язык. Некоторые из этих неологизмов возникают как бы из ничего, мало-помалу напрашиваясь в речь со всеми своими оттенками значений. Разумеется, многие из них недолговечны, они умирают, не успев по-настоящему родиться.

Дальнейшее исследование окказиональных словообразовательных конструкций от имён собственных в их контекстуальном окружении может способствовать углубленному пониманию их функциональных, синтаксических и прагматических функций.

Литература

1. Андреев Н.И. Дискурс политических партий Германии в синхронии и диахронии. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 23 с.
2. Антышев А.Н. Имена. Немецкие антропонимы. – Уфа: БГАУ, 2001. – 239 с.
3. Гатауллин Р.Г. Guttenbergen, merkeln, schrödern и другие эпонимические глаголы в немецком языке // Теория и практика языковой коммуникации: материалы VII Международной научно-методической конференции (24–25 июня 2015 г.) / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2015. С. 63–67.
4. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. von der Dudenredaktion. – 6. neu bearb. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenwerk, 1998. – 921 S.
5. Scheller-Boltz, D. „Im Hochpreisland Norwegen hat es sich ausgelidit“. Deonymische verben im Gegenwartsdeutschen – morphologische, semantische und lexikographische Beobachtungen / D. Scheller-Boltz // Prace Komisji Nauk Filologicznych Oddziału Polskiej Akademii Nauk we Wrocławiu. – Wrocław, 2010. – II. – S. 109–144.
6. Seibicke W. Die Personennamen im Deutschen. – Berlin/New York: de Greyter, 1982. – 230 S.

© А.Н. Беляев, 2015

**Сопоставительно-типологический анализ свадебного обряда
в казахской и русской лингвокультурах**

В последние годы все больше развивается сопоставительная, или контрастивная, лингвистика. Она изучает обычно два языка, редко больше двух, сопоставляя отдельные элементы одного языка с соответствующими элементами другого. Сопоставление проводится в синхронном плане на основании проведенного описательного анализа разных уровней данных языков — фонологического, грамматического, словообразовательного, лексико-фразеологического, стилистического. Результаты сопоставительного анализа двух языков показывают, в каких элементах каких уровней они различаются. Сопоставительное языкознание тесно связано с педагогической практикой, поскольку «знание сходств и различий в структурах сопоставляемых языков позволяет определить, в каких элементах изучаемого языка возможна интерференция» [2].

Различия между языками, обусловленные различием культур, особенно ярко выявляются на уровне лексики, поскольку она наиболее тесно связана с внеязыковой действительностью.

«В лексическом составе любого языка есть слова, служащие обозначениями специфических явлений данной культуры» [3, 241]. Уникальность обозначаемого обуславливает национально специфический характер обозначающих: такие «слова характеризуются особым денотативным значением, которое, как основа семантики слова, обуславливает культурную маркированность всего лексического фона и возможных коннотаций слова» [3, 243].

Лексическое поле обряда как целостный блок традиционной духовной культуры является объектом исследования российских этнолингвистов, которые рассматривают проблему в диахроническом аспекте (Н.И. Толстой, С.Н. Толстая, Л.М. Виноградова, М.М. Валенцова, О.В. Гури, Г.П. Клепикова, А.Ф. Журавлёв, Г.А. Плотникова, О.О. Седакова и т.п.).

Так, Э.В. Севортьян, сопоставив древнетюркские и современные тюркские языки, указывает, что истоки слова *añ* восходят к заимствованному из иранских языков слову *as* [1, 211].

Одним из слов, имеющих богатую этносемантику, является слово - *той* «пир, празднество, пиршество, свадьба». В толковом словаре казахского языка даны два его значения: первое – существительное, обозначающее «празднество, связанное с радостными событиями в

жизни человека, с приглашением множества гостей»; второе – глагол, обозначающий «есть досыта». От каждого из значений образуется множество производных слов с переносным значением [6, 161-162.].

По происхождению современные непроизводные слова А. Ыскаков делит на мертвые непроизводные (*момын, момақан* и т.д.) и живые непроизводные (*бас, айт, ас* и т.д.). Критерием такого деления является присутствие основы слова в составе нескольких непроизводных слов [7, 87-88.]. Если так, то *той* «празднество» и ток «сытый» можно считать родственными, поскольку корень здесь - *той // тоқ*. Известно, что древнетюркские звуки г, г и в начале и в конце слова могут быть заменены звуками ц, к, й. В результате такого чередования произошла замена *тог > тоқ // той*. Из первоначального глагольного значения «есть, кушать пищу» образовалось название действия - *той*, а слово *тоқ* имеет оценочное значение.

Той - в быту казахов общее название празднества. У казахов много празднеств, связанных с разными этапами жизни человека: *шілдеhana* «празднество в честь новорожденного», *бесік той* «колыбельное пиршество», *сундет той* «празднество, связанное с обрезанием», *тұсаукесер* «пиршество, когда ребенок начинает ходить», *тілашар* «празднество, когда ребенок начинает говорить», *кыззұтату* «свадьба, проводы невесты из отчего дома» и т. д. В языке казахов каждый из них имеет этнокультурную семантику и выполняет этнокультурную функцию.

Откуда же произошло слово «свадьба» в русской лингвокультуре? Некоторые думают, что от глагола «сводить», «соединять», основываясь на том, что брак – соединение двух лиц; другие, что от слова «сват» - свидетеля свадебного сговора; но на самом деле свадьба произошла от древнего слова «свататься», означавшего прежде – сговариваться, соглашаться.

В казахском и русском народах не случайно говорят: «той тойлау» – «сыграть свадьбу». Свадебные обряды можно рассмотреть, как своеобразное театрализованное представление, с определенным сценарием и действующими лицами.

Казахская свадьба представляет собой этнообусловленную ситуативно-тематическую композицию и отражает структуру знаний о казахской свадьбе.

I. Обряды, связанные с досвадебным этапом.

- Кыз көру (смотрины невесты жаушы или родственницей жениха);

- Шегешапан, қарғыбау (обмен подарками (шапан и лошадь) в знак предварительного сговора).

II. Свадебные обряды.

- Кұда түсу (приезд сватов в аул девушки);
- баталасу (назначение даты свадьбы, количества калыма);
- құда тартар, киімтігу (шутливые проделки над сватами в доме невесты);

- құйрықбауыр (ритуальное блюдо, скрепляющее сватовство);
- Қалың мал (уплата калыма);
- сүт ақы (подарок матери невесты);
- жігіттүйе (подарок жениха отцу невесты);
- өлі - тірі (подарки в память усопших и старейшинам рода);
- кәде (презенты родственникам невесты);
- киіт (обмен ценными подарками будущими родственниками);
- қапқасалар (подарок зятю от матери невесты);
- той малы (скот для свадьбы невесты от свата);
- қынаменде (тайный приезд жениха к невесте до свадьбы, первая встреча);

- қызтанану (прощальный визит невесты к родственникам);
- қыз ұзату (проводы невесты в её ауле);
- сәукелекигізу (торжественное надевание свадебного головного убора невесты, получение бата от родственников, байғазы);
- қызкеші (свадебный той в доме невесты);
- жасау (демонстрация приданого невесты, байғазы за него);
- қоштасу (прощание невесты с родными);
- келінтүсіру (встреча невесты в доме жениха, көрімдік-подарок за невесту);

- некеқияр (мусульманский обряд бракосочетания);
- беташар (представление невесты новой родне на свадебном тое акыном) [5];

III. Послесвадебные обряды.

- отаукөтеру (создание новой семьи);
- шаңырақ көтеру (поднятие купола юрты уважаемым мужчиной рода, старейшиной);
- ритуальный обряд подливания масла в огонь, обмазывание порога, косяков маслом;
- бата, шәшу, көрімдік (благословение, подарки за осмотр нового дома);
- кимешеккигізу (надевание головного убора замужней женщины);
- үй көрсету (визит молодой женщины к новым родственникам);
- есікашар (визит молодой четы с близкими друзьями к родителям жены);
- немеурін (материальная помощь молодой семье от отца жениха)

[8].

Русский свадебный цикл традиционно делится на несколько этапов:

I. Досвадебные обряды – это знакомство, смотры невест, девичьи гадания.

II. Предсвадебные обряды – это сватовство, смотрины, сговор, девичник, жениховы посиделки.

III. Свадебные обряды – это отъезд, свадебный поезд, венчание, свадебный пир.

IV. Послесвадебные обряды – это обряды второго дня, визиты.

Например, «Брак – умыкание» – основная свадебная игра развевывалась вокруг похищения невесты. Ее прятали от жениха, преграждали дорогу жениховому поезду, разыгрывали сцены доступа жениху во двор, в горницу и проч. Подчеркивалось активное начало со стороны жениха и ритуальное «нежелание» невесты выходить замуж. В доме невесты пели песни, в которых приезд жениха изображался как ветер, буря, сам же он назывался разорителем и погубителем.

«Купля – продажа невесты» - первоначально существовала у полян, жених должен был платить за невесту вено, аналогичное известному казахскому калыму. В русской свадебной игре разыгрывались сценки выкупа места рядом с невестой, ее косы (или ее самой, что было равнозначно), приданого. Выкуп был небольшой, почти символический: подарками, украшениями, мелкими деньгами. Иногда следовало отгадать загадки. Во время сватовства разговор велся в иносказательной форме, которая тоже отражала особенности «свадьбы – покупки» невесты: «Хотим купить телочку...», «У вас товар, у нас купец...». Один из предсвадебных ритуалов назывался рукобитье: сваты и отец невесты «били по рукам», как бы заключая торговую сделку.

Расширение возможностей широкого сопоставительного изучения казахских и русских свадебных традиций становится возможным при условии усовершенствования методов внутренней и внешней реконструкции в изучении этнографических и фольклорных фактов и поиска универсальных принципов категоризации разноязычных свадебно-обрядовых номинативных единиц, их «пространственной и временной локализации в тесной связи с народным менталитетом, концептами этнической культуры, моделированием бинарных семиотических оппозиций» [2, 1626], важность чего подчеркивается в работах В.В. Иванова, В.М. Топорова, М.И. Толстого, Ф.Г. Фаткуллиной и др. исследователей.

Тем не менее, сопоставительный анализ свадебных обрядов в казахской и русской лингвокультурах большей частью не был предметом концептуального осмысления, которое опиралось бы на основательную сравнительно-историческую основу интерпретации свадебно-обрядовой

семантики в неродственных языках, в особенности при поиске единого эталона сопоставления.

Литература

1. Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков : общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М. : Наука, 1974. 767 с.
2. Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г., Тюркизмы в русской лингвокультуре // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/122-20435> (дата обращения: 10.07.2015).
3. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук.– Уфа, 2002.– 343 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Л. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). С. 1626-1627
5. Қазақтілініңаймақтық сөздігі.– Алматы : Арыс, 2005. 824 с.
6. Қазақ тілінің түсіндірмесөздігі. Т. IX.– Алматы: Ғылым, 1986. 150 с.
7. Калиев. Ф. Казак тіліндегі сөзжасаммәселелері.– Алматы: Ғылым, 2002. 190 с.
8. Сыздыкова, Р. Сөздер сөйлейді. – Алматы :Санат, 1994. 272 с.ЫскаковА. Қазіргіқазақтілі. Морфология. – Алматы: Ана тілі, 1991. 381 с.

©К.С. Бердимуратова, 2015

М.М. Биктимирова

БашГУ, Уфа, Россия

«Заемствованная» метафора в песенном дискурсе

Понятие дискурса, обозначающее текст, погруженный в ситуацию общения, представляет собой лингвистическую категорию, которая расширяет традиционную лингвистику текста и позволяет по-новому взглянуть на традиционно описываемые текстовые признаки. Одной из многочисленных дискурсных систем является песенный дискурс, который является семиотической системой и в условиях современности наиболее ярко отображает ценности молодого поколения.

Цель данной работы состоит в рассмотрении интердискурсивности и межтекстовых связей на основе материала рок-альбомов группы Pink Floyd и альбомов группы Muse.

Рок-музыка в массовой культуре выходит за рамки искусства и становится стилем или образом жизни. Это и обуславливает актуальность выбранной темы. Согласно концепции Р. Барта, различные области культуры, такие как живопись, театр, кино, также могут быть рассмотрены в качестве семиотических систем.

В процессе коммуникации наблюдается явление взаимопроникновения дискурсных систем, влияния их друг на друга. Для его описания

в научной литературе все чаще используется термин «интердискурсивность».

Интердискурсивная коммуникация давно стала объектом изучения в филологии. Дискурс и интердискурсивность как форма межтекстовой коммуникации исследовались рядом авторов (Р. Барт, М.М. Бахтин, Т.А. Ван Дейк, Ю. Кристева).

Для исследования межтекстовых связей и интертекстуальности необходимо определить, с помощью каких приемов лингвистики осуществляется взаимодействие различных текстов между собой или с системой текстов.

О наличии интертекстуальных связей позволяют говорить следующие явления: заглавие, отсылающее к другому произведению; цитата (с атрибуцией и без атрибуции), реминисценция, прием «текст в тексте», «точечные цитаты», включающие «повторяющиеся образы», включенные в текст. Интертекстуальные включения можно распределить на две группы, а именно: «заданные» межтекстовые связи, т.е. произведения, межтекстовые связи которых указаны заранее жанром, или цитатным заглавием, или эпиграфом и т.д.; и «свободные» межтекстовые связи.

В диалогические отношения могут вступать не только конкретные тексты, но и определенные когнитивные системы мышления, культурные коды, коммуникативно-речевые стратегии. В таком случае в качестве маркеров интертекстуальности выступают не вербальные цитаты, а графические, или иные признаки, которые переключают внимание реципиента на другую систему.

Приведенные в статье рок-тексты имеют своей целью выразить при помощи системы отсылок и аллюзий свое отношение к событиям окружающего мира. При этом, оба коллектива обозначают свою позицию с помощью обращения к произведениям Д. Оруэлла, что неоднократно признавалось музыкантами обеих групп, являвшихся авторами приведенных в данном исследовании поэтических текстов. Часто «интертекстуальные вставки обрамляют текст, что коннотативно усиливает значение метафорических заимствований» [4, 535].

Альбом *Animals* (1977) группы *Pink Floyd*, уже в названии представляет собой отсылку к антиутопии Д. Оруэлла «Скотный двор». Поддерживают ряд аллюзий и параллелей и названия песен «Pigs», «Dogs»: «Свиньи» – продажные управленцы и деспотичные лидеры, лгущие в лицо народу: «*Big man, pig man, ha ha, charade you are /And when your hand is on your heart/You're nearly a good laugh*» (здесь снова отсылка к Оруэллу: власть имущие смешны, но в то же время отвратительны и страшны в своей диктатуре: «*With your head down in the pig bin/Saying "Keep on digging"/Pig stain on your fat chin/What do you hope to*

find?/When you're down in the pig mine/You're nearly a laugh/But you're really a cry».

«Собаки» представляют собой закодированные образы бизнесменов и дельцов, наживающихся на обмане, и готовых в любой удобный момент нанести удар в спину: *«And after a while, you can work on points for style /You have to be trusted by the people that you lie to/So that when they turn their backs on you/You'll get the chance to put the knife in».* «Sheep» (обыватели, безропотное стадо, следующее за «главарями»). *«Harmlessly passing your time in the grassland away/Only dimly aware of a certain unease in the air/You better watch out/There may be dogs about».*

Развёрнутая метафора «Скотного двора» по сути является критикой капиталистического общества, и идея достижения свободы подкрепляется тем, что «овцы» в результате восстанут против «свиней» и «собак»: *«Bleating and babbling we fell on his neck with a scream.Wave upon wave of demented avengers.March cheerfully out of obscurity into the dream.»*

Интересно отметить, что поэтика следующего коллектива, Muse, наполненная целыми системами развернутых метафор, возвращает нас к жанру антиутопии, а именно, Д. Оруэллу, только на этот раз к роману «1984»: *«The Resistance»: Love is our resistance/They'll keep us apart and they won't stop breaking us down/Hold me/Our lips must always be sealed.,* Тут и всевидящее око «Большого Брата», и так называемая «полиция мыслей»: *Kill your prayers for love and peace/You'll wake the thought police/We can't hide the truth inside.*

При помощи системы метафор и аллюзий, вызывающих у реципиента ассоциации со знаковыми литературными произведениями, коллективы представляют важнейший для рок-среды и молодежной культуры в целом тезис: за свою свободу надо бороться, несмотря ни на что.

Таким образом, анализируя приведенные выше поэтические рок-тексты, можно заметить, что интертекстуальность реализуется в песенном дискурсе с помощью смысловых маркеров, заимствованных метафор и аллюзий, функционирующих в пределах индивидуального художественного пространства авторов-создателей поэтических текстов.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М., 2010. –288 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.2. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
3. Карасик, В.И. О типах дискурса : сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000 (а). – . 5–20с.

4. Морозкина Е.А., Харьковская Ю.В. Интертекстуальность как компонент картины мира в романе Дж. Барнса «Дикобраз» . БашГУ, Россия, Республика Башкортостан. – 535 с.

5. Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие, - Текст – Дискурс – Стил. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – 21с.

© М.М. Биктимирова, 2015

Н.В. Бычкова
БашГУ, Уфа, Россия

Интертекстуальность в заголовках и текстах публицистических интервью

Статья посвящена анализу категории интертекстуальности в современных немецкоязычных массмедийных интервью, одной из отличительных черт которого является разнообразие способов включения «чужого слова» в текст.

Предметом исследования являются функциональные особенности категории интертекстуальности. Материалом исследования послужили интертекстуальные единицы из публицистических интервью, опубликованных в журнале „Der Spiegel“.

Анализируемую нами категорию начали изучать в литературоведении, и существует значительное количество работ, посвященных интертекстуальности художественного текста. На данном этапе развития языкознания рассматриваются интертекстуальные элементы в дискурсах разных коммуникативных сфер.

Интертекстуальность в массмедийном дискурсе еще недостаточно изучена, этим объясняется актуальность нашего исследования. В нашем понимании дискурс — это совокупность разнородных текстов существующих в разных коммуникативных сферах языка, которые реализуются в определенных социальных ситуациях прямого (речевого) и непрямого (посредством текста) взаимодействия.

В настоящей работе с позиции интертекстуальности анализу подвергаются прецедентные единицы как в заголовочных конструкциях публицистических текстов, так и в самих медиатекстах.

Зарождение теории интертекстуальности восходит к трудам М.М. Бахтина, утверждавшего, что: «Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи других и вне этой цепи не может быть изучено» [3, 340]. То есть высказывание не изолировано, оно «связано не только с предшествующими, но и с последующими звеньями речевого общения» [там же, 275], из чего следует, что каждое новое высказывание — это реакция на уже прозвучавшее высказывание и, одновременно, прецедент для новой его оценки. Каждый индивидуум

в своей речи взаимодействует с чужими высказываниями. «Самая мысль наша — и философская, и научная, и художественная — рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями, и это не может не найти своего отражения и в формах словесного выражения нашей мысли» [3, 272].

Современное представление об интертекстуальности опирается, в основном, на работы Ю. Кристевой и ее определении интертекстуальности как «текстуальной интеракции, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность — это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [6, 10].

В работах зарубежных исследователей обсуждаются семь критериев текстуальности: когезия, когерентность, интенциональность, приемлимость, информативность, ситуативность и интертекстуальность [10, 17; 11, 9]. Интертекстуальность является «функционально-семантической категорией» [4, 567], которая имеет свою семантику, языковые функции и формы выражения. При этом формы выражения интертекстуальности наблюдаются на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом и фонетическом.

Вся познавательная и коммуникативная деятельность человека теснейшим образом связана с интерпретацией тех или иных знаков и знаковых систем. В целом интертекстуальность может пронизывать различные тексты, так, например, мы встречаемся с этим явлением в названиях магазинов, вывесках, ресторанных меню и т.п. Даже цифры становятся в некоторой степени интертекстуальными [7].

С нашей точки зрения весьма эффективным является исследование языковых категорий того или иного вида современного медиатекста. С данного ракурса наиболее актуальным объектом являются тексты интервью, которые выполняют особую функцию — сохранить культуру общения, реальность диалога в общепринятой социально-коммуникативной форме, с использованием приемов живой диалогической речи. Интервью — это результат диалогического действия. Диалог является специфической формой социального контакта. Интервью, как виду текста массовой коммуникации, присущи особенные прагматические признаки, например, большое количество адресатов, степень публичности, асимметрическое управление диалога благодаря интервьюеру, обширность, структурность, систематичность. Благодаря диалогичности коммуникация предстает здесь как взаимонаправленная речевая связь субъектов, как особая система межличностного взаимодействия [8, 612]. В текстах интервью наблюдается усиление разговорной составляющей, ориентация на разговорную речь и просторечие.

В публицистическом интервью мы можем выделить вербальные интертекстуальные включения, опознание которых возможно независимо от уровня эрудированности адресата, а также когнитивно-вербальные, полноценное понимание которых возможно лишь в том случае, когда соответствует интертекстуальная компетентность адресата и адресанта. Восприятие адресатом интертекстуальных элементов является необходимым для полного понимания смысла текста. Важную роль при дешифровке интертекстуальных единиц играют фоновые знания читателя, его культурный уровень, особенности мировоззрения, интересы и предпочтения, возраст, профессия и т.д. Автор не всегда может быть уверен в том, что реципиент в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать эти сигналы интертекстуальности, в чем заключается особая прагматическая специфика данной категории.

К вербальному уровню можно отнести такие интертекстуальные отсылки, которые легко распознаются адресатом независимо от того, знаком ли он с текстом. К ним относятся ссылки, сноски, точные цитаты, эпиграф, например: «*Spiegel: Ihrer Meinung nach sind wir sogar in einer Depression, so schreiben Sie zumindest in Ihrem neuen Buch***», ниже приведена ссылка ***Paul Krugman: „Vergesst die Kriese! – Warum wir jetzt Geld ausgeben müssen* (Sp 21.5.12, S. 70). В данных случаях читатель осознает, что вся необходимая для понимания интертекстуального фрагмента информация присутствует в контексте.

К когнитивно-вербальным интертекстуальным явлениям можно отнести те, выявление которых возможно только при знании адресатом интертекстуальных единиц (реминисценция, аллюзия, немаркированная цитата, квазичитата и т.п.).

«Аллюзия – это наличие в тексте элементов, функция которых состоит в указании на связь данного текста с другими текстами или же отсылке к определенным историческим, культурным и биографическим фактам» [1]. В заголовке «*Eldorado für Heroin und Kokain*» используется уточнение *für Heroin und Kokain*, который дает негативную стилистическую окраску (Sp 18.7.05, S. 87). Имя существительное *Eldorado* в переводе с испанского *El Dorado* означает позолоченный (осыпанный золотом). Так испанский конкистадор Мартинес назвал мифическое индейское государство Южной Америки, где, по представлениям испанских завоевателей, золота было в изобилии и можно было быстро обогатиться. В рассматриваемом нами примере это имя собственное выполняет не только информативную, но и стилистическую роль, поскольку служит для усиления действенности речи. В данном случае происходит метафорическое переосмысление имени собственного, которое служит источником речевой экспрессии.

Под реминисценцией понимают «намеренное или невольное воспроизведение поэтом знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения. Иногда реминисценция выражается копированием ритмико-синтаксических ходов» [2, 278]. Но интертекстуальность текстов интервью обусловлена не только цитированием речи самих интервьюируемых. В речи журналиста и интервьюера встречаются пословицы и фразеологизмы, которые создают яркий стилистический эффект. "Эстетическая роль фразеологических средств определяется умением автора отобрать нужный материал и ввести его в текст. Такое употребление фразеологизмов обогащает речь, служит "противоядием" против речевых штампов"» [5, 120], например: «*Mir scheint, man schießt hier mit Wasserpistolen auf ein Rhinzeros*» (Sp 21.5.12, S. 69).

Фразеологизмы, будучи устойчивыми сочетаниями слов, воспроизводятся как уже готовые, закрепленные в памяти речевые единицы. Они не создаются в процессе речи, поэтому для них характерен постоянный состав, устойчивость грамматического строения, строго закрепленный порядок слов, и в этом смысле можно говорить о предсказуемости их компонентов [5, 114]. Фразеологизмы могут иметь различную стилистическую окраску, в нашем примере представлена разговорная фразеология.

Цитата – это введение в публицистический текст фрагмента первичного текста в неизменном виде, квазичитата – количественная, качественная или комплексная трансформация исходной цитаты. Цитата/квазичитата служит стимулом для возникновения определенных культурных, исторических, литературных, политических аллюзий.

Анализ показал, что абсолютно ведущим типом заголовков являются заголовки-цитаты, которые заимствованы из речи интервьюируемых и большинстве случаев в структурном плане организованы как эллипсисы. Мы предполагаем, что редукция связана, в данном случае, с переосмыслением журналистом того или иного высказывания интервьюируемого. Так, например, заголовок «*Draht nach oben*» является заключительной частью реплики респондента, а именно: «*Die Leute waren so ergriffen, die haben Rotz und Wasser geheult und haben gemeint, wir hätten einen direkten Draht nach oben.*» (Sp 18.7.05, S.119).

В целом в текстах массмедийных интервью находят применение разговорные способы выражения информации и используются различные средства стилистического синтаксиса. Подобные интертекстуальные единицы служат повышению объективности и достоверности текста, что усиливает прагматическое воздействие интервью на реципиентов. Проведенный нами анализ показал, что в текстах интервью используются такие формы интертекстуальности как метафоры, интертексту-

альные заглавия, цитаты, эпиграфы, фразеологизмы, пародия, и др. Перечисленные приемы дают автору возможность дополнить смысл текста на основе знания интертекста, к которому сам автор может ссылаться как имплицитно, так и эксплицитно.

Анализ показал, что интертекстуальные элементы участвуют в формировании содержательно-концептуальной и подтекстовой информации, но выделение информантами интертекстуальных элементов носит субъективный характер. В процессе коммуникации активным участником при толковании текста является читатель. Понимание смысла происходит благодаря жизненному, культурному и историческому опыту читателя. Понимание тоже является в некотором смысле участником диалога, оно есть воссоздание заложенного в нем авторского понимания действительности. Под влиянием воспринятого читатель видит окружающий его мир в новом свете. Чтобы текст не остался непонятым или понятым поверхностно, частично, читатель должен быть высоко эрудированным и должен уметь найти необходимую информацию.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) Текст. / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. 1986. – № 1. С. 50-64.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека Текст. / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества Текст. / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Бондарко А.В. Функционально-семантическое поле // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С. 566-567.
5. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 448 с.
6. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики Текст. / Ю. Кристева. М.: РОССПЭН, 2004. – 652 с.
7. Кронгауз, М.А. Русский язык на грани нервного срыва Текст. / Ю. Кристева. — М.: Языки славянских культур, 2007. – 232 с.
8. Таюпова О.И., Бычкова Н.В. Медиалингвистика как современное научное направление// Российский гуманитарный журнал. – № 1. – Т.3. – 2014. – С.610-616
9. Таюпова О.И. Прагматический потенциал заголовков в современных публицистических текстах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2015. – № 4.
10. Beaugrande R.-A., Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen: Niemeyer, 1981. – 290 S.
11. Spiegel № 29/ 18.7.05
12. Spiegel № 21/ 21.5.12
13. Vater H. Einführung in die Textlinguistik. – 2. Aufl. – München: Fink, 1994. – 203 S.

© Н.В.Бычкова, 2015

Место европейских языков в системе вузовского образования

Государственная образовательная политика в области обучения иностранным языкам на современном этапе направлена на то и способствует тому, чтобы иностранные языки реально стали востребованы в современном обществе. При выборе иностранных языков для изучения обязательно должны учитываться как социально-экономические, так и этнокультурные реалии.

Каким же иностранным языкам отдается приоритет в современном обществе при выборе для преподавания в учебных заведениях?

Почти полностью исключено из учебного процесса (особенно в средних учебных заведениях) преподавание немецкого и французского языков. Несомненно это связано с тем языковым процессом, который наблюдается в современной Европе, иначе говоря, увеличение роли английского языка, очень мощное его проникновение в различные коммуникативные сферы. Но вряд ли можно согласиться с существующей в настоящее время тенденцией полного вытеснения английским языком других европейских языков. Ведь не случайно XXI век объявлен ЮНЕСКО годом полиглотов. Изучение в школах и вузах нашей страны главным образом только английского языка означает игнорирование современных общественно-политических, социально-экономических реалий, а также культурных контактов с такими европейскими государствами, как Германия и Франция. Нельзя забывать, что немецкий и французский языки входят в число 7 международных языков, утвержденных ЮНЕСКО при ООН.

Наш регион подпал также под имеющуюся в мире тенденцию: существование оппозиции – главенствующая роль английского языка, постепенное вытеснение коммуникативно-значимых европейских языков, превращение их в малые языки, с чем, конечно, ни в коем случае не согласны носители этих языков.

Республика Башкортостан, как и другие регионы нашей страны, имеют свою социально-экономическую специфику, а следовательно, и свои приоритетные экономические связи. Здесь прежде всего следует обратить внимание на тесные экономические связи Башкортостана с Федеральной Республикой Германией, а именно, с такими землями, как Саксония, Бавария, Нижняя Саксония, нельзя сбрасывать со счетов исторически сложившиеся за десятилетия культурные и экономические связи с округами бывшей ГДР. И, конечно, в настоящее время, Республика испытывает большой дефицит в специалистах, владеющих немец-

ким языком. Какова же ситуация с преподаванием этого языка в вузах г.Уфы? Приведу лишь самые свежие цифровые данные по приему студентов на 5-ти факультетах естественного цикла БашГУ: принято 780 студентов, среди них нет студентов, изучавших в средней школе немецкий или французский язык по полной программе. Такая же ситуация была в 2013, 2014 годах. Не лучше обстоит дело и в УГАТУ, УГНТУ, БГМУ и др.

К сожалению, в учебных заведениях крайне необходима большая просветительская работа о необходимости изучения других европейских языков. Но проводится ли эта работа? И сколько высококвалифицированных учителей немецкого и французского языков в лучшем случае переквалифицировались. Ведь недооценка своих кадров – это глубокий просчет в практическом и этическом плане.

Было бы неплохо использовать опыт других стран о введении преподавания двух иностранных языков в учебных заведениях, например, на базе английского языка в 5-6 семестрах изучать немецкий или французский язык. Однако для положительного решения данной проблемы требуется тщательная работа по корректировке учебных планов по различным специальностям с включением в план обязательной дисциплины «Второй иностранный язык» или предусмотреть факультативные часы на его изучение.

И все же было бы несправедливо не упомянуть тот факт, что определенные усилия по сохранению и укреплению языковых контактов с ФРГ и Францией в Башкортостане предпринимаются. Этому способствуют проводимые международные лингвистические форумы, конференции, встречи, олимпиады по немецкому и французскому языкам и другие мероприятия. Неоценимую помощь в этом направлении оказывает оргкомитет Общества Дружбы «Башкортостан – Германия», а также Французский Ресурсный Центр БашГУ.

В заключении хочется подчеркнуть, что административное сужение функций таких международных языков, как немецкий и французский, свидетельствуют о деструктивной языковой политике в регионах. Но мы смотрим с оптимизмом в будущее и считаем, что это временное явление.

© Р.И. Виноградова, 2014

Возможности использования практико-ориентированного подхода в обучении английскому языку в вузе МВД

Согласно проекту Концепции кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел приоритетными задачами в области профессиональной подготовки кадров на период до 2020 года являются: развитие многоуровневой практико-ориентированной системы непрерывного профессионального образования, приведение содержания и структуры профессиональной подготовки кадров в соответствие с динамично изменяющимися потребностями органов внутренних дел; обеспечение инновационного характера профессионального образования.

Сочетание теоретического обучения с практической направленностью, а также многообразие целевых форм и эффективных методов для обучения курсантов и слушателей – это особенность образовательной деятельности в системе МВД России. Профильные кафедры вузов МВД активно развивают практико-ориентированное обучение. Вместе с тем, использование такого подхода в обучении иностранным языкам может значительно повысить результативность занятий, а также мотивацию и интерес курсантов к изучаемому языку.

Начнем с того, что требования к уровню языковой подготовки сотрудников повышаются в условиях расширения международных контактов в сфере полиции. Примером тому может служить гражданская полиция (далее – ГП) ООН. С самого начала действия мандата активное участие в ее работе принимают представители органов внутренних дел МВД России, направляемые в конкретные миссии на основании мандата международных организаций согласно распоряжению Президента Российской Федерации.

В зависимости от мандата задачи, выполняемые российскими полицейскими в миссии, могут быть следующими:

1. патрулирование местности как в составе пешего, так и автопатрулей;
2. осуществление следственных мероприятий, в том числе оказание помощи местной полиции в их проведении;
3. мониторинг за передвижением беженцев и перемещенных лиц;
4. наблюдение за скоплениями, шествиями и демонстрациями людей; принятие во взаимодействие с местной полицией мер по предотвращению и ликвидации массовых беспорядков;

5. посещение тюрем с целью контроля за содержанием заключенных;

6. оказание помощи местным властям в предотвращении межобщинных столкновений;

7. осуществление мониторинга за организацией охраны общественного порядка при проведении выборов в органы местного и центрального управления;

8. участие в обучении местной полиции по программам, разработанным соответствующими органами ООН.

Организация работы ГП может отличаться от миссии к миссии в зависимости от ряда факторов, например, вида мандата, наличия специфических задач и численности полицейских-участников миссии. Нельзя недооценивать задачи, выполняемые участниками миссий, работающими в штабных, административных и тыловых подразделениях различного уровня.

Для повышения качества подготовки сотрудников к участию в миротворческих миссиях ООН целесообразно ввести, возможно, факультативно, на базе образовательных организаций МВД РФ теоретическое и практическое изучение тех учебных дисциплин, знание которых позволит им с наибольшей эффективностью исполнять свои служебные обязанности. При выборе учебных дисциплин и разработке программ и тематических планов обучения, а также в ходе морально-психологической и физической подготовки, необходимо учитывать тот факт, что служебная деятельность этих сотрудников будет проходить в странах, в которых сложилась или складывается сложная международная и оперативная обстановка, и в тесном взаимодействии с их зарубежными коллегами.

Программа обучения курсантов может быть рассчитана на срок от трех до шести месяцев (как правило, для курсантов третьего и четвертого курсов). Так как рабочим языком в миссии является английский язык, то необходимым требованием отбора кандидатов для обучения является успешная сдача экзамена по этому предмету (не ниже оценки «хорошо»).

Одним из способов предоставления курсантам возможности получить практику разговорного языка и дедуктивные навыки - это организация ролевой игры, в которой группы курсантов являются потерпевшими, полицейскими, свидетелями. Кроме собственно грамотного использования английского языка, курсанты должны научиться правильно и логично построить сам процесс расследования и опроса свидетелей. Схема этого процесса на примере такого вида преступления, как грабёж, может быть следующей:

1. Во что были одеты преступники?

2. Были ли они вооружены? Если были, то каким оружием?
3. На каком виде транспорта скрылись?
4. Особые приметы преступников и т.д.

Отличным примером для такой подготовки может служить использование Интернет-ресурса ролевых игр, в которых сочетается практика английского языка и развитие дедукции при расследовании условного преступления

(<http://www.cyberbee.com/whodunnit/crimescene>).

Учитывая, что все действия в миссии выполняются с использованием английского языка, и тот факт, что радиообмен, оперативные совещания, контакты с представителями местной власти и различных учреждений осуществляются на английском языке, нетрудно представить, каким уровнем его знания должен обладать кандидат на зачисление в список участников миротворческой миссии.

По сути дела, подготовка курсантов образовательных организаций МВД РФ по английскому языку и сопутствующим предметам к потенциальной службе в гражданской полиции (CIVPOL) - это и есть практико-ориентированное обучение, в котором мотивация к усвоению знания достигается путем выстраивания отношений между конкретным знанием и его применением. Такое обучение позволяет сфокусировать внимание курсантов на анализе и разрешении какой-либо конкретной ситуации, что становится отправной точкой в этом процессе. При этом иногда важно не столько решить проблему, сколько грамотно ее поставить и сформулировать. Проблемная ситуация максимально мотивирует курсантов к осознанному получению знаний, необходимых для ее решения, а использование междисциплинарного подхода позволяет научить самостоятельно «добывать» знания из разных областей, группировать их и концентрировать в контексте конкретной решаемой задачи. Весьма эффективным и перспективным является использование ролевых игр, основанных на анализе реальных жизненных ситуаций в полицейской практике.

© О.Е.Воронцов, О.Г.Красикова, 2015

К.В. Габдрахманова
БашГУ, Уфа, Россия

Главенствующее значение топонимов в жизни людей

Топонимы (греческ. *topos* — место, *onima* — имя) или географические названия, именуя и при этом выделяя именуемые объекты, выступают своеобразными адресными знаками, помогающими людям ориентироваться в окружающем мире. С этим и связано главное назначение,

главная функция слов — топонимов в жизни людей. Эта функция топонимов обусловила то, что они сопутствуют человечеству с древнейших времен до наших дней. Э.М. Мурзаев писал: «Всякое рождение топонима вызывается историческими условиями, географической средой и осуществляется средствами языка. Часто название обусловлено сущностью самого географического объекта» [3,4]. В то же время в литературе встречаются точки зрения, которые отрицают влияние географии и экологии объектов на их названия. Например, В.А. Никонов пишет, что географическое название — явление общественное и стремится доказать это на конкретных примерах [4,17]. Х.Л. Ханмагомедов, не соглашаясь с ним, указывает, что «такой подход свидетельствует о недооценке взаимодействия человека с природой» [6,10]. В.А. Жучкевич пишет: «Народ, замечая единичное, индивидуальное среди массового и обычного, дает название географическому объекту по характерному признаку, отличающему его от других объектов» [1,47]. Ю.А. Карпенко, поддерживая его точку зрения, утверждает, что «действительность топонимии — это прежде всего действительность географическая!» [2,15]. В то же время Э.М. Мурзаев, А.В.Суперанская и В. А. Никонов указывают, что топоним, на первый взгляд, произошедший от названия животного или растения, может иметь своим источником соответствующее прозвище или фамилию какого-либо человека (первопоселенца, владельца и т.п.): «Орлов», «Синицын», «Соснин» и т.п.

А.В. Суперанская, поясняя причины возникновения топонимов, склоняется к той точке зрения, что ведущую роль играет социальный фактор, по ее мнению, даже такие крупные физико-географические объекты, как горы, реки, моря существуют для человека, давшего им названия, лишь постольку, поскольку они входят в круг его экономических и иных интересов [5,10].

В результате даже в пределах относительно небольших территорий в настоящее время сосуществуют географические названия, возникшие в разные исторические периоды, названия, связанные с языками разных народов, проживавших и проживающих на данной территории. Отсюда очевидно, что топонимы любой территории, выполняя свою главную функцию, одновременно являются и важным источником разнообразных знаний о той территории, где они бытуют: о народах и языках, которые исторически были связаны с этой территорией, о некоторых географических особенностях ее в прошлом и в настоящем, о людях, оставивших след в истории данной местности и т. д. Все это служит основанием для утверждения о том, что географические названия являются своеобразной книгой, в которой записана история человечества.

Понятно, что существующее ныне множество географических названий формировалось на протяжении столетий. И уже по одной этой

причине они оказываются очень неоднородными в своем происхождении. В результате, расшифровка и объяснение многих названий, и прежде всего древнейших, по времени возникновения, по языку, с которым связано их происхождение, по первичному, исходному значению оказываются делом во многом затруднительным даже и для специалистов. И тем не менее, сформировавшаяся в настоящее время наука о географических названиях — топонимика — во многих случаях, хотя и не всегда, позволяет решать эти непростые вопросы. В одних случаях "расшифровываются" даже такие названия, которые своими корнями уходят в далекие, иногда дописьменные времена. В других, вопреки существующим легендам о происхождении того или иного конкретного наименования, делается вывод о неясности его языковой принадлежности.

Существуют географические названия, которые применяются нами в повседневной жизни в ином значении. Таких слов, попавших в наш язык из карт и учебников географии, существует немало. Рассмотрим самые интересные из них.

От названия города Басра в Ираке происходит название алебастра, являющегося ценным строительным материалом. В переводе с арабского слово «аль-басра» означает «мягкий» и связано с особенностями местной почвы. С местностью Каолян в Китае, где впервые производилась добыча белой глины с целью изготовления фарфора, связано слово «каолин». Со словом «фаянс» связано название города Фаэнца в Италии. Предназначается горная порода в качестве облицовочного материала в процессе строительства и при сооружении памятников. Порода имеет название лабрадорит от названия одноименного полуострова Северной Америки.

Примером химического вещества, названного по имени города, является веронал (от ит. города Верона); одеколон, который означает «вода из Кёльна». В 1772 году одеколон впервые был изготовлен в Кёльне. Кёльн сегодня — это крупнейший промышленный центр Германии, где производятся различного рода станки, автомобили, теле- и радиоаппаратура. Однако во всём мире Кёльн известен благодаря «воде из Кёльна».

От названия города Брюгге в несколько изменённом произношении пришло слово брюки. В данном городе выпускалась специальная ткань «брюггиш» для пошива брюк. Сам же город Брюгге происходит от древнего норвежского языка норманнов и переводится как мост («бригия»).

Происхождение слова джинсы также имеет связь с географией. Появление первых джинсов относится к 50-м гг. прошлого столетия, а Сан-Франциско (США) — их родина. Джинсы в те времена изготавливались только для чернорабочих. Материалом выступал брезент. Страной-

поставщиком ткани для пошива являлся итальянский город Генуя. Название было несколько искажено американцами, поэтому конечным результатом стало возникновение слова джинс.

От названия города Фес, что находится в Марокко, образовалось название мужской шапочки феска, произведённой из фетра красного цвета в форме усеченного конуса с кисточкой, до недавнего времени распространённой в странах Северной Америки и Ближнего Востока. От австрийской провинции Тироль произошло название шляпы с пером – тиролька.

Географическое звучание также присуще и большому числу пищевых продуктов. В городе Майон на острове Менорка, входящий в группу испанских Балеарских островов, был изготовлен впервые широко известный сегодня майонез.

От французского города Пломбьер образовалось название сорта мороженого – пломбир. От речки Торто, протекающей на острове Сицилия, образовалось название – торт.

От Греции произошла гречка, от Персии – персик. Апельсин же означает «китайское яблоко».

В названиях марок холодильников, минеральных вод, мотоциклов, телевизоров, автомобилей существует также большое количество географических названий. К примеру, своё название получил конный экипаж ландо от баварского города Ландау. Именно там он впервые был изготовлен.

До наших дней название ландо дошло в наименовании кузовов легкового автомобиля с откидным верхом. Закрытый же кузов легкового автомобиля высшего класса получил своё название от исторической провинции Франции Лимузен.

С географической точки зрения представляет также интерес название доллара США. Название данной денежной единицы имеет не американское происхождение и вовсе не связано с английским языком. В небольшом немецком городке Иоахимстале (нынешняя Чехия) занимались чеканкой большой серебряной монеты, имевшей название иоахимсталер. Позднее название было сокращено до слова «талер», которое впоследствии в английском произношении стало «долларом». В Великобритании находится селение Доллар.

Литература

1. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: БГУ, 1974.
2. Карпенко Ю.А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1981.
3. Мурзаев Э.М. Имя собственное в современном немецком языке. М.: Наука, 1979.
4. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. Либроком, 2010.

5. Суперанская А.В. Структура имени собственного// Фонология и морфология. М., 1964.
6. Ханмагомедов Х.Л. Географическая топонимика. Самара: Учебная литература, 2013.

© К.В. Габдрахманова, 2015

К.В. Габдрахманова
БашГУ, Уфа, Россия

Грамматические особенности топонимов. Категория рода

Топонимы, как и антропонимы, имеют ряд грамматических особенностей, отличающих их от имен нарицательных. Эти отличия касаются как употребления определенного и неопределенного артиклей, так и других грамматических категорий существительных.

По грамматическим особенностям топонимы вместе с именами личными противопоставляются остальным структурно-грамматическим разрядам имен существительных, т.е. именам абстрактным, нарицательным, вещественным и собирательным. Грамматическая структура топонимов ближе всего к именам личным, так как они вместе составляют разряд имен собственных. Дальше всего по грамматическим признакам топонимы отстают от имен нарицательных, что проявляется в своеобразии их грамматических категорий [4, 11].

Грамматический род не может быть квалифицирован как чисто грамматическая категория. Дело в том, что формой существования грамматической категории является оппозиция минимум двух грамматических форм. Различие в роде у таких единиц как *der Amur*, *die Wolga* не образуют парадигмы, так как это разные слова, т.е. явления лексического порядка. Следовательно, род является категорией лексико-грамматической, т.е. связан как с лексикой так и с грамматикой.

Связь с грамматикой обнаруживается в том, что существительные определенного грамматического рода тяготеют к определенному типу склонения. Напр., *die Wolga*, *die Lena* и другие топонимы ж. р. склоняются по женскому склонению, а названия среднего и мужского рода – по сильному (*der Ural*, *der Kaukasus*, *der Pamir*).

Связь грамматического рода с лексикой у топонимов обнаруживается по следующим параметрам:

а) Род является классифицирующим признаком [2, 145] по которому все имена существительные делятся на три группы, что представляет собой лексический факт;

б) У топонимов зачастую можно установить связь между топонимическим значением и грамматическим родом – явление, которое также

носит лексический характер. В подобных случаях можно говорить об относительной мотивированности грамматического рода.

Москальская О.И. с точки зрения рода рассматривает следующие группы топонимов [4, 187]:

Ойконимы. Слова этого класса среднего рода, сравн.: *das neue Warschau*, *das ewige Rom* и т.д. Средний род сохраняется даже в тех случаях, когда определяемая часть сложения имеет другой род: *das schöne Salzburg/die Burg*, *das berühmte Heidelberg/der Berg*.

Как реликтовое явление следует рассматривать мужской род слова *der Haag*, образованного на основе имени нарицательного.

Хоронимы. В основном – это слова среднего рода, сравн.: *das sonnige Afrika*, *das schöne Italien*. Однако довольно большое количество хоронимов женского рода, что объясняется в одних случаях структурными особенностями, в других – влиянием грамматического рода подразумеваемого имени нарицательного. Так, элемент *-e* вызывает женский род у следующих хоронимов: *die Türkei*, *die Mongolei*, *die Slowakei*, *die Wallachei* и др. То же самое явление наблюдается у топонимов с элементом *-ie*, напр., *die Pikardie*, *die Normandie* и др. Принадлежность к женскому роду у названных топонимов объясняется структурными особенностями: известно, что нарицательные имена с суффиксами *-ei*, *-ie* всегда женского рода (*die Schlosserei*, *die Tischlerei*). Особенно выделяются хоронимы мужского рода: *der Iran*, *der Irak*, *der Jemen*. Вероятнее всего, мужской род обусловлен в таких случаях влиянием мужского рода подразумеваемого имени нарицательного *der Staat*.

Потамонимы. Названия рек могут иметь мужской и женский род. По родовой принадлежности все потамонимы делятся на 3 группы:

а) Потамонимы немецкой языковой области, а также близлежащих стран, как правило, женского рода: *die Oder*, *die Wisla*, *die Mulde*, *die Saale*, *die Donau*, *die Nidda*, *die Seine*, *die Themse*, *die Weser*. Женский род объясняется структурными особенностями и действием аналогии: известно, что имена существительные неодушевленные, оканчивающиеся на *-e*, всегда женского рода (*die Mappe*, *die Tasche*). У остальных топонимов женский род объясняется влиянием аналогии. Топонимы древнеевропейского происхождения могут иметь и мужской род: *der Rhein*, *der Main*, *der Neckar*, *der Lech*, *der Inn*, *der Regen*. Возможно, что в таких случаях мы имеем дело со следами языкового субстрата.

б) Потамонимы русского происхождения в немецком языке имеют тот же род, что и в русском: Волга (ж.р.) – *die Wolga* (ж. р.), Амур (м. р.) – *der Amur* (м.р.) и т.д. Как исключения рассматриваются потамонимы *der Ob*, *der Syr-Darja*, *der Amu-Darja*.

в) Все остальные потамонимы имеют мужской род: *der Kongo*, *der Nil*, *der Gangas*, *der Euphrat*, *der Tigris*, *der Amozonas*. Таким образом,

большинство потамонимов немецкого языка все же имеют мужской род, что объясняется влиянием подразумеваемых слов *der Strom*, *der Fluss*.

4) Оронимы. Названия гор и горных вершин, как правило, мужского рода, напр., *der Elbrus*, *der Brocken*. Родовая принадлежность и здесь обусловлена влиянием подразумеваемого слова *der Berg*. По аналогии с указанными оронимами к мужскому роду относятся также многие названия горных массивов, напр.: *der Harz*, *der Ural*, *der Pamir*, *der Kaukasus*.

Особо следует выделить топонимы, родовая принадлежность которых ориентируется на грамматический род имени нарицательного: 1) хоронимы: *die UdSSR* (*die Union*), *die BRD* (*die Republik*); 2) оронимы: *der Fichtelberg*, *das Uralgebirge*; 3) гидронимы -названия морей и океанов: *die Ostsee*, *das Kaspische Meer*, *die Nordsee*.

Как замечают многие языковеды, категория рода применительно к топонимам полностью асемантична, но в ряде случаев она может быть структурно мотивирована [1, 16-29]. Правда, структурная мотивированность топонимов нередко входит в противоречие с их тематическим делением (ср. *die Burg*, но: *das schöne Hamburg*). По тематическому признаку Р.З. Мурясов классифицирует топонимы следующим образом [3, 753-763]:

Названия стран, населенных пунктов и областей, как правило, среднего рода: *das schöne Moskau*, *das heiße Afrika*, *das alte Europa*. Некоторые названия стран и областей мужского и женского родов: *der Irak*, *der Iran*, *der Jemen*, *der Balkan*, *der Sudan*, *die Schweiz*, *die Krim*, *die Pfalz*.

Названия стран и областей, оканчивающиеся на -*ei*, -*ie*, -*e*, -*a*: *die Mongolei*, *Normandie*, *Ukraine*, *Riviera*.

Название гор, обычно, мужского рода: *der Brocken*, *Schwarzwald*, *Harz*, *Olymp*, *Vesuv* и т.д.

Названия большинства немецких рек и многие иноязычные названия рек, оканчивающиеся на -*a* или -*e* женского рода: *die Elbe*, *Oder*, *Spree*, *Saale*, *Themse*. Большинство иноязычных названий и некоторые названия немецких рек мужского рода: *der Dnepr*, *Amur*, *Kongo*, *Jenissee*, *Rhein*, *Main*, *Neckar*.

Названия кинотеатров, кафе и отелей среднего рода: *das Kapitol*, *Astoria*.

Род сложных топонимов в отличие от сложных апеллятивов определяется не родом определяемого существительного, а их отнесенностью к тому или иному тематическому ряду, ср.: *die Stadt* – *das schöne Neustadt*, *der Ort* – *das große Ruhrort*, *der Berg* – *das berühmte Heidelberg* и т.д.

Литература

1. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.

2. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.
3. Мурясов Р.З. Топонимы в системе языка. // Вестник Башкирского государственного университета. 2013. №3, т.18.
4. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1971.

© К.В. Габдрахманова, 2015

М.Ф. Гайнаншин
БашГУ, Уфа, Россия

Интерпретация метафорических образов в экономическом дискурсе

Экономический дискурс представляет собой чрезвычайно благодатную среду для употребления метафор, которые, выступая в качестве средства создания экспрессивности и эмотивности, экспликации оценочных смыслов и усиления образности, ведут к созданию широкой сети достаточно высокопродуктивных метафорических моделей, служащих актуализации глубинных семантических процессов и взаимосвязей, протекающих внутри данного вида дискурса.

Как отмечает Е.Г. Петушинская, популярный экономический дискурс представляет собой масс-медиаальный дискурс, реализующийся как письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, рассматриваемый в событийном аспекте, представляющий собой когнитивный процесс речепроизводства, отражающий социокультурное взаимодействие и механизм познания коммуникантов.

Анализ экономических масс-медийных текстов на основе комплексной методики выделения метафорических моделей и фреймового анализа позволяет определить специфику когнитивных процессов, речепроизводства, а также сделать выводы о характерных особенностях популярного экономического дискурса.

Метафорическая модель – это образованная в сознании человека взаимосвязь между понятийными сферами. Данную взаимосвязь можно выразить формулой «X – это Y», где система фреймов (слов, концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени). При таком моделировании в процессе коммуникации появляется возможность воздействовать на эмоционально-волевую сферу адресата [2, 131].

В рамках когнитивной концепции происходит формирование нового осмысления понятия «модель». С одной стороны, понятие «модель» (или «когнитивная модель») обретает эпистемологический статус – обозначает аналитический научный конструкт, представляющий неко-

торую форму восприятия, мышления, способ хранения и передачи информации. С другой – этот конструкт претендует на статус онтологического, получая подтверждение прогнозируемых свойств и функций в наблюдениях за интеллектуальной деятельностью или экспериментально, а также на основе вхождения в отношения системности с другими подобными конструктами [4].

Традиционно отмечается, что ведущая роль в формировании метафорики образов, относящихся к экономике, принадлежит антропоморфной метафоре. Действительно, антропоморфными метафорами испокон веков оперировали как наиболее простой и понятной сферой-источником метафорического осмысления действительности. Так, например, ещё отец современной экономики, выдающийся мыслитель классической экономической школы Адам Смит говорил в своих трудах о «невидимой руке рынка», благодаря которой действия производителя, изначально стремящегося удовлетворить только свои потребности, направляются к удовлетворению потребностей общества.

Стоит, однако, отметить, что с развитием экономики и в ходе научно-технического прогресса при выборе сферы-источника метафорической номинации наблюдается сдвиг от персонификации к иным метафорическим стратегиям, в частности – всё чаще экономика и связанные с ней категории уподобляются механизмам, аппаратам и оборудованию, что позволяет нам говорить о таком явлении как техногенная метафора.

*China Bond Market Ready for **Takeoff** After Bold Moves
Which also means... China's **soft landing** could now be China's **hard landing** ...moving into a devastating crash landing.*

Когнитивно-культурный аспект научного текста обусловлен процессами взаимодействия формирования научного знания с когнитивной функцией языка. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к созданию теории языка науки необходимо рассматривать текстопорождение как когнитивный процесс обработки, упорядочения, хранения и «оязыковления» информации в связи с феноменом терминопорождения, обеспечивающего научному тексту необходимую содержательность при минимуме сбалансированных используемых языковых средств [1, 21].

Как утверждает С.А. Манаенко, дискурсивное употребление лексических единиц во многом определяется коммуникативными потребностями говорящего, который в зависимости от своих интенций может актуализировать тот или иной компонент плана содержания дискурсивных слов, варьируя его. Однако подобное варьирование может зависеть от контекста, особенности которого могут усиливать или ослаблять тот или иной компонент семантики дискурсивных слов.

На уровне составляющих дискурса в первую очередь обращает на себя внимание энергетика языковых единиц, имеющих дискурсивный

характер функционирования. К данной категории относятся, например, дискурсивные метафоры, которые понимают как такие «интертекстуальные метафоры, которые приписываются не конкретному автору или прецедентному тексту, а дискурсу в целом» Синергетический потенциал метафоры раскрывается в системе дискурсивных культурно-ценностных смыслов, образующих динамически развивающуюся составляющую смыслового кода, формирующегося на границе двух концептуальных областей [5].

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Москва: Флинта, Наука; Москва; 2010. - 224 с.
 2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2007. - 256 с.
 3. Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 6. Краснодар: Изд-во, 2008. - 288 с.
 4. Мишанкина Н.А. Метафорические модели лингвистического дискурса / Вестник ТГУ. Серия «Филология». - № 324, июль 2009.
 5. Чанышева З.З., Гайнаншин М.Ф. Синергетический эффект экономической метафоры в интердискурсивном пространстве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Вып. 2. – Калининград: Изд-во БФУ, 2014.
- © М.Ф. Гайнаншин, 2015

И.К. Гараева
БГПУ, Уфа, Россия

Семантическая структура глаголов лексико-семантической группы «защита» «protect» и «defend»

Изучение семантической модели лексико-семантических групп английской глагольной лексики является весьма актуальным в наши дни, т.к. данная информация не является полностью раскрытой в библиографических источниках. Современное состояние лексикографической практики показывает, что недостаточность представленной в словарях информации об условиях употребления анализируемых глаголов требует более подробного изучения их семантической структуры, т.е. определения ограничений на употребление глаголов и сферы их номинации.

Неработанность определяющих понятий для описания глагольной лексики приводит к тому, что зачастую синонимы получают весьма сходные дефиниции, из которых трудно понять все особенности их функционирования, или же синонимы истолковываются друг через друга. Этому свидетельствует изучение словарных статей глаголов лексико-семантической группы «защита» «protect» и «defend», которые являются наиболее частотными глагольными единицами, отражающими

систематичность семантических отношений, свойственную всем глаголам данной группы.

Анализ лексикографических источников, а именно, словарных статей глаголов лексико-семантической группы «защита» выявил недостаточность представленной в словарях информации о значениях данных глаголов. В словарных статьях синонимичные глаголы зачастую получают весьма сходные дефиниции, не отражающие всех особенностей значения и условий их употребления. Одна лексическая единица часто трактуется через другую, значение раскрывается путем перечисления синонимов.

Анализ словарных статей показал, что исследуемые глаголы истолковываются через глагол «защищать», глагол *defend* интерпретируется через глагол *protect*, *protect* - через *defend*.

Таким образом, недостаточность представленной в словарях информации об условиях употребления анализируемых глаголов требует более подробного изучения их семантической структуры, т.е. определения ограничений на употребление глаголов и сферы их номинации.

Семантический тип предикатов со значением «защита», в отличие от других предикатов имеет иные семантические роли актантов и соотношение денотата предиката с осью времени.

Актантная рамка глаголов лексико-семантической группы «защита» в явной или скрытой форме включает в себя субъект, объект I, которого защищает субъект и объект II, который является источником угрозы. В актантную рамку данных глаголов может входить еще один объект с семантической ролью Инструментария, например:

(a) Keep all Evil from our home, and by the great mercy **defend** us from all the perils and dangers of this night, amen. – Ian Maitland «Cathedral»;

(b) She swung up into her saddle and adjusted her hat so that it would **protect** her face from the sun. – Georgina Gentry «Rio the Texans»

В семантические роли актантов предикатов входят следующие семантические понятия: сила (энергия), тип силы, источник силы, приложение силы, контролируемость/неконтролируемость приложения силы, осознанность/неосознанность, осознаваемость/неосознаваемость приложения силы [2, 43].

Субъект X может быть одушевленным лицом, при котором он проявляет себя как мыслящее существо («Человек осмысляющий») и контролирует совершение действия на различных стадиях, неодушевленной материальной сущностью», где субъект наделен свойствами источника энергии, но которая поставляется не за счет его волеизъявления и сознательного приложения силы, а за счет свойств самого субъекта, или неконкретными или сложно понятийными существительными:

- (a) She sees all and would protect you of whom she is fond. - H. Rider Haggard «Love eternal»;
 (b) The crag protected my head. - Ch. Bronte «Jane Eyre»;
 (c) Then he is protected from her wrath. - Dorothy Quick «The Lost Door»

В случаях, когда субъект является инициатором действия, направление приложения силы подвластно его воле и имеет место на всех стадиях воздействия. Т.к. субъект может управлять силой воздействия на различных стадиях, в семантической роли субъекта присутствует семантика контролируемости. Это объясняется отсутствием ограничения на употребление глаголов в сочетании со структурами типа: «I want...», «I'd like»..., например: «I want to protect you...», «He wants to defend her». В примере (b), где энергия воздействия прикладывается без сознательного управления, направление силы характеризуется отсутствием контролируемости. На предшествующем этапе проявляется такой семантический признак как Волеизъявление (инициатива), характерный для актантов предиката, выраженных одушевленным лицом. Этому свидетельствует запрет на употребление глагола в положительной или отрицательной повелительной форме на начальной и конечной стадиях действия.

Таким образом, семантические параметры семантических ролей глаголов защиты включают в себя: «приложение силы», «тип силы», +/- инициатива, +/- контролируемость.

В нашем исследовании субъекту, выраженному одушевленным существительным, приписывается семантическая роль Деятеля на предшествующей, начальной и конечной стадиях, которая определяется следующим набором признаков:

- + «Приложение физической силы»
- + «Приложение волевой силы»
- «+Инициатива»

«+Контролируемость» на предшествующей, начальной и конечной стадиях

Субъект проявляет себя как материальная сущность, когда отсутствует контролируемость и осознаваемость приложения силы субъектом, т.е. субъект является лишь источником энергии:

- (a) The crag **protected** my head. - Ch. Bronte «Jane Eyre»;
 (b) The trench mortars of each battalion **protected** the flanks of the attacking party. - Jack O'Brien «Into the Jaws of Death»

В данных предложениях субъекту приписывается семантическая роль Инструментария.

Т.к. в семантической роли субъекта имеются такие семантические признаки как «приложение физической силы» и «приложение волевой

силы», предикаты «protect» и «defend» с семантической ролью «Деятеля» относятся к «действиям». Предикаты, которые в реальной ситуации не содержат контролируемости, но потенциально она им свойственна, можно назвать «деятельными процессами» [2, 63].

Отнесению исследуемых глаголов к предикатам со значение действия и процесса также свидетельствует их локализованность на оси времени и «фазовость существования», например: «Oh, I don't know», Saxon defended her new acquaintance. Однако, глагол в предложении «I will **protect** the children. I like the marriage» обозначает не индивидуальное действие, а класс таких действий как некое отвлеченное от конкретного протекания во времени, и его действие не локализовано во времени.

Глагол «protect» в своем значении передает информацию о принятии некоторых мер по защите от угрозы некоего объекта с помощью некоего средства с целью благополучия субъекта (или самого себя), хотя угроза не всегда эксплицирована: «I don't care. I only care about Lindy's safety. I'll **protect** her», «He will keep me in his fold from the ravenous beasts; he will **protect** me», «That we might be **protected** he made the stone».

Употребление предлогов (against, from) подтверждает вывод о том, что глагол «protect» не сообщает о воздействии на субъект, его целью является «благополучие» субъекта, он принимает меры по отношению к угрозе: «But he do try to steal my sheep, and I **protect** them from him».

Отличием семантики глагола «protect» от глагола «defend» является то, что, когда речь идет об угрозе, глагол «defend» предполагает активное взаимодействие, действия по отношению к угрозе, физические или словесные: «I was hoping that if Mr. Douglas **defended** himself with the hammer», «Spoke French fluently and earnestly **defended** the doctrine of the Pope's infallibility», «Holy Michael, Archangel, defend us in the day of battle. Be our safeguard against the wickedness and snares of the Devil...», «I must insist: what you say is not true! Oh, you only object... you only **defend** the Jews because your husband is a Jew». Глагол «protect» не предполагает ответных действий: «...his chest and body were **protected** by thick and overlapping leather plates covered with blood-red designs».

Также в структуре глагола «defend» акцент делается на сохранение статус-кво объекта, независимо от наличия угрозы: «She would like to think so -- even if he did **defend** the status quo, just like Papa», «I've been obliged to draw her attention to the fact that, should her husband **defend** the suit, it will be very difficult to get the Court to accept their separation in the light of desertion on his part».

Таким образом, английские глаголы защиты характеризуют свои денотаты как локализованные на оси времени, являясь действиями либо процессами. Описание процесса защиты по данным параметрам определяет их семантическую роль и может представлять значительный интерес для лексикографической практики.

Литература

1. Селиверстова О.Н. Семантические типы предикатов в английском языке [Текст] / О.Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 216 с.
2. Шабанова Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование [Текст] / Т.Д. Шабанова. – М.: ИЯ РАН – Уфа, 1998. – 198 с.

© И.К. Гараева, 2015

Р.Г. Гатауллин
БашГУ, Уфа, Россия

К вопросу модификации и деривации фразеологизмов

1. Фразеологизмы благодаря наличию таких признаков как экспрессивность, образность, метафоричность несут образно-эстетическую функцию, являются одним из выразительных средств литературного языка и активно употребляются во всех речевых жанрах, особенно в текстах средств массовой информации. Их стилистическая окрашенность содействует привлечению внимания читателей, поэтому журналисты вводят фразеологические обороты в так называемые «сильные позиции»: они находятся в заголовках, в начальном (первом) абзаце и завершающей (финальной) части текста. Фразеологические обороты благодаря своей структурности и идиоматичности представляют собой коммуникативный потенциал, который может использоваться носителями языка для творческих изменений и модификаций [8, 237]. Нередко авторы при помощи различного характера модификаций, трансформаций и преобразований [ср: 2, 75; 3, 150-154] пытаются усилить выразительные потенции фразеологизмов, что ведет к обогащению фразеологического фонда конкретного языка новыми (окациональными) фразеологизмами, обновленными или образованными с помощью таких приемов, как а) замена лексических компонентов, б) перестановка компонентов, в) вклинивание в состав фразеологизма переменных элементов, г) усечение (пропуск) каких-либо частей, г) изменение грамматической формы и т. д. Модификацию фразеологических единиц языка можно наблюдать как в текстах художественной, так и публицистической литературы на лексическом, морфологическом и семантическом уровнях. Авторы часто меняют лексико-грамматическую структуру, включая в

состав новые компоненты. В этом подтверждается высказанная Гаком В.Г мысль о том, что фразеологизмы «представляют собой подвижный, вечно обновляющийся участок лексики» [1, 249]. Следствием изменения лексико-грамматической структуры фразеологизма является обновление семантики фразеологизма, его коннотативной структуры, что используется для создания разного характера стилистических эффектов, ср.: "... договоренность Зюганова с Кремлем, что является признаком не просто ослабления КПРФ, но *превращения в десятое колесо в телеге власти*" [Звезда Поволжья, 20-26 мая 2004г].

2. Фразеологическая деривация [5; 6, 189] заключается в первичной метафоризации, в метафорическом употреблении свободных словосочетаний. Результатом данного процесса является неологизация, т.е. образование новых устойчивых выражений, ср.: *зеленый профессор, зеленое движение, зеленая хоккейная машина; grüne Minister, grüne Regierung, grüne Aufarbeitung der NZ-Geschichte. „Wir haben grüne Wurzeln“ (Der Spiegel 12/2007); „Angesichts des Klimawandels auch die Union das Ökothema. Wollen die Schwarzen jetzt ernsthaft grün werden?“ „Wir haben die Ökologie allzu lange den Grünen überlassen. Dabei haben wir selbst grüne Wurzeln. Die Union hat die von Rot-Grün eingeführte Ökosteuer massiv bekämpft. Wann kommt das erste schwarz-grüne Bündnis? In Berlin werbe ich für ein schwarz-gelb-grünes Bündnis. Das wäre allemal spannender als die rot-rote Langeweile unter Klaus Wowereit. [Der Spiegel 12/2007]*

3. На первый взгляд модификация фразеологизмов вступает в противоречие с их основным идентифицирующим признаком, а именно признаком «стабильность», который обеспечивает наряду с другими признаками функционирование фразеологизмов в языке и речи, их узнавание и восприятие, поскольку не всегда такие «деформированные» фразеологизмы приобретают статус индивидуально-авторского образования, способного узуализации. Они отличаются от лексикализованных, нормативных устойчивых единиц не только своим отсутствием в языковом сознании носителей языка, но и зависимостью от контекста их порождения: «Schwarze Kassen in Siemens-Konzern. Mit Ihrem Titelbild haben Sie *den Nagel auf den Kopf treffen*: Der „Christbaum Wirtschaftswunder“ stirbt von der Wurzel her ab» [Der Spiegel 52/2007].

4. Наиболее часто модификация традиционных фразеологизмов и их окказиональное обновление достигается путем замены одного или нескольких компонентов фразеологизмов: «Оборотная сторона **экономики**. Борьба с контрафактом. Подделывают всё: программное обеспечение, одежду, но что особенно опасно – алкоголь и еду» [АиФ 2007, №5, стр.7]. Обновление лексического состава фразеологизма не только способствует созданию новых семантических оттенков, но и видоизменяет его стилистическую окраску, придает яркость обороту и усиливает

его выразительность. В результате такой замены фразеологизм выступает в конкретном контексте как окказиональный вариант, сохраняющий непосредственные связи с исходным фразеологизмом, что обеспечивает его релевантное восприятие (ср.: «оборотная сторона *медали*» – «оборотная сторона *экономики*»). Сравни также: «Омичи выиграли у хоккеистов из Петербурга, правда, не без труда, как известно, без труда не вытащишь и рыбку из *Иртыша*» [Спорт 22.03.2006]. При замене компонентов фразеологизмов используются синонимы, антонимы, слова из одной тематической группы и т.д. Головокружение от кредитов [АиФ 2007, №7, стр.16].

5. Модификация константных компонентов происходит часто в составе паремий, ср.: Mann bleibt Mann (исходный фразеологизм – «Mensch bleibt Mensch»); Viele Wege führen ins Defizit (исходная форма – «Alle Wege führen nach Rom») [9]. Как показывают примеры, при лексических заменах сохраняются звуковой облик и грамматическая структура: “Wo ein Boom ist, da sind die Spekulationen nicht weit“ (исходная пословица – «Wo Geld ist, da sind auch die Leute») [9]. В текстах художественной и публицистической литературы происходит трансформация пословиц, при которой заменяются несколько компонентов одновременно: так, например, пословица «Zeit heilt Wunden» («Время лечит») появляется в творчестве Гюнтера Грасса в многочисленных вариантах: **Musik** heilt Wunden, **Glaube** heilt Wunden, besonders **Liebe** heilt Wunden, **Kunst** heilt Wunden. Следует подчеркнуть, что в умении акцентировать внимание читателя на фразеологизме путем неожиданной замены одного из компонентов, проявляется языковая особенность творчества Г. Грасса. Неслучайно, его языковой стиль называют «экзотическим», поскольку его произведения изобилуют вариантами общеупотребительных пословиц, ср.: Dienst ist Dienst, Schnaps ist Schnaps, wie du mir so ich dir, morgen ist auch ein Tag, das Leben geht weiter. В романе «Hundejahre» мы находим также несколько примеров на замену компонентов пословиц, создавшую комический эффект: «Was nützt ihm der schmiedeeiserne Kopf, wenn Wände zum Einrennen vorsorglich durchlässig gemauert werden? Ist das ein Beruf: Drehtüren stoßen? Huren bekehren? Schweizer Käse löchern? Wer mag alte Wunden aufreißen, wenn das Wundeaufreißen Lust bereitet? Oder dem anderen *eine Grube graben*, damit er Dir später herauhilft?» Как свидетельствуют примеры модификации исходных фразеологических единиц, трансформированные фразеологизмы могут обладать ключевыми функциями для контекста. Сравни также: «*Старость – радость*: Уфа старше Москвы, Казани и Великого Новгорода – ей полторы тысячи лет!». Wenn Bush gern Bibelstellen zitiert, sollte er auch daran denken: "*Denn sie säen Wind, und sie ernten Sturm*" [Der Spiegel 9/ 2003, S.12]. Сравни также модифицированные выражения исходной фраземы «Hans

im Glück»: "Kalif im Glück" „Kalif im Rechtsstaat“ „Während der Kalif vier Jahre wegen Mordaufrufs absaß, quälte die türkische Staatsmacht seine Anhänger ... Damit steht fest: Der so genannte Kalif von Köln darf bleiben, mindestens bis zur Instanz, dem nächsten Gerichtsbeschluss“; [Der Spiegel 36/2003 S.30]; „Jack im Glück“ [Spiegel 22/2003, S.71].

6. Целью замены могут быть также достижение иронического эффекта и усиление иронической направленности, ср: «Вот тебе, вкладчик, и Азатов день!» (исходное выражение «Вот тебе, бабушка, Юрьев день!» [Выбор народа 2003, №33, стр.2: Азат Курманаев – президент банка УралСиб]; „Bienkopp hat den Ziemerhieb des Sägemüllers nicht ertragen. Er hält sich für einen Propheten und will *durch das Nadelöhr* in den Himmel“ („Удар кнутовищем не остался для Оле без последствий. Он возомнил себя пророком и хочет через игольное ушко пролезть в царствие небесное») [Strittmatter, Ole Bienkopp, S.141] (исходный фразеологизм: „ein Kamel durch ein Nadelöhr treiben“). «Калашных дел мастера». Именно тут расположена одна из «*черных дыр*», где в массовом порядке подпольно штампуют копии российского оружия. Половина этих «калашей» - поддельные, сработанные по типу «тяп-ляп» - напильниками и выброшенные на рынок по копеечным ценам [АиФ 2007, №7, стр. 14]. Незначительное варьирование морфологических особенностей фразеологизма без изменения лексического состава, например, замена одних глагольных форм другими, замена форм числа, способствует ремотивации фразеологизма, что облегчает его понимание, ср.: „Gibt es hier Flöhe?“ „Flöhe?“ „Die man Ihnen ins Ohr gesetzt hat.“ (Hans Fallada) (исходная форма – „jm einen Floh ins Ohr setzen«) замены формы единственного числа на форму множественного).

7. Для достижения стилистического эффекта автор в публицистических текстах намеренно разрушает семантическую структуру, возвращая средствами контекста исходное значение лексических компонентов или отдельного компонента, ср.: «Сегодня у нас так называемые олигархи все *шёлковые* (быть шёлковым – быть покладистым) и работают на благо страны». Причем некоторые олигархи стали настолько шёлковыми, что они в этот *шёлк* одевают девочек и на благо страны возят их в Куршевель [АиФ 2007, №5, стр. 2]. Внутренняя форма фразеологизма остается неприкосновенной, переосмысление, обыгрывание его мы находим в окружающем контексте, благодаря чему фразеологизм приобретает иной оттенок. Многочисленны случаи каламбурного построения, основанные на прямом, буквальном понимании переносного значения отдельных слов, входящих в состав фразеологизма. На раскрытии, конкретизации значения одного из лексических компонентов устойчивого сочетания строится целая система образов и метафор, ср.: «Все яйца – в корзине Р.Кадырова. Кремль сам складывал все яйца в корзину Кадыро-

ва, сделав президента Алханова пустой формальностью» [АиФ 8/2007, стр. 2]; «Как не загнать себя в «тревожный тупик»?... Чертополох на правовом поле» [АиФ 8/2007, стр. 10,12]. Модифицированный, обновленный, преобразованный фразеологизм в контексте выступает как окказиональный вариант по отношению к исходному общезыковому фразеологизму: «Онищенко Г., главный санитарный врач РФ: “Скоро я заключу союз с Молдавией и пойду с ружьями наперевес на наших отечественных поставщиков, которые тоже немало хулиганили на рынке вина”. А лично вы, Геннадий Григорьевич, в этой войне в чьей стороне будете? Вы за белое или за красное?» [АиФ, 2007 № 5, стр.2]

8. Модификация фразеологизма иногда происходит путем экспансии, расширения его состава, ср.: „im siebenten Himmel sein“ (быть на седьмом небе): Die Anhänger des 1. FCK schweben im siebenten *Fußball-Himmel* (MZ 26.10.90); Borussia war wieder im (siebenten) *Meister-Himmel* (Bild, 12.05.92); im (siebenten) *Medien-Himmel* (ND, 11.12.89); Ab in den siebenten Jäger-Himmel (HTB 4.06.93); der siebente *Bücherwurm-Himmel* [Grass, Schnecke S. 126];

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом *девятый смертный вал*.
Und über uns war sie, ein Stern des Meeres,
Die neunte Woge suchend mit dem Strahl. [10, 138-139]

Модифицированный, обновленный, преобразованный фразеологизм в контексте выступает как окказиональный вариант по отношению к исходному общезыковому фразеологизму: Jenseits der wenigen Highways und des *potemkinschen* Pjöngjang bricht die Infrastruktur zusammen [Der Spiegel 9/ 2003, S.132]. Sie fährt zuerst durch eine *potemkinsche* Kulisse [Der Spiegel 29/03, S95]. „Wenn *Elefanten kämpfen, leidet das Gras*“, klagen die einfachen Leute Der Krieg kostete über 500000 Menschenleben. *Schnaps ist Schnaps, Dienst ist Dienst*, wir sind die stärkste Opposition im Bundestag, wir werden die Regierung von Merkel kritisieren; der *größte Stachel im Fleisch*; was bleibt von der politischen Handschrift übrig [DW, 11.10, 2005].

9. Сама природа фразеологизмов, обладающих яркой образностью, стилистической окраской, создает предпосылки для их использования в экспрессивной речи. Фразеологическая модификация и дефразеологическая деривация, индивидуально-стилистическое «фразотворчество» значительно больше расширяют возможности применения фразеологизмов, чем простое воспроизводство их в речи, становясь источником новых художественных образов, шуток, неожиданных каламбуров. Фразеологизмы становятся «сырьем» для «творческой обработки» автором. Поэтому индивидуальное использование возможностей фразеологической модификации и

дефразеологической деривации является принадлежностью, изобразительным элементом художественной и публицистической (книжной) речи.

Литература

1. Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. – Москва 1966. – 338с.
2. Burger, H.: Buhofer, A., Sialm A. Handbuch der Phraseologie. Berlin -New-Jork 1982, 447с.
3. Burger, H.: Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Erich-Schmidt-Verlag 1998, 224с
4. Fleischer, W.: Regeln der Wortbildung und der Wortverbindung. – DaF 2/1978.
5. Fleischer, W.: Phraseologische Derivation. – LAB 26, Leipzig 1980, с. 51-57
6. Fleischer, W.: Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig 1982, 250с.
7. Fleischer, W.: Zum Verhältnis von Parömiologie und Phraseologie. In: Niederdeutsches Wort, Beiträge zur niederdeutschen Philologie 1991, 31, S. 3-13.
8. Greciano, G. Forschungen zur Phraseologie. – ZGL 1983/ 11, с.232-243.
9. Mieder, Wolfgang: Verdrehte Weisheiten. Wiesbaden 1998
10. Achmatowa, Anna: Poem ohne Held. Russisch-deutsch. Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig 1982, 198с.

© Р.Г. Гатауллин, 2015

В.А. Генералов

ЧелГУ, Челябинск, Россия

Анализ некоторых типов именных словосочетаний в современном английском языке

В исследовании разных типов именных словосочетаний, включая и терминологические, нами обнаруживаются сходства в характере и статусе межкомпонентных связей в их составе, в частности, между модифицирующими компонентами и исходными базисами. Например, в терминологическом словосочетании 'tractor disk plough' (тракторный дисковый плуг) базис '*plough*' противопоставляется не всем базисам, обозначающим понятие '*plough*', а только тем, которые функционируют как 'навешиваемое, агрегируемое орудие' и образуют *группу объектов* со схожими техническими характеристиками, например, *tractor harrow* (тракторная борона; борона, прицепляемая к трактору); *tractor cultivator* (тракторный культиватор; культиватор, прицепляемый к трактору) и т. п. В данных примерах обнаруживается типовое отношение, или 'функция', по терминологии датского лингвиста-глоссематика Л.Т. Ельмслева, а модификаторы и исходные базисы выступают как 'функтивы'.

Специфика данных отношений состоит в том, что они предполагают видовую модификацию внутри группы аналогичных объектов, то есть в словосочетании 'new books section' ('раздел/депозитарий новых книг'), между модификатором 'new books' и базисом 'section' отсутствует *родовая односторонняя связь (inherent generic relation)*, и базис 'section' может соотноситься с другими модификаторами, обозначающими единицы хранения. Соответственно, в сознании субъекта выстраивается, по нашему мнению, мнемонический ряд: *new books section ↔ new bookstore section ↔ new additions section ↔ new designs section ↔ new publications section* и т. д.

Понятие 'функция' в значении 'отношение', разработанное представителями Копенгагенской лингвистической школы, изначально не имело определенного содержания. Например, Л.Т. Ельмслев в своей книге "Принципы всеобщей грамматики", изданной в 1928 г., применял термин 'грамматическая функция'. Позднее, в работе от 1943 года "Прологомены к теории языка" он дал понятию 'функция' следующее определение: "Зависимость, отвечающую условиям анализа, мы назовем функцией. Так, мы скажем, что существует функция между классом и его сегментами (цепью и ее частями, или парадигмой и ее членами) и между сегментами (частями или членами). Члены (terminals) функции мы назовем функцивами, понимая под функцивом объект, имеющий функцию к другим объектам" [2].

Л.Т. Ельмслев выделяет три типа функции: 1) интердепенденцию (interdependence) как функцию между двумя постоянными; 2) детерминацию (determination) как функцию между постоянной и переменной; 3) констелляцию (constellation) как функцию между двумя переменными. При этом каждая функция имеет два варианта – в парадигматике (система) и синтагматике (текст).

Понятие 'функция' может рассматриваться и как роль, и как зависимость, или соответствие единиц одного множества единицам другого множества. Второе значение традиционно восходит к положениям Л.Т. Ельмслева и характеризуется тем, что Л.Т. Ельмслев понимал под функцией соотношение классов разного объема в парадигматике, соотношение части и целого и соотношение части и части в синтагматике.

Ю.С. Степановым отмечается, что понятие 'функция' "выходит из сферы лингвистики в математическую логику" [4]. О.С. Ахмановой выделяются три значения термина 'функция', подразумевающих 'роли': "1. назначение, роль, выполняемая единицей (элементом) языка при его воспроизведении в речи... 2. цель и характер воспроизведения в речи данной языковой единицы; ее актуализация или транспозиция в контексте конкретного речевого акта... 3. обобщенное обозначение разных сто-

рон (аспектов) языка и его элементов с точки зрения их назначения, применения, использования" [1].

В современной лингвистике понятие функции языка трактуется как 1) роль (употребление, назначение) языковой единицы в языке; 2) детерминированное соответствие, или зависимость единиц одного множества от единиц другого множества; второе значение чаще применяется к единицам языка [3, 5].

Мы считаем, что семантические свойства модификатора и базиса определяют тип зависимости между ними в составе словосочетаний.

I. *Интердепенденция* (interdependence):

В словосочетании '**soil tillage tool**' отмечается отношение по типу субъект-предикат-объект (S-V-O) (→ tool TILLS soil). Данное отношение, по нашему мнению, демонстрирует, что и модификатор, и базис находятся в зависимости друг от друга: актант 'tool' реализуется как субъект действия, 'орудие', а актант 'soil' - как объект орудийного воздействия. Мы считаем, что модификация этого вида имеет родовое значение (*generic meaning*), так как между объектами-функтивами существует *имманентная двусторонняя связь* (*inherent bilateral relation*) взаимозависимости.

II. *Детерминация* (determination):

В данном типе именного словосочетания модификация имеет видовое значение (*aspectual meaning*). Модифицируемый базис обозначает один из 'нарративов' (story; saga; case, etc.), а переменный модификатор - объект нарративного описания: **bribery story** (история о даче взятки); **bribery case** (эпизод дачи взятки); **milk adulteration saga** (эпопея с фальсификацией молока); **oil adulteration saga** (история с фальсификацией растительного масла); **fraud saga** (сказание о мошенничестве); **success story** (история успеха); **amalgamation saga** (повесть об объединении организаций); **amalgamation story** (история об объединении компаний); **tractor forum** (форум по сельскохозяйственным тракторам).

Примеры из интернет-публикаций:

1) Njaluahun **Chieftdom Amalgamation Saga**

"The post-paramount chieftaincy election activities in the Njaluahun Chieftdom, Kailahun District have taken new dimension leading to the creation of another chieftdom in that district."

(<http://segbwema.blogspot.com.tr/2010/05/njaluahun-chieftdom-amalgamation-saga.html>)

2) **The Bush Family Saga**: "George Jr. 's specialty was **insurance and security fraud**. Jeb's specialty was **oil and gas fraud**. Neil's specialty was **real estate fraud**. Prescott's specialty was **banking fraud**".

(<http://www.informationclearinghouse.info/article3308.htm>)

III. *Констелляция* (constellation):

Конstellативные отношения наблюдаются в таких именных словосочетаниях как **new books section** (→ section of new books). В данном типе именного словосочетания модификация имеет видовое значение (*aspectual meaning*), так как, например, между объектами 'new books' и 'section' не существует имманентной родовой связи (*inherent generic relation*), и объект 'section' может соотноситься с целым рядом других объектов (new products section; tools section; foodstuffs section и т. д.). Ниже мы приводим нашу предварительную классификацию отношений детерминации в составе именных словосочетаний.

1. Модификатор и базис совместно обозначают агрегат, а базис - агрегируемый компонент, например:

tractor disk plough (дисковый плуг, прицепляемый к трактору); **clutch pressure plate** (нажимной диск муфты сцепления).

2. Модификатор выступает в роли актанта-производителя, а модифицируемый базис обозначает продукт, например: **China rotary ploughs** (почвофрезы, выпускаемые в Китае) - модификатор 'China' обозначает страну-производитель; **Underwood universal mobile typewriter** (универсальная переносная печатная машинка производства компании Ундервуд) - здесь модификатор обозначает производящую компанию; **Scottish Milk Board Milk Bulletin** (Бюллетень молочной продукции, издаваемый Шотландским управлением по производству молока) - модификатор 'Scottish Milk Board' обозначает организацию, а модифицируемый базис - периодическое издание как продукт организации.

3. Модифицируемый базис обозначает 'депозитарий', 'отдел', 'товарную линейку' и т. д., а модификатор - единицы/компоненты: **new books section**; **book(s) section**; **tools section**; **tractors line**; **Ferguson tractors line** (линейка тракторов компании Массей Фергюсон).

Примеры из интернет-публикаций:

1. "**NEW BOOKSTORE SECTION** - We just started a **BARGAIN BOOKS section** in our bookstore. You will find a number of good books on charting and analysis at great discounts... Take a look, there is a good chance you will find something you have been wanting. Be sure to check it often, as once we have sold out of an issue in the Bargain Books, it will not be available again. Also, don't forget to check the **NEW ADDITIONS section** to see the latest books on charting and analysis".

(<https://stockcharts.com/articles/chartwatchers/2004/10/site-news.html>)

2. "**Chicago Tribune mulls new weekly books section.**

Lynne Marek reports the Chicago Tribune is planning to launch the section in January, and is expected to charge about \$2 for it. The 32-page prototype for Printers Row — also the name of Tribune's annual literary festival — includes a fiction contribution, articles, a local literary scene story and best-

sellers lists" (<http://mediamanagersclub.org/chicago-tribune-mulls-new-weekly-books-section>)

3. Модификатор или модифицируемый базис могут либо обозначать систему, объединение (system, union, association, amalgamation, etc.), либо включаемый компонент, например: **electrical power supply high-tension line** (высоковольтная линия системы электроснабжения); **air quality standards emission regulations** (технические нормы атмосферных выбросов, включенные в стандарты чистоты воздуха); **Welders Association** (Ассоциация сварщиков); **Teachers Union** (профсоюз учителей).

Примеры из интернет-публикаций:

1) "The mission of the **Alaska Miners Association** (AMA) is to advocate for and promote responsible mineral development in the state of Alaska". (<http://alaskaminers.org/>)

2) " The **standards system** in China is administered at the top by the General Administration of Quality Supervision, Inspection and Quarantine (AQSIQ) and headed primarily by the Standardization Administration...". (http://www.standardsportal.org/usa_en/prc_standards_system/key_organizations.aspx)

4. Модификатор обозначает 'ареал распространения/применения объекта', например: **garden tool** (садовый инструмент); **industry tools** (промышленные инструменты).

Приводимые в данной статье именные словосочетания являются "компактивами" (по нашей терминологии), поскольку они представляют собой компактные варианты соответствующих предложных групп: **garden tool** ← a tool used **in** gardens; **milk adulteration saga** ← a saga narrating **about** the adulteration **of** milk products; **Scottish Milk Board Milk Bulletin** ← the Bulletin informing **about** milk products and issued **by** Scottish Milk Board.

В некоторых случаях можно наблюдать маркеры видовых словосочетаний (*aspectual collocations*), например, наличие форманта 's' у модификатора (tools section), а также присутствие делимитирующего признака перед базисом, например, в словосочетании 'electrical power supply [high-tension line]', что нехарактерно для родовых словосочетаний (*generic collocations*).

Видовые именные словосочетания могут образовывать сложные компактивы, включающие в себя несколько уровней. Показательным в этом плане является словосочетание '**Scottish Milk Board Milk Bulletin**'. В его состав входят два компактива '**Scottish Milk Board**' и '**Milk Bulletin**', которые в свою очередь сами образуют компактив второго порядка сложности.

В данной статье мы делаем попытку выявления специфики некоторых типов именных словосочетаний-компактивов, основывая наш

анализ на отдельных положениях глоссематики, например, касающихся функций между абстрактными сущностями, называемыми функтивами. Под 'функцией' Л.Т. Ельмслев и его единомышленники подразумевали не 'роль', а 'отношение' в чистом виде, лишенное семантического наполнения. Теория глоссематики подвергалась критике за слишком общий характер основных понятий. Тем не менее, нам представляется важным дополнять семантический анализ модификаторов и базисов в составе именных словосочетаний, в том числе терминологических, синтаксическим анализом с применением функтивов.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Применение некоторых положений глоссематики в изучении различных типов именных словосочетаний представляется перспективным, поскольку это позволяет подвести теоретическую базу под их эмпирическое исследование.
2. Представляемая нами классификация внутрикомпонентных отношений в составе компактивных типов именных словосочетаний является предварительной и подлежит дальнейшей разработке и дополнению.
3. Результаты исследования могут использоваться в практике перевода, при составлении специальных отраслевых словарей, в создании методических пособий по техническому переводу и в дидактических целях.

Литература

1. Ахманова О.С. 2004 – Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.
2. Ельмслев, Л.Т. Прологомены к теории языка. Перевод с английского. Серия "Лингвистическое наследие XX века". - М., 2006. - 248 с.
3. Пражск. лингв. круж. 1967 – Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. – М., 1967. - 560 с.
4. Степанов Ю.С. 1973 – Семиотическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка) // Изв. АН СССР, сер. ЛиЯ, 1973, т. 32, в. 4.
5. Степанов Ю.С. 2003 – Методы и принципы современной лингвистики. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 312 с.

© В.А. Генералов, 2015

Д.Р. Гилязова
БашГУ, Уфа, Россия

Письменный текст как источник конфликта

Сегодня, когда информация передаётся из уст в уста в один клик, есть большая вероятность её искажения при передаче из одного или нескольких источников в другой или другие источники. В таком случае, автор является вторым или зным передаточным звеном, а текст – вторичным речевым произведением. При этом меняется субъект речи, а,

следовательно, и субъект модальности. Сам передатчик становится интерпретатором чужих мыслей и фактов. Для получателя информации её восприятие будет зависеть от ряда обстоятельств: степени знакомства с описываемой ситуацией, способа получения информации, образования интерпретатора, его социального статуса, расстановки акцентов, эмоциональной окраски высказывания. При этом реципиент не в состоянии оценить качество передачи информации и зачастую лишён возможности декодировать первичный текст. Как считает Пешкова Н.П., текст, в нашем случае письменный, будучи единицей речи, в динамике восприятия, понимания и интерпретации его содержания и смыслов реципиентом, может провоцировать возникновение конфликтной ситуации между автором и адресатом. Это дает возможность моделирования и прогнозирования конфликта, возникающего как реакция на определенную информацию. Ведь в процессе внутреннего диалога «автор – адресат» сторона, представленная автором, не преднамеренно или преднамеренно, в зависимости от типа текста, может способствовать возникновению агрессивных вербальных реакций и со стороны адресата. [2, 15-16]

Эта ситуация несёт в себе потенцию конфликта: с одной стороны субъект-автор, перелагаемого текста может оказаться недовольным цитированием его слов (найдя искажения, неполную информацию или её передёргивание) и может обвинить интерпретатора в умышленном обмане; с другой стороны интерпретатор может обвинить субъекта-автора в попытке очернить или оговорить его и такой конфликт может в любую минуту перейти из дискуссионного поля в правовое. Передаточное звено не всегда имеет добросовестные намерения и не всегда искажение или трансформация информации происходит случайно. Передатчик информации пропускает её через себя, через свой жизненный опыт, своё субъективное представление о субъекте и объекте высказывания, своё эмоциональное состояние и зачастую действует небеспристрастно.

Если рассматривать политическое поле, весьма полемичное на сегодняшний день, то интерпретатор в подавляющем большинстве случаев преследует и реализует свои цели при передаче чужого текста реципиенту. И, если вопрос переходит в правовое поле, то лингвисту необходимо квалифицировать не столько степень искажения текста при передаче чужих слов, а то, насколько существенны эти искажения, и обнаружить и чётко разграничить интерпретацию текста в рамках допустимого и информацию, не соответствующую действительности. Передача чужого текста – это сложная речемыслительная операция интерпретации и презентации многомерной системы многопланового речевого произведения. В ней присутствуют содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и подтекстовая и стилистическая составляющие. [3, 65]

В отношении фактуальной основы сообщения, т.е. информации о событиях, привязанных к месту, времени, субъекту действия, то здесь искажения вольные или невольные возможны (вспомним хотя бы методы освещения грузинско-осетинского конфликта или противостояния ДНР и Киева в иностранных СМИ), но в условиях, когда источников информации много, когда есть видео документация, свидетельства множества непосредственных очевидцев событий, всё же представляется возможным докопаться до истины. Что касается трёх других составляющих: концептуальной (взгляда автора сообщения на причины, следствия описанных событий, его выводы), коннотативной (оценки автором описанных событий, поступков, личностей) и стилистической (языковых форм выражения событий, концепций, позитивных и негативных реакций) - это более субъективные уровни текста и здесь, при восприятии информации реципиентом имеет значение, в том числе и авторитет автора в сфере описываемых событий, степень его эмоциональности, вовлечённости и объективности его позиции в описываемых событиях. Все перечисленные уровни достаточно самостоятельны и при передаче чужого высказывания каждый из них может трансформироваться, и на трёх последних из них правовая оценка трансформации сомнительна и проблематична. Если журналист дистанцировался от чужой информации, выразил сомнение в ее правдивости или стилистически изменил ее, или дал иной комментарий фактам, представленным в первичном тексте – это допустимо. Такие виды трансформации чужой речи логично называть интерпретацией – оформленным индивидуальными языковыми средствами интерпретатора вариантом осмысления сообщенной иным автором фактуальной информации. [1, 54] Как же избежать возникновения конфликта из-за искажения фактуальной основы информации? Использовать при передаче информации абсолютно объективное предельно полное цитирование, лишенное каких-либо комментариев и преподнесенное абсолютно неконнотативными языковыми средствами. Объективный характер имеет такая передача чужого текста, при которой, при всех сокращениях и синонимических заменах на различных языковых уровнях, сохраняются все уровни авторского текста. Такой тип передачи чужого текста объективно неконфликтен.

Максимальная трансформация является результатом выборочного цитирования, умолчания, искажения стилистики первичного текста, введения собственных комментариев. Крайней степенью деформации является такая передача чужой речи, при которой вторичный текст приобретает смысл, диаметрально противоположный тому, что содержал первичный. Такая трансформация на всех уровнях обладает максимальной конфликтогенностью.

Литература

1. Иваненко Г.С. Вторичный текст как источник правового конфликта. // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). – С. 54-58.
2. Пешкова Н.П. О способах выявления зон конфликта в условиях взаимодействия разных языков и культур // Межкультурное общение: контакты и конфликты: сборник научных трудов, М. : ИЯ РАН, 2015. – с. 15-16.
3. Фефилов А.И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. – № 1. – 1991. – С. 64-73.

© Д.Р.Гилязова, 2015

Е.Ю. Голованова
БГМУ, Уфа, Россия

Метафоризация телесности как объект лингво-когнитивного анализа

Проблема телесности занимает одно из ведущих мест в работах современных философов, лингвистов, культурологов, антропологов, социологов, психологов и представителей других гуманитарных наук, и во всех этих трудах она находит неоднозначные решения.

Во всякой культуре человеческая телесность образует важную ценностную сферу. Телесная культура, то есть поведение и отношения, связанные с соматическими характеристиками человека, формируется во многом социокультурными факторами. Образ телесного «я» соотносится с культурными ориентациями, представлениями о достоинстве, силе, красоте, физической сноровке, социальной и культурной уместностью и оригинальностью.

Человека с древних времен занимают вопросы телесной красоты и здоровья, хотя представления о нормативной или идеальной телесности поразительно отличаются друг от друга в разных культурах. Но, пожалуй, именно XXI век характеризуется просто культовым отношением к здоровому молодому телу. Наше время характеризуется развитием телесно ориентированных социальных практик. Фитнес, переосмысленное отношение к танцевальной и физической культуре, здоровый образ жизни, здоровое питание и прочее – все это проявления различных концепций тела и телесности, волнующих современного человека.

Проблема телесности включает в себя важные вопросы, пронизывающие любую человеческую культуру – такие, как жизнь, рождение, смерть. Кроме того, телесность естественно соотносится с темой сексуальности. В различных культурах между этими сферами проводится та или иная дистанция, и на сексуальные отношения во многом влияют и социальные факторы, важнейший из которых – постоянно существую-

щее разделение труда между полами в семейных обязанностях и профессиональной деятельности.

При изучении проблемы телесности очень важен этнокультурный подход. Взаимосвязь языка и цивилизации неопровержима. История языка — это часть истории цивилизации. На протяжении всей своей истории они развиваются в процессе сложного взаимодействия. В формах языка получают закрепление способы и результаты общественно-исторического опыта. Наиболее яркое выражение отношение общества к телесности можно найти в языковых метафорах.

Основой современного лингво-когнитивного анализа метафоры служит классическая работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [3]. Согласно этим авторам, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний - когнитивной структуры "источника" (source domain) и когнитивной структуры "цели" (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит "метафорическая проекция" (metaphorical mapping) или "когнитивное отображение" (cognitive mapping).

Метафоризация позволяет употребить слово в переносном смысле на основе сходства двух предметов или явлений. С древних времен основным способом познания окружающего мира для человека было собственное тело. Не имея способов познать сложнейшие законы мироздания, человек очеловечивал природу, наделяя его собственными телесными характеристиками. Согласно Л.А. Азнабаевой, антропоморфная метафора — это результат проекции соматического образа человека на окружающий мир, проекции, при помощи которой формируется представление об объекте [1, 87].

Антропоморфные метафорические наименования, такие как «носик чайника», «горлышко бутылки», «ножка стола», «ручка двери» и прочее, настолько естественны для любого языка, что уже не воспринимаются метафорами носителями языка. Помимо номинаций, основанных на внешнем сходстве с телом, человек наделяет мир и чертами, характерными для человеческой жизни. Поэтому идеи у человека рождаются, техника стареет, разрядившийся телефон умирает и т.д.

С другой стороны, человеческое тело и свойственные ему телесные состояния также предоставляют богатые возможности для метафоризации. Благодаря своему образному характеру и высокой степени экспрессивности, метафора позволяет не только называть явление, но позволяет и замаскировать его суть, часто придать ему при этом шутливый, ироничный характер. Этот способ доминирует в образовании эвфемистических обозначений практически всех

табуированных частей тела, а также физиологических процессов и состояний, что убедительно доказывает анализ метафорических наименований табуированных соматизмов во французском языке.

Например, наиболее часто метафоризация используется для обозначения смерти человека. Метафорические модели, используемые в данном случае, отличаются большим разнообразием и оригинальностью:

- 1) смерть – это уход: *partir, s'en aller, quitter la vie, sortir de la vie, se débiter, glisser (se laisser glisser)*;
- 2) смерть – это отправление в путь: *aller ad patres, y passer, aller sous les fleurs*; соответственно, умирание – это сборы в дорогу: *faire son paquet, graisser les bottes, se faire la valise*;
- 3) смерть – это расставание с душой и разумом: *rendre l'âme, rendre l'esprit*;
- 4) смерть – это прекращение дыхания: *rendre le dernier soupir, expirer, oublier de respirer*;
- 5) смерть – это исчезновение: *disparition, disparaître, n'être plus, s'éteindre, s'effacer*;
- 6) смерть – это сон: *sommeil, fermer les yeux, s'endormir, s'endormir du sommeil de la tombe, tourner de l'oeil*;
- 7) смерть – это могила: *fumer les mauves par la racine, manger (bouffer) les pissenlits par la racine, avoir un petit jardin sur le ventre*;
- 8) смерть – это гроб: *se faire faire un costume en bois, sentir le sapin, se payer un sapin*;
- 9) умереть – сломать или перестать пользоваться каким-то предметом: *casser sa pipe, la casser, la dévisser, la déchirer, claquer (claquement), dévisser le billard, passer l'arme à gauche, dépoter son géranium, éteindre son gaz, fermer son parapluie (son pébroque), rendre ses clefs*;
- 10) умереть – перестать ощущать привычные вещи: *perdre le gout du pain, ne pas avoir mal aux dents*;
- 11) умереть – проглотить какой-то предмет: *avalor son acte (son extrait) de naissance, avalor son bulletin, avalor sa chique, l'avalor*;
- 12) умереть – совершить некое движение: *faire un plongeon, raidir*;
- 13) умереть – подвести некий итог: *déposer son bilan, remercier son boulanger*;
- 14) смерть – это конец: *fin*;
- 15) смерть – это утрата: *perte, perdre*.

Интересно, что данные метафорические модели на 62% совпадают с моделями, используемыми для обозначения смерти в русском языке. Это говорит не только о высокой образности и ассоциативности данного понятия в обоих языках, но и о совпадении культурологического характера.

Подобное разнообразие метафорических моделей указывают на особое отношение человека к смерти, которая остается для него загадкой и по-прежнему вызывает разноречивые чувства. Очевидно, что смерть в сознании человека ассоциируется со многими образами, благодаря чему и возникают столь многочисленные возможности для метафоризации данного понятия.

Не менее интересны с точки зрения анализа механизмов метафоризации и другие явления из сферы человеческой телесности.

Таким образом, метафоризация телесности представляет богатейший материал для лингво-когнитивного анализа. Несмотря на огромный объем уже накопленной информации интерес к этой сфере исследования только будет усиливаться.

Литература

1. Азнабаева Л.А. Антропоцентризм в мышлении и языке: Монография / Л.А. Азнабаева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 124 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: Новые горизонты. // Известия Уральского федерального университета. Сер.1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. - №1 (110). – С. 6-13.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозов. – Москва, УРСС Эдиториал 2008. – 256 с.

© Е.Ю. Голованова, 2015

Иван Голушин

Панъевропейский университет «Апеирон»,
Баня-Лука, Сербия

К вопросу о статусе фразеологизированных предложно-падежных конструкциях и их эквивалентности в двух близкородственных языках

Фразеологию одного языка представляют выражения тесно связанной структуры, образовавшиеся различными способами, пришедшие из различных источников, но отражающие и иллюстрирующие специфичным способом тип мышления, отношение к действительности, связь с окружающим миром, а также много всего характерного для одного языкового сообщества [4, 11]. Основную фразеологическую единицу представляет фразеологизм, являющийся устойчивым словосочетанием, в котором элементы этого словосочетания потеряли свои первичные, переносные значения и соединились в единое, сложное семантическое целое с целью коннотации новых содержаний. Эти языковые единицы всегда маркированы экспрессивностью, часто сохраняют яркость первичного выражения. Для фразем важны воспроизводимость и известность, семантическая односторонность, сложность структуры, синтакси-

ческая нерасчленимость, устойчивость/(не)мобильность, экспрессивность и эмоциональная окрашенность.

Известно, что для фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины все еще остается актуальной проблема понимания и определения фразеологической единицы. В науке не решен вопрос о компонентном составе фразеологических единиц. В первую очередь это касается устойчивых предложно-падежных конструкций. Д.Н. Шмелев в свое время указывал на то странное впечатление, которое производит понимание фразеологии «как нечто само по себе данное в языке и в своих точных границах». Некоторые из исследователей, по его мнению, считают «неправильным» «включение во фразеологию тех или иных разрядов словосочетаний (или, наоборот, исключение из нее каких-то типов словосочетаний) лишь на основании того, что их представление о фразеологии не совпадает с другими представлениями, в соответствии с которыми такие-то словосочетания признаются или не признаются фразеологизмами» [9, 297-298].

Так, например, Н.М. Шанский в своих работах не считает фразеологизмами сочетания знаменательного слова со служебным (напр. *на руку*) потому что такие сочетания характеризуются одним ударением (он сторонник акцентологического критерия различия фразеологизмов и идиом) [8, 117-127]. Л.И. Ройзензон, с другой стороны, считает, что Шанский «признавая биакцентность неперменной чертой фразеологических единиц <...> оставляет за пределами фразеологии очень много устойчивых словесных комплексов и в первую очередь целый класс предложно-именных оборотов, составляющих мощный, постоянно пополняющийся новыми единицами пласт русской фразеологии» [6, 13].

Мы считаем, что устойчивые предложно-падежные конструкции являются фразеологизмами, так как обладают всеми существенными признаками фразеологической единицы: воспроизводимостью, устойчивостью, нечленимостью, номинативностью, образностью и экспрессивностью, раздельнооформленностью. Яркими примерами этого являются генитивные фразеологизированные предложно-падежные конструкции, такие как *до дна, из первых рук, со всех концов, с виду, для души, для вида*.

Как известно, перевод фразеологизмов относится к проблемным точкам в теории и практике перевода. Свою специфику имеет процесс перевода фразеологизмов в случае близкородственных языков, поскольку именно близость языков («внешнее сходство» языковых единиц) может привести к неадекватному выбору переводного соответствия. Здесь особо остро встает вопрос о степени эквивалентности межъязыковых фразеологических соответствий.

«Вопрос определения основных критериев отнесения тех или иных ФЕ к классу полных или частичных эквивалентов является одной из наиболее важных проблем современной фразеологии» [2, 93]. Полными эквивалентами А.В. Кунин считает ФЕ, совпадающие в семантическом, лексическом, стилистическом и грамматическом плане. Для него частичными эквивалентами являются ФЕ, у которых появляются некоторые расхождения лексического и лексико-грамматического характера [3]. По мнению Е.Ф. Арсентьевой, очень важно учитывать и коннотативное значение ФЕ, потому что оно включает субъективно-оценочный, функционально-экспрессивный компоненты. Полными эквивалентами она считает ФЕ, которые имеют одинаковое сигнификативно-денотативное значение, субъективно-оценочную, функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную коннотацию, структурно-грамматическую организацию и компонентный состав. Соответственно, частичными эквивалентами считаются ФЕ, у которых при тождестве семантики появляются незначительные расхождения в плане выражения [1, 97].

Исходя из вышеизложенных точек зрения, на примере приведенных выше (указанных) русских фразеологизмов в сопоставлении с сербскими, мы выявили следующие типы их эквивалентов:

а) полные эквиваленты, которые разделили на две подгруппы:

- абсолютно полные – фразеологизмы, которые по образу, фразеологическому значению, структурно-грамматической организации, компонентному составу и стилистической окрашенности полностью совпадают с фразеологизмами сербского языка (рус. *до дна* и серб. *до дна*);

- относительно полные – фразеологизмы, у которых одинаковое значение, но появляются или нюансы в грамматической структуре (рус. *из первых рук* [лексический состав выражен во множественном числе] и серб. *из прве руке* [лексический состав выражен в единственном числе]), расширенный лексический состав (рус. *от Адама* и серб. *од Адама и Еве*) или различный семантический объем (рус. *от Адама* имеет одно значение, которое совпадает с сербским значением – 'с древности, издавна'; серб. *од Адама и Еве* имеет и второе, переносное значение 'более подробно, с самого начала (о чем-то говорить, объяснять)');

б) частичные эквиваленты, которые можно разделить на три подгруппы:

- одинаковое или близкое значение, одинаковая грамматическая структура, различный лексический состав (рус. *со всех концов* и серб. *са свих [божјих] страна* – расхождение между словами 'конец' в русском и 'сторона' в сербском эквивалентах);

- одинаковое или близкое значение, различная грамматическая структура, различный лексический состав (рус. *с виду* и серб. *на први поглед* – расхождение между предлогами [рус. 'с', серб. 'на'], лексическим составом [в сербском расширенный лекс. состав; лексика разная 'вид' в рус. и 'взгляд' в серб.], разные падежи [*в русском родительный, в сербском винительный*]);

- одинаковое или близкое значение, различная грамматическая структура, одинаковый лексический состав (рус. *для души* и серб. *за душу* – различные падежи – в русском *родительный*, в сербском *винительный*);

в) межъязыковые омонимы – фразеологизмы одинаковой или очень похожей грамматической и лексической структуры, но различного значения (рус. *для вида* и серб. *за вида* – в русском языке данный фразеологизм имеет значение '*... чтобы создать определенное впечатление*', в сербском '*пока еще день на улице, пока видно [что-то можно, необходимо (с)делать]*').

Существование межъязыковых фразеологических эквивалентов объясняется различными факторами – языковым изоморфизмом общности человеческого опыта, тождественностью источника их происхождения. В русском и сербском языках имеются так называемые фразеологизмы – интернационализмы, которые характеризуются полным совпадением внутренних форм, компонентного состава и функционально-стилистической окраски. Однако число таких полных эквивалентов весьма ограничено.

Литература

1. Арсентьева Е.Ф. Актуальные вопросы романской филологии и межкультурной коммуникации – Marseille: Fiches pratiques, 1987.
2. Арсентьева Е.Ф., Сопоставительный анализ ФЕ (на материале фразеологических единиц семантически ориентированных на человека в английском и русском языках / Е.Ф. Арсентьева. — Казань, 1989.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. — М. Высшая школа, 1986. – 336с.
4. Менас А. Hrvatska frazeologija, Zagreb, Knjigra, 2007. –270 с.
5. Оташевић, Ђорђе, Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј, 2012. – 1045, с.
6. Ройзензон Л.И., Лекции по общей и русской фразеологии: Учеб. пособие. Самарканд: СамГУ, 1973. – 223с.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под редакцией А.И. Молоткова, 7-е издание, исправленное. – Москва: Астрель, 2006. – 528 с.
8. Шанский Н.М. Деривация слов и фразеологических оборотов (к вопросу о сходстве и различии процессов словообразования и оборото-образования) // Шанский Н.М. Русское языкознание и лингво-дидактика. – М.: «Русский язык », 1985. – С. 117-127.

Н.В. Гоннова
СИПКРО, Самара, Россия

Проблемы изучения рекламных имен с *царь*- производными единицами

В статье рассматривается ряд основных проблем изучения рекламных имен (прагматонимов, эргонимов, геортонимов и др.) с *царь*-производными единицами в русистике: 1) проблема терминологического обозначения; 2) уточнение места рекламных имен в структуре ономастического поля; 3) функции рекламных имен; 4) рекламные имена как показатели особенностей национальной языковой картины мира; 5) способы образования.

Имена собственные, функционирующие в сфере коммерческих отношений, представляют собой многогранный феномен, широкий пласт лексики и являются объектом изучения разных наук.

Как показал анализ литературы, общепринятого обозначения имен собственных, которые бытуют в коммерческой сфере, в современной науке нет. Так, в работах по ономастике с разной степенью частотности используются термины *ктематонимы*, *хрематонимы*, *эргонимы*, *эмпоронимы*, *фирмонимы*, *прагматонимы* и др. С начала XXI в. очевидна тенденция к объединению имен собственных из сферы коммерческих отношений под общим термином: «рекламное имя» [4], «коммерческая номинация» [6].

Термин «рекламное имя» объединяет собственные имена фирм, предприятий, средств массовой информации, товарные марки, названия культурных мероприятий, праздников и другие подобные номинации [4]. Они исследуются как единая подсистема ономастического поля, обозначают объекты и явления, подлежащие рекламированию. В составе рекламных имен И.В. Крюкова выделяет: прагматонимы – словесные товарные знаки; эргонимы – названия фирм, предприятий, организаций; гемеронимы – названия средств массовой информации; геортонимы – названия общественных мероприятий; порейонимы – собственные имена средств передвижения. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что к настоящему времени в наибольшей мере изучены прагматонимы и эргонимы.

Термин «рекламное имя», по словам Т.П. Романовой, «органично вписывается в систему ономастической терминологии: собственное имя – рекламное имя» [8, 34].

М.Е. Новичихина вводит и обосновывает понятие «коммерческая номинация»; это языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели. Из предложенного определения можно сделать вывод, что, в частности, эргонимы, прагматонимы, геортонимы автор относит к коммерческой номинации.

В настоящем исследовании мы оперируем понятиями «прагматоним», «эргоним», «геортоним», включая их в состав рекламных имен. Объектом нашего изучения являются слова с *царь*- производными единицами:

1) эргонимы – названия торговой марки, торговых и производственных предприятий, названия магазинов, сети магазинов, торговых домов, комплексов, компаний, холдингов (торговая марка, сеть магазинов во многих городах России *«Царь-продукт»*, компания в г. Перми *«Царь-Квас»*, фабрика мягкой мебели в г. Брянске *«Царь-Мебель»*, торговый дом в г. Самаре *«Царь-Самара»* и др.) и названия предприятий сферы услуг, т.е. названия кафе, пиццерий, отелей, банных комплексов, салонов красоты, клубов для отдыха (мини-кафе в г. Санкт-Петербурге *«Царь-Пышка»*, конный эко-клуб любителей лошадей и отдыха на природе в Костромской области *«Царь-Конь»*, кафе в г. Самаре *«Царь-печь»*, салон красоты в г. Виннице *«Царь-Царица»* и др.);

2) прагматонимы – названия продуктов питания и алкогольных напитков (шоколад кондитерской фабрики «Победа» *«Царь-Пушка»*, *«Царь-Колокол»*, вафельные конфеты *«Царь-Девушка»*, которые производит фабрика «Невский кондитер») и др. К этой группе мы отнесли также прагматонимы, тяготеющие к разряду имен нарицательных и характеризующие тот или иной продукт как лучший, высшего качества и/или больших размеров; как правило, они пишутся со строчной буквы *царь-пасха*, *царь-кулич*, *царь-кофе*, *царь-пирог* и др.;

3) геортонимы – названия праздников, фестивалей, мастер-классов (фестиваль *«Царь-сказка»* в г. Великий Новгород, праздник *«Царь-гора»* в г. Тюмени, мастер-класс *«Царь-платок»* и др.).

Группы рекламных имен с *царь*- производными единицами (эргонимы, прагматонимы, геортонимы) представлены нами в порядке процентного убывания, т.е. наибольшей частотностью отличаются эргонимы и прагматонимы.

Все имена собственные составляют так называемое «ономастическое поле» (термин В.И. Супруна), центральное место в котором занимают антропонимы и топонимы. В исследованиях XX, и XXI вв. рекламные имена представлены как периферийный разряд ономастической лексики, поскольку им присущи три основные черты, характерные для периферии ономастического поля: «многоплановость языковой семантики, исходные компоненты которой сознательно сохраняются и под-

держиваются в рекламных целях; слабая структурированность и системность, орфографическая нестабильность, отсутствие значительных однородных групп, обладающих одинаковыми лингвистическими свойствами; недолговечность, изменяемость, открытость для инноваций и модных тенденций» [4, 6]. Сказанное верно и в отношении рекламных имен с компонентом *царь-*, которые начали активно появляться в 90-е гг. XX в., что обусловлено переменами в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни России.

Бытуя в сфере коммерческих отношений, эргонимы, прагматонимы, геортонимы реализуют определенные функции, в числе важнейших исследователи И.В. Крюкова [4], М.Е. Новичихина [6], А.Г. Фомин [11] и др. называют:

1) номинативную функцию (служат наименованием предмета); 2) информативную (формируют представление об объекте, характеризуют его, информируют потребителя); 3) коммуникативную (создаются по существующим моделям в соответствии с ожиданиями потребителя); 4) рекламную (являются неотъемлемой частью рекламной политики); 5) аттрактивную (привлекают внимание потребителей, управляют им); 6) суггестивную (воздействуют на адресата, его психику); 7) эстетическую (доставляют эстетическое удовольствие своим графическим и/или звуковым обликом). Являясь именами собственными, эта группа онимов выполняет идентификационно-дифференцирующую функцию – функцию единичного имени.

Относительно главной функции этой группы онимов мнения ученых расходятся. Так, главной функцией коммерческого наименования, с точки зрения М.Е. Новичихиной, является информативная: «в сознании носителя языка то или иное название прочно увязывается с конкретным видом товара, услуги и т.п.» [6, 7]. А в термине «рекламное имя» подчеркивается основная функция этих групп названий – рекламная, которая предполагает одновременную реализацию аттрактивной и суггестивной функций [4]. Как показал анализ лингвистического материала, все перечисленные выше функции, как правило, взаимосвязаны, одна обуславливает другую, и проявляются они в комплексе.

Рекламные имена с *царь-* производными единицами соответствуют национальной модели номинации и выступают как показатели особенностей национальной (в данном случае русской) языковой картины мира. Её специфической чертой является, как справедливо утверждает Ф.Г. Фаткуллина, «вербализация ключевых мислеобразов, стереотипов-представлений и стереотипов-образов в конкретных национальных языках» [10, 193]. Ср.: Е.П. Иванян в качестве основных векторов лингвистических изысканий называет лингвокультурологическое описание

фрагмента языковой картины мира и сопоставление концептосфер, языковых картин мира [2].

В контексте нашего исследования важно отметить, что пласт рекламных имен (прагматонимов, эргонимов, геортонимов и др.) постоянно пополняется, увеличивается количество способов их образования, что ставит перед лингвистами задачу создания классификаций способов образования прагматонимов, эргонимов, геортонимов и др. онимов, обладающих определенной семантикой, прагматикой и функционирующих в сфере коммерческих отношений.

Основные способы образования рекламных имен исследуются в работах И.В. Высоцкой [1], И.В. Крюковой [4], Н.В. Подольской [7], Т.П. Романовой [9], М.Г. Курбановой [5] и др. лингвистов. Образование рекламных имен – процесс не стихийный, а целенаправленный. Сначала возникает идея создания имени, поскольку перед номинатором стоит определенная задача, затем осуществляется выбор принципа и способа номинации, а на последнем этапе созданное название вводится в систему языка и активную речевую практику.

В работе Т.П. Романовой представлена система способов словообразования рекламных собственных имен [9]. Подробно проанализированы шесть способов словообразования: лексико-семантический способ; морфологические способы; лексико-синтаксический; фонетический; комплексные способы. В особую группу выделены специфические способы образования на основании того, что они употребляются главным образом в сфере рекламной номинации; объединяются признаком необычности, с их помощью возникают наиболее оригинальные имена. Обратим внимание, что некоторые специфические способы образования, рассматриваемые Т.П. Романовой, не получили еще общепринятых терминологических обозначений. Среди наиболее продуктивных способов образования рекламных имен названо образование сложных слов.

М.Г. Курбанова, исследуя семантику и прагматику эргонимов современного русского языка, называет девять способов их образования, подчеркивая, что «большой популярностью у имядателей пользуются эргонимы, образованные с помощью языковой игры, семантической онимизации и заимствования» [5, 11].

Особый интерес для нас представляют сложные слова с *царь*-производными единицами: *Царь-Сумка*, *Царь-Мебель*, *Царь-Окна*, *Царь-Урал*, *Царь-Девушка*, *Царь-Пушка*, *Царь-Колокол*, *царь-пирог*, *царь-пасха*, *царь-соус* и др. Они содержат несклоняемый первый компонент, второй является опорным, склоняется, указывает на грамматические свойства слова (к *Царь-Девушке*, *около Царь-Урала*, *царь-пирогом* и т.д.).

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения Т.И. Кочетковой, которая доказывает, что словосложение является способом

и номинации, и предикации [3]. Ученый соотносит словосложение с аппозитивными словосочетаниями, поскольку находит некоторую общность в действии словосложения при образовании сложносоставных слов и аппозитивных словосочетаний.

В заключение отметим: в конце XX – начале XXI вв. обозначились такие направления изучения рекламных имен, в том числе с *царь*-производными единицами, как: терминологическое обозначение этих онимов; уточнение их ономастического статуса и места в структуре ономастического поля; функции рекламных имен; рекламные имена как показатели особенностей русской языковой картины мира; способы образования.

Литература

1. Высоцкая И.В. Субстантивация номинации как разновидность окказиональной субстантивации // Актуальные проблемы анализа единиц языка и речи: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., г. Sterлитамак, 16-17 февр. 2010 г. / Отв. ред. Е.И. Беглова. – Sterлитамак: Sterлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Биишевой, 2010. – С. 98-104.
2. Иванян Е.П. Семантика еды в лингвистических изысканиях: результаты и перспективы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. - Том 17, № 1(4). – Самара, 2015. – С. 795-796.
3. Кочеткова Т.И. Словосложение как средство номинации и предикации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. – 48 с.
4. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 40 с.
5. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 22 с.
6. Новичихина М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2004. – 36 с.
7. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. - 1990. – №3. – С. 40-54.
8. Романова Т.П. Коммерческое именование как инструмент рекламной коммуникации // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. и сост. Н.В. Анискина, Л.В. Ухова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – С. 30-55.
9. Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник СамГУ. – 2007. - № 5/2 (55). – С. 204-214.
10. Фаткуллина Ф.Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана // Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: Мат-лы научн. конф. – М.: МГЛУ, 2014. – С. 190-197.
11. Фомин А.Г. Прагмалингвистические условия порождения рекламного текста (на материале англоязычной рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 20 с.

© Н.В. Гоннова, 2015

Роль контекста в понимании дискурса

Когнитивная лингвистика изучает проблемы коммуникативно-речевого взаимодействия, в частности ведет поиск процессов, обеспечивающих производство, понимание, запоминание и репродуцирование высказываний, а также поиск моделей, по которым происходит планирование, производство и понимание речевых актов. Прагматическая теория, предложенная в рамках этого направления, формирует правила прагматической интерпретации, т.е. такие правила, которые с учетом особенностей прагматического контекста приписывают каждому высказыванию статус определенного речевого акта. Под прагматическим контекстом понимается определенным образом структурированная абстракция, включающая такие элементы, как исходный контекст коммуникации, социальный контекст, схемы конвенциональных установлений. Если в 60 – 70-е годы дискурс понимался как связная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнение, цели адресата, установки), необходимые для понимания текста.

Главная проблема, которая стоит перед исследователями, – это проблема определенного прагматического понимания, представляющего собой последовательность процессов, содержанием которых является приписывание высказыванию участниками коммуникации особых конвенциональных сущностей – иллокутивных сил. Проблема состоит в том, каким образом слушающий на самом деле узнает, что, когда говорящий произносит то или иное предложение, он тем самым «обещает или угрожает».

Текст как некоторое целостное образование членится на составляющие различного ранга и статуса – языковые единицы, предложения, сегменты. Являясь целостной протяженностью, текст представляет собой контекст актуализации его составляющих. В практике лингвистических исследований контекст задается для разных языковых единиц – слова, предложения. Для того чтобы текст оформился как целостность, необходимо реализовать интенции, валентностные связи, лексические текстовые (анафорические) связи конstituентов, но верно и обратное: чтобы реализовать такие связи, необходимо наличие целого. Текст может быть контекстом не только для актуализации традиционных языковых единиц – слова и предложения, но также и для сугубо «текстовых» структур, в частности дискурсивных сегментов. Механизм формирова-

ния текста требует также реализации связей и структур более глубокого, когнитивного уровня, или фреймовых связей и структур, оформляющих наши знания о мире, об умственной, эмоциональной, познавательной деятельности. Такие знания подаются в тексте в виде соответствующим образом оформленных, выраженных языковыми единицами блоков, фрагментов. Говоря о когнитивных структурах, А.И.Варшавская отмечает, что в процессе создания текста используются, по меньшей мере, два вида знаний предметного плана и два вида структур: знания о ситуации и языковые знания, позволяющие передать первые через нужные языковые структуры и элементы. В связи с проблемой отношения «текст – контекст» следует остановиться на способе подачи в тексте понятий, концептов, смыслов, которые в системе языка представлены как грамматические значения, например значения 3-ого лица, противопоставления, причины и др.

Однако контекст декодирования текста не ограничивается только пониманием его семантической и синсемантической составляющих. Согласно точке зрения Т. Ванн Дейка, в основе порождения дискурса и его понимания лежат эпизодические ситуационные модели – «когнитивные репрезентации ситуаций, которые описываются в дискурсах». Т. ван Дейк исходит из тезиса, что мы понимаем текст только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идет речь: «Чтобы понять текст, мы должны представить себе, о чем он, если мы не в состоянии представить себе ситуацию, в которой индивидуумы обладают свойствами или отношениями, обозначенными в тексте, то мы не сможем понять и сам текст».

В настоящее время предлагаются более строгие критерии для выявления методологических основ определения прагматического контекста, который основывается не только на правилах и концептах, но и на стратегиях и схемах, которые используются для функциональной обработки текста. Предполагается дальнейшее размежевание таких понятийных категорий, как функция и позиция. Под функцией в отношении прагматического контекста понимается более или менее фиксированный набор свойств и отношений, а позиция определяется как конкретная роль каждого человека в ситуации взаимодействия: например, функции врага, друга, матери. В этом отношении прагматический контекст, хотя и постулируется как «теоретическая и когнитивная абстракция разнообразных ситуаций», однако, по сути, остается конструктом, подобным социально-коммуникативному контексту с его позиционными и статусными ролями.

Литература

1. Варшавская А.В. Диалектика текста.-СПб., 1994.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация.-М.:Прогресс, 1989.

© О.Н. Гордеева, И.Х. Мусин 2015

Cyberculture and Intercultural Communication in Foreign Language Education

Introduction:

Cyberculture is a wide social and cultural movement closely linked to advanced information science and information technology, their emergence, development and rise to social and cultural prominence between the 1960s and the 1990s.

There are several qualities that cybercultures share that make them warrant the prefix “cyber-“. Some of those qualities are that cyberculture:

- Is a community mediated by ICTs.
- Is culture “mediated by computer screens.” [10]).
- Relies heavily on the notion of information and knowledge exchange.
 - Depends on the ability to manipulate tools to a degree not present in other forms of culture (even artisan culture, e.g., a glass-blowing culture).
 - Allows vastly expanded weak ties and has been criticized for overly emphasizing the same.
 - Multiplies the number of eyeballs on a given problem, beyond that which would be possible using traditional means, given physical, geographic, and temporal constraints.
- Is a “cognitive and social culture, not a geographic one.” [7].
 - Is “the product of like-minded people finding a common ‘place’ to interact.” [9].
- Is inherently more "fragile" than traditional form of community and culture.

Thus, cyberculture can be generally defined as the set of technologies (material and intellectual), practices, attitudes, modes of thought, and values that developed with cyberspace.

Main Body

Like the real world has been divided into regions, countries and blocks, the same way the cyber world has been divided into different web spheres. In cyberspace the countries are partially represented by the country domains. The cyber culture has brought great impact on human individual's life. In education the style of teaching/ learning has changed. The student teacher interactivity can be formed online with meeting face to face. The cyber culture has great influence in the business world. The use of internet for emails and other social networks is our participation in the cyber culture.

Like every culture has its own language, the cyber culture is not the exception to this rule. It converts the human written language or symbols to machine language and reconverts to human understandable language so the people on the destination can understand. The cyber language is created of new codes which affects our daily spoken language. For example ASL is using from Age, Sex and Location. These types of new codes have some influences on our culture.

According to David Silver [12] it is difficult to escape from the Net: we read, see, and hear about it in the news, we use it for work and pleasure, we are bombarded by commercials telling us how the Net will make life more simple, global, and utopian. Yet while the hyperbole which accompanies the Net is at times unbearable, it is difficult to deny that a new culture is developing. This culture, *cyberculture*, has become one of the most dynamic fields of academic study.

Communicative competence in the language classroom is reimagined through three lenses: collaborative communication and authorship; agentive participation and authority; and multimedia competency and authenticity. These critical lenses capture changes to the communicative landscape introduced by digital technology, and bring into focus the practical dimensions of communicative competence reimagined for today's effective communicator.

According to Richard Kern, PaIge Ware and Mark Warschauer [11] online communication is not a single uniform genre, but rather a range of genres generated situationally for different media (e.g., blogs, e-mail, instant messaging, wikis, online forums, MOOs, chat groups) and according to the particular needs and purposes of participants. For example, synchronous online language is typically characterized by the fragmentary nature of conversation flow, the multiplicity of discussion threads, the difficulty of back channeling to clarify one's message, the lack of paralinguistic and contextual cues, and the tendency to emphasize phatic communication. Asynchronous modes such as threaded discussion, however, tend to be less fragmentary, more informationally dense and complete, and focused on a single discussion topic. Variability in both technology and purpose leads to a range of online language that can resemble hybrid forms of standard and nonstandard language.

Herring [6] maintains that the fragmented, nonstandard language found in some online interactions is not the result of errors, but rather the result of deliberate choices by users to save typing time or to be creative with language. Warner's [15] work on language play corroborates this view by showing how learners of German created hybrid language forms with code-mixing in their synchronous chat sessions. From a critical pedagogical perspective, however, such tendencies in online discourse create tensions for teachers intent on assisting their students in developing, if not proficiency in

standard forms of language, at least the ability to discern among standard, nonstandard, and hybrid uses.

Emphasis is growing on cultural aspects of language learning. In part, the result of theoretical trends toward socio-cultural and social constructivist frameworks, and in part an outgrowth of the increasing popularity of online collaborative partnerships, many researchers are turning to a broader conception of language learning that insists on its inextricable cultural layering. Often referred to as tele-collaboration, these international partnerships link language learners in online discussions to promote language use and intercultural learning. Within the key pedagogical and discourse analytical work on culture, the most significant trends have been the move from monolithic to multidimensional presentations of culture [4]; the notion of authenticity in online cultural texts [8]; the potential for communication breakdown [14]; and the development of intercultural competence [2].

Numerous models and theories of intercultural communication have been proposed, including communication accommodation [5], cultural convergence [1], identity or face negotiation theory [13], and interactive acculturation. A model of ICC (or IC) widely accepted in foreign language education has been proposed by Byram [3]. This model includes five components, all of which are needed for a student to become an "intercultural speaker":

1. attitudes: curiosity and openness, readiness to suspend disbelief about other cultures and belief about one's own.
2. knowledge: of social group and their products and practices in one's own and in one's interlocutor's country, and one of the general processes of societal and individual interaction.
3. skills of interpreting and relating: ability to interpret a document or event from another culture, to explain it and relate it to documents from one's own.
4. skills of discovery and interaction: ability to acquire new knowledge of a culture and cultural practices and the ability to operate knowledge, attitudes and skills under the constraints of real-time communication and interaction.
5. critical awareness or an evaluative orientation: an ability to evaluate critically and on the basis of explicit criteria perspectives, practices and products in one's own and other cultures and countries.

The benefits as well as the challenges of utilizing computer-supported collaborative learning as a means of intercultural communication must be considered. Research in the field indicates several advantages:

- it helps to build negotiation strategies;
- improves EFL and ESL language skills;
- promotes the idea that learning is fun because:
it's a novel way to communicate;

students view virtual worlds as places where they can take risks and "try on" different faces;

- positively impacts the development of intercultural competence;
- makes face-to-face characteristics (such as age, race, and gender) a non-issue;
- cultivates a "community of learners" despite physical and cultural distance between learners;
- expands knowledge and understanding of other cultures;
- this, in turn, fosters cognitive development as participants' new-found awareness of different perspectives increases their flexibility;
- takes advantage of communication media's increased social sensitivity (compared with printed or electronic one-way broadcast media).

Conclusion

The impact of globalization is great on educational policy around the world. Looking to the future, Internet technologies are changing cultures of teaching and learning, either by creating new opportunities for intercultural learning, or by demanding new cultural awareness. Some theorists go as far as to suggest that cyberculture is changing traditional relationships between education and knowledge while others stress that educators must continue to track students' changing perceptions of educational cyberspace, as they continue to immerse themselves in both educational and recreational use of the Internet.

References

1. Bamett, G.A., & Kincaid, D.L. (1983). Cultural convergence: A mathematical theory. In W. B. Gudykunst (Ed.), *Intercultural communication theory* (pp. 171-194). Beverly Hills, CA: Sage.
2. Belz, J. (2003). Linguistic perspectives on the development of intercultural competence in telecollaboration. *Language Learning & Technology*, 7(2), 68–117
3. Byram, M. (1997). *Teaching and assessing intercultural communicative competence*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
4. Furstenberg, G., Levet, S., English, K., and Maillet, K.: 2001, 'Giving a virtual voice to the silent language of culture: The CULTURA project', *Language Learning and Technology* 5(1), 55–102.
5. Giles, H. (1973). Accent mobility: A model and some data. *Anthropological Linguistics*, 15, 87-1
6. Herring, S.C.: 2001, 'Computer-mediated discourse', in D. Schiffrin, D. Tannen, and H.E. Hamilton (eds.), *The Handbook of Discourse Analysis*, Blackwell, Malden, MA, 612–634.
7. Kitchin, Rob (1998). "Theoretical Perspective: Approaching Cyberspace". *Cyberspace: The World in the Wires*. New York: Wiley. p. 58.

8. Kramsch, C., A'Ness, F., and Lam, W.S.E.: 2000, 'Authenticity and authorship in the computer-mediated acquisition of L2 literacy', *Language Learning and Technology* 4(2), 78–104.
9. Lévy, Pierre, 2001, David Silver, Teaching Cyberculture, <http://users.ox.ac.uk/~ctitext2/publish/comtxt/ct12/silver.html>
10. Lister, David; Jon Dovey; Seth Giddings; Iain Grant; Kieran Kelly (2003). *New Media: A Critical Introduction*. Routledge. ISBN 0-415-22378-4.
11. Richaed Kern, Pa Ige Ware, Mark Warschauer, Network based language teaching, http://education.uci.edu/person/warschauer_m/docs/network-based.pdf
12. Silver David, Teaching Cyberculture, Readings and Fieldwork for an Emerging Topic of Study, 1996, <http://users.ox.ac.uk/~ctitext2/publish/comtxt/ct12/silver.html>
13. Ting-Toomey, S. (1993). Communication resourcefulness: An identity-negotiation perspective. In R. Wiseman & J. Koester (Eds.), *Intercultural communication competence* (pp. 72–111). Newbury Park, CA: Sage.
14. Ware, P.D. and Kramsch, C.: 2005, 'Toward an intercultural stance: Teaching German and English through telecollaboration', *The Modern Language Journal* 89(2), 190–205.
15. Warner, C.N.: 2004, 'It's just a game, right? Types of play in foreign language CMC', *Language Learning and Technology* 8(2), 69–87.

© R. Gotsiridze, 2015

В.А. Гречачин
БашГУ, Уфа, Россия

Категориально-понятийный аппарат корпусной лингвистики

Прежде чем рассматривать основные понятия корпусной лингвистики нужно определить место этой науки среди других научных дисциплин. В некоторых источниках корпусную лингвистику определяют как «раздел языкознания» [1, 89; 2], или «лингвистические исследования» [7], или «раздел компьютерной лингвистики» [3]. Попробуем разобраться, почему возникает такая путаница. Если рассматриваемая нами наука анализирует язык, используя корпусный метод, то она, вероятнее всего, относится к области языка [1], А если занимается разработкой корпусов, то в этом случае она относится к области математического и компьютерного моделирования, а также использует знания общей лингвистики. Корпусная лингвистика – это дисциплина, в основе которой лежит категориально-понятийный аппарат двух наук, причем совершенно разных [1, 91; 6, 74]. Рассмотрим результат такого слияния на примере определения понятия «слово». Во-первых, в рамках корпусной лингвистики мы рассматриваем «слово» как языковое явление, как конкретную единицу языка. Во-вторых, «слово» предстает перед нами в ином свете, когда мы его рассматриваем как составную единицу элек-

тронного корпуса. В этом случае мы рассматриваем «слово» как элемент списка, либо строку, которая может быть отображена в шестнадцатеричном формате.

Компьютерная лингвистика является продуктом практического использования языкознания с применением знаний математического и компьютерного моделирования, а также программирования [1, 90; 6, 79]. Главная точка соприкосновения этих наук – это мышление и сознание. Если языкознание пытается установить и рассмотреть процессы, которые происходят в сознании человека при коммуникативном акте, то компьютерная лингвистика при помощи математического и компьютерного моделирования пытается решить ряд определенных задач, которые должны привести к созданию компьютерной модели языка и сознания, то есть к созданию искусственного интеллекта. В англоязычной литературе корпусную лингвистику, компьютерную лингвистику, математическую лингвистику объединяют вместе в дисциплину, которую называют **обработкой естественного языка**, или **Natural Language Processing (NLP)** [8].

Таким образом, корпусная лингвистика – это «раздел компьютерной лингвистики, которая занимается разработкой лингвистических корпусов (как текстовых, так, возможно, и речевых) и унифицированием принципов их построения с применением компьютерных технологий» [1, 87].

Далее попытаемся описать *текстовый корпус*, который представляет собой массив текстов, представленный в машиночитаемом виде, определенным образом структурированный и размеченный, который может быть использован для конкретного лингвистического анализа. Во-первых, корпус – это машиночитаемый текст. Обычно корпус представляет собой строковый тип данных, или можно сказать, является строкой. В программировании строка – это тип данных, значениями которого является произвольная последовательность символов алфавита [5]. Примерно так выглядит корпус в программной среде:

```
text = 'Вот и лето прошло,\nСловно и не бывало.\nНа пригреве тепло.\nТолько этого мало.'
```

Также корпус может быть легко преобразован в список. Примерно выглядит это так:

```
text = 'Вот', 'и', 'лето', 'прошло', ' ', 'Словно', 'и', 'не', 'бывало', 'На', 'пригреве', 'тепло', 'Только', 'этого', 'мало', ' '
```

Список – это абстрактный тип данных, представляющий собой упорядоченный набор значений, в котором некоторое значение может встречаться более одного раза [9].

Во-вторых, размер корпуса, количество текстов и языковых единиц, которое он включает, зависит от конкретной задачи, поставленной

лингвистом. Например, корпус инаугурационных речей с 1800 – 2000 годы и корпус чатов созданы для различных целей.

В-третьих, для различных задач используются различные способы структурирования и разметки. Тексты в корпусе могут быть *изолированными, классифицированными* («приключенческие романы», «любовные романы», «фантастика», ...), *пересекающимися* (под метками «экономика», «Россия», «Вести» может находиться одна и та же публицистическая статья), хронологическими (тексты расположены в хронологическом порядке). Также существуют корпуса, где представлены тексты на нескольких языках [4]. Различают **сравниваемый корпус**, где тексты, написанные на разных языках на одну и ту же тему, сравниваются между собой, и **параллельный корпус**, где тексты представлены на разных языках и выравнены по абзацам или по предложениям. Тексты в корпусах, как правило, размечены. Разметка бывает **семантической, синтаксической, морфологической, экстралингвистической**, которая заключается в добавлении понятных для программы специальных символов в строку. Например, в корпусе инаугурационных речей тексты расположены в хронологическом порядке, каждая отдельная речь начинается с сведений о говорящем и пр. В примере со строкой можно наблюдать символ «п\» - это элемент разметки, или тэг (англ. tag), который показывает, что следующий символ должен начинаться с новой строки. Или, например, в строку «'красивый'» может быть добавлен тэг, который показывает, что здесь окончание «-ый». Мы можем представить текст в машиночитаемом виде, используя знания компьютерного и математического моделирования, но для того, чтобы структурировать и разметить текст, мы обращаемся к языкознанию. Хотя некоторые лингвистические задачи не требуют большого количества материалов, корпус должен стремиться к максимальной репрезентативности и охватывать как можно больше текстов. Идеальный корпус – это собрание всех текстов, написанных на данном языке.

Для того, чтобы работать с корпусом, необходимо получить доступ к машиночитаемому, структурированному и размеченному массиву текстов. Получить доступ к корпусу можно с помощью специально разработанного инструментария, который обычно создается в соответствии с поставленной лингвистической задачей. Таким инструментом может быть веб-сервис, например, как у Национального корпуса русского языка, а также программы, которые позволяют получить доступ к корпусу с жесткого диска компьютера.

В основе корпусной лингвистики лежат знания обработки естественных языков. Основные задачи, которые решает эта дисциплина: распознавание речи, понимание естественных языков, что включает поиск информации, извлечение информации и инференцию, генерация естест-

венных языков, а также синтез речи [8]. Кроме того, стоит отметить и некоторые другие: машинный перевод, проверка грамматики, корректировка написания. Все эти задачи решаются при помощи программных средств. К значимым для корпусной лингвистики методам обработки языка относятся следующие процедуры: токенизация, лемматизация, стемминг, парсинг [5; 6].

Токенизация (англ. tokenization) – процесс обработки текста, который заключается в разбиении его на отдельно значимые единицы, **токены** (англ. tokens) [9]. Отдельно значимыми единицами обычно являются словоформы и знаки пунктуации. Стоит обратиться к приведенному выше примеру, где текст представлен в виде строковых данных и списка. Грубо говоря, токенизация - это процесс преобразования строки в список. Этот процесс осуществляется на языках программирования обычно с помощью регулярных выражений. **Регулярные выражения** – это термин из программирования, который означает «формальный язык поиска и осуществления манипуляций с подстроками в тексте, основанный на использовании метасимволов» [8]. Когда текст разбит на отдельные значимые единицы: «'Вот', 'и', 'лето', 'прошло', ',', 'Словно', 'и'», мы можем оперировать элементами списка, например для того, чтобы построить конкорданс. **Конкорданс** – это список всех употреблений заданного слова в тексте вместе с контекстом. Также в токенизированном тексте мы можем проанализировать **коллокации** на основе частотности употреблений в данном корпусе. Далее текст может быть разбит на **биграмы, триграммы** и т. д. «'Словно и'» - это биграм. Основная сложность процесса разбиения текста на отдельно значимые единицы заключается в том, что некоторые элементы не могут быть однозначно токенизированы. Например, сокращения слов «и т. д.», «англ.» и прочие.

Лемматизация (англ. lemmatization) – это процесс обработки и группировки флексивных форм слова в тексте для дальнейшей их обработки, как одного слова [5]. Процесс лемматизации заключается в том, чтобы определить базовое слово и все его словоформы. Например, базовое слово *спать* может иметь следующие словоформы в заданном тексте: *спал, поспал, проспала, спит*. Слово *спать* в этом случае называется **леммой**. «Лемматизация позволяет исследователю выделять и изучать все варианты отдельной лексемы без необходимости введения всех возможных вариантов» [5]. Лемматизация и стемминг используются для создания **морфологических анализаторов**.

Стемминг (англ. stemming) - это процесс обработки слов в тексте для нахождения их основ. Стеммеры – специально разработанные программы, предназначенные для решения этой задачи. Они могут выделять в словах флексии и обрабатывать их. В основе стемминга также лежат регулярные выражения. Каждая основа слова – это **подстрока**.

Например, для обработки англоязычных текстов используется Porterstemmer. Стемминг также используется в поисковых системах для нахождения информации в Интернете.

Парсинг (англ. parsing) – это процесс сопоставления последовательности отдельно значимых элементов, токенов, с формальной грамматикой языка. Результатом обычно является *дерево зависимостей* (синтаксическое дерево). «Построение автоматических синтаксических анализаторов (парсеров) для больших корпусов является одной из самых важных областей компьютерной лингвистики» [5].

Большинство этих процессов можно представить как способы устранения омонимии. Грубо говоря, вся компьютерная лингвистика занимается устранением неоднозначностей. Замечательный пример по этому поводу можно привести из книги «Обработки речи и языка» Д. Журавского, Дж. Мартина («Speech and Language Processing» Daniel Jurafsky, James H. Martin)[8]. Рассмотрим разговорное предложение *I made her duck*. Вот пять различных значений, которые может иметь это предложение, каждое из которых демонстрирует омонимию:

- (1.1) *Я приготовил водоплавающую птицу для нее.*
- (1.2) *Я приготовил водоплавающую птицу, принадлежащую ей.*
- (1.3) *Я слепил утку, которая принадлежит ей.*
- (1.4) *Я заставил ее быстро опустить голову или тело.*
- (1.5) *С помощью волшебства я сделал ее водоплавающей птицей.*

Эти различия вызваны определенным количеством неоднозначностей. Во-первых, слова *duck* и *her* морфологически и синтаксически неоднозначны как части речи. *Duck* может быть либо глаголом, либо именем существительным, в то время как *her* может выступать как показатель дательного падежа, или быть притяжательным местоимением. Во-вторых, слово *make* семантически неоднозначно, оно может означать *создавать* или *готовить*. Наконец, глагол *make* синтаксически неоднозначен в разных случаях. *Make* может быть переходным, принимать непосредственно единичный объект (1.2), либо дважды переходным, то есть принимать два объекта (1.5). Наконец, *make* может принимать вид непосредственного объекта и глагола (1.4). Кроме того, в речевом акте существует более сложный вид неоднозначности: первое слово могло быть *eye*, а второе – *maid*.

Для устранения этих неоднозначностей мы обращаемся к различным процедурам обработки языка. Например, проблему в случае со словом *duck*, которое может являться глаголом или существительным, можно решить благодаря разметке по частям речи. Решить, которое из значений *make* - *создавать* или *готовить* нужно выбрать, можно с помо-

щью процесса устранения семантической неоднозначности слов, лемматизации. Решить, принадлежат ли *her* и *duck* к одной сущности (как в (1.1) или (1.4)) или же относятся к разным сущностям, можно при помощи процесса вероятностного парсинга. Неоднозначности, которые не были рассмотрены в данном случае, например, является ли данное предложение утверждением или вопросом, могут быть устранены с помощью процесса *интерпретации речевого акта*.

Литература

1. Гарифуллина Р.В., Фаткуллина Ф.Г. Трудности профессиональной терминологии: словарь-справочник. Рекомендовано Министерством образования Республики Башкортостан - Уфа, 2004. – 220 с.
2. Корпусная лингвистика. – Википедия [Электронный ресурс]: https://ru.wikipedia.org/wiki/Корпусная_лингвистика
3. Корпусная лингвистика. – Фонд знаний «Ломоносов». – [Электронный ресурс]: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01210:article>
4. Корпусная лингвистика. Теория. - Корпусная лингвистика, Институт лингвистических исследований РАН, 2008[Электронный ресурс]: corpora.iling.spb.ru/theory.htm
5. Корпусная лингвистика. Учебник. В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. –Иркутск: ИГЛУ. – 2011. – [Электронная книга].
6. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А. К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа. Монография [Текст]/Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова – Уфа: РИЦ БашГУ. 2014.– 168 с.
7. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — М.: Издательство ИКАР. –2009.
8. Speech and Language Processing. D. Jurafsky, J. H. Martin. –NJ: Prentice Hall. – 2000. – [Электронная книга].
9. NLTK Book. S. Bird, E. Klein, E.Loper. – 2014.[Электронный ресурс]: <http://www.nltk.org/book/>

© В.А. Гречачин, 2015

И.В. Гурова
ПГСГА, Самара, Россия

О процессах грамматикализации и лексикализации в *гейт*-образованиях

В последние три десятилетия в русском языке наблюдается лавинообразный процесс заимствований словоэлементов из английского языка, областью функционирования которых в основном становится масс-медийный дискурс.

Эволюция заимствованного элемента *-гейт* связана с грамматикализацией и лексикализацией, происходящими параллельно.

В интересах проводимого исследования интерпретируем понятия *грамматикализация* и *лексикализация*.

В нашей работе под грамматикализацией будем понимать непрерывный процесс усиления грамматичности языковой единицы, при котором неграмматическое превращается в грамматическое, а менее грамматическое – в более грамматическое [4]; под лексикализацией – превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (например, во фразеологизм) [5, 366].

Поскольку, как было сказано выше, процессы лексикализации и грамматикализации происходят параллельно, будем называть их одним общим термином - реактивация морфемы (*die Reaktivierung*) [1].

Мы исходим из утверждения о том, что сходство рассматриваемых процессов заключается в их результате – появлении в языке некоторой переходной зоны.

Рассмотрим этапы грамматикализации и лексикализации в *гейт*-номинациях. Их выделение связано с осознанием того факта, что указанные процессы происходят постепенно, а не спонтанно.

На первом этапе в 1972 году известность во всем мире получает название фешенебельного вашингтонского отеля «*Уотергейт*» («*Watergate*»): здесь находилась предвыборная штаб-квартира демократов, куда с целью установки подслушивающей аппаратуры и, по некоторым данным, фотографирования документов проникли агенты ЦРУ.

Как видим, в английском языке (языке-источнике) морфема *gate* являлась вторым элементом композита - сложного названия гостиницы; в качестве омонима она имела однозначное слово *gate* (в переводе - «калитка», «ворота»).

Второй этап определяется участием топонима *Уотергейт* в процессе абсолютной лексико-семантической трансномимации – переходе омонима одного разряда в другой. В результате метонимического переноса («ассоциации по смежности») название места скандала превратилось в новое собственное имя (хроним): его стали использовать для именования отрезка времени вместе с локализованным в нем событием. Заметим, что в художественных текстах и газетных публикациях встречаются варианты хронима (*Уотергейтское дело, первый Уотергейт, Уотергейт-1*):

(1) *Вот, например, Уотергейтское дело* // Аксенов В.А. В поисках грустного бэби;

(2) *Надо признать, что «отец Уотергейта-1» Ричард Никсон неплохо разбирался в политических нравах своей страны* // Известия. 1986.12 октября;

(3) Видимо, и до *«первого Уотергейта»*, и после него политический подкуп, шпионаж, лихоимство – несущая конструкция «демократического» уклада Америки // Известия. 1986. 12 октября.

На третьем этапе исследуемый оним обогащается референтными коннотациями, которые сливаются с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана; происходит ослабление его связи с первичным топонимом (названием отеля); в значении появляется сема 'всякий политический скандал', например:

(4) «... Американская публика как бы не замечает других, куда более серьезных и для самих Соединенных Штатов опасных *«уотергейтов»*» // Литературная газета. 1983. 13 июля;

(5) «Только пальцем троньте – я вам такой *Уотергейт* устрою или вообще к Рейгану уйду» // Советская Россия. 1980. 8 августа;

(6) Вашингтон не без основания опасается, что раскрытие этих взрывчатых документов превратилось бы для нынешней администрации в своеобразный *Уотергейт* // Известия. 1980. 12 июня.

На четвертом этапе, в 80-е годы XX века, по словам Е.И. Коряковцевой, *-гейт* теряет корневую семантику в английском языке [3, 190]. Слово *«уотергейт»* (в значении «политический скандал») подвергается переосмыслению: ментально членится на две части, при этом вторая часть *гейт* ассоциируется с семантическими характеристиками целого слова.

Отделившаяся от первичного коннотативного хрононима корневая морфема *гейт* начинает функционировать как некоторая самостоятельная лексическая единица, приобретает грамматические характеристики:

(7) В принципе все последние американские администрации вели двуличную политику, носили маски... Сколько было всяких *«гейтов»*! // Известия. 1986. 18 декабря;

(8) Не новый ли *«...гейт»*? В то время как буря *«ирангейта»* обрушивается на нынешнюю американскую администрацию, за многие тысячи километров от Вашингтона – в Пакистане, судя по всему, тоже зарождается новая волна скандальных разоблачений. Она еще не получила своего названия, но частичка *«гейт»*, символизирующая обычно крупную политическую аферу, очевидно, может в нем присутствовать. Речь идет опять о поставках, и опять американской военной техники. На сей раз душманским бандам // Известия. 1987. 19 мая;

(9) Два *«гейта»* – одна мораль... *«Уотергейт»* сегодня – история. *«Ирангейт»* – злоба дня. Между ними пролегла целая анфилада всевозможных *«гейтов»* // Московская правда. 1987. 21 июня;

(10) Паутина *«гейтов»* – *Уотергейт*, *«ирангейт»*... // Правда. 1987. 22 июня;

(11) *Не надо залезать в дебри истории нынешней администрации, чтобы убедиться: «Ирангейт» не исключение, а правило, что всевозможные «гейты», разные по степени скандальности и масштабам последствий, случаются чуть ли не каждый месяц* // Известия. 1986. 18 ноября.

Н.А. Янко-Триницкая справедливо считает, что при самостоятельном использовании деривационных аффиксов и аффиксоидов в функции полнозначных слов особенно ярко проявляется их собственное значение [9]. Ю.С. Сорокин пишет: «Морфема становится легко вычленимой, прямым носителем не только абстрактного, аналитически познаваемого, грамматического значения, но и более конкретного, «лексического» [8, 256]. В рассматриваемых примерах таким значением является «скандал».

На шестом этапе финаль *-гейт* входит в интернациональный фонд словообразовательных морфем: отмечаются случаи вхождения этого элемента в состав названий скандалов в нескольких европейских языках (чешском, украинском, болгарском, венгерском, польском и др.).

Е.С. Отин отмечает, что первоначально окказионализмы русского происхождения возникали «благодаря так называемому «вставочному» или «телескопному» образованию новых слов, когда одно слово как бы «вставляется» в другое (наподобие частей зрительной трубы, телескопа), в результате чего появляется необычное (окказиональное) слово-гибрид... Слово *уотергейт* как бы наполовину (на отрезок уотер-) входит в сочетающуюся с ним определительную лексему, выражая своей сохранившейся частью развившееся в нем значение "политический скандал" или просто "скандал" (конкретная информация о котором содержится в основе первого слова) [6, 111].

Такой способ словообразования Е.А. Земская называет контаминацией: « Из состава слов, приобретших широкий общественный резонанс, выделяется часть, которая впоследствии подвергается семантизации, не связанной никак ни со строением, ни с семантикой данного отрезка... Элемент *-гейт* из «обрубка» слова превращается в конструктивный элемент, который осмысливается как политический скандал. Сегмент *-гейт* входит в другие слова» [2, 52].

Этим способом были созданы следующие новообразования: *большойгейт*, *космосгейт*, *угольгейт*, *ФРГгейт*, *ЦРУгейт* (их автор – известный журналист-международник М.Г. Стурюа).

Позднее, по мере накопления таких образований, конечный слог *-гейт* становится «модной» морфемой, содержащей в себе оценку пейоративного (неодобрительного) плана. Она начинает самостоятельно участвовать в образовании новых слов.

Продуктивность *гейт*-модели может быть определена с помощью подсчета новых слов, в которых она используется. Проведенный нами анализ блогосферы и интернет-версий всероссийских и региональных газет за 2013 – 2015 гг. («Аргументы и факты», «Взгляд», «Газета ру.», «Дни.ру», «Известия», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», «Ленинградская правда», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Правда», «Правда. ру», «РБК Daily», «Российская газета», «Советская Россия», «Советский спорт», «Троицкий вариант», «Труд-7», «Финансовая Россия», «Znak.com», «Экспресс-газета») показал, что в этот период в медиатекстах появилось более 30 существительных на *-гейт*:

- *бридж-гейт* – закрытие двух полос движения на подъезде к мосту Джорджа Вашингтона в США после отказа мэра города Форт Ли Марка Соколича поддержать на выборах губернатора Нью-Джерси Криса Кристи;

- *спикергейт* – смещение председателя парламента со своего поста;

- *Руби-гейт* – скандальная связь премьер-министра Италии Сильвио Берлускони с несовершеннолетней марокканкой Каримой эль-Маруг по прозвищу Руби;

- *диссергейт* – скандал, связанный с некорректными заимствованиями в диссертациях;

- *петрикейт* – скандал, возникший вокруг научных разработок Виктора Петрика;

- *Шишкингейт* – отказ писателя М.Шишкина представлять Россию на книжной выставке в Америке;

- *даунгейзергейт* – скандал, связанный с постановкой оперы Р. Вагнера «Тангейзер» в Новосибирском оперном театре;

- *нефтебазогейт* – случай с таинственным фитилированием емкости с дизтопливом в Василькове под Киевом и др.

Каков деривационный статус морфемы *-гейт*?

Е.А. Земская утверждает, что формируемые элементом *-гейт* слова входят в особую зону словообразования, пограничную между словосложением и аффиксацией [2].

Сходную позицию занимают исследователи Е.С. Отин [6] и Е.И. Коряковцева [3], которые отмечают переходный характер морфемы *-гейт* и относят ее к суффиксоидам – корням, аналогичным по своим функциям суффиксам.

Действительно, элемент *-гейт* (второй компонент сложного слова) демонстрирует один и тот же тип семантического отношения к первому компоненту. На уровне этого элемента проявляются типизированные словообразовательные отношения, образуются многочисленные и

открытые ряды слов с одинаковым формально-семантическим строением. Все это приближает рассматриваемый элемент к суффиксам. В то же время собственное его содержание, для выражения которого он вводится в состав производных слов, опирается, как мы говорили выше, на значение полнозначного слова *уотергейт*. Это характерно для корневых морфем.

Таким образом, результат реактивации морфемы *-гейт* – оформление в русском языке нового словообразовательного типа и закрепление за элементом статуса синкретичной морфемы (она одноморфна, не имеет алломорфов в русском языке); лексический сдвиг (*gate* – ворота → *-гейт* – скандал).

Литература

1. Barz I. *Englisches in der deutschen Wortbildung // Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache. Band 44.* Tübingen, 2008.-118s.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность.- М.: Либроком, 2009. – 224 с.
3. Коряковцева Е.И. О деривационном статусе новых морфем //Человек о языке - язык о человеке: Сборник статей памяти академика Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2012. С.181-193.
4. Кругосвет // Электронная энциклопедия / Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/GRAMMATIKALIZATSIYA.html?page=0,2/15.11.2015.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688с.
6. Отин Е.С. Об «Уотергейте» и прочих «-гейтах» // Русская речь.- 1996. -№5. - с.109-114.
7. Рацибурская Л.В. Проявление интернационализации в современном медийном словотворчестве // Филология и культура. -2014.-№4(38).-с.170-173.
8. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века. – М.-Л.: Наука, 1965. – 566с.
9. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 503 с.

© И.В. Гурова, 2015

Г.Х. Даутова

ИФ УГАТУ, Ишимбай, Россия

Ф.М. Максютова

ИНК, Ишимбай, Россия

Коммуникативные средства в принятии решения

Исследователи, рассматривающие языковые явления в коммуникативном аспекте [Каменская 1990; Колшанский 1984, Пешкова 2002, и др.], отмечают, что текст является центральным звеном акта коммуни-

кации. Безусловно, речевая коммуникация – это тип отношений, без которых не может существовать и развиваться человеческое общество. Характер общения на протяжении развития человечества меняется. При этом «... под минимальной единицей общения, обеспечивающей речевую деятельность, понимается речевое действие, осуществляемое говорящим в определённой ситуации в рамках заданной тематической обусловленности» [3, 20].

Коммуникация, как известно, это процесс взаимного обмена информацией между партнёрами по общению. Она включает передачу и приём знаний, идей, мнений, чувств [6, 125]. И в связи с этим, главными компонентами коммуникации являются её участники, «... каждый из которых обладает своими намерениями и ценностями и осознанно или неосознанно претворяет в жизнь свою стратегическую линию речевого взаимодействия, координируя её с линиями поведения собеседников» [2, 284].

В коммуникативном аспекте можно выделить язык коммуниканта, язык реципиента и физически обнаруживаемую речь. Кроме того, в основе коммуникации лежит язык в широком смысле слова, то есть не только язык, реализуемый в речи в процессе общения, но и язык как система знаков и правил их сочетания в целом.

В то же время, общее содержание коммуникации по-разному характеризуется исследователями языка. Так, Р. Белл выделяет в нем три крупные категории информации: познавательную (когнитивную), индексальную и регулятивную (информация ведения интеракций) [1, 102].

Регулятивная информация «служит целям начала, продолжения и окончания самой интеракции, поскольку для осуществления успешной коммуникации её участники должны занять относительно друг друга положение в пространстве, делающее возможным обмен информацией, и должны иметь общие процедуры для начала общения, смены ролей, обеспечения обратной связи, маркировки этапов передачи сообщений и, наконец, приведения её к завершению» [1, 103].

Таким образом, коммуникативные средства, отражающие описываемые нами категории, несут регулятивную информацию [7, 157].

В. Шмидт в соавторстве со Е. Штоком выделяют три основных вида коммуникативных функций: информировать, активизировать и разъяснять. Нас интересует функция разъяснения, которая предполагает два аспекта – исследование и решение проблемы.

Классификация речевых актов Дж. Серля состоит из пяти основных типов. Это репрезентативы, в которых говорящий берёт на себя ответственность перед слушающим за истинность сообщения, например, сообщение о положении дел: директивы, посредством которых говорящий побуждает слушающего к каким-либо действиям в форме приказа,

просьбы и т.п.; комиссивы – речевые акты, демонстрирующие готовность говорящего к совершению определённого поступка и т.д. [8, 1-20].

Подход к речевому акту как способу достижения человеком определённой цели и рассмотрение под эти углом зрения используемых им языковых средств – главная особенность теории речевых актов.

Коммуникативная функция текста играет важную роль в процессе его порождения и понимания. Она управляет процессом формирования замысла, который представляет собой целостное интеллектуальное образование, моделирующее в свёрнутом виде содержание будущего текста как речевого акта. «Замысел, в свою очередь, управляет отбором языковых средств, необходимых для его реализации» [4, 213; 5, 19].

В связи с этим, коммуникативная функция является необходимым компонентом при построении модели любого типа текста, в том числе и текста делового письма, направленного на принятие решения.

Литература

1. Белл, Р. Социоллингвистика: Цели, методы, проблемы. М.: Междунар. отношения, 1980. – С. 102-103
2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
3. Мухина, Н. Коммуникативно-прагматический подход к исследованию феномена цели в процессе организации речевой деятельности: дис....канд. филол.наук. Уфа, БашГУ, 2004. – С 20
4. Новиков, А.И. Семантика текста и её формализация. М.: Наука, 1983а. – 213 с.
5. Свойкин, К.Б. Смысловая диалогическая конвергенция текста в научной коммуникации (на материале английских текстов). Дис.:...канд. филол. наук. Саранск: Мордовск. Гос. ун-т, 1998. – С. 9-19
6. Тимофеев, М.И. Деловое обучение. – М.: ГНОР.Рифф, 2004. – С.125
7. Шемарова, В.А. Стереотипы, ритуал, «Жанр», этикет – основа коммуникативной характеристики, категории встреча, приветствие, прощание, расставание. Сб. статей. Уфа: БашГУ, 2000. – С. 157
8. Searle, J.R. A Classification of Illocutionary Acts//Language in Society. 1976. №5. P. 1-23

© Г.Х. Даутова, Ф.М. Максютובה 2015

Н.Б. Дел Рио

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

«Амадис Гальский» как безупречный автохтонный текст

До сих пор остается неясным, кто написал Амадиса Гальского впервые и на каком именно языке. К тому же, если принять во внимание то, что Амадис считается произведением, предопределившим строй европейского романа, становится понятно, отчего португальцы, французы и испанцы не устают оспаривать друг у друга права собственности [2].

Так что хрестоматийные данные об Амадисе Гальском (Amadís de Gaula) – единственная опора, согласно им – он герой средневековых испанских романов об Амадисе, рыцарь без страха и упрека, созданный Гарси Родригесом де Монтальво. Этот роман не имеет корней в испанской культуре, его герой является плодом вымысла и фантазии. Он был написан в конце XIII – начале XIV вв., когда изначальное эпическое начало героического романа стало вытесняться аллегорическими и воспитательными элементами, а идеи рыцарства потеряли свою актуальность и значение. В романе заметно влияние более ранних героических циклов, однако автор оригинального «Амадиса» придал героическому роману новое направление, выразившееся впоследствии в романах-подражаниях менее талантливых последователей в неуместных преувеличениях и неестественности. Первое известное печатное издание было опубликовано в Сарагосе в 1508 г. Оно было опубликовано в виде четырех книг на кастильском языке.

Амадис Гальский у Монтальво предстает перед читателем не только как самый бесстрашный из героев-рыцарей, но и как человек, несправедливо преследуемый и гонимый, страдающий (помимо рыцарско-куртуазной литературной традиции в «Амадисе» присутствуют элементы житейской прозы), наделенный чувством сострадания и проливающий слезы по самым разным поводам. У средневекового автора прослеживаются следы стремления примирить рыцарско-куртуазную систему ценностей (в нее входит этика индивидуальной доблести, вассальная верность и личная ответственность сеньора за судьбу подданных и близких, пафос высокой любви – служение рыцаря своей Даме, христианское смирение и стойкость в испытаниях судьбой) с государственно-религиозными, надличностными ценностными установками, соединить фантастику кельтских (бретонских) преданий со схоластическим морализаторством, трагико-элегический настрой первых книг (тристановскую тему любви как пути к гибели, определяющую участь «примитивного» Амадиса) с проторенессансной праздничностью и открытостью судьбы героев будущему.

Неестественность и избыточность «Амадиса» и последующих романов-подражаний были поводами для активной иронии со стороны того же Сервантеса – многие деяния Дон Кихота, в частности эпизод с покаянием в горах Сьерра-Морена, эпизод с освобождением каторжников и др., сориентированы на подвиги Амадиса Гальского и находятся с ними в явной перекличке. Об этой перекличке говорит и Х.Л. Борхес: Сервантесу нравится смешивать объективное с субъективным, сама форма «Дон Кихота» заставила Сервантеса противопоставить миру поэтическому и вымышленному мир прозаический и реальный. Для Сервантеса реальное и поэтическое – антонимы. Обширной и неопределен-

ной географии «Амадиса» он противопоставляет пыльные дороги и грязные постоянные дворы Кастилии. Сервантес создал поэзию Испании XVII в., но для него ни тот век, ни та Испания не были поэтичными. Замысел его произведения воспрещал включение чудесного; оно, однако, должно было там присутствовать, хотя бы косвенно, как преступления и тайна в пародии на детективный роман. Прибегать к талисманам или колдовству Сервантес не мог, но он сумел ввести сверхъестественное очень тонким и потому более эффективным способом [1].

Еще более уничижительную оценку, в итоге направленную на демифологизацию рыцаря без страха и упрека, можно найти и в испанской литературе XX в. – в непереведенном на русский язык рассказе гения современной испанской литературы К.Х. Селы «Amadis de Gaula» («Амадис Гальский») при характеристике главного героя-мальчика (с его глупыми и нелепыми поступками) появляются следующие язвительные метафоры: *caballeresco* – рыцарский, *el último caballero andante* – последний странствующий рыцарь, *el último bon chevalier de la Table Ronde* – последний шевалье Круглого Стола, *Amadis de Gaula* – Амадис Гальский, *el último paladín de desvalidos* – последний защитник убогих. Мы привыкли к тому, что в русской традиции имя главного героя бессмертной книги Сервантеса является синонимом положительной этической оценки – «благородный, справедливый, великодушный», а Села в характеристике своего героя использует непосредственную отсылку к Амадису Гальскому как к герою и средневековых испанских романов, и одноименного романа Г.Р. де Монтальво в истинно испанской традиции с доминантой семантического признака *se porta como un quijote* – «ведет себя как дурак; вмешивается в чужие дела».

Литература

1. Борхес Х.Л. Скрытая магия в «Дон Кихоте» // Борхес Х.Л. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. – СПб.: Амфора, 2001. – С. 366–369.
2. Резник В. Роман об Амадисе. Электронный ресурс: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/reznik-ob-amadise.htm>

© Н.Б. Дел Рио, 2015

О.Ф. Демина

БашГУ, Уфа, Россия

Влияние этики Макиавелли на трактовку образа Каупервуда в «Трилогии желания» Теодора Драйзера

Теодор Драйзер (1871 – 1945) – один из выдающихся писателей США рубежа XIX – XX веков – обращался к исследованию, вероятно, главной проблемы, проблемы личности в своем обширном художест-

венном и публицистическом творчестве, в рамках которого пытался изучить антиномию «личность и общество».

Одной из форм ее исследования является трактовка образа финансиста в современной автору Америке. Хотя образ дельца, магната появляется, пожалуй, в каждом романе Т.Драйзера, начиная с первого, «Сестра Керри» (1900), но наиболее полно он исследован в трилогии, посвященной данной теме: «Трилогии желания». В нее входят три романа писателя, в художественном ключе представляющие жизнь финансового гения Френка Каупервуда: «Финансист» (1912), «Титан» (1914) и «Стоик» (1947).

Т.Драйзер самостоятельно изучал труды современных ему психологов, философов, не оставляя без внимания наследие философской мысли прошлого, а также проявлял интерес к некоторым проблемам современных естественных наук. Например, общеизвестно, что автор «Трилогии желания» интересовался популярными на рубеже XIX – XX веков теориями социал-дарвинизма и позитивизма.

Вероятно, не менее значимыми в эклектичной системе взглядов писателя были идеи известного философа эпохи Возрождения, отвергшего теократическую концепцию государства, - Николо Макиавелли (1469 – 1527).

Достоверно известно, что впервые Драйзер услышал о Николо Макиавелли и его учении в дни своей журналистской юности. На это указывает Р.П.Уоррен в своем труде «Дань Теодору Драйзеру». [5] Однако детальное изучение писателем произведений Макиавелли, вероятно, начинается в период сбора материала к «Трилогии желания». Так в 1911 году Драйзер пишет в письме от 15 октября к Уильяму Ленджелу: «...на свете существует несколько великих произведений, таких, как мемуары Челлини, «Государь» Макиавелли, «Джонсон» Босуэлла, которыми я никогда не устану восхищаться» [1, 272].

В «Трилогии желания» автор часто упоминает Макиавелли и его произведения, апеллируя к главному герою его знаменитого трактата «Государь» - Цезарю Борджиа. Судья Шеннон, выступающий с обвинительной речью в адрес Каупервуда, восклицает: «Вы только подумайте, какая выдержка у этого человека: в коварстве своем он не уступает Макиавелли» [2, 388]. Молодой и энергичный Шеннон в духе макиавеллизма называет Каупервуда «матерым, алчным и беспощадным финансовым волком, хватающим «трепещущего наивного, ничего не смыслящего в этих аферах ягненка» - Стинера [2, 388].

Лидеры республиканской партии пытались представить «не вполне законные деловые махинации Каупервуда...как опасные происки современного Макиавелли, хотя он отнюдь не позволял себе того, чего не делали бы потихоньку другие» [2, 425].

В трилогии представлены и авторские рассуждения о сущности макиавеллизма. Так, например, описание чикагского противостояния Каупервуда и владельцев газовых компаний сопровождается следующими словами: «Наглая, самоуверенная сила в соединении с врожденным макиавеллизмом – если это только макиавеллизм и ничего больше – имеет особую притягательность в глазах людей заурядных и ограниченных» [2, 187].

Таким образом, необходимо отметить, что Т.Драйзер часто отождествляет Макиавелли с главным героем трактата «Государь», о чем свидетельствуют приведенные выше цитаты.

Макиавеллизм – это термин, который исторически получил негативную оценку. Недобрая слава Макиавелли связана преимущественно с содержанием XVIII главы его знаменитого трактата, где излагаются основные принципы поведения правителя. Если понимать советы Макиавелли буквально, то может сложиться мнение о полном аморализме этих принципов, что зачастую и происходит. Он советует правителю быть лисицей, чтобы распознать капкан, и львом, чтобы уstrasшить волков.

Макиавелли считает, что если государь будет вести себя честно среди своры других бесчестных и бессовестных правителей, то он быстро окажется жертвой их вероломства и погибнет. Следовательно, чтобы обезопасить себя и сохранить жизнь, государь обязан поступать так, как подсказывают ему обстоятельства [4]. Отсюда следует, что Макиавелли не столько проповедует аморализм, сколько констатирует аморализм существующего общества, как делает это и Т.Драйзер. Писатель даже стремился, в некоторой степени, оправдать практику финансистов. В целом, как отмечается в «Трилогии желания», если не учитывать нравственную сторону, эти дельцы играют и позитивную роль: чтобы поддерживать репутацию щедрого человека и добропорядочного гражданина, им необходимо было время от времени проводить акции благотворительности.

Таким образом, магнаты-хищники, сыграв роль льва, могли, следуя совету Макиавелли, сделать крутой поворот, сыграть роль лисицы и обелить себя, основывая лечебницы, библиотеки, или, подобно Каупервуду, который «не любил отставать от других там, где следовало проявить щедрость и размах, особенно если это могло способствовать прославлению его имени», астрономическую обсерваторию, подаренную Чикагскому университету [3, 375].

Однако Каупервуда нельзя назвать последовательным сторонником идей Макиавелли. Так итальянский мыслитель в своем трактате советовал государю если не обладать, то хотя бы создавать видимость обладания пятью добродетелями: милосердием, верностью, прямодушием, честностью и благочестием. Американский финансист в романах

Т.Драйзера редко следует этому совету, даже не думая скрывать свою сущность, чем вредит себе и своей репутации.

Даже самые стойкие приверженцы Каупервуда отвернулись от него, когда узнали о романе финансиста с Эйлин Батлер, дружеским покровительством отца которой он воспользовался в начале своей карьеры. Магнат совращает жен и дочерей тех людей, которые могли бы оказать ему неоценимые услуги. Так Флоренс Кокрейн была дочерью директора Железнодорожной Компании Западной стороны, Керолайн Хэнд – женой крупного банкира в Чикаго, Сесели Хейгенин – дочерью известного издателя.

Подводя итоги, можно сказать, что Каупервуд не соблюдает даже видимости приличия, а этого ему не могло простить общество. И как бы не был силен и могущественен финансист, его открытая беспринципность всегда приводит к поражению. Фрэнк был и привлекателен, и практичен, что позволяло ему одновременно быть идеалистом и дельцом. Он хотел получить от жизни как можно больше, но не запятнать своей репутации. Каупервуд видел свою задачу в том, чтобы «завоевать себе место в жизни и удержать его, создать себе репутацию добропорядочности и солидности, которая могла бы выдержать любое испытание и сойти за истинную его сущность», однако, ему не удалось это сделать, в чем и заключается одна из основных причин его поражения [4, 165].

Девиз Каупервуда «мои желания прежде всего», вероятно, также имеет и макиавеллевские корни. Герой идет к своей цели – созданию монополии, где он был бы полновластным правителем и мог бы наслаждаться славой. Финансист не считает свои преступления чем-то необычным, потому что, по сути, весь финансовый мир Америки построен на разного рода преступлениях, и герой это ясно понимает. Главное – соблюдать видимость приличия. Но именно это правило и нарушает Фрэнк. И его неминуемо ждет наказание: осуждение общества, изгнание из города (Чикаго), заключение в тюрьму (Филадельфия) или смерть (Лондон).

Таким образом, можно сказать, что Каупервуд – воплощение финансового лидера макиавеллевского типа, о котором писал в знаменитом трактате «Государь» итальянский философ. Герой смело идет к своей цели, не задумываясь о средствах, и побеждает, пока сохраняет иллюзию могущества и добропорядочности. При этом главный персонаж «Трилогии желания» неизменно проигрывает в противостоянии с обществом. Оно, используя на практике те же приемы, что и Каупервуд, пытается сохранить видимость приличий. Каупервуд же становится изгоем, потому что не умеет или не хочет всегда быть «лисой», по выражению Макиавелли.

Литература

1. Драйзер Т. Письмо Уильяму Ленджелу // Жизнь, искусство и Америка. Статьи, интервью, письма. Сборник. – М.:Радуга, 1988. – 540 с.
2. Драйзер Т. Финансист. – Л.: Лениздат, 1987. – 533 с.
3. Драйзер Т. Титан. – М.: Госполитиздат, 1988, 480 с.
4. Макиавелли Н. Государь. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – 509 с.
5. Уоррен Р.П. Дань Теодору Драйзеру // Уоррен Р.П. Как работает поэт. – М.:Радуга, 1988. – 544 с.

© О.Ф.Демина, 2015

Н.О. Долгих

НОУ ВПО ЗУИЭП, Пермь, Россия

Отражение артефактов традиционной культуры в рекламных текстах российских и немецких печатных СМИ

Традиционная культура нового и новейшего времени существенно отличается от прошлых и классических фольклорных форм. Эти изменения связаны, прежде всего, с общей динамикой в системах культуры и общества, повлекшей за собой утрату универсальной роли традиционных культур народов в новых условиях.

Становясь многослойной, культура социально дифференцированного общества обрастает субкультурами. Традиционная народная культура, теряя свое исконное универсальное положение, начинает активно взаимодействовать с субкультурами, образуя, с одной стороны, современные вторичные формы народной культуры, а с другой - обретая роль культурного наследия [3, 40].

Традиционные формы культуры в прошлом воплощали некие базовые жизненные ценности, определяющие основы социального бытия сообщества. Теперь картина мира современного человека в значительной мере строится на иных представлениях и способах ориентации в социальном и природном пространстве. Они во многом выработаны уже достаточно давней профессиональной традицией, в которой элементы народного мирозерцания присутствуют лишь фрагментарно. Обращение к традиционной культуре - это часто лишь сфера специальных интересов отдельных групп. В таком случае речь может идти не столько о социальном нормировании жизнедеятельности людей, сколько об украшении, декорировании, внесении дополнительных смысловых нюансов и форм в ту общую ценностно-нормативную базу, на основе которых, так или иначе, устраивает свою жизнь современный человек [2, 111].

В культуре нового времени весьма значительное место начинает занимать массовая культура, которую иногда сближают с традиционной, видя в ней проявление того же коллективно-бессознательного, внеличного, анонимного начала, которое есть в фольклоре. «Массовая культура, являясь по сути профессиональной, имеет своей целью не создание эталонов, образцов национальной культуры, а, скорее, игру с узнаваемыми образами, национально-этническими стереотипами-представлениями как о себе самих, так и о других народах и культурах, их перебаривание, их разнообразные трансформации и выведение в другой пласт культуры, перевод на другой и социально-культурный и эстетический языки» [4, 54]. Работая с этим уже упрощенным материалом, масскультура идет по пути его дальнейшей адаптации.

Важной формой массовой культуры, вступающей в непосредственный и энергетически сильный контакт с обыденным сознанием, является реклама. И именно в ходе анализа реального материала рекламной продукции наиболее ярко прослеживается взаимодействие и взаимовлияние таких форм единой общенациональной культуры, как традиционная и массовая культура, где реклама выступает в качестве некоего обособленного культурного пространства, заимствующего отдельные образцы той или иной разновидности культуры [7, 74]. Реклама, используя широкий арсенал современных технологий производства, фиксации, обработки, тиражирования, ориентируясь на вкусы широкой публики, способствует как бы второму рождению образчиков различных разновидностей культуры, наполнению их иным смыслом и новому усвоению зрителем.

В рамках данного исследования, используя рекламу, а точнее рекламный текст, как некое поле, где происходит непосредственное взаимодействие традиционной и массовой разновидностей культуры, мы попытаемся проследить динамику использования элементов традиционной культуры, а также такой неотъемлемой части культуры массовой, как реклама.

Традиционная народная культура представлена вплоть до нашего времени разными жанрово-видовыми формами народного творчества: музыка, танец, слово, театр, предметная среда, визуально-пластические формы, образ жизни, а также обрядово-ритуальная духовная практика, народное целительство, знания.

В проанализированных рекламных текстах немецких и российских печатных СМИ элементы традиционной культуры нашли следующее отражение:

1. Использование в рекламных текстах ссылок, аллюзий на различные сказки:

- Parador. Was nützen einem drei freie Wünsche, wenn man seinen Traum bereits lebt?

На иллюстрации изображена старинная восточная лампа, из которой появляется джин, отсылая нас к одноименной сказке.

- Тушь Coup de Theatre от Bourjois Paris.

... А ультрамодные ресницы-

Как крылья сказочной жар-птицы!

В рекламе данного продукта использовано название персонажа из известной сказки.

2. Упоминание в рекламных текстах мифологических персонажей, различных суеверий:

- Schutzengel. Chemie. Element unseres Lebens.

В данном примере упоминается такой мифологический персонаж, как ангел-хранитель, который по поверью имеется у каждого человека и оберегает его от всех неприятностей.

- Балтийский банк - очаровательный домовый ждет хозяина.

В данном рекламном тексте упоминается такой мифологический персонаж, как «домовой», который как раньше верили, живет в каждом доме и либо во всем помогает домочадцам, либо вредит им.

3. Ссылка на традиционные праздники, обычаи и связанную с ними символику:

- На иллюстрации к рекламе фильма “Zwei Weihnachtsmänner” изображены двое мужчин, переодетые дедом морозом и снеговиком, герои данной комедии, а сверху иллюстрации приведена фраза из традиционной немецкой рождественской песни - Oh, du fröhliche!

- Майонез Calve постный. Делает постную еду вкуснее. На иллюстрации - традиционная русская пища во все времена, особенно во время великого поста - котелок с вареной картошкой, ржаной хлеб, помидоры, огурцы, зелень и соль.

4. Использование в рекламных текстах элементов предметно-вещной среды, относящейся к историческому прошлому разных народов:

- Flying Spirit. Allrounder by Mephisto.

На иллюстрации изображены японские самураи в традиционной одежде, только на ногах у них одеты кроссовки.

- DEBON - мы подарим вам утонченность Востока – на иллюстрации изображена девушка в образе гейши, играющая на музыкальном инструменте в форме телевизора, продукции, производимой данной компанией.

5. Использование жаргонизмов, разговорных форм речи, простонародных обращений, пословиц и поговорок, относящихся к повседневной речевой стихии:

- Alpro soja. Iris Berben: «Ich liebe Vanille - aber nur mit einem Kick Vitalität»!

(«Kick» - кайф, эйфория (у наркоманов)).

- «Пиво Толстяк 5 литров. Это по-взрослому, мужики!»

(«мужики» - простонародное обращение)

6. В следующих рекламных текстах присутствует культурные концепты с религиозной составляющей:

- Kneipp. Schon fällt die kleine Sünde nicht mehr so ins Gewicht.

В данном примере встречается слово «грех» - die Sünde, кроме того, смысл всего рекламного объявления сводится к тому, что иногда можно позволить себе нарушить церковные правила, и, если очень хочется, совершить «небольшой грех», не обрекая себя тем самым на нравственные терзания по этому поводу.

- Alba - философия греха.

7. Апелляция к неотъемлемым составляющим народной медицины: целебные травы, отвары из ягод и прочие дары природы, помогающие сохранить здоровье и красоту:

- Kneip: Gegen alles ist ein Kraut gewachsen.

В данном примере присутствует ссылка на то, что природа дала нам лекарство от всех болезней - это лекарственные травы.

- Science et Mer. Доверьте свою красоту восстанавливающим силам моря.

8. Апелляции к бытующему в далеком прошлом видению мира, которое выражалось в вере в существование сверхъестественных сил, способных в одно мгновение изменить жизнь человека, в вере в сказочное, в чудеса:

- Echt kölnisch Wasser. 4711. Das Wunderwasser. Menschen aus aller Welt glauben an das Wunder geistiger Balance und die Wirkung von 4711.

В данном примере туалетная вода, судя по описанным свойствам, сравнивается едва ли не с живой водой.

- Гарньер Фруктис. Восстановленные. Как новые, всего за 1 минуту.

9. Упоминание персонажей героического эпоса, ссылка на сверхъестественные способности героев древности, которые они чаще всего получали благодаря покровительству богов, различных потусторонних сил:

- Greece - the true experience. Griechenland ein Meisterwerk, das sie sich leisten können. 5000 Jahre Seefahrt waren die einzig notwendige Voraussetzung für die Öffnung der Seerouten für Handel und Freizeitaktivitäten. Vor argonautischen Zug und Odysseus Irrfahrten zu einer sommerlichen Kreuzfahrt, bis hin zum Inselhüpfen in der Ägäis und zum Baden im türkis-

farbenen Ionischen Meer... Griechenland bietet endlos lange Küsten zum Ausruhen oder zur abendteuerlichen Erkundung.

В рекламе такого популярного туристического объекта как Греция, упоминаются такие события, описанные в древнегреческой мифологии, как поход аргонавтов за золотым руном и странствия Одиссея.

- Infaillible make-up. Непобедимый тональный крем - 16 часов стойкости.

В названии тонального крема присутствует эпитет «непобедимый», отсылая нас тем самым к героям сказок, былин, преданий, чьи необычные способности позволяли им успешно вести борьбу добра со злом.

10. Народная кухня. Названия традиционных блюд для той или иной страны, упоминание традиционной рецептуры приготовления, корнями уходящей в далекое прошлое, использование названий местности, где исконно производились те или иные продукты питания:

- Reift, wo der Norden am geschmackvollsten ist: der neue MILRAM SYLTER. Probieren Sie einen Cäse mit traditionellem, norddeutschem Charakter.

В данном рекламном объявлении мы находим упоминание местности (север Германии), где традиционно готовят сыры высокого качества, так ценящиеся в Германии.

- Масло «Президент» - это сочетание древних традиций знаменитого молочного края с новейшими технологиями производства.

Исходя из вышеизложенного, мы смогли сделать следующие выводы:

1. Вследствие усложнения общества и расслоения социальной и социально-культурной практики, традиционная культура стала сегодня одним из элементов современной многослойной культуры.

2. Традиционная культура в настоящее время продолжает функционировать и развиваться благодаря поддержке средств массовой коммуникации.

3. Массовая культура оказывает существенное влияние на традиционную культуру, заимствуя ее образцы для трансляции в рамках своего культурного пространства.

4. Реклама, будучи естественным и важным компонентом массовой культуры, использует, казалось бы, навсегда утраченные элементы культуры традиционной, делая их более доступными.

Список источников языкового материала

«Süddeutsche Zeitung» N.13-20/2014

«Die Zeit» N.4-8/2014

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» N.1-6/2014

«Cosmopolitan» /2013-2015

«Spiegel» N.13-26/2013-2015

«Brigitte» N.15-26/2013-2015
«Glamour» N.1-10/2014-2015
«ELLE» N.5-9/2014-2015
«Marie Claire» N.3-7/2015

Литература

1. Деррида Ж. О грамматологии./Пер. с фр. и вст.ст. Н.Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – С.16.
2. Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе/ Социологические исследования. – №7. – 2004. – С.5., 105-115.
3. Каргин А.С., Хренов Н.А. Традиционная культура на рубеже XX -XXI веков // Традиционная культура. Научный альманах. – № 1. – 2000. – С.36-47.
4. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М., 2009. – С.51-54.
5. Mukerji Ch., Schudson M. Introduction. Rethinking Popular Culture // Rethinking popular culture. Contemporary perspectives in cultural studies. Oxford, 1991. P. 101.
6. Ноздренко Е.А. Реклама как фактор культурно-исторического процесса последней трети XX - начала XXI вв. – Новгород, 2006. – С.9-17.
7. Пирогова Ю.К., Паршин П.Б. Рекламный текст, семиотика и лингвистика. – М.: 2000. – С.72-77.
8. Ржанова С.А. Коммуникативно-речевое наполнение рекламы. – Екатеринбург, № 1-2. – 2000. – С.71-75.
9. Семаан Н.В. Культура - массовая культура - реклама: (мифологический аспект) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – N 2. – 1998. – С.31-43.

© Н.О. Долгих, 2015

М.Г. Зорания
ГТУ, Тбилиси, Грузия

К вопросу об экстралингвистической обусловленности прилагательных с суффиксом -like

В настоящее время словообразование, в особенности тот его аспект, который связан с продуктивностью словообразовательных моделей, привлекает все большее внимание лингвистов. Интерес современной лингвистики к различным аспектам словообразования объясняется прежде всего тем, что слово является центральной единицей языка. Собственные свойства слова как лексической единицы взаимодействуют в нем со свойствами других элементов языка, что и лежит в основе функционирования языковой системы в целом [1, 4].

Обогащение лексического состава языка осуществляется в основном путем заимствования, словообразования и изменения значения слова. В результате появляется значительное количество неологизмов, т.е. слов и устойчивых словосочетаний, новых либо только по форме или только по содержанию, либо как по форме, так и по содержанию [5, 257-

258]. При этом новые слова создаются преимущественно в соответствии с продуктивными моделями данного языка. Согласно наблюдениям в современном английском языке, около двух третей новых слов получены посредством аффиксации и словосложения. Особенно активно эти процессы наблюдаются в газетно-публицистическом стиле (чаще в популярной прессе), в языке рекламы, в художественных произведениях некоторых писателей. Эти писатели путем использования необычных образований стремятся произвести эмоционально-экспрессивный эффект и таким образом оказать воздействие на читателя (что и является непосредственной функцией художественной литературы) [4, 3-4].

Данная работа посвящена категории уподобления, выраженной в английском языке прилагательным с суффиксом *-like*, а именно проблеме экстралингвистической обусловленности данных образований.

Суффикс *-like* обладает абсолютной продуктивностью и имеет четко выраженную семантическую общность с такими абсолютно продуктивными суффиксами, как *-er*, *-less*, *-able*, *-ness*. Продуктивность словообразовательного суффикса зависит от структурных, лексико-грамматических и семантических особенностей как корневой основы, так и самого суффикса. Однако, необходимо также иметь в виду, что словообразовательный суффикс может быть весьма продуктивным в какой-либо терминологической сфере и совершенно не употребляться в разговорной речи [2, 16].

Прилагательные на *-like* имеют очень тонкую и прозрачную смысловую структуру. Они плохо поддаются семантической изоляции, лексикализации, их значение легко и просто выводится из значений компонентов: *x-like* – подобный *x*, *x-образный*.. Эта особенность связана со специфическим положением суффикса *-like* в ряду других суффиксов, характеризующихся абсолютной продуктивностью [4, 28-29]. Данный суффикс сохранил связь со словом *like* – подобный, одинаковый (это, в частности, проявляется в орфографии: прилагательные на *-like* пишутся то слитно, то через дефис).

Производные с суффиксом *-like* представляют собой реализацию лексико-морфологической категории уподобления [4, 28]. Значение уподобления здесь выражено в адъективной репрезентации, в субстантивной же оно отсутствует. Однако, правомерно утверждать наличие лексико-морфологической категории уподобления, у которой немаркированным членом оппозиции является экзистенциальная основа существительного, а маркированным – прилагательное со значением уподобления, например, *child* - *childlike* (по-детски простой, невинный, искренний).

В основе лексических морфологических категорий лежит понятие абсолютной продуктивности, определяемое как неограниченная воз-

возможность образования производного слова. Оппозиция двух категориальных форм существования – уподобление, конституирует лексико-морфологическую категорию уподобления, как регулярную реализацию общего понятия в двух категориальных формах, семантически противопоставляемых по определенному признаку, но тождественных в основе: *dog* – *doglike* (преданный, верный), *thread* – *threadlike* (нитевидный; волокнистый).

При изучении прилагательных с суффиксом **-like** (категории уподобления) особую значимость приобретает экстралингвистический фактор. Действительно, сам факт уподобления определяется наличием у говорящего (пишущего) представления о сходстве между двумя предметами и явлениями экстралингвистической реальности [3, 18].

Для изучения категории уподобления (лексической синтагматики) был применен категориальный метод [6, 83], разработанный для изучения словосочетаний (синтаксических синтагм). Исследование показало, что категории, связанные с экстралингвистическим моментом (т.е. категории социолингвистической и концептуальной обусловленности) оказались доминирующими, и именно им принадлежит существенная роль. В связи с этим уместно в данной работе остановиться на внеязыковых категориях.

Поскольку в процессе уподобления на первый план выдвигается экстралингвистический фактор, то определяющим здесь является социальный опыт говорящего. Человек может создавать новые слова, уподоблять тому, что имеется у него в физическом и социальном жизненном опыте, если в его культурном мышлении заложено соответствующее содержание. Так, например: *jockey-like*, *Oxford-like*, etc. Необходимо обладать определенным фоновым знанием, чтобы создавать и понимать уподобления данного типа.

Если социолингвистически обусловленное уподобление определяется социальным опытом говорящего, то концептуально-обусловленное уподобление основано на физическом опыте говорящего. Иными словами, носитель языка создает определенные уподобления, исходя из своего физического, данного органами чувств, опыта.

Ограничить изучение прилагательных на **-like** уровнем слова было бы неправильным и просто невозможным в силу определенной семантической специфики данного суффикса. Уподобление, лежащее в основе образований с данным суффиксом, непременно предполагает наличие не менее двух объектов: уподобляемого и уподобляющего. Именно поэтому образование на **-like**, взятое вне словосочетания, обладает известной незавершенностью, «недосказанностью», потому что неясно, какие два предмета или объекта уподобляются. Наиболее естественно эти образования функционируют на уровне словосочетания.

Таким образом, полное и развернутое изучение прилагательных с суффиксом **-like** возможно только на уровне словосочетаний, потому что именно на этом уровне устанавливаются определенные сравнительные отношения между двумя предметами [3, 18].

Поскольку суффикс **-like** в своей семантике несет идею уподобления, прилагательные с данным суффиксом активно участвуют в образовании такого тропа, как сравнение, который определяется как уподобление одного предмета другому на основе какого-то общего признака. Таким образом, словосочетание типа 'прилагательное плюс существительное' представляет собой особую, емкую и компактную разновидность сравнения.

Анализ материала показал, что для словосочетаний с прилагательным на **-like** доминирующей оказалась категория социолингвистической обусловленности. Все свойства и характеристики словосочетаний такого рода оказываются обусловленными экстралингвистическими факторами.

Так как язык по природе своей социален, языковые явления также социально обусловлены. Сравнения, как и все другие языковые факты, существуют не сами по себе, абстрактно, а в определенном социально-историческом контексте. Говорящий в каждом отдельном случае не свободен от конкретных условий, места, времени и целей коммуникации, и сам является представителем определенного социального коллектива с его культурой, традициями и обычаями. Иными словами, конкретные высказывания нельзя изучать без учета целого ряда социолингвистических моментов.

Возникновение и дальнейшее функционирование словосочетаний определяются в первую очередь возможностью или невозможностью сочетания понятий в экстралингвистической реальности.

Как уже говорилось выше, социолингвистически обусловленные словосочетания основаны на социальном опыте говорящего, концептуально обусловленные словосочетания основаны на физическом опыте говорящего. Однако, наш физический опыт тоже социален, поскольку «экстралингвистическая реальность, будучи отражена в сознании говорящего и в языке, всегда социолингвистически обусловлена» [6, 124]. Разграничение категорий концептуальной и социолингвистической обусловленности, соответственно, во многих случаях затруднено и в значительной степени искусственно. Поэтому в настоящей работе целесообразнее было объединить эти категории в одну: социолингвистической(или экстралингвистической) обусловленности. Именно эта категория, предполагающая у словосочетания наличие определенной социальной основы, играет решающую роль в образовании уподоблений с прилагательными на **-like**. С этой же точки зрения следует рассматривать

вопрос об абсолютной продуктивности суффикса, лежащей в основе понятия лексической морфологической категории.

Изучение словосочетаний с суффиксом *-like* показало, что, поскольку этот суффикс образует от основы существительных прилагательное со значением «подобное предмету или явлению», обозначенному основой данного существительного, пределом продуктивности словосочетания может явиться отсутствие в экстралингвистической, объективно воспринимаемой реальности соответствующей связи между двумя предметами.

Иными словами, для того, чтобы можно было сравнить красоту с жемчугом (*pearl-like beauty*), сильный красивый голос с колокольчиком (*bell-like voice*) или любовь с цветком (*flower-like love*), необходимо, чтобы такое уподобление было оправдано наличием в фактическом опыте говорящего представлений о соответствующих предметах и их реальном сходстве. Именно это условие, эти экстралингвистические моменты определяют коннотативность и клишированность изучаемых словосочетаний.

Как известно, словосочетание тем коннотативнее, чем оно своеобразнее с точки зрения соответствия (или несоответствия) экстралингвистической действительности [7, 61]. Естественность (или неестественность) высказывания, вытекающая из его соответствия (или несоответствия) внеязыковой реальности, обуславливает частотность его употребления и таким образом оказывается тесно связанной с категорией клишированности.

Так, например, если сравнить словосочетания “*childlike innocence*” и “*childlike diabolism*”, оказывается, что связь между компонентами первого из них гораздо теснее, поскольку в нем связь между предметами мысли гораздо естественнее. Именно невинность (*innocence*) социальное сознание ассоциирует с детским возрастом, в то время как дьяволизм (*diabolism*) в ребенке гораздо менее соответствуют социальному представлению о детях. Это и определяет большую коннотативность и меньшую клишированность словосочетания “*childlike diabolism*” и, соответственно, меньшую коннотативность и большую клишированность словосочетания “*childlike innocence*”.

Следующий пример иллюстрирует реализацию категории социолингвистической обусловленности в наиболее ярких ее проявлениях:

“*The John-Bull-like lady over there, he learnt from the aunt, was ‘Mrs. Tomkins, the kindest old soul, somewhat hard of hearing, that house above Elm House, her son is in India’; while another voice informed him tersely, ‘A perfect gooseberry’*”[8, 112].

Словосочетание “*The John-Bull-like lady*” является социолингвистически обусловленным. Для того, чтобы понять это словосочетание,

необходимо знать, что *John Bull* – это символ типичного, рядового, «нарицательного» англичанина. Соответственно, читатель должен иметь представление о типичных чертах англичан, о национальном характере рядового члена английского общества (в контексте произведения автор раскрывает свое понимание образа Джона Буля и свое отношение к нему).

Подводя итог всему сказанному выше, следует отметить, что решающая роль в реализации лексико-морфологической категории уподобления принадлежит экстралингвистическим факторам. Сам факт уподобления определяется наличием у говорящего (пишущего) представления о сходстве между двумя предметами и явлениями экстралингвистической реальности.

Анализ художественной литературы показал, что в первую очередь в качестве сравнения используются те предметы и явления окружающей действительности, которые играют большую роль в жизни, культуре и обычаях англичан. Факт отсутствия в экстралингвистической реальности соответствующей связи между двумя понятиями или явлениями действительности является фактором, ограничивающим возможность реализации лексико-морфологической категории уподобления.

Литература

1. Арнольд И.В. (2002). Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., М.: Флинта, Наука. - 384 с.
2. Ильина, А.Н., Кибасова С.Г. (2012). Словообразование в современном английском языке: учебное пособие для студентов экономических специальностей. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ. - 90с.
3. Зоранян М.Г. (1984). Синтагматика категории уподобления как социолингвистическая проблема. - Автореф. канд дисс. – Москва.– 19с.
4. Зоранян, М. & Догондзе, Н.(2014). Продуктивное суффиксальное словообразование. Обучение суффиксальному словообразованию в стиле научного изложения (современный английский язык). Germany: LambertAcademicPublishing. - 143 с.
5. Середа, Л.М. (2011). Активные процессы словообразования в английских неологизмах. Материалы XII международных чтений, Гродно: ГрГУ. -с. 257-265.
6. Тер-Минасова, С.Г. (1980). Синтагматика речи: онтология и эвристика. М.: Изд-во МГУ. – 199с.
7. Тер-Минасова, С.Г. (1986). Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М.: Изд-во МГУ.- 151с.
8. Fowles, J. (1979). *The French Lieutenant's Woman*. Great Britain: Triad Panther books.– 399с.

© М.Г.Зоранян, 2015

Языковая репрезентация концепта LAW в юридическом дискурсе Великобритании: дефинитивный анализ

Целью данной работы является раскрытие понятийной составляющей концепта LAW, как ключевого концепта юридического дискурса. Анализ производится на материале лексикографических источников. Исследование проведено с привлечением методов концептуального и дефинитивного анализа. В данном исследовании концепт понимается как сущность, включающая «элементы сознания, действительности и языкового знака», это «информационная структура, отражающая человеческий опыт» [2, 28], «квант структурированного знания» [1, 90].

Многие исследователи отмечают, что концепт организован по полювому признаку: он состоит из ядра и периферии. Понятийная составляющая, которую представляют все значения концепта LAW, образует ядро концепта.

По данным словаря «Collins English Dictionary» британского варианта английского языка, law определяется как *«rule binding on a community; system of such rules; (informal) police; invariable sequence of events in nature; general principle deduced from facts»*. В словаре «Macmillan» лексема law толкуется как: 1) *an official rule that people must obey: a) a system of rules within a country, region, or community dealing with people's behaviour and activities, b) a set of rules within a larger system that deal with a particular subject or area, c) a rule or set of principles that people follow for moral or religious reasons, d) a rule in sport; 2) the profession that includes lawyers and judges; 3) study of rules; 4) explanation of process; 5) the police*. «Cambridge Dictionary» трактует law как 1) *the system of official rules in a country; 2) the subject or job of understanding and dealing with the official laws of a country; 3) something that is always true in science, mathematics, etc.*

«Merriam-Webster» дает следующую формулировку исследуемой лексеме: 1) *a binding custom or practice of a community; the control brought about by the existence or enforcement of such law; a rule or order that it is advisable or obligatory to observe; something compatible with or enforceable by established law; control, authority; 2) a rule of construction or procedure; 3) the whole body of laws relating to one subject; 4) the legal profession; law as a department of knowledge: jurisprudence; legal knowledge; 5) a statement of an order or relation of phenomena that so far as is known is invariable under the given conditions; a general relation proved or assumed to hold between mathematical or logical expressions; 6)*

often capitalized: the **revelation** of the **will** of **God** set forth in the Old Testament, the first part of the Jewish **scriptures**.

По данным словаря Business Dictionary, law означает 1) a **recognized causal link** or **principle** whose **violation** must or should **result** in a **penalty** as failure, injury, loss, or pain; 2) the **binding rules** of conduct meant to **enforce justice** and **prescribe duty** or **obligation**, and **derived** largely from **custom** or **formal enactment** by a ruler or legislature. These laws carry with them the **power** and **authority** of the enactor, and associated **penalties** for failure or refusal to obey. Law **derives** its **legitimacy** ultimately from universally **accepted principles** such as **the essential justness** of the rules, or the **sovereign power** of a parliament to enact them; 3) a description of a **direct link** between **cause** and **effect** of a phenomenon deduced from experiments and/or observations.

Представляется, что для раскрытия изучаемого концепта необходимо рассмотреть лексемы из дефиниций, с помощью которых номинируется изучаемый концепт: *rule, principle, profession, lawyer, judge, study, police, subject, job, custom, practice, control, order, authority, knowledge, jurisprudence*. В область исследования в рамках данной работы не включены такие лексемы, как: *sequence, event, explanation, statement, relation*, так как представляется, что они входят в понятийную область математики, логики, природы, естественных наук и т.п. и не относятся к юридическому дискурсу. Предположительно и лексемы: *revelation, will, God, scripture* не номинируют изучаемый концепт в **современном** дискурсе, поэтому в область исследования данной работы они также не включены, хотя при дальнейшем изучении концепта их следует проанализировать.

При рассмотрении значений существительного *rule*, представленных в словарях «Cambridge», «Merriam-Webster» британского варианта английского языка (далее: словари), важно обратить внимание на следующие значения: 1) a **prescribed guide** for conduct or action, the **laws** or **regulations prescribed** by the founder of a religious order for observance by its members, an **accepted procedure, custom, or habit**, a usually written **order** or **direction** made by a court regulating court practice or the action of parties, a **regulation** or **bylaw** governing procedure or controlling conduct; 2) **instruction**; 3) **leader**: when someone is in control of a country; 4) **usual way**; 5) **principle**. Значимо следующее определение существительного *order*: an **instruction** that someone must obey.

По данным словарных статей, *principle* означает: 1) **moral rule** or **belief** that helps you know what is right and wrong and that influences your action; 2) a **basic truth** or **theory**: an **idea** that forms the **basis** for something; 3) a **law** or **fact** of nature that explains how something works or why something happens. Существительное *link* определяется как 1) a **connection**

between two people, things, or ideas / a connecting structure; 2) one ring of a **chain**.

Существительное *police* трактуется как 1) **the official organization that makes people obey the law and that protects people and places against crime, or the people who work for this organization.**

Существительное *profession* интерпретируется как 1) **a type of work / job that requires special education, training, skills;** 2) **the people who work in a particular profession;** 3) **the act of declaring or saying something openly.** При рассмотрении денотативной структуры существительного *judge*, необходимо обратить внимание на следующее его значение: **someone who controls a trial in court, decides how criminals should be punished, and makes decisions about legal things.** Существительное *lawyer* трактуется как **someone whose job is to understand the law and deal with legal situations.** Анализируя определения существительного *job*, важным представляется следующее определение: **the work that a person does regularly in order to earn money.**

По данным словарных статей, *study* означает: 1) **finding out information;** 2) **learning.** При рассмотрении денотативной структуры существительного *subject*, необходимо обратить внимание на значение: **an area of knowledge studied in school or university; study.** Существительное *knowledge* интерпретируется как **information and understanding that you have in your mind.** Существительное *jurisprudence* означает 1) **the study of law and the principles on which law is based.**

По данным лексикографических источников, *custom* означает: **a habit or tradition; an action or way of behaving that is usual and traditional among the people in a particular group or place; something that is done regularly by a person.** При рассмотрении денотативной структуры существительного *practice*, необходимо обратить внимание на следующее его значение: **a business in which several doctors or lawyers work together, or the work that they do .**

Существительное *control* трактуется как 1) **the power to make a person, organization, or object do what you want;** 2) **rule: the power to rule or govern an area.** Существительное *authority* интерпретируется как 1) **the official power to make decisions or to control other people;** 2) **an official group or government department with power to control particular public services;** 3) **the quality of being confident and being able to control people**

Наряду с репрезентантами концепта, есть целый ряд лексем, которые представляют собой признаки концепта. К ним относятся следующие прилагательные: *accepted, advisable, binding, casual, compatible, enforceable, legal, obligatory, official* и причастие *recognized*.

Прилагательное *advisable* интерпретируется как: **fit to be advised or done; wise, sensible, or reasonable.** Прилагательное *binding* определя-

ется как **forcing or requiring someone to do something because of a promise, agreement, etc.; imposing an obligation**. Значимы следующие дефиниции прилагательного *casual*: **informal, natural**. Анализируя определения прилагательного *compatible*, важной представляется такая трактовка, как: **capable of existing together in harmony**. Прилагательное *enforceable* интерпретируется как: **an enforceable law, rule, contract, etc. is one that people can be made to obey**. Прилагательное *legal* означает: 1) **related to the law; based on the law**; 2) **allowed by the law or rules in a game**. Значимы следующие дефиниции прилагательного *obligatory*: 1) **binding in law or conscience**; 2) **relating to or enforcing an obligation**; 3) **mandatory, required**; 4) **obligate**. Анализируя определения прилагательного *official*, важным представляется следующее значение: **approved by the government or someone in authority; authoritative, authorized**. Причастие *recognized* образовано от глагола *recognize* и значимым (в рамках данного исследования) является его следующее определение: **to accept that something is true or real**.

Проанализировав все значения, представленные в лексикографических источниках британского варианта английского языка, а также синонимические ряды лексем-репрезентантов изучаемого концепта, становится возможным выделить лексические единицы, актуализирующие концепт LAW. К ним относятся *rule/ order, principle, police, profession/ job/ lawyer/ judge, study/ subject/ knowledge/ jurisprudence, custom/ practice, control/ authority*. В номинативное поле исследуемого концепта могут входить следующие синонимы лексем-репрезентантов: *guide, regulation, procedure, custom, habit, direction, bylaw, instruction, leader, way, belief, truth, theory, basis, connection, chain, organization, people, work, job, information, tradition, action, behaving, business, power, group, government*.

По данным проведенного анализа, выделенные репрезентанты могут иметь следующие когнитивные признаки, определяющие имя концепта: *advisable, binding, casual, compatible, enforceable, legal, obligatory, official, recognized*.

Таким образом, концепт LAW имеет обширное номинативное поле, что отражает актуальность вербализуемого концепта для представителей данной лингвокультуры. Понятийная составляющая концепта может быть подвергнута дальнейшему исследованию и дополнена данными контекстуального, дискурсивного и других методов анализа, с помощью которых представляется необходимым произвести дальнейшее описание изучаемого концепта.

Литература

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – 245с.
2. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2011. – 176с.

3. Business dictionary. URL:<http://www.businessdictionary.com/definition/human-rights.html> (дата обращения 02.2015).
4. Cambridge dictionaries online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/human-rights> (дата обращения 02.2015).
5. Collins English Dictionary // Harper Collins Publishers. 2012. – 660с.
6. Glossary of UK Government and Politics // Academic Dictionaries and Encyclopedias. URL: http://politics_uk.enacademic.com/ (дата обращения 03.2015)
7. Macmillan dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/human-rights> (дата обращения 02.2015).
8. Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 02.2015).
9. Roget's 21st Century Thesaurus, Third Edition Copyright © 2013 by the Philip Lief Group. URL: <http://www.thesaurus.com/> (дата обращения 02-03.2015).
10. The Virginia Declaration of Rights // Bill of Rights. URL: <http://www.archives.gov> (дата обращения 03.2015).

© Н.С. Ибатуллина, 2015

В.Л. Ибрагимова, Л.А. Калимуллина
БашГУ, Уфа, Россия

Память, возвращающая время

Юлия Петровна Чумакова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания была и остаётся живым, зримым человеком, учёным, коллегой, реально сопричастным ко всему, что происходит на кафедре, которой она отдала 25 лет своей жизни, на филологическом факультете, в университете в целом. Незаурядного профессора, равнодушного человека, Ю.П. Чумакову волновали события большого, внешнего мира и жизни кафедры, взаимоотношения конкретных людей и целых народов.

Человек высокой филологической, гуманитарной и общечеловеческой культуры, Юлия Петровна на своём конкретном месте учёного, педагога, носителя русской культуры много сделала для сближения народов нашего полиэтнического региона. Для того, чтобы народы Земли – очень разные в проявлениях своей человечности – не потеряли способность понимать и поддерживать друг друга, и не потерялись сами «в бурных ритмах нынешнего века».

Эта её особенность нашла проявление как в научной, так и в общественной деятельности, о чем можно судить уже по названиям научных трудов профессора Ю.П.Чумакова. Можно вспомнить такие ее известные статьи, как «Лексика диалекта как источник реконструкции

праславянского словаря»; «Из этимологических примечаний к «Словарю русских говоров Башкирии»; докторское исследование «Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическими и историческим данным» и многие другие.

Получив хорошую славистическую подготовку, Юлия Петровна в течение всех лет работы в Башкирском университете преподавала славянские языки, болгарский и польский, была одним из инициаторов проведения традиционных студенческих вечеров славянских языков и культур. Вместе с профессором Л.М. Васильевым и профессором В.Л. Ибрагимовой Ю.П.Чумакова стояла у истоков создания в нашей республике польского центра культуры и просвещения, а также уфимской польской воскресной школы имени А.П. Пенькевича. Она являлась одним из инициаторов создания силами кафедры ОИСИЯ и Польского центра нескольких поэтических сборников любительских переводов стихотворений известных польских поэтов на русский язык, а также одним из самых активных авторов этих переводов.

Свободно владея польским языком и хорошо зная польскую поэзию, Ю.П.Чумакова приобщала к ней и к переводческому опыту своих студентов, изучающих польский язык. В результате ее деятельности увидел свет поэтический сборник стихотворений польских поэтов и их любительских переводов «Прелюдия – с польского на русский» (1997 г.). Чуть позднее появился ещё один поэтический сборник – «Польские звёзды» (2000 г.). Любовь и уважение Юлии Петровны к братскому славянскому народу, к его языку, истории, культуре, к его пророкам проявились в самом выборе поэтов: А. Мицкевич, Ф. Карпинский, З. Красинский, М. Конопницкая, Я. Каспрович, Л. Стафф, К. Иллаковичувна, Ю. Тувим, В. Броневский, Я. Бжехва, К. Галчинский, А. Осецкая и др.

Ее переводы отличаются смысловой идентичностью, умением уловить и передать подтекст, чувство, настроение, заложенные в оригинале. В то же время в них отчётливо слышна резонирующая душа самой Ю.П. Чумаковой – читателя и переводчика. Её тексты – это даже не перевод, а некая чудесная, волнующая сингармония душ двух поэтов. В выборе оригиналов и в содержании их переводов отражается отношение к человеку, к природе, к сегодняшней действительности, тоска по исконным ценностям жизни. Здесь и желание защитить человека перед лицом им же сотворённых бед, готовность взять на себя его грехи, и опять тоска от понимания невозможности сделать это, и в то же время затаённая мечта, рождающая надежду. Переводы Ю.П. Чумаковой как дань её светлой памяти издавались дважды в 2005 и 2010 гг. под названием «Мудрые поэзии страницы».

Ученики и коллеги Ю.П. Чумаковой во многих вузах Уфы и республики продолжают пользоваться разработанными ею академическими

программами, ссылаются на её научные труды по проблемам русской и славянской исторической лексикологии, этимологии, диалектологии; продолжают практику поэтических переводов и издания стихотворений польских и других славянских поэтов на русский язык; переиздают её труды, не потерявшие актуальности и научной ценности.

Лингвистическая эрудиция позволяла Ю.П. Чумаковой глубоко проникнуть в живую жизнь слова как общечеловеческого явления. Видимо, поэтому она умела ярко и красочно изобразить эту жизнь во времени и пространстве, проследив причины и мгновения не только рождения слова, но и его развития, а также расселения по бесконечным пространствам языков. Работы профессора Ю.П. Чумаковой по этимологии – это всегда шедевры жизнеописания обширных, разветвлённых генеалогий слов, выполненные на таком уровне глубины знания и любви к слову, которая создаёт иллюзию сопричастности к этим процессам как автора, так и читателя. Так же органично воспринимала и описывала она и язык как явление в целом, будь то современный русский с его диалектами и вариантами, польский, древний старославянский. Не случайно ей удалось увидеть и отразить в своих трудах органическую связь истории языка с историей народа, обобщив их результаты в докторском исследовании.

Зная слово и о слове досконально, чувствуя его живую душу, Ю.П. Чумакова прекрасно владела им сама. Её статьи и книги, лекции, выступления радовали не только ум, но и сердце. И, конечно, не было случайным обращение лингвиста такого масштаба и такого склада души к поэтическому творчеству. Свои оригинальные стихи она умела воодушевить искренним, лично окрашенным чувством. Светлой памяти Ю.П. Чумаковой коллеги посвятили издание ее стихов, назвав его строчкой из неоконченного стихотворения: «Уплывает времени река...». (Уфа, 2010). Одним из ее стихотворений мы и завершим свою статью.

В лихолетье обезумевшего мира,
Как Добра и Света вечный знак,
Будет с нами Пушкинская лира,
Будут Блок, Есенин, Пастернак.
Нас, вот-вот готовых надломиться,
Где-то там, над бездной, на весу
Мудрые поэзии страницы
Вдруг подхватят, выпрямят, спасут.
Вознесут над нудной суетою,
Чередой нехваток и обид –
И душа, сроднившись с высотой,
Крылья распахнёт и полетит.

© В.Л. Ибрагимова, Л.А. Калимуллина, 2015

Еще раз о тоталитарном языке и тоталитарном дискурсе

Термины *тоталитарный язык* и *тоталитарный дискурс* в настоящее время стали привычными и часто употребляются в работах по политической лингвистике. При этом тоталитарный язык понимается как язык, подвергшийся насильственному идеологическому давлению, обусловленному соответствующей политической ситуацией и господствующим мировоззрением. Представляется целесообразным напомнить, что в лингвистике существуют два представления о тоталитаризме языка. Первое связано с семиотической организацией языка и не отражает мировоззренческих установок. Тоталитаризм языка как такового, по словам С.С. Ермоленко [4, 5], заключается в его моделирующем характере: язык, будучи моделью или картиной мира, опосредует собой восприятие и осмысление мира. При этом тоталитарность языка позволяет человеку справиться с «плюралистичностью» внеязыковой действительности, с ее бесконечной и изменчивой множественностью при помощи определенного и относительно небольшого инвентаря знаков. В этом смысле «тоталитарность» языка является его неотъемлемым семиотическим свойством.

Если же языковая модель действительности приобретала онтологический статус, то есть начинала претендовать на полную замену действительности, при этом то, что не названо языком, оказывалось не просто неназванным, а объявлялось несуществующим, то тогда семиотическое свойство языка переходило в оценочное, и такой язык получает статус тоталитарного языка. «Дискурс, связанный с этим языком, начинает оцениваться не по своему соответствию действительности, а по тому, насколько он отвечает внутренним смысловым нормам тоталитарного языка» [4, 11]. Следует отметить, что к дискурсу тоталитарного типа относятся не только политический, но и, например, религиозный дискурс замкнутых объединений (сект) [2].

В конце 40-х гг. XX в., когда вышла книга Виктора Клемпера «ЛТИ: Язык Третьего Рейха. Записки филолога» [11] (перевод на русский [7]), еще не существовало термина *тоталитарный язык*, который вошел в употребление в 80-90 гг. XX в. и которому предшествовал термин *новояз* (*newspeak*) из известной антиутопии Дж. Оруэлла. Отметим, что по аналогии с латинским термином *Lingua Tertii Imperii* (LTI), изобретенным В.Клемперером, в лингвистический обиход второй трети XX в. вошел термин *Lingua Sovietica*, или *Lingua Imperii Sovietici* (LIS); поздний,

«застойный», период этого явления описан в лингвистической литературе наиболее полно, ср. [8], [9], [10], [5] и др.

Подход В. Клемперера к языку Третьего рейха был именно филологическим, даже можно сказать, дискурсивным, поскольку этот исследователь никогда не упускал из внимания тот фон, на котором возникали тексты, т.е. политические и идеологические концепции, а также то, каким способом тексты проникали в сознание адресатов. Ср.: «Нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» [7, 25]. В этой короткой цитате отражена вся суть политической пропаганды, а именно: не только то, *что* внедрялось в сознание, но и *как* (бесконечные повторы) и на каком уровне (бессознательно). Можно полагать, что именно в работе Клемперера зародилось понятие политического дискурса как текста, погруженного в политическую жизнь (ср. ставшее классическим определение дискурса Н.Д. Арутюновой как текста, погруженного в жизнь [1, 137]).

Мы присоединяемся к мнению Е.Г. Борисовой, которая считает целесообразным принять за основу при определении типа политического дискурса признак «интенция говорящего» [3, 17]. Под «говорящим» в данном случае подразумевается политический деятель, а под интенцией – то, что он осуществляет по отношению к слушающему: убеждает, возбуждает, информирует, принуждает и т.д. Существенны в данном случае и распределение ролей говорящего и слушающего. Так, это могут быть носитель высшей истины и быдло, скромный информатор на службе у народа и т.д. Общей интенцией либерального дискурса, который принято противопоставлять дискурсу тоталитарному, является информирование, т.е. сообщение некоторых сведений, из которых вывод должен сделать сам слушающий. Отсюда нехарактерность эмоционально окрашенной и ограниченность оценочной лексики, а также наличие показателей причинно-следственных отношений [3, 17].

Lingua Tertii Imperii по праву считается образцом тоталитарного дискурса. Известно, что Гитлер сам сформулировал задачи пропаганды Третьего рейха: нужно не убеждать, а внушать. При таком подходе, как справедливо отмечает Е.Г. Борисова, определяющей интенцией говорящего в тоталитарном дискурсе можно считать внушение («это верно потому, что иначе не может быть, а тот, кто этого не понимает, тот выродок») [там же]. Отсюда преобладание в тоталитарном дискурсе эмоционально окрашенной лексики, преимущественно торжественного, пафосного типа.

Приведем в связи с этим высказывание В.Клемперера из третьей главы его книги, озаглавленной «Основное свойство – скудость»: «Аб-

солютное господство языкового закона, которое навязывалось ничтожной группкой и даже одним человеком на всем немецкоязычном пространстве, было исключительно эффективным, поскольку ЛТИ не различал устную и письменную речь. Более того: в нем все было речью, все неизбежно становилось обращением, призывом, подхлестывающим окриком (подчеркнуто нами. - Е.И.). Между речами и статьями министра пропаганды не было стилистических расхождений, чем и объясняется та легкость, с которой можно было декламировать его статьи. “Декламировать” – буквально означает “громко, звучно вещать”, еще буквально – “выкрикивать”. Итак, обязательным для всего света стилем был стиль базарного агитатора-крикуна» [7, 78]. В. Клемпереру как филологу удалось обнаружить и сформулировать признаки того, что несколько десятилетий спустя в лингвистике стали называть дискурсом. Неслучайно поэтому в настоящее время при перечислении языковых уровней, на которых прослеживаются специфические черты тоталитарного дискурса, исследователи начинают с фонетического, поскольку для воздействия на адресата в этом типе дискурса важна, как уже отмечалось, не апелляция к интеллекту, а манипуляция инстинктами.

В заключение хотелось бы отметить, что проницательный и точный филологический взгляд В.Клемперера на механизм речевого воздействия может стать настоящим руководством для лингвистов, исследующих формирование и функционирование концептов в тоталитарном дискурсе, например, концепта «Родина» [6]. Ср. такое наблюдение: «Слова могут уподобляться мизерным дозам мышьяка: их незаметно для себя проглатывают, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо. <...> Лишь незначительная часть слов ЛТИ отмечена оригинальным творчеством, а может быть, таких слов вообще нет. Во многом нацистский язык опирается на заимствования из других языков, остальное взято в основном из немецкого языка догитлеровского периода. Но он изменяет значения слов, частоту их употребления, он делает всеобщим достоянием то, что раньше было принадлежностью отдельных личностей или крошечных групп, он монополизирует для узкопартийного узуса то, что прежде было всеобщим достоянием, и все это – слова, группы слов, конструкции фраз – пропитывает своим ядом, ставит на службу своей ужасной системе, превращая речь в мощнейшее, предельно открытое и предельно скрытое средство вербовки» [7, 9].

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999. – С. 136-137.
2. Белянин В.П. Тексты религиозных объединений тоталитарного типа на русском языке // Массовая культура на рубеже XX -XXI веков: Человек и его дис-

- курс. Сб. научных трудов / Под ред. Ю.А.Сорокина, М.Р.Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 155-166.
3. Борисова Е.Г. Особенности типов политического дискурса в России // Политический дискурс в России–2. Материалы рабочего совещания 29 марта 1998 г. – М.: Институт языкознания РАН, 1998. – С. 17-18.
4. Ермоленко С.С. Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка // Мова тоталітарного суспільства. – Київ: НАН України, 1995. – С. 7-15.
5. Гронская Н.Э., Зусман В.Г., Батищева Т.С. Сопоставление тоталитарных дискурсов: три риторы, три текста, три языка// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – № 1. – 2013. – С. 56-62.
6. Игнатова Е.М. Концепт РОДИНА в социально-культурном контексте Германии // Вопросы филологии. – № 5. – 2006. – С. 21-29.
7. Клемперер В. LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 382 с.
8. Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н.Журинского. – М.: Русский учебный центр, 1994. – С. 233-239.
9. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 145 с.
10. Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 175 с.
11. Klemperer V. LTI - Lingua Tertii Imperii. Notizbuch eines Philologen. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1947. – 300 S.

© Е. М. Игнатова, 2015

Г.Р. Искандарова
УЮИ МВД России, Уфа, Россия

О методике работы над видеофильмом на практических занятиях по немецкому языку с курсантами УЮИ МВД России

Учебный видеофильм является самым эффективным и перспективным из имеющихся аудиовизуальных средств обучения иностранному языку. Он призван обеспечить аутентичность, коммуникативно-мотивационную обусловленность и ситуативную презентацию иноязычного учебного материала.

С точки зрения методики работа над видеофильмом включает подготовительный, демонстрационный и последедемонстрационный этапы.

На подготовительном этапе снимаются языковые трудности восприятия текста видеофильма и трудности понимания его содержания, вводятся и закрепляются новые слова, анализируются функциональные типы используемых в тексте высказываний, осуществляется проверка

понимания ранее изученного лексического и грамматического материала, анализируются непривычные для обучаемых аутентичные разговорные формулы, лингвострановедческие реалии, формируются социально-психологические, фонетические и содержательные ориентиры для дальнейшего восприятия формы и содержания фильма [2, 170]. Здесь также снимаются возможные трудности понимания путем применения приемов обработки техники чтения и выборочного аудирования отдельных фрагментов звукового сопровождения фильма. Важную роль в обучении пониманию фильма играют подготовительные упражнения, в частности, чтение расширяющихся синтагм. Будучи правильно составленными (в структурном и содержательном отношении), они помогают обучаемым «подняться» от конкретного к абстрактному, учат размышлять, вызывают отношение.

На последемонстрационном этапе проверяется эффективность использования в процессе просмотра фильма предложенных на преддемонстрационном этапе ориентиров восприятия фильма, осуществляется контроль понимания содержания использованных в фильме языковых и речевых средств. Особое внимание уделяется различным видам пересказа (сжатого, избирательного, дифференцированного, пословного, коммуникативно-ориентированного). Целесообразно также использовать вопросно-ответную работу, драматизацию, ролевое воспроизведение текста (особенно диалогов), последующее озвучивание фильма, воспроизведение и реализацию показанных в фильме ситуаций общения, их расширение, дополнение, перенос на ситуации обыденной жизни курсантов.

Главная цель занятий с использованием фильмов – развитие навыков устной речи. Для ее достижения можно предложить следующие виды работы:

- вступительное слово преподавателя на иностранном языке;
- просмотр фильма;
- проведение вопросно-ответной работы при вторичном показе;
- краткое изложение преподавателем содержания фильма на иностранном языке в виде образца;
- составление учащимися плана пересказа фильма;
- составление списка ключевых слов для последующего пересказа содержания фильма;
- пересказ содержания фильма;
- составление диалогов от имени действующих лиц на темы, близкие к сюжету просмотренного фильма (5-6 пар реплик);
- комментирование кадров фильма обучаемыми;
- постановка вопросов обучаемыми к кадрам фильма и ответы на эти вопросы;

- пересказ содержания фильма от имени действующих лиц;
- пересказ содержания фильма по цепочке.

Приведем примерный план работы над короткометражным профессионально-ориентированным фильмом «Cybermobbing» на практических занятиях по немецкому языку с курсантами Уфимского юридического института МВД России:

1. Вступительная беседа преподавателя о целях и задачах работы с данным фильмом, введение и закрепление новых слов:

- beleidigen – оскорблять
- beschimpfen – обругать
- bedrohen – угрожать
- die Drohung – угроза
- die Gefahr – опасность
- bei der Polizei anzeigen – подавать в полицию заявление о преступлении
- ins Netz stellen – разместить в сети
- auf dem Index sein – быть в списке запрещенных Интернет-страниц
- die Verleumdung – клевета
- via Handy – по мобильному телефону
- posten (engl.) – писать сообщения в Интернет-форуме
- mobben (engl.) – нападать, атаковать
- das Mobbing, der Angriff, die Attacke – нападение, атака
- die Krisenprävention – предотвращение кризисных ситуаций
- rechtliche Folgen – правовые последствия

2. Демонстрация фильма.

3. Вопросы преподавателя к группе по содержанию просмотренного фильма, выполнение тестовых заданий:

I. Was sehen Sie im Video?

- Ein Schuldirektor arbeitet am Computer.
- Eine Polizistin steht an einer Tafel.
- Ein Junge liest ein Buch.
- Ein Polizist redet vor einer Schulklasse.

II. Вставьте в текст подходящие по смыслу слова. Переведите текст на русский язык.

Viele junge Menschen treffen sich im _____, obwohl sie sich in der Realität noch nie gesehen haben. Manchmal werden Personen im Internet von Unbekannten beschimpft oder _____. Das ist beleidigend und in schlimmen Fällen sogar _____. Deshalb informiert die _____ jetzt an vielen Schulen über die _____.

- 1). bedroht 2). strafbar 3). Gefahren

- 4). Internet 5). Polizei

4. Повторная демонстрация фильма для выполнения упражнений, предусмотренных планом преподавателя.

III. Was ist richtig? Was ist falsch?

1. Cyberhooligans beleidigen die Schüler via Handy.
2. Nur der Schuldirektor kann die Internetseite blockieren.
3. Schüler boykottieren die Internetseite mit ganz anderen Informationen.
4. Polizisten informieren die Schüler über die Krisenprävention und rechtliche Folgen von Mobbing.

IV. Разгадайте кроссворд со словом MOBBING по вертикали:

1. клевета, 2. угроза, 3. преступление, 4. уголовный кодекс, 5. оскорбление, 6. мобильный телефон, 7. нападение

V. Sprechen Sie zur Idee des Films auf Russisch.

В качестве домашнего задания после просмотра фильма курсантам можно предложить письменное изложение содержания фильма с последующим устным изложением на уроке; домашнее сочинение, близкое по теме к просмотренному фильму; перевод предложений, связанных с содержанием фильма, с родного языка на немецкий; описание одного из эпизодов фильма; пересказ содержания фильма по ключевым словам.

Систематическая работа с фильмом позволяет преподавателю подвести курсантов к подлинно ситуативной речи, когда они высказывают собственные мысли по поводу происходящего на их глазах события. Использование коротких видеофильмов вместе с разработанными упражнениями позволяет вызвать интерес у обучаемых к изучаемой теме и пробудить их творческий потенциал, благодаря выполнению разнообразных заданий [1, 159].

Работа с видеофильмами на занятиях по немецкому языку с курсантами УЮИ МВД России, в отличие от традиционного пассивного просмотра, повышает эффективность процесса, помогает сохранить интерес к иностранному языку, поскольку способствует созданию благоприятного психологического климата на занятии, усиливает мотивацию и активизирует деятельность обучаемых, дает возможность использовать имеющиеся знания, опыт, навыки коммуникации.

Литература

1. Васильева А.Г. К вопросу об использовании видео материалов на занятиях по иностранному языку // Проблемы современной науки и образования. – Иваново: Олимп, 2015. – № 7 (37). – С. 157-160.
2. Чопчиц И.Н. Использование видео на уроках иностранного языка // Наука и образование: инновации, интеграция и развитие. Уфа: Автономная некоммерческая организация «Исследовательский центр информационно-правовых технологий», 2015. – № 1(2). – С. 170-172.

© Г.Р. Искандарова, 2015

Лексика тюркского происхождения в русском жаргоне

Русские жаргоны на протяжении долгого времени взаимодействовали со многими языками: славянскими (польским, чешским, украинским и др.), романскими (французским, итальянским, испанским, латинским и др.), германскими (немецким, английским), финно-угорскими (финским, венгерским, эстонским, мордовским), тюркскими (татарским, башкирским, чувашским, узбекским, казахским и др.), кавказскими, а также греческим, ивритом, идишем, цыганским, китайским, корейским и др.

Данная работа посвящена исследованию жаргонизмов тюркского происхождения, функционирующих в русском языковом субстандарте. По словам В.С.Елистратова, «... тюркские элементы совершенно естественно внедрились в русское арго на огромной территории...» [2, 635].

Проблема тюркских заимствований в русском жаргоне ещё требует более глубокого изучения. К примеру, вопрос о тюркском влиянии на русские арго ставился в статье «Турецкие элементы в русских арго» известного тюрколога Н.К.Дмитриева еще в 30-е годы XX века. В своем глоссарии тюркизмов в русском арго он описывает более 180 арготизмов тюркского происхождения. Впоследствии данную проблематику затрагивали также и другие исследователи жаргона: В.С. Елистратов, М.А. Грачёв, Е.А. Яковлева, Л.Л. Аюпова, С.В. Вахитов и др.

В настоящее время выявлено, что «значительная часть старых и новых арготизмов иноязычного происхождения являются тюркизмами» [2, 648]. Многие жаргонные лексемы с тюркскими корнями имеют простую этимологию: сначала они были заимствованы в офенское арго, а затем перешли из него в криминальный жаргон, а из криминального – в интержаргон.

При анализе содержания «Большого словаря русского жаргона» (сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина) выявляются несколько десятков лексем, имеющих тюркское происхождение. Судя по пометам в словаре, наибольшее число тюркизмов функционирует в криминальном жаргоне, многие из них известны еще с XVIII – XIX веков. Тюркские корни прослеживаются в следующих жаргонизмах из уголовного арго, обозначающих лиц по половому, возрастному, профессиональному, социальному, конфессиональному, национальному, функциональному и другим признакам, а также умственным, психическим, физическим и другим особенностям: **башкан** – «авторитетный уголовник башкирского происхождения», в интержаргоне получает значения «человек с большой го-

ловой; умный, сообразительный человек (лексема образована от слова **башка**, производного от общетюрк. **баш** – «голова»); **бика** – 1. «Женщина». 2. «Проститутка» (от тат. **бикә** – «барышня; барыня; госпожа»); **бикса** – 1. «Любовница». 2. «Девушка легкого поведения». 3. «Медсестра в ИТУ», в интержаргоне дополняется значениями «девушка; подруга» (от тат. **бикә** – «барышня; барыня; госпожа»); **бахор** – «женщина легкого поведения» (ср. тат. **бахыр** – «бедняга, бедняжка»); **бабай** – 1. «Старик». 2. «Старый татарин». 3. «Уроженец Средней Азии». 4. Ростовщик (устар.; использовалось в выражении **угодить к бабаю на блины** – «попасть в тюрьму»), в интержаргоне получает значение «денежная единица республик Средней Азии» (от общетюрк. **бабай** – «дедушка, тесть, старик»); **батар, батор, батыр** – 1. «Отец». 2. «Пожилой, уважаемый человек». 3. «Главарь воровской группировки». 4. «Хозяин» (возможно, от тат. и башк. **батыр** – «герой, богатырь; смелый, отважный»); **ирик** – «старик» (ср. тат., башк. **ирек** – «свобода, воля»); **иричка** – «старуха» (от **ирик**); **шайтан** – «татарин» (от общетюрк. **шайтан** – «чёрт, бес, леший, нечистая сила»); **юлдаш** – «узбек; азиат» (ср. тат., башк. **юлдаш** – «спутник; попутчик»); **яман** – 1. «Мужчина с бородой». 2. «Мусульманский священнослужитель» (ср. общетюрк. **яман** – 1. «плохой, дурной, худой скверный; злой»); **бай** – 1. «Начальник отряда в ИТУ». 2. «Богатый человек» (от тат. **бай** – «богатый, богач»); **бирга** – «человек, претендующий на долю добычи» (возможно, от тат. **бирергә** – «давать, дать; отдавать»); **карак** – «заклоченный, притесняющий сокамерников», используется в выражении **карак казанский** – «авторитетный преступник татарского происхождения» (от тат. **карак** – «вор, жулик, расхититель»); **уркаган** – 1. «Жулик». 2. «Вор, пользующийся авторитетом в преступном мире». 3. «Хулиган» (возможно, от тат. **урлаган** – «украл; укравший»); **уркан** – «профессиональный преступник» (возможно, от тат. **урлаган** – «украл; укравший»); **уркач** – «вор, профессиональный преступник» (возможно, от тат. **урлаган** – «украл; укравший»); **урла, урлак** – 1. «Молодой человек». 2. «Хулиган» (по-видимому, от тат. **урларга** – «воровать, красть»); **дунгыз** – 1. «Опустившийся пьяница». 2. «Бродяга, нищий» (от тат. **дунгыз** – «свинья») и др.

В интержаргоне также употребляются обозначения людей по разным функциональным признакам, содержащие тюркские корни, например: **джигит** – «уроженец Кавказа или Средней Азии» (ср. тат. **егет** – «молодой человек, юноша»); **апайка, опайка** – 1. «Уроженка Средней Азии». 2. «Немолодая девушка», в уфимском жаргоне получает значение «проститутка» (от общетюрк. **апа** – «старшая сестра, тётка»); **акын** – «болтун, пустомеля» (от **акын** – «поэт и певец у тюркоязычных народов: у казахов, киргизов, ногайцев, каракалпаков») и др.

Лексика криминального жаргона включает также несколько наименований тюркского происхождения, обозначающих части тела и другие анатомические образования, например: **баш** – «голова» (от общетюрк. **баш** – «голова»); **курсак** – 1. «Желудок». 2. «Живот», функционирует в выражении **курсак пропал** – «о сильном голоде» (от общетюрк. **корсак** – «живот, брюхо»); **тамак** – «горло» (ср. тат. **тамак** – «горло, глотка») и др.

Некоторые названия предметов и явлений быта, устройств, помещений, зданий, различных мест и т.п., употребляющиеся в криминальном жаргоне, также имеют тюркские корни, например: **аршин** – 1. «Посуда, из которой можно пить; стакан, кружка». 2. «Стакан как единица для измерения количества наркотика» (от общетюрк. **arşın** – «мера длины»); **дэфтер** – «документ» (ср. тат. **дэфтәр** – «тетрадь»); **кйса** – «кошелёк» (от общетюрк. **kise/kisä** – «мешок; кошелек»), **арба** – «автомашина» (от общетюрк. **арба** – «телега»); **аул** – 1. «Казармы внутренних войск МВД по охране мест заключения». 2. «Административное здание в ИТУ» (от общетюрк. в значении «деревня, село, селение»); **кича, кичеван, кичман** – 1. «Тюрьма». 2. «Карцер», в армейском жаргоне приобретает значения «гауптвахта, штрафной изолятор» (от тат. **кичә** – уст. «вечер; ночь; мрак»); **шалман** – 1. «Притон, ночлежка». 2. «Пивная, закусовая». 3. «Публичный дом», в интержаргоне используется также в значениях «сборище, скопление народа; шум, беспорядок» (ср. казах. **salman** – «кашне; аркан с петлей»); **бардак** – «публичный дом», в интержаргоне функционирует в значениях «вечеринка, попойка, пьянка» (ср. турецк., азерб. **bardaq** – «рюмка; стакан; крупный горшок»); **май-дан** – 1. «Базар». 2. «Нелегальный тюремный магазин». 3. «Воровской притон». 4. «Тюрьма, колония». 5. «Дом, жилище». 6. «Вагон, поезд». 7. «Вокзал, перрон». 8. «Чемодан, саквояж». 9. «Место для игры в карты», употребляется также в значениях «воровская группировка; нелегальная тюремная торговля» (от общетюрк. **мәйдан** – «площадь, поле; арена, где происходят какие-либо торжества») и др.

Достаточно широко в криминальном жаргоне представлены обозначения денег, драгоценных металлов, имеющие тюркские корни, например: **акча, ахча** (от тат. **акча** – «деньги»); **сара, сарга, сары, сарочки, саренки** – 1. «Деньги». 2. «Золотая монета» (от тат. **сары** – «желтый; желтизна»); **саман** – «деньги» (возможно, от общетюрк. **саман** – «солома»); **йкса** – «копейка» (от общетюрк. **ике** – «два»); **биштын** – «пять копеек» (от тат. **биш тиен** – «пять копеек»); **беш-пан, беш-паш** – «пять рублей» (от тат. **биш** – «пять»); **беш** – «пять рублей» (от тат. **биш** – «пять»); **алтуха, алтыш** – «шесть рублей» (от общетюрк. **алты** – «шесть»); **алтушки** – «мелкие деньги», в интержаргоне употребляется также в значении «ерунда, безделица» (от общетюрк. **алты** – «шесть»);

чирик – «десять рублей», в интержаргоне получает значение «что-л. количеством десять» (от тат. **чирек** – «четверть фунта»); **жирмабеш** – «двадцать пять рублей» (от тат. **егерме биш** – «двадцать пять»); **кимыш** – «серебро» (от тат. **көмеш** – «серебро») и др.

Среди жаргонных обозначений наркотических веществ, сырья для изготовления наркотиков также встречаются лексемы тюркского происхождения: **баш** – 1. «Доза наркотика». 2. «Доза гашиша». 3. «Марихуана», в интержаргоне данная лексема приобретает значения: «прибыль от сделки»; «что-то экстраординарное: поступок, высказывание», в последнем значении употребляется в выражении **баш отмочить** – «совершить экстраординарный поступок» (от общетюрк. **баш** – «голова»); **башка** – «головка мака» (**баш** – «голова»); **сасыг, сасык** – «анаша» (возможно, от тат. **сасы** – «вонючий, зловонный», **сасык** – «вонючка»); **сары** – «гашиш» (от тат. **сары** – «желтый; желтизна»); **кара-хан** – «опий» (от общетюрк. **кара хан** – «черный хан»), **марафет** – «кокаин» (от араб. и общетюрк. **marifet** – «знание, искусство, жульничество») и др.

В русском жаргоне употребляются и сложные образования, являющиеся своеобразными «гибридами», так как состоят из двух лексем, одна из которых тюркского происхождения. Многие из подобных образований имеют шуточный характер, например: **гуталин-малай** – «негр» (тат., башк. **малай** – «мальчик»); **Колотун-бабай** – «Дед Мороз», **кош-мар-апа** – «баба-яга», **шайтан-коробка** – «любое незамысловатое техническое устройство» (техн.), **шайтан-труба** – «гранатомет» (арм.) и др.

Тюркские слова, попадая в русский жаргон, подвергаются ассимиляции (освоению), как и любые иноязычные лексемы в том или ином языке. При освоении, как правило, изменяется произношение слова, например: **йки** – «два» (от общетюрк. **ике** – «два»); **айда** – «идём, пойдём» (от тат. **эйдә** – «пойдём»); **ёк, йок** – «нет; не имеется» (от общетюрк. **юк** – «нет; не имеется»); **бахт** – «счастье, удача» (от тат. **бәхет** – «счастье, удача, благо»); **юшá** – «что-л. промокшее, сырое» (ср. тат. **юеш** – «мокрый, влажный; сырой») и др.

Тюркские существительные, прилагательные и глаголы приобретают все грамматические признаки русской лексемы, получая соответствующие флексии, начиная изменяться по законам русской грамматики, обрастая русскими аффиксами, наиболее частотными в жаргоне. На это указывал ещё Н.К. Дмитриев. Он писал, что морфологическое оформление тюркских корней «производится по русской схеме» [1, 488]. Приведем примеры: **яманный, юманистый** – «скверный, негодный, плохой» (от тат. **яман** – «плохой, дурной, худой скверный; злой»); **ашаргать** – 1. «Есть, питаться». 2. «Питаться по пониженной норме, находясь под арестом или в заключении» (от тат. **ашарга** – «есть, грызть»); **алдыгачить** – «мошенничать» (от тат. **алдарга** – «обманы-

вать, обмануть»); **алыргать** – 1. «Скупать краденое». 2. «Воровать» (от тат. **алырга** – «брать, взять»); **сатыргать** – «реализовывать краденое» (от тат. **сатарга** – «продавать, продать; сбывать, сбыть») и др.

Некоторые тюркизмы такого рода входят в жаргонный лексикон, изменяя свою частеречную принадлежность и, соответственно, семантику: **иаг** – «огонь» (вероятно, от тат. **яг** – «зажги»); **харапай** – «большой переполох; шум, суета в крупных масштабах» (возможно, от тат. **харап** – «страшно, жутко»); **сиуган** – 1. «Мороз». 2. «Стыд, застенчивость» (вероятно, от тат. **суынган** – «остыл, замерз; остывший, замерзший») и т.п.

Многие освоенные жаргоном тюркизмы в свою очередь служат производящей базой для новых лексем, тем самым обогащая жаргонный лексикон. Укажем примеры: **урлачьё** – «хулиганы, агрессивные подростки» (от лекс. **урлак**); **урлацкий** – «хулиганский» (от лекс. **урлак**); **уркаганский** – «преступный, хулиганский», **уркаганить** – «заниматься преступной деятельностью; нарушать порядок, хулиганить»; (от лекс. **уркаган**); **кичманить** – «сидеть в тюрьме» (от лекс. **кичман**); **каракать** – «воровать» (от лекс. **карак**); **курсать** – «есть, принимать пищу» (от лекс. **курсак**); **ёкнуться** – «кончиться, израсходоваться» (от лекс. **ёк**); **джигитовка** – «один из приемов фигурного вождения мотоцикла» (от лекс. **джигит**); **майданить** – 1. «Торговать». 2. «Воровать на вокзале» (от лекс. **майдан**); **майданник, майданщик** – 1. «Вор, крадущий в поездах и на вокзалах». 2. «Вор, жулик». 3. Осужденный, тайно продающий наркотики и спиртное. 4. «Тюремный ростовщик». 5. «Содержатель притона» (от лекс. **майданить**); **майданница** – «вагонная воровка» (от лекс. **майданить**); **калымить** – «Подрабатывать; оказывать платные услуги, часто используя возможности, даваемые служебным положением» (от лекс. **калым** – 1. «Заработок». 2. «Приработок». 3. «Взятка»; букв. общетюрк. **калым** – «выкуп») и др.

Таким образом, наличие в русском жаргоне достаточно большого пласта жаргонизмов, содержащих тюркские корни, показывает, что данная подсистема русского национального языка является одной из самых «контактных», «восприимчивых», что в целом взаимодействие русского и тюркских языков проявляется во всех разновидностях этих языков, в том числе некодифицированных.

Литература

1. Дмитриев Н.К. Турецкие элементы в русских аргос // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Наука, 1962. – С. 483-502.
2. Елистратов В.С. Аргос и культура // Елистратов В.С. Словарь московского аргос. – М.: Русские словари, 2000 – С. 574 - 692.

© Н.В. Исмагилова, 2015

Стратегии переработки информации в процессе восприятия текста

Вопросы взаимосвязи интерпретации текстов и индивидуальных особенностей переработки текстового материала субъектом являются ключевыми в психолингвистических работах [8, 51-53]. Особое значение в процессе переработки информации имеет восприятие текста. Восприятие текста является сложным многоплановым процессом, от которого зависит дальнейшая обработка текста. В психолингвистике и психологии восприятие речи (текст в данном случае рассматривается как продукт речеобразования) определяется как система процессов информационной переработки текста, опосредующих его понимание. Эти процессы протекают параллельно на нескольких уровнях восприятия речи, взаимодействуя друг с другом. Восприятие речи имеет в качестве конечного результата создание образа содержания текста, зависящего не только от объективных характеристик этого текста, но и от психики воспринимающего текст человека и от той деятельности, в которую включены процессы восприятия речи в качестве её ориентировочного звена. Психологическая стратегия процессов переработки текстовой информации при этом может быть различной [6].

Г.П. Щедровицкий писал, что «мышление не может существовать вне языка, и в то же время оно не доступно внешнему восприятию, в то время как язык как система субстанциональных знаков представляет собой нечто доступное непосредственному восприятию и поэтому может служить исходным материалом в исследовании мышления. Мышление и язык – два феномена, которые находятся во взаимной зависимости по отношению друг к другу. Мышление дано прежде всего в языке, но и язык находится в неразрывной связи с мышлением» [14, 57]. Язык рассматривается как проявление мышления, то есть особенности того или иного способа мышления проявляются в языке, мышление оказывает непосредственное влияние на явления, происходящие в языке. Следовательно, изучение проявлений стратегий переработки информации в процессе восприятия текста требует обращения к понятийному аппарату исследований мышления.

Полагаем, что использование стратегий переработки информации текста обусловлено аналитической и синтетической стратегиями мышления: аналитичность соотносится с более объёмной, а синтетичность (полярное понятие) – с минимальной расчленённостью понятийной сферы [2, 5].

«Анализ и синтез (от греч.разложение и соединение) – в самом общем значении процессы мысленного или фактического разложения целого на составные части и воссоединения целого из частей» [13]. Анализ и синтез играют важную роль в познавательном процессе и осуществляются на всех его ступенях. В мыслительных операциях анализ и синтез и выступают как логические приемы мышления, совершающиеся при помощи абстрактных понятий и тесно связанные с рядом мыслительных операций: абстракцией, обобщением и т. д.

Анализ и синтез пронизывают все формы познания действительности. Данные формы познания действительности лежат в основании развития многих дисциплин: физики, химии, биологии, социологии и др. При этом анализ являлся первичным по отношению к синтезу. Тем не менее, в современной научной парадигме синтез признается определяющим в познании мира: «Способность к синтезированию, к выявлению общего, имеет огромное значение в познании мира. Мы были бы не в состоянии обнаружить ни одного нового факта или явления в нашей жизненной практике, если бы мы не опирались в процессе познания на некоторые общие черты и особенности предметов материального мира, познанных нами ранее. Таким образом, знание общего используется как средство познания нового» [14, 168].

В языкознании понятия синтетизма и аналитизма находятся в центре внимания, прежде всего лингвистической типологии. Лингвистический энциклопедический словарь определяет аналитизм следующим образом: аналитизм – противопоставляемое синтетизму типологическое свойство, проявляющееся в раздельном выражении основного (лексического) и грамматического, словообразовательного значений слова [7, 31]. Кроме того, термины «аналитизм» и «синтетизм» используются в лингвистике и в логическом значении. Аналитическим называется суждение, истинность которого определяется значением составляющих его слов, в котором предикат образован путем анализа свойств субъекта, синтетическим – предикат которого выражает признак, не обязательно связанный с субъектом и истинный лишь в определенной ситуации [там же].

Мысль о взаимообусловленности анализа и синтеза имплицитно присутствует в высказывании В. фон Гумбольдта: «Сущность мышления состоит и в разятии своего собственного целого; в построении целого из определенных фрагментов своей деятельности; и все эти построения взаимно объединяются как объекты, противопоставляясь мыслящему субъекту» [3, 301].

Впервые вопрос об операциях анализа и синтеза в контексте рассмотрения различий мыслительных стратегий поставил С.Л. Рубинштейн [11]. В дальнейшем идея индивидуальных мыслительных страте-

гий получила развитие в когнитивной психологии в понятиях когнитивных стилей [1, 77], а также в психолингвистике: «Множество смыслов сообщения связано с особенностями индивидуального сознания языковой личности, они порождаются различными индивидуальными стратегиями реципиентов, актуализуемыми при понимании текста любого типа» [9, 78].

Г. Клаус в рамках исследования мыслительных стратегий вводит понятия «полезависимых» и «полenezависимых» индивидов: «...нивелирующее восприятие является по преимуществу «целостным», оно чаще наблюдается у «полезависимых» людей. «Заострение» же связано скорее с «аналитическим» восприятием и обычно сочетается с «полenezависимостью» [5, 55].

Для «синтетиков» характерна быстрота в решении задач, что связано с быстрой идентификации новой структуры со структурами личного опыта. Данные структуры в понятийной сфере «синтетиков» не имеют строгой, четкой иерархии, в отличие от аналитиков. Поэтому «в решении образных нерешаемых задач для «синтетиков» характерны самые быстрые решения при помощи поисковых проб в мысленном плане и использовании разнообразных маршрутов поиска (наиболее экономичные решения)» [10, 21]. «Аналитики более ригидны и нетерпимы к изменениям в сформированных понятийных системах, испытывают большую потребность в точности и нетерпимы к неопределенности. В отличие от них личности с низкой дифференциацией (стремящиеся действовать на осознании сходства) менее «строги» в упорядочении своего жизненного опыта в понятиях» [2, 91].

Наличие аналитического и синтетического стиля мышления в процессе восприятия текста подтверждается экспериментальными исследованиями. В контексте рассмотрения предпочтительных и периферийных вариантов членения семантического пространства текста [4] были описаны аналитическая и синтетическая стратегии членения семантического пространства текста; выявлен комплекс признаков использования данных стратегий; установлено, что обращение к аналитической стратегии дискретизации семантического пространства обуславливает наличие его уровневой иерархии, элементы которой имеют свою структуру, при этом информант больше опирается на личный опыт, а контекст становится для него менее релевантным. При использовании синтетической стратегии в процессе осмысления текста информант находится под влиянием контекста, проявляет тенденцию к оцельнению семантического пространства текста.

*Исследование выполнялось при финансовой поддержке РГНФ
(проект №15-34-01299)*

Литература

1. Белоусов, К.И. Семантическая организация текста и его восприятие в аспекте моделирования / К.И. Белоусов // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005. – № 8. – С. 120-129.
2. Голубева, Э.А. Способности и склонности: комплексные исследования / Э.А. Голубева – М.: Педагогика, 1989. – 200 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Ичкинеева Д.А. Аналитическая и синтетическая стратегии членения семантического пространства текста//Филология и человек. 2011. № 4. – С. 171-178.
5. Клаус, Г. Введение в дифференциальную психологию / Г. Клаус. – М.: Педагогика, 1987. – 176 с.
6. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос.энцикл., 2002. – 709 с.
8. Овчинникова И.Г. Вариативность интерпретации смысла текста. С любовью к тексту. – Уфа: Восточный университет, 2006. – С. 51-63.
9. Пешкова, Н. П. Интерпретация и комментирование текста в связи с многозначностью его содержания и смысла / Н.П. Пешкова // Вестн. ВЭГУ. – 2007. – № 1. – С. 74-79.
10. Протасов, В.В. Проявление когнитивного стиля личности в особенностях решения мыслительных задач: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19. 00. 06 / В. В. Протасов – Барнаул, 2000. – 22 с.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер Ком., 1998. – 688 с.
12. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
13. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М. : Сов.энцикл., 1983. – 840 с.
14. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий; ред. и сост. А.А. Пископфель, Л.П. Щедровицкий. – М.: Шк.Культ.Полит., 1995. – 800 с.

© Д.А. Ичкинеева, 2015

Л.М. Ишмуратова
БашГУ, Уфа, Россия

Влияние иноязычных заимствований на пополнение словарного состава английского языка

Процессу заимствования как языковой проблеме было посвящено много работ русских и зарубежных лингвистов: Л.В. Щербы, А.А. Потебни, А.А. Реформатского, Фердинанда де Соссюра и многих других. А.А. Реформатский в книге «Введение в языковедение» писал: "Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы

только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные. В разных языках и в разные периоды их развития процент этих "не своих" слов бывает различным" [1, 4]. Изучение современных процессов заимствования и сопоставления с процессами прошлых этапов существования языка даёт возможность показать тенденции языкового развития, говорить о сопоставлении внутриязыковых и экстралингвистических факторов в определённые периоды развития языка. К.Бруннер отмечает, что на развитие английского языка иностранные языки оказали гораздо большее влияние, чем на развитие многих других европейских языков. Оно обусловило не только состав современной английской лексики и способы современного словообразования, но, по - видимому, способствовало также тому, что английский язык в большинстве случаев отказался от старого индоевропейского способа выражений функций в предложении с помощью флексий, а нашёл для этого другие средства [2]. Таким образом, иностранные языки повлияли и на английский синтаксис. Подсчитано, что число исконно английских слов в английском словаре составляет всего около 30%. Одних только французских слов, заимствованных до 16 в. и, фактически, вошедших в основной словарный фонд – 60% и, поэтому, они не считаются заимствованными в современном английском языке. С точки зрения словарного состава, следует классифицировать современный английский язык как язык международного происхождения. Но всё же англо-саксонское наследие преобладает и, кроме того, грамматический строй, по существу, германский, почти не затронут иностранным влиянием. Поэтому английский язык правомерно относится к современной германской группе языков в общей международной семье языков [4]. Роль заимствований в различных языках не одинакова и зависит от условий развития и функционирования каждого языка.

Первый из иностранных языков, оказавших влияние на английский язык, был латинский. Англо - саксы особенно хорошо ознакомились с ним благодаря принятию христианства. С тех пор, это влияние никогда не прекращалось, оно вновь усилилось в эпоху гуманизма. Первоначально заимствования из латинского языка происходили путём устного общения, и латинские слова, воспринимавшиеся на слух, оформлялись по фонетическим нормам древнеанглийских диалектов и подчинялись их грамматическим правилам, т.е. полностью ассимилировавшись английским языком и уже в древний период вошли в его словарный состав, перестав осознаваться говорящими как чужие. Некоторые из латинских заимствований вошли в основной словарный фонд английского языка. Христианство стали распространять в Британии римские монахи в VII в. Новая религия принесла с собой много новых понятий и выражавших их новых слов. Большинство из них не были исконно латински-

ми, попав в латинский язык из греческого. Представители христианской религии были грамотными людьми, т.к. церковные обряды должны были совершаться на основании уставов, а проповеди произноситься на основании текстов священного писания, которое надо было уметь читать. Распространение грамотности на латинском языке и средневековой учёности отразилось на словарном составе английского языка, в котором появился целый ряд слов, заимствованных из латыни. Например, существительное **scōl** (*древнеанглийский*) – школа (лат. **scola** из греческого). Современное **school** представляет собой закономерное развитие *древнеанглийского* **scōl**. Буква **h** попала в написание этого слова вследствие стремления приблизить английский язык к латинскому, которое столь ярко проявилось в господствующих кругах английского общества в XVI в. Тогда же было латинизировано и написание слова "ученик" (**scholar**) древнеанглийское **scolere**). Написание целого ряда слов было изменено, чтобы показать близость английского языка к латинскому, считавшемуся верхом совершенства [3] В эти слова были введены новые буквы, не выражавшие никаких реально произносимых звуков, но внешне, графически приблизившие английское слово к латинскому языку (в результате графическое оформление слов сильно разошлось).

Заимствованные слова относятся, главным образом, к специальным областям знания и производства, обозначая, иногда, понятия, свойственные чужим народам и странам.

Заимствованные слова можно классифицировать:

- 1) по источнику заимствования;
- 2) по аспекту слова заимствования;
- 3) по степени ассимиляции.

Русские заимствования, проникшие в английский язык, как всякие другие заимствования, преобразуются в своём звучании и грамматической структуре, подчиняясь законам развития английского языка. Например, звучание таких слов, как **kopeck**, **knout** [**naut**], **sterlet** [**stə:lit**] преобразовано по законам английского произношения. Заимствованные слова преобразуются и в своей грамматической структуре. Большинство заимствованных из русского языка существительных оформляется по типу английских при помощи "s" или "es" (**mammoths**, **steppes**, **sables**, **ukases** [**ju:'keiz**]), образуя производные по тем же типам и моделям, что и английские: **silken**, **narodism**, **decembrism**.

Влияние русского языка на английскую лексику обычно делят на 2 или 3 большие эпохи:

<u>2 эпохи</u>	<u>3 эпохи</u>
1) дореволюционные заимствования	1) до Петра I
2) заимствования советской эпохи	2) от Петра I до предреволюционной поры

	3) от Октябрьской революции до наших дней.

Современный английский язык - продукт длительного исторического развития, в процессе которого он подвергался разносторонним изменениям, обусловленным различными причинами.

Заимствования из чужих языков – естественное и необходимое явление. Каждый временной отрезок характеризуется своим арсеналом заимствованных слов. Русские заимствования также сыграли большую роль в совершенствовании современной философской и политической терминологии всех языков, в том числе и английского.

Литература

1. Реформатский А.А. Введение в языковедение/ Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
2. Бруннер К. История английского языка. 2 тома в одной книге - 4-е изд. - ЛКИ, 2010. – 720 с.
3. Аракин В.Д. История английского языка: Учеб. пособие. - 2-е изд. - М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 272 с.
4. Ившин В.Д. Синтаксис речи современного английского языка. Смысловое членение предложения. – М.: Феникс, 2003. – 320 с.

© Л.М. Ишмуратова, 2015

Л.Н. Ишмуратова
БашГУ, Уфа, Россия

Функционально-когнитивный аспект категории орудийности в русском языке

Выбор данной темы продиктован необходимостью описания языковых категорий в функционально-когнитивном аспекте, то есть с учётом их поведения в речевой коммуникации с опорой на познавательную деятельность человека.

Функциональный подход способствует наиболее адекватному и полному описанию языка во всем его многообразии, предусматривает новую интерпретацию языковых единиц всех уровней и подсистем – лексики, словообразования, грамматики, позволяет выявить закономерности употребления языковых категорий, их участие в передаче содержания высказывания и дифференцировать словообразовательный материал на основе динамических свойств, ориентированных на употребление дериватов в речевой коммуникации.

Когнитивный подход к описанию языковых явлений основывается на положении о том, что язык есть функция человеческого интеллекта

и относится к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности человека.

Когнитивность понимается как свойство языка представлять в отвлеченном и обобщенном виде познанные человеком явления и свойства как окружающей действительности, так и внутреннего мира человека [1, 23].

В свете когнитивности каждая языковая категория рассматривается как отражение определенных пластов человеческого опыта, зафиксированных в языке. В связи с этим при анализе языковых категорий необходимо выявить, какую структуру знаний фиксирует каждая категория, какую роль играет в сжатии и развертывании знаний, в различной степени их детализации и в достижении определенного прагматического эффекта [2, 37].

В основу данной концепции положены главные принципы языка – принцип отражения, иерархичность языковых категорий, взаимодействие лексики, словообразования, грамматики, антропоцентризм, когнитивность – всё это позволяет получить объемное представление о всех имеющихся в русском языке средствах выражения орудийности и особенностей их функционирования в речи.

Функционально-семантическая категория орудийности тесно связана с действием и входит в объемную функционально-семантическую сферу деятельности как её составная часть. Базу функционально-семантических сфер составляют концепты, то есть характерные для данного языка "стереотипы" сознания, обобщённые типы значения [4]. Эти обобщённые понятия можно рассматривать как семантические компоненты, с помощью которых описывается содержательная сторона слова.

Концепт "действие" «формирует обширную функционально-семантическую сферу и состоит из ряда крупных блоков, значительное место в которых принадлежит категории орудийности» [5, 239].

Лексика с орудийным значением образует одно из важнейших семантических полей, основной особенностью которого является то, что оно находится в постоянном развитии, пополняясь новыми лексическими единицами. Ядро поля орудийности, как его семантическую доминанту, образует лексическая единица *о р у д и е*, выражающая общее инвариантное значение "конкретный предмет, созданный руками человека и предназначенный для совершения тех или иных действий". На первом уровне членения ЛСПО выделяются объемные функциональные разряды, конкретизаторами которых выступают слова: *и н с т р у м е н т, п р и б о р, а п п а р а т, м а ш и н а, п р и с п о с о б л е н и е, м е х а н и з м* и т.д.

На следующих уровнях членения каждый функциональный ряд подразделяется на более мелкие подряды, характеризующие орудийные отношения по сфере употребления. Так, дифференциация понятия "инструмент" осуществляется в составных наименованиях: *слесарный, столярный, горный, ударный, музыкальный инструмент; измерительные, хирургические, медицинские инструменты* и т.д. Вокруг перечисленных ключевых слов и словосочетаний объединяются наименования конкретных орудий, которые образуют многочисленные лексико-семантические группы. Так, парадигму "столярный инструмент" образуют лексемы *долото, колун, обух, рапира, рубанок, тесло, топор, стамеска, скобель, шерхебель* и др.

Особо выделяется орудийная лексика собирательного значения, обозначающая "совокупность различных устройств, приборов, механизмов, приспособлений, применяемых в общественном производстве, отраслях того или иного рода, например: аппаратура, оборудование, техника, транспорт, каждый из которых образуют лексико-семантические группы: сельскохозяйственный транспорт, военный транспорт, санитарный транспорт.

В русском языке категория орудийности представлена богатой, разветвлённой системой, которая отличается значительным своеобразием в плане тематической классификации, способов номинации и особенностей функционирования.

Орудийная лексика по тематическому принципу подразделяется на макрогруппы – бытовые орудия жизнедеятельности (*зажигалка, молоток, кочерга, утюг, вилка, грелка, самовар, спицы*) и орудия общественной деятельности человека (*калькулятор, опылитель, радиатор, трактор, микроскоп, огнетушитель*), выделяющиеся по сфере функционирования, способу использования и принципу работы. Названия орудий общественной деятельности связаны со специальной лексикой, обслуживающей различные области профессионального общения. Можно отметить термины, относящиеся к медицине (*пинцет, стерилизатор, скальпель, электрокардиостимулятор, шприц*), сельскому хозяйству (*культиватор, плуг, серп, комбайн, сеялка, сноповязалка*), наименования, обозначающие музыкальные инструменты (*гусли, клавесин, саксофон, арфа, балалайка, скрипка, флейта*) и т.д.

Классификация способов использования орудия позволяет уловить отчётливую тенденцию в выборе средств выражения орудийного значения: каждому способу использования орудия соответствует определённая форма выражения (р е ж у щ и е – *сверло, секатор, нож, пила, топор, фреза*; т о ч и л ь н ы е – *брусок, напильник, точило*; и з м е р я ю щ и е – *ватерпас, линейка, рулетка* и т.д.). Технологические наименования орудий классифицируются по принципу работы (э л е к т р и ч е с к

и е – аккумулятор, вентилятор; механические – барометр, велотренажер; оптические – бинокляр, микроскоп, перископ, тепловизор и т.д.).

Функциональное описание лексики тесно связано с теорией языковой номинации, которая предполагает описание общих закономерностей образования языковых единиц, когнитивного аспекта взаимодействия мышления, языка и действительности в этих процессах, роли человеческого фактора в выборе признаков, лежащих в основе номинации.

Обозначения орудийных значений характеризуются значительным своеобразием. Для наименования предмета-орудия может быть использовано исконное непроизводное слово (*нож, коса, жерлица, пила*) или заимствование (*флюгер, ятаган, рапира*).

Частотными в макросистеме орудий являются производные слова, образованные по определённым словообразовательным моделям. Орудия тесно связаны с трудовой деятельностью человека, то есть с действием, поэтому чаще всего в словообразовательных моделях мотивирующей основой является глагол. Самыми продуктивными в наименованиях действия являются суффиксы *-тель* (*очиститель, выключатель, рыхлитель*), *-к(а)* (*вертушка, скрепка, молотилка*), *-ник* (*пробойник, будильник*) и др. В наименования орудий труда включаются не только названия действий, но и объектов, которые охватываются действием: в таких случаях образуются сложные слова (*зерносушилка, мясорубка, ножеточка, бомбодержатель, лесопогрузчик, светоловушка*). Широко представлены сложные слова с усечёнными основами (*газовоз, болотоход*), а также с заимствованными опорными компонентами (*арифмометр, кодоскоп, барограф*) и т.д.

В составных наименованиях орудийного значения прилагательное указывает на метод или способ, при помощи которого носитель действия осуществляет своё назначение (*моторная лодка, пневматическое оружие, роликовые коньки, маятниковые часы*); дифференцирует орудие по величине, грузоподъёмности и мощности (*короткоствольный автомат, тяжёлогрузное судно, маломощный мотор*); указывает на скорость движения орудий или расстояние, протяжённость действия орудий (*быстроходный комбайн, сверхзвуковой истребитель, длинноволновый приёмник, глубоководный термометр*); характеризует орудие по форме (*остроконечная кирка, плоскодонная лодка*); указывает на количественный признак орудия (*одномачтовое судно, шестизарядный карабин*) и т.д.

Таким образом, в лексической микросистеме орудий труда «ярко выражен функциональный принцип номинации, обусловленный тем, что в лексемах проявляется связь с действием» [5, 61].

Особенностью слов с орудийным значением является то, что в составе предложений они употребляются с глаголами действия и движения [5, 45]. Сочетание орудийной лексики с определёнными разрядами глаголов позволяет выявить типологию ситуаций с орудийным значением.

Общеорудийная ситуация обозначает процесс использования и применения орудий: *использовать приборы, пользоваться телефоном, воспользоваться лодкой, водить машину*.

Конкретно-орудийная ситуация отражает действия, выполняемые с помощью специально приспособленных для этого орудий: *резать хлеб ножом, копать землю лопатой, тесать бревно топором, сверлить отверстие на токарном станке, чистить ковёр пылесосом*.

Регулятивная (исполнительская) орудийная ситуация раскрывает последовательные взаимосвязанные фазы деятельностного акта: процесс подготовки функционирования (*приспособить механизм, установить деталь на станке, настроить прибор, испытывать двигатель, включить мотор, подготовить самолёт к полёту*), функционирование (*сигнализация действует, станок работает*), ликвидацию функционирования (*выключить телевизор, заглушить машину, остановить поезд, уничтожить аппарат, взорвать корабль*).

Результативная орудийная ситуация является последней фазой деятельностного акта, осуществляемого субъектом действия: *изобретать машину, совершенствовать механизм, вырезать ножом фигурку, заточить топором колья*.

Оценочная орудийная ситуация выражает положительную или отрицательную характеристику предмета, обусловленную признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям: *исправный мотор, негодный механизм, надёжный двигатель, испорченный прибор, испытанный аппарат*.

Ситуация движения, в которой участвуют транспортные средства, передаёт общий способ осуществления действия и характеризует перемещение чего-либо в определённом направлении. Способы использования того или иного транспортного средства конкретны и узуальны. Любое указание на тип предмета, с помощью которого осуществляется передвижение в пространстве, сопряжено с представлением о свойствах предмета и среде, в которой движется предмет: *лететь самолетом, ехать автобусом, плыть пароходом, нестись на моторной лодке, тащиться на тракторе, отплыть на яхте, приблизиться на шлюпке к причалу*.

В микроситуациях в орудийном значении могут выступать наименования, обозначающие предметы, существующие в природе (*палка, хворостина, дубина, жердь, шест, кол, прут, трость*).

Такие структуры выполняют весьма значимую роль в функционировании языка: они помогают устанавливать связность текста и прогнозировать события на основе уже встречавшихся сходных событий [1, 67].

Таким образом, рассматривая семантическую категорию орудийности с позиций функционально-когнитивного аспекта, мы получаем объёмное представление о всех имеющихся в языке средствах выражения данного значения.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука. – 1980. – 299с.
2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука. – 1984. – С. 62-65.
3. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – 1988. – Вып. 23. – С. 5 – 11.
4. Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке. – Саратов, 1985. – 160 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. – Уфа, 2002. – 343 с.
6. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics // Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. – С. 239-243.

© Л.Н. Ишмуратова, 2015

О.А. Каинова

РУДН, Москва, Россия

Образ Кармен в поэзии А. Блока

Литературные интерпретации образа Кармен и связанной с героиней темы любви представляют собой сверхсложные объекты изучения, так как они выстраиваются в процессе многократного кодирования. Напомним, что изначально образ Кармен, благодаря Просперу Мериме, появляется в литературе. Вторую жизнь героиня получает в опере Жоржа Бизе. В результате кодирования текста литературы в оперный значительная структура удваивается, усложняя семантику текста. И затем кодирование конгломерата, возникшего на пересечении иносемиотических кодов литературы и оперного искусства, в литературное произведение (последующие литературные обработки образа) вызывает дальнейшее расширение потенциала текста и усложнения семиотической структуры передаваемого сообщения [1].

Как отмечали знатоки творчества Блока, в основу Кармен положены сразу три сюжетные линии: литературная, музыкальная и биографическая. Сложность раскрытия многообразных смыслов произведения заключается в выявлении сюжетной коллизии, которая образуется на пересечении смыслов, формируемых не только, как отмечает Анастасия Кулик, тремя сюжетами-источниками, но также иносемиотическим характером этих источников.

Лирический цикл Кармен написан Блоком за неделю, с 24 по 31 марта 1914 года, под влиянием знакомства поэта с Любовью Александровной Андреевой-Дельмас – одной из русских исполнительниц партии Кармен в опере Бизе. Как отмечает Ефим Эткинд, чтение стихотворений в хронологической последовательности (согласно датам, поставленным под каждым отдельным стихотворением [2]) позволяет посмотреть на произведение в связи с определенным эпизодом из жизни Блока. Однако при таком прочтении мы упускаем из виду композицию поэмы, что не позволяет посмотреть на Кармен как на строго организованное с формально-композиционной точки зрения целое с глубоким, выходящим далеко за рамки воспроизведения эпизода из биографии поэта, смыслом.

Анастасия Кулик, подвергая тщательному анализу Кармен, отметила невозможность прямой соотнесенности цикла Блока с новеллой Мериме или оперой Бизе на уровне сюжета, так как литературный и музыкальный жанры предполагают сюжет эпический, который невозможно воспроизвести в лирическом цикле в пределах десяти стихотворений. Кулик воспринимает эпическое начало темы Кармен как каркас для лирической интерпретации, созданной Блоком. Исследовательница, ставя в центр внимания проблему воспроизведения эпического сюжета в лирическом цикле, сводит вопрос о воздействии оперы Бизе на произведение Блока к проблеме влияния либретто на лирический сюжет. Наша задача состоит в том, чтобы доказать, что Кармен Блока не сводится к простой сумме сюжета новеллы Мериме и либретто Мейлаха и Галеви, а является непосредственной поэтической реакцией на исполнение партии Кармен Андреевой-Дельмас, т.е. на конкретное сценическое воплощение образа.

Цикл Кармен посвящается именно Любови Александровне Дельмас, чье исполнение партии Кармен восхитило Блока, и чей облик соответствовал представлению поэта о внешности обольстительной и неукротимой цыганки. О том, что образ вольной, загадочной, страстной цыганки волновал Блока еще до знакомства с Дельмас, свидетельствует стихотворение «Как океан меняет цвет» [2], задуманное и набросанное за шесть лет до знакомства с певицей. Но только под влиянием страстного исполнения партии Кармен Дельмас стихотворение было завершено в нынешнем виде и послужило прологом к циклу Кармен.

Блоковский образ Кармен возникает и за счет его сценической интерпретации, данной Дельмас. Несомненно, Блок оставался под огромным впечатлением исполнения арии названной артисткой и в восторге от ее красоты.

Итак, Блок, используя уже готовый образ, обладающий известной читателю и зрителю семантикой, эмоциональностью, сюжетной завершенностью и целостностью, заполняет его новым эмоциональным, лирическим содержанием и переживанием, возникшим под влиянием оперного исполнения истории вольнолюбивой цыганки. Имя Кармен дало поэту возможность показать перспективу предшествующей культурной традиции. Причем, эпический, в основном, оперный сюжет стал только фоном для другой – лирической ситуации.

Литература

1. Прозорова Н.И. Вечные образы / Н.И. Прозорова // Культурология: энциклопедия. – Т. 1. – М., 2007. – С. 358–360.
2. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. – Ташкент: Укитувчи, 1986. – 528 с.

© О.А. Каинова, 2015

Р.И. Камалов, Г.В. Салимьянова
БашГУ, Уфа, Россия

Лингвистическая реализация мистического пространства в художественном переводе (на материале романов Н. Готорна)

Целью предпринятого исследования является анализ языковых особенностей «мистического» пространства в романах американского писателя Натаниэля Готорна. Работа с романами в подобном ракурсе не проводилась, что определяет тем самым актуальность проблемы исследования.

«Мистическое» пространство, под которым мы понимаем пространство потустороннего мира и всё, что с ним связано, встречается во всех романах Готорна.

В романе «Мраморный Фавн» мистическое пространство представлено катакомбами с похороненными в нишах усопшими и бродящими призраками. В одной из глав встречается такой атрибут мистического пространства, как призрак, бродящий по катакомбам и разговаривающий с героями, случайно попавшими туда:

Among all this extinct dust and <u>the darkness</u> , there might perchance be a thigh bone, which crumbled at a touch; or possibly a skull, grinning at its own wretched plight, as is the ugly and empty habit of the thing [6].	Посреди этого праха попадались иногда кость, рассыпавшаяся от прикосновения, иногда череп, ухмыляющийся, по своей неприятной и глупой привычке, над собственной своей жалкой участью [2, 20].

Заметим, что переводчик опустил перевод существительного *the darkness* (*ночная темнота*), что несколько исказило восприятие мистического пространства. Атрибутами мистического пространства в произведении выступают такие существительные, как призраки, привидения, кости, череп, подземелье, могилы, захоронения и другие.

Также представляется уникальной мистическая сцена сияния алой буквы в небе в романе «Алая буква». Готорн изображает душевную боль пастора Димсдейла, когда создаёт в небе «проекцию» алой буквы «А». Как справедливо отметил Ю.М. Лотман, «зримое – лишь символическое воплощение незримого» [4, 356]. Тем самым автор передаёт «незримое» внутреннее состояние Димсдейла через «зримое», либо «внешнее», а именно – тускло-красное сияние буквы «А», то есть «внутреннее» состояние человека спроецировалось на «внешнем» уровне. Готорн словно напоминает Димсдейлу о том, что не только Эстер виновна в прегрешении, но и он, пастор, должен нести наказание. Проведём сопоставительный анализ части этой сцены в оригинале и переводе:

We impute it, therefore, <u>solely to the disease in his own eye and heart</u> that the minister, looking upward to the zenith, beheld there the appearance of an immense letter--the letter A--marked out in lines of dull red light [7].	Поэтому мы объясняем <u>только болезнью глаз и сердца</u> пастора то, что он, устремив свой взор к небу, увидел там изображение огромной буквы, тускло-красной буквы «А» [1, 160].

Обратим внимание на фразу “solely to the disease in his own eye and heart”, на русском языке она звучит так: «только болезнью глаз и сердца». Полагаем, что переводчиком допущена небольшая неточность: не глаза болели у пастора, а боль была именно в его глазах и сердце, которая словно отразилась на небе в форме кровавой буквы.

Особым типом мистического пространства выступает в романе и пространство кладбища, которое испокон веков используется для погребения людей и приобретает в контексте романа дополнительный символический оттенок. На погосте происходит некое пересечение реального и мистического пространств. Интересной представляется сцена в романе, в которой маленькая Перл скачет с могилы на могилу и пляшет на них:

She now skipped irreverently from one grave to another, she began to dance upon one of it [7].

Она непочтительно перескакивала с одной могилы на другую, и начала на одной из них плясать [1, 143].

В этом примере локализуется пространство кладбища с его неотъемлемой атрибутикой: *graves, tombstone*. Глагол *skip* содержит пространственную семантику «прыгания в пространстве». Подобная сцена, на первый взгляд, кажется возмутительной, ибо кладбище – это место, где хранится память об ушедших из бренного мира людях, поэтому веселиться, прыгать по могилам представляется аморальным. Однако Готорн, изображая маленькую девочку прыгающей по надгробиям, пытается показать читателю греховность своих персонажей и донести до героев, совершивших грехопадение – Димсдейла и Эстер – то, что они стали жертвой смертельного греха, а живое воплощение греха – их дочь Перл. В христианской доктрине прелюбодейние наравне с чревоугодием, тщеславием, гордынею и другими пороками является смертным грехом, поэтому Готорн показывает, как чистая, непорочная девочка «прыгает» над «смертью», которая ожидает грешников. Таким образом, у Готорна происходит трансформация образа кладбища: пространство, изначально предназначенное для тишины и спокойствия, превращается в место для веселья и радости.

Образ кладбища упоминается в романе «Алая буква» почти с первых строк: отцы города Бостона «разбили первое своё кладбище на участке Айзека Джонсона, чья могила послужила ядром, вокруг которого впоследствии начали располагаться могилы всех прихожан старой Королевской церкви» [1, 74]; и также образ кладбища замыкает произведение, образуя, тем самым, некий условно кольцевой образ в романе. В конце романа Готорн описывает на пространстве кладбища погребённых Эстер Прин и Артура Димсдейла, однако между их могилами был промежуток:

As if the dust of the two sleepers had no right to mingle [7].

Словно и после смерти прах этих двоих усопших не имел права смешаться [1, 232].

В этом примере представляется интересным глагол *to mingle*, который обозначает *if two feelings, sounds, smells etc mingle, they mix together with each other (LDCE)*, на русском языке *смешаться*, то есть автор употребляет данный глагол, чтобы показать, что два пространства не могут взаимодействовать или пересекаться друг с другом.

Автор, помещая героев из реального пространства в мистическое, загробное пространство, не позволяет им воссоединиться и там, но «общая надгробная плита служила им обоим» [1, 232], и, как полагаем, являлась неким образным связующим «мостом» в мистическом мире меж-

ду личными пространствами двух некогда любивших друг друга героев, плита также демонстрировала нечто общее, что объединило героев и это общее – грех!

Таким образом, атрибутикой мистического пространства в этом романе становится синонимический ряд существительного ghost (призрак) – spectre, spirit, demon, phantom, shade и другие, а также существительного cemetery (кладбище) – churchyard, graveyard.

Примечательно, что дом, в котором поселились Роджер Чиллингуорт и Артур Димсдейл, граничил с кладбищем. В этом доме Готорн структурно как бы «сталкивает» два пространства: мистическое и реальное. Мистическое пространство представляет Чиллингуорт, сравниваемый автором с дьяволом, сатаной или его посланником. А само кладбище, как нам представляется, служит «подпиткой» из потустороннего мира для дьявола, который бродит возле могил и собирает произрастающие на них травы, чтобы делать из них эликсиры для врачевания. Здесь же автор повествует о том, что Чиллингуорт собрал растения с одной безымянной могилы, где не было надгробья, а только «одни эти уродливые травы» [1, 141], причём Готорн повествует о том, что эти травы произрастали из сердца покойника и воплощали некую омерзительную тайну, которую тот свёл в могилу:

They grew out of his heart, and typify, it may be, some hideous secret that was buried with him, and which he had done better to confess during his lifetime [7].

Надо думать, они выросли из его сердца и воплощают какую-нибудь омерзительную тайну, погребённую вместе с ним. Лучше бы он исповедался в ней при жизни! [1, 141].

Подобным уникальным сравнением писатель, используя пространственную характеристику, передаёт внутреннее состояние человека на «внешний» уровень посредством другого предмета, который выражает его душевные переживания и тайны и является своего рода отражением в реальном мире характеристики образа человека, ушедшего в мистический мир.

Таким образом, сопоставив тексты оригиналов с их переводами, мы убедились в том, что мистическое пространство находит особое языковое выражение в художественных текстах Н. Готорна. Пространственные отношения в переводе романов в процессе перевода зачастую остаются неучтёнными, например, при переводе могут опускаться какие-либо объекты мистического пространства, сужаться описания пространственных конструкций, в связи с чем утрачивается пространственная составляющая и, соответственно, снижается смысловая насыщенность художественного произведения.

Литература

1. Готорн Н. Алая буква: романы, новеллы / Н. Готорн. – М.: Эксмо, 2006. – 542 с.
2. Готорн Н. Мраморный Фавн / Готорн Н. – СПб.: типография Глазунова, 1860. – 294 с.
3. Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. – Уфа: РИЦ БашГУ, 1992. – 172 с.
4. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – 551 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. – Екат.: Урал-Советы (Весть), 1994. – 800 с.
6. Hawthorne N. The Marble Faun [Электронный ресурс] / N. Hawthorne. – Режим доступа: <http://www.eldritchpress.org/nh/mf.html>.
7. Hawthorne N. The Scarlet Letter [Электронный ресурс] / N. Hawthorne. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/33/pg33.html>.
8. Longman Dictionary of Contemporary English / director Della Summers. – Harlow: Pearson Education Limited, 2003. – 1950 p.

© Р.И. Камалов, Г.В. Салимьянова, 2015

Ю.М. Камильянова
БашГУ, Уфа, Россия

Роль публицистических текстов в духовном и нравственном образовании журналиста (на примере произведений Г.Д. Торо, Р.У.Эмерсона)

Само слово образование в русском языке происходит от слова «образ». «Считают, что слово образование это – калька немецкого «Bildung»: «Bild» тут – «картина», «образ», а значит все слово «просвещение». Но дело в том, что слово «образование» можно найти в церковных русских книгах уже в XVII веке, а туда немецкие влияния навряд ли могли проникнуть. Вероятнее прямая связь со старославянским «образовать» – «создать», «составить», от славянского же «образ» – «подобие» [2, 288]. Это предполагает, что истинное образование должно помочь человеку сформировать некую систему ценностей, выровнять свой образ, если говорить языком метафоры, привести его к определенной цели жизни. В этом смысле важен именно духовный нравственный образ человека, а не только образ специалиста в определённой профессии, своего рода «модель», к которой необходимо стремиться. Установки же современной образовательной системы далеки от этого высокого стандарта, т.к. часто в образовательной системе (как среднего, так и высшего образования) происходит подмена понятий: понятие «знание» подменяется простым информированием. В результате студенты поглощают по-

токи информации и учатся немного в этой информации ориентироваться. Конечная же цель – формирование системы ценностей – так и остаётся недостижимой.

Что можно сделать в системе современного журналистского образования для того, чтобы всё-таки попытаться формировать у студентов-журналистов ценностные духовные и нравственные ориентиры? Ведь сама профессия журналиста обязывает человека не просто следовать основным нормам общественных стандартов, но и, возможно, находиться чуть выше этих стандартов: быть сострадательным, чутким, справедливым, тонко улавливать гуманитарные проблемы, которые испытывает человек в социальном обществе, быстро и точно на них реагировать.

Хочется поделиться своим опытом в реализации непростой задачи – дать студентам-журналистам возможность обратиться к духовным и нравственным ценностям.

Благодатным в этом смысле является курс «История зарубежной журналистики», в рамках которого есть цикл практических занятий, основанный на изучении публицистических и журналистских текстов зарубежных писателей, публицистов, журналистов. Особенной удачей представляется обращение к текстам американских писателей трансценденталистов, на которых и хочется остановиться подробнее.

Трансцендентализм (лат. *transcendere* – переступать, букв. «переступающий»), выходящий за пределы возможного (не только индивидуально и в настоящее время) опыта, лежащий за пределами этого опыта, выходящий за пределы человеческого сознания») [3, 458] – философское, литературное явление в культуре США 1830-х годов, давшее основу целому направлению в искусстве и журналистике. Это движение стало своего рода реакцией на рационализм, коммерциализацию и материализм как основные установки в развитии культуры США 19 века. Кружок трансценденталистов, возникший в 1836 году, в небольшом городке Конкорд, был объединён идеями о необходимости утверждения в жизни и культуре духовных ценностей, вырастающих из различных священных писаний мира. Основной мыслью трансценденталистов была мысль о божественной индивидуальной природе человека, которая взаимосвязана со всем миром, с каждой его частицей. Необычайны и сами личности, представлявшие трансцендентализм и трансцендентальную литературу и журналистику. Среди них Генри Дэвид Торо (1817 – 1862) – писатель, философ, автор романа «Уолден, или Жизнь в лесу», написанного на основе личных впечатлений от того, как «я жил один в лесу, на расстоянии мили от ближайшего жилья, в доме, который сам построил на берегу Уолденского пруда в Конкорде, в штате Массачусетс, и добывал пропитание исключительно трудом своих рук. Так я прожил два года и два месяца. Сейчас я снова временный житель цивилизованного мира» [1].

Автор этого удивительного произведения основывается на утверждении о том, что в жизни человек может обходиться самыми простыми вещами, стремясь к минимализму, и, таким образом, он не будет тратить так много времени ради наживы и приобретательства, а время, которое отмерил ему Создатель, сможет посвятить саморазвитию и изучению природы человека и связей его с этим миром. Вся его жизнь и его работы – это своего рода вызов тогдашней цивилизации, так как Торо является поборником духовных ценностей, противником рабства, тотальной зависимости от государства и замкнутости человека в рамках той общественной системы, которая сложилась. Торо предлагает опираться на нравственные постулаты таких книг, как древнеиндийские «Пураны» (часть «Вед»), на «Ветхий» и «Новый Завет», труды Конфуция, изучая эти книги и извлекая из них практическое знание. Генри Торо оставил много афоризмов, среди которых, например, такие: «Человек богат пропорционально количеству вещей, которые он может позволить себе оставить в покое» – о довольстве малым; «Однажды меня спросили, что я думаю, и внимательно выслушали ответ, и это было самым большим комплиментом, который мне когда-либо делали» – об умении слушать, «Я не знаю более обнадеживающий факт, чем непрерываемые способности человека возвысить свою жизнь сознательной деятельностью» – о сознательности; «Каждый человек — это строитель храма, которым называют его тело» – о чистоте; «Для меня нет никакого сомнения в том, что человечество в процессе своей эволюции прекратит поедать животных так же, как когда-то дикие племена перестали поедать друг друга, когда они вошли в контакт с более развитыми» – о вегетарианстве; «Самые нежные растения прокладывают себе путь через самую жесткую землю, через трещины скал. Так и доброта. Какой клин, какой молот, какой таран может сравниться с силой доброго, искреннего человека! Ничто не может противостоять ему» и др.

Генри Торо был другом и учеником ещё одного трансценденталиста, который стоял у истоков этой школы, Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882) – американского эссеиста, писателя, философа. Эмерсон – автор знаменитого трактата «Нравственная философия», часть которого, эссе «Доверие к себе», предлагается студентам для обсуждения на практическом занятии. Опыт показывает, что это глубокое эссе, призывающее человека искать глубины своей внутренней природы и изучать духовные источники, очень позитивно действует на ребят. Достаточно предложить им для обсуждения только небольшой отрывок из текста, например: «В эпоху развития бывают минуты, в которые индивидуум ясно сознает, что подражание есть не что иное, как самоубийство, а зависть — незнание; что он обязан поверить в себя и, по доставшимся ему способностям, вывести итог, чем он хуже и чем лучше других. Он должен заранее убе-

даться в том, что, несмотря на обилие благ, находящихся в природе, его насытит только тот колос, который произрастает на почве, ему свойственной, и который будет взращен и пожат собственным его трудом. Человек счастлив только тогда, когда он может сказать, что исполнил свой замысел, что положил душу на труд свой и довел его до конца, как нельзя было лучше» [4]. Обсуждая истины, изложенные в этом отрывке, ребята расставляют для себя акценты в том многообразии деятельности, которая предлагается им в этом мире, они начинают размышлять над своей собственной целью в этой жизни, искать своё предназначение.

Эти два автора, представители направления трансцендентальной американской культуры, – лишь часть всего того богатства, которое можно предложить студентам на занятиях по истории зарубежной журналистике и прививать навык искать духовные истоки и нравственные критерии в творческой деятельности и в любых других видах человеческой деятельности. Очень важно, чтобы в текстах для анализа формирующийся человек смог увидеть ссылки на лучшие книги, на лучшие источники, которые смогут облагораживать его природу и подпитывать на протяжении всей дальнейшей жизни.

Литература

1. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу // <http://lib.ru/INPROZ/TORO/walden.txt>
2. Успенский Л.В. Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. – М.: АСТ: Зебра Е: Владимир: ВКТ, 2009. – 400 с.
3. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 576 с.
4. Эмерсон Р.У. Нравственная философия // http://www.krotov.info/library/26_ae/me/rson_01.htm#31

© Ю.М. Камильянова, 2015

Р.А. Каримова
БашГУ, Уфа, Россия

Фонетический аспект медиадискурса

Для освещения организации устных медиадискурсов, занимающих видное место в современной коммуникации, которое отражает роль этой формы речи в общественном сознании, значим опыт фоностилистики. Речевые произведения классифицируются ею [1, 151-152] по функциональным стилям исходя из целеустановки говорящего, ситуации общения, на основе чего подстили характеризуются по способам реализации. Из них наше внимание как весьма активные привлекают квазиспонтанная и спонтанная речь (и соответствующие дискурсы), тем более что это весьма существенная сторона порождаемого дискурса.

Чтобы выявить факторы динамизма в речевом произведении способов его реализации (квазиспонтанной и спонтанной речи) с учетом подвижности их границ, мы опираемся на результаты экспериментального анализа моделей фонетического слова квазиспонтантных текстов [2, 41-43] и в этой связи на факт близости более крупных параметров спонтанных и квазиспонтантных текстов, как-то: характер членения текста на синтагмы, высказывания и фоноабзацы; количество фразовых выделятельных ударений; мелодическое оформление синтагм; синтаксическая организация фоноабзацев и текста в целом [2, 41].

Наблюдения над динамизмом квазиспонтанного/спонтанного диалогического дискурса (объект которых – телеинтервью с К.Райкиным на канале «Россия. Культура» в рубрике «Главная роль», Х. 2015, в дни юбилея «Сатирикона») показали, что представление говорящим (К.Райкиным) его знания (отличающегося событийной и тематической насыщенностью) неоднородно по способу вербализации. Так, первую часть коммуникации (о постановке шекспировской пьесы режиссером Я.Ломгиным), отмеченную дистанцированностью говорящего от референта, являет дискурс с характерными знаками спонтанности. См.: ... я сам все-таки не полный хозяин ... этой постановки... // это э в общем [жест] работа ... мм Якова ... Ломгина как режиссера ... //; я доверил ему ... вот ... сделать ... так сказать такую попытку ... рискованную конечно ..., но очень интересную //.

Напротив, опора говорящего на образы, близкие его когнитивно-эмоциональной сфере и соответствующему опыту (т.е. с референтом другого плана), представляется вербально со значительным участием средств рассуждения/умозаключения, т.е. вербализация осуществляется посредством квазиспонтанной речи. См.: ... он [Макдонах] вообще написал семь пьес ... мм//

у него такой ирландский цикл ... /это ирландская трилогия – грандиозный ... //три [жест] просто великих пьесы он написал //... первая/ вторая и третья //

первая это была пьеса ээ / вот ... «Красавицы из Линейна» / или «Королева красоты»/ как она у нас называлась// это вообще первая пьеса / с которой он прогремел по всему миру// ээ да/ он жесткий драматург / жесткий эмм / заставляющий зрителя смеяться над тем / над чем смеяться не принято// вот в чем /так сказать/ я думаю / наибольшая сложность//.

Соответственно эти фрагменты различаются просодически: степенью синтагматической, фразовой членимости, насыщенности паузами и их видами, мелодическим оформлением, по представленности дискурсивных слов и элементов генерализации (в общем, вообще) – а также в семантико-грамматическом отношении (в частности, по характеру клю-

чевых слов дискурсивного поля, по представленности оценочной лексики и др.).

Литература

1. Златоустова Л.В. «Изменение моделей русского фонетического слова в квазиспонтанных текстах ораторского функционального стиля» // Тр. Междунар. конференции «Функциональные стили звучащей речи». М. 2005. –С. 41-43.
2. Златоустова Л.В. «Текст, дискурс, жанр, параметры их классификации» // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания РКИ. Мат-лы Междунар. н-пр. конференции. М.2007. – С. 150-152.

© Р.А. Каримова, 2015

Е.К. Кенесов

АРГУ им. К. Жубанова, Актобе, Казахстан

Фразеологизмы с компонентом-фитонимом в казахском языке

Художественно-эстетические идеалы казахов, связанные с фитонимами, реализуются в языке, в основе своей, через метафоризацию. По мнению Хасанова Б., метафоризация названий растительного мира в казахском языке не столь распространена, как метафоризация названий животного мира. Пожалуй, чаще всего эти слова метафоризируются при внесении в них терминологического значения: гүл (цветок), жеміс (плод), название цветов, фруктов, ягод, деревьев и трав. Названия овощей, как, например, брюква, морковь, свекла, горох и др., как замечает Хасанов Б., обычно не вовлекаются в метафоризацию [4].

Мы не можем полностью согласиться с мнением данного автора, поскольку все вышеприведенные примеры, так или иначе, являлись своего рода метафорами архаичных представлений казахов о растительном мире.

Исследователь казахской народной лирики Ф.Б. Кендыбаев приводит много метафор из флористического состава окружающей казахов природы. Ученый пишет: «Много в песнях метафор, которые обычно берутся из мира природы для характеристики всего облика девушки (чинар, тополь, береза, тал, лебедь, лиса, соловей). Причем эти метафоры имеют свои сложные эпитеты, показывающие исключительность. Например: «Шыңында өскен асқардың сен бір шынар» – «Ты – чинар, растущий на вершине горы», «Жапан дүзге сен біткен бір бәйтерек» «Ты – тополь, одиноко растущий в степи» (поэтому видный отовсюду, вспомним пушкинское сравнение: «как тополь киевских высот»), «Ойпаң жерге сен біткен жасыл қайың» – «Ты – зеленая береза, растущая на низине» (много влаги, поэтому пышная) [1, 17-19].

Надо отметить, что через качества и свойства растительного мира казахи передавали и душевные состояния, переживания человека. Так, у казахов со словами «расцветать» (гүлдену), или «распускать листву» (жапырақжау) связаны периоды роста, развития, взросления, а также ощущения свободы, радости и другие внутренние состояния человека.

Точно также слово «пожелтеть» (сарғау) «означает не только окрашивание в желтый цвет в буквальном смысле, но и является метафорой душевного спада, переживаний человека» [2, 312].

«Желтею» – обычное народное выражение тяжелых переживаний (желтеют растения, степь под жгучим солнцем). В работе дан подробный анализ приемов и средств выражения чувства тоски [1, 17].

Образность флористических метафор не только выражает красоту природы, но и «несет огромную значимость для воспитания человека, воздействуя на его душу, создавая особое поэтическое настроение и способствуя его эстетическим идеалам» [3, 1626].

Исследователь З.Б. Цаллагова обращает внимание также на эзотерическое влияние «малых» жанров фольклора на наше сознание. Автор уже несколько лет занимается проблемами этнопедагогики и этнопсихологии. По мнению ученого, этнически различающиеся регламентации сходных жизненных ситуаций являются как бы вариантами некой единой инвариантной основы, что можно проиллюстрировать сотнями примеров. Из числа приведенных Цаллаговой З.Б. примеров мы обращаем наше внимание на те народные афоризмы, в которых содержится лексический фитокомпонент. Вероятность, схожесть человеческих качеств по мере взросления с особенностями зарождения, взросления и отмирания дерева или растения, как формы жизни, легла в основу появления малых фольклорных форм, в которых присутствует лексический фитокомпонент. Так, - пишет Цаллагова З.Б. - проповедуя идею необходимости и эффективности раннего начала воспитания ребенка, основанную на обширном опыте и многовековой практике, различные народы в своих коротких назиданиях выражаются, в принципе, одними и теми же словами: *«Ветку гнут, пока она сыра, ребенка воспитывают, пока он мал»* (адыг.); *«Если не согнул прутом, не согнешь никогда колом»* (адыг.); *«Если пруток сырым не согнешь, сухим его не согнуть»* (абхаз.); *«Обруч, не свернутый из прутика, не свернешь из жерди»* (чечен.); *«Дерево гнется молодым (побегом)»* (осет.); *«Гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается»* (русс.); *«Гни кол, пока он тонкий, вырастет – согнуть не сможешь»* (балкар.); *«Если хочешь выпрямить дерево, делай это, пока оно молодо»* (японск.); *«Гни дерево, пока оно еще молодо, учи ребенка, пока он еще мал»* (армян.) [5].

В паремиологическом фонде казахского языка насчитывается немало идиоматических выражений с лексическим фитокомпонентом, выражающих художественно-эстетические идеалы народа. Надо отметить, что дерево у казахов несет как положительную, так и отрицательную коннотацию. К первому можно отнести такие народные афоризмы, как, например: *Ағаштан бал, шөптен сүт ағылды* (букв. «выжимать мед из дерева и молоко из травы»), так говорят об изобилии; *ағашқа мауе бітсе бәсең-бәсең* (букв. «чем старше дерево, тем ниже к земле опускается его крона»), т.е. о том, что человек по мере взросления становится более покладистым, черты его характера становятся более мягкими); *ағаштан түйін түйеді* (букв. «завяжет узел из дерева»), т.е. о человеке-мастере на все руки. К афоризмам с негативной коннотацией можно отнести: *ағаш атқа мингизу* (букв. «посадить на деревянного коня»), т.е. стать предметом всеобщего обсуждения/обсмеяния; *бидайша құырды* (букв. «обжарил так, как обжаривают бидай (пшено)») – эквивалент русскому «разделать под орех»; *шіе жегендей қылды* (букв. «как будто черешни (вишни) поел»), в значении «получить сильный удар в нос».

У многих народов при традиционном укладе жизни «особо весомая и действенная была значимость как благопожеланий, так и зложеланий» [2, 302]. У казахов-кочевников и скотоводов известно немало и первых, и вторых. Одним из благопожеланий, содержащих образно-поэтическое сравнение со свойством растений, можно назвать такие, как: *Жапырағыңжайылсын!* (Пусть распускаются твои листья!), или *үрім бұтағың көбейсін!* (Пусть разрастаются ветви твоего рода!).

Казахская флористическая картина мира таит в себе особенности архаического мышления и содержит информацию о духовных структурах, культурном коде и художественно-эстетических идеалах народа. Присутствующий в составе сакральной фитонимии, топонимии и антропонимии, образно-поэтических речениях, авторских решениях художественного текста и т.д., этот пласт лексики еще недостаточно хорошо изучен с точки зрения ее лингвокультурной информации, проливающей свет на опыт познания и освоения мира казахами через восприятие божественного мира растений, как одного из элементов в гармоничной природы.

Литература

1. Кендыбаев Ф.Б. Казахская народная лирика». Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1964
2. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. – Уфа, 2002. – 367 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). С. 1626-1627

4. Хасанов Б. Метафорическое употребление слов в казахском языке. Автореф...канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1964.– 19 с.

5. Цаллагова З.Б.Рецепты гармонии // Педагогика будущего. Культурно-просветительский журнал Дельфис. <http://www.delphis.ru>].

© Е.К. Кенесов, 2015

И.В. Кирсанова
УГАТУ, Уфа, Россия

Проблемы определения смыслового уровня интерпретации текстовой информации

На наш взгляд, обращение к различным аспектам построения моделей понимания текста зачастую приводит к теоретико-экспериментальному анализу лингвистических и психолингвистических работ, в которых полученные результаты свидетельствуют о выходе на уровень понимания смысла текста или его интерпретации. В свою очередь интерпретацию с позиций реципиента можно рассматривать как активно-деятельностный подход.

Как показали последние исследования с применением методики «встречного текста», предложенной А.И. Новиковым [5], одной из главных особенностей моделей понимания текстов разных типов стало соотношение содержательных и релятивных реакций, имеющих отношение к интерпретации содержания текста и формированию индивидуальных смыслов, соответственно [4, 3, 6]. Именно оценочные реакции, относящиеся к релятивным или смыслообразующим, наиболее значимы с точки зрения их участия в процессах восприятия и понимания текста, т. к. выражают отношение реципиентов к воспринимаемой информации. Отметим, что общее количество релятивных реакций составляет 56,2%, а реакции оценочного типа (в том числе в составе реакций других типов) – 25,7%.

В контексте данного теоретико-экспериментального исследования мы рассматриваем некоторые ответы испытуемых, которые были получены в ходе второго этапа эксперимента. Перед аудиторией была поставлена задача сформулировать смысл текста. С точки зрения действия механизмов восприятия и понимания смысла вполне правомерно считать процесс осмысления информации двусторонним процессом. Речь идет о влиянии текста как совокупности языковых средств на реципиента согласно замыслу автора, а также о построении «обратной проекции сознания на текст», что, по словам А.И. Новикова, и составляет его смысл [5].

Таким образом, применение данной методики и интерпретация результатов, полученных в виде разнотипных реакций, возникших при прочтении текста, позволяют сделать выводы о влиянии индивидуальных психологических особенностей читателей. Функционирование сложных механизмов поиска смысла и осознания смысла прочитанного речевого произведения связано с индивидуальными особенностями интерпретационной деятельности каждого реципиента.

В нашем исследовании было выявлено два основных способа построения смысла прочитанного текста, вербализованных в ответах испытуемых [4]. Первый способ связан с использованием реципиентами стратегии генерализации, при которой допускается обобщение с пропуском частных деталей в структуре содержания речевого произведения. Второй способ сводился к выделению некоторого смыслового компонента путем перестройки иерархии элементов содержания. Приходится признать, что в обоих этих случаях мы имеем дело, по сути, с новыми текстами, которые являются продуктом мыслительной деятельности реципиентов, и трактовать их как вариативные интерпретации. Несмотря на то, что в данной классификации различных формулировок не учитывается эмоциональная составляющая «встречных текстов», ее роль в процессах смыслообразования вполне очевидна.

Дальнейший анализ приводит к необходимости рассмотрения роли оценочного мышления.

Итак, обратимся к некоторым формулировкам смысла текста о разработках противоракетной обороны. Формулировки смысла, в которых присутствуют оценка или мнение о содержании текста в целом или его отдельных проблемах, о намерениях автора и т.п., можно условно назвать оценочными смыслами. Условно формулировки смысла можно разделить на группы с учетом оцениваемого объекта. Во-первых, речь идет об оценивании событий и проблем, которые автор описывает в тексте. Приведем несколько примеров подобного типа.

- *Очень рада за наших специалистов, за разработку наших систем и за охрану жизни людей. Ура, товарищи!*
- *Зачем такое писать!!! Вдруг прочтут американцы и украдут нашу разработку, это должно быть в секрете.*
- *Я думаю, что правительство всячески пытается защитить нас от мирового терроризма, но денег не хватит, чтобы реализовать это на всех лайнерах.*

Отметим, что научно-популярный текст, предложенный нашим испытуемым, был взят из журнала «Юный техник» и датируется 2007 годом, но, как показывает опыт последних лет, проблемы защиты людей становятся все более актуальными. Затрагивая вопрос о соотносительности текста и действительности и проводя исследование в настоящее время,

можно предположить, что оценочных реакций или оценочных формулировок смысла текста об оснащении авиалайнеров противоракетными средствами защиты было бы значительно больше.

Во-вторых, реципиенты выносят оценку самому тексту как совокупности формальных языковых средств, используемых для реализации авторской концепции. Например: – *Текст довольно патриотический. – Текст научно-публицистический, много про авиатехнику, довольно понятные слова.*

Следует отметить, что некоторые более поздние работы посвящены косвенному выявлению и анализу механизмов оценочного мышления [1, 3]. Учитывая типологический аспект и применяя методику «встречного текста» на материале библейских текстов, Я.А. Давлетова приходит к заключению о неразрывной связи процессов формулирования смысла с проявлением оценочного мышления индивида и полагает, что «оценочное мышление наиболее проявляется при восприятии и понимании текста библии» [2, 3]. Проводя некоторый сравнительно-сопоставительный анализ с данными, полученными автором, и учитывая влияние текста на его целостное восприятие реципиентами, мы также соглашаемся с выводами относительно доминирования оценочных механизмов, проявление которых можно обнаружить в реакциях оценочного типа, а также в формулировках смысла прочитанного.

Литература

1. Гибатова Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: дис. ... д-ра филол. наук. - Уфа, 2011.
2. Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: Дисс. ...канд.филол.наук. – Уфа, 2012. – 193с.
3. Давлетова Я.А. Роль оценочного мышления в процессе формирования смысла текста (на материале библейских текстов)//Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. [Электронный ресурс]; режим доступа <http://www.cyberlinka.ru> (дата обращения 24.11.15)
4. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания (на материале научно-популярного текста). Дисс. ...канд.филол.наук. Уфа, 2008. – 197с.
5. Новиков, А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания Текст. / А.И. Новиков // Вопросы психолингвистики. Текст: восприятие, понимание, интерпретация. М.: Институт языкознания, 2004. – №1. -С.64-70.
6. Пешкова Н.П. Интерактивная модель понимания в психолингвистике текста (практический опыт последнего десятилетия) // Материалы X Международного Конгресса ISAPL по прикладной психолингвистике. – М.: Институт языкознания РАН, 2013. – С. 148-149.

© И.В. Кирсанова, 2015

К вопросу об информативности онимической лексики

Современные научные исследования в области ономастики, не отвергая традиционного понимания онимической лексики, придают всё большее значение анализу онима как т.н. «вместилища знаний» [термин: 2, 5]. М.В. Горбаневский в связи с этим отмечает, что природа и многоплановость имени-текста имеют отношение не к лингвистике текста в её традиционном понимании, а к когнитивной стороне русской и общей лексикологии, к реализации языковой картины мира [2, 7]. По мнению М.В. Горбаневского, имена собственные обладают тенденцией к устойчивой актуализации представления о содержащихся в них фоновых и других лингвистических знаниях. Речь идет о том, что любой оним способен нести отдельные как лингвистические, так и нелингвистические знания.

С точки зрения Т.Н. Черноразовой, наименование и именование есть результаты мыслительных процессов, направленные на познание сущности, и это даже не само познание, а в лучшем случае упрощенное выражение тех или иных представлений (когнитивных событий) [3, 207]. В процессе номинации имена собственные как бы консервируют некоторый объем определенной информации, а при пользовании ими выдают эту информацию в виде цепочки сложных ассоциаций. Как правило, усвоение новой информации о мире осуществляется любым индивидуумом на базе той, которой он уже располагает. Следовательно, адекватное восприятие и понимание нового имени собственного обеспечивается за счет многообразных выводных знаний, т.е. за счёт мыслительных механизмов, заложенных в сознании человека.

М.В. Голомидова также подтверждает, что имя собственное манифестирует выводное знание, облаченное в специально предназначенную для него знаковую языковую форму. По её мнению, вербальное воплощение имени собственного – это лишь поверхностная структура комплексной семантики имени собственного («концепт имени»), выражающая глубинные концептуальные области [1, 34].

Исследование различного рода ассоциаций, связанных с восприятием и пониманием имени собственного, также чрезвычайно важно, т.к. ассоциации, имевшие место в момент создания имени собственного, как и связанные с именем в процессе его употребления в речи, широки и разнообразны. Они составляют комплекс, намного превосходящий круг ассоциаций нарицательных имен. Помимо ассоциаций, более или менее однозначно связывающихся у членов языкового коллектива с тем или

иным именем, в индивидуальном употреблении у каждого человека имеются и свои, особые и неповторимые ассоциации. Если единообразные исторические, политические, бытовые и другие коннотации, связывающиеся у коллектива с именем, по своей силе и яркости перерастают его прямое географическое или антропонимическое назначение, имя может превратиться в нарицательное.

Принято различать три типа информации имени. Первый тип – это речевая информация.

Речевая информация осуществляет связь имени с объектом и выражает отношение говорящего к объекту. Это – наиболее массовая и наиболее «поверхностная» информация имени, присутствующая всегда и для всех. Именно в силу своей массовости она весьма неконкретна, объемна, может меняться от одного говорящего к другому в зависимости от черт их характера и от экстралингвистических условий речевой ситуации.

Речевая информация имени предполагает, что первоначальное знакомство с объектом уже произошло; это – непереносимое условие для введения имени в речь.

Второй тип – это энциклопедическая информация, представляющая собой комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующемуся данным именем. Не имея имени, объект не может получить и энциклопедической информации, поскольку она связывается с объектом через посредство имени.

В ряде случаев (объекты со всемирной известностью) имена могут выступать даже своеобразными «заместителями» объектов. Энциклопедическая информация имени во многом субъективна и индивидуальна, так как не может быть объективной из-за индивидуальности восприятия. Для имен и объектов со всемирной известностью энциклопедическая информация будет значительно однороднее и больше по объему, чем для имен (и объектов) с локально ограниченной известностью.

К энциклопедической информации имени мы относим не только тот комплекс сведений, который появляется у говорящего в результате знакомств с объектом, но и сумму предварительной информации об объекте, которую он может получить, никогда не видев его.

И, наконец, третий тип информации имени – это языковая информация. Она является (кроме первичной и минимальной информации, что это имя) наиболее постоянной и неизменяющейся частью его информации и заключается в характере и составе компонентов имени.

Ю.А. Карпенко выделяет пять аспектов такой информации:

- 1) языковая принадлежность имени или слова, от которого оно образовано,
- 2) словообразовательная модель имени,

- 3) этимологический смысл,
- 4) выбор именно данной (а не другой) производящей основы,
- 5) локальная обстановка, ситуация в момент создания имен. [2, 9].

Все указанные типы информации лежат в разных планах и существуют независимо друг от друга.

Имена собственные содержат актуальную культурную фоновую информацию и связаны в сознании коммуникантов со многими признаками их носителей или заключают в себе свернутые сведения о той ситуации, с которой они связаны. В семантике имени собственного отражены идентифицирующие признаки референта, которые имеют социокультурную значимость. Ономастическая система выступает в качестве своеобразной призмы, через которую можно видеть общество и культуру, в ней отражается познавательный опыт народа, его культурно – историческое развитие. В то же время имена собственные, выполняя ряд схожих социальных функций, имеют свои особенности в каждом конкретном языке, входя в систему данного языка, развиваясь по его законам.

Имена собственные – феномен языка, включающий в себя экстралингвистическую информацию, которая может быть связана с денотатом имени, с пресуппозициями акта речи, отношением к денотату имени, с традициями употребления имени.

Литература

1. Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике: автореф. дисс. д-ра филол.наук. – Екатеринбург, 1998. – 50 с.
2. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексико-графического описания: автореф. дисс. д-ра филол.наук. – М., 1994. – 52 с.
3. Чернораева Т.Н. Когнитивный и психолингвистический аспект изучения региональной топонимии (на материале топонимии Приамурья) // Проблемы славянской культуры и цивилизации. – М., 2000. – С. 209-209.

© Е.В. Кортунова, 2015

Ф.С. Кудряшева
БашГУ, Уфа, Россия

О социолингвистической вариантности языковой нормы

Многочисленный эмпирический материал показывает, что вариантность составляет основное свойство системы языка. Именно эта категория устраняет разрыв, возникающий во взаимоотношениях между системой языка и речью, придает первой более реальные контуры. Языковая система принимает во внимание вариантность реальной речи и

создает такие принципы системного описания языка, при которых противоречие между системой языка и объективной речевой реальностью снимается.

Антропоцентризм современной лингвистики показал необходимость исследования языковой личности в широком социальном контексте, который детерминирует выбор языковых средств. Л.В. Щерба, отмечая социальную природу как языковой системы, так и речевой деятельности, пишет, что «сама эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью, является социальным продуктом [5, 25]. По его мнению, в языковой системе присутствует «социальная ценность», объединяющая всех членов языкового сообщества. Она пронизывает все уровни языка и отражается в вариантных языковых средствах.

Варьирование языка создает своеобразные корреляции между социальными отношениями в обществе и языковыми формами, употребляемыми членами общества при коммуникации. У некоторых лингвистов эти взаимоотношения приобретают изоморфный характер, проявляющийся в аналогии между структурой языка и структурой общества, которое воздействует на языковое поведение членов коллектива и остается в подсознании (Ф.К. Бок). Однако не следует настолько упрощать эти взаимоотношения. Проведение корреляции между языковой структурой и структурой социальной позволяет выявить причинные связи, обуславливающие их варьирование, которое несвободно и всегда соотносится с социальными факторами. Так, исследование речевой деятельности в плане ее варьирования позволило У.Лабову определить язык как совокупность социальных норм, которые нельзя рассматривать как инварианты, но как переменные величины, подверженные систематическому влиянию не только внутривидовых, но и внешних социальных процессов. Теоретические рассуждения У.Лабова были доказаны конкретными примерами реальной картины речевого поведения на основе фактического материала социальной вариативности речи с использованием методов полевого исследования. Благодаря ему в лингвистике стали частотными такие термины как социолингвистические переменные, маркер, индикатор.

Многообразие современных социально-психологических теорий способствовали выдвижению на передний план языковой личности, принадлежащей определенному социуму. Соединение личностного и социального, проявляющееся в коммуникативных системах, обладает особой структурой и не может быть нейтральным воспроизведением системы. Именно поэтому вариантность становится основной категорией, отражающей в языке социальные отношения. Отклонения, наблюдаемые в языке, нельзя рассматривать, по мнению Б.Гавранка, как «изъ-

ян». Они вызваны социальными характеристиками говорящих и социальной ситуацией коммуникации. Лингвисты Пражского лингвистического кружка предложили свой метаязык социолингвистического исследования языка, в котором важную роль играют такие термины, как «языковая ситуация», «социальная ситуация». Понятие «языковая ситуация», широко используемая в лингвистике, представляет сложное образование, компоненты которого функционируют в социальных условиях. Языковая ситуация является прежде всего функциональной категорией. В. Барнет предлагает дифференцировать языковое целое исходя из трех понятий: социальная ситуация (социальные характеристики коммуникантов), коммуникативная ситуация (среда, ее предметный мир, тема высказывания, социальное отношение говорящих и слушающих...), языковая ситуация (литературный язык и диалект, литературный язык, разговорная речь) [1, 193-195]. Все они тесно взаимодействуют между собой, определяя понятие социальной коммуникации в тесной связи с речевой коммуникацией. Уточняется содержание понятия «социальная ситуация», которая формируется из следующих компонентов: пространственное размещение сообщества: степень интеграции соответствующего сообщества, включающая территориальную и социальную мобильность говорящих: социальную стратификацию говорящих на основе признаков: врожденного (пол), приобретенного (социальный статус) или зафиксированного (возраст и общественно-экономическое положение), а также на основе общественной роли» [4, 194]. Данная парадигма компонентов стала основанием для произведения многочисленных экспериментальных исследований, подтверждающих сложность и комплексность проблемы и мнение о том, что источник вариантности находится в социальном поведении говорящего. Очевидным становится необходимость проведения опытных наблюдений, соединяющих личностное и социальное для выявления релевантных для каждого случая признаков. Социальная направленность коммуникации и социальные составляющие участников постоянно порождают новые элементы, расширяющие в языковую систему и расширяющие ее инвентарь.

Подчеркивая последовательно причинную связь между языком и социальной стратификацией общества, Л.П. Якубинский предлагает рассматривать язык «как разновидность человеческого поведения» [6, 17]. Вариантность речи обусловлена на его взгляд условиями общения, формами и целями. Язык должен изучаться в зависимости от различных общественных группировок в структуре общества. Социальная вариантность является нормой существования языка и создает говорящим возможность выбора, соответствующего обстоятельствам коммуникации. Языковая личность, по мнению современного лингвиста Ю. Караулова, является основной идеей. Она, как показывает опыт ее анализа и описа-

ния, пронизывает все аспекты изучения языка. Этот факт позволяет удержать границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека, вне его языка (Караулов). Действительно, конкретное общение отличается многообразием и требует постоянного научного познания и систематизации. Речевое поведение человека детерминировано его языковой компетенцией и влиянием того социума, к которому он принадлежит.

Социальный аспект причинности вариантных реализаций, наблюдаемый в речевом материале, стал основанием для изучения соотношений «Я и общество», «Общество – индивид», «Язык и личность». Взаимодействие компонентов данных оппозиций происходит под влиянием различных динамических процессов, подтверждающих принадлежность человека к той или иной социальной группе. Речь каждого индивида социально детерминирована и подтверждает мысль У.Лабова о том, что «в любом языке есть много способов сказать «одно и тоже» [4, 102]. Сегментные единицы языка передают социальную информацию и выполняют при этом социоидентифицирующую функцию.

Взаимоотношение между языком и обществом В.Г. Гак интерпретирует как отношения, между социумом и идиомом. Оно неоднозначно. В одном социуме может использоваться несколько идиом и, один идиом может обслуживать ряд социумов, что является основанием для парадигматической и синтагматической ассиметрии. Накопленный материал позволяет считать, что языковая система образует подсистемы, формирующиеся на основе социальных характеристик. Отсюда подход к языку как к системе социолингвистических систем. Они требуют своего исследования не только на основе языковых, но и социальных критериев, определить их взаимоотношения, а также соотношение в них центральных и периферийных элементов. Языковая система структурно усложняется благодаря ее связям с индивидуумом и обществом. В настоящее время, в связи с тем, что язык рассматривается как самоорганизующаяся система, выдвигается тезис о том, что языку свойственно имманентное саморазвитие, допуская при этом влияние и вмешательство человека. Многие изменения в языке являются результатом креативной деятельности человека и общества. Так, Лаптева О.А. утверждает, что взаимодействие социального и стихийно самовозникающих импульсов, и первенство в соотношении этих факторов может быть разным. Социальные факторы могут играть и основную и второстепенную роль. Во втором случае внутрисистемные отношения оказываются сильнее, и их роль в модификации средств выражения оказывается лидирующей.

Литература

1. Барнет В. Дифференциация национального языка и социальная коммуникация. //Новое в зарубежной лингвистике. Вып.20.Теория литературного языка в работах ученых ЧССР, М., Прогресс, 1988. – 320с.
2. Брайт У. Введение: Параметры социолингвистики.//Новое в лингвистике.Вып.7.Социолингвистика. – М.,Прогресс,1975. – 485с.
3. Едличка А.Типы норм языковой коммуникации.//Новое в зарубежной лингвистике. Вып.20. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – М., Прогресс, 1988. – 320с.
4. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте.//Новое в лингвистике. Вып.7.Социолингвистика – М., Прогресс,1975. – 485с.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, Л.,1974. – 427с.
6. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.,Наука,1986. – 206с.

© Ф.С. Кудряшева, 2015

А.А. Кулыева
БашГУ, Уфа, Россия

Обучение презентациям на иностранном языке в профессиональной коммуникации

Сегодня современное общество нуждается в высококвалифицированных специалистах. Быстрый темп развития информационно-коммуникационных технологий, а также совершенствование социально-экономических условий выдвигает новые требования к уровню подготовки выпускников высшей школы. Выпускникам вуза следует быть не просто профессионалами своего дела, а также быть коммуникативно-компетентными т.е. они должны уметь общаться, сотрудничать, стремиться к самопознанию и самосовершенствованию [1, 198]. Следует отметить, что любой выпускник высшего учебного заведения должен владеть минимум одним иностранным языком, позволяющим осуществлять качественное общение в рамках своей профессии. При обучении иностранному языку важно научить грамотно делать выступления, доклады и презентации на иностранном языке. Овладение искусством презентации на иностранном языке является залогом успеха в установлении и поддержании межличностных отношений и в профессиональной состоятельности специалиста.

Необходимо знать четыре основных аспекта успешной презентации: 1) текст презентации; 2) тщательная проработка выступления; 3)

стиль подачи презентационного материала; 4) некоторые особенности, «секреты» выполнения успешной презентации. Хорошую презентацию необходимо заранее спланировать и организовать. Самым ответственным в презентации являются первые 5 минут выступления. В это время важно вызвать интерес у слушателей, привлечь их полное внимание к вашей теме. В самом начале презентации должна быть четко определена идея того, что будет представлено далее. Поэтому в этом помогут наглядные пособия (плакаты, фото), экран, проектор верхнего расположения, пульт дистанционного управления, указка, DVD-плеер, белая доска и маркеры. Перед глазами важно иметь четкую структуру будущей презентации. Любая презентация имеет следующую структуру: начало, главную часть, заключение и ответы на вопросы. В зависимости от формата презентации выбирают определенные фразы, клише для вступительного слова. Например, на английском языке можно начать презентацию следующими фразами приветствия: *Good morning/ afternoon/evening ladies and gentlemen ..., my name is..., the purpose of our presentation is to discuss ...*. Переходя к главной части презентации, полезно запастись некоторым количеством вводных фраз и рассказать о структуре презентации. Например: *as you already know, today's presentation is designed to present some important points of..., this first slide shows our agenda for the day..., first, I will begin with an overview of....* Для представления визуальных материалов используется компьютерная программа Power Point. Для показа слайдов выступающему важно использовать некоторые связующие фразы, которые помогают сфокусировать внимание публики: *now we will look at..., let's now turn to..., let's move on to..., moving on to our next slide*. При демонстрации презентации часто используют графики, диаграммы, схемы. Также следует знать элементарные названия графиков, таблиц на английском языке: *pie chart* - *круговая диаграмма*, *table* - *таблица*, *bar chart* - *гистограмма*, *line graph* - *линейная диаграмма*, *market share* - *сегмент рынка*.

Обучая искусству презентации студентов, необходимо их научить чувствовать, что чем оригинальнее будет выступление, тем выше будет эффективность, и тем больший интерес оно вызовет у слушателей. Основная часть презентации должна включать не только факты, а также какие-то исторические сведения, шокирующие знания для того, чтобы разнообразить выступление. Важно вырабатывать свой уникальный стиль презентации. В заключении следует сделать краткие выводы того, что было обсуждено в главной части. В конце презентации отводится время для вопросов. К возможным вопросам хорошему оратору следует заранее подготовиться. Подготовленные шаблонные фразы позволяют собраться с мыслями и выиграть время для ответа. Любая презентация

на иностранном языке в сфере профессиональной коммуникации должна нести ценные и конструктивные предложения.

Литература

1. А.В. Блохина. Коммуникативная компетенция как одна из составляющих иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей. // Инновации в современной филологии и методике преподавания иностранных языков в высшей школе: перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. – Саратов: ИЦ «Наука», 2014. – С. 198-200.

© А.А. Кульева, 2015

И.Г. Кульсарина
БашГУ, Уфа, Россия

Русско-башкирские интертекстуальные связи в поэзии XX века

В последние десятилетия в отечественном литературоведении особое внимание уделяется проблеме изучения интертекстуальных связей в художественном тексте. Проблема взаимодействия автора с предшествующими текстами представляет собой сложный феномен. Так, Р. Барт пишет, что «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры представляют собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [1, 78]. Ю.Н. Караулов отмечает, что интертекст может быть охарактеризован как некий текст, который проступает за двумя текстами, «он многоярусен, “многоэтажен” и на уровне первого этажа уже имеет устоявшееся наименование – интертекст. Интертекст – это то, что можно читать в прямом смысле этого слова» [2, 3]. По мнению И.П. Ильина, интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в неё» [3, 217]. Н.А. Фатеева утверждает, что интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов [4, 12]. Таким образом, основным условием интертекстуального аспекта рассмотрения произведения является способность читателя увидеть, узнать, интерпретировать «чужое» слово в произведении.

В рамках одной тезисной статьи проследим некоторые интертекстуальные элементы в структуре художественного текста на примере творчества русских и башкирских поэтов.

1) Заглавия, отсылающие к другому произведению. В творчестве башкирских писателей XX века можно часто наблюдать отсылки к произведениям русских классиков. Например: стихи «Мое Царское Село» Сафуана Алибаева и Назара Наджми («Царское село» А.С. Пушкина), поэма «Железная дорога» Р.Нигмати («Железная дорога» Н.А. Некрасова), стихи Н.Наджми «Песня о корове» «Здравствуй, Бобик!», «Черемуха» («Корова», «Песнь о собаке», «Черемуха» С.Есенина), Г.Рамазанова «Письмо матери» («Письмо матери» С.Есенина) «Бородинское поле» («Бородино» М.Ю. Лермонтова), драматическая поэма А.Утябая «Двенадцать» (поэма «Двенадцать» А.Блока) и т.д.

2) Эпиграфы, являющиеся экспозиционным элементом композиции художественного произведения. Они следуют после заголовка и сразу же открывают текст для интертекстуальных связей – ассоциаций, являются цитатой-импульсом произведения. Пушкинские строчки удачно были использованы в качестве эпиграфов в стихах М.Карима, Н.Наджми, Б.Бикбая, К.Аралбаева, М.Басырова и многих других поэтов XX века. К стихам М.Цветаевой и А.Ахматовой обратились в основном башкирские поэтессы А.Тагирова, Ф.Тугызбаева, Ю.Ильясова, Г.Кутуева. В стихах Р.Кул-Давлета встречаются эпиграфы из А.Блока, Т.Искадария приводит строчки из произведений И.Бунина, Р.Гарипов – М.Горького, С.Есенина, Р.Нигмати – В.Маяковского и т.д.

3) Цитаты (эксплицитные и имплицитные, т.е. скрытые; с атрибуцией и без атрибуции) внутри текста. Например: «Бер сак Максим Горький үзе әткән, // Ағизелгә хайран калған килеш: // «Там, на Белой, места такой красоты – // ахнешь, сто раз ахнешь...» (Р.Бикбаев «Һыуһаным – һыуҙар бирегеҙ!»); «Бөйөк шағир! / Уны һин аңлаһаң, Яҙмаҫ инен: «свирепый Салават...» (К.Аралбай «Уҫал Салауат»).

4) Аллюзии и реминисценции. В башкирской литературе часто встречаются образные реминисценции из русской классики. В стихотворении Н.Наджми «Девушкам войны» есть такие строчки: «Вы ко мне писали... И – что странно – / Я теперь вот думаю порой: / Были ль мы Онегиным с Татьяной? / Нет, я не гожусь на эту роль... ». Яркие примеры можем найти и в стихотворении Р.Нигмати «Пушкин останется»: «Дочку капитанскую, без слова, / Обниму, и радостно вдвоем / Посмотреть «Бориса Годунова» / Мы в театр вечером пойдем». Г.Рамазанов стихотворение, в котором он пишет о своем письме фронтовой подруге – Татьяне, озаглавил «Письмо Татьяне». А в следующем стихотворении «Вместе с Гоголем» («Гоголь менән») отмечает: «Тарас Бульба һымаҡ, һыуҙар кистек / Бозло, һалҡын Днепр –

йылгала, / Ыуңғы Хлестаковтар бөтһөн өсөн / Яны донъя корзюк донъяла. / Үлек йәндәр эзләп әле лә дошман / Чичиковтар йөрөй уралып». Один из часто встречающихся приемов, используемых башкирскими поэтами, это аллюзии на творчество известных русских поэтов. Например, пушкинские и лермонтовские аллюзии встречаются в стихах Н.Наджми: «Несхожи пути человечьи, / И судьбы различны во круг... / Но, глядя на Черную речку, / Я думой лечу на Машук». Машук – гора в Пятигорске, где погиб во время дуэли Лермонтов. Яркие примеры имеются и в творчестве Г.Юнысовой и М.Каримова: «Тәбиғәттең моңло-йырлы сағы - / «Болдин көзөнән» һис кәм түгел (Г.Юнысова «Пушкин менән орашыу»). «Ул мөгжизә – «Ғәжәйеп мәл» шиғыры / һинсә өсөн генә язылған... » (М.Кәримов «Ольга Калашникова тураһында минең йырым»).

Таким образом, башкирско-русский литературный дискурс свидетельствует о росте поэтического мастерства башкирских авторов, об успешном продолжении и развитии ими образов и мотивов русской классической литературы.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1978. – 349 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 467 с.
3. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: Теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: сборник научно-популярных трудов. – М., 1989. – С. 186-207.
4. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Сер. Литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 5. – С. 12-21.
5. Рамазанов Ф. Һөйөү һүзе. – Өфө, 1955. – 82 с.
6. Наш Пушкин. Пушкин һәм Башҡортостан. – Уфа: Китап, 1999. – 264 с.

© И.Г.Кульсарина, 2015

Г.Ф. Курбангалиева
БашГУ, Уфа, Россия

К вопросу о классификации коммуникативных угроз в речевом общении

Целью данной статьи является определение понятия лица и классификация речевых/неречевых актов, представляющих собой коммуникативные угрозы в речевом общении.

Как известно, каждый член общества старается реализовать бесконфликтное общение, что невозможно без соблюдения норм и правил общения. На наш взгляд, актуальным представляется также знание ком-

муникативных угроз, наносящих урон позитивному и негативному лицу адресата и адресанта.

Прежде чем рассмотреть вопрос о классификации коммуникативных угроз, мы хотели бы остановиться на определении понятия «лица». Данное понятие впервые было введено американским социологом Эрвингом Гоффманом [7] и стало ключевым в некоторых теориях, таких как теория «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона [6], теория сближения и отдаления Т.В. Лариной [3], концепция И.Т. Пиирайнен о положительной и отрицательной формах вежливости [5].

Одной из значимых для определения сущности категории вежливости, с которой связан предмет настоящего исследования, на наш взгляд, является работа П. Браун и С. Левинсона “Politeness: Some universals in language usage” («Вежливость: некоторые универсалии в использовании языком») [6]. Исследование ученых вызвало интерес в изучении категории вежливости в языках разных культур и межкультурной коммуникации. Авторы данной работы провели исследование на материале английского, тамильского и целтальского языков и сделали вывод, что разработанная ими модель является универсальной.

Опираясь на гоффмановское понятие лица, которое определяется как «позитивная социальная ценность, приобретаемая благодаря стратегии поведения, которую необходимо использовать в определенном коммуникативном акте» [8, 10], П. Браун и С. Левинсон, вслед за Дж. Личем, выделили два типа вежливости: позитивную (positive politeness, positive Höflichkeit) и негативную (negative politeness, negative Höflichkeit).

Авторы исходят из следующих предположений, что каждый член общества имеет «лицо», которое состоит из негативного и позитивного. «Позитивное лицо» – это положительный образ себя, который определяется желанием одобрения другими, а также быть уважаемым и понятым. В свою очередь, «негативное лицо» требует свободу действий и свободу от вмешательства другими в личное пространство человека, оно основано на дистанцированности.

Необходимо отметить, что у каждого индивидуума существует стремление к сохранению своего «лица», и, как следствие, это может представлять угрозу «лицу» другого. П. Браун и С. Левинсон пришли к выводу, что угроза, относящаяся к «негативному лицу», отличается от угроз, направленных на «позитивное лицо». Так, угроза «негативному лицу» адресата состоит, прежде всего, в нарушении границ личного пространства адресантом. Речевые акты, наносящие урон «негативному лицу» адресата, можно классифицировать следующим образом:

1. Речевые акты, которые оказывают давление на адресата:
 - приказы и просьбы;

- предложения и советы;
 - напоминания;
 - угрозы;
 - предупреждения;
 - вызовы (против адресата будут применены определенные меры, если он не выполнит определенных действий).
2. Речевые акты, которые оказывают позитивное действие говорящего по отношению к слушающему, и тем самым обязывают его стать должником:

- предложения;
- обещания.

3. Речевые акты, выражающее желание адресанта по отношению к слушающему, заставляя его думать, что слушающему придется защищать объект притязаний говорящего или отдать его ему:

- комплименты, выражение восхищения или зависти;
- ненависть, злость, желание обладания.

Негативное лицо адресанта подвергается угрозам при:

- выражении благодарности;
- принятии благодарности;
- извинении со стороны адресата;
- при оправданиях;
- неохотных обещаниях;
- вынужденных предложениях [1, 8].

Напротив, угроза «позитивному лицу» адресата состоит в безразличии адресанта к чувствам слушателя, его потребностям. Сюда входят речевые/неречевые акты, где реализуется:

- выражение неодобрения;
- критика;
- презрение или насмешка;
- жалоба и выговор;
- обвинение, оскорбление;
- возражение или несогласие;
- всплеск неконтролируемых эмоций;
- непочтение;
- упоминание табуированных тем (политика, расовый вопрос, религия, феминизм);
- плохие известия о слушающем и хорошие известия о говорящем;
- некооперативное поведение: перебивание, не идущее к теме реплики;
- демонстрация невнимания;

- неправильное использование форм обращения и статусных значений;

Акты, угрожающие позитивному лицу адресанта, включают:

- принесение извинений;
- принятие комплиментов;
- признание вины;
- бесконтрольный смех;
- проявление сильных эмоций [1, 8].

Материалы по межкультурному общению [2; 3; 4] позволяют прийти к заключению, что при коммуникативном взаимодействии очень важно избегать тех речевых и неречевых актов, которые повреждают позитивное/негативное лицо адресата/адресанта. При этом игнорирование культурно обусловленных различий в особенностях коммуникативного поведения может привести к серьезному непониманию при межкультурном общении и, как следствие, представлять коммуникативную угрозу.

В качестве примера рассмотрим некоторые особенности общения русских и немцев. Прежде всего, немцы ощущают себя как индивидуумы, а лишь затем как члены какой-либо группы. В немецкой культурной традиции высоко ценится зона личной автономии. Это проявляется как на уровне вербальных, так и невербальных сигналов. Зона личной автономии в немецкой культуре выражается также в невысокой, по сравнению с русской, степени контактности. Как правило, немцы ведут себя замкнуто, дистанцированно по отношению к незнакомым людям и очень редко сами проявляют инициативу в сближении с иностранцами [2]. Напротив, у русских категория приватности выражена слабо. Русское коммуникативное мышление в широких пределах допускает вторжение в коммуникативное пространство другой личности – и в физическом смысле (дистанция, прикосновение, физический контакт) и в тематическом плане (в общении могут быть затронуты глубоко личные вопросы). Можно утверждать, что русскому коммуникативному сознанию присуща концепция ограниченного коммуникативного суверенитета, например, можно делать замечания незнакомым, мирить незнакомых, вмешиваться в чужой разговор, обращаться с вопросом к беседующим людям, «вешать свои проблемы» на других и т.д.

В заключение хотелось бы отметить, что в речевом общении коммуниканты в целом стараются придерживаться определенных правил и норм коммуникативного взаимодействия. При этом знание коммуникативных угроз, а также их сознательное избегание делает коммуникацию успешной, что особенно важно при межкультурном взаимодействии общающихся, где особое внимание стоит уделять культурным особенностям каждой лингвокультуры.

Литература

1. Газизов Р.А. К вопросу о коммуникативных угрозах в речевом общении (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 335. – С. 7-12.
2. Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ): Монография / Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – 342 с.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
4. Ларина Т.В. Межкультурная коммуникация и межкультурная коммуникативная компетенция // Иностранные языки в высшей школе. – №1, 2005. – С. 47-51.
5. Пиирайнен И.Т. Вежливость как категория языка // Вопросы языкознания. – 1996. – № 6. – С.101-105.
6. Brown, P.; Levinson S.C.: Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge, Cambridge University Press, 1988. – 345 p.
7. Goffman, E. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior. Garden City, New York: Anchor Books, Doubleday & Company, Inc., 1967.
8. Goffman, E. Interaktionsrituale: über Verhalten in direkter Kommunikation. Übers. Von Renate Bergströsser und Sabine Bosse. – 3. Aufl. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994. – 304 S.

© Г.Ф. Курбангалиева, 2015

Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова
ПНИПУ, Пермь, Россия

О возможности использования методики денотативного анализа текста в создании системы автоматического реферирования¹⁰

Использование компьютерных технологий для решения задач, связанных с моделированием мыслительной деятельности, в настоящее время уже не считается чем-то далеким от реальности. Анализируя возможности автоматизированных систем, предназначенных для решения задач, связанных с естественным языком, А.И. Новиков подчеркивал, что успешно решаются те задачи, где преобладает логический компонент, в то время, как практически нерешаемыми остаются задачи, в основе которых лежит семантика [1]. К последним относятся все задачи, в которых предполагается в той или иной форме моделирование понимания. Именно такой задачей является проблема автоматического реферирования (реферативного перевода), решение которой в

¹⁰ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-07-00671.

современном информационном пространстве представляется более, чем необходимой. Дело в том, что реферат, генерируемый компьютерной программой, предназначен для человека и, соответственно, должен быть по мере возможности приближен к реферату, созданному человеком, чтобы пользователь автоматического реферата не испытывал неудобств при обработке и интерпретации представленной в нем информации. Для этого необходимо предложить релевантную задаче модель понимания текста, пригодную для описания реферирования как вида речевой деятельности. Результат реферирования текста или собрания текстов человеком представляет собой тот привычный пользователю стандарт реферата, который он хотел бы получить на выходе автоматического реферирования.

Представляется, что из всех моделей понимания наиболее оптимальной для разработки системы автоматического реферирования является модель, предложенная А.И. Новиковым в работе [1]. Преимущество данной модели заключается в том, что она позволяет представить содержание текста в формализованной визуальной форме в виде так называемого денотатного графа, отражающего иерархически организованную систему денотатов и их отношений. Модель базируется как раз на методике денотативного анализа текста. На основе этой методики была предложена модель реферативного перевода, особенностью которой является наличие промежуточного звена при переходе от исходного текста к тексту реферата [2]. Данное звено представляет собой результат понимания исходного текста, который может быть эксплицирован в графической форме, где вершинам графа соответствуют денотаты, о которых идет речь в тексте, а ребрам – отношения, связывающие данные денотаты. Таким образом, в общем виде модель можно представить как поэтапный переход $T1 - ДС - T2$. Данная модель представляет собой попытку разработки системы уже не лингвистического, а именно семантического анализа текста на основе знаний о предметной области, т.к. она включает в себя графовое представление выбранной конкретной предметной области, что предполагает создание корпуса текстов и их обработку для введения в машину. Обработка нацелена на извлечение предметного содержания текстов и последующего обобщенного формализованного представления в виде графа (дерева) той или иной предметной области. Данная задача была нами решена на базе ограниченного количества стандартизированных текстов. Предложенная модель была верифицирована в ходе экспериментального реферирования. Модель делает возможным создание рефератов как общих, так и специализированных, предназначенных для определенной категории специалистов.

Этот процесс в большей степени соответствует естественному текstopорождению и, при условии создания такой модели, позволит получать семантически адекватные рефераты. Ключом к решению этой задачи является создание семантически адекватной модели предметной области. Теоретически современные методы вычислительной лингвистики позволяют строить такие модели, но этот процесс является достаточно трудоемким. Выход видится в создании самообучающейся системы и подготовке корпуса текстов («учебника») для ее первоначального обучения. В этом случае в распоряжении реферирующего алгоритма окажется достаточно полная семантически адекватная модель предметной области текста. Предполагается, что реферирующий алгоритм будет анализировать T1, устанавливать соответствия между его структурными элементами и моделью предметной области, получая таким образом «подграф», соответствующий данному тексту. Затем алгоритм переходит к фазе текstopорождения, выполняя обход подграфа таким образом, чтобы удовлетворить критериям, заданным пользователем – заказчиком реферата: минимальная и максимальная длина текста, обязательное освещение или не освещение тех или иных фактов, и т.п. Важным моментом является то, что денотатная модель текста инвариантна относительно языков T1 и T2. Это позволяет говорить о возможности реферативного перевода с высокой степенью семантической адекватности.

Литература

1. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
2. Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М.: Институт языкознания, 1991. – 226 с.

© Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова, 2015

А.А. Латыпова
БашГУ, Уфа, Россия

Национально-региональный компонент при изучении русской литературы в Республике Башкортостан

В данной статье представлен материал о национальном региональном компоненте при изучении русской литературы в национальной аудитории. Данная тема является одной из основных проблем в системе образования. В наше время закономерен процесс пробуждения национального самосознания народов России. Задача современного образования – возрождение национально-культурных запросов общества. С этой целью в учебно-воспитательный план введен национально-

региональный компонент. Образование должно быть направлено на подготовку ученика к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания мира, терпимости и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами, а также лицами из числа коренного населения [1, 13].

Национально-региональный компонент дает возможность организовать занятия, связанные с традициями региона, т.е. уроки направлены на изучение природных, социокультурных и экономических особенностей региона, национального языка и национальной литературы. На таких занятиях происходит процесс сопоставления материала из основного и регионального компонентов. С давних времен учеными в лингвистических исследованиях применяется метод сопоставления [4, 49]. Также сопоставление можно рассматривать как разновидность сравнения. Этот прием используется с целью выявления контрастов. Например, при сравнительном изучении родовой разновидности русского и башкирского языков можно выявить следующие различия: в русском языке 3 рода, а в башкирском вообще отсутствует категория рода. Например: *мальчик прочитал – малай укыган, девушка прочитала – кыз укыган*. В первом словосочетании глагол стоит в форме м.р., а во втором - в форме ж.р, а в башкирском варианте формы глаголов совпадают.

«Сопоставительный метод способствует более глубокому и системному усвоению федерального и регионального компонентов», развитию навыков сравнения, обобщения и классификации[4, 99]. В опоре на сравнительный анализ раскрываются особенности обоих компонентов, а также решается ряд других образовательных задач. Этот метод требует самостоятельной работы ученика, тем самым является методом активного усвоения новых знаний.

Далее рассмотрим особенности национально-регионального компонента при изучении литературы в РБ. Содержание литературного образования «не может существовать без изучения литературных произведений исторически сложившегося региона, без чтения художественной литературы о родном крае и его людях» [5, 705].

Русская литература многолика и многогранна. Немаловажную роль в ней играет образ башкира. Много богатых сведений о них оставили русские писатели. Жизнь и культура народа ярко отражается в творчестве А.С. Пушкина, А.М. Горькова, А.П. Чехова, С.Г. Рыбакова...

Например, при знакомстве с повестью А.С. Пушкина «Капитанская дочка», помимо анализа содержания повести, нужно сделать ударение на характеристику образа «башкирца». В произведении А.С. Пушкин «Капитанская дочка» мы видим образ изувеченного «башкирца». В нем отразилась непокорность народа. Облик «башкирца» обрисовывает-

ся через восприятие Гринева: «Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Его голова была выбрита, вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза сверкали еще огнем...» [3, 8]. Гринев с восторгом и ужасом рассматривает «башкирца» не имеющего «языка», но продолжающего борьбу. У него в душе просветление, желание жить, вера в свободу. Через образ героя А.С. Пушкин показывает храбрость и неутомимость, целеустремленность действий, поступков и неукротимую энергию башкир, упорную решимость сражаться до конца за свой народ, за свою родину и свободу. Из этого материала ученик дополнительно узнает сведения о менталитете башкирского народа.

Таким образом, национально-региональный компонент способствует формированию достойного представителя региона, умелого хранителя, «пользователя и создателя его социокультурных ценностей и традиций» [6, 230]. Лучшие образцы художественной литературы вообще, и региональной в частности, помогают молодому человеку ориентироваться в изменяющемся социальном мире, познавать предшествующую жизнь своего народа, родного края, черпать силы для дальнейшего духовного становления [2, 34]. Литература способствует выработке мировоззренческих позиций, нравственных и этических норм, формирует культуру чувств.

Литература

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Серия: Стандарты второго поколения. – М.: Просвещение, 2009. – 24 с.
2. Колесниченко С.В. slovesnic.ucoz.ru/izuchenie...komponenta...lit.doc
3. Рахимкулов М.Г. Башкирия в русской литературе. 1 том. – Уфа: Башк.книжн.изд-во, 1998 – 512 с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. – Дисс... докт. филол. наук.– Уфа, 2002. – 343 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Отражение этнического характера и культуры в концептосфере разноструктурных языковматериалы II международной научно-методического семинара «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе». – Москва-Халкидики, 2011. – С. 702-707.
6. Фаткуллина Ф.Г. Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Материалы Международной научно-методической конференции «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. Том 2. – С. 228-235.

© А.А. Латыпова, 2015

**Проявление категории вежливости в русском языке:
обращение**

Этикет – сложная система знаков, демонстрирующих в процессе общения (вербальных и невербальных) отношений к другому человеку (собеседнику, партнеру), его оценку и одновременно оценку самого себя. Любое общение, любой текст в этом общении мы выстраиваем в соответствии с этикетом, используя данный нам язык для налаживания контактов, поддержания и сохранения добрых отношений с другими людьми.

Внешние формы поведения человека опосредованно связаны с моментами нравственного характера, не случайно слово «этикет» часто употребляется со словом «этика» [2, 13].

Этика – это философское учение, изучающее мораль как форму общественного сознания и объясняющее происхождение и природу нравственности. Кроме этого, этика – это нормы поведения, мораль человека какого-либо класса. Этикет подразумевает установленный порядок поведения, форм обхождения. Этические нормы проявляются в хороших манерах; этикетные нормы связаны с проявлением определенных человеческих качеств через конкретные речевые действия. [4, 91].

Соблюдение этикетных норм проявляется в таких качествах, как вежливость, внимательность, тактичность, доброжелательность. Выражаются они через определенные речевые действия. Именно правильный выбор языковых средств в начале общения и постоянное поддержание контакта с партнером в дальнейшем определяют успех всего процесса коммуникации. Одной из главных составляющих коммуникативной ситуации является фактор «адресата», который выражается в форме обращений.

Статья посвящена выявлению функций обращения в процессе коммуникации.

Обращение к собеседнику – самая употребительная языковая единица, связанная с этикетными знаками. Оно выполняет несколько функций. Главная – вокативная функция, то есть привлечение внимания собеседника. В качестве обращения используются как собственные имена, так и названия людей, предусматривающие социально-статусные характеристики и указывающие на степени родства, положения в обществе, профессию, должность, возраст, пол. (*Иван Сергеевич, Саша, Аня, дядя, брат, генерал, директор, бабушка, девочка*). Помимо вокативной функции обращения указывают на соответствующий признак.

Обращения могут выполнять эмоционально-оценочную функцию и содержать оценку: *Сонечка, Ромка, недотепа, золотко*. Особенность таких обращений заключается в том, что они характеризуют адресата и адресанта, степень его воспитанности, эмоциональное состояние, отношение к собеседнику.

Установление речевого контакта, регулирование социальных взаимоотношений с помощью обращения – важные общественные функции, а базой формирования обращений являются семейно-ролевые, социально-стереотипные, социально-статусные наименования адресата. Обращение в современной речевой практике становится социально значимой категорией.

В русском языке не сложилось традиции употребления специальных слов-обращений к незнакомым людям, подобно польским *пан/пани*, французским *месье/мадам*, итальянским *сеньор/сеньора*, немецким *фрау/гер* и т.д.

Слово «*товарищ*», которое в свое время вытеснило такие принятые в России обращения как сударь/государь, госпожа/господин, стало теперь постепенно уходить, хотя еще и используется в обращение друг к другу, и прежде всего среди военных.

В настоящее время в официально-деловой речи предпочтение отдается слову «*господин*», в обязательном сочетании как правило с должностью или фамилией: господин управляющий, госпожа Иванова.

В нейтральных деловых ситуациях используются те обращения, которые приняты в данной социальной группе: господа, коллеги, друзья. Слова «*девушка*», «*молодой человек*» широко распространены сегодня в функции обращения к незнакомцам, а также к обслуживающему персоналу различных магазинов, ресторанов, кафе. При этом они могут адресоваться лицам молодого и среднего возраста, но не пожилым людям.

Обращения «*мужчина*», «*женщина*» в настоящее время считаются допустимыми при обращении в сугубо неофициальных ситуациях, если такое обращение сопровождается вежливой или повышено вежливой интонацией [1, 54]. Однако многие специалисты-филологи вообще не допускают возможности использования этих обращений в литературной речи [3, 162]. В таком случае предпочтительнее начать разговор без обращений, используя специальные слова «*простите*», «*извините*», «*будьте добры*», «*будьте любезны*», «*скажите, пожалуйста*».

Следовательно, проблема общеупотребительного обращения в неофициальной обстановке остается открытой.

Литература

1. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи. Учебное пособие для вузов. – Ростов-на-Дону, 2013.
2. Рахматуллина З.Я. Уроки этикета. Учебное пособие. – Уфа, 2003.

3. Русский язык и культура речи. Под редакцией В.И.Максимова, А.В.Голубевой. – М.,2012.

4. Хисамова Г.Г. Русский речевой этикет в сопоставлении с башкирским речевым этикетом // Хисамова Г.Г., Яковлева Е.А. Стилистика и культура речи: Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 1995 – С.91-118.

© Л.М. Латыпова, 2015

Е.В. Леготина
БашГУ, Уфа, Россия

Категория времени в произведениях Ф.М. Достоевского

По определению Д.С. Лихачева, проблема времени «входит в самое существо мировоззрения Достоевского» [4, 305]. Многие исследователи отмечают могучую динамику, «водоворотное движение» романов Достоевского. По М.М. Бахтину, мир Достоевского мыслится в пространственном измерении. «Художественное пространство, - отмечает Ф.Г. Фаткуллина, - это эстетическое понятие, которое пронизывает художественное произведение и представляет собой самостоятельную внутреннюю сущность, противопоставленную внешней [8, 1626]. Продолжая мысль М.М. Бахтина, отметим выделенное исследователем «стремление Достоевского следовать в романе драматическому принципу единства времени. Отсюда же и катастрофическая быстрота действия, «вихревое движение», динамика Достоевского. Динамика и быстрота здесь ... не торжество времени, а преодоление его, ибо быстрота - единственный способ преодолеть время во времени» [1, 47-48].

Конечно, мы не можем утверждать, что Достоевский понимал время как чрезвычайно ускоренное действие, поскольку в его произведениях встречаются эпизоды с замедленным описанием, которые в действительности могли произойти значительно быстрее, нежели мы успеваем прочитать текст. Ю. Селезнев, рассматривая «Записки из мертвого дома», писал о том, что «это – не совсем обычное, хронологическое время. Оно имеет свои особые законы, связанные с психологическим состоянием героев, с его особым восприятием и переживанием» [7, 66].

Подобную мысль высказывал С.В. Белов: «В мире Достоевского время, как и пространство, является функцией человеческого сознания, оно одухотворено и может, в зависимости от духовного состояния героев, то бесконечно растягиваться, то сжиматься, то почти исчезать. Недавно в одной из черновых тетрадей к «Преступлению и наказанию» Достоевский записывает: «Что такое время? Время не существует; время есть цифры, время есть отношение бытия к небытию» [2, 29].

Кроме того, время понимается через сновидения, которые представлены у Достоевского как моменты прошлого или явления будущего, несущие определенные функции в развитии сюжета. В его романах можно говорить не только о снах, но и об особой их разновидности - видениях (к примеру, «апокалиптический» сон Раскольникова и картина «золотого века» человечества).

Ю. Карякин отмечает, что «сон для Достоевского - не какой-то эффектный прием предсказания события, заранее известного писателю, или условное изображение уже происшедшего события. Нет, сон у него - незаменимый способ художественного познания, основанный на законах самой человеческой природы. Через сон он тоже проникает во «все глубины души человеческой». Через сон он тоже ищет в «человеке человека». В снах у него «невывыказанное, будущее слово». Сон тоже входит в понятие «полного реализма», реализма «в высшем смысле». Это не уход от действительности, а стремление постигнуть ее в ее собственных своеобразных формах, осмысленных художественно» [3, 154]. Сновидения - это ещё одно средство познания человека и мира, поэтому они лишены мистики. В понимании Достоевского «сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, с ювелирски мелочной отделкой подробностей, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время. Сны, кажется, стремится не рассудок, а желание, не голова, а сердце <...> перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка, и останавливаешься на точках, о которых грезит сердце» («Сон смешного человека»).

В снах уничтожается вся неопределенность мысли, поступков и чувств, обнажаются истинные намерения человеческой души. Сны - это всегда действительность, реальность, показанная, быть может, в каком-то ином измерении, позволяющая глубже взглянуть и понять реальные события.

Р.Г. Назиров в монографии «Творческие принципы Достоевского» в главе «Поэтика сновидений» писал: «Сновидения и галлюцинации в романах Достоевского вплоть до призраков (Марфы Петровны, Матрешки в «Бесах» и т.д.) входят в картину реального мира, а не мира притчи и аллегорий.

Чаще всего сновидения героев совмещают три функции: 1) введение прошлого и будущего в актуальный момент; 2) сюжетобразующая функция («кризисная вариация сна»); 3) раскрытие подсознательных сторон психики (самосознание героя). Картины сновидений выделяются в повествовании повышенно эмоциональной стилистикой, богатством деталей, живописностью и напряженностью. Во многих случаях кажутся

«реальнее» остального действия, ибо они являются узлами сюжета и определяют судьбу героя» [5, 149-150].

Достоевский вводит сон не только для полной характеристики героя. Сон, видения выявляют истинные начала человеческой души. У Достоевского сны являются причиной поступков и реальных событий. Подросток осознавал последствия сговора с Ламбертом ещё до окончания событий: «Если уж мог быть такой сон, если мог он вырваться из моего сердца и так формулироваться, то, значит, я страшно много не знал, а предчувствовал <...> и злые духи уже овладели моими снами». «Это значит, что всё уже давно зародилось и лежало в развратном сердце моем, в желании моем лежало, но сердце ещё стыдилось наяву и ум не смел ещё представить что-нибудь подобное сознательно. А во сне душа сама представила и выложила, что было в сердце, в совершенной точности и в самой полной картине и - творческой форме». Детский сон Раскольникова накануне преступления пробуждает в нем человека, сон в эпилоге перерождает его душу. Сон Мити Карамазова очищает его сердце, и он добровольно принимает страдание. Свидригайлову накануне самоубийства снится сон-грёза, ему видятся три кошмара. Границы между действительностью и сном мертвы, и невозможно понять, где начинается и заканчивается сон.

О кошмаре Ивана Федоровича мы тоже не можем с уверенностью сказать что это: сон, галлюцинация? Но этот прием позволяет проникнуть в глубину мысли и психологии героя. Черт говорит Ивану Федоровичу: «Слушай, в снах, и особенно в кошмарах, <...> иногда видит человек такие художественные сны, такую сюжетную и реальную действительность, такие события или даже целый мир событий, связанный такою интригой, с такими неожиданными подробностями, начиная с вышших ваших проявлений до последней пуговицы на манишке, что, кланусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем, видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем самые заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы...» (XV, 74).

Как часто бывает у Достоевского, «отдельные авторские мысли и суждения могут быть розданы самым различным и даже противоположным персонажам» [9, 215]. Здесь одно из наблюдений излагается чёртом Ивана Карамазова. Подобные мысли звучат при описании детского сна Раскольникова: «В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью. Слагается иногда картина художественная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны подробностями, что их не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев».

Как мы видим, писатель придавал большое значение сновидениям при анализе психологии героя. Сны предвещают «катастрофу» или душевный переворот, выплескивающий в какой-то эмоциональный порыв. «Огромное идеологическое содержание таких сновидений, - выявлял Р.Г. Назиров, - сравнимое с грозными видениями протопопы Аввакума (он писал царю, что видел его отца в аду), детерминирует их исключительную сюжетно-композиционную важность в романе Достоевского» [6, 123].

Таким образом, у Достоевского «образ реального времени, - как отмечал Р.Г. Назиров, - в отличие от прямой эпической передачи его, строится как диалектика субъективной психологии героев и авторской романтико-архаизирующей философии времени. Так архаика сочетается с приемами, принадлежащими в большей степени XX веку, чем XIX» [6, 37].

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Наука, 1972. – 318 с.
2. Белов С.В. Комментарий к роману «Преступление и наказание». Комментарий / Под. ред. Д.С. Лихачева. – М.: Просвещение, 1979. – 240 с.
3. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. – М.: Сов. писатель, 1989. – 254 с.
4. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 414 с.
5. Назиров Р.Г. Творческие принципы Достоевского. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 160 с.
6. Назиров Р.Г. Творчество Ф.М. Достоевского. Проблематика и поэтика: учебное пособие. – Уфа: АИЦ БашГУ, 2014. – 168 с.
7. Селезнев Ю.И. В мире Достоевского. – М.: Современник, 1980. – 376с.
8. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности / Вестник Башкирского университета. – Т. 17, № 3. – 2012. – С. 1626 -1627.
9. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. – Дисс... докт. филол. наук. – Уфа, 2002.– 343 с.

© Е.В. Леготина, 2015

А.П. Майоров
БГМУ, Уфа, Россия

В поисках новой знаковости языка

Сегодня лингвистика опирается на возможности сотрудничества со многими сопредельными научными сферами в рамках когнитивной науки. С одной стороны, лингвистика становится источником терминов и моделей для других научных сфер, а, с другой стороны, развитие таких наук, как антропология, культурология, нейробиология и искусст-

венный интеллект, различные направления психологии, социология, символический интеракционизм (теория социального действия, теория ролей), социальная философия, квантовая физика и др. дают в настоящее время возможность использовать целый ряд новых понятий, выработанных в этих сферах, применительно к языковедению.

Таковыми концептами являются, например, «социальная онтология», «социальное пространство», «социальное время», «социальная предметность», «социальное языковое пространство» и т. д. Перечисленные теории открывают заманчивые перспективы в изучении социальных аспектов языка в массовом обществе. Понятие «социальная онтология», например, открывает новые грани социальности языка, концепт «социальная предметность» конкретизирует формы существования языка как практического и теоретического мышления (сознания), направление «языковое пространство» способствует приближению нас к представлению о языке как о многокомпонентном, но целостном феномене.

Плодотворность такой методологии доказывается образованием наук на стыках многих дисциплин (социолингвистика, психолингвистика, антропологическая лингвистика, лингвокультурология, теория речевой деятельности, теория речевой коммуникации, дискурс-анализ и т.д.). В связи с постоянным расширением границ использования термина «язык» отчетливо обозначилась тенденция к преодолению «лингвистического редукционизма» в рамках моделирующего знакового подхода. Укажем на некоторые из таких тенденций.

Концепция «новой телесности» языка. В рамках «новой телесности» носитель языка начинает рассматриваться как «живой текст», «специфический знак», происходит «размывание традиционной телесности». В.В. Налимов, рассматривая природу личности, приходит к выводу, что «Эго» может рассматриваться как «особый, живой текст, способный к нескончаемой реинтерпретации самого себя». Развивая эту идею с опорой на гипотезу Хайдеггера-Рикёра, автор приходит к убеждению, что человек есть язык: «Всматриваясь в глубины своего сознания, мы и себя начинаем воспринимать как текст. Нам становится понятной метафора Хайдеггера-Рикёра: Человек есть язык» [1, 23, 83].

За этими процессами некоторые ученые склонны видеть динамику знаковых средств социальной коммуникации. Высказывается предположение о завершении некоего цикла развития знаковых средств, продолжающих и дополняющих человеческие органы, прежде всего, руку и органы чувств (органопроекция, по П.А. Флоренскому). В процессе дальнейшего развития и стали возникать собственно знаки – сначала иконические, замещающие реальные предметы и феномены на основе подобия им (рисунки, схемы, карты и т. п.), а затем индексные и

символические (язык в его нынешнем виде) [2, 40-41], находящихся с означаемым в причинно-следственных отношениях, и, наконец - символических, находящихся с означаемым в сугубо условно-конвенциональных отношениях. В дальнейшем роль иконических и индексных знаков сохранилась, а эволюция средств коммуникации была преимущественно связана с символическими знаковыми средствами — языком, устной речью, письменностью, печатью, искусственными языками науки.

Концепция социального конструктивизма. Дальнейшее развитие теории знаковости и ее трансформацию можно усмотреть в различных вариациях концепции «социального конструктивизма (конструкционизма)», или «социальной пространственности». Согласно этой теории, люди конструируют экономические, политические, культурные др. пространства, в которых все места упорядочены таким образом, чтобы в них можно было ориентироваться и которые объективируются означиванием посредством языка (В.В. Никитаев, М.Л. Макаров).

Дальнейшее развитие и дополнение знаковой теории языка можно усмотреть в концепциях гештальтов как элементов семиотического и коммуникативного пространств, а также в лингвокультурологии и лингвоконцептологии, где единицами анализа могут выступать концепты, суперконцепты, когнитомы и коннектомы.

Литература

- 1.Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. – М.:Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
- 2.Тулчинский Г.Л. Слово и тело постмодернизма / Г. О. Тулчинский // Вопросы философии. - № 10, 1999. – М.: Наука. – С. 35-53.

©А.П. Майоров, 2015

О.А. Майорова
БГМУ, Уфа, Россия

Ресурсология концепта в интегративном видении

Концепт относится к числу базовых категорий когнитивной лингвистики, но его осмысление чаще всего осуществляется в терминах дихотомических представлений, редуцирующих этот феномен либо к «чистым» внутренним ментальным сущностям, либо к их внешним вербализациям. Целью нашего сообщения является аргументация тезиса о том, что феномен концепта целесообразно рассматривать как результат интегрирования в рамках концепции «Аквал» американского философа Кена Уилбера (Уилбер, К. Краткая история всего / К. Уилбер: [пер. с англ. Е. Пустошкина]. – М.: ПОСТУМ, 2015. – 624 с. – (Технология сво-

боды). («Аквал» - сокращение от англ. «all quadrants, all levels, all lines, all types, all states» - «все квадранты, все уровни, все линии, все типы и все состояния»).

С именем Уилбера связана новейшая история интегральной теории, у которой было много предшественников в истории как Запада, так и Востока, – от Плотина до Шанкары, от Маймонида до Лонгченпы, от Шеллинга до Падмасамбхавы, от Пирса до Уайтхеда. Оценивая названную выше работу, автор пишет: «Как я уже отметил, она стала одной из самых популярных книг, написанных мною, и предлагает то, что, по моему убеждению, всё ещё является чудесным, лаконичным и кратким обобщением теории, которую она призвана была представить читателю, а именно – интегральной теории» [Там же, с. 5].

Такая самооценка не является преувеличением и подтверждается проникновением «интегрализма» не только в сферы многообразных научных направлений (ср.: **интегральная архитектура, интегральная экология, интегральная экономика, интегральная психотерапия**), но и в сугубо прагматические области (**интегральный уход за больными, интегральный бизнес, интегральное лидерство**). Основной рецензируемый академический журнал в данной сфере в США — «Журнал интегральной теории и практики» — публикует материалы, охватывающие более 50 разнообразных отраслей человеческой деятельности.

Применительно к явлению концепта, продуктивным представляется интерпретация выдвинутого подхода в плане интеграции сенсорного опыта восприятия мира с генеративными паттернами умственной деятельности, продуцирующими мысли, убеждения, ценности и другие конструкты на основе использования когнитивной (концептуальной) функции естественного языка. Сенсорный опыт рассматривается как первичный источник знаний о внешней реальности, на основе которой формируется экологическое пространство человека (умwelt, когнитивная ниша), а также языковая картина мира.

Несмотря на наблюдаемый прогресс в сфере исследования концепта, ряд важных проблем остается недостаточно разработанным и открытым. Одним из перспективных направлений развития теории концепта нам видится в разработке «квантово-когнитивного» подхода в рамках квантовой когнитивистики (*quantum cognition*) – новой междисциплинарной области исследования на стыке квантовой механики, психологии, лингвистики (Латыпов Р.А., Комиссарова Г.Н.).

Отметим, что в отношении языкового концепта слово квант первоначально было использовано в сочетании «квант знания» в метафорическом смысле (Е.С. Кубрякова). Новейшие работы по когнитивной науке свидетельствуют о стремительном расширении сферы терминообразного употребления слова и его производных - квантование, кванти-

рование, квантор - в областях, близких к когнитивной лингвистике. В этих контекстах термин квант предлагается понимать не в переносном смысле как синоним чего-то очень мелкого и незначительного, а как определенный способ лингвокогнитивного описания «проявленной» (локальной, плотной, материальной, цифровой) и «непроявленной» (тонкой, духовной, аналоговой) реальностей в рамках парадигмы «состояние системы» и нового метаязыка (холон, холархия, недвойственность и др.). Концепт, с квантовых позиций, относится к единицам интегральных систем, в рамках которых явленный мир есть творение и выражение духовной деятельности человека.

С этих позиций намечается разграничение процессов категоризации и концептуализации. Если категоризация отражает обобщенные формальные логические (понятийные), психические, семантические, нейрологические принципы классификации, то концептуализация представляется операцией **«концептуальной интеграции»**, «является универсальной и лежит в основе лингвокреативной деятельности человека» (Заботкина В.И.).

В указанном аспекте концепт представляет собой, на наш взгляд, мощный когнитивный ресурс.

© О.А. Майорова, 2015

А.А. Малов
ПНИПУ, Пермь, Россия

Базы данных аффективных норм языка как средство оценки эквивалентности перевода эмотивной лексики

Одной из основных проблем лингвистики и переводоведения по сей день является вопрос эквивалентности перевода. Особенно хорошо эта проблема заметна на примере лексики, имеющей эмоциональную коннотацию. Одно и то же состояние может быть описано различными вербальными средствами. Это зачастую приводит к нарушению коммуникации между носителями одного языка. Ситуация становится еще сложнее при необходимости перевода, даже на уровне перевода отдельных слов. К примеру, слово “joy”, в зависимости от контекста и языковой ситуации, может означать как «радость» так и «удовольствие», слово “anger” - «злость» и «гнев». Не имея ясного контекста, который бы явно показывал, какое из значений актуализируется, принять решение о выборе эквивалента крайне сложно. Один из самых популярных онлайн словарей Multitran предлагает для перевода понятия “anger” и «злобу», и «гнев», а также «ярость» и «раздражение». Толковые онлайн словари

мало помогают с выбором, так как толкование английских слов не совпадает с толкованием ни одного из предложенных вариантов. Согласно Кембриджскому словарю, “anger” это сильное чувство, из-за которого хочется причинить кому-то вред либо ощущение недовольства, из-за нечестного или недоброго происшествия. «Злоба», согласно толковому словарю, это чувство злости, недоброжелательства к кому-нибудь. «Гнев» - чувство сильного возмущения, негодования, «ярость» - сильный гнев, а «раздражение» - вызванное чем-нибудь состояние досады, недовольства [8].

Таким образом, на сегодняшний день вопрос оценки эквивалентности перевода слов с эмоциональной коннотацией остается открытым и актуальным для лингвистов и переводчиков. Ситуация усложняется тем, что сами эмоции, в виду своей физиологической природы, являются исключительно субъективными переживаниями и не поддаются прямым наблюдениям или измерениям [3]. По этой причине, они не могут быть объективно систематизированы или измерены, хотя попытки регулярно предпринимаются представителями различных наук [2]. Нас, как лингвистов и переводчиков, в первую очередь интересуют способы систематизации вербальных средств выражения эмоций, с помощью которых, возможно было бы представить некий алгоритм оценки эквивалентности при переводе эмоциональной лексики.

На наш взгляд, таким способом может быть создание баз данных аффективных норм, основанных на скалярном подходе. Этот подход появился в 1957 году и основан на принципе семантического дифференциала [2]. Согласно ему, словам присваивается числовое значение по двум или более шкалам, отражающим одну из характеристик: знак (valence) и интенсивность (arousal) эмоций.

Первой базой данных подобного типа стала ANEW (Affective Norms of English Norms) [1]. Она была разработана в 1999 году в качестве вербального дополнения к уже существующим IAPS и IADS- базам данных изображений и звуков, созданным с целью получения схожих эмоциональных реакций от людей при проведении психологических исследований.

При создании ANEW использовались три шкалы: pleasure (положительность эмоции), arousal (интенсивность) и dominance (доминантность). В исследовании участвовали студенты-психологи первых курсов, каждый из которых должен было оценить 100-150 слов по трем показателям по 9-балльной шкале, используя SAM. В общей сложности было оценено 1040 английских слов. При последующем статистическом анализе учитывались средние значения по каждому показателю, стандартное отклонение и частотность слова. Результатом стала база данных английских слов с эмоциональным значением или коннотацией, кото-

рым были присвоены конкретные числовые значения. К примеру, слово “anger” имело средние оценки 2.87 по знаку, 6.73 по интенсивности и 5.47 по доминантности.

На данный момент существует около 10 подобных баз данных для других языков, среди которых немецкий, испанский, португальский, польский и другие. Все они создавались по схожей схеме, однако в некоторых варьируется система оценки (пяти- или семи-балльная), количество оцениваемых показателей и фиксируемые статистические данные [4, 5, 6, 7].

Для сферы перевода наличие идентично составленных баз данных аффективных норм различных языков означает возможность создания словаря аффективной лексики, основанного не на словарном значении слова, а напрямую на тех эмоциях, которые та или иная лексическая единица вызывает у носителя языка. Сравнительный анализ эквивалентов, подобранных при помощи классического и нового словаря, также будет представлять огромный интерес, так как он затрагивает фундаментальные вопросы переводоведения. В связи с этим мы считаем необходимым создание базы данных аффективных норм русского языка, работа над которой уже ведется в рамках написания диссертационной работы на соискание степени кандидата наук.

Литература

1. Bradley, M. M., & Lang, P. J. (1999). Affective Norms for English Words (ANEW): Stimuli, instruction manual and affective ratings (Technical Report C-1). Gainesville, FL: University of Florida, NIMH Center for the Study of Emotion and Attention.
2. Iris B. Mauss & Michael D. Robinson (2009) Measures of emotion: A review, *Cognition and Emotion*, 23:2, 209-237, DOI: 10.1080/02699930802204677
3. Koelsch S., Jacobs A.M. (2015) The quartet theory of human emotions: An integrative andneurofunctional model, *Physics of Life Reviews* 13 (2015) 1–27
4. Monnier C, Syssau A (2013). Affective norms for french words (FAN). *Behavior Research Methods*.Epub ahead of print. doi: 10.3758/s13428-013-0431-1
5. Redondo J, Fraga I, Padrón I, Comesaña M (2007). The Spanish adaptation of ANEW (affective normsfor English words). *Behavior Research Methods*, 39:600–605. doi: 10.3758/BF03193031 PMID:17958173
6. Riegel M, Wierzbna M, Wypych M, Żurawski Ł, Jednoróg K, Grabowska A, et al. (2015). Nencki AffectiveWord List (NAWL): the cultural adaptation of the Berlin Affective Word List–Reloaded (BAWL-R) for Polish. *Behavior Research Methods*. doi: 10.3758/s13428-014-0552-1
7. Võ, M. L.-H., Conrad, M., Kuchinke, L., Urton, K., Hofmann, M. J., & Jacobs, A. M. (2009). The Berlin Affective Word List Reloaded (BAWL-R). *Behavior Research Methods*, 41, 534–538. doi:10.3758/BRM.41.2.534
8. Иные источники:
Cambridge dictionary online <http://dictionary.cambridge.org>
Толковый словарь русского языка <http://www.vedu.ru/>

© А.А. Малов, 2015

**Особенности функционирования составных наименований
в русском языке XVI-XVII веков**

Составные наименования как такой тип номинации, когда для обозначения предмета или явления действительности используется не слово, а сочетание слов, широко представлены в памятниках XVI-XVII веков. «Формированию, активизации составных наименований способствовали общественные условия и потребности» [5, 12]. Развитие ремесел, торговли, государственно-административные преобразования вызвали необходимость новых средств номинации.

Составные наименования данного периода строятся по модели «прилагательное плюс существительное». Прилагательное является указателем отличительных свойств обозначаемого, служит средством его конкретизации. Так, прилагательное в составе наименований со значением лица помогает дифференцировать лицо по определенному признаку: социальному, должностному положению, профессии или роду занятий (*беглые, бобыльские, приказные, ратные, служилые, мастеровые, посольские, работные, ремесленные, торговые люди*), по национальной, территориальной принадлежности (*крымские, литовские, русские, польские, уездные люди*). «Составные наименования - важное звено номинативных средств русского языка; в них самым непосредственным образом подчеркивается признак обозначаемого; они помогают преодолеть «словный барьер» при закреплении данных общественной практики в процессе движения от незнания к знанию» [1, 35]. Для обозначения новых объектов реального мира обычно используются не столько новые слова, сколько усложненные формы лексики [2, 533]. В той или иной сфере человеческого знания обычно не увеличивают количество новых слов, а чаще всего опираются на имеющиеся, придают им более узкое значение, включая в лексико-семантические связи и отношения, уточняющие объем выражаемого понятия.

В текстах XVI-XVII вв. в качестве опорного слова используются существительные *двор, изба, приказ, человек, деньги, книга, грамота* и др.: *бобыльский, гостиный, винокуренный, денежный двор; приказная, съезжая, земская, губная изба; оброчные, откупные, ямские, подушные деньги; Поместный, Посольский, Разбойный приказ; вольная, духовная, подорожная, поклонная грамота* и т.п.

Составные наименования могут соотноситься с однословными: начальные люди — начальники, присыльные люди - присыльники и. т.д.

В подобных комплексных наименованиях опорные существительные выполняют функцию словообразовательного суффикса.

Если «опорное слово многозначно, отдельные его значения служат базой для создания комплекса составных наименований» [6, 175]. Так, на базе производного значения слова двор «государственное (или церковное) учреждение, ведающее различными хозяйственными и административными делами», образовались следующие составные наименования: двор *владычный, епископий, митрополичий, патриарший, закладной, земский, казенный, кружечный, посольский, судный, тюремный*. На базе производного значения «место пристанища приезжающих с товарами для продажи, а также торговые ряды (с прилегающей площадью)» - двор *постоялый, приездный, стоячий, гостиный* и др.; производное значение «предприятие различного производственного назначения» послужило основой для образования составных наименований: *бархатный, винокурный, денежный, зелейный, печатный, пушечный* двор; производное значение «государственное хранилище, кладовая» явилось базой комплексных наименований: *житный, (житенный), казенный, кладовый, рыбный* двор и др.; производное значение «отдельные хозяйственные службы» дало составные наименования *банный, конюшенный, воловий, коровий* двор. Таким образом, вокруг одного опорного слова организуются целые пучки составных наименований, связанных с разными сферами бытования языка. Это обуславливало их особую активность в языке XVI-XVII в. Отдельные слова с широким значением (типа *грамота, книга*) развивали до ста и более составных наименований [4].

Многозначные существительные, выступающие в качестве опорного слова комплексных наименований – *изба, двор, начата, приказ, книга, грамота, деньги, человек, голова* и т.д., отличались диффузностью значений, их взаимопроницаемостью. Составные наименования снимали неопределенность, широту значения таких существительных.

В XVI-XVII вв. в сфере имен существительных наиболее продуктивным способом номинации являлось суффиксальное словообразование, однако словообразовательные средства были дифференцированы недостаточно, словообразовательные модели отдельных лексических групп не были окончательно оформлены. Составные наименования нередко служили единственными названиями соответствующих реалий. Например, книги *писцовые, полонные, ясачные, иетчиковые* и др. - при отсутствии однословных параллелей; конь *водяной (морской, речной)* - при отсутствии лексического заимствования *гиппопотам*.

Таким образом, дефицит однословных наименований и дефицит словообразовательных средств приводили к избыточности составных наименований в русском языке.

Одним из принципов функционирования и развития языка является принцип экономии в употреблении языковых единиц [6, 177]. «В соответствии с этой тенденцией в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат столько, сколько необходимо для понимания» [3, 372]. Активное участие составных наименований в пополнении словаря рассматриваемого периода свидетельствует о проявлении принципа парадигматической экономии [2, 534], характерной для лексики XVII в. В последующую эпоху значительное количество составных наименований вытесняется однословными, т.е. парадигматическая экономия уступает место синтагматической экономии.

Литература

1. Кожин А.Н. Составные наименования в русском языке [на материале военно-деловой лексики] // Мысли о современном русском языке. – М., 1969.
2. Мартин А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике, вып. 3. – М., 1963. – С. 3-21.
3. Пауль Г. Принципы истории языка/ Пер. с нем. Под ред. А.А. Холодовича. В., С.Д. Кацнельсона. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975.
5. Фаткуллина Ф.Г. Мифологизмы в русском литературном языке XVIII века. Автореф... канд. филол. наук. – М., 1991. – 22 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. – Дисс... докт. филол. наук. – Уфа, 2002. – 343 с.

© А.С. Махмутова, 2015

А.С. Махмутова
БашГУ, Уфа, Россия

Тюркизмы – наименования лиц в деловых памятниках древнерусской письменности

В истории русского языка немаловажную роль в наименовании лиц по социальному положению, должности, роду занятий сыграли тюркизмы.

Большое количество слов тюркского происхождения со значением лица зафиксировано в памятниках деловой письменности, относящихся к периоду ордынского владычества, а также в русских источниках послеордынского периода, отражающих отношения Московского государства с государствами восточными. Это такие слова, как *баскак*, *дорога*, обозначающие представителей власти, *толмач* (переводчик), *казначей*, *киличей* (посол), *улан* (член ханской семьи, лицо княжеского рода), *бакшей* (писец), *бураложник* (должностное лицо, чиновник), *карачей* (представитель высшей знати, советник хана) и др. Тюркизмы *баскак* и *дорога* в значении «представитель золотоордынского хана», по-

видимому, являлись синонимами, различающимися степенью употребительности: в отличие от общеупотребительного *баскак*, *дорога* встречается гораздо реже и преимущественно в деловой письменности. Слово *дорога* стало известно носителям русского языка позднее, чем *баскак*, и сохранялось в языке дольше. *Дорога* в русских источниках XIV-XV вв. (когда баскаки исчезли) – «представитель золотоордынского хана», а после распада Золотой Орды – «представитель местных династий», в XVI в. – «правительственный чиновник у восточных народов». Так, можно говорить о своеобразной «предыстории» слова *бакиши* «ханской чиновник, писец», которое было заимствовано русским языком в золотоордынский период (см. данные Словаря русского языка XI-XVII вв.): в форме *бакиши* это слово впервые встречается под 1357 г. в золотоордынских ярлыках русским митрополитам в качестве непереводимой приставки к личному имени писцов ханских канцелярий.

Если *баскак*, *дорога*, *бураложник*, *бакишей* и под. служили в русском языке почти исключительно для обозначения иноземцев, то производные от тюркизмов слова могли обозначать как иноземцев (*баисник*, *таможник*, *темник*), так и русских людей (*улусник*, *ямщик*, *ямник*, *ордынец*, *таможник*). «В наименованиях лиц по социальному положению, должности, роду занятий, образованных от тюркизмов, продуктивен суффикс -ник» [2, 1483]: *баисник* «должностное лицо, чиновник» - от *байса* «знак отличия, власти»; *темник* «военачальник, командующий десяти тысячным войском – от *тъма* «отряд в десять тысяч человек»; *улусник* «подвластный владетель, вассал» - от *улус* «удел, владение, подвластная страна»; *ямник* «сборщик ямского сбора, заведующий ямской повинностью» - от *ям* «повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу»; *таможник* «сборщик ордынской подати – от *тамга* «вид подати» и *таможник* «сборщик торговой пошлины» - от *тамга* «торговая пошлина». Существительные *ямщик* и *ямник*, первоначально синонимы, имели значение «сборщик ямского сбора, заведующий ямской повинностью». В дальнейшем (XVI в.) *ямник* вытесняется лексемой *ямщик*, за которой окончательно закрепляется значение «возница, кучер на ямских почтовых лошадях» (от *ям* «почтовый двор, почтовая станция»).

Ряд «прилагательных, восходящих к тюркизмам, участвовал в образовании составных наименований, конкретизируя значение существительного, обозначающего лицо» [1]. Так, в русских переводах золотоордынских и крымскоханских ярлыков при перечислении военных и гражданских чинов и званий упоминаются *темный князь*, *улусный князь*, *кочевный князь*. *Темный князь* (от *тъма* «отряд в десять тысяч человек») – начальник десяти тысяч воинов; *улусный князь* (от *улус* «удел, владение») – удельный феодал, владетельный бек; *кочевный князь* (от *кочевать*) – представитель степной кочевой феодальной аристократии, вла-

детель кочевого улуса. В русских грамотах встречаются также устойчивые словосочетания с прилагательными *ямской* (от *ям* «почтовый двор»), *таможный*, *таможенный* (от *тамга* «торговая пошлина»): *ямской дьяк*, *ямской староста*, *ямской охотник*, *ямской приказчик*; *таможный*, *таможенный дьяк*, *таможенный голова*.

В XIII–XVI вв. тюркизмы способствовали обогащению лексико-семантической группы существительных со значением лица в русском языке. Сфера функционирования тюркизмов – наименований лиц по социальному положению, должности, роду занятий в основном ограничивалась рамками деловой письменности.

Литература

1. Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г., Тюркизмы в русской лингвокультуре // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/122-20435> (дата обращения: 10.07.2015).
2. Фаткуллина Ф.Г. Основные направления исследования категории деятеля в современном русском языке. – Вестник БашГУ, № 3 (1), Т. 17 – 2012. – С. 1483–1485.

© А.С. Махмутова, 2015

И.Х. Мигранова
БашГУ, Уфа, Россия

Проблемы восприятия и понимания научного текста в современной науке

В течение длительного периода, в силу своей большей доступности, значительное внимание со стороны ученых получали вопросы порождения текста, поэтому они более исследованы, чем вопросы его понимания. Лишь относительно недавно тема эффективности восприятия и понимания текста вообще и научного текста, в частности, становится актуальной в современной лингвистике (см. работы Н.И. Жинкина, А.И. Новикова, Ю.А. Сорокина, А.А. Леонтьева, А.М. Шахнарович, Н.П. Пешковой, Т.Ю. Касаткиной, Н.М. Нестеровой, Т.А. Сенченко, Н.М. Ткаченко, М.А. Холодной, В.Е. Шевченко и др.).

Общеизвестно, что и восприятие, и понимание как внутренние механизмы речевой организации человека входят в круг вопросов психолингвистических исследований. Они рассматриваются как последовательные, переходящие друг в друга процессы переработки информации, где восприятие представляет собой начальный этап семантизации перерабатываемого сообщения, проходящий на сенсорном уровне, а понимание – конечный результат семантизации, протекающий на уровнях мышления и памяти.

В современном философском словаре отмечается, что восприятие предполагает осознание субъектом самого факта стимулирования и определенные представления о нем. Для того, чтобы это произошло, необходим «ощутимый ввод сенсорной информации». Другими словами, нужно, чтобы человек осмыслил то, что он воспринимает. Следовательно, восприятие можно рассматривать как задачу, которая может заключаться в операциях анализа, сравнения, выявления главного и интерпретации для формирования сознательного представления об окружающей действительности. Опираясь на эти заключения, можно представить восприятие текста как процесс извлечения смысла, который, как правило, располагается за внешней формой текстовых высказываний. Это требует знания лингвистических закономерностей ее построения. Восприятие любого текста возникает при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности.

Восприятие реализуется в полной мере, если человек может соотносить прочитанное с действительностью и модифицировать свое адекватное понимание и толкование ситуации. В этом случае реципиент может описать подтекстовую ситуацию более подробно, чем если бы он производил формальный анализ воспринимаемых текстовых сообщений. Исходя из этого, можно сделать заключение о том, что понимание текста связано с процессом перехода текста в смысл, таящийся за ним. Понимание позволяет людям переходить от слов к образам и мыслям. При этом образы, возникающие в процессе осмысления, могут иметь многогранный и многосмысловой характер.

Результаты восприятия могут быть различны, но они практически всегда зависят от объекта восприятия и субъекта, участвующего в данном процессе. Экспериментальные исследования, проводимые на протяжении последних десятилетий, выявили, что существует три группы факторов, оказывающих влияние на данный процесс. К ним относятся:

- характеристики личностей субъектов;
- вербальные характеристики текста и его содержания;
- условия, в которых протекают процессы восприятия и понимания.

Кроме того, при восприятии научного текста значимым фактором в действии механизмов экспрессивности представляется взаимодействие мировоззренческих установок автора и адресата текста. Это может проявляться в форме совпадения либо частичного совпадения их воззрений, конфликта, столкновения мнений и так далее. Такого рода ориентиры могут относиться к эмоциональному мировоззрению, причем существенным компонентом этих ключевых эмоций является *интеллектуальная* составляющая, занимающая высшую ступень среди других эмоций, так как по уровню обобщённости они идентичны отвлечённому мышле-

нию и по большей части выражают более или менее устойчивые мировоззренческие установки личности.

Подчеркнем, что каждый человек воспринимает текст, в том числе научный, неодинаково, «в разных ракурсах», однако «есть предел числу степеней свободы и этот предел представляет собой объективное содержание или объективный смысл», или, выражаясь словами А.А. Брудного, «его концепт». Воспринимая произведение, читающий как бы создает собственный текст, текст-интерпретацию. В процессе восприятия происходит, во-первых, сравнение с эталоном, хранящимся в памяти человека; во-вторых, для восприятия характерно избирательное выделение и организация данных, полученных от внешнего мира; в-третьих, в восприятии важен контекст.

В этой связи весьма справедлива точка зрения В.А. Масловой о том, что восприятие текста невозможно без прогнозирующей психической деятельности адресата. Поскольку такое прогнозирование носит вероятностный характер, то возникает рассогласование прогноза о получаемой затем информации. Восприятие и понимание обусловлено психологическими свойствами личности (интуицией, воображением, уровнем образованности и т.п.), а также условиями макро- и микросреды, с которой непосредственно контактирует читатель, и конкретной ситуацией, в которой происходит восприятие текста. Условия макросреды связаны с общественными явлениями; условия микросреды – это ближайший круг людей и предметов, с которыми непосредственно контактирует личность.

Поэтому можно утверждать, что адресат не может абсолютно адекватно понимать автора текста. Однако писатель, предугадывая вопросы и возможный характер восприятия читателя, может обосновать свою точку зрения и устранить деформации в восприятии при создании определенного текста. Кроме того, «легкость» восприятия текстов зависит от их особенностей, к числу которых относятся близость текста к интересам читателя, качество содержания и стиль написания. Иначе говоря, можно предположить, что читатель, изучая текст, оценивает его по этим трем параметрам.

В лингвистической литературе на сегодняшний день уделяется особое внимание тому, как личность понимает текст. Благодаря достижениям современной науки исследователи сегодня значительно приблизились к построению целостной концепции понимания текста. Многообразные разработки проблемы интерпретации текста создают достаточно основательную базу для построения концепции понимания, в том числе этому способствуют такие теоретические наработки, как теория языкового сознания, теория доминанты, различение смысла и значения текста (см. работы Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.И. Новикова, Е.Ф.

Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой, Н.П. Пешковой, В.В. Красных и др.).

Вместе с тем, рассмотрение современных гипотез свидетельствует об отсутствии единой теории ввиду того, что проблема смыслового восприятия и понимания текста исследуется с различных позиций. Анализ лингвистических разработок позволяет утверждать, что имеющиеся модели достаточно противоречивы.

Литература

1. Брудный А.А. К анализу процесса понимания текстов / А.А. Брудный // Знак и общение / отв. ред. А.А. Брудный. – Фрунзе: Илим, 1974. – С.3–6.
2. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека: Введение в психологию / П. Линдсей, Д. Норман; пер. с англ. под ред. А.Р. Лурия. – М.: Мир, 1974. – 550 с.
3. Маслова, В.А. HOMO LINGUALIS в культуре: монографии / В.А. Маслова. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004. – 242с.
4. Радлов Э.Л. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Э.Л. Радлов. – Изд. 3-е. – Москва : URSS: Либроком, 2010. – 284 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х т. / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т.1. – С. 442–483.

© И.Х. Мигранова, 2015

М.А. Микаберидзе
ПНИПУ, Пермь, Россия

О роли нарратива в деловой литературе

В настоящее время современная деловая литература находится на пике своей популярности. В эту группу можно отнести книги по ведению эффективного бизнеса, об искусстве управления фирмой, саморазвитию, автобиографические издания, повествующие об историях успеха отдельных личностей или корпораций. Подобная литература учит ставить и определять цели, достигать их и правильно использовать свои результаты.

Основными читателями бизнес-литературы являются руководители, менеджеры и топ-менеджеры крупных компаний. На вопрос, чем вызван их интерес к подобным произведениям, представители бизнес-сообщества ссылаются на желание оценить личный опыт автора, возможность применить его советы и рекомендации в жизни. Читатели также говорят о вдохновении, которое приходит к ним во время чтения книг: автор становится близок читателю, его пример меняет отношение к окружающей действительности, «вдохновляя на подвиги». Вероятно,

причина высокой популярности и интереса читателей кроется именно в нарративности данных произведений.

Д. Шифрин определяет нарратив как форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других [7]. В свою очередь Д. Бойл считает, что нарративы обеспечивают объяснение образа наших действий, способ запоминания и обдумывания их [4].

В последнее время нарратив стал предметом повышенного научного интереса в самых различных дисциплинах. Особую роль сыграло в этом литературоведение, которое на основе последних достижений лингвистики стало воспринимать сферу литературы как специфическое средство для создания моделей «экспериментального освоения мира», моделей, представляемых в качестве примера для «руководства действиями» [7]. Именно такого «руководства к действию» и ожидает читатель, выбирая ту или иную книгу из области деловой литературы, а нарративность, присущая этому жанру, позволяет изучить индивидуальный опыт внутри жизненного контекста. По мнению Л.К. Салиевой, нарративный метод используется практически во всех сферах теоретического знания – истории, естествознании, социологии, политологии, психологии, теории управления, культурологии, философии, социологии, медицине. Исследование повествовательных текстов дает возможность проникнуть в опыт как отдельного человека так и культуры (индивидуальное видение мира, концепция мира культуры или ее области, отраженная в текстах, сюжетных схемах и т.д.) [3]. Понимание опыта автора и его культуры позволяет создать новый подход к решению собственных бизнес-задач, способствует формированию новых стратегий управления и мотивирует на изменение сложившейся концепции бизнеса.

Дж. Брунер в книге «Актуальные сознания, возможные миры» противопоставляет нарративный модус самоосмысления и самопонимания и более абстрактный научный модус, который он называет «парадигматическим» [5]. Согласно Брунеру, воплощение опыта в форме истории, рассказа позволяет осмыслить его в интерперсональной, межличностной сфере, поскольку форма нарратива, выработанная в ходе развития культуры, уже сама по себе предполагает исторически опосредованный опыт межличностных отношений [5].

В контексте бизнес-литературы в подобные межличностные отношения вступают автор и читатель, который заинтересован в изучении опыта и дальнейшем его применении на практике. Поэтому важным критерием в понимании и принятии произведения является близость и понятность личности автора, которая достигается посредством нарратива.

Так, Мюррей выдвинул предположение о том, что именно в повествовании раскрывается структура личности, и разработал Тест тематической апперцепции (Thematic Apperception Test – TAT) – нарративную психологическую методику [7].

Таким образом, читатель перенимает опыт автора, проецирует его на собственный, получая тем самым практическое руководство к действию и рекомендации по ведению бизнеса, которые также являются одними из главных критериев заинтересованности читателя в книгах жанра бизнес-литературы.

Жизненная история как социокультурно обусловленный нарратив, являющийся частью Я-концепции, является основой предложенной Д.П. Макадамсом модели идентичности, где личная история человека придает смысл его опыту и выполняет исключительно важную роль для определения «Я». Жизненные истории объединяют разнообразные эпизоды жизни в некий согласованный паттерн. Согласованность жизненной истории делает жизненные события значительно более наполненными смыслом [2].

Так можно предположить, что актуальность деловой литературы и возросший в последнее время интерес к ней обуславливаются ее нарративностью, которая отражает близкие и понятные читателю жизненные истории, позволяя проецировать опыт автора на свой собственный. Обращаясь к вопросу, чего ждет читатель от произведения данного жанра, можно отметить, что именно желание усовершенствовать себя и свой метод ведения бизнеса является основным в выборе книг бизнес-литературы, где повествование и осмысление действительности передается через нарратив.

Литература

1. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: Intrada, 2001.
2. Макадамс Дэн П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. – М., 2008.
3. Салиева Л.К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 46, октябрь 2014.
4. Boyle D. In search of a political narrative // Liberator, 2005
5. Bruner J.S. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge, MA, 1986.
6. Schiffrin, D. In Other Words: Variation in reference and narrative. Cambridge, 2006.
7. Texts of identity. /Ed. by Shotter J., Gergen K. J. - L. etc, 1989.

© М.А.Микаберидзе, 2015

Д.Г. Байрон и просветительская философия религии

Жизнь Байрона протекала в интенсивных религиозно-философских исканиях, как и жизнь большинства поэтов романтического поколения. Отдельные аспекты проблемы уже были рассмотрены автором в статье «Кальвинизм и католицизм в восприятии Д.Г. Байрона» [3, 114-117]. В настоящей статье в центре внимания автора находится еще одна концепция, занимавшая важное место в картине воззрений поэта – просветительская философия религии, основу которой составляют деизм, рационализм и скептицизм.

Исследователями давно отмечена характерная черта Байрона, выделяющая его среди других европейских романтиков – ориентация на просветительство в сочетании с новым романтическим мышлением. Вероятнее всего, деизм и рационализм Байрон воспринял от английского просветителя и классициста Александра Поупа, поэзию которого он всегда считал образцом совершенной и недостижимой для себя гармонии и ясности. Поуп имел в глазах Байрона огромный авторитет не только в области поэзии. По крайней мере, в юности, формируя собственные убеждения, Байрон находился под сильным влиянием философских взглядов Поупа. Еще одним источником просветительских идей стали для Байрона труды Вольтера, которые он хорошо знал уже к девятнадцати годам, хотя его всегда отталкивал вольтеровский холодный рационализм.

Во всем творчестве Байрона отзвуки философии религии просветителей различимы совершенно отчетливо. Во-первых, подобно просветителям поэт отказывался принимать церковь как таковую. Он не отрицал, что верит в бога. Но это не был бог церкви, поскольку ему всегда сопутствует догма, а едва ли Байрон ненавидел что-либо сильнее. В его письмах к разным адресатам в разные периоды жизни несколько раз мелькает раздраженное «*ваши* верования». «Ваши» – это официальные, санкционированные церковью (любой!), их он не мог и не хотел разделять. К тому же его вслед за протестантами не устраивала сама идея посредничества между человеком и богом. В одном из писем он сообщил, что отказался принимать причастие из-за неверия в «полномочия» земного священника.

А вот как рассуждал Байрон в возрасте двадцати трех лет: «Я не платоник, я вообще никто; но скорее готов быть павликианцем, манихеем, спинозистом, язычником, последователем Пиррона или Зороастра, чем принадлежать к одной из семидесяти двух отвратительных сект, раздирающих друг друга во имя божье и из взаимной ненависти. Что вы

твердите мне о Галилейской вере! Покажите мне результаты – докажите, что ваши догматы сделали вас лучше, мудрее, добрее. Я готов указать десяток мусульман, которые по части благоволения к людям, молитвы и исполнения долга перед ближними могут служить вам примером. Нет ни одного буддийского монаха или бонзы, который не стоял бы выше любого пастора, охотника на лисиц... что касается религии откровения, то Христос явился спасти людей; но порядочный язычник попадет в рай, а дурной назареянин – в ад. Следовательно... почему не все люди христиане? К чему вообще быть христианином? Если спасутся жители Тимбукту, Отаити, Terra Incognita и пр., никогда не слышавшие и не помышлявшие о Галилее и ее пророке, то к чему христианство? А если вне христианства нет спасения, почему не все являются правоверными христианами? Разве справедливо посылать проповедника слова божия в Иудею, а остальное человечество – негров и прочих – оставлять во тьме, *темной*, как их кожа, ни единым лучом света не указав им путь ввысь? И кто поверит, что бог ввергнет людей в ад земной за незнание того, чему их не учили?... он, если бы *явился* или *прислал* о себе весть, наверняка явился бы всем народам и так, чтобы его поняли все» [1, 36-37].

Приведенный фрагмент письма, возможно, слишком велик, но он крайне важен для понимания позиции Байрона. Во-первых, здесь отчетливо обозначено просветительское неприятие церкви, которое поэт сохранит на всю жизнь, не будучи в этом особенно оригинальным среди английских романтиков. Члены лондонского кружка (Ч. Лэм, В. Хэзлитт, Ли Хент, Дж. Китс) придерживались сходных взглядов на организованное христианство. Характерное замечание Дж. Хэзлитта: «Каннибалы жгут своих врагов и дружески съедают их, наслаждаясь обществом друг друга; кроткие христианские прелаты во славу Божью и людям во благо обрекают на адский огонь души и тела тех, кто не согласен с ними хотя бы на волосок» [цит. по 2, 32]. Во-вторых, Байрон настаивает на том, что нет ни одной религии, которая владела бы монополией на истину, и христианство не исключение.

Неприятие института церкви сближает Байрона с деизмом, возникшим в XVII веке как одна из христианских сект, а в XVIII столетии взятый на вооружение просветителями: «Я не верю ни в какую религию откровения, потому что ни одна религия таковой не является; а если церкви доставляет удовольствие проклинать меня за то, что я не признаю фикции, я отдаю себя на милость *«Великой Первопричины»*» (“I do not believe in any revealed religion, because no religion is revealed; and if it pleases the Church to damn me for not allowing a nonentity, I throw myself on the mercy of the *“Great First Cause”*” [5, 98]. Поэт уже в юности прямо называл себя деистом: «Я жил деистом; кем умру, не знаю» (“I have lived a *Deist*, what I shall die I know not”) [4, 115]. И, исходя из собственных

размышлений, логика которых совпадает с логикой деизма, он не сомневался в существовании некоего абсолютного начала, божества, стоящего над всеми религиями. Разум подсказывал ему, что «все в мире восходит к какому-то источнику... должно же быть начало всех вещей, а *когда и как* – это уж неважно... нам легче представить себе *Творца*, чем случайное сочетание атомов» [1, 274].

В течение всей жизни Байрона занимала идея бессмертия души. Это тот вопрос, в котором его взгляды претерпели серьезные изменения с возрастом. В юности он, будучи скептиком, не допускал возможности личного бессмертия [1, 36, 82]. Сомнения в нем присущи и деистам. В зрелые годы Байрон путем размышлений пришел к убеждению, что если в человеке что-либо бессмертно, так это именно дух. Крайне интересно обоснование этого вывода. В своих «Разрозненных мыслях», философском дневнике 1821 года, Байрон выводит бессмертие души из непрерывной деятельности ума, не прекращающейся даже во сне. Кроме того, «материя вечна, она постоянно изменяется, но воспроизводится и, насколько мы в состоянии постичь вечность, она вечна; отчего бы и Духу не быть вечным? Почему бы Духу не действовать во Вселенной и на нее, подобно тому, как часть его одушевляет скопление праха, именуемое человечеством?» [1, 273]. Перед нами, как отмечает Дж. Макгэйн [6, 251-252], аргументы материалиста и рационалиста, а не христианина: возможности духа оцениваются только через сопоставление с возможностями материи. Кроме того, стоит иметь в виду байроновскую концепцию человека, которая основывается на неразделимости души и тела, «праха» и «божества». Человек – это существо, созданное из «горящего праха» (“fiery dust”), сплав противоположных начал, одинаково зависящих друг от друга, так что ни душа, ни тело не имеют приоритета. Позиция христианства в этом вопросе, как известно, принципиально иная. Особо отметим, что под душой Байрон понимает разум [1, 273], бессмертие которого не противоречит общим положениям деизма.

Просветительская философия религии – лишь один из элементов картины религиозной жизни Байрона, и воздействия ее не стоит переоценивать. Он не был последовательным деистом: для этого потребовалось бы подняться над всеми религиями и прийти к отвлеченной, философской концепции божества. Однако Байрон, несмотря на свой космополитизм и серьезный интерес к восточным учениям, ощущал себя принадлежащим христианскому миру и его культурной традиции. Какими бы сложными ни были его отношения с христианством, он не мог порвать эту связь.

Отделяет Байрона от философии религии просветителей и еще одно обстоятельство: несмотря на рациональный склад ума, он слишком остро чувствовал, что на бесконечную вселенную с ее бесчисленными

мирами нельзя наложить сеть понятий и категорий разума. В сопоставлении с этой бесконечностью теряют смысл любые – рационалистические или визионерские – попытки объяснить мир. В силу присущей ему беспощадной ясности видения Байрон не мог довольствоваться никакими утешительными доктринами, к которым он причислял и философию просветителей.

Литература

1. Байрон Д. Г. Дневники. Письма. – М.: Наука, 1965. – 439 с.
2. Дьяконова Н.Я. Лондонские романтики и проблемы английского романтизма. – Л.: Издательство ЛГУ. 1970. – 232 с.
3. Михайленко Е.Н. Кальвинизм и католицизм в восприятии Д.Г. Байрона. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5-1 (35). – С. 114–117.
4. Byron's Letters and Journals: in 10 vol. / ed. by L. A. Marchand. Cambridge (Mass.), Vol.1. 1973. P. 298.
5. Byron's Letters and Journals: in 10 vol. / ed. by L. A. Marchand. Cambridge (Mass.), Vol.2. 1973. P. 308.
6. McGann J. J. Fiery Dust. Byron's Poetic Development. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 324.

© Е.Н. Михайленко, 2015

М.Ю. Михайлова
ПГСГА, Самара, Россия

Истоки формирования семантики невыразимого

Одной из актуальнейшей для современных исследований функционально-семантических категорий языка является семантика невыразимого. Подтверждением сказанному служит значительная библиография, посвященная семантике невыразимого в разных науках (философии, искусствоведении, литературоведении, лингвопоэтике и проч.).

При узком толковании семантики невыразимого понимают инвариантное значение невозможности вербализовать какой-то факт или явление действительности (значение ‘нельзя выразить’). На уровне быденного сознания представлено ещё более узкое понимание анализируемого значения ‘невозможно выразить из-за экстраординарных качеств предмета речи’, напр.: – *Мам, я так тебя люблю, слов нет!* (Разговорная речь).

Основой семантики невыразимого, её грамматическим стержнем, является категория отрицания. Система средств передачи семантики невыразимого иерархически организована и распределяется по разным уровням языка, но отличительной чертой данного значения является показатель отрицания (отрицательные частицы и префиксы, а также внутрилексемное отрицание).

В настоящее время семантика невыразимого привлекает внимание исследователей разных областей филологического знания и из различных стран (Россия, Франция, Германия, Литва, Польша, США и др. [16; 6; 18; 19; 20]).

Тот факт, что семантика невыразимого изучается на материале разных языков, свидетельствует о том, что данное значение следует отнести к языковой универсалии. О соотношении средств передачи невыразимого в английском и русском языках мы писали в работе [10].

Объектом исследования настоящей статьи являются соотношение понятий апофатики и невыразимого. Предмет исследования – изучение истоков формирования плана передачи семантики невыразимого в русском языке. Материалом исследования послужили научные тексты философской, теологической, онтологической направленности, тексты, характеризующие понятие апофатизма в литературоведческом ключе. Общее количество научных источников, посвященных анализируемой теме, составило около 50 наименований.

Слово апофатический дословно переводится как отрицательный (от греч. *apophatikos* – отрицательный). Согласно современному толковому философскому словарю, апофатическая теология последовательно отрицала все понятия, атрибуты и представления, связанные с Богом. Отрицание того, что он есть, а затем того, что его нет, позволяло доказывать его существование по ту сторону бытия [1].

Современное состояние научной и, в частности, философской мысли таково, что апофатика «рассматривается не только как часть религиозной онтологии, но и как методология, объединяющая философские доктрины как теистической, так и атеистической направленности» [11, 3].

Исторически апофатизм возник как религиозная методология. Оторвавшись от религиозных догматов, апофатизм проник в онтологию, преобразовался в разнообразные философские умозрения [11; 16]. Ученые различных наук, разных исследовательских парадигм указывают на параллели между традицией апофатики, с одной стороны, и нигилизмом в духе Ницше, экзистенциализмом, атеизмом, с другой, см., напр. [21].

В России XX в. одними из первых исследование апофатики в широком контексте мировоззренческих и философских задач, а не только в рамках теологии, предложили А.Ф. Лосев и С.Н. Булгаков [7; 2]. В настоящее время ученые признают апофатизм универсальной религиозно-философской методологией, указывают на зачатки апофатики во многих религиях мира: понятие нирваны в буддизме, запрет на изображение Бога в иудаизме (Brumlik, 1994) и мусульманстве, христианский апофатизм [17; 6].

Апофатический подход к реалиям мистического опыта в иудаизме [17, 235] и исламе представлен как запрет изображения Бога, в концепции высшего духовного начала всего сущего (Брахмана) в индуизме. Брахман в индуизме свободен от качеств и действий, внеположен явленному (феноменальному) миру, невыразим в положительных терминах, его определяют путем отрицания *немыслимый, неслышимый, непознаваемый, неизменяемый, непроявленный, нерожденный, лишенный образа, безначальный, бесконечный, «не это не это» (naiti, nfiti)*, см., напр.: [4].

«Однако недаром в логике не рекомендуется в определениях пользоваться отрицательными предикатами. Не-А - очень сильное понятие, оно дополняет А до универсума, не-А - это всё остальное, что не А», - замечает Г.Л. Тульчинский [14, 161].

В целом в настоящее время апофатизм рассматривают как содержательную пустоту, категорию ничто, мнимость, как отказ от самого описания, «художественный апофатизм (предмет характеризуется через отрицание его признаков и возможности его описать, например, Чичиков ни стар, ни молод, ни красив, ни уродлив – «человек без свойств»)» [16, 106; 6]. Добавим, что не случайно мыслители древности ставили процедуру апофазиса выше катафатики (положительного описания). Апофатическое описание базируется на неопределенности, а это дает большую полноту характеристики [5; 16; 21; 6].

С другой стороны, апофатически описанное является более сложным, затрудненным для восприятия. См. удивление ребенка при прослушивании стихотворения Ю. Мориц: «Художник Пивоваров / Не молодой, не старый». Ребенок: «Мама, а какой?». Действительно, ведь «не-А – это всё остальное, что не А» [14, 161].

В целом философскую методологию апофатизма как метода познания и способа репрезентации результатов этого познания давно взяли на вооружение литературоведы. Ученые исследуют традиции апофатики в художественном тексте; изучают проблему соотношения традиции апофатики и молчания, вскрывают теологическую сторону взаимодействия художественного текста и апофатики; изучают апофатизм в русской художественной литературе на материале произведений Н. Гоголя, Ф. Достоевского, И. Тургенева, Ю. Буйды [3; 21; 6; 10; 16].

Обращение к истокам формирования плана передачи семантики невыразимого в русском языке, осуществленное с опорой на языковой материал философской, теологической, онтологической направленности, показало, что подобные тексты регулярно содержат средства передачи семантики невыразимого. В частности, оксюмороны семантики невыразимого (*выразить невыразимое, познать непознаваемое* и т. п.) нередко являются ключевыми словами названных текстов, раскрывают

философско-методологическое содержание того или иного дискурса. В целом можно утверждать, что план передачи семантики невыразимого в значительной степени формируется на основе философского и теологического дискурсов как прошлого, так и настоящего.

Другим истоком формирования плана передачи анализируемой функционально-семантической категории является фольклор. Как уже отмечалось выше, грамматическим стержнем семантики невыразимого является категория отрицания. В фольклоре хорошо известны средства выразительности, базирующиеся на отрицании. Это так называемые отрицательные сравнения (Голуб, 2001). См., пример, ставший визитной карточкой подражания фольклорной речи, из стихотворения Н. Некрасова:

*Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи –
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.*

Подобно фольклорному тексту в стихотворении дается масштабная панорама природных явлений, но они не называются прямо; образы рисуются апофатическим способом, при помощи последовательного отрицания природных фактов. Изучение отрицательных сравнений разрабатывается в русистике стилистикой; между тем такие стилистически отмеченные синтаксические конструкции базируются на эстетике апофатики и указывают на то, что фольклор является ещё одним истоком формирования семантики невыразимого в русском языке. Подробнее о бытовании семантики невыразимого в фольклоре см. [8].

В основе фольклора всегда содержится языковая картина мира. Современные исследователи отмечают, что картина мира формируется, с одной стороны, языковыми средствами, отражающими языковые универсалии, а с другой – языковыми средствами, закрепляющими особенности национального мировидения того или другого народа [15].

Наше пилотное исследование бытования семантики невыразимого в фольклоре показывает, что план передачи невыразимого в фольклоре широко представлен, закреплён за устойчивыми выражениями. Кроме того, вероятно, можно говорить о том, что не только в русском фольклоре представлена семантика невыразимого, но и в фольклоре других языков. Так зачины сказок многих языков мира содержат утверждение – отрицание «Было ли, не было ли...». Следовательно, фольклор является безусловным источником формирования плана передачи семантики невыразимого, и эта закономерность прослеживается на ряде языков.

В целом истоками формирования семантики невыразимого следует считать апофатизм как универсальную философскую методологию

познания способа репрезентации невербализуемого и фольклорную традицию описания через отрицание.

Литература

1. Апофатическая теология // Краткая философская энциклопедия. – М.: Издат. группа «Прогресс» - «Энциклопедия», 1994. – С. 26.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний. - М.: Республика, 1994. – 415 с.
3. Гаврилова М.В. Никто, ничто и кто угодно: «апофатика» Ю. Буйды // Логический анализ языка. – М., 2009. – С. 297-305.
4. Гайденок В.П. Апофатическое богословие <http://iph.ras.ru/elib/0234.html>.
5. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб, 1997. – 340 с.
6. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 384 с.
7. Лосев А.Ф. Философия имени. - М., 2009. – 300 с.
8. Михайлова М. Ю. Местоимения как средство передачи семантики невыразимого // Инновационные процессы современности: Сб. материалов Междунар. научно-практ. конф. – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014. – С. 149 – 153.
9. Михайлова М.Ю. Михайлова М.Ю. Значение невыразимого в малой прозе Ю. Буйды // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Сб. материалов XII Междунар. научно-практ. конф. – Тольятти: Волжск. ун-т им. В.Н. Татищева, 2015. – С. 102 – 106.
10. Михайлова, 2015, Репрезентация семантики невыразимого в разных языках // Russian Linguistic Bulletin. - №3 (3) 2015. - С. 19 – 21.
11. Нечунаев В.В. Категория ничто и смысл негативности в апофатике Мейстера Экхарт: Автореф. дис. ... канд. филос. н. – Новосибирск, 2005.
12. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. – М.: МГОУ, 2009. – С. 294-295.
13. Тульчинский Г.Л. Апофатизм // Проективный философский словарь. – СПб: Алетейя, 2003. – С. 22.
14. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб: Алетейя, 2002. – 680 с.
15. Фаткуллина Ф.Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана // Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: материалы науч.- практ. конф. Москва, 24 ноября 2014 г. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 190-197.
16. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы: Учебн. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 559 с.
17. Brumlik M. Schrift, Wort und Ikone. Wege aus dem Bilderverbot. Frankfurt am Main, 1994.
18. Derrida Ja. Doctor honoris causa Universitatis Silesiensis. -Katowice, 1997.
19. Kita M. Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego // Stylistyka XI. 2002. Opole, 2002. - S. 101-119.
20. Korolko M. Sztukarectwo. Przewodnik encyklopedyczny. - Warszawa, 1990.
21. Lachmann Renate. The semantic construction of the void: Sven Spieker (ed.), Gøgøl: Exploring Absence Bloomington || Slavica, 1999. - P. 18-33.

© М.Ю.Михайлова, 2015

Смысл как интегративный аспект восприятия текста и его понимания

При исследовании процессов порождения и понимания речевого произведения нельзя не затронуть проблему смысла и его извлечения из текста. По словам Н.П. Пешковой, «сам процесс речевой коммуникации можно представить как процесс обмена информацией или «обмена смыслами», происходящий между коммуникантами» [10, 212].

Рассматривая текст как способ презентации языкового сознания, Н.А. Маркина выделяет следующие пласты текстовой информации: 1) смыслы, которые близки и понятны современникам; 2) смыслы, которые вкладывает при интерпретации каждое последующее поколение; 3) смыслы, которые зависят от личного восприятия и личностных ассоциаций, то есть, связаны с уровнем развития языковой личности [5].

А.А. Белоногова представляет основной смысл текста (концепт) как условный центр сообщения, его ядро, от которого отходят второстепенные (дополнительные) смыслы [1]. Е.В. Данилова говорит о том, что смысл текстовой информации определяется в сознании читателя не только композиционно-логическими закономерностями языкового содержания текста, но и характером отраженных в языковом сознании отношений между названными предметами [2].

По мнению И.В. Соловьевой, следует различать понятия «смысл текста» и «смыслы текста» [12]. «Смысл текста» автор представляет как «конфигурацию связей и отношений между разными элементами деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается читателем, понимающим текст. «Понятие «смыслы текста» не совпадает с понятием «смысл текста», поскольку, помимо наиболее общего смысла, текст может включать разные типы смыслов, отличающиеся особенностями пробуждаемой рефлексии» [12, 109].

Согласно В.А. Миловидову, смысл может быть определен как ментальное образование, возникающее в результате рефлексии реципиента по поводу текста [6].

Две традиции исследования понятия «смысл» отмечает Д.А. Леонтьев: 1) смысл - синоним значения; 2) концептуальная оппозиция «смысл – значение» [4]. А.Н. Леонтьев дает следующее определение психологическому значению - это то, «что открывается в предмете или явлении объективно - в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. В этой форме, в форме языкового созна-

ния, оно составляет содержание общественного сознания» [3, 297]. Личностный смысл – это личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [3, 147].

Глубокое освещение проблемы онтологии смысла, его признаков и характеристик, получили в трудах А.И.Новикова, занимавшегося разработкой концепции смысла в русле психолингвистики текста.

«Смысл управляет отбором и распределением языковых средств при создании речевого произведения, он же является целью, средством и результатом его понимания» [9, 43]. Применительно к тексту под смыслом понимается то, что возникает в сознании коммуникантов в результате понимания сообщения, то есть «ментальное образование, которое формируется в результате понимания» [8, 7]. Автор подчеркивал, что понимание не заканчивается на уровне обработки текстовой информации, непосредственный результат понимания текста возбуждает различные связи и отношения, приобретая дополнительные компоненты познавательного, эмоционального, прагматического и субъективного характера. При этом он разграничивал понятия содержания и смысла текста.

Под содержанием А.И. Новиков понимал ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в сообщении, и представляющее собой продукт мыслительной деятельности индивидуума, соответствующий непосредственному результату понимания адресатом определенного сообщения. Содержание существует в виде информации, возбуждаемой в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств, составляющих данный текст, а также дополнительной информации, привлекаемой для понимания этого сообщения. Эмоциональные, оценочные, субъективные и прагматические компоненты, сопровождающие процесс понимания и осмысления речевого произведения, сюда не относятся, они принадлежат смыслу[7, 33].

Актуализация определенных структур знаний в результате воздействия на сознание адресата языковых единиц разных уровней не гарантирует полное понимание речевого сообщения. Глубокое понимание характеризуется переходом на уровень смысла, который представляет собой «одновременно средство и конечный результат осмысления» [7, 156].

Согласно А.И. Новикову, основываясь на данные, представленные непосредственно в тексте, можно вывести структуру содержания данного текста. Смысловая же структура принадлежит не тексту, а смысловой сфере личности, воспринимающей текст. Следовательно, моделирование смысловой структуры текста подразумевает не столько обращение к тексту, сколько к смысловой структуре личности [7, 179].

Можно говорить об общем характере содержания для всех реципиентов сообщения, по сравнению со смыслом, который является личностным, индивидуальным. По словам Н.П.Пешковой, содержание представляется «своего рода связующим элементом между автором текста и его адресатами» [11, 22].

С точки зрения лингвистического подхода, по мнению А.И. Новикова, смысл соотносится с информацией, содержащейся непосредственно в тексте. Таким образом, процесс постижения смысла подразумевает извлечение его из сообщения. Неотъемлемым признаком текста автор представляет принцип доминантности. В результате экспериментальных исследований, А.И. Новиков приходит к выводу, что формирование общего смысла речевого произведения предстает в виде центральной ситуации, представляет собой свернутое знание, которое в сознании замещает текст, и тем самым выступает как его доминанта [9, 44]. Проявляется доминанта в ключевых словах, которые по терминологии А.Н. Соколова являются «носителями смысла» фрагментов текста [12].

А.И. Новиков описывает принцип доминантности через некоторую часть, которая принадлежит целому, однако приобретает способность замещать это целое, представлять его в мышлении, т.е. выступает в роли его знака, между частью и целым устанавливается отношение заместительности [9, 47].

Экспериментальные исследования обстоятельств формирования общего смысла речевого высказывания проводились А.Н. Соколовым и А.И. Новиковым на художественном тексте. В результате анализа экспериментальных данных по научному тексту, Н.П. Пешкова приходит к выводу о том, что в научном описании для большинства участников эксперимента смысл текста совпадает с его основным содержанием [10]. Также Н.П. Пешкова отмечает, что тенденция к полному отождествлению смысла сообщения с его содержанием тем выше, чем меньше у реципиента знаний как общего характера, так и специальных знаний предметной области. Однако автор указывает на наличие определенных особенностей, проявляющихся в зависимости от типа текста.

Проблема смысла представляет собой принципиальную значимость для изучения моделей понимания различных типов текста. Как показали многочисленные экспериментальные исследования процесса понимания текста, проведенные Н.П. Пешковой, тип речевого произведения оказывает непосредственное влияние на механизмы его смыслообразования.

Следует отметить, что технические и научные тексты-описания отмечены такими типологически значимыми характеристиками, как объективно-логическая последовательность и отсутствие субъективной

модальности, что исключает эмоционально-оценочные элементы во внешней структуре текста. В случае научного рассуждения-доказательства, также содержание предстает в виде довольно стандартной, формализованной внешней структуры представления содержания. Н.П. Пешкова предполагает, что она оказывает решающее влияние на процесс восприятия и понимания информации. Возможность интерпретации определяется особенностями содержания, индивидуальным когнитивным пространством участников эксперимента, а также внешней формой сообщения. Н.П. Пешкова особенно подчеркивает не только значительную роль внешней формы текста в процессе его восприятия, но и говорит о доминантности внешней формы над внутренней [10].

Итак, согласно экспериментальным данным Н.П. Пешковой, влияние типа текста на механизмы смыслообразования реализуется посредством его характеристик, принадлежащих внутренней форме, а именно – особенности структуры содержания, пресуппозиционный компонент, связанный с когнитивным пространством автора и реципиента, а также характеристики внешней формы – тип последовательности и проявление субъективной модальности.

Литература

1. Белоногова А.А. Синонимия «текстов-компактов» как фактор адекватности понимания текста в условиях межкультурной коммуникации: Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Ульяновск, 2003. - 21 с.
2. Данилова Е.В. Психолингвистический анализ восприятия художественного текста в разных культурах: Дис. канд.... филол. наук. - М. 2001. -204с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1997.-304 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е испр. изд-е. - М.: Смысл, 2003. - 487 с.
- 5.Маркина Н.А. Текст как способ презентации языкового сознания: Дис.... канд. филол. наук. -М., 2001. - 146 с.
6. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. - 93 с.
7. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация.М., 1983.
8. Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков// Теория и практика речевых исследований. М.,1999. С.68-82.
9. Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация// Вопросы филологии. 1999б.№3.С.43-48.
10. Пешкова Н.П. Типология научного текста:психолингвистический аспект: монография [Текст] / Н.П. Пешкова. – Уфа: Уфимск. Гос. авиац. техн. ун-т, 2002. – 261с.
11. Пешкова, Н.П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: монография [Текст] / Н.П. Пешкова, А.А. Авакян, И.В. Кирсанова, И.Н. Рыбка. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 268с.

12. Соловьева И.В. Динамика смысла в деятельности по пониманию текста //Языковые подсистемы: стабильность и динамика. Сб. науч. тр. - Тверь, Твер. гос. ун-т, 2002. - С. 107-112.

© А.В. Моисеева, 2015

Е.А. Морозкина, Ю.А. Филиппова
БашГУ, Уфа, Россия

В. фон Гумбольдт как основоположник сравнительно-исторического языкознания

Вильгельм фон Гумбольдт (1767 - 1835) – выдающийся немецкий ученый, философ, языковед рубежа XVIII-XIX веков, деятельность которого способствовала как становлению философии языка в качестве самостоятельного научного направления, так и развитию общего и сравнительно-исторического языкознания. Основы лингвофилософской концепции Гумбольдта и ключевые идеи методологии изучения языков изложены в его многочисленных трудах, до сих пор остающихся актуальными для решения проблем современного языкознания.

Одной из главных работ Гумбольдта принято считать сочинение «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», посмертно опубликованное в 1836-1839 годах как вступительная часть к оставшемуся незаконченным трехтомному труду «О языке Кави на острове Ява». Известны и другие работы, среди которых выделяют: «О мышлении и речи» (1795), «О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие» (1821), «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития».

Большинство исследователей отмечают, что система изучения языков, предложенная В. Гумбольдтом, отличается всеобъемлющим подходом к сути рассматриваемых явлений, что позволило ученому выявить заложенную в языке противоречивость и вывести знаменитые языковые антиномии. Сам термин *антиномия* восходит к греческому слову *antinomia* (от *anti* – против, и *nomos* – закон), первоначально использовавшемуся в юридическом контексте в значении «противоречие между двумя законами или внутренняя самопротиворечивость какого-либо отдельного закона» [10]. В философском ключе понятие антиномии было переосмыслено в труде И. Канта «Критика чистого разума» (1781), в котором были обозначены четыре основные антиномии чистого разума, а именно: антиномия конечного/бесконечного во времени и пространстве, членимости/нечленимости (простоты/сложности), свобо-

ды/необходимости (причинности/спонтанности), обусловленности/случайности всего сущего и происходящего [3].

Как полагают исследователи, именно размышления Канта о проблеме противоречивости бытия и мышления способствовали выявлению Гумбольдтом в языке схожего свойства «антиномичности».

В результате, Гумбольдтом был обозначен ряд языковых антиномий, сформулированных, согласно интерпретации Б.А. Ольховикова, следующим образом: антиномия неразрывного единства и внутреннего противоречия языка и мышления, антиномия языка как деятельности и произведения, антиномия языка и речи, антиномия речи и понимания, антиномия объективного и субъективного в языке, антиномия коллективного и индивидуального в языке, антиномия свободы и необходимости в языке, антиномия устойчивости и движения в языке, антиномия произвольности и мотивированности знаков как элементов языковой системы. Следует отметить, что некоторые исследователи учения Гумбольдта, например, Ф.М. Березин, также выделяют антиномию целого и единичного в языке [2, 56].

Идея противоречивости языковых элементов и явлений действительно пронизывает всю теорию Гумбольдта. Так, он убежден, что язык состоит из «весьма разнородных элементов», на основании чего возможно проследить период становления языка и «до известной степени определить заключительные моменты» процесса его развития [4, 310]. Иными словами, язык представляется ученому «живым организмом» (*organisches Wesen*), рождающимся, развивающимся и погибающим подобно человеку. По Гумбольдту, сравнительное языкознание как наука должно заниматься «изучением организма языков», а также изучением особенностей их развития [4, 311].

Понятие языка как организма предвосхищает развитие идей философии позитивизма, ставшего основой возникновения натуралистической концепции в искусстве и языкознании. Одной из основных традиций позитивизма стала попытка относить явления культуры и искусства к области физиологии. Гумбольдт призывает к исследованию организма языка на основе сопоставления формирования и развития культурного процесса, в котором индивид и народ в целом влияют на язык, равно как и язык оказывает влияние на нацию и конкретного носителя языка.

В русле позитивизма Гумбольдт решает проблему целесообразности языка, имея в виду его «понятийную сферу», построенную по четким законам грамматических соединений, систематизаций и учета «всех обнаруженных в нем аналогий» [4, 312]. Исследователь убежден, что язык в определенном отношении связан с искусством, культурой наций и может найти применение в различных областях науки. Таким образом, подтверждается позитивистский тезис о том, что «знание многих языков

может быть полезным» для установления общих законов строения языка и для отдельных исторических исследований [4, 313].

Говоря о языке, Гумбольдт вспоминает о «природном инстинкте животных» (Naturinstinct), не обладающих способностью к овладению языками, и по аналогии предлагает называть язык «интеллектуальным инстинктом разума» (intellektuellen Instinct der Vernunft) [4, 314]. Гумбольдт полагает, что язык можно представить «как явление интеллектуально-теологическое, как средство формирования наций, как орудие создания более многообразной и индивидуально-своеобразной интеллектуальной продукции» [4, 314]. Одновременно язык непосредственно заложен в человеке, человеческом рассудке. Известно знаменитое высказывание Гумбольдта о том, что «человек является человеком только благодаря языку» [4, 314]. Язык как продукт инстинкта разума у разных индивидов и народов может достигать различной степени совершенства. Так, Гумбольдт противопоставляет древние (первобытные) и современные языки и приходит к выводу, что последовательность и примитивность форм свойственны первобытным языкам, тогда как для развитых языков характерна высокая степень их формализации, с одной стороны, и «аномалия во многих частях их строения», с другой [4, 315]. Первобытным языкам «не достаёт власти формы» [4, 315] и потому, чтобы расшифровать код такого языка, необходимо, по Гумбольдту, забыть грамматику, которая в древности «еще не управляет языком, а проявляет себя только в необходимых случаях» [4, 315]. В современных же языках уже «ни один элемент не мыслится вне формы, а сам материал в речи становится полностью формой», благодаря чему, полагает Гумбольдт, язык достигает «своей наивысшей завершенности» [4, 315].

Сравнительно-исторический метод изучения языков у Гумбольдта, прежде всего, диалектичен и представлен в виде языковых антиномий. Согласно В.И. Постоваловой, «для любой диалектической концепции <...> характерно наличие двух логически самостоятельных моментов – фиксирования исходных антиномий и их разрешения (синтеза)» [9, 92-93]. На практике, как показывает история, данные составляющие часто разграничиваются. Так, если антиномии фиксируются, то акцент делается на «подчеркивании разрывов (парадоксальности)», если же они рассматриваются в виде своего рода синтеза, внимание в большей степени уделяется поиску «связи и связанности» [9, 93]. Ярким примером такого подхода является отмеченная А.Ф. Лосевым «невероятная страсть» Платона к «антиномическим разрывам», что полностью исключает всякий синтез [6, 652]. Полагаем, что Гумбольдту в разработанной им лингвофилософской системе удалось учесть и совместить оба логических компонента, благодаря чему все выдвинутые им антиномии являются взаимосвязанными и взаимодополняемыми.

Центральное место в лингвофилософском учении Гумбольдта занимает рассмотрение языка в его связи с мышлением, а также изучение языка как деятельности. Из данных позиций формируются самые значимые антиномии Гумбольдта: во-первых, антиномия о неразрывном единстве и внутренней противоречивости языка и мышления и, во-вторых, антиномия языка как деятельности и как произведения. С нашей точки зрения, эти антиномии составляют основу всей диалектической концепции Гумбольдта, именно из них могут быть выведены ключевые положения и всех остальных гумбольдтовских антиномий и, в частности, методология сравнительно-исторического языкознания.

Следует отметить, что «в исследовании природы и свойств языка Гумбольдт изучал функционирование языка в широком смысле», имея в виду не только набор лексических и грамматических элементов, но и соотношение языка, мышления и чувственного восприятия [8, 376]. Противоречивое единство языка и мышления, по Гумбольдту, проявляется в формировании с помощью языка «мира представлений» (*Ideengebiet*). Разграничивая слово и понятие, Гумбольдт полагает, что слово относится к языку и «является его самой важной частью», а понятие – это идея, «единица в мире мыслей» [4, 317], и только благодаря слову, понятие может выйти из мира мыслей и представлений и обрести языковое выражение. Сущность языка Гумбольдт видит в том, чтобы «отливать (*giessen*) в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [4, 315]. По Гумбольдту, «язык есть орган, образующий мысль», а интеллектуальная деятельность и язык представляют собой единое целое, что является необходимым, иначе, полагает Гумбольдт, «мысль не сможет достичь отчётливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [4, 75]. Таким образом, Гумбольдт пришёл к заключению о том, что слово есть выражение нашего собственного взгляда на предмет, нашего видения предмета. Согласно идее Гумбольдта, язык как деятельность, направленная на понимание, – это «материал», «единый источник», который «передаёт духовную настроенность говорящих на одном языке» [4, 75]. Язык и дух «сливаются в единый и недоступный нашему пониманию источник» [5, 71].

Язык, по Гумбольдту, есть «деятельность духа, возвышающая членораздельный звук до выражения мысли» [4, 71]. Следует отметить, что принцип деятельности выделяется среди множества признанных преимуществ лингвофилософской системы В. фон Гумбольдта. Исследователи отмечают, что немецкий лингвист одним из первых «сознательно положил» принцип деятельности «в основу своей концепции языка» [9, 35]. Поскольку каждые новые поколения и отдельные индивиды привносят в язык новые оттенки значений, неизбежно изменяя его, то язык, по Гумбольдту, является одновременно процессом и продуктом

деятельности. По Гумбольдту, язык должен рассматриваться не в качестве «мертвого продукта», а «созидающего процесса» [1, 339], что доказывает постоянное развитие любого языка. Более того, это развитие – процесс творческий, т.к. каждый индивид непрерывно привносит в язык изменения, благодаря своей внутренней «творящей силе», присущей каждому человеку от рождения. «Гумбольдт отмечает присущую человеку творческую силу в качестве основного критерия свободы человеческого разума, перерабатывающего внешние впечатления с помощью языка» [7, 110].

Таким образом, лингвофилософская система В. фон Гумбольдта впервые теоретически обосновывает статус сравнительно-исторического языкознания. Гумбольдт одним из первых предложил в изучении процесса развития и сравнения языков придерживаться принципа деятельности, учитывать заложенную в любом языке антиномичность, а также дал научное обоснование необходимости связи языка и мышления, учитывая их внутреннее противоречивое единство. Выдвинутые Гумбольдтом идеи озаменовали формирование сравнительно-исторического языкознания как отдельной дисциплины и послужили плодотворным источником для построения множества лингвистических концепций последующими поколениями исследователей.

Литература

1. Амирова Т.А., Ольховиков, Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. / под ред. С.Ф. Гончаренко. – 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
2. Березин Ф.М. История лингвистических учений. Учебник для филол. спец. вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1984. – 319 с.
3. Грузберг Л. Антиномия // Филолог. – Пермь, 2003. – № 2.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
5. Звегинцев В.А. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – С. 73-103.
6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии, т.1. – М.: 1930. – С. 652.
7. Морозкина Е.А. Филиппова Ю.А. Лингвистическая система Вильгельма фон Гумбольдта у истоков герменевтической модели перевода // Вестник Башкирского университета, 2014, № 1. – С. 110-114.
8. Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А. Репрезентация антиномии В. фон Гумбольдта о неразрывном единстве и внутренней противоречивости языка и мышления в национальной языковой картине мира // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; – С. 376. URL: <http://www.science-education.ru/122-20569>.
9. Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982. – 223 с.

И.Х. Мусин, О.Н. Гордеева
БГМУ, Уфа, Россия

**Тема общения, как социальный детерминант,
влияющий на выбор языка у билингва**

В процессе вербального общения переключение билингвов с одного языка на другой нередко детерминируется темой и самими коммуникантами (участниками коммуникативного акта). Достойным внимания в этом отношении является экспериментальное изучение японо-американской речи японских женщин, которые вышли замуж за американцев и уехали со своими мужьями на место жительства в США. Факты употребления ими родного (японского) языка ограничивались тремя случаями: 1) когда они попадали в естественную языковую среду своего этноса во время поездок в Японию; 2) когда они устраивались на работу в японском ресторане и 3) во время бесед со своими друзьями - японцами. В беседах со своими японскими подругами на личные и чисто «японские» темы они говорили преимущественно на японском языке, который в таких условиях общения становился языком дружеской беседы. Но если при их разговоре присутствовали их мужья - американцы, которые, как правило, не знали японского языка, то беседа между подругами велась уже не на японском, а на английском языке. Интересно отметить и тот факт, что когда речь заходила о товарах, покупках, блюдах, туалетах, то независимо от присутствия или отсутствия их мужей разговор между японками велся на английском языке. Это объясняется, как нам представляется, характером естественной ситуации, то есть в силу нормального речевого контекста обитания коммуникантов. Таким образом, функции английского и японского языков оказываются распределенными неравномерно, в зависимости от конкретных условий речевого общения, затрагивающего различные сферы предметного и культурного мира. При изменении условий общения, когда японкам предлагалось, например, обсудить «японскую» тему с американцем (на английском языке), их английская речь часто деформировалась: они вводили больше японских слов, их синтаксис искажался, а речь делалась менее беглой, то есть простое изменение темы и слушателя заметно изменяло речевое поведение билингвов.

Переход с одного языка на другой в зависимости от темы(содержания) разговора наглядно проявляется, например, в речевом поведении парагвайцев. Их речь на гуарани насыщена испанскими сло-

вами, вставляемыми в середину фразы на гуарани. Если тема разговора затрагивает не семейно - бытовые сферы, а касается более серьезных предметов, то парагвайцы, сами того не замечая, часто переключаются с гуарани на испанский язык. Активное вторжение испанского языка в гуарани сегодня можно объяснить прежде всего меняющимся образом жизни парагвайцев, возникновением и бурным развитием новых тем.

Необходимо иметь в виду, что воздействие социофакторов на речевую деятельность носит исключительно специфический характер, не зависящий непосредственно от воли отдельных людей, которые в состоянии лишь учитывать эти факторы, но не могут кардинально что-то изменить в их функционировании. Этот факт, по-видимому, объясняется тем, что речевое поведение коммуникантов детерминировано определенными этическими правилами и нормами, влияющими на социальное и речевое воздействие личностей.

© И.Х. Мусин, О.Н. Гордеева, 2015

В.М. Нелькенбаум
БашГУ, Уфа, Россия

Скрытые смыслы в названиях ранних стихотворений Б.Л. Пастернака

Творчество Б.Л.Пастернака, классика литературы начала XX столетия, активно и всесторонне изучается. Исследованию подвергаются все новые и новые особенности его произведений: было предпринято множество попыток систематического описания его поэтического мира. Был создан частотный словарь тезауруса Пастернака, были выявлены системы семантических инвариантов, были проведены наблюдения над изменениями в структуре стиха, был рассмотрен идиостиль писателя, проведен анализ поэтического мира отдельных произведений.

В данной статье мы предпримем попытку рассмотреть скрытые смыслы в ранней лирике Бориса Пастернака на произведениях из сборников и циклов: «Близнец в тучах», «Поверх барьеров», «Сестра моя - жизнь», «Темы и вариации». Предпочтение этого периода творчества связано с тем, что он является, на наш взгляд, наиболее показательным в плане самобытности скрытых смыслов и ярко демонстрирует их специфику.

Как справедливо отметил Ю. Лотман, раннему Пастернаку свойственны «напряженные попытки найти скрытые отношения между предметами и сущностями внешнего мира» [2, 98]. И именно такие отношения между предметами и сущностями внешнего мира мы надеемся выявить в названиях ранних стихотворений поэта.

В первом сборнике «Близнец в тучах» наше внимание привлекли следующие стихотворения: «Близнецы» («Сердца и спутники, мы кочеем...») и «Близнец на корме» («Как топи укрывает рдест...»). Тяготение к «близнецу» у Пастернака позволяет нам говорить о его стремлении вложить в названия этих стихотворений особый, двойственный смысл, наводит на мысль о двойственности и зыбкости всего Бытия. Такие рассуждения дают возможность уловить тонкий намек на другой мотив – мотив зеркальности. Близнец – это копия, отражение человека, его сокровенных мыслей и чувств. То есть автор наталкивает нас на мысль о том, что «все вокруг – это отражение чего-то другого, тайного, непостижимого» [4, 1626]. Весь Мир – это зеркало нашей реальности, отражающее человеческие мысли и переживания, являясь при этом «близнецом» нашей Вселенной.

В сборнике «Поверх барьеров» особенно хочется обратить внимание на стихотворение «Марбург». История этого европейского города, как и его замок и собор, имеют богатую историю. В этом городе Пастернак когда-то жил: гулял по его улочкам, любовался красотами европейской архитектуры. Именно поэтому данное стихотворение можно считать неким отражением авторского мировосприятия и мироощущения того периода. Пастернак назвал это произведение «автобиографическими отрывками о том, как складывались его представления об искусстве и в чем они коренятся».

Интересным в плане выявления скрытых смыслов является стихотворение «Зеркало» («В трюмо испаряется чашка какао...») из цикла «Сестра моя жизнь», в котором появляются образы «трюмо», «стекла» как аналоги зеркала. Возникает ощущение того, что лирический герой находится в замкнутом пространстве (комнате, кубе), которое, словно кривое зеркало, отражает отражение действительности.

То есть, можно говорить о том, что образ зеркала в поэзии XX века – словно современная интерпретация образа двойника в классической русской литературе или намек на «иной мир», существующий как искажение настоящего Мира.

Мир «наоборот» – это «зазеркалье» души автора, где обостряются противопоставления «своего и чужого», «внутреннего и внешнего», «подлинного и мнимого». Значит, зеркало в понимании поэта – это «инструмент, удваивающий реальность точно или искаженно» [5, 131]. Семиотический потенциал зеркала исключительно многообразен. Образ-мотив зеркала в художественном произведении как бы указывает на существование другого, второго, мира. Возникает мотив двоemiрия, относящий нас к эпохе романтизма и позволяющий интерпретировать зеркало как одно из «отражений бытия» [2, 42].

Поэт видит в «зеркале» скорее даже не мотив, а метафору - это иной, искаженный мир, далекий от гармонии и идеала.

Цикл «Темы и вариации» также очень интересен и полон разнообразных реминисценций, словно в зеркале отражающих авторское мироощущение и мировосприятие жизненных перипетий [4]. Стихотворение «Подражательная», на наш взгляд, также продолжает тему двоемрия, которая в произведении выражается в антонимии: «В его устах звучало «завтра», / Как на устах иных «вчера» [3, 130].

Итак, лексема «зеркало» (или ее семантические аналоги – стекло, трюмо) достаточно часто используется в ранней лирике поэта, что позволяет сделать вывод о существенной роли «зеркала» в философии Б.Л. Пастернака. Частые упоминания этого мотива в названиях или текстах стихотворений создают ощущение того, что данная тема уже достаточно широко исследована, но на сегодняшний день не существует цельной работы по описанию мотива зеркальности в ранней лирике поэта. Именно поэтому мы считаем, что изучение скрытых смыслов в названиях стихотворений раннего периода творчества поэта позволило нам приблизиться к вопросу об изучении этого мотива в произведениях Пастернака в целом.

Литература

1. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. – СПб.: «Сага», 2001. – 388 с.
2. Лотман Ю. Литературная биография в историко-литературном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Литература и публицистика: проблемы взаимодействия. - Уч. зап.Тарт. ун-та. - Вып. 683. – Тарту, 1986. – 342 с.
3. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы: В 2-х т. Т 1. / Сост., подг. текста и примеч. В. С. Баевского и Е. Б. Пастернака. – 3-е изд. – Л.: «Советский писатель», 1990. – 420 с.
4. Фаткуллина Ф.Г., Художественная картина мира как особый способ отражения действительности [Текст] / Ф.Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. № 3(1). – С. 1626-1627.
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт.филол.наук.– Уфа, 2002.– 343 с.

© В.М. Нелькенбаум, 2015

Н.М. Нестерова, Ю.К. Папулова
ПНИПУ, Пермь, Россия

К проблеме определения основных понятий теории интертекстуальности

Как известно, интертекстуальность является одним из ключевых понятий в современных исследованиях текста и его порождения, в изучении категории вторичности и вторичных текстов. К настоящей-

му моменту написано уже немало работ по теории интертекстуальности, в которых представлены самые разнообразные подходы к пониманию проблемы межтекстовых отношений. При этом нужно отметить, что многие понятия теории интертекстуальности до сих пор не имеют однозначного определения, они по-разному трактуются и зачастую смешиваются между собой как в работах, ставших уже классическими (Ю. Кристева, Р. Барт, Н. Пьеге-Гро, М. Риффатер, Ж. Женетт и пр.), так и во многих современных исследованиях по теории интертекстуальности (Е.В. Белоглазова, Г.В. Денисова, Н.А. Кудрина, О.А. Кулакова, Н.С. Олизько, Е.О. Опарина, Л.П. Прохорова, А.А. Проскурина, О.С. Сачава, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская, Е.А. Чувильская). В связи с этим представляется необходимым уделить особое внимание исходным понятиям, в частности понятиям интертекстуальность, интертекст, архетекст, архитект, предтекст, интекст, гипертекст, метатекст, паратекст, интердискурсивность и интермедальность.

Одним из важнейших понятий теории интертекстуальности и современной гуманитарной парадигмы в целом является понятие интертекстуальность, введенное в научный оборот в конце 60х гг. XX в. основателем теории интертекстуальности Ю. Кристевой для обозначения спектра межтекстовых отношений. Различные подходы к определению понятия интертекстуальность нашли отражение в широкой и узкой концепциях интертекстуальности. В соответствии с первой концепцией каждый текст рассматривается как часть универсального текста, от которого он зависит во всех своих аспектах. Широкая, радикальная концепция интертекста восходит к трудам М.М. Бахтина, провозгласившего идею диалогичности и во многом базируется на понимании данного явления французскими постструктуралистами, включая Ю. Кристеву. Как уже говорилось ранее, интертекстуальность, по Ю. Кристевой, предстает как теория безграничного бесконечного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. В этом смысле всякий текст выступает как интертекст, а предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем. Между новым создаваемым текстом и предшествующим «чужим» существует общее интертекстуальное пространство, которое вбирает в себя весь культурно-исторический опыт личности. Эта широкая концепция интертекстуальности была продолжена в тех или иных вариантах как в отечественном (Ю.М. Лотман), так и зарубежном языкознании (Р. Барт, М. Риффатер и др.) [12, 33]. Широкая концепция интертекстуальности обнаруживает существенный недостаток, на который обращают внимание многие исследователи текста. Рассматривая всякий текст как интертекст, а интертекстуальность как сущность ли-

тературной коммуникации, широкая радикальная концепция тем самым растворяла сами понятия текста и текстуальности, подвергала сомнению их самоценность и целостность. По логике радикальной концепции в центре внимания оказывались не столько тексты, а лишь отношения между ними. [12, 35].

Согласно узкому толкованию, об интертекстуальности следует говорить в том случае, когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. (Р. Лахманн, С. Хольтупс, М. Пфистер, К. Штирле, Ж. Женетт, И.В. Арнольд, Филиппова и др.). Интертекстуальность в таком ее понимании сводится к намеренно маркированной интертекстуальности [12, 37].

Как видим, разные исследователи вкладывают в термин интертекстуальность различный смысл в зависимости от общетеоретической установки. В качестве синонима термина интертекстуальность во многих работах используется термин **интертекст**. Кроме того, интертекст также рассматривается некоторыми исследователями как проявление интертекстуальности. Так, по Л.П. Прохоровой, интертекст является проявлением интертекстуальности в виде фрагментов (цитат, аллюзий, реминисценций), ритмических структур, социальных идиом, культурных формул и т.п. Размеры и вид интертекста варьируют от одного слова до архетипических моделей [9]. А.А. Проскурина определяет интертекст как особый контекст, в котором проявляется интертекстуальность; вид контекстной информации, содержащей внешние тексты, с которыми связан принимающий текст. Интертекст создается с помощью различных отсылок к концептам ранее созданных текстов. Эти отсылки существуют в виде цитат, аллюзий, реминисценций и т.д., которые объединяются в одну общую категорию интертекстуальных средств [10, 35-41]. О.К. Кулакова рассматривает интертекст как разного рода включения, соотношенные с ранее созданными текстами и оказывающие влияние на формирование текстов нового жанра, в то время как под интертекстуальностью исследовательница понимает процесс взаимодействия текстов текстового пространства, направленный на формирование жанра [8, 39-40].

В целом, в современных исследованиях понятие интертекст трактуется как: 1) интекстовое включение; 2) текст, содержащий интексты (Ю.Кристева, Р. Барт, Н. Пьеге-Гро, М. Риффатер, Н.А. Кузьмина, Н.С. Олизко, С.В. Ионова); 3) единое глобальное интертекстовое пространство, в которое погружены текст, автор, читатель (Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева,); 4) как предтекст, т.е. текст-источник, используемый автором для создания своего произведения (Н.А. Фатеева).

Мы будем считать интертекстом текст, который вступает в межтекстовые диалогические отношения с другим текстом (текстами). Напомним, что по определению Р. Барта фактически любой текст является интертекстом, поскольку существует не в изолированном вакууме, а в интертекстуальном пространстве и взаимодействует с другими текстами.

Следует отметить, что не только интертекст, но и другие близкие понятия до сих пор не имеют однозначного определения. Как уже было сказано выше, интертекст часто отождествляется с интекстовым включением. Большинство исследователей определяет **интекстовое включение (интекст)** как любое текстовое включение, которое обнаруживается в другом тексте (цитата, аллюзия, реминисценция и пр.). По Г.В. Денисовой к интекстам можно отнести широкий круг цитат – от собственно цитат (в том числе видоизмененных и/или переосмысленных) до цитирования стиля (как правило, пародийного), ситуации, использования культурно-исторических аллюзий и прямого введения в повествование культурных объектов, рассчитанных на немедленное узнавание читателем [2]. Довольно часто интексты отождествляются с прецедентными именами, высказываниями и текстами, поскольку именно прецедентное высказывание или имя, отсылающее читателя к прецедентному тексту, выступают в качестве интекстового включения.

Как правило, при создании своего произведения писатели осознанно или бессознательно обращаются к прецедентным текстам, которые выступают в роли предтекстов произведения. **Предтексты** – это те тексты, тот материал, который автор осмысливает и отбирает из окружающей его действительности и личного опыта для своего будущего произведения [3, 48]. Таким образом, предтекстом является текст-основа для создания нового текста или текст, служащий источником интекстовых включений. Во многих работах предтекст также обозначается такими терминами, как архетекст, метатекст, микротекст, пратекст, референтный текст, базовый текст, исходный текст, текст-источник, текст-донор и др.

Анализируя связь между интертекстуальностью и прецедентностью, Н.А. Кудрина указывает на то, что в процессе создания нового текста автор неизбежно обращается к прецедентным текстам, интертекстуализируя их, т.е. прецедентность текста формируется благодаря его неоднократной интертекстуализации. Исследовательница также отмечает, что автор обращается не только к прецедентным текстам, которые она вслед за Ю.Н. Карауловым определяет как общеизвестные и общеизвестные тексты, но и к текстам малоизвестным, не прецедентным. Следовательно, согласно Н.А. Кудриной, прецедентный текст всегда интертекстуален, но интертекст не всегда прецедентен [5, 5-7].

Итак, интертекст, как более широкое понятие, может включать в себя прецедентный текст как один из его компонентов (предтекст), который может быть реализован в интертексте в виде интекстового включения, представленного в принимающем тексте прецедентным именем или высказыванием, связанным с этим прецедентным текстом.

Другим понятием, близким понятию интертекст, является понятие **гипертекст**, которое также неоднозначно трактуется исследователями. Первым, кто ввел термин гипертекст и описал его, считается В. Буш, научный советник президента США Ф.Д. Рузвельта. Однако непосредственными создателями концепции гипертекста стали ученые, работавшие в области информационных технологий, Д. Энгельбарт и Т. Нельсон. Гипертекстом они называли модель электронного текста, которая предлагала механизм ссылок, позволяющий гибко увязать различные блоки информации в едином функциональном контексте. Переходы между блоками информации устанавливались автором, а пользователь, следуя по ссылкам, выстраивал композицию, соответствующую собственным интенциям. Таким образом, изначально термин гипертекст рассматривался исключительно как модель электронного текста. Вместе с тем, многие ученые отмечали связь гипертекста с постструктуралистскими принципами [1]. Сам Т. Нельсон признавался, что, работая над своей моделью, он руководствовался идеями, которые носят не технический, а литературный характер. Позднее термин гипертекст стал упоминаться в работах постструктуралистов, которые трактуют его двояко. В широком смысле слова, гипертекст, с точки зрения постструктуралистов, *глобальное текстовое пространство, вобравшее в себя все множество текстов, которые вступают друг с другом во взаимодействие с помощью различных интертекстуальных явлений (цитат, аллюзий, реминисценций и пр.). В узком понимании, это литературный прием, который позволяет создать текст, напоминающий своей структурой ризому (корневище): отдельные элементы текста соединяются между собой ссылками и могут читаться в любом порядке.*

Практически параллельно с Т. Нельсоном другой ученый, литературовед Ж. Женетт, предложил свое определение понятий гипертекст и гипертекстуальность. Под гипертекстуальностью Ж. Женетт понимает любые отношения производности («отпочкования») одного текста (гипотекста) от другого (гипертекста), при этом исследователь различает гипертекстовые феномены в соответствии с двумя критериями – характер связи (имитация или трансформация гипотекста) и ее модальность (игровой, сатирический, серьезный) [13, 3]. Гипертекстом может выступать текст-пародия, текст-стилизация, текст-продолжение и пр.

С понятиями интертекст и гипертекст также соотносится понятие метатекст. **Метатекст** в основном своем значении выступает как ком-

ментарий к тексту, это своего рода «текст в тексте». В таком понимании данный термин используется Ж. Женеттом. Однако нередко метатекст также используется в значении текстового пространства, в которое включено множество текстов. Кроме того, как отмечалось выше, в некоторых работах метатекст встречается в значении текста, созданного на основе другого текста (А. Попович, П.Х. Тороп).

Следует также развести смежные с понятием интертекст понятия **архетекст** и **архитекст**. Как указывает О.К. Кулакова, понятие архетекст включает в себя такие понятийные компоненты, как ценностная доминанта, базисная референтность, архаичность [8, 40-41]. Под архитекстом понимаются «абстрактные, трансцендентные всякому единичному тексту структуры, виртуальные “возможности” сочинительства (жанровые, нарративные, стилистические и т.д.)» [4, 46]. Следовательно, термин архитекст соотносится с жанром, стилем, дискурсом произведения, в то время как архетекст используется как синоним precedentного текста, предтекста, прототекста.

Наконец, в работах, посвященных различным аспектам интертекстуальности, также встречается термин **паратекст**, который трактуется как «окружение» текста (заголовок, эпиграф, предисловие и пр.).

Следует также разграничить понятия интертекстуальность, интердискурсивность и интермедиальность, которые также нередко отождествляются друг с другом и требуют подробного анализа. В общем понимании **интердискурсивность** означает переключение с одного типа дискурса на другой в рамках одного текста. Исследователи выделяют различные виды интердискурсивности: жанровую, диахроническую и интермедиальную. Жанровая интердискурсивность представляет собой взаимодействие в рамках одного текста дискурсов различных жанров и стилей. Диахроническая интердискурсивность – это взаимодействие в рамках одного текста дискурсов различных эпох [11]. Интермедиальная интердискурсивность (или **интермедиальность**) – связь художественного дискурса с другими знаковыми системами в рамках семиосферы [7].

Итак, теория интертекстуальности оперирует различными терминами для обозначения разного рода межтекстовых и внутритекстовых отношений. При этом, одно понятие может обозначаться несколькими терминами, а один термин иметь несколько значений, что обусловлено различиями во взглядах исследователей на данные понятия. Мы будем понимать под интертекстом любой текст, вступающий в отношения с другими текстами. Тексты могут взаимодействовать друг с другом разными способами, например, текст может содержать интексты (текстовые включения – цитаты, реминисценции, аллюзии, отсылающие к другим текстам) или быть созданным на основе другого текста, который в этом случае выступает в роли предтекста. Таким образом, интекст и

предтекст мы рассматриваем как компоненты интертекста. При этом отметим, что предтекстом, как правило, выступает прецедентный текст, интекстами - прецедентные имена и высказывания, отсылающие к прецедентным текстам. Под гипертекстом, вслед за Ж. Женеттом, мы понимаем текст, созданный на основе другого текста. Метатекст мы трактуем как комментарий к тексту. Интертекстуальность нами рассматривается как способность текста вступать во взаимоотношения с другими текстами, которая возникает в результате бессознательного использования писателем других текстов для создания своего произведения. В таком случае вся человеческая культура - это некий единый универсальный текст, а точнее интертекстовое пространство, на основе которого создаются новые тексты. Мы также выделяем термин маркированная интертекстуальность, который трактуется нами как литературный прием, намеренно используемый писателями-постмодернистами, когда автор делает видимым для читателя взаимодействие текстов с помощью особых формальных средств, маркеров интертекстуальности.

Литература

1. Дедова О.В. Путеводитель по саду расходящихся троп (Рец. на кн.: Bell A. The Possible Worlds of Hypertext Fiction. Basingstoke; N.Y., 2010), "НЛО" - 2011. - № 110.
2. Денисова Г.В. Текст. Интертекст. Культура/ Г.В. Денисова. - М.: Азбуковник, 2001. - С. 112-128
3. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод/ Г.В. Денисова. - М.: Азбуковник, 2003.
4. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. Том 1/ Ж. Женетт. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. - 470 с.
5. Кудрина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий - Вестник ТГУ. - 2005. - №4. - С. 5-11
6. Кулакова О.К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования: на материале жанра фэнтези: дис... канд. филол. наук: 10.02.10/ О.К. Кулакова. - Иркутск, 2011. - с. 242.
7. Олизько Н. С. Интермедиаальность как разновидность интердискурсивных отношений// Мировая литература в контексте культуры. 2008. №3. С. 77-79.
8. Опарина Е.О. Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме// Социалингвистика вчера и сегодня: сб. науч. тр./ отв. ред. И.Н. Трошина. - М.: ИНИОН РАН, 2008. - С. 165-175
9. Прохорова Л.П. Интертекстуальность в жанре литературной сказки: На материале английских литературных сказок: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Л.П. Прохорова. - Кемерово, 2002. - 218 с.
10. Проскурина А.А. Прецедентные тексты в англоязычном юмористическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ А.А. Проскурина. - М., 2004. - 203 с.
11. Сачава О.С. Интердискурсивность: синхрония и диахрония// Язык. Текст. Дискурс. - 2011. - №9. - С. 76-83.

12. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 248 с.

13. Genette G. Palimpsests: Literature in the Second Degree, trans. Channa Newman and Claude Doubinsky, Lincoln: U of Nebraska P.Steiner G., 1975, After Babel. Aspects of Language and Translation, New York and London: Oxford University Press.

© Н.М. Нестерова, Ю.К Папулова, 2015

О.С. Нечаева

БашГУ, Уфа, Россия

Перевод и культура

Как известно, языковое общение реализуется в четырех видах речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо. Перевод – это пятый вид языковой деятельности. Среди множества проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение его лингвистических аспектов. Перевод необходим для обеспечения возможности общения между людьми, говорящими на разных языках. Перевод тесно связан с культурой. Культура показывает уровень развития общества в различных областях на определенном этапе. Нужно рассматривать различные аспекты взаимодействия как языковых культур, так и культур вообще. Перевод же является посредником при этих взаимодействиях, он непосредственно с ним связан. Именно он дает людям возможность получить информацию в различных интересующих их сферах, он служит при передаче как научной, технической так и художественной информации. Таким образом, он косвенно влияет на формирование мышления, вкуса и дела нации.

Когда человек или чаще всего переводчик встречается с чем-то новым для него культурой, у него может возникнуть неосознанный страх. Это подсознательное чувство беспокойства берет свое начало с давних пор. Возвращаясь к переводу, можно сказать, что явления, относящиеся к другой культуре, являются причиной непереводаемости. Языковое своеобразие любого текста, ориентированность его содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими «фоновыми» знаниями и культурно-историческими особенностями, не может быть с абсолютной полнотой воссоздано на другом языке. Переводя с одного языка на другой, переводчик должен использовать как свои языковые знания и способности, так и самые разнообразные экстралингвистические знания (о физической природе мира, об обществе и его культуре, о ситуациях, в которых был порожден переводимый текст и будет восприниматься его перевод, об истории народа, на языках которого написан текст и т.д.). Кроме того, переводчик может использовать

комментарии, чтобы сделать текст более доступным для понимания. Целью перевода должна быть передача смысла сообщения, так как основная функция перевода - коммуникативная. Дадим следующую классификацию типов перевода. Переводы, выделяемые по признаку характера и качества соответствия текста переводу тексту оригинала:

- Вольный (свободный) перевод. Перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями, добавлениями, пропусками и т.п., осуществляется на уровне текста, поэтому для него оказываются нерелевантными категории эквивалентности языковых единиц;
- Адекватный перевод. Перевод, соответствующий оригиналу и выражающий те же коммуникативные установки, что и оригинал;
- Точный(правильный) перевод. Перевод, характеризующийся свойством семантической точности, т.е. семантически полно и правильно передающий план содержания оригинала;
- Аутентичный перевод. Перевод официального документа, имеющий одинаковую юридическую силу с оригиналом; согласно международному праву текст может быть выработан и принят на одном языке, но его аутентичность на двух и более языках;
- Завершенный перевод. Перевод - соответствие, который оригиналом подтверждается.

Перевод – это несомненно очень древний вид человеческой деятельности. Как только в истории человечества образовались группы людей, языки которых отличались друг от друга, появились и «билингвы», помогавшие общению между разноязычными коллективами. С возникновением письменности к таким устным переводчикам присоединились и переводчики письменные, переводившие различные тексты официального, религиозного и делового характера. С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межкультурное общение людей. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделать возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур.

© О.С. Нечаева, 2015

О.Н. Новикова, Ю.В. Калугина
Башкирский ГАУ, Уфа, Россия

Формирование иноязычной компетенции во внеаудиторной самостоятельной работе студентов

Инновационные процессы, происходящие в обществе, нашли свое естественное отражение в изменении общей концепции и всей системы

современного иноязычного образования. Достижение цели – развитие личности обучаемого, выработка у него метапредметных умений и иноязычной компетенции – требует создания образовательной среды, способствующей присвоению студентами получаемого языкового опыта.

Формированию базовых компетенций посредством развития критического мышления, умения сравнивать, анализировать, классифицировать информацию способствует, на наш взгляд, *квест* как одна из нетривиальных интерактивных форм обучения иностранным языкам. Изучение методической литературы позволяет сделать вывод об отсутствии исследований по квесту как педагогической технологии. В то же время следует отметить интерес педагогов к *веб-квесту*, который рассматривается и как технология обучения, и как вид проектной деятельности, и как форма промежуточного и рубежного контроля знаний, и как способ активизации учебной деятельности в целом (Аверкиева Л.Г., Антонова С.Ю., Горбунова А.В., Горшкова О.А., Канева Д.С., Мельник О.Г., Мельникова А.Ю., Минина Н.В., Николаева Н.В., Сердюк Е.В., Чайка Ю.А., Dodge B., Lamb A., Letkeman K. и др.). В данной статье описывается опыт кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета по разработке и проведению собственных (в отличие от задаваемых Интернетом) поисково-проблемных заданий с элементами ролевой игры в рамках внеаудиторной контролируемой самостоятельной работы студентов.

Структура обучающего квеста обычно включает в себя следующие компоненты: 1) введение (изложение темы, обоснование значимости проекта); 2) формулировка задания; 3) распределение ролей; 4) описание процесса работы; 5) руководство к действиям; 6) оценка полученных результатов; 7) заключение (суммирование познавательных навыков, акцентирование возможности их применения в других областях).

Квестовые задания могут выполняться индивидуально, однако групповая работа является более предпочтительной, поскольку совместная деятельность студентов на иностранном языке позволяет не только получать новые знания, но и развивать свои коммуникативные умения: выслушивать мнение другого, взвешивать и оценивать различные точки зрения, участвовать в дискуссии, решать ряд проблемных задач, работать с источниками информации. Поиск информации предполагает формирование таких умений, как:

- находить нужную информацию с помощью различных источников, включая современные мультимедийные средства, личную беседу;
- определять степень ее достоверности / новизны / важности;
- обрабатывать в соответствии с ситуацией и поставленными задачами;
- архивировать и сохранять;

- использовать ее для решения широкого спектра задач [2].

Проведение квестов стало неотъемлемой частью работы преподавателей кафедры иностранных языков Башкирского ГАУ. На кафедре разработана система квестов, которая успешно реализуется в течение учебного года [1, 2].

Каждый квест приурочен к определенному событию, имеет свою уникальную структуру, способствует достижению определенных целей и решению различных дидактических задач.

Визитной карточкой кафедры является квест для первокурсников «Добро пожаловать в Университет», который проводится в начале учебного года с целью адаптации первокурсников к новой социальной среде и знакомства с вузом.

Площадкой для квеста являются корпуса и прилегающая территория университета. Студенты попадают в атмосферу сессии, где все (почти) по-настоящему: зачетная книжка, зачеты, допуск к экзаменам в деканатах, экзамены и, конечно же, оценки. Предметом изучения становятся история и устав университета, выдающиеся достижения ученых, правила пользования электронными ресурсами, учебная и практическая база университета. Все эти аспекты изучаются студентами самостоятельно и во время квеста проверяются на иностранном языке. Экзаменаторами, как правило, выступают студенты старших курсов. Сложность данного квеста заключается не только в поиске ответов на вопросы, но и в определении места очередного зачета / экзамена. Для этого у ребят имеется справочник с информацией об основных объектах университета и зачетка с названиями дисциплин, а остальное – дело логики и креатива. Побеждает команда, сдавшая все зачеты и экзамены за установленное время. В спорных случаях учитываются экзаменационные оценки и время прибытия в конечный пункт.

Традиционным стал и межфакультетский квест «Уфа монументальная», приуроченный к Международному дню памятников и исторических мест (18 апреля).

Перед участниками квеста ставится достаточно сложная задача: за ограниченное время (2 часа) выполнить как можно больше заданий, связанных с посещением того или иного памятника или исторического места Уфы, поиском информации о выдающихся деятелях культуры, литературы, искусства и науки. Сам памятник или достопримечательность не называются, но дается ряд подсказок, на которые студенты опираются в своих поисках.

После выполнения каждого этапа квеста, команда должна представить фотографии или видеозапись с места пребывания в приложении WhatsApp. Обязательным условием для получения очередной подсказки

является успешное выполнение предыдущего задания. Задача усложняется тем, что все задания и подсказки составлены на иностранном языке.

Отличительной чертой данного квеста как механизма, позволяющего активизировать сформированные в академической среде навыки, является необходимость выполнения задачи, генерирования идеи, разработки стратегии, что позволяет сформировать такие умения и навыки, как оперативность, находчивость, коммуникативность.

Иные цели ставятся преподавателями при организации квеста, посвященного Дню Победы, который проводится в парке Победы. Одной из главных целей данного мероприятия является формирование у студентов духовно-нравственных ориентиров, патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга по защите интересов Родины.

Ровно на 1 час парк Победы становится предметом детального изучения: студенты вспоминают подвиг А. Матросова и М. Губайдуллина, анализируют данные об участниках Великой Отечественной войны из разных районов Башкортостана, изучают списки Героев Советского Союза, останавливаются у памятников М. Шаймуратову, Т. Кусимову и М. Гарееву, общаются с партизанами в лесу, ищут символ России – одиноко стоящую березу и т.д.

Прохождение маршрута на территории парка осуществляется с помощью писем-инструкций, которые передаются координаторами командам в случае правильного ответа на вопрос о событиях Великой Отечественной войны. Данный квест имеет два уровня поиска: команды должны не только пройти максимальное количество пунктов маршрута за заданное время, но и определить (на конечном этапе) название фронтовой песни по секретным словам, которые содержатся в каждом письме-инструкции. Исполнение песни «Катюша» под сводами республиканского музея Боевой Славы является кодом мероприятия [1].

В целом, описанные выше квесты являются многогранными образовательными мероприятиями, поскольку сочетают различные цели, задачи и приемы. Познавательный аспект включает отработку навыков понимания иноязычной речи в форме вопросов, инструкций и заданий, практику диалогической речи, а также применение конкретных лексических единиц по заданной теме. Развивающий аспект затрагивает деятельность мышления, памяти. Воспитательный аспект заключается в развитии интереса и формировании познавательной активности, расширении общеобразовательного кругозора студентов, приобщении к духовным, национальным и общечеловеческим ценностям, развитию социальной и культурной компетентности личности.

Литература

1. Калугина Ю.В., Мустафина А.Р. Образовательный квест как интерактивная форма обучения иностранному языку // Концепт. – 2015. – Современные научные исследования. Выпуск 3. – ART 85700. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85700.htm>. – ISSN 2304-120X.
2. Новикова, О.Н., Калугина, Ю.В. Иностранный язык как средство адаптации первокурсников к обучению в вузе // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: межвузовский сборник статей. Вып. 6. – Киров, 2014. – С. 183-186.

© О.Н. Новикова, Ю.В. Калугина, 2015

Палюткина З.Р.
БГМУ, Уфа, Россия

К вопросу о трансдисциплинарности языка

Современные инновационные процессы кардинально изменяют сферы жизнедеятельности общества. Происходит широкомасштабная трансформация как отдельных наук, так и научного мировоззрения в целом. Конвергентное развитие нано-, био и информационных технологий приводит к появлению новой, искусственной сложноорганизованной реальности, требующей адекватного научного инструментария ее познания и управления. Поэтому проблема выработки общего языка, понятного всем вовлеченным в развитие конвергентных технологий исследовательским группам, является уже не частнонаучной, а общенаучной или даже методологической, не только междисциплинарной, но и трансдисциплинарной [1].

Изучение любого сложного объекта проходит в контексте определенной парадигмы, с позиций которой разворачивается направленность, в т. ч. мировоззренческая. Лингвистическая парадигма исследования языка и речевой деятельности в настоящий момент достигла состояния, требующего формирования уже новой научной парадигмы. Всё большую значимость приобретают вопросы о том, каким образом человек использует язык в новом глобализированном, электронном и постоянно меняющемся мире, какие психические процессы и какие механизмы обеспечивают функционирование языковой способности человека в таких условиях. С другой стороны, сочетание когнитивной, социологической и культурологической направленности исследований последних лет выдвигает на первый план индивидуальные характеристики говорящего субъекта как важную составляющую изучения центральной лингвистической проблемы - человек в языке. Новейшие концепции, сформировавшиеся в результате привлечения к лингвистическому описанию данных из психологии, культурологии, социологии, философии и ряда

других антропоориентированных дисциплин, изменили точку зрения и на традиционный лингвистический подход. Стало понятным, что основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной познавательной и деятельностной области, то есть язык стал больше рассматриваться как система ориентирующего и деятельностного поведения.

Этот общий антропоцентрический сдвиг лингвистической парадигмы и возникновение новых средств и сред, обслуживаемых языком, привел к возникновению новой проблемной области знаний. Очевидно, что это научное направление является направлением интегративного типа, соединяющим подходы и методологию различных лингвистических дисциплин: социолингвистики, психолингвистики, лингвистики текста, и при этом формирующим свой собственный исследовательский инструментарий. Поэтому развитие концепций языкознания в последнее время приобретает все более междисциплинарный или трансдисциплинарный характер.

Междисциплинарность представляется в данном контексте как взаимодействие между системами дисциплинарного знания и сопровождается использованием языка и категориального аппарата одной науки для интерпретации фактов другой. В этом плане достаточно показательным может быть появление такого междисциплинарного направления в изучении языка с использованием категориального аппарата и методов синергетики как лингвосинергетика.

Следует отметить, что в последние десятилетия лингвосинергетический подход все более укрепляет свои позиции в исследованиях языковых процессов и явлений [2; 5].

Согласно лингвосинергетической модели язык представляет собой самоорганизующуюся и саморегулирующуюся систему, носящую неравновесный, неустойчивый, открытый, нелинейный характер, и в процессе эволюции приспособляющуюся к окружающей среде не только лишь методом обогащения собственного состава, но и конфигурации собственной структуры. Развитие языка и сознания неразрывно связано с развитием общества, с историей народа-носителя языка. Круг вопросов в методологическом аспекте достаточно широк: существование устройств самоорганизации и саморегуляции языка и его единиц; адаптивность единиц и категорий языка, способных «противостоять факторам среды»; динамические и бифуркационные процессы в языковой системе, связанные с нарушением начальной симметрии; доминантность и континуальность смысла, с которым соотносится значение языковых / речевых единиц; стремление языковой системы в сторону рационального равновесия и целостности и, как следствие, выравнивание

смысла категорий и подсистем по доминантным признакам; концепты-фракталы, заключающие внутри себя свернутые модели дискурсивной деятельности и др.

Лингвосинергетика применяет методологию синергетики для изучения переходных явлений в языке, исследует языковую систему в развитии, в переходе от состояния хаоса через различные флуктуации бифуркационной стадии к состоянию относительного порядка и далее к неустойчивости системы и т.д. В этом смысле лингвосинергетику можно представить как этап в развитии междисциплинарных исследований, заключающийся в освоении новых для филологии синергетических принципов анализа и синтеза языковой системы. Динамика изменений языковой системы периодически воспроизводит колебания от равновесного к неравновесному состоянию, тем самым неизбежно приводит к изменениям пространства самого языка. Конвергенция революционных технологий приводит в определенный момент времени к нарушениям относительной стабильности жизни социума. Происходит трансформирование сложившегося социально-экономического уклада, создается новая реальность, новое языковое пространство и его подпространство, где требуется адекватное видение и понимание сложившегося миропорядка. Важно отметить, что в данном пространстве разворачивается не только инновационная технологическая «панорама», но и формируется пронизывающая его насквозь сложная система социальных связей и взаимоотношений. Сформировавшееся пространство – это пространство уже другого уровня сложности, для исследования которого оно может быть обозначено как трансдисциплинарное.

Трансдисциплинарность предполагает исследование каждого явления, объекта и процесса в его внутреннем единстве и в единстве с окружающим миром. Для этого используется специальный трансдисциплинарный подход. Трансдисциплинарность в узком смысле означает интеграцию различных форм и методов исследования, включая специальные приемы научного познания для решения научных проблем. Трансдисциплинарность в широком смысле предполагает единство знания за пределами конкретных дисциплин [3].

Трансдисциплинарный подход – это выход за рамки предмета научной дисциплины. Но рамки науки не ограничиваются только предметной областью. Существенным ограничением является и методология науки. Методы, господствующие в современной науке, складывались в течение очень долгого периода времени. В самых общих чертах это соотношение эмпиризма и рационализма, допустимости использования математического аппарата для различных областей знания, вопросы отграничения научного знания и многое другое. И эта методология отнюдь не общепризнанна и в наше время. Подобные попытки выйти за рамки

традиционного подхода также носят ярко выраженный трансдисциплинарный характер. Но неоднозначная оценка таких подходов, пусть даже только с точки зрения традиционалистов, ставит, тем не менее, новый вопрос – о критериях и методах оценки самого трансдисциплинарного подхода. В такой трактовке трансдисциплинарность становится уже не одним из научных методов, а самостоятельной и довольно обширной областью знания, нуждающейся в собственном осмыслении, методах и критериях оценки. Апробация трансдисциплинарной концепции в языкознании продолжается, равно как приобретение статуса полноценной науки, которая должна обладать всеми атрибутами научной дисциплины: философией, концепцией, объектом исследования, моделями действительности, методологией, единицами измерения, специфическим языком. Одновременное использование языка этой особой научной дисциплины во множестве других наук и в инженерно-технической деятельности, по мнению академика РАН, научного руководителя Института философии РАН В.С. Стёпина, является признаком трансдисциплинарной науки [4].

Литература

1. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. - 2012. - № 12.
2. Палютина З.Р. Цивилизационная лингвистика. – Уфа: Изд-во «Здравоохранение Башкортостана», 2005. – 279 с.
3. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований. Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10. – С. 191-199.
4. Мокий В.С. Систематизация и интеграция дисциплинарных знаний в трансдисциплинарном исследовании. *Universum: общественные науки*. – Выпуск № 6 (16). – 2015.
5. «Синергетика: перспективы, проблемы, трудности» (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2006. – № 9.

© З.Р. Палютина, 2015

Т.В. Перевозникова

Института современного управления, кино и телевидения,
Москва, Россия

Основные психолого-педагогические приемы развития иноязычной речи студентов с учетом аксиологического компонента обучения

В области преподавания иностранных языков зачастую отсутствие результативности обучения связано с тем, что преподаватель строит

обучение, исходя из целей, поставленных им самим, подразумевая, что они будут приняты учащимися как собственные. Авторитетные российские ученые считают, что необходимо дать возможность самому учащемуся поставить цели обучения в рамках программы, что связано со становлением профессиональной лингводидактики [2], [3], [4]. «К разряду таких востребованных инновационной практикой направлений, имеющих потенциал для решения исконной и крайне злободневной проблемы оптимизации языковой подготовки в системе профессионального образования можно отнести профессиональную лингводидактику, отражающую достижения теории профессионального образования и сопряженных отраслей научного знания, в том числе педагогики, психологии, философии, социологии, лингвистики и пр.» [4, 12] Если предоставить возможность учащемуся проанализировать то, что он уже знает об изучаемой теме, это создаст дополнительный стимул для формулировки им собственных целей-мотивов.

«Применительно к ситуации обучения внеситуативная позиция определяет две его особенности. Первая особенность связана с понятием личностно-ориентированного обучения. Другая особенность касается психологических и личностных особенностей всех участников образовательного процесса, выражающихся в интересах, склонностях, задачах, которые они хотят решить» [3, 97]

Важным психолого-педагогическим условием развития навыков иноязычной речи у обучающихся является активизация их субъектной деятельности. «Субъектная природа человека проявляется в его способности изменить окружающий мир и себя вместе с ним, измерять и оценивать последствия этих изменений, излагать происшедшее себе и другим людям. При этом условием осуществления специфического способа человеческого бытия является развитие у человека особого личностного свойства - субъектности. В философском плане субъектность выступает как условие осуществления человеческого способа бытия, когда бытие не противостоит человеку как объект субъекту, а включает в себя человека как внутреннюю необходимость своего существования и развития. В акмеологическом плане субъектность выступает как интегральная способность выстраивать жизнь в соответствии с собственными целями и ценностями. Основной характеристикой субъектности как одного из проявлений субъектной природы и общественной сущности человека является его активность» [2, 115- 116]. Каждый из учащихся должен принять участие в работе, ставящей своей целью актуализацию собственного опыта в процессе обучения иностранным языкам. Определяя основные психолого-педагогические приемы развития навыков иноязычной речи студентов с учетом аксиологического компонента в процессе обучения языку, полагаем целесообразным эти приемы классифи-

цировать в определенные стадии, которые четко фиксируются на занятиях, целью которых является развитие навыков грамотной иноязычной речи.

В процессе реализации стадии «вызова», постановки актуальности проблемы обучения важно давать учащимся возможность высказывать свою точку зрения по поводу изучаемой темы свободно, без боязни ошибиться и быть исправленным педагогом, фиксировать все высказывания: любое из них будет важным для дальнейшей работы. При этом на данном этапе нет «правильных» и «неправильных» высказываний, важно при этом сочетать индивидуальную и групповую работу (индивидуальная работа позволит каждому ученику актуализировать свои знания и опыт; групповая – услышать другие мнения, изложить свою точку зрения без риска ошибиться). Продуктивный обмен мнениями при этом может способствовать выработке инновационных идей, которые часто являются неожиданными; может способствовать появлению интересных вопросов, поиск ответов на которые будут стимулировать к изучению нового материала в процессе обучения. Кроме того, часто некоторые учащиеся стесняются излагать свое мнение педагогу или сразу большой аудитории, испытывая психологический барьер, поэтому занятия в небольших группах позволяют им чувствовать себя более комфортно.

Важная роль педагога на этом этапе работы состоит в том, чтобы стимулировать учащихся к воспроизведению, репродукции того, что они уже знают по изучаемой теме, способствовать продуктивному обмену мнениями в группах, фиксации и систематизации информации в процессе получения новых знаний, решения при этом студентами творческих задач. Важно для преподавателя не критиковать ответы его студентов, исходя из концепции проблемного обучения, важно быть толерантным, так как любое мнение учащегося ценно для процесса обучения, его слаженности и гармонии в будущем.

Ч. Темпл, К. Мередит, Дж. Стил определили следующие необходимые условия для педагога, выполнение, реализация которых будет способствовать развитию у студентов критического, творческого мышления. 1. Важно студенту предоставить время и возможность для приобретения опыта критического и творческого – креативного мышления. 2. Необходимо давать учащимся возможность размышлять над прочитанным, услышанным, написанным. 3. Важно уважительно, толерантно принимать, воспринимать различные мнения и идеи. 4. Целесообразно способствовать активности учащихся, мотивируя их на продуктивную субъектную деятельность в процессе обучения. 5. Необходимо убедить учащихся в том, что они не рискуют быть раскритикованными преподавателем и другими студентами. 6. Важно верить в то, что каждый, абсолютно каждый учащийся в группе способен на критические суждения и

решение творческих задач. 7. Необходимо ценить мотивированные проявления критического и творческого мышления среди студентов, поощряя их достижения в процессе обучения заслуженными баллами.

Учащиеся при этом должны: 1. Развивать, актуализировать в себе уверенность и понимание ценности своих мнений и идей под руководством педагога. 2. Активно, слаженно в коллективе и индивидуально участвовать в учебном процессе. 3. Толерантно, с уважением выслушивать различные мнения. 4. Обогащая свой опыт, получая новые знания, быть готовым формулировать свои суждения свободно на иностранном языке, который они изучают.

Активно взаимодействуя друг с другом, учащиеся занимаются постановкой проблемы, лично значимой для них в процессе обучения иностранным языком. Это требует от них в подавляющем большинстве случаев самостоятельного переноса знаний, навыков и умений в новый контекст их использования как алгоритма при решении последующих творческих задач обучения. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что у учащихся развивается креативная компетенция как показатель коммуникативного владения иностранным языком на определенном уровне. Когда заявленная тема незнакома учащимся, можно попросить их высказать предположения или прогноз о возможном предмете и объекте изучения.

Итак, в случае успешной реализации стадии вызова у студентов возникает мощный стимул для работы на следующем этапе. Мы остановимся на некоторых приёмах, которые вошли в практику нашей работы:

Приём « РОЖДЕНИЕ ИДЕЙ » - приём организации индивидуальной и групповой работы на начальной стадии занятия, когда идёт актуализация знаний и опыта. Этот приём позволяет выяснить всё, что знают учащиеся по обсуждаемой теме занятия. На доске прикрепляется значок, символизирующий данный прием, и к нему условно присоединяется то, что учащиеся знают об изучаемой теме.

Алгоритм данного вида работы следующий: 1. Каждый учащийся вспоминает и записывает все, что знает по теме (индивидуальная работа продолжается 5-7 минут). 2. Обмен мнениями в парах или группах. 3. Далее каждая группа называет какое-то одно сведение или факт, не повторяя ранее сказанного. 4. Все сведения кратко записываются в “банк инновационных идей. 5. Все допущенные учащимися ошибки исправляются по мере освоения новой информации и получения знаний.

Приём позволяет сформировать у обучаемых такие универсальные учебные действия, как: умение самостоятельно определять цели, ставить и формулировать новые задачи в познавательной деятельности; умение ясно и грамотно выражать свои мысли на иностранном языке; формирование и активизация навыков смыслового чтения.

КЛАСТЕР как ОБОЗНАЧЕНИЕ (исходя из определения - «гроздь») – выделение, обозначение смысловых единиц текста и графическое их оформление в определенном порядке в виде грозди. Смысл приёма заключается в систематизации имеющихся знаний. Он связан с приёмом “Рождение идей”. Кластеры как обозначения могут стать ведущим приёмом на стадии вызова, рефлексии и стратегией всего успешного занятия в целом. Делая какие-то записи, развивая грамотную, творчески осмысленную иноязычную письменную речь и создавая зарисовки для памяти, студенты часто интуитивно, подсознательно распределяют их особым образом, komponуя по различным категориям, они при этом решают творческие задачи. Кластер как обозначение – продуктивный графический приём систематизации материала. Вербализированные мысли при этом уже не громоздятся, а «гроздятся», т.е. располагаются в определенном, четком порядке.

Система кластеров-обозначений komponует, включая в себя большее количество информации, чем мы получаем при обычной работе. Этот приём может быть применён на стадии вызова, когда мы систематизируем материал, полученный до знакомства с основным источником (текстом) в виде вопросов или заголовков смысловых блоков.

Этот приём важен на стадии рефлексии: коррекция неточных предположений в предварительных кластерах- обозначениях, заполнение их на основе нового учебного материала. Очень востребованным этапом является индивидуальная или групповая презентация новых кластеров- обозначений. Задачей данного вида работы является не только систематизация материала, но и установление причинно-следственных связей между «гроздями».

Правила составления кластеров-обозначений включают: 1-ый этап: студенты определяют ключевое слово или словосочетание, которое является сутью идеи, темы, обозначая его в процессе письменной речи; 2-ой этап: студенты записывают, фиксируют все то, что вспомнилось и представилось им ассоциативно по поводу данной темы; 3-ий этап: реализуется четкая систематизация материала, собранного студентами; 4-ый этап: по мере записи, фиксации возникшие слова и словосочетания соединяются прямыми линиями с ключевым понятием-кластером-обозначением.

В процессе реализации смысловой стадии студенты знакомятся с новым учебным материалом в процессе обучения поисковому, аналитическому чтению, письменной речи на иностранном языке. Основной задачей данного этапа является мониторинг восприятия учащимися изученного материала. Педагог в процессе объяснения нового материала имеет возможность расставить все акценты в соответствии с ожиданиями и заданными вопросами. Это может быть лекция, написание эссе,

индивидуальное, парное или групповое чтение или просмотр видеоматериала, круглый стол, деловая игра, обсуждение презентации. Главная задача преподавателя – поддержать активность учащихся, их интерес и мотивацию успешного обучения, созданные во время фазы вызова. Большое значение имеет качество отобранного материала в процессе обучения.

На стадии осмысления, осознания целей обучения студенты продолжают активно осознать и решать творческие задачи в процессе обучения. Постановка целей в процессе знакомства с новым учебным материалом реализуется при его интерференции с уже имеющимися знаниями. Студенты активно и грамотно отвечают на ранее заданные вопросы, преодолевают психологический барьер в обучении иностранным языкам, порой возникающий на начальном этапе работы проблемного обучения, через решение ими творческих задач. В этом случае педагогу важно стимулировать, мотивировать субъектную деятельность учащихся к постановке ими новых вопросов, поиску ответов через контекст того учебного материала, с которым работают студенты.

Итак, на фазе осмысления содержания учащиеся знакомятся с новым учебным материалом; анализируют новый учебный материал; акцентируют свое внимание на точных ответах на возникшие вопросы и затруднения; обращают свое внимание на неясности, трудности при ответе на вопрос; стремятся проанализировать сам процесс знакомства с новым учебным материалом, обратить внимание на то, что именно их привлекает, какие аспекты наиболее интересны, полезны им впоследствии и почему; активно, творчески готовятся к обсуждению, дискуссии по поводу услышанного (аудирование) или прочитанного, написанного.

Педагог на данном этапе может быть непосредственным, активным, привлекательным источником новой информации, в этом случае его задача состоит в ее ясном и доступном, четком и последовательном изложении; производит мониторинг, устанавливая степень активности работы, внимательности при написании задания, текста эссе, сочинения, доклада, реферата, курсовой работы, презентации в случае, если студенты работают с текстом; предлагает для организации работы с текстом различные приёмы для вдумчивого, аналитически взвешенного чтения, написания различных эссе, курсовых работ, докладов, и в итоге для размышления о прочитанном и написанном.

Для осуществления процесса культурного самоопределения личности посредством иностранного языка, необходимо по мере изучения материала о культурах стран иностранного языка в аспекте лингвокультурологии создать условия с тем, чтобы каждый обучающийся смог размышлять о своей собственной культуре и о самом себе, что показывает правоту и предвидение Л.С. Выготского, актуальность его теории в

наши дни [1]. Обучающийся иностранному языку определяет свое место в спектре изучаемых культур, постигая общечеловеческие культурные ценности в качестве важного аксиологического компонента в процессе обучения иностранным языкам, а также осознает свою роль в глобальных общечеловеческих процессах на современном этапе развития общества.

Философия, аксиология, определяет ценностные ориентации, которые существуют в виде общественного идеала, как продукт жизнедеятельности социальных групп и человечества в целом. Ценностные ориентации определяются философией как наукой в качестве связующего звена между ценностями общественного познания. И поэтому, именно через культурную рефлексию в аксиологическом аспекте при решении творческих задач обучения студент сможет прийти к осознанию себя в качестве культурно-исторического субъекта, субъекта диалога культур с многогрупповой принадлежностью.

В процессе обучения, выполняя работу индивидуально (различные виды письма: эссе, ключевые слова, графическая организация материала, поисковое аналитическое чтение аутентичных текстов на иностранном языке и т.д.), учащиеся отбирают информацию, наиболее значимую для понимания сути изучаемой темы и для реализации учебного материала.

Научно-методические принципы обучения чтению и письму на иностранном языке включают в себя: 1. Развитие критического, творческого мышления через чтение и письмо. 2. Формирование и развитие ценностных ориентаций (аксиологический компонент обучения).

Итак, рассмотренные приёмы, на наш взгляд, позволили сделать работу по развитию критического, творческого мышления учащихся на занятиях по английскому языку более эффективной, интересной. Поэтому данные приёмы как частично, так и полностью могут быть использованы в дальнейшей работе преподавателя. Использование научно-методических приемов развития критического, творческого мышления через чтение и письмо на занятиях по английскому языку в вузе позволяют прочнее, успешнее овладевать необходимыми знаниями, преодолевать трудности в достижении целей и успешно решать творческие задачи обучения, формируя его аксиологически на высоком, продуктивном уровне преподавания.

Известна аксиома в мировой педагогике и педагогической психологии, что хорошо только то обучение, которое непременно ведет за собой развитие продуктивного, творческого мышления, одаренности в аспекте аксиологии, гуманизации образования и науки, приводящей к миру, прогрессу и процветанию. При этом, если не соотносить понятия «обучения» с понятием «развития», нельзя детерминировать само поня-

тие «развития» в полной мере. Зона ближайшего развития разрешает возникшую теоретическую проблему доминирования во взаимосвязи «обучение-развитие» то одного, то другого понятия.

Л.С. Выготским были подвергнуты критике современные ему подходы к этой проблеме. На основе перехода от абстрактного к конкретно-практическому решению данной проблемы в мировой науке и на уровне Нобелевских лауреатов-профессоров университетов США была подтверждена историко-культурная концепция Л.С. Выготского, отвергающая независимое существование обучения и развития [1].

Содержание обучения иностранному языку в вузах отражает базовые ценности – аксиологические задачи современного российского общества и реализует поставленную в ФГОС высшего образования задачу средствами своего предмета обеспечить духовно-нравственное развитие и воспитание студентов.

Прогнозируемым результатом является: повышение общей культуры учащихся, формирование и развитие их ценностных ориентаций как граждан России, будущих профессионалов высокого уровня; четкая сформированность речевого имиджа студентов как средства достижения социальной и речевой иноязычной компетенции; оптимизация образовательного процесса посредством рефлексии и самоконтроля, развития творческого мышления, всех видов речевой деятельности, иноязычной компетенции, в том числе и через решение творческих задач студентами, в будущем успешными, талантливыми выпускниками наших институтов, университетов высокого международного уровня.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Наука, 1974. – 287 с.
2. Деркач А.А., Селезнева Е.В. Акмеология в вопросах и ответах. – Москва-Воронеж: МПСИ, МОДЭК 2007. – 248 с.
3. Кравцова Е.Е. Педагогика и психология. – Москва: Форум, 2009. – 283 с.
4. Крупченко А.К. Аксиологические стратегии развития научной школы «Профессиональная лингводидактика» // Аксиологические аспекты иноязычной подготовки в вузе». – Книга 2. – Москва, 2015. – С. 9-17.

© Т.В. Перевозникова, 2015

Л.А. Пермякова
БашГУ, Уфа, Россия

Неоромантизм в культуре Серебряного века

Реакцией на эстетизм конца XIX века стало проявление неоромантических тенденций в западноевропейской литературе. «Культу пола» и деструктивности[1] противостояло творчество писателей, в произ-

ведениях которых явственно ощутимы черты неоромантизма (поздний Ибсен, Ростан, Метерлинк, ранний М. Горький). Неоромантизм часто отливался в формах символистской поэзии (А. Блок) и прозы (поздний эпигон символизма А. Грин). Отталкиваясь от исчерпавших свои возможности эстетизма и натурализма, неоромантики сознательно противопоставили им углублённую духовность, рыцарское поклонение женщине и символическую иносказательность. Романтика прекрасной мечты вдохновила Э. Ростана на создание пьесы «Принцесса Грёза» (1895). Автор обратился к провансальской легенде о трубадуре Жоффруа Рюделе, который заочно полюбил графиню Триполитанскую и объявил её своей Прекрасной Дамой. Пьесы Ростана «Принцесса Грёза» и «Сирано де Бержерак» (1897) с успехом шли на русской сцене. Поклонницей творчества французского драматурга была М.И. Цветаева. В 1896 г. на сюжет ростановской «Принцессы Грёзы» М.А. Врубель создал декоративное панно. Русский символизм (особенно «младшие» символисты, испытавшие влияние философии В.С. Соловьёва), ставший реакцией на натурализм в искусстве и позитивизм в науке, представлял собой результат развития разнонаправленных культурно-исторических тенденций эпохи, плод накопленного художественно-эстетического опыта прошлого. В символизме сфокусировались различные, подчас полярно противоположные, эстетические, философские и религиозные концепции. Многообразие влияний предопределило противоречивость символизма, широкую шкалу его возможностей. Яркий тому пример – цикл А.А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме». С неоромантизмом тесно связано творчество В.С. Соловьёва и А.А. Блока. Основоположник русской религиозной философии противопоставил демонической женщине тип *donna angelicata*, а культу Саломеи культ Вечной Женственности. Любовь, служение Прекрасной Даме, Вечной Женственности, воплотившейся в земном облике С.П. Хитрово, мыслились Соловьёвым как акт очищения от скверны, от земных грехов и слабостей. Как и в лирике трубадуров, элемент духовности доминирует в стихотворениях, адресованных С.П. Хитрово. Благодаря преображающей силе Эроса, лирический герой, подобно средневековому рыцарю, достигает состояния святости и благочестия, *lavitanoova*. Их объединяет как предмет поклонения – сакрализованная женственность, нашедшая воплощение в земной возлюбленной, так и конечная цель – экстатическое соединение с Душой Мира. В стихотворениях «софийного» цикла преобладают мотивы аскетического отречения от жизни, неприятия всего земного. Стихотворения, созданные с 1877 по 1890 гг. (до знакомства с С.М. Мартыновой), отличаются необыкновенной гармоничностью, они написаны в традициях лирики А.А. Фета. В них нет явной романтической антитезы «земля – небо». Но синтез материального бытия и высот духа Соловьёв так и не смог осу-

ществовать в своей жизни, романтическая утопия потерпела крах. Отсюда в стихотворениях, посвящённых С.П. Хитрову, появляется тихая грусть, интонации безнадежности («Уходишь ты, и сердце в час разлуки...», 1880). Соловьёвский культ Вечной Женственности получил отклик среди младосимволистов, чему также способствовали романтические настроения начала XX века, созвучные куртуазной культуре: «Чуждая всему современному, слишком непосредственно-женственная лирика Александра Блока легко выдаёт в нём душу позднего средневековья, менестреля Пресвятой Девы...» [2, 28]. Лирика А. Блока, преемника В.С. Соловьёва, культивирующая поклонение Прекрасной Даме, как бы компенсировала несостоявшееся в России рыцарское средневековье, подобно тому, как А.С. Пушкин компенсировал своим творчеством эпоху Возрождения. Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. отчётливо проявилась инверсия фаз, характерная для русской культуры. Если для В.С. Соловьёва земным воплощением Вечной Женственности была С.П. Хитрово, то для А. Блока и поэтов-соловьёвцев земным божеством стала Л.Д. Менделеева-Блок. Прекрасная Дама является для Блока, как и Вечная Женственность для Соловьёва, гармоничным сочетанием красоты и блага, т.е. представляет этико-эстетический идеал. Но уже в «Снежной маске»(1907) и «Фаине»(1906 – 1908) на смену гармонии приходит дисгармония земного и небесного, «светлая» сторона сакральности уступает место «тёмной» стороне, а Душа Мира воплощается в стихийном, дионисийском начале. Черта под неоромантическими настроениями и соловьёвской утопией была подведена Блоком в пьесе «Балаганчик»(1906).

Литература

1. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук.– Уфа, 2002.– 343 с.
2. Эллис. Vigilemus // Наука и религия. – 1993. – № 7. – С.27-30.

© Л.А. Пермякова, 2015

В.Н. Попова
БашГУ, Уфа, Россия

Языковые компетенции: равноправие шансов жителей Германии

Специалистами всё чаще обсуждается вопрос о достаточных компетенциях в области немецкого языка как предпосылки получения образования и равноправия шансов в этой сфере. При этом особую роль приобретают компетенции в области чтения, понимания прочитанного и дальнейшего использования этой информации. Этот критерий особенно

выделяется специалистами в качестве одного из главных в продвижении по карьерной лестнице и приобретении научных знаний. В современном обществе очень велик промежуток, разделяющий людей, обладающих энциклопедическими знаниями, и людей, почти безграмотных. Вопрос безграмотности, как оказалось, очень актуален, даже в просвещенной Европе. Опрос, проведенный группой ученых из Пизы, показывает, что почти каждый пятый молодой человек относится к группе людей, которые не могут в достаточной для своего возраста степени понять и переработать текст. Их возможности чтения недостаточны для существования в информационном веке [1]. К тому же, молодые люди, родители которых родились не в Германии, имеют худшие результаты, чем исконные жители страны. Этот факт указывает на то, что молодежь вступает на тропу профессионального обучения, не обладая достаточными компетенциями чтения и говорения. И это касается, в первую очередь, билингвов или мультилингвов.

Многоязычие в Германии - это политика. На вопрос, способствует ли многоязычие мигрантов интеграции или же затрудняет её, есть несколько вариантов ответов.

Предложения: язык Федеративной Республики Германии — немецкий, в Конституции нет, оно нигде не закреплено. Напротив, в статье 3 Конституции указывается, что никому не должно выказываться пренебрежение или предпочтение из-за языка. Языковые права частично урегулированы в Соглашении признанных, автономных меньшинств, заявлением Бонн-Копенгаген 1955 года. Несмотря на все это, Германия сталкивается в определенных ситуациях с некоторыми проблемами многоязычия. Эти проблемы вызывают неуверенность людей в собственных силах в решении каких-либо проблем, касающихся языковых компетенций. Многократное предложение - закрепить в Конституции немецкий язык, остается без ответа. Многоязычие немецкого языка обсуждается бурно: с каких пор человека или даже общество может считаться многоязычным, каким критериям он должен соответствовать? Единого научного мнения пока не существует, как и не существует единого мнения о количестве языков в мире, эти данные с трудом поддаются счету. Ученые не могут прийти к мнению: где же грань, существующая между одноязычием, билингвизмом и мультилингвизмом? Считать ли определенный язык самостоятельным или отнести его к одному из диалектов? Большинство вопросов по стандартизации языков выкристаллизовывались в ходе истории. В Европе язык в большинстве случаев идентифицировался с национальным языком [2]. Наряду с этим языки меньшинств воспринимаются как второй язык. Несмотря на это, во всех европейских странах существует многоязычие [3]. По некоторым данным, в мире

существует от 5 000 до 6 800 языков. На 200 государств (ООН насчитывает 192 государства) в каждой стране языков в 20-30 раз больше среднего показателя. А с другой стороны, 100 самых многочисленных языков охватывают 90% мирового населения. Эта тенденция гегемона продолжает расти [4]. Самая большая часть языков используется группами менее миллиона человек, причем существуют языки, которые насчитывают менее 1000 людей, говорящих на этом языке. В Германии указываются 69 языков, включая языки мигрантов [5].

Следует отметить, что существует индивидуальное и общественное дву- или многоязычие, и что многоязычные индивидуумы могут жить также и в немногоязычном обществе. Билингвизм и мультилингвизм может проявляться в устной или письменной форме, он может быть активным или пассивным. Социолингвистические интересы в общественном мультилингвизме основываются на совершенно иных позициях, чем национальные языки, поддерживаемые государственным строем. В государстве со множеством языков - это может означать выбор многоязычия с поддержкой государства или многоязычия для выполнения определенных задач. Выбор связан с тем, что люди, которые владеют двумя языками, будут направлять свою лингвистическую компетентность на два различных языка в одно и то же время, в случае необходимости и возможности общения, и при этом они будут учитывать лингвистические навыки своего партнера по общению[6].

Многоязычие в Германии это лоскутное одеяло с большим количеством лакун. Эти лакуны заполнены зонами одноязычия. Многоязычие – это вопрос политики, который требует признания и введения нормативов при существовании множества видов. Австрийские лингвисты, эксперты многоязычия придерживаются мнения, что для человека не существует ни полного владения своим языком, ни полного однородного освоения языковой среды. Никогда не существовало совершенной, превосходной однородной моносистемы, а повсюду только несовершенные гетерогенные полисистемы. Отношение человека к языку – это не совершенное одноязычие, а напротив, несовершенное многоязычие и многоязычная несовершенство [7]. Предстоит еще очень долгий путь, чтобы взять за основу понимание этого абстрактного максимализма для осуществления приемлемой языковой политики и коррекции критериев компетенций с учетом этой политики.

Литература

1. http://www.daf.de/downloads/InfoDaF_2013_Heft_6.pdf
2. <http://www.bpb.de/apuz/32955/vom-umgang-mit-mehrsprachigkeiten>
3. <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-14-2/beitrag/Roche4.htm>

4. http://www.academia.edu/4390902/Learning_foreign_languages_in_early_modern_Europe
5. Suzanne Romaine, Sprachmischung und Purismus: Sprich mir nicht vom Mischmasch., in: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik, (1986) 62, S. 92 - 107.
6. Mario Wandruszka. Die Mehrsprachigkeit des Menschen// München 1979, S. 313
7. Pätzold, Günter: »Sprache – das kulturelle Kapital für eine Bildungs- und Berufskarriere.// Zeitschrift für Berufs- und Wirtschaftspädagogik № 2 (2010), 161–172.

© В.Н. Попова, 2015

А.В. Радкевич

НА МВД, Нижний Новгород, Россия

Специфика обучение переводу студентов юридических вузов (французский язык)

Устный и письменный перевод текстов профессиональной направленности является отдельным аспектом курса обучения иностранному языку, требующим активизации не только навыков основных видов деятельности, но и отдельного подхода [3, 127]. Речь идет не только о специфике юридических текстов, но и об отношении к переводу как особому виду деятельности.

Необходимо дать учащемуся ориентировку на то, что перевод не является соединением в одной фразе значения каждого отдельного слова - это передача мысли, выраженной на одном языке средствами другого языка [1, 3]. По сути это построение совершенно нового предложения с учетом особенностей того языка, на который переводят [2, 7]. При этом находят эквивалентное выражение мысли, а не просто соответствующий ряд слов. Для достижения смысловой эквивалентности, а также в целях избежания неточностей и искажения смысла оригинального текста, следует обратить особое внимание на некоторые особенности французского языка и связанные с ними сложности при переводе текстов (в нашем случае - с французского на русский).

Для адекватности и смысловой точности перевода необходимо обращать внимание на многозначность французских слов. Их смысловая широта объясняет сложность выбора переводческого эквивалента. Так, существуют слова, которым в русском языке соответствует только один вариант (напр: Le Ministère des Affaires de l'Intérieur - Министерство внутренних дел.). Фразу «La police a dispersé la manifestation» можно перевести по-разному, в связи с многозначностью слова “manifestation” - «демонстрация», «забастовка», «митинг» и т.д. [2, 12]. Особую сложность представляют слова, не имеющие прямого аналога в русском языке. (Например: «désistement» - «снятие своей кандидатуры в пользу дру-

кого кандидата», «anticonstitutionnellement» - «положение, противоречащее существующему государственному строю»).

Не менее важную роль при переводе терминологически насыщенных текстов с французского языка играет фразеологически связанное и свободное употребление слова [2, 12]. Различие между этими формами особенно важно при переводе терминологии. В юридических терминах слово зачастую утрачивает свое свободное значение и переводить его нужно в составе всего выражения, а не дословно. В противном случае «juge d'instruction» (следователь) может трансформироваться в «судью - инструктора»; «Cours d'Appel» (апелляционный суд) - в «званный двор» и т.д.

Наконец, к значительному, а часто и полному искажению смысла приводит дословный перевод лексических единиц, имеющих форму, схожую с русскими словами. Так, «journal» (газета) переводится как «журнал», «rénal» (уголовный) - «пенальти», la lutte (борьба) - «лютый» и т.д.

Вышеприведенные особенности французского языка и специфика работы с юридическими текстами требуют особого внимания в течение всего процесса работы над переводом данного типа текстов. Правильный выбор эквивалентов, достижение смысловой точности при воспроизведении содержания текста средствами русского языка являются основными задачами курса.

Литература

1. Бурляй С.А. Французский язык. Устный перевод. Переводческая запись. / С. А. Бурляй // - М.: «Р. Валент», 2005. - 160 с.
2. Гак. В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода (французский язык). / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев // - М.: «Интердиалект +», 2003. - 456 с.
3. Куимова М. В. К вопросу обучения переводу иноязычных текстов в неязыковом вузе / М. В. Куимова, Н. А. Кобзева // Молодой ученый. – 2011. – №3. Т.2. – С. 127-130.

© А.В. Радкевич, 2015

В.А. Разумовская
СФУ, Красноярск, Россия

Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая задача

Обращение к художественному тексту как к культурному объекту неизбежно приводит исследователей к необходимости осуществления анализа, позволяющего выделить формальные и содержательные единицы текста как особого информационного образования, а также их сис-

темно-структурные отношения и функциональные параметры. В соответствии с применяемым принципом выделения элементов формально-структурной организации существуют различные подходы к проведению анализа художественного текста как уникального информационного комплекса. Так, с позиции принципа литературной формы художественный текст может быть представлен поэтической и прозаической разновидностями. Тем не менее, литературная форма в историческом плане является вторичной формой литературного текста. Первичной формой, бесспорно, выступает форма языковая в ее фонетической, морфологической, лексической, грамматической и других разновидностях, которые выделяются относительно языковых уровней единиц текста. При этом форма художественного произведения традиционно имеет две основные функции: функцию выражения содержания (без этой функции художественное произведение не может существовать в принципе, и содержание текста не может быть воспринято его адресатом) и функцию эстетического воздействия (отсутствие у текста данной функции делает невозможным его принадлежность к литературе и, соответственно, культуре). С позиции принципа языкового воплощения художественный текст может быть представлен в форме одного или нескольких языков, то есть быть моно- или полилингвальным. Наиболее часто оригинальный художественный текст создается его автором в форме средств только одной языковой системы, что обеспечивает его монолингвальность. Однако в литературном пространстве существуют художественные тексты, которые сочетают в себе текстовые фрагменты, представленные в формах средств двух и более языков, что обеспечивает билингвальность или даже полилингвальность таких текстов и напрямую связано с традиционными лингвистическими проблемами билингвизма и диглоссии. Наиболее часто художественный текст становится полилингвальным при условии наличия в произведении билингвальных художественных персонажей. Так, к таким полилингвальным художественным текстам можно, бесспорно, отнести роман Л.Н. Толстого «Война и мир» (французская речь русских аристократов), романы А. Кристи о сыщике Э. Пуаро (речь бельгийца, эмигрировавшего в Великобританию). Особый интерес в данном аспекте представляет англоязычный роман Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», в котором используется вымышленный жаргон британских подростков «надцть», созданный автором текста на основе русского языка.

Одним из первых термин «иноязычное вкрапление» для русского языкового пространства предложил в 1966 году А.А. Леонтьев, считавший, что иноязычное вкрапление – это результат «сосуществования двух текстов» [4]. Однако такое определение может быть применено и для описания явления интертекстуальности, терминологическое обозна-

чение которого было предложено Ю. Кристевой (1967 год) практически одновременно с термином А.А. Леонтьева. Более точным следует признать определение А.М. Бабкина: «... иноязычными вкраплениями являются слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления на читанности или учености, иногда оттенка комичности или иронии» [1]. Несомненным достоинством данного определения является прямое указание на графическую форму иноязычных вкраплений, что является крайне важным как для определения иноязычных вкраплений, так и для их восприятия читающими. Нельзя не согласиться с мнением А.М. Бабкина о том, что использование автором иноязычных вкраплений служит целям создания национального или культурного колорита. Достаточно подробный обзор значений термина «иноязычное вкрапление», а также типологические вопросы ввода иноязычных слов в информационное и культурное пространство текста содержится в статье В.С. Норлусеняна [8]. В центре внимания исследования С.С. Изюмской находятся вопросы определения коммуникативно-функционального и структурного статуса иноязычных вкраплений в текстах Б. Акунина и В. Пелевина [2]. Рассматривая причины использования и судьбу русского слова в иноязычном тексте, З.Л. Новоженева отмечает: «Языковая организация дискурса задается, как известно, когнитивнокоммуникативной программой. Именно эта программа определяет креативную природу дискурса, которая не только отбирает языковые единицы, изменяет их свойства, но также создает и «находит» единицы, отсутствующие в коде и демонстрирующие возможность дискурса выйти за пределы языка» [7, 37].

Сравнительно недавно появились исследования, рассматривающие иноязычные вкрапления как переводческую проблему. Так, В.Ю. Немонехная рассматривает стратегии воссоздания иноязычных элементов оригинального текста в художественном переводе на материале русских переводов исторических романов А. Конан Дойля [6]. Несомненным достоинством данной работы является описание эволюции способов передачи иноязычных единиц (французских, латинских и итальянских) в русских переводах, а также классификация способов межъязыковой передачи иноязычных вкраплений: сохранение исходной формы вкраплений (без перевода, с переводом в сноске, сноска с переводом и пояснениями) и перевод (собственно перевод, перевод с культурологической сноской и варваризмы).

В аспекте перевода иноязычных вкраплений в ткани переводимого художественного текста, которые могут быть определены как единицы перевода, большое значение имеет сохранение функциональных па-

раметров таких вкраплений. В мировой художественной литературе представлены интересные случаи гиперфункциональности иноязычных вкраплений. Так, С.И. Манина пишет: «Инкорпорированное в текст иноязычие – прием достаточно нетрадиционный, неслучайный по своей сути, а потому яркий и почти всегда наделяемый особым ролевым комплексом. Его смысловая нагрузка может быть чрезвычайно весомой и колебаться от необходимости создания в произведении специфической иностранной атмосферы до выполнения функции ключевого фрагмента текста, без которого понимание замысла автора невозможно и который в этом отношении не допускает никакого замещения или изменения собственного формата или объема» [5, 95]. Именно такие случаи представляют особую трудность для переводчиков художественной литературы. Яркой иллюстрацией данной переводческой трудности может послужить тот факт, что основными сложностями при переводе романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» на русский язык состояли в том, что в русском переводе подростковый сленг, основанный на лексике русского языка английского оригинала, должен восприниматься русскоязычными читателями перевода как иноязычный. В. Бошняк решил указанную переводческую задачу посредством использования в русском переводе, представленном в форме кириллицы, латиницы, а Е. Синельщиков перевел «русские» слова оригинала на английский язык, что обеспечило их языковую «чуждость».

В данном контексте значительный интерес представляют случаи «метаязыковых» и «метапереводческих» размышлений авторов художественных оригиналов и результаты переводческих решений авторов переводов полилингвальных оригиналов. Так, ценные размышления и тонкие наблюдения о важности понимания и трудностях перевода художественного текста с иноязычными вкраплениями представлены в книге эссе Милана Кундеры «Нарушенные заветы» (Часть 4. Фраза) [3]. Примечательно, что автор подробно останавливается на трудностях перевода только одной фразы, что нашло отражение в названии соответствующей части книги. Рассматриваемая автором эссе фраза взята из немецкого оригинала неоконченного романа Ф. Кафки «Замок». Трудность понимания и, соответственно, перевода анализируемой фразы объясняется автором эссе тем, что данный отрывок – «лишь одна длинная метафора». Ничего не требует от переводчика большей точности, чем перевод метафоры. Именно здесь затрагивается самая суть поэтической оригинальности текста» [3, 107]. Поскольку оригинальный текст эссе написан автором на французском языке, то во «Фразе» представлен детальный анализ французских переводов текстового отрывка Ф. Кафки, выполненных А. Виаллатом (1938 год), К. Давидом (1976 год) и Б. Лортони (1984 год). Важно подчеркнуть, что сравнение трех французских

переводов во французском оригинале эссе сопровождается в тексте эссе немецким оригиналом и его французским подстрочником. Появление во французском оригинале немецкой фразы (иностранного текста) является своеобразным приглашением автором читателя текста к переводческому анализу, делая его соучастником этого анализа. Обращая внимание читателей на феноменологический характер метафоры Кафки, М. Кундера делает замечания по поводу систематической синонимизации текстов переводов. Кроме того, во «Фразе» содержатся интересные рассуждения о регулярном стремлении переводчиков обогатить словарь текста перевода по сравнению со словарем текста оригинала (в текст эссе включен и иноязычный глоссарий), что, по мнению автора, нарушает красоту прозы Ф. Кафки, не соответствует эстетической цели его творчества, его аскетизму и антиэстетизму. Полилингвальность и переводческая вариативность французского оригинала эссе определяет объективную трудность перевода текста романа на иностранные языки. Так, перевод книги эссе на русский язык М. Таймановой, опубликованный впервые в 2004 году, полностью отражает поиски «хорошего» перевода кафкианского текста автором эссе и представляет собой интересный и, как мы считаем, переводческий эксперимент. В соответствии с пожеланиями М. Кундера автором русского перевода были внесены изменения в цитатах из переводов «Замка» Ф. Кафки, выполненных Р.Я. Райт-Ковалевой в 1988 году. Таким образом, русский перевод текста оригинального эссе, созданного на французском языке, представляет собой результат творчества переводчиков нескольких поколений. Крайне важно, что немецкий текст Ф. Кафки сохранен в русском переводе, что имеет своим результатом сохранение функции иностранного текста и во вторичном тексте перевода.

Таким образом, иноязычные вкрапления в художественном тексте могут быть отнесены к разряду регулярных единиц перевода и, прежде всего, перевода художественного. Очевидно, что относительно таких единиц переводчик принимает решение на перевод. Для сохранения единиц-вкраплений, имеющих иноязычную форму в тексте перевода, и обеспечения их полноценного функционирования эффективными будут, прежде всего, культууроориентированные стратегии перевода.

Литература

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 262 с.
2. Изюмская С.С. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале произведений Б. Акунина и В. Пелевина) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 153. Кн. 6, 2011. – С. 204-211.
3. Кундера М. Нарушенные завещания: Эссе / Пер. с фр. М. Таймановой. – СПб: Азбука-классика, 2006. – С. 105-122.

4. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. № 7, 1966. – С. 60-68.
5. Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1, 2010. – С. 95-98.
6. Немонезная В.Ю. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема: на материале русских переводов произведений А. Коплана Дойля на историческую тематику: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. – 155 с.
7. Новоженнова, З.Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8, 2012. – С. 37-42.
8. Норлусенян В.С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы // Вестник Новгородского государственного университета. – № 57. – Новгород, 2010. – С. 63-66.

© В.А. Разумовская, 2015

М.Б. Раренко
ИНИОН РАН, Москва, Россия

К вопросу о статусе языка скотс в современной Шотландии

С VI в. н.э. на равнинной части Шотландии (Лоуленд), вследствие особых исторических условий, сосуществуют два языковых ареала – германский и кельтский. Именно сюда, в южную часть Лоуленда – территории к северу и югу от гор Чевинот-Хилс и реки Твид – стали переселяться англэ (германское племя), войдя в состав королевства Нортумбрии. В конце X в. после нескольких войн между англосаксонскими и кельтскими королями эта часть Нортумбрии отошла шотландскому королю Кеннету III (997 – 1005), но по условиям договора англосаксонскому населению данного региона было разрешено сохранить свои законы и свой язык – северную ветвь нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка. До конца XI века в данном регионе использовался и гэльский язык.

В XIV веке на базе языковой нормы эдинбургского королевского двора и университета г. Сент-Эндрюс сформировался общенациональный языковой стандарт Шотландии того времени, получивший название Inglis. Во второй половине XV века этот язык стал именоваться Scottis, а название Inglis стало использоваться исключительно для обозначения близкородственного языку Scottis среднеанглийского языка, который был распространен на территории Англии.

В 1603 году произошло объединение корон Шотландии и Англии, и Scottis стал постепенно утрачивать статус государственного языка. В

1707 году, после объединения английского и шотландского парламентов, национальный английский язык того времени, развившийся на основе лондонского диалекта, полностью и окончательно утвердился в качестве языка политики, образования и религии на территории Шотландии. Еще в течение долгого времени *Scottis* оставался среди шотландцев языком повседневного, домашнего общения, но доминирование английского языка в официальной среде постепенно привело к размыванию и, в конечном счете, к фактической утрате единой нормы языка, сложившейся в XIV – XV вв. Таким образом, *Scottis* сохранился только как совокупность территориальных диалектов. Но на протяжении XVII и даже XVIII вв. иностранцы продолжали воспринимать *Scottis* как самостоятельный язык, автономный по отношению к английскому.

Первым письменным памятником, созданным на языке скотс, считается поэма «Брюс» шотландского поэта Джона Барбура (1316 – 1395), представляющая собой рифмованную хронику и описывающая историю Шотландии при Роберте Брюсе (1286 – 1329).

XVIII век был временем национального подъема в Шотландии, и язык скотс пережил своеобразное возрождение в художественной литературе: на нем создавали свои произведения шотландские поэты Роберт Фергюсон (1750 – 1774) и Роберт Бернс (1759 – 1796).

В последующем столетии возрождение языка также продолжилось. В 1808 году Дж. Джемисон¹¹ опубликовал «Этимологический словарь шотландского языка». В этот же период шотландские писатели создавали художественные произведения, персонажи которых говорили на языке скотс. В других сферах использование языка скотс не поощрялось.

В 1889 году А. Эллис (A.Ellis) (1814 – 1890) зафиксировал девять отчетливо выделяемых территориальных шотландских диалектов, т.е. разделил Шотландию по диалектным признакам на следующие территориальные образования: 1) Шетландские и Оркнейские острова; 2) Кейтнес; 3) Нейрн, Элджин, Бэнфф, Абердин; 4) Восточный Форфар, Кинкардайн; 5) Западный Форфар, большая часть территории Перта, часть Файфа и Стерлинга; 6) Южный Айр, западный Дамфрис, Керкубри, Вигтон; 7) Юго-восточный Арджайл, северный Айр, Ренфью, Ланарк; Кинросс, Клакмэннан, Линлитгоу, Эдинбург, Хэддингтон, Бервик, Пиблз; 9) Восточный Дамфрис, Селкирк и Роксбург (Ellis, 1890). В то же время У. Грант и Дж. Диксон выделяли три группы шотландских диалектов – северную, центральную и южную, но признавали, что каждая из них имеет свои подгруппы.

¹¹ Преподобный Джон Джемисон (англ. *John Jamieson*), доктор богословия (3 марта 1759 (Глазго) — 12 июля 1838) — шотландский лексикограф, сын священника. – *Прим. авт. (М.Р.)*

К концу XIX – началу XX вв. скотс стал восприниматься как язык низших слоев населения. Однако интерес к языку возникает вновь в 20-ые годы XX века, в период так называемого «Шотландского возрождения». В этот период была создана Шотландская национальная партия. У истоков современного шотландского национального движения стоял общественный деятель, писатель и поэт Хью Макдермид¹² (1892 - 1978), который в языке своих художественных произведений стремился к синтезу шотландских диалектов начала XX века с элементами языка шотландской литературы более ранней эпохи.

Однако стремления укрепить позиции языка скотс в 20 – 30 гг. XX века, а также после Второй мировой войны, особого успеха не имели. Это в значительной мере объясняется тем, что все более широкое распространение получает теле- и радиовещание на литературном английском языке.

Сегодня парламент Шотландии имеет полномочия по так называемым «переданным вопросам», т.е. вопросам здравоохранения, жилья и языковой политики.

В 2001 году правительство Соединенного Королевства ратифицировало Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств, утвержденную Советом Европы в 1992 году. Правительство Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии признает язык скотс как региональный язык, указывает на необходимость сохранения языка Scottis как элемента культурного наследия, но не оказывает ему практической поддержки. При парламенте Шотландии после его утверждения в 1997 году была создана межпартийная группа по вопросам Scottis; в стране функционирует Центр языка скотс (Scots Language Centre¹³), одной из задач которого является издание словарей. Финансированием проектов занимается правительство Шотландии.

Важнейшая проблема современного языка скотс состоит в отсутствии у него литературного стандарта, что не позволяет языку получить статус официального в Шотландии. Однако важная роль языка скотс в общественной жизни страны постоянно подчеркивается. Попытки создания наддиалектного литературного варианта языка скотс, широко известного сейчас как лалланс, были предприняты еще Хью Макдермидом, который полагал, что успешное распространение лалланса может способствовать укреплению статуса языка скотс.

¹² На английском языке его имя пишется как Hugh MacDiarmid, поэтому можно встретить и другой русскоязычный вариант его имени: Хью Мак Диармид. – *Прим. авт. (М.Р.)*

¹³ У организации есть собственный сайт. – Mode of access: <http://www.scotslanguage.com> – *Прим. авт. (М.Р.)*

Уровень развития литературного языка скотс в XX веке продолжал повышаться, однако диалектные формы также развивались. На сегодняшний день большое количество диалектов языка скотс по-прежнему сохраняется. В 2011 году в Шотландии состоялась перепись населения, на которой впервые был задан вопрос о владении языком скотс. В том же 2011 году Языковой центр скотс создал интернет-сайт с образцами речи на различных диалектах Scottis (Scots), чтобы говорящие сами могли определить, каким именно диалектом языка они владеют. Однако, как отмечает А.Е. Павленко, далеко не всегда бывает просто определить диалект говорящего, поскольку даже на равнинной территории Шотландии языковая ситуация «имеет континуальный характер и для нее характерно огромное количество переходных вариантов, широкое многообразие отдельных идиолектов и зачастую непоследовательное использование говорящими языковых средств» [2, 175].

В мае 2011 года члены шотландского парламента от набравшей большинство голосов Шотландской национальной партии давали присягу Елизавете II на языке скотс.

Учрежденная шотландским правительством Рабочая группа по вопросам языка скотс (The Scots Language Working Group) выступила с инициативой введения в программу начальной и средней школы предмета Scottish Studies, который сочетал бы в себе сведения о шотландской истории, литературе, культуре, современной обстановке в Шотландии, истории языков скотс и гэльского. 21 марта 2013 года был открыт интернет-ресурс «Studying Scotland».

По результатам опроса, проведенного среди населения Шотландии в 2009 – 2010 гг., около 64 % шотландцев считают, что скотс, называемый прошотландскими общественными деятелями «mither tongue», т.е. «родным языком», языком не является; 85 % опрошенных говорят на скотс; 67 % считают, что скотс должен продолжать использоваться в Шотландии. В научной литературе также до сих пор не сложилось единого мнения относительно того, как следует относиться к языковому феномену «скотс». Некоторые исследователи настаивают на том, чтобы считать его диалектом английского языка, частью парадигмы форм существования английского языка, другие – самостоятельным языком, близкородственным современному английскому. В пользу последнего указываются следующие исторические факты: 1) в период XIV – XVI вв. скотс фактически играл роль государственного языка Шотландии; 2) утрата статуса государственного языка с последующей потерей единой нормы была вызвана экстралингвистическими факторами (потерей страной независимости); 3) богатая литературная традиция на языке скотс восходит к XIV веку; 4) существует разветвленная диалектная парадигма языка скотс (известно, по крайней мере, пять групп диалектов).

Характеризуя современную ситуацию, сложившуюся вокруг языка скотс в равнинной Шотландии, где проживает подавляющее число жителей страны, А.Е. Павленко отмечает, что «в реальной действительности наиболее распространенный в настоящий момент ... речевой тип демонстрирует сравнительно низкую частотность лексических и грамматических шотландизмов и получил, поэтому, эпитет «thin Scots» (т.е. буквально «жидкий» или «разреженный» скотс») (McClure 1979: 29-31). Этот диалект представляет собой, скорее, вариант английского языка с большим количеством разноразрядных черт, восходящих к скотс. Он крайне непоследователен в использовании лексических и прочих языковых средств и разительно отличается в этом отношении от синтетического диалекта современной шотландской литературы – лаланс» [2, 175].

Однако ученые, в первую очередь шотландские исследователи Э.Игл и Н. Маккаллум и Д. Первес, указывают на то, что определение статуса языка скотс зависит не столько от сугубо лингвистических, сколько от политических факторов, среди которых будущее Шотландии как государства и его языковой политики. Таким образом, изменения в политической жизни страны способны привести к повышению престижа и возрождению языка скотс, а также переоценке его лингвистического статуса.

Литература

1. Денисова Е.А. Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 22 с.
2. Павленко А.Е. На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия // Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. – СПб., 2005. – С. 175-182.
3. Павленко А.Е. Региональный язык и его статус: (На материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – М., 2003. – 243 с.
4. Aitken A.J. Scots and English in Scotland // *Language in the British Isles*. – Cambridge etc., 1984. – P. 517-532.
5. Aitken A.J. The good old Scots tongue: Does Scots have an identity? // *Minority languages today*. – Edinburgh, 1981. – P. 72-90.
6. Eagle A. Wir Ain Leid: An Innin tae modren Scots. – 2005. – 300 p.
7. Ellis A.J. English dialects: Their sounds and homes. – L., 1890. – 703 p.
8. Grant W., Dixon M.J. Manual of modern Scots. – Cambridge, 1921. – 500 p.
9. Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans / Ed. by MacCallum N.R., Purves D. – Edinburgh, 1995. – 178 p.
10. McClure J.D. Scots and its range of uses // *Languages of Scotland*. – Edinburgh, 1979. – P. 26-48.
11. McClure J. D. *Why Scots matters*. – Edinburgh, 1997. – 78 p.
12. McKay G. *The Scots tongue*. – New Carolina, 2007. – 232 p.

Игра слов как переводческая проблема

Исследованию игры слов в лингвистике и переводе посвящено большое количество работ различных авторов. Но до сих пор нет единого понимания сущности игры слов, единой терминологии и понятий. Игрой слов также принято считать каламбур, словесную остроту, двойной смысл и т.д. Причем, их содержание и их соотношение ученые трактуют по-разному. В данной статье мы рассматриваем игру слов как более общий термин, вбирающий в себя различные стилистические приемы, таким образом, каламбур является разновидностью языковой игры.

Каламбур – стилистический оборот речи, основанный на принципе смыслового объединения в одном контексте разных значений одного слова, однозвучности или подобия звучания при имеющемся смысловом различии. Перед переводчиком, воссоздающим каламбур, стоит сложнейшая задача, которую хорошо определил Н.М. Любимов: «Если каламбур имеет совершенно определенный социально-политический адрес, если он имеет идейное значение, переводчику надлежит напрячь все усилия и передать его с художественной точностью» [3].

Говоря о структуре каламбура, В.С. Виноградов выделяет в них два компонента, каждый из которых может быть словом или словосочетанием. Первый компонент он называет «своеобразным лексическим основанием каламбура, опорным элементом, стимулятором начинающей игры слов, ведущей иногда к индивидуальному словотворчеству. Опорный компонент (стимулятор, основание) можно также рассматривать в качестве лексического эталона «игровой инструкции», который соответствует существующим орфографическим, орфоэпическим и словоупотребительным нормам языка». Что касается второго компонента, В.С. Виноградов называет его «слово (или словосочетание)-«перевертыш», результирующий компонент или результата, представляющая собой как бы вершину каламбура. Лишь после реализации в речи второго компонента и мысленного соотнесения его со словом-эталонном возникает комический эффект, игра слов. Результанта может быть взята из лексических пластов, как составляющих литературную норму языка, так и находящихся за ее пределами, или вообще относится к фактам индивидуальной речи» [1].

Рассмотрим примеры перевода игры слов с английского языка на русский в различных произведениях:

Оригинал Джоан Роулинг «Гарри Поттер»:

The death day party – название восьмой главы второй книги.

Перевод Марии Спивак:

Смертенины

Перевод Росмэн:

Юбилей смерти

Народный перевод:

Годовщина смерти

В оригинале мы видим авторский неологизм.

Мария Спивак воспользовалась приемом калькирования по аналогии с «birthday party» – «именины». Игра слов сохранена и читатель может оценить авторскую иронию.

Во втором и третьем случаях каламбур опущен и, вследствие, потерян полностью, несмотря на то, что количество слов осталось тем же, что и было в оригинале.

Оригинал Джоан Роулинг «Гарри Поттер»:

Whomping Willow – название пятой главы второй книги.

Перевод Марии Спивак:

Дракучая ива

Перевод Росмэн:

Гремучая ива

Народный перевод:

Драчливый дуб

Снова случай авторского неологизма, его нужно не путать с уже существующим прилагательным, имеющим значения «гремучий» и «огромный». Здесь слово образовано от глагола «towhomp» – ударить, разбить наголову, резко шлёпнуть. Автор проводит параллель с «weeping willow» – «плакучая ива». Это пример лексического каламбура, основанного на обыгрывании частей слов. Перевод данного осуществляется путем калькирования.

Во втором случае переводчик использовал прямое значение этого прилагательного, в третьем – видимо, для лучшей благозвучности или для воссоздания мужского рода существительного слово «ива» было заменено на «дуб». В первом варианте легче всего провести параллели с оригиналом, потому его считаем наиболее приемлемым.

Оригинал Чарльз Диккенс «Большие надежды»:

"Mrs. Joe has been out a dozen times, looking for you, Pip. And she's out now, making it a baker's dozen."

"Is she?"

"Yes, Pip," said Joe; "and what's worse, she's got Tickler with her."

At this dismal intelligence, I twisted the only button on my waistcoat round and round, and looked in great depression at the fire. *Tickler* was a wax-ended piece of cane, worn smooth by collision with my *tickled* frame.

"She sot down," said Joe, "and she got up, and she made a grab at Tickler, and she Ram-paged out. That's what she did," said Joe, slowly clearing the fire between the lower bars with the poker, and looking at it; "she Ram-paged out, Pip."

Каламбур строится вокруг слова «tickle» в одном и том же значении.

Перевод Марии Лорие:

— Миссис Джо раз двенадцать, не меньше, выходила тебя искать, Пип. Сейчас опять пошла, как раз будет чертова дюжина.

— Ой, правда?

— Правда, Пип, — сказал Джо. — И хуже того, она Щекотун с собой захватила.

Услышав эту печальную весть, я совсем упал духом и, глядя в огонь, стал крутить единственную пуговицу на своей жилетке. *Щекотун* — это была трость с навоощенным концом, до блеска отполированная частым *щекотанием* моей спины.

— Она тут сидела, — сказал Джо, — а потом как вскочит, да как схватит Щекотун, да и побежала лютовать на улицу. Вот так-то, — сказал Джо, глядя в огонь и помешивая угли просунутой через решетку кочергой. — Взяла да и побежала, Пип.

Переводчику удалось передать игру слов, не меняя форму оригинала. Редкий случай полного воспроизведения каламбура.

Оригинал Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта»:

Mercutio:

Nay, gentle Romeo, we must have you dance.

Romeo:

Not I, believe me: you have dancing shoes,
With nimble soles; I have a *soul* of lead
So stakes me to the ground I cannot move.

В оригинале мы видим омонимичный каламбур на основе слов «sole» и «soul».

Перевод Аполлона Григорьева:

Меркуцио:

Ну, нет, прелестный Ромео! Ты пляши

Ромео:

Уволь! Вы в лёгких башмаках
И на ногу легки к тому же;
А у меня в душе свинец
И тянет книзу: где порхать мне?

Перевод Татьяны Щепкиной-Куперник:

Меркуцио:

Нет, милый друг, ты должен танцевать.

Ромео:

О нет, вы в танцевальных башмаках
На легоньких подошвах; у меня же
Свинец на сердце: тянет он к земле
И двигаться легко не позволяет.

Перевод Бориса Пастернака:

Меркуцио:

Ромео, нет, от танцев не уйдешь.

Ромео:

Уволь меня. Вы в легких бальных туфлях,
А я придавлен тяжестью к земле.

Перевод Дмитрия Михаловского:

Меркуцио:

Нет, милый мой, ты должен танцевать.

Ромео:

Я не могу: вы в бальных башмаках,
На тоненьких подошвах; у меня же
Тоска лежит на сердце, как свинец;
Она меня приковывает к полу,
Я двинуться не в силах.

Из анализируемых нами вариантов перевода относительную игру слов удалось воссоздать только Григорьеву. Всем остальным найти эквивалент оказалось не под силу, каламбур опущен.

Таким образом, игра слов – один из самых сложных тропов для перевода. Для перевода игры слов используется много приемов, но основными являются компенсация, калькирование, опущение. Чтобы правильно передать каламбур переводчик должен обладать усидчивостью, трудоспособностью, широким кругозором, оригинальностью мышления.

Литература

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
2. Диккенс Ч. Большие надежды. // пер. М. Лорие. М.: Эксмо, 2006.
3. Любимов. Н.М. Перевод – искусство/ Мастерство перевода. М.: Высш. Школа, 1964. С. 72.
4. Мур М. Переводимость «Гарри Поттера» [сайт] URL: www.harrypotter.ru
5. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: П. Валент, 2007. — С. 244.
6. Роулинг Д.К. Гарри Поттер и Тайная Комната. // пер. М.Спивак. М.: Махаон, 2015.
7. Роулинг Д.К. Гарри Поттер и Тайная Комната. — М.: РОСМЭН, 2008.
8. Шекспир У. Ромео и Джульетта. // пер. А. Григорьева. М.: Просвещение, 1994.

9. Шекспир У. Ромео и Джульетта.// пер. Б. Пастернака. – М.: Просвещение, 1994.
10. Шекспир У. Ромео и Джульетта.// пер. Д. Михаловского. М.: Просвещение, 1994.
11. Шекспир У. Ромео и Джульетта.// Шекспир У. Избранные произведения./ пер. Т. Щепкиной-Куперник. – М.: Алма-Ата: Мектеп, 1980.
12. Dickens Ch. Great Expectations. Wordsworth Classics, 2008.
13. Rowling J. Harry Potter and the Philosopher's Stone. Bloomsbury, 2014.
14. Shakespeare W. The Tragedy of Romeo and Juliet. English Fiction Collection. – Сибирское книжное издательство, 2010.

© А.Р. Рюкова, 2015

Л.Д. Сабирова
БашГУ, Уфа, Россия

Преподавание иностранного языка в России и за рубежом

Ввиду того, что методика и педагогика в нашей стране долгое время развивались в относительной изоляции, приведем некоторые различия в подходах к изучению иностранного языка в России и на западе.

Подход к преподаванию живых языков до 70-х годов прошлого века существенно не отличался, а точнее сказать, копировал подход к изучению мертвых языков, сводился к освоению в первую очередь основ иноязычной грамматики с целью понять иноязычный текст. На сегодняшний день этот метод носит название грамматико-переводного метода. Долгое время изучение иноязычного текста в нашей стране не имело существенных отличий от изучения иноязычного текста в западных странах.

В 1970-е годы с интеграцией культур и появлением принципиально новых средств звукозаписи пришло понимание важности устной речи и динамики в изучении иностранного языка. Активное внедрение аудиальных средств в обучение, появление лингафонных курсов привело к настоящей революции УМК, что в дальнейшем оформилось в аудио-лингвальный метод. Акцент на занятии постепенно перешел от прорабатывания грамматических конструкций на письме к отработке тех же конструкций в устной речи. Традиции в методике преподавания английского языка в русле аудио-лингвального метода ввела серия учебников Streamline English, выпущенная издательством Оксфордского университета.

Западные методисты считают, что повальное увлечение лингафонными курсами не оправдало надежд быстро и легко выучить язык. Метод активно внедрялся в нашей стране и принципиально не от-

личался, однако ввиду значительного традиционализма отечественной методики в то время, аудио-лингвальный метод в нашей стране не стал единственно верным, а скорее разнообразил виды деятельности на занятии.

Идеи Н. Хомского о том, что язык функционирует не только в форме стандартных воспроизводимых и производимых предложений, сколько позволяет совершать бесчисленное количество индивидуальных творческих актов речи [3] заставили западных методистов охладеть к сложившейся практике преподавания языка и искать другие подходы.

Хомский активно продвигал идею о том, что бесконечное количество предложений, которые может строить человек, является веским основанием отвергать обучение языку посредством подкрепления условного рефлекса, на что и был направлен аудио-лингвальный метод. Понимание языка обусловлено не столько прошлым опытом поведения, сколько так называемым *механизмом усвоения языка* (Language Acquisition Device – LAD), являющимся внутренней структурой психики человека [5].

В период активного развития психологии и направлений в психологии в конце 1970-х годов ярким событием в методике преподавания иностранного языка стал метод суггестопедии, иначе внушения. Утверждалось, что студент усвоит иноязычную речь и будет употреблять ее естественно без стеснения, робости и страха ошибок, если на всем протяжении занятия перестанет быть самим собой и возьмет на себя роль другого человека. Критики отмечают, что, несмотря на то, что в нашей стране данная методика была в свое время воспринята и использовалась среди узкого круга преподавателей, она, к сожалению, часто принимала карикатурные формы из-за недостаточной квалификации [4].

В 80-е годы прошлого века во всех западных странах и в нашей стране образовательные центры стали придавать значение общению, взаимопониманию, – естественно, посредством языка. Постепенно менялась задача преподавания, и привычные виды деятельности, такие как заучивание слов, зубрежка грамматических тем и хоровое повторение, перестали быть самоцелью. Еще в 80-е годы прошлого века отечественные методисты начали отмечать, что подход к преподаванию иностранных языков у зарубежных составителей УМК изменился [1].

С 1990-х годов учебно-методические комплексы по изучению иностранного языка стабильно разрабатываются в русле коммуникативной методики, развитой западными методистами. Большинство современных учебников, издаваемых британскими издательствами, построено по принципам коммуникативной методики.

В коммуникативной методике мало пользуются родным языком и редко исправляют ошибки. Сам учебный материал отбирается из жиз-

ненных языковых ситуаций — интервью с реально существующими людьми, отрывки из выступлений, телефонных разговоров и т.п.

При обучении чтению также на первое место выдвигается коммуникативный подход. Большинство зарубежных авторов сходятся на том, что важно научить учащихся извлекать информацию с разной степенью полноты. Цель обучения чтению они видят в основном в беспереводном чтении. На сегодняшний день многочисленные тесты на знания языка широко используют приемы коммуникативного метода для оценки беспереводного понимания текста [2].

В этом смысле отечественные традиции методики преподавания иностранного языка до сих пор отличаются. Если зарубежные УМК составляются без опоры на родной язык, то в отечественной методике опора на родной язык становится ключевым инструментом в процессе освоения иностранного языка. Чтение иноязычного текста сопровождается скрупулезным переводом с целью глубоко, во всех красках понять смысл каждого предложения. Большое внимание уделяется разбору грамматического строя предложения в сравнении с родным, умению адекватно письменно переводить предложения с одного языка на другой (грамматико-переводной метод), использовать усилия механической памяти для запоминания фразеологических оборотов, поговорок (аудиолингвальный метод). Отечественная методология восприняла коммуникативный метод не как единственно верный, а скорее как еще один вид деятельности на занятии.

Литература

1. Рабинович Ф.М. Вопросы методики обучения иностранным языкам за рубежом. — Иностранные языки в школе. — 1980. — № 3.
2. Солонцова Л.П. С 60 Современная методика обучения иностранным языкам. (актуальные вопросы): учеб. пособие для студентов языковых специальностей педагогических вузов и преподавателей иностранных языков средних и высших образовательных учреждений различного типа. — Павлодар: ПГПИ, 2009. — 126 с
3. Хомский Н. Язык и мышление. — Москва: МГУ, 1972.
4. <http://www.examen.ru>
5. <https://ru.wikipedia.org>

© Л.Д. Сабирова, 2015

В.А. Саблукова
БашГУ, Уфа, Россия

Стратегии и тактики суггестивно-манипулятивного использования прецедентных феноменов

При планировании речевой деятельности прибегают к стратегиям и тактикам. Так, В.В. Красных определяет человеческую коммуникацию как процесс взаимодействия двух или более языковых личностей с це-

люю передачи/получения/обмена информацией, т.е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности [5, 42].

Термины «стратегия» и «тактика» первоначально употреблялись в военных науках, в настоящее время их можно встретить в лингвистике и журналистике. Следует заметить, что языковеды предлагают различные трактовки термина «стратегия»: это и «определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [6, 11]; это и «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [3, 21]; это и «структурированная последовательность речевых действий, точнее – способ структурирования речевого поведения в соответствии с коммуникативной целью участника общения» [2, 16].

В зависимости от применяемого подхода лингвисты выделяют разные виды стратегий (когнитивную, коммуникативную, речевую, интродуктивную, аддитивную, глобальную, локальную). Е.В. Клюев рассматривает коммуникативную стратегию как «стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт» [4, 65]. Т.А. ван Дейк определяет когнитивную стратегию как «способ обработки информации в памяти» [1, 156]. С.А. Сухих под речевой стратегией понимает конкретную последовательность действий говорящего в соответствии с планом или установкой [7, 21]. Следует отметить, в рамках настоящего диссертационного исследования термины «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия» рассматриваются как синонимичные понятия. Предметом внимания являются коммуникативные стратегии, получившие широкое распространение в дискурсе СМИ.

Наиболее структурированную классификацию коммуникативных стратегий предлагает О.В. Иссерс, которая выделяет две группы: по характеру и глобальности целей – общие (направлены на достижение общих социальных целей) и частные (реализуют конкретные, определенные цели), основные (семантические) и вспомогательные (прагматические, риторические) [3, 20]. По мнению Т.Е. Янко в более узком смысле на уровне предложения коммуникативная стратегия состоит из:

- 1) выбора глобального речевого намерения;
- 2) отбора тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям;
- 3) определения того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т.д.;
- 4) соотнесения квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии;

5) определения порядка следования коммуникативных составляющих;

6) настройки коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим, стиль, жанр [8, 38].

Следовательно, несмотря на разнообразие видов стратегий и широкий спектр их трактовок, несомненно одно: под стратегией понимается общая направленность речи, которая апеллирует к использованию конкретных тактик.

Каждая тактика реализует какую-то конкретную задачу. В речи существует множество стратегий, которые могут быть направлены на конфронтацию, дискредитацию, изменение мировоззрения и т.д и реализованы в общении с помощью определенных тактик, которые состоят из конкретных речевых ходов.

Рассмотрим на конкретных примерах, как используются в медийной коммуникации две основные стратегии, связанные с применением прецедентных явлений.

Наиболее популярной является стратегия, направленная на конфронтацию, которая диктует отбор соответствующих тактик, осуществляемых через эффективные речевые приёмы.

Стратегия, направленная на конфронтацию может быть реализована с помощью тактики создания образа врага.

Пример 1. On Dec. 27, Vyacheslav **Volodin**, an oafish apparatchik from Putin's United Russia party, replaced the conniving but brilliant Vladislav **Surkov**, who had been Putin's **Goebbels** since 2000 (the Huffington Post 2012).

Журналист издания The Huffington Post проводит аналогию между заместителем председателя Правительства РФ (2012-2013) В.Сурковым и политическим деятелем нацистской Германии Геббельсом (conniving but brilliant Vladislav Surkov, who had been Putin's Goebbels since 2000), таким образом, сравнивая Россию с нацистской Германией. Более того, автор навешивает оскорбительный ярлык на политического деятеля России В.Володина, называя его глупым аппаратчиком (an oafish apparatchik – an oafish man is not sensitive or thoughtful and behaves in a rude or unpleasant way [Macmillan English Dictionary: URL].

Также данная стратегия может быть реализована с помощью тактики, связанной с навязыванием ложных пресуппозиций, тактики, связанной с эксплуатацией сложившихся стереотипов.

Второй рассматриваемой стратегией является стратегия, направленная на мифотворчество, которая может быть реализована с помощью тактики, направленной на мифотворчество, связанное с имиджем политических структур и тактики апелляции к авторитетным лицам как авторам мифов.

Пример 2. Russian politics," declares Boris Berezhovsky, "is **Russian roulette**." So, he might have added, is Russian business - although, given the considerable overlap between Russian politics and Russian business, he probably thought it unnecessary (The Guardian 2005).

Исследуемый отрывок содержит ксенопрецедентное высказывание Russian roulette из российской ксеночультуры. В словаре Oxford Dictionary представлено следующее определение: An activity that is potentially very dangerous [Oxford Dictionary: URL].

Апеллируя к заявлению Б. Березовского о том, что политика в России представляет «русскую рулетку», зарубежные СМИ порождают миф о нестабильности и непредсказуемости Российской политики.

Таким образом, с помощью различных дискурсивных технологий, стратегий и приемов, обеспечивающих использование прецедентных феноменов, автор может оказывать суггестивно-манипулятивное воздействие на читателя.

Литература

1. Дейк.Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста//Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс,1998. – Вып.23 – С.153–211.
2. Денесюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол.наук. – Екатеринбург, 2004 – 25 с.
3. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – Омск,1999. – Вып. 1. – С. 74–79.
4. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: Рипол классик, 2002 – 320 с.
5. Красных В.В. Лингво-когнитивный подход к коммуникации / Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 12. – С. 41-45.
6. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. – М.: УРСС, 2002. – 284 с.
7. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагматическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар: КубГУ, 1998. – 160 с.
8. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 382 с.

© В.А. Саблукова, 2015

М. Д. Сайфуллина
БашГУ, Уфа, Россия

Директивные речевые акты в телевизионной рекламе

Интерес к рекламному тексту как объекту лингвистической прагматики возник еще в середине XX века, Обозначая ключевые особенности рекламной коммуникации, Дж. Лич в 1966 году ввел термин «заря-

женный язык» («loaded language»): «loaded language has the aim to change the will, opinions, or attitudes of the audience» [5, 25]. Язык рекламы, являясь таким заряженным языком, обладает четкой целью – изменить ментальные установки адресата рекламы для достижения желаемого поведения (покупки товара).

Таким образом, в рамках прагматической ориентированности рекламы широкое освещение приобретают вопросы эффективного воздействия на адресата в коммуникативной ситуации «рекламодатель – аудитория»: «Прагматическое направление исследования рекламных текстов позволяет рассматривать различные языковые и неязыковые средства воздействия на реципиента с точки зрения их целесообразности для достижения коммуникативной цели составителей текста» [2, 16].

В работе мы используем классификацию иллокутивных типов, предложенную Дж. Серлем. Автор выделяет пять типов речевых актов: директивы, репрезентативы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [4]. Прагматическим ядром рекламной коммуникации в рекламе, как правило, выступает *директив*.

В свете теории речевого воздействия, по мнению Дж. Р. Серля, *директивы* это иллокутивные типы, коммуникативная направленность которых представляет собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил. Такие попытки варьируют от ненавязчивых до явных, когда говорящий настаивает на том, чтобы адресат совершил действие. К глаголам, обозначающим директивные акты, Серль [4, 182] относит глаголы «спрашивать», «приказывать», «командовать», «запрашивать», «просить», «умолять», «заклинать», а также «приглашать», «позволять» и «советовать». Директивы характеризуются направленностью от высказывания к действительности, предполагают наличие у говорящего соответствующего желания, а пропозициональное содержание данных высказываний всегда состоит в том, что адресат совершит некоторое действие в будущем. Аналогично определяет побудительные речевые акты и Е.И. Беляева [1]. Она дает следующее определение директивной интенции: «это стремление одного из коммуникантов оказать на собеседника, адресата, такое воздействие, которое могло бы побудить его совершить определенные действия, исполнения которых первый из коммуникантов, адресант, желает по тем или иным причинам».

В качестве факторов, обеспечивающих *успешность* директивного речевого акта, Е.И. Беляева называет: а) способность адресата декодировать семантическое и прагматическое содержание высказывания адресанта и б) соответствие реакции и поведения адресата на высказывание исходной интенции адресантом, наличие которой у последнего побудило его вступить в коммуникацию с адресатом [1].

В прагматическом контексте рекламы для успешной реализации директивного речевого акта необходимо:

- привлечение внимания адресата к определенному товару,
- соответствие желания адресанта потребностям адресата,
- формирование у адресата желания совершить покупку.

Анализ иллокутивных типов директивных высказываний позволил Е.И. Беляевой провести разделение директивных речевых актов по трем признакам: облигаторность выполнения каузируемого действия адресатом, приоритетность позиции адресанта и потенциальная бенефактивность (выгодность действия) для адресанта/адресата. По этим показателям автором выделяются три группы:

1) *прескриптивы*, к которым относятся приказ, распоряжение, разрешение, запрещение, инструкция, предписание, заказ;

2) *суггестивы*, включающие совет, предложение и предупреждение;

3) *реквестивы* – просьба, мольба и приглашение.

При этом исследователь признает, что некоторые речевые акты могут совмещать признаки разных групп. Например, приглашение совмещает признаки суггестивов и реквестивов, так как каузируемое действие желаемо для говорящего и приятно, либо полезно для слушающего [1].

Что касается рекламы, то, исходя из ее конечной цели – убедить адресата купить предлагаемый товар, в рекламе не задействован подкласс *прескриптивов* ввиду отсутствия такого определяющего параметра, как доминирующая позиция адресанта.

В подкласс *суггестивов*, кроме упомянутых Е.И. Беляевой речевых актов, входят, по А. Н. Рамазановой [3], также: *предложение собственных услуг* и *предостережение*. Поскольку предложение собственных услуг мы включаем в число ядерных речевых актов в области рекламы (бенефактивен для адресата), в ней могут быть задействованы иллокутивные типы подкласса *суггестивов* (в том числе *совет*, *предложение*, *предупреждение* и *предостережение*). Например в рекламе питательно-го крема для лица:

Резкий климат, агрессивная среда – все это разрушительно для Вашей кожи! (предостережение).

Что касается подкласса *реквестивов*, то речевые акты *просьбы* и *мольбы* связаны с подчеркнуто зависимой позицией адресанта, поэтому мы исключаем их из числа рекламных иллокуций.

Литература

1. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. – Воронеж: ВГУ, 1992. – 168 с.
2. Лившиц Т.Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1999. – 212 с.

3. Рамазанова А.Н. Побудительный потенциал английских пословиц: Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2005.
4. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – 424 с.
5. Leech G.N. English in Advertising: A Linguistic Study of Advertising in Great Britain. London, Longman, 1966. – 210 p.

© М. Д. Сайфуллина, 2015

А.М. Сайфутдинова
УГАТУ, Уфа, Россия

К вопросу у обучения аналитическому чтению и реферированию

В настоящее время реферирование (*résumé u compte rendu*) получило широкое распространение в практике преподавания французского языка как во французской, так и в отечественной методике. *Résumé* представляет собой сжатие текста до заданного объема, при котором сохраняется логическая последовательность идей и система высказывания исходного текста. Этот вид работы предполагает *понимание* прочитанного текста как целого, а также *обобщение* прочитанного и его *логический анализ*, а затем *умение создать* на базе прочитанного *новый текст* на иностранном языке, используя не только основной лексико-грамматический материал, но и лингвистические средства построения связного текста [1, 5].

Обучение *аналитическому чтению* должно происходить на основе текстов разной жанровой принадлежности и функциональной направленности. Это могут быть публицистические и литературные тексты, тексты по специальности, а также разные типы документов: письма, электронные сообщения, рекламные объявления, инструкции, таблицы, проспекты и др. На этом уровне начинается работа по ознакомлению студентов со *структурными особенностями текстов* разных типов: описательных, повествовательных, аргументирующих. Знакомство с текстообразующими факторами и принципами построения текста носит чисто *прикладной* характер, позволяя студентам правильно интерпретировать и уметь самостоятельно создавать тексты разных типов. Остается целесообразным продолжать работу над различными видами чтения: изучающим, ознакомительным, просмотровым и поисковым. Работа с текстами, предназначенными для аналитического чтения, строится в несколько этапов.

Первое прочтение текста предполагает общее ознакомление с его содержанием, в результате которого студент должен научиться идентифицировать ситуацию, распознавать основные элементы событийного ряда, видеть основную идею текста. Необходимо обратить внимание на следующие моменты:

- 1) название, автор, источник, дата написания текста;
- 2) если это отрывок, то из какого произведения взят;
- 3) тип текста (повествовательный, описательный, информативный аргументативный);
- 4) тон текста (нейтральный, иронический, полемический);
- 5) деление на абзацы;
- 6) оформление, особенно если это газетная статья (название рубрики, подзаголовки, выделение курсивом или жирным шрифтом).

Полученная таким образом информация помогает студенту правильно сориентироваться в тексте. Контроль понимания проводится при помощи тестовых заданий, развивающие навыки беглого поискового чтения.

Последующее прочтение текста имеет целью понимание текста в целом: его тему, основную мысль, аргументацию автора. Это понимание подкрепляется работой со словарем и контролируется посредством выборочного перевода текста в аудитории и детализированных вопросов, нацеленных на полное понимание текстового содержания.

Во время внимательного аналитического чтения студент, с одной стороны, запоминает прочитанную информацию, накапливающуюся по мере чтения, а с другой стороны – строит гипотезы относительно дальнейшего содержания. Эти гипотезы-ожидания основываются на типе текста, на его содержании (уже прочитанном), на семантиситаксических

моделях организации текста (так, *d'une part* позволяет предположить в дальнейшем тексте *d'autre part, non seulement* предполагает *mais encore*, и т.д.) [1, 12]. На этом этапе работы с текстом анализируются, во-первых, лексические поля и, во-вторых, слова-связки или логические коннекторы. Анализ логического поля позволяет определить тематические центры текста. Коннекторы – логические и хронологические – помогают понять структуру текста и ход мысли автора.

Важным для адекватного понимания текста является также умение правильно определить систему высказывания (*systeme d'enonciation*): от какого лица написан текст, есть ли в тексте явное или скрытое цитирование, как автор текста относится к цитируемой мысли – разделяет или опровергает [1, 7].

Итак, после внимательного прочтения текст должен быть понят в целом. На этом этапе понимание может быть проконтролировано и

уточнено вопросами преподавателя, при этом, эти вопросы должны быть направлены на ключевые моменты текста как в тематическом плане, так и в плане его логической организации. После этого составляется план, который удобно представить в виде схемы из ключевых слов или фраз и коннекторов, отражающих логические связи между ними, либо в виде денотатного графа.

Следующий этап работы – создание собственного *текста-résumé*. Он включает сжатие исходного текста путем устранения частей, повторов, примеров, а также переформулирование, так как дословное цитирование исходного текста не допускается.

Обработка текста представляет собой разные возможные подходы к реферируемому тексту: реферирование по абзацам (для текстов, которые допускают такую возможность), по плану, по логической схеме, по вопросам. Это предоставляет определенную свободу в выборе методики работы над текстом.

Другой вид работы – *compte rendu*, хотя и предполагает владение всеми умениями и навыками, необходимыми для написания *résumé*, имеет все же и некоторые особенности. Например, написание *введения*, в котором необходимо представить текст и его автора. При написании *compte rendu* возможна *логическая и хронологическая реорганизация* исходного текста.

Именно этот вид работы предусматривается французскими методистами в пособиях по подготовке к международным экзаменам. Успех в этих испытаниях предполагает умение аргументировано высказать свое мнение, а это значит классифицировать и логически организовывать свою аргументацию в ходе письменного или устного рассуждения. Рекомендуется сначала определить проблематику, (здесь окажется полезной умение находить ключевые слова и работать с терминологией), затем поиск идей и аргументаций и последующая их классификация. Подбор логического коннектора определяется необходимостью выразить свое желание: дополнить или противопоставить, опровергнуть или подтвердить, выразить следствие, причину, гипотезу или цель. (Par exemple, le connecteur d'addition sert à ajouter un nouvel argument, une nouvelle idée: *d'abord, de plus ou enfin*) [2, 101]. Затем предлагается составить развернутый план высказывания, написать вводную часть и заключение. Définir la problématique, trouver des idées/arguments et les classer; faire un plan, élaborer une introduction et une conclusion [2, 72].

В результате такой работы, необходимой для понимания и сжатого изложения французского текста (от наиболее простых приемов беглого поискового чтения к более сложным навыкам логического анализа прочитанного), формируются умения, необходимые студентам в их буду-

щей профессиональной деятельности при работе с документами, прес-сой, Интернетом.

Литература

1. Александровская Е.Б. Expression logique // Французский язык. – М.: ООО «Нестор Академик Паблшерз», 2006. – 207с.
2. Béatrice Dupoux, Anne-Marie Havard Réussir le DELF, niveau B2. – Didier, 2006. – 175с.

© А.М. Сайфутдинова, 2015

Л.Р. Сакаева, Т.С. Спирина
К(П)ФУ, Казань, Россия

Контекстуальное использование фразеологических единиц в английском, немецком и русском языках и основные принципы создания «Экспериментального словаря фразеологических единиц, характеризующих власть (на материале английского, немецкого и русского языков)»

Всестороннее изучение языковых единиц может быть осуществлено при исследовании их не только с точки зрения грамматической и семантической структур, но и «поведения» языковых единиц в контексте. «На современном этапе развития лингвистики уже недостаточно изучение фразеологических единиц «в статике», так как одной из основных задач науки о языке является всесторонний анализ семантических особенностей фразеологизмов, в том числе и с точки зрения их реальных контекстуальных проявлений» [1, 120].

Использование контекстуально нетрансформированных ФЕ получило название «узуальное употребление» в отечественной лингвистике (А.В. Кунин (1969) и «core use» в зарубежных исследованиях (А. Начисчione, 2001). Данное явление изучали А.А. Алдаибани (2003); В.Ю. Кравцова (2006), А.Т. Галиева (2004); Л.Н. Шигабутдинова (2004).

Е.Ф. Арсентьева приводит следующие характеристики узупотребления ФЕ:

- использование ФЕ в основной, словарной форме без изменения значения;
- реализация значения ФЕ в узком контексте, в абсолютном большинстве случаев в пределах одного предложения;
- предсказуемое употребление ФЕ [2, 11]. Согласно материалам картотеки данного исследования, более половины ФЕ, характеризующих власть, использованы в контексте в словарной нетрансформированной форме. Вариативность и факультативность компонентов входит в формальную характеристику ФЕ в словарной форме: *Big card / pot / wig /*

gun / cheese / noise / shot / bug / dog / fish / number – важная персона, важная особа, крупная фигура, «шишка», заправила, главарь. В данном примере мы наблюдаем лексические варианты. Анализ выборки примеров свидетельствует, что при употреблении контекстуально-нетрансформированных ФЕ в равной мере авторы используют как образные, так и необразные единицы при полном сохранении словарного значения и формы: ... you couldn't let things ride you, you had to be in the saddle (S. Heym "The Crusaders"); I never went back on my word to any man! John West was incensed (F. Hardy "Power without glory"); ... hüben und drüben hat er Wurzel geschlagen und sieht sich geliebt und gehuldigt, nicht nur seitens derer, denen er mildtätig die Schue schneidet, sondern beinah mehr noch im Lager derer, denen er das Leder zu den Schuhen nimmt (Th. Fontane "Der Stehlin"); Auch einige, ein wenig flatterhafte Familienväter, wie Konsul Kröger, ...waren Mitglieder, und der Polizeisenator Kremer war hier "der erste Mann an der Spitze" (Th. Mann "Buddenbrooks"); Потеряв наследство дяди, чтобы не лишиться еще многого ... мне необходима сильная рука! (И.А. Шимановский «Письмо Н.Н. Раевскому, 1835»); Со взятием Нейгаузена, Дерпта и других более мелких замков вся восточная Ливония оказалась в руках московского войска (В.И. Костылев «Иван Грозный»).

Однако отмечается, что внешние признаки узуального использования не обязательно являются гарантом отсутствия каких-либо изменений. Под воздействием окружающего контекста возможно появление дополнительной окказиональной семы/сем [2, 11]. «Испытанными стилистическими приемами обновления семантики фразеологизмов являются изменение количества компонентов ФЕ, разрушение их образного значения, контаминация нескольких выражений, что в конечном итоге приводит к ироническому переосмыслению данных ФЕ» [4, 139]. В следующем примере: *but to worship the golden calf for eighteen shillings a week! Oh, pitiful, pitiful!* (Ch. Dickens "Martin Chuzzlewit") наблюдается появление окказиональной эмосемы иронии. ФЕ «*to worship the golden calf*» используется по отношению к небольшой денежной сумме. Аналогичная ситуация раскрывается в примере: *Приехал, приехал и денег не платит... Нашли важную птицу!* (Н.В. Гоголь «Ревизор»). ФЕ «*важная птица*» служит для номинации недостойного поведения человека.

С целью систематизации и репрезентации материал исследования представлен в «Экспериментальном словаре фразеологических единиц, характеризующих власть (на материале английского, немецкого и русского языков)». Основными при составлении экспериментального словаря являются вопросы о том, какой материал включить в словарь и способ его описания. Предлагаемый словарь не приводит соответствия ФЕ в трех языках (английский, немецкий, русский). Целью данного словаря

является ознакомление с многообразием существующих ФЕ, характеризующих власть, в исследуемых языках. Данный словарь ориентирован на широкий круг лиц, владеющих английским и немецким языками.

Словарь включает 1378 ФЕ. В состав вошли как ФЕ со структурой словосочетания, так и со структурой предложения следующих типов:

1. Субстантивные: *strong arm; der getreue <ein getreuer> Eckart; бразды правления.*

2. Глагольные: *come to power; das Feld behaupten; выкручивать руки.*

3. Адъективные: *high and mighty; frei wie ein Vogel; великие мира сего.*

4. Адвербиальные: *under smb's hoof; mit Feuer und Schwert; под башмаком.*

5. ФЕ со структурой предложения: *Money is a good servant but a bad master; Niemand kann zwei Herren dienen; Кто платит, тот и заказывает музыку.*

Словарь фразеологических единиц, характеризующих власть (на материале английского, немецкого и русского языков) построен по гнездовой системе. В начале гнезда полужирным шрифтом приводится стержневой компонент (вокабула) в той форме, в какой он фиксируется в ФЕ, под которым в алфавитном порядке следует ФЕ. Все фразеологические обороты в пределах одного словарного гнезда даются в алфавитном порядке. За английской и немецкой ФЕ следует ее перевод на русский язык. Все используемые компоненты ФЕ английского, немецкого и русского языков приводятся в алфавитном указателе стержневых слов.

По ведущим принципам создания «Русско-английского фразеологического словаря» Е.Ф. Арсентьевой (1999) и «Многоязычного словаря пословиц и поговорок» Л.Р. Сакаевой (2007), в разрабатываемом нами словаре использован способ расположения и разработки ФЕ по ведущему грамматическому (синтаксическому) компоненту. Этот выбор во многом обусловлен тем, что наиболее полные и дополняющие друг друга фразеологические словари русского языка используют именно данный способ [3].

Если ФЕ структурно организована как словосочетание, то подается под структурно организующим компонентом: субстантивные ФЕ – под существительным, глагольные – под глаголом, адъективные при наличии прилагательного – под прилагательным (в полной или краткой форме), при его отсутствии – под существительным или при отсутствии знаменательных компонентов – под первым незнаменательным компонентом как структурно организующим единицу. Так, субстантивная ФЕ «сильная рука» получает место своей фиксации и разработки под суще-

ствительным «рука», английская ФЕ «ruler of the roast» – под существительным «ruler», немецкая ФЕ «ein dienstbarer Geist» – под существительным «Geist»; глагольная ФЕ «забрать верх» под глаголом «забрать», английская ФЕ «seize power» – под глаголом «seize», немецкая ФЕ «jemandem in die Fänge geraten» под глаголом «geraten». Адъективная ФЕ «сильные мира сего» расположена под прилагательным «сильный», английская ФЕ «high and mighty» – под «high», немецкая ФЕ «frei wie ein Vogel» – под «frei». Адвербиальная ФЕ «в кулаке» расположена под существительным «кулаке»; ФЕ «in power» – под «power»; немецкая ФЕ «unter dem Würgegriff des Hungers» – под «würgegriff».

ФЕ, структурно организованная по модели двусоставного предложения, располагается и разрабатывается под компонентом, который соответствует подлежащему двусоставного предложения. Так, ФЕ «Наказал Бог народ – наслал воевод» под компонентом «Бог»; ФЕ английского языка «Money talks» расположена под «Money»; немецкая ФЕ «Wie das Gesetz gefühl» – под «Gesetz». Если ФЕ структурно организована как сочетание двух и более однородных членов предложения, она помещается и разрабатывается под первым компонентом, также как и ФЕ с сочинительной связью. Так, ФЕ «Царь и Бог» находится в словаре под компонентом «Царь», ФЕ «Между Сциллой и Харибдой» – под «Сциллой», английская ФЕ «The throne and altar» под существительным «throne», немецкая ФЕ «Schalten und walten» – под глаголом «schalten». Вслед за «Русско-английским фразеологическим словарем» Е.Ф. Арсентьевой (1999), ФЕ со структурой предложения подаются в словаре в зависимости от типа структуры: 1) ФЕ со структурой двусоставного предложения расположены в словаре под компонентом, соответствующим подлежащему двусоставного предложения: «За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность – милует» располагается под существительным «Бог»; «Death when it comes will have no denial» под существительным «Death»; немецкая ФЕ «Einigkeit ist die Stärkste Stadtmauer» - под существительным «Einigkeit». 2) ФЕ со структурой односоставного предложения расположены в словаре под компонентом, соответствующим главному члену односоставного предложения: ФЕ «От Бога не уйдешь» располагается под главным членом данного предложения «не уйдешь», «Don't keep a dog and bark oneself» под «Don't keep», «Der Freiheit eine Gasse!» под компонентом «Freiheit».

Варианты ФЕ приводятся либо через косую черту (когда заменяется один компонент), либо в скобках (когда заменяются два и более компонентов). Некоторые ФЕ имеют несколько вариантов, в этом случае они приводятся в скобках через точку с запятой. Факультативные элементы ФЕ заключаются в ломаные скобки.

Создание словарей является сложным, многоступенчатым процессом, требующим от составителей доскональных знаний об исходных принципах классической лексикографии и адекватного подхода при разработке концепции словаря на основе определенного языкового материала.

Литература

1. Алдаибани А.С. Фразеологические единицы, выражающие интеллектуальные способности человека в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / А.С. Алдаибани. – Казань, 2003. – 199 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1993. – 476 с.
3. Контекстуальное использование фразеологических единиц / Под ред. проф. Е.Ф. Арсентьевой. – Казань: Татарское республиканское издательство "Хэтер", 2009. – 168с.
4. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... д-ра филол. наук. – Уфа, 2002. – 343 с.

© Л.Р. Сакаева, Т.С. Спирина, 2015

А.С. Самигуллина
БашГУ, Уфа, Россия

Типы сочетаемости метафорических моделей А.Н. Баранова в свете лингвосинергетической проблематики

В настоящий момент современное научное знание в большей степени опирается на обобщения, запечатленные в так называемой постнеклассической картине мира, базовые постулаты которой раскрываются через такие принципы, как *антропоцентризм*, *индетерминизм* (решающая роль *случайности*), *системоцентризм*, *плюрализм*, *эволюционизм*.

Основной задачей, сформировавшейся в рамках постнеклассической картины мира, становится познание глубинных механизмов мироустройства за счет синергетического эффекта, получаемого в результате взаимообогащения той или иной проблематики идеями из разных научных дисциплин.

Синергетика, работающая с *открытыми, диссипативными, нелинейными, динамичными системами*, представляет собой ядерную часть постнеклассической парадигмы научного знания. Синергетический взгляд на вещи предполагает, что любая автопоэзисная система на пути к самоорганизации проходит такие этапы, как *порядок/ равновесность, перегруппировка и перераспределение параметров порядка, движение к*

аттрактору, неравновесность, энтропия, флуктуация, точка бифуркации, случайность, хаос, диссипация, эмерджентность и т.п.

Метафору также можно трактовать как систему, отвечающую всем требованиям, предъявляемым к любой системе автопоэзисного типа. Она представляет собой сгусток энергий, продуцируемых как самой метафорой, так и окружающими ее интердискурсивными смыслами.

Слияние смысловых энергий метафоры в пространстве интердискурса обеспечивается такими параметрами, как *внутренняя синергия* метафоры и *внешняя синергия* метафоры.

Внутренняя синергия метафоры может, на наш взгляд, быть проиллюстрирована осмыслением механизма метафоризации с позиции когнитивной лингвистики. Так, лингвисты-когнитологи рассматривают метафору как модель представления информации об одной сфере через призму другой сферы деятельности субъекта (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.Н. Баранов, А.П. Чудинов, А.Б. Ряпосова и др.).

Способность метафоры к *внешней синергии* обеспечивается, в первую очередь, спонтанностью метафорического смыслопродуцирования, а также стремлением к формированию смысловых связей более высокого ранга в соответствии с определенными законами построения формы, т.е. по принципу фрактальной организации. Так, например, С.А. Хахалова совершенно справедливо констатирует, что образование метафоры сродни фрактальному построению сложных неевклидовых объектов через призму ассоциативного сходства отдельных элементов мозаичной картины мира: категорий, концептов, фреймов, слотов, слов, словосочетаний, предложений, текстов, дискурсов и др. [4].

Концепция А.Н. Баранова, затрагивающая способы сцепления метафорических моделей [1; 2], на наш взгляд, достаточно репрезентативно подтверждает факт самопорождения метафоры в дискурсе, благодаря различным типам сочетаемости метафорических моделей (М-моделей), под которыми ученый понимает «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов» [1, 79]. Типы сочетаемости метафорических моделей напоминают по своей сути фракталы, т.е. своеобразные законы порождения формы.

Теория А.Н. Баранова базируется на предположении о неизбежной сочетаемости базовых метафорических моделей, с помощью которой и обеспечивается одна из важнейших категорий текста – связность (см. подробнее [3]).

А.Н. Баранов отмечает [1; 2], что с формальной точки зрения сочетаемость М-моделей может быть как *внешней*, так и *внутренней*. Специфика связи между М-моделями внутри метафорического выражения напрямую зависит от способа «сцепления» структур знаний, стоящих за метафорами. Так, связь между М-моделями может быть *сильной, сред-*

ней и *слабой*, а уплотнение семантики М-моделей в метафорическом выражении всегда происходит в соответствии с определенной схемой в зависимости от особенностей организации этой связи, которые раскрываются через такие условные конфигурации, как амальгама, матрешка, картинка и альтернатива.

Самая сильная связь реализуется в *амальгаме*. Это такое метафорическое выражение, в котором смыслообразующие компоненты – М-модели – важны не каждый сам по себе, а в качестве целого поля. В подобного рода метафорическом выражении семантика каждой М-модели настолько проникает в другую, что такое сочетание нельзя разложить на компоненты без потери дополнительных смыслов, так как одна из метафор является характеризующим свойством для другой метафоры, и, наоборот, здесь важно одновременное взаимодействие М-моделей. Подобный тип связи также успешно реализуется во фракталах «спираль» и «концентрические круги».

Средняя по силе связь – тип «**матрешка**». Тип связи так назван по аналогии с игрушкой, внутри которой оказывается подобная же игрушка меньшего размера. В контекстах употребления сочетаемости М-моделей со связью «матрешка» в метафорическом выражении встречаются две и более метафоры, которые объединены в единый образ. При этом одна М-модель как бы переходит, «превращается» в другую (либо содержит ее «внутри»), то есть здесь можно выделить первичную и вторичную метафору.

Третий тип – **картинка** – также средняя по силе связь. Метафоры объединяются в зримый образ, который можно явственно представить: *подобно гиене, доедает объедки, оставшиеся от льва*. Данный тип сочетаемости М-моделей обнаруживается во фрактале «дерево».

Тип связи «**альтернатива**» представляется самым слабым подобно тому, который характеризует самоорганизацию во фрактале «ризома». Это сочетаемость М-моделей, при которой две и более метафоры независимы друга от друга и полностью равнозначны: *он был либо игрушкой в руках окружения, либо царем-самодуром*. С этой точки зрения альтернатива близка к амальгаме.

Таким образом, А.Н. Баранов заключает, что «сочетаемость метафорических моделей в речи – это способ самонастраивания когнитивной системы и попытка борьбы с ритуализацией ее собственного мышления» [2, 19]. Заметим также, что трактовка метафоры как автопоэзисной системы позволяет в большей степени выявить не только регулярности вторичного смыслопорождения, но и даже в большей степени сосредоточить внимание исследователя на окказиональных случаях саморазвития метафорического смысла, которые возникают под воздействием фактора случайности.

Литература

1. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей [Текст]// А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. № 2. – С. 73-94.
2. Баранов А.Н. Предисловие редактора [Текст]// Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004. – С. 7-21.
3. Самигуллина А.С., Бакиев А.Г. Метафора и дискурсивное сознание (на материале метафорических конструкций Т. Пратчетта) [Текст]// А.С. Самигуллина, А.Г. Бакиев// Казанская наука, № 3, 2014. – С. 174 - 179.
4. Хахалова, С.А. Личность и мораль: между метафорой и метонимией [Текст] / С.А. Хахалова // Личность и модусы её реализации в языке: коллективная монография. – М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 319-358.

© А.С. Самигуллина, 2015

А.В. Сафина
БашГУ, Уфа, Россия

Фонетическое оформление языковых выражений манипуляции

Понятие «манипуляция» своими корнями уходит в средние века, когда фокусники начали поражать людей различными трюками, производимыми руками. В кратком психологическом словаре дается следующая дефиниция данному явлению: «Манипуляция (от лат. *manipulus* – горсть + *manus* – рука): 1) тип поведения, включающий в себя какую-либо ручную операцию с объектом; в более широком смысле – любое практическое действие с объектом; 2) ловкая проделка, махинация, обман» [3, 224]. Отсюда и прямое значение этого слова: обращение с людьми как с объектами, с вещами.

Относительно истории данного термина можно отметить следующее: «В значении термина манипуляция как маленькой группы людей этот термин в Древнем Риме обозначает небольшой, мобильный отряд воинов-манипулу, отряд, который беспрекословно подчиняется и беспрекословно выполняет все распоряжения начальников» [5, 22]. По мнению некоторых ученых, именно это значение является родоначальником значения манипуляции в психологии. В античной философии нет прямого упоминания данного термина в том значении, которое оно приобрело в современности. Однако, у Платона можно найти некоторые предпосылки, указывающие на манипуляцию. Он называет манипуляцию искусством убеждать и утверждает, что оно является единственным средством, способным направить человека на совершение конкретных действий без какого либо физического принуждения: «искусство убеждать значительно отличается от всех других искусств, так как оно всех

их заставляет рабски служить себе добровольно, а не насильно ... оно гораздо лучше всех искусств» [2, 48].

Последние десятилетия все больше языковедов и лингвистов стали обращать внимание на данный вид речевого воздействия. Рассуждая о манипуляции в рамках этой гуманитарной науки, нужно определить, откуда это понятие берет свое начало. Мы считаем, что необходимо затронуть понятие «коммуникативные категории», ведь манипулирование происходит лишь тогда, когда собеседники, так или иначе, вступают в диалог. С теоретическим осмыслением вопроса о коммуникативных категориях связаны имена таких лингвистов, как И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров, Д.И. Петренко, Р.А. Газизов и многие другие. И.А. Стернин определяет коммуникативную категорию следующим образом: «Под коммуникативными категориями понимаются самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [4, 296].

Что же относится к коммуникативным категориям и как с ними связана манипуляция? Р.А. Газизов относит к коммуникативным такие категории, как «общение, вежливость, грубость, толерантность, коммуникативный идеал, молчание, эмоциональность и др.» [1, 25].

Манипуляция, будучи явлением, в основном выражающемся вербально, напрямую связана с общением и эмоциональностью, ведь чаще всего она удается лишь там, где затронуты чувства человека. Ровно как манипулятор, так и манипулируемый подвержены определенным эмоциям в данном процессе.

Затрагивая такую коммуникативную категорию, как эмоциональность, следует отметить, что одной из ее характерных черт является фонетическая составляющая текста. Именно фонетическое оформление текста, как один из способов выражения языковой манипуляции мы хотели бы подробнее рассмотреть в данной статье. Стоит, однако, упомянуть о том, что явление манипуляции в лингвистике невозможно рассматривать лишь на одном языковом уровне: данное явление реализуется также на грамматическом и лексическом уровнях. Тем не менее, мы можем проанализировать те случаи, когда манипулятор использует фонетическую составляющую речи как основной способ воздействия на собеседника. Особенно эффективной в акте манипуляции выступает интонация, с ее помощью манипулятор расставляет акценты в предложении и выделяет интонационно то, что считает необходимым выделить. Рассмотрим пример из немецкого фильма Дитриха Бруггеманна «Беги, если сможешь».

Главный герой сидит со своим знакомым в машине и пытается заставить его подняться к девушке и занести ей ее велосипед. Он хочет, чтобы она получила велосипед обратно, так как раньше всегда наблюдал

со своего балкона за тем, как она ездит на учебу. Его знакомый отказывается:

- *Ich glaube, es ist nicht der richtige Zeitpunkt.*
- *Hey, du gehst jetzt sofort hoch und bringst der Dame ihr Fahrrad.*
- *Es ist einfach nicht der richtige Zeitpunkt.*
- *Schwachsinn! Der richtige Zeitpunkt ist immer „jetzt“ [6].*

Голосом главный герой выделяет «jetzt», тем самым стараясь убедить своего собеседника сделать то, чего хочет он.

Немаловажную роль при этом также играет тембр голоса. Очень часто в жизни мы сталкиваемся с таким явлением, как манипулирование любимым человеком. Женщины используют порой различные уловки лишь ради того, чтобы заставить своих любимых сделать так, как хотят этого они. В следующем примере девушка манипулирует своим парнем с помощью тембра и интонации, изменяя их таким образом, что голос становится писклявым, а ее просьба приобретает оттенок мольбы:

- *He, joggt er oben oder was? He! Arschloch! Das doch keine Turnhalle hier! Mann! Ist doch wahr, oder? (Девушка меняет свой тон на молящий, а тембр голоса становится выше, что придает ему плаксивую окраску). Kannst du bitte mal hochgehen und ihm sagen, dass er nicht so laut läuft.*

- *Er läuft doch ganz normal.*

(Она начинает плакать).

- *Alex, es ist doch so anstrengend wegen der Kampagne. Bitte! [7].*

В конечном счете, парень поднимается к соседу. С помощью своих фальшивых слез и ноющего тона девушка вынуждает парня делать то, чего хочет она.

Громкость, с которой произносятся слова, может также повлиять на решение манипулируемого. Слово, произнесенное шепотом, воспринимается иначе, чем слово, выкрикнутое в толпу. При нашептывании слов создается впечатление доверительной интимной обстановки. У адресата возникает ощущение, что он посвящен в какую-то тайну, ему оказывают доверие, а он, в свою очередь, готов оказать доверие говорящему. Обратимся к примеру из немецкого фильма «Французский для начинающих». Главная героиня фильма догадывается, что ее знакомый давно в нее влюблен. Она хочет убедить его ехать вместе с ней во Францию, он же поначалу отказывается. На прощальной дискотеке они танцуют вместе. Она говорит ему:

- *Na, es war gut. Vielleicht können wir mal noch einen tanzen.*

- *Ja, gerne.*

- *In Frankreich. In unserem Lieblingsland [8].*

Последнюю реплику девушка шепчет ему на ухо, тем самым создавая между ними доверительную, интимную обстановку.

Ролан Барт заметил, что говорить – это определенным образом подчинять себе слушающего, а поэтому язык – есть общеобязательная форма принуждения. Возможно, это выражение слишком категорично, однако, мы не можем оспорить тот факт, что язык является одним из орудий воздействия на наше сознание, а манипулирование, которое происходит посредством языка, относится к одному из видов этого орудия.

Литература

1. Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ) дис. ...док. филол. наук: 10.02.04. – Уфа, 2012. – 395 с.
2. Платон. Диалоги. Книга вторая. М., 2008. – 234 с.
3. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. – Москва, 2011. – 512 с.
4. Стернин И.А. Русское коммуникативное сознание // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики: сборник к 60-летию доктора фил. наук А.П. Юдакина / отв. редактор: И.А. Стернин. – М.: Ариадна, 2002. – С. 296-320.
5. Юренков В.В. Манипуляция как социально-философское явление// Теория и практика общественного развития. Вып. 4. 2013. – С. 21-23.
6. Renn, wenn du kannst. Reg. Dietrich Brüggemann. Deutschland, 2010.
7. What a man? Reg. Mathias Schweighefer. Deutschland, USA, 2011.
8. Französisch für Anfänger. Reg. Christian Ditter. Deutschland, 2006.

© А.В. Сафина, 2015

Л.А. Сергеева
БашГУ, Уфа, Россия

Теория языковой личности и формирование компетенций билингва

Комплекс лингвогносеологических, лингвопсихологических, лингвоэтнологических и лингвосоциологических проблем, которые дискутируются в современных гуманитарных науках, условно можно свести к двум: «человек в языке» и «язык в человеке». Первая связана с решением вопросов о том, как отражаются в языке различные языковые картины мира, создаваемые человеком, сам человек (его интенции, чувства, установки) и, наконец, какова степень антропоморфности отдельных языковых структур и языка в целом. Вторая предполагает решение проблемы соотношения языка и сознания, поскольку «если считать, что язык отражает тот способ, с помощью которого человек представляет себе мир, то необходима теория языка, отражающая человеческий опыт» [6, 46]. Все перечисленные выше проблемы фокусируются в понятии «языковая личность», теория которой была разработана в отечественной лингвистике Ю.Н. Карауловым.

Многогранность языковой личности, ее спектральность неизбежно вызывают научные дискуссии, призванные усовершенствовать теорию и уточнить сущность объекта описания. В своей статье мы остановимся лишь на одном аспекте данной проблемы, а именно на особенностях формирования языковой личности инофона. Наш многолетний опыт преподавания славянских языков (болгарского и чешского) позволил провести некоторые наблюдения в этом плане.

Вначале кратко остановимся на сути теории. В концепции Ю.Н. Караулова языковая личность – это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире», а также «комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий системное представление языка с функциональным анализом текстов» [5, 156]. Теория дает «спектральное» описание *homo loquens*, поскольку автор выделяет в структуре языковой личности три уровня: нулевой (структурно-системный), первый (когнитивный, или тезаурусный) и второй (мотивационный, или прагматический) [4, 53].

Нулевой, или структурно-системный, уровень отражает степень владения обыденным языком и включает, с одной стороны, Лексикон личности, а с другой – Грамматикон, т.е. систему находящихся в ее распоряжении грамматических средств языка (в том числе и словообразовательных). Наличием данного уровня обуславливается грамматически правильное владение лексическими единицами (в том числе и в аспекте их сочетаемости). Исследователь отмечает, что этот уровень существует как данность и личность не в состоянии внести в него свои коррективы. В силу этого на этом уровне языковой личности еще нет, а есть только говорящий (поэтому данный уровень получает у автора концепции трактовку нулевого). В лингвистике существует также мнение, что носитель языка оперирует единицами языка бессознательно, поэтому объяснение причин использования той или иной единицы представляет для него значительную трудность [2, 18]. Эти утверждения можно оспорить.

Во-первых, не все люди используют свои знания языка одинаково: некоторые (дети, художники слова и др.) склонны к индивидуальному словотворчеству. Во-вторых, общепризнанным является факт наличия в языке вариантности единиц, причем варианты далеко не всегда равнозначны.

И в том и в другом случае человек оказывается в ситуации выбора, которая сама по себе уже не предполагает механического употребления той или иной формы. Количество вариантов при выборе увеличива-

ется, если человек начинает изучать родственный язык, имеющий, допустим, те же форманты, которые есть и в родном для языковой личности языке.

Наконец, в-третьих, правильное употребление слова, в том числе его формально-грамматическая сочетаемость объясняется не только знанием грамматики. В известной степени она зависит от личностной интерпретации концептуального содержания лексических единиц. Так, если человек понимает судьбу как жизненный путь, он употребляет грамматические конструкции типа *судьба человека, изменить что-либо в судьбе* и т.п., поскольку он видит в судьбе объект. Для человека, признающего наличие судьбы как высшей силы, предопределяющей все, что происходит в его жизни, подобные конструкции неприемлемы. Для него характерны конструкции с данной лексемой в субъектной позиции, в которых концепт-мифема *судьба* предстает как активная сила: *судьба била и бьет, судьба терзает, судьба играет с человеком* и т.п., которые, в свою очередь, невозможны для людей первой категории.

Таким образом, нельзя механически сочетать слова, не обращаясь при этом к знаниям тезаурусного уровня. Если человек оперирует единицами языка (формальными или семантическими) чисто механически, он допускает ошибки.

Так, русские студенты особенно невнимательны к фактам несоответствия значений одинаково звучащих в славянских языках слов, поскольку слова могут казаться им вполне привычными и знакомыми. Например, они часто переводят прилагательное *čerstvý* как 'черствый', хотя в чешском языке оно имеет значение 'свежий' (по отношению к хлебу, сыру и т.п.).

«Зоной» особых сложностей для инофонов является также приставочное словообразование глаголов и суффиксальное образование имен существительных, где допускается масса словообразовательных ошибок. Так, русский студент правильно перевел начало болгарской фразы «Мать с восхищением смотрела на сына, который был...» Далее шло болгарское слово *избит*, и именно так и перевел юноша, в то время как смысл нужно было передать русской приставкой *с-*: *сбитый* ('возмужавший'). Русские студенты также не могут решиться называть болгарок *Любка, Ленка* и т.п., хотя это соответствует этикетной норме болгарского языка.

Все это свидетельствует о том, что как Лексикон, так и Грамматикон имеют глубокие корни в Тезаурусе. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что так называемый «нулевой» (собственно языковой) уровень вовсе не является чем-то внешним по отношению к языковой личности.

Следующий (первый) уровень языковой личности, по Ю.Н. Караулову, представлен ее Тезаурусом, в котором отражаются ее знания о мире и его моделировании [4, 53]. Его называют также лингвокогнитивным, поскольку он предполагает определенную степень владения когнитивными структурами – концептами, фреймами и т.п. На этом уровне языковая личность «расщепляется». Тонкое наблюдение по этому поводу сделал в свое время еще Л.В. Щерба, который писал о том, что математик как специалист определяет отрезок как кратчайшее расстояние между двумя точками, но как делающий в своей квартире ремонт мужчина он представляет его как прямую линию, которая не отклоняется ни вверх ни вниз, ни вправо ни влево. Эта специфика отражается на оперировании данным концептом в разных типах дискурса, в частности в профессиональном и в бытовом. Следовательно, формирование дискурсивных навыков – важнейшая задача при обучении инофонов.

Следующий, второй, или мотивационно-прагматический, уровень языковой личности [4, 53], включает мотивы, интересы, ценности и т.п. индивида и отражает ценностно-мотивационный компонент структуры языковой личности, а также ее поведенческие установки. Он предполагает владение культурной базой, обеспечивающей реализацию коммуникативных потребностей личности и включающей в себя знание культуры данного сообщества (реалий, прецедентных текстов, символов культуры, этнокультурных ценностей и т.п.). Содержание данного уровня также имеет коммуникативную направленность. Так, невладение инофоном системой культурных норм и ценностей изучаемой лингвокультуры (в самом широком их понимании) приводит к тому, что русские переводят словосочетание *красивая девушка* буквально, однако чехи говорят *hodná* (букв. 'годная') *dívka* (в германской лингвокультуре более широко используются утилитарные критерии оценивания). Ср. также: *hodné dítě* 'хороший ребенок', *hodný poplatek* 'хорошая зарплата'.

Принципиально новым в теории языковой личности на современном этапе развития науки является включение в данный уровень дискурсивных знаний [1; 3 и др.]. Если традиционно дискурс рассматривался как явление, имеющее бессубъектный статус существования, то в последние годы все чаще постулируется, что именно языковая личность является субъектом дискурсивного смыслообразования, а сам дискурс представляет собой, по выражению Н.Ф. Алефиренко [1, 10], своеобразный фокус пересечения языковых личностей (субъектов речи). В силу этого в структуре языковой личности должны отражаться дискурсивные знания (в частности знание особенностей профессионального дискурса и умение правильно его «построить»). Так, профессиональный педагог должен знать основные законы риторики и особенности диалогического взаимодействия с людьми, он также должен уметь вести полемику, вла-

деть техникой аргументации, использовать разные виды речевого воздействия, моделировать конфликтные ситуации и т.п.

В связи с вышеизложенным формирование языковой личности билингва должно, с одной стороны, идти в направлении обогащения его этнокультурных и профессиональных знаний (в частности знания языка) а с другой – в направлении закрепления получаемых дискурсивных навыков. Так, знание дискурсивных стратегий предполагает правильный выбор определённой позиции по отношению к собеседнику, создание и сохранение определённого эмоционального состояния последнего и условий для его ответных речевых шагов, что способствует обеспечению взаимопонимания в каждом эпизоде дискурса. Часть стратегий имеет собственно лингвистический характер, другие по своей природе когнитивны, но и те и другие отмечены этнокультурной маркированностью. Лучшим способом развития у инофонов дискурсивных навыков следует считать анализ текстовых стратегий, причем материалом для изучения должны служить тексты, созданные элитарными личностями.

Итак, соотношение понятий «языковая личность» – «дискурс» можно представить в общем виде следующим образом: анализируя дискурс, мы определяем когнитивную и ценностно-мотивационную базу и тип личности, проявляющиеся в этом дискурсе, а изучая языковую личность, мы выявляем систему свойственных этой личности концептов (ее когнитивную базу) и типичные для нее разновидности дискурса.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности //Языковая личность – Текст – Дискурс: Теоретические и прикладные аспекты исследования. Матер. междуна. научн. конф. – Самара 2006. – С. 6-10.
2. Иванова С.В. Культурологический аспект языковых единиц. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2002.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
5. Караулов Ю.Н. Что же такое «языковая личность?» // Этническое и языковое самосознание. Матер. Междуна. конф. /Под ред. В.П. Нерознака, Р.А. Агеевой и др.– М., 1995. – С. 156-157.
6. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. Женщины, огонь и опасность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-51.

© Л.А. Сергеева, 2015

**Национально-культурное своеобразие паремий,
характеризующих умственные способности человека,
в русском и английском языках**

В современном мире большое внимание уделяется сопоставительному изучению языков и культур, что способствует развитию когнитивных наук, объектом изучения которых являются человеческий разум и мышление.

Особая роль в сравнительно-сопоставительных исследованиях отводится одной из молодых отраслей современного языкознания – лингвокультурологии, которая возникла на стыке культурологии и лингвистики в рамках антропоцентрической парадигмы. В центре антропоцентрической парадигмы находится человек, его отношение и восприятие окружающего мира. Главным инструментом при таком подходе к познанию мира является язык, а языковые явления анализируются в тесной связи с человеком, его духовно-практической деятельностью, его мышлением [6, 15]. По мнению В.Н. Телия, язык и культура находятся в сложных отношениях взаимовлияния и взаимозависимости [9]. В языке отражается не только окружающий человека мир, но его «менталитет, мироощущение, обычаи и традиции, мораль, система ценностей, образ жизни и национальный характер» [10, 1626].

Культурно-исторической сокровищницей, содержащей вековую мудрость каждого народа являются паремии (пословицы, поговорки), которые передаются из поколения в поколение практически без изменений, они «не подвержены искажению и потому являются главным источником мудрости народов, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [1, 23]. В пословицах и поговорках выражается внутренняя жизнь народов со всеми ее проявлениями, в них облекается дух, ум и характер народа; «в них проявляются обычаи, верования и суеверия» [7, <http://www.science-education.ru/117-13230>].

Национальная специфика паремий наиболее ясно выявляется при сопоставлении разных языков, при этом лингвокультурологический анализ паремий тесно связан с внешними факторами: с историей страны, ее культурой, бытом, вероисповеданием. В.Г. Гак выделяет национальную и культурную специфику паремий и фразеологизмов, национальная специфика определяется двумя факторами: объективным, который проявляется в природных и культурных реальностях, присущих только данному народу, и субъективным, предполагающим произвольный выбор языковых средств в различных языках для выражения одних и тех же

явлений. Культурная специфика обуславливается элементами материальной или духовной культуры конкретного общества, его историей, обычаями, природно-географическими особенностями [2, 91].

Сопоставительный анализ паремий, обладающих национально-культурным компонентом и характеризующих интеллектуальные способности указывает на возможность их классификаций по основным группам в зависимости от сферы жизни общества, которую они отражают в своих особенностях. Таким образом, можно выделить три группы:

➤ паремии, идентичные по форме и содержанию:

«A fool at forty is a fool indeed» (в сорок лет ума нет и не будет), «Folly is wise in her own eyes» (каждый дурак умен в собственных глазах), «A fool always rushes to the fore» (дурак всегда вперед лезет), «Fools rush in where angels fear to tread» (дураки спешат туда, куда ангелы и ступить боятся), «A fool and his money are soon parted» (у дурака деньги не долго держатся), «A fool is known by his laughing» (дурака узнают по смеху), «A fool may throw a stone into a well which a hundred wise man can't pull out» (дурак в воду камень бросит, десятеро умных не вытащат), «Fools have fortune» (дуракам счастье), «Fools make feasts and wise men eat them» (дураки устраивают пиры, а умные на них наедаются), «Fools will be fools» (дурак останется дураком), «He who is born a fool is never cured» (дураком родился, дураком и помрешь), «None is a fool always, everyone sometimes» (никто не бывает дураком всегда, а изредка – каждый), «Long hair and shor twit» (волос долог, да ум короток), «Where ignorance is bliss «it's folly to be wise» (там где невежество - благо, глупо быть «мудрым»), «A wise man changes his mind, a fool never will» (умный меняет свое мнение, дурак – никогда), «Folly grows without watering» (дураки растут без полива), «Little wit in the head makes much work for the feet» (дурная голова ногам покоя не дает) и т.п.;

➤ паремии, имеющие похожую форму и одинаковое содержание:

«Fools may sometimes speak to the purpose» (и глупый иногда молвит слово в лад), «What the heart thinks the tongue speaks» (что на уме, то и на языке), «Out of sight, out of mind» (с глаз долой, из сердца вон), «Four eyes see more than two» (одна голова хорошо, а две лучше) и т.п.;

➤ паремии, абсолютно различные по форме и содержанию:

«A nod from a lord is a breakfast for a fool» (дадут дураку честь, так не знает куда и сесть), «As the fool thinks, so the bell clinks» (дуракам закон не писан), «Give a fool rope enough and he'll hang himself» (проси дурака Богу молиться, он себе лоб расшибет), «Fools cut their fingers but wise men cut their thumbs» (если умный валяет дурака, никакой дурак за ним не угонится), «The darkest place is under the candlestick» (на каждого мудреца довольно простоты), «Little pot is soon hot» (дурака

легко вывести из себя), «Every tub must stand on his own bottom» (чужим умом не долго жить), «Every cook sings in his own manner» (всяк по своему с ума сходит), «Every man has a fool in his sleeve» (безумье и на мудреца бывает) и т.д.

В русском языке почти в два раза больше паремий со значением умственных способностей человека по сравнению с английским, что обусловлено большей вариативностью русских паремий. Например, английская пословица «*Fool and his money are soon parted*» (дурак легко расстаётся с деньгами) соответствует нескольким вариантам русских пословиц с этим же смыслом: «Башка чиста, так и мошна пуста», «У дурака в горсти дыра», «Глупый разум по миру пускает».

В обоих исследуемых языках наблюдаются паремии, не содержащие в своем составе слов, напрямую связанных с характеристикой умственных способностей человека: «Ворона за море летала, да вороной и вернулась», «В пустой бочке звону много», «У каждого свой царь в голове», «*Empty vessels make the most noise*», «*Still waters run deep*», «*You can lead a horse to water but you can't make him drink*», «*Blind men can judge no colours*», «*Every tub must stand on its own bottom*», «*No living man all things can*» и др. Следует отметить, что в русской паремиологической системе таких случаев гораздо меньше, чем в английской.

Чаще всего в обоих языках противопоставляются ум и глупость: «Глупый осудит, а умный рассудит», «Умный любит учиться, а дурак учить», «Умный молчит, когда дурак ворчит», «*Fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer*», «*Fool may throw a stone into a well which a hundred wise men cannot pull out*» («дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат»). При противопоставлении ума и глупости в русских паремиях в некоторых случаях отмечается отрицательная характеристика ума, например, «с умом жить - мучиться, без ума жить - тешишься», «с умом задумано - без ума сделано» и т.п. Это явление можно назвать одной из особенностей русского менталитета, так как в английском ни в одной из пословиц ум не был охарактеризован отрицательно.

Важно отметить, что только для русского народа свойственно выражать умственные качества человека в сопоставлении с его внешностью: «По платью встречают, по уму провожают», «Красота до венца, а ум - до конца», «Краса приглядится, а ум вперед пригодится», «На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко», «Волос долог, а ум короток», «Нос с локоток, а ума с ноготок», и т.п. Из этого следует, что для англичан внешность не играет никакой роли при характеристике умственных способностей человека [7, <http://www.science-education.ru/117-13230>].

Как правило, через речь человека можно судить о его умственных способностях, что подтверждается большим количеством пословиц и поговорок. В обоих языках молчание характеризуется положительно. Много говорить не значит быть умным, болтают много дураки - таков общий смысл пословиц: *«Brevity is the soul of wit»* (Краткость - душа остроумия), *«Close mouth catches no flies»* (Закрытый рот муху не поймает), *«Empty vessel gives a greater sound than a full barrel»* (Пустой сосуд гремит громче, чем полный бочонок), *«First think, then speak»* (Сперва подумай, потом говори), *«Fool's tongue runs before his wit»* (Язык дурака бежит вперед его ума), *«He knows much who knows how to hold his tongue»* (Умен тот, кто умеет держать язык за зубами), *«He that talks much errs much»* (Кто много говорит, тот много ошибается), *«Man of words and not of deeds is like a garden full of weeds»* (Человек не дел, а слов, все равно, что сад полный сорняков), *«No wisdom like silence»* (Нет ничего умнее, чем молчание), *«Silent fool is counted wise»* (Молчаливый дурак считается умным) и т.д.

В русском языке очень много пословиц о том, что глупых людей много вокруг: *«Всех дураков на свете не пересчитаешь»*, *«Дурак на дураке едет, дураком погоняет»*, *«Дураками свет красится»*, *«Про всех дураков не напасёшься кулаков»*. При этом в некоторых пословицах русский народ характеризует себя сам как нацию, полную дураков: *«Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь»*, *«Бывают дураки средней руки, а наши дураки последней руки»*. В английском языке также есть пословица, связанная количеством глупых людей вокруг: *«Fools grow without watering»* (Дураки растут без полива), но нет подобной самохарактеристики страны.

В русских пословицах и поговорках, в отличие от английских, отмечается, что людей «бьют» за их глупость: *«Велик да глуп - так больше бьют»*, *«Дурака и в алтаре бьют»*, *«Не вольна в дураке и дубинка»*, *«Пьян да умен - два угодя в нем; пьян да глуп - больше бьют»*, *«С умом пьют, а без ума и трезвых бьют»*.

Важно подчеркнуть, что мощным культуросным источником для русского миропонимания послужило христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами [<http://www.science-education.ru/117-13230>]. Известный этнограф Дж. Фрэнсер утверждал, что вся русская культура вышла из храма [9, 244]. В подтверждение этих слов можно привести ряд пословиц и поговорок: *«Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикует»*, *«Молчи, коли бог разуму не дал!»*, *«На дурака у бога милости много»*, *«Дурак - божий человек»*, *«Не дал бог ума, найдется сума»*, *«Все в мире творится не нашим умом, а божьим судом»*, *«Дураку и бог простит»*, *«Дурак не боится креста, а боится песта»*, *«Дурака и в алтаре бьют»*. Данные паремии свидетельствуют о тесной

связи религии и народного менталитета. Из содержания паремий можно сделать вывод, что для русских ум - это «божий дар», т.е. явление полученное свыше, а не приобретенное.

Таким образом, паремиологическая система языка – зеркало культуры, в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное сознание народа, его менталитет, мироощущение, обычаи и традиции, мораль, система ценностей, образ жизни и национальный характер [10, 1627]. Сопоставительный анализ концептуального содержания паремий, выражающих умственные способности человека, позволяет пролить свет на связь культурно-национального своеобразия паремий с характерными особенностями мировидения носителей языка.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа, - М.: Высшая школа, 1996. – 150 с.
2. Гак, В.Г. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремиологические исследования. Сборник статей. –М., 1984.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М. издательство Эксмо, 2003. – 616 с.
4. Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. – СПб: МИК / Лань, 1996. – 352 с.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык», 2001.
6. Сираева Р.Т. Репрезентация ментальной сферы в русской и английской фразеологической картине мира: диссертация ... канд.филол. наук.- Уфа, 2014.- 210 с.
7. Сираева Р.Т., Фаткуллина Ф.Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13230> (дата обращения: 26.05.2014).
8. Снегирев И.М. Обзорение пословиц / Русское народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003.
9. Телия В.Н. Русская фразеология в зеркале национального менталитета (от мировидения к миропониманию). Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.– М., 1996. –288с.
10. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности// Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). – С. 1626-1627
11. LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman (Pearson Education Limited), 2000. – 1568 p.
12. Longman Dictionary of English Idioms. London, 1996.

© Р.Т. Сираева, 2015

**«Колокольчик Дарвалдая гудит уныло под дугой»:
ослышки при восприятии песенных текстов**

Проблема понимания / непонимания в процессе коммуникации тесно связана с явлением так называемых ошибочных речевых действий человека, к которым относятся *оговорки, описки, очитки и ослышки*. Их изучение, развернувшееся на рубеже XIX-XX столетий, и сегодня привлекает внимание специалистов в области психологии, педагогики, психолингвистики, коммуникативной лингвистики и других отраслей знания.

Исследование ослышек (направление которого было задано в отечественной лингвистике трудами О. Б. Сиротининой [2]) базируется сегодня преимущественно на материале устной разговорной речи. При этом ослышка напрямую связывается с диалогической формой общения и тактикой переспроса, сглаживающей коммуникативную неудачу, возникающую при ошибочном восприятии текста. Так, Т. А. Космеда определяет ослышку как ситуацию «невосприятия коммуникации из-за артикуляционной нечеткости либо ошибок, связанных с нарушением орфоэпических норм, а также имитации непонимания для реализации определенных рече-поведенческих тактик, осуществляемых путем переспроса для уточнения, снятия сомнения, выражения своего мнения и под.» [1, 353]. Однако нам представляется, что интересным материалом для изучения будут являться и ослышки, допущенные вне сферы диалогического общения, то есть в ситуациях, когда реализовать тактику переспроса невозможно. К числу таких ситуаций можно отнести восприятие на слух текстов песен.

Как нам представляется, ослышка при восприятии песен имеет особую природу: так как уточняющий переспрос в момент первого предъявления песенного текста невозможен, ослышка утверждается в памяти слушателя в качестве единственно правильного варианта текста и не снимается при последующем предъявлении (то есть при повторном прослушивании песни) даже при условии, что качество звучания повысится, а помех для восприятия станет меньше. Временной промежуток между предъявлениями текста может быть очень существенным, так что многие ослышки живут в памяти человека годами и даже десятилетиями.

В нашей работе мы опираемся на материалы проведенного опроса, а также на примеры из обсуждений песенных ослышек в интернет-блогах. Как показал анализ примеров, значительная часть песенных ос-

лышек — это ошибки детского восприятия. Однако в некоторых случаях подобные ослышки возможны и у взрослых.

Исходный фрагмент текста при ослышке трансформируется, при этом зачастую можно отметить ошибку сегментации речевого отрезка:

– слияние слова с предшествующим предлогом или союзом:

Исходный вариант	Ослышка
Мой маяк <i>у вечности</i> на краю	Мой маяк <i>увечности</i> на краю
<i>О скалы</i> грозные дробятся с ревом волны	<i>Оскалы</i> грозные, дробятся с ревом волны
Весь мир голодных <i>и рабов</i>	Весь мир голодных <i>ирабов</i>

– деление слова на части:

Исходный вариант	Ослышка
<i>Ярославне</i> в час разлуки Говорил, наверно, князь	« <i>Я росла не</i> в час разлуки», – говорил, наверно, князь
И снится нам не <i>рокот</i> космодрома, Не эта ледяная синева	И снится нам не <i>рок от</i> космодрома, не эта <i>ли диная</i> синева?
Вместо чтоб поесть, помыться, <i>Уколоться</i> и забыться	Вместо чтоб поесть, помыться <i>У колодца</i> и забыться

– перераспределение границ соседних слов:

Исходный вариант	Ослышка
Судьбе не раз шепнем: « <i>Мерси боку!</i> »	Судьбе не раз шепнем: « <i>Мерсиба, Ку!</i> »
И он мощною рукою Обнял <i>персиянки стан</i>	И он мощною рукою Обнял <i>перси анкистан</i>

В восприятии слушателя неразборчивый отрезок песенного текста может трансформироваться в имя собственное:

Исходный вариант	Ослышки
Красавице и кубку	Красавице Икуку Красавице Игуку Красавице Икупку Красавице Экупку

Получившееся имя собственное может восприниматься слушателем как сорт растения или марка определенной продукции:

Исходный вариант	Ослышка
Земляника, всюду земляника <i>И имели, и имели, и имели</i>	Земляника, всюду земляника <i>«Иимели», «Иимели», «Иимели»</i>
Сесть на электрический стул <i>или трон</i>	Сесть на электрический стул «Электрон»
Черешней <i>скороспелую</i> любовь ее была.	Черешней «Карапелю» любовь ее была

Нередко ослышка приводит к явному снижению стилистического регистра по сравнению с исходным текстом (лексика переходит в разряд эмоционально окрашенной, бранной, в том числе нецензурной).

Как нам представляется, изучение ослышек при восприятии песен может быть продолжено, так как типичные ошибки в данном случае ярко иллюстрируют особенности восприятия звучащей речи.

Литература

1. Космеда Т.А. Прагматика ослышки либо недослышки в проекции на ситуации педагогической коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24 (63). – 2011. – № 2. – Ч. 1. – С. 352-356.
2. Сиротинина О. Б. Ослышки в разговорной речи // Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Л.: Наука, 1981. – С. 233-236.

© О.В. Соболева, 2015

А.К. Сулейманова
УГНТУ, Уфа, Россия

Роль терминологического словаря в формировании профессиональной компетенции студентов-иностранцев

Процессы глобализации, затронувшие систему российского высшего образования, привели к тому, что образование стало одной из статей экспорта. Требования к современному образованию как к высокотехнологичной отрасли международной экономики обусловили создание разнообразных конкурентоспособных образовательных программ, актуализацию методологической, методической, содержательной и технологической составляющих образовательного процесса. Реализация образовательных услуг на государственном уровне предполагает также и увеличение контингента иностранных учащихся в вузах России.

В настоящее время в теории и методике преподавания русского языка как иностранного ведется активный поиск приоритетных направлений подготовки, образовательных потребностей и этнопсихологических особенностей, наиболее продуктивных в обучении русскому языку

технических средств обучения, новых форм и методов, необходимых для формирования профессиональной и коммуникативной компетенций иностранного учащегося, а также способных повысить эффективность учебного процесса.

Таким средством, способным обогатить занятие по РКИ, сделать его динамичным, интересным и, что самое важное, полезным, является профессионально ориентированный, учебный терминологический словарь. В последние годы заметно актуализировалось лексикографическое направление терминоведения. Преподавателями русского языка как иностранного работа с терминами изучаемой предметной области рассматривается как значимое условие успешного формирования иноязычной профессиональной компетенции, наряду с формированием культурологической и страноведческой компетенцией иностранного учащегося. Не вызывает сомнения значимость научной терминологии в условиях становления информационного общества, удельный вес которой в словарном фонде языка с каждым годом повышается. По мнению многих исследователей, «90 % новых слов языка относится к научной и технической терминологии» [4, 3]. «В последнюю четверть века на основе лексикологии сформировалась наука, которой предстоит сыграть в будущем развитии человечества необычайно важную роль. Если раньше вопросы выбора и применения терминов касались в основном учёных и специалистов, то наступающая компьютеризация всех областей человеческой деятельности заставляет всё большее число людей сталкиваться с проблемами специальной лексики, составляющей подавляющее большинство слов современных языков». Современное состояние лингвистической науки, терминоведения, системы образования страны в целом свидетельствуют о том, что в будущем стратегический потенциал общества будут составлять научные знания [5, 35].

Таким образом, «совершенствование языка науки, упорядочение научной терминологии, оптимизация способов фиксации, хранения и передачи информации, оптимизация интеллектуальных способностей человека, связанных с использованием языка (языка науки в первую очередь) – задачи не только прикладной лингвистики, а всех областей знания» [3, 79].

Являясь вспомогательным средством получения специального знания, тем не менее, наряду с учебником и учебными пособиями «словарь позволяет учащимся получить необходимые сведения о терминологии изучаемой терминосистемы, особенностях ее функционирования, помогает активизировать усвоение термина как элемента определенной терминосистемы», в нашем случае – нефтегазовой геологии [2, 125].

По мере развития нефтегазовой геологии очевидной становилась необходимость в систематизации ее терминосистемы, что нашло

отражение в создании первых терминологических словарей, к которым по праву можно отнести «Англо-русский нефтяной словарь» (М., 1934. – 264 с.) и «Толковый словарь английских терминов по геологии нефти» Н.А. Лебедева (М.-Л., 1937. – 270 с.). За многие годы развития данной отрасли промышленности было издано большое количество терминологических словарей: электронный словарь; энциклопедический словарь; словарь-справочник; толковый словарь. Однако при видимом многообразии словарей терминов данной отрасли знания специалисты все чаще говорят о необходимости создания полного толкового словаря по геологии нефти.

«Терминологический словарь по нефтегазовой геологии», созданный авторами данной статьи, представляет собой словарь генеративного типа, ориентированный как для работы в аудитории с выполнением заданий под руководством преподавателя, так и для самостоятельной работы студента-иностранца. Словарь служит учебным и справочным пособием, отражает системный подход к изучению термина и вполне может удовлетворить коммуникативные потребности иностранных студентов в профессиональной сфере, поскольку основной задачей подготовки студента-иностранца остается формирование и совершенствование активного владения нерусскими студентами языком специальности.

В словаре представлено более 1000 терминологических единиц терминосистемы «Нефтегазовая геология», необходимость и методическая целесообразность которых определялась специалистами-предметниками, с которыми составители словаря активно сотрудничали. Включенные в словарь термины геологических дисциплин, таких как «Основы геологии», «Геология нефти и газа», «Нефтегазопромысловая геология», предусматривают владение геологическими определениями и понятиями, не встречавшимися ранее при изучении специальных дисциплин.

Лексические единицы словаря представляют собой необходимый минимум определений, понятий и терминов, связанных как с широким кругом теоретических вопросов, так и с практикой геологоразведочного процесса и разработкой месторождений нефти и газа, позволяющий освоить программу геологических дисциплин. Тематические группы входящих в словарь единиц представлены терминами основных структурных единиц земной коры, элементарных тектонических процессов горных пород, их деформации, литолого-стратиграфической характеристики пород, геологической обработки материалов бурения скважин, геолого-промысловой характеристики коллекторов и др. Вошедшие в словарь термины и терминосочетания представляют собой наиболее информативные единицы данной терминосистемы, составляют базу научного сообщения данной области знания, являются

тематическими доминантами подъязыка «Нефтегазовая геология» и подлежат активному усвоению будущими инженерами-нефтяниками.

Словарная статья толкового словаря содержит разностороннюю лингвистическую характеристику термина, что соответствует филологическому типу определения [3, 81]. Дефиниция, являясь основным средством семантизации терминологической единицы, указывает на существенные, отличительные признаки термина (его денотат) в той терминосистеме, в которой он функционирует, указывает место понятия, выраженного термином, в системе специальных понятий через установление отношений с другими специальными понятиями конкретной понятийной системы. Денотат в такой дефиниции раскрывается в пределах соответствия формальному понятию. В словаре использованы различные типы дефиниций: а) родо-видовые; б) партитивные в) операционные; г) релятивные. В словарную статью включены также грамматические характеристики термина, его лексико-семантические особенности, синтагматические связи (сочетательная характеристика, что связано с тем, что язык науки отличается повышенной компрессией смысла, которая достигается за счет четкой избирательности словоформ, словосочетаний, типов предложений, устойчивости в их организации), указание на индивидуальное место термина в парадигматической классификации терминологии рассматриваемой терминосистемы. Созданный учебный терминологический словарь по праву можно отнести к словарям активного типа, поскольку он призван осуществить адекватную интерпретацию заголовочных единиц, что заключается в корректном обнаружении наиболее существенных свойств термина как единицы логоса и единицы лексиса, призван дать исчерпывающую информацию о триединой сущности термина: его абсолютной, относительной и сочетательной ценности.

Заголовочные единицы в нашем словаре представлены именами существительными или словосочетаниями, в которых опорное слово – имя существительное. Имя существительное отличается от всех других частей речи наибольшей активностью в сочетательном плане. Для отражения сочетаемости в терминологическом словаре были избраны ближайшие синтаксические связи существительного: сочетания с прилагательными, существительными и глаголами. Ограничение показа сочетательной ценности существительного ближайшими синтаксическими связями делает процесс отбора распространителей управляемым. Ограничение демонстрации сочетательной ценности термина этими тремя классами слов имеет огромное значение еще и потому, что существительные, прилагательные и глаголы являются господствующими в научной речи частями речи.

Все компоненты учебного терминологического словаря «Нефтегазовая геология» представляют собой методически важные элементы, усиливающие учебный характер словаря и активизируют процесс обучения студента-иностранца языку специальности. Успешно освоить терминосистему нефтегазовой геологии призваны практические задания, задания для самоконтроля и контрольные работы, предусмотренные в конце каждого раздела.

Для работы с преподавателем и самостоятельной работы студента предлагаются языковые и речевые задания, например:

Прочитайте микротекст. Вставьте пропущенные термины и ответьте на вопросы, используя информацию микротекста: ... *процессы обусловлены атмосферными явлениями, геологической деятельностью морей, рек, озер, подземных вод, ветра, ледников, животного и растительного мира.*

Закончите предложения: *Включения в минералах подразделяются на ... и ...* (в приложении к словарю даются ключи).

Восстановить пропущенную часть текста: ... – *структура, в которой слои наклонены в одну сторону.*

Закончите предложения. Повторите его: *Альтитуда – высота ... и др.*

Комплексный подход к презентации значения термина и возможность работы со словарем на занятиях позволяет преподавателям презентовать, и соответственно студентам усваивать, языковые средства в их взаимодействии, их синтаксические и парадигматические связи, что, в свою очередь, позволит максимально ускорить усвоение термина – основного компонента языка специальности и «камня преткновения» на пути иностранного студента к освоению русского языка науки.

Литература

1. Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение. Учебное пособие / С.В. Гринёв-Гриневиц [Текст]. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
2. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа: монография / Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова [Текст]. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 146 с.
3. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт.филол.наук.– Уфа, 2002.– 343 с.
4. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения/С.Д. Шелов [Текст]. –СПб.:Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 280 с.
5. Шелов С.Д. Опыт построения терминологической теории: значение и определение терминов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М.: 1995. – 35 с.

© А.К. Сулейманова, 2015

Оценочность контртекста в виртуальном дискурсе (на примере микроблогов)

Если рассматривать микроблог как часть коммуникативного интернет-пространства, то процесс создания встречного текста (комментария к тексту микроблога) можно воспринимать как специфический дискурс, «речь ... как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания...» [1, 136-137].

Среди характеристик контртекста-комментария, пожалуй, наиболее важная при проведении описанного ниже эксперимента – добровольность и желательность контактов. Интернет является масштабной платформой, на базе которой «открывается» языковая личность, проявляются различные «способы ее самопрезентации и творческой самореализации» [2, 27].

Именно добровольность и желательность контактов позволила нам получить данные для дальнейшего анализа в рамках нашего исследования. Мы применили методику «встречного текста» А.И. Новикова не в искусственных условиях, заданных экспериментом, а использовали ее в естественной среде Интернет-коммуникации. Предметом нашего исследования стали «встречные» тексты-комментарии, оставляемые пользователями на тексты микроблогов, и, по сути, представляющие собой реакции реципиентов, воспринимающих информацию оригинальных сообщений. Полученные результаты были обработаны с использованием основных принципов методики «встречного текста» с целью выявления особенностей понимания подобных сообщений.

Нами были обработаны 13 текстов – твитов – таких новостных изданий как Первый Канал, RussiaToday на русском, а также твиты собственных корреспондентов данных каналов и официального твиттера представительства президента РФ, и проанализировано 320 «встречных текстов», размещенных интернет-подписчиками микроблогов в виде комментариев к данным текстам.

С точки зрения видов реакций, выявленных с помощью методики «встречного текста», нами были получены следующие количественные данные.

155 реакций (48%) являются комбинированными (сочетание двух, а в некоторых случаях, и трех реакций). Самая частотная комбинация – «мнение+оценка» (72 реакции, 46.5%).

Например, твит: *Меркель уже прилетела в Париж и в Елисейском дворце пообщалась с Олландом. Завтра будут решать, что делать с Грецией.*

Реакция: *Поставить условия. Не соглашаются – пусть катятся.*

За этой комбинацией по частотности следует «перевод+оценка» (29 реакций, 19%). Приведем некоторые примеры.

Твит: *США просят российское предприятие увеличить поставки ракетных двигателей.*

Реакция: *А санкции? А мы сделаем, что России будет больно? Где логика? Сначала натворят глупостей, а потом не знают, как отыграть назад.*

Еще одной довольно часто встречающейся комбинированной реакцией стало сочетание «интертекст+оценка» (10 реакций, 6.5%).

Твит: *СМИ: Роскомнадзор начал тестировать автопоиск нецензурной брани в онлайн-изданиях.*

Реакция: *Огласите пожалуйста весь список)))*

Следует отметить, что среди комбинированных реакций, полученных нами в ходе эксперимента, преобладающее большинство приходится на сочетания с мнением или оценкой. Из 155 реакций 143 представляют собой сочетания с оценкой и 85 – с мнением.

Из одиночных реакций безусловным «лидером» является реакция оценки (94 реакции, 29% от общего количества). Причем, оценка не всегда эксплицитна, она может быть представлена и в имплицитной форме.

Твит: *С 1 июня Россия приостанавливает работу американских станций GPS на своей территории.*

Эксплицитная оценка: *Вот это красиво!*

Твит: *20 мая Владимир Путин посетит с официальным визитом Китай.*

Имплицитная оценка: *Президент, когда вы, наконец-то, перейдете от массы красивых слов к восстановлению экономики страны?).*

Следует также обратить внимание на соотношение между содержательными и релятивными реакциями, выявленное нами в процессе анализа исследуемого материала.

Нужно напомнить, что, по А.И. Новикову, содержательными являются реакции, непосредственно соотносящиеся с содержанием воспринимаемых предложений; а релятивными – реакции, выражающие скорее отношение реципиента к воспринимаемым предложениям, участвующие в создании определенного эмоционально-аксиологического поля.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа взаимодействия релятивных и содержательных реакций в процессе понимания текстов различных типов (от научной и научно-популярной литературы до

текста Библии) приводится в статье Н.П. Пешковой [5; 50-52]. Так, согласно приведенным данным, при понимании научно-популярного текста, стратегии с преобладанием содержательных видов реакций составляют 40% от общего числа, стратегии с равным соотношением содержательных и релятивных (смысловых) реакций – 40%, стратегии с доминирующими смысловыми реакциями – 20%. В поле реакций, отражающем особенности восприятия и понимания библейского текста, преобладают релятивные реакции, которые составляют чуть более 63% от общего количества полученных в результате эксперимента «контртекстов». Моисеева А.В. в ходе эксперимента, проведенного на основе текстов гламурного журнала, отмечает, что и в таком виде текстов среди встречаемых текстов 22% процента приходится на оценку и ее разновидности (оценочное мнение, ироничную оценку, имплицитную оценку) [3; 90].

По нашим данным, при восприятии текстов микроблогов на содержательные реакции приходится всего 9% от общего количества (29 реакций). Остальные реакции являются релятивными, т.е. смысловыми, относящимися к эмоциональной стороне восприятия текста.

Нужно сказать, что ни один другой тип текста не дает подобного доминирования смысловых реакций в процессах восприятия и интерпретации, хотя оценочные реакции в большом количестве имеют место и при понимании реципиентами других видов текстов.

Это еще раз возвращает нас к особенностям естественного общения и такой черте интернет-коммуникации, как добровольность и желательность контакта. Участники Интернет коммуникации оставляют свои комментарии к твитам, когда прочитанный ими текст вызывает в них определенный эмоциональный отклик, интерес или возмущение, желание высказать мнение, выразить свое видение ситуации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. – № 6 «Жанр и язык».
3. Моисеева А.В. Экспериментальное исследование особенностей восприятия текстов гламурного журнала//Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2013.
4. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания//Вопросы психолингвистики. – Москва, 2012. - №2(16).
5. Пешкова Н.П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. – 2013. - № 5 (25).

© А.С. Титова, 2015

Становление музыкальной терминологии

Русская музыкальная терминология включает большое количество отдельных слов и словосочетаний. Она очень «обширна по числу входящих в нее терминов и содержит несколько тысяч слов и выражений, из которых только часть находит отражение в словарях» [4, 138].

Определить границы музыкальной терминологии и указать точно количество терминов очень трудно, так как они «созданы разными народами и в разные исторические эпохи» [5, 68]. Наряду с такими древними терминами, как *этос*, *аптома*, *пектис*, *диавлос* (древнегреч.), *букцина* (лат.), *вина*, *раванастр* (древнеинд.) встречаются позднейшие *джаз*, *аккордеон*, *вибрафон*, *банджо*.

Музыкальный термин понимается в работе как узкоспециальное понятие в музыке, так как терминология искусства, литературы, истории таковы, что при их изучении обычно нельзя провести границу между термином и нетермином.

Музыка (греч. *musa* — муза) — вид искусства, который воздействует на человека посредством звуковых образов, отражающих его различные переживания и окружающую жизнь. Она всегда являлась частью культуры любого народа во все времена. Впервые «упоминания о музыке мы встречаем в греческой мифологии» [6, 13]. Ведь именно там существовала легенда о девяти музах. Первые музыкальные инструменты появились из орудий труда. Впоследствии они усложнились и приобрели различные новые формы. Заметный скачок в искусстве произошел в Средневековье. С появлением теории музыки увеличился словарный запас языка.

Терминология тесно связана с понятием «термин». Термин — (от латинского *terminus* - граница, предел), слово или сочетание слов, обозначающее специальное понятие, употребляемое в науке, технике, искусстве [3, 98].

Терминология — совокупность терминов, используемых в определенной области знания [1; 3].

В музыкальную терминологию входит большое количество слов и выражений. Начиная с древних определений (*орган* — (лат. *organum* из др.-греч. *ὄργανον* — «инструмент, орудие») — клавишно-духовой музыкальный инструмент) и заканчивая современными (*фидбэк* (*feedback*) — «резонансное эхо, возникающее в микрофоне и звукоснимателях при определенных условиях, то бишь, знакомый всем свист в колонках, без которого не обходится почти ни одна настройка инструментов» [2, 46].

В становлении музыкальной терминологии большую роль сыграли работы таких российских ученых, как Рогальская О.Ю., Крунтяева Т.С., А.И. Демченко, Дж. Михайлова, Е.В. Назайкинского, Е.П. Стратулата.из зарубежных ученых Цадик И.А., Т. Лейсие, Х.Х. Эггебрехт.

Весь состав музыкальной терминологии можно разбить на отдельные группы, в каждую из которых входят «термины, объединенные по одному общему признаку» [3, 89]. Все музыкальные термины мы можем подразделить на несколько семантических групп:

1. Термины, обозначающие музыкальные инструменты и их отдельные детали: *арфа, гитара, ксилофон, струна, смычок, скрипка, клавиша, педаль*;

2. Термины, обозначающие манеру исполнения: *мажор, минор, легато*;

3. Термины, обозначающие музыкальные коллективы: *квintет, квартет, оркестр, капелла, хор*;

4. Термины, обозначающие певческие голоса и их регистры: *фальцет, сопрано, тенор, контр-тенор*;

5. Термины, обозначающие музыкальные жанры: *рок, металл, джаз, опера, электро, кантри, рэп, классика*;

6. Термины, профессии, специальности, амплуа: *аккомпаниатор, ак-кордеонист, вокалист, виолончелистка, гуслиар, капельмейстер, ложечник, скрипач, трубач, ударник и т.д.*

Также можно подразделить термины в группы, в зависимости от принадлежности к тому или иному жанру:

1. Термины, относящиеся к классической музыке(сюда могут входить как термины, используемые при изучении музыкальной теории – *нотный стан, нотная грамота, сольфеджио*, так и термины, обозначающие голосовые особенности – *альт, контральто, бас, тенор* и т.д.

2. Термины, употребляющиеся в джазовых композициях: *свинг, соул, скэт*;

3. Термины, относящиеся к рок жанру: *гроул, скрим, блэк*;

4. Термины, относящиеся к духовной музыке: *месса, госпел, спичуэлс*;

5. Термины, относящиеся к народной музыке: *кереми, эйраты, фламенко*;

6. Термины, относящиеся к кантри: *хонки - тонк, хиллбилли*;

7. Термины жанра хип-хоп: *кранк, дисс, бит*.

Музыкальная терминология вообще не является чем-то неизменным. Наоборот, она находится в движении. Ее состав подвергается различным изменениям, связанным с изменениями как в самой музыке, так и в окружающем нас мире. Так как музыка продолжает свое развитие и

появляются все новые и новые музыкальные поджанры, данную классификацию можно увеличить.

Становление русской музыкальной терминологии происходило в тесной связи с развитием музыкальной культуры России, имевшей свои особенности, обусловленные историческими причинами, в частности, активными связями с рядом иностранных государств. Русская музыкальная терминология складывалась веками. Природная музыкальность и любознательность русского народа, живость восприятия и быстрота ума, установление контактов со странами Западной Европы способствовали большому притоку иностранных слов в русскую музыкальную терминологию.

Если в конце XVII-начале XVIII вв. все музыкальные термины приходили в русский язык в большинстве своем из итальянского языка, то «в современную эпоху первенство, безусловно, принадлежит английскому языку» [7, 36]. Этот процесс захватил все стилевые и стилистические разновидности русского языка. Русифицируются суффиксы и окончания, изменяются категории рода и числа. Не свойственные русскому языку суффиксы заменяются более употребительными (иногда даже иноязычными) и возникают новые русские производные: *реппер, хард-роковец, панкушник, панковать, блюзовать, попсовик*.

Литература

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. Дис. . д-ра. филол. наук Текст. / К.Я. Авербух. - Иваново, 2005. - 324 с.
2. Беленкова И. О некоторых возможностях рассмотрения музыки как семиотического объекта – Киев: Муз. Украина. - Вып. 12. - С.79-90.
3. Гарифуллина Р.В., Фаткуллина Ф.Г. Трудности профессиональной терминологии: словарь-справочник. Рекомендовано МО РБ / - Уфа, 2004.– 218 с.
4. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Термин в терминотомии: теоретические основы и принципы анализа. Монография – Уфа: РИЦ БашГУ. 2014.– 168 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук.– Уфа, 2002.– 343 с.
6. Фаткуллина Ф.Г. Мифологизмы в русском литературном языке XVIII века. Автореф.... канд. филол. наук.– Москва, 1991.- 22 с.,
7. Фаткуллина Ф.Г., Халиуллина Ю.Ш. Новая лексика СМИ: толковый словарь лексики глянцевого издания - Уфа: РИЦ БашГУ, 2013 – 146 с.

© Ф.Г. Фаткуллина , А.А. Гайназарова, 2015

Е.А.Филимонова
БашГУ, Уфа, Россия

Экспликация в переводе советизмов

В основном при передаче реалий на английский язык переводчики прибегают к использованию таких трансформаций как транскрипция,

транслитерация, калька и описательный перевод. Не менее употребительными являются приближенный перевод, передающий значение лишь частично, контекстуальный перевод и гиперонимический, суть которого заключается в генерализации или замене видового понятия на родовое, то есть передачу реалии некоторой языковой единицей, имеющей более широкое значение, чем переводимая.

Стоит отметить, что экспликация или описательный перевод – один из способов перевода безэквивалентной лексики, суть которого заключена в подборе описания реалии переводимого языка. Обычно к экспликации прибегают при переводе неологизмов, атрибутивных словосочетаний, терминов, культуронимов, сленга, сокращений и других непереводаемых реалии.

Главными недостатками экспликации являются ее многословность и громоздкость. Эта проблема решается за счет творческого подхода переводчика, который может самостоятельно определить реалию и перевести ее словосочетанием или же выполнить описательный перевод в виде комментария или сноски.

Советизмы как особый пласт лексики обозначают предметы, понятия, ситуации, факты, обычаи и любые другие явления, отражающие советскую действительность. Эти слова и словосочетания появились в годы существования Советской власти или были в использовании до 1917 г., но именно в этот период приобрели новые оттенки значения, которые, так или иначе, относятся к советской реальности. Факторами, которые позволили нам выделить их в отдельную группу, являются их локальность, специфичность и связь с различными проявлениями советской культуры. Помимо этого, они отличаются своей тематикой, идеологической направленностью, стилистическими, ассоциативными и вербальными особенностями.

Говоря о переводе советизмов, необходимо отметить, что здесь мы встречаем такие же методы и способы передачи смысла, как при переводе реалий в целом. Оставновимся на основной группе трансформаций, которые можно условно поделить на те средства, которые отражают форму больше чем смысл, и средства, скорее ориентированные на передачу семантики, нежели формы. К первой группе мы относим транскрипцию, транслитерацию и кальку, в то время как ко второй – приемы компенсации, экспликативный, приближенный, контекстуальный или гиперонимический переводы.

На данный момент, опираясь на анализ переводов произведений М.Булгакова и А.Солженицина, можно утверждать, что большую часть советских реалий передают при помощи приближенного перевода. При этом мы бы хотели заметить, что **целесообразно объединить такие приемы, как генерализацию, конкретизацию, контекстуальный и**

гиперонимический перевод в приближенный, поскольку их границы не столь отчетливы и выбор таких трансформаций основан на подборе наиболее близких по значению соответствий. Этим объясняется преобладающее число советизмов по сравнению с теми, которые были переданы при помощи экспликации.

Безусловно, мы считаем, что во всех переводах не представляется возможным использовать описательный перевод – он сделает текст оригинала перегруженным, а комментарии – излишними. И все же в некоторых случаях сноски и переводческий комментарий просто необходимы.

Разделяя советизмы, можно выделить те, которые стали известны широкому кругу читателей. К ним мы относим обращения: товарищ, гражданин; представителей каких-либо классов: пролетарий, комсомолец, большевик, меньшевик, и т.д. Их перевод вполне может ограничиться общепринятыми соответствиями. Другие могут компенсироваться за счет своего основного значения: масса, разоблачать, дефицит, дезертир, буфетчик, интервент и иные. Но есть и та группа советизмов, где раскрытие смысла играет определенную роль в тексте, и при его отсутствии возможно неправильное истолкование семантики лексем оригинала. К ним мы отнесем заголовок первой главы «Мастера и Маргариты» – «Никогда не разговаривайте с неизвестными», специфику значения которого необходимо пояснять. Также пояснения требуют такие карательные организации, как ГПУ, Лубянка, Соловки, поскольку роль лагерей, тюрем и следственных органов в СССР была достаточно большой и без упоминания их значения будет достаточно сложно передать опасность, которую они представляли для граждан в СССР; важна экспликация и таких реалий, как бюро иностранцев – организации, занимавшиеся шпионажем за подозрительными иностранными гражданами; вредительства, спекуляций валютой и другой незаконной деятельности граждан. Помимо этого, мы бы хотели отметить отсутствие негативной коннотации при переводе слов интеллигент, нэпман и буржуй. По нашему мнению в случаях, когда используются эти слова, необходима компенсация негативной коннотации или экспликация, которые бы отразили важный оттенок смысла.

Рассматривая переводы каждого произведения по отдельности, можно сделать вывод, что у переводчиков наблюдается тенденция отдавать предпочтение определенным трансформациям. Так, М. Гленни, Р. Пивер и Х. Аплин чаще прибегали к приближенному переводу, в то время как Д. Бюргин совместно с Э. Проффер основное внимание уделяют экспликативному переводу.

Мы придерживаемся мнения, что переводчики должны уделять большее внимание раскрытию таких безэквивалентных и специфичных

понятий как советизмы путем анализа составляющих сем и описания всех их особенностей, т.е. с помощью экспликации.

Говоря о недостатках вышеупомянутых переводческих модификаций, мы бы хотели отметить, что формальные способы отражают лишь то, что лексема носит иностранный характер, но не указывают на ее смысловое содержание. Приближенный перевод часто подбирает сходные, но не всегда семантически верные подобию. Поэтому мы считаем, описательный перевод наиболее полным с точки зрения передачи как денотата, так и коннотативных компонентов понятия.

Таким образом, экспликация играет важную хоть и не первостепенную роль в процессе перевода, она восполняет намеренные и ненамеренные смысловые потери.

Литература

1. Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения// Русский язык за рубежом // М., 1972.– 156 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе //М.: Международные отношения, 1980 – 343 с.
3. Сапогова Л.И. Реалии: фактор времени. Сб. вопросы лингвистической семантики// Тула, 1979 – 394 с.
4. М.А. Булгаков Мастер и Маргарита// Эксмо: Запрещенные книги, 2009 – 480 с.
5. Master and Margarita, translated by Diana Burgin and Tiernan O'Connor, Annotations by Ellendea Proffer Random House//Vintage, 1996 – pp.384
6. Master and Margarita, translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonskaya, Annotations by Richard Pevear//Penguin Classics, 1997 – pp.432
7. Master and Margarita, translated by Michael Glenny //Everyman's Library, 1992 – pp.488

© Е.А.Филимонова, 2015

Г.Н. Хайбулина
БашГУ, Уфа, Россия

Терминология как класс лексики языков для специальных целей (ЯСЦ - LSP)

Анализ научной литературы показал, что, несмотря на большое количество имеющихся определений термина, ученые до сих пор не могут дать однозначного определения данной единице ЯСЦ. Связано это, главным образом, с тем, что термин представляет собой сложную структуру: с одной стороны термин – это лексическая единица (ЛЕ) языка, следовательно, к нему могут быть применимы все характеристики слова или словосочетания, а с другой стороны, термин – это знак, отличаю-

щийся от ЛЕ тем, что он выражает научное, техническое, специальное понятие вообще.

Противопоставление «термин - слово» сводится к тому, что термин определяется как слово (словосочетание), но со специальным значением.

В содержании понятий «терминологизация», «детерминологизация» рассматриваются релевантные признаки термина. Термин «терминологизация» в настоящее время не имеет строгой понятийной закреплённости. В широком понимании «терминологизацией называют все процессы образования новых терминов в результате семантического переосмысления общеупотребительной лексики, способ языковой номинации, при котором основным средством создания нового термина является семантическое развитие слова по списку в квадратных скобках и номер страницы через запятую» [8, 135].

В узком смысле слова термином «терминологизация» называют отдельные семантические изменения при переходе общеупотребительного слова в специальное. В частности, такие ученые как В.В. Виноградов, С.В. Гринёв терминологизацию рассматривают как превращение общеупотребительного слова в термин с сохранением объёма семантики изменения, связанные с сужением или расширением значения общеупотребительного слова [1, 57]; терминологизацией называют также процесс сужения значения общеупотребительного слова [4, 17; 9, 240]. Таким образом, терминологизация представляет собой процесс переосмысления общеупотребительной лексики, который характеризуется разной степенью развития значения и приводит к появлению качественно новых единиц языка. Процесс терминологизации связан с формированием у общеупотребительной лексики релевантных признаков специального слова. В научной литературе в качестве таких признаков, чаще всего, называют соотнесённость со специальным понятием и принадлежность к специальной сфере употребления [3, 31]. Вопрос о свойствах термина или релевантных его признаках остаётся в современной лингвистике открытым.

В детерминологизацию необходимо включать как процесс постепенной узуализации терминологического значения (функциональная детерминологизация), так и появление различных переносных, ассоциативных образований на его основе (семантическая детерминологизация) [7, 51; 8, 94; 9, 241]. Большое количество геоморфологических терминов детерминологизируется в процессе их функционирования, так как они являются социально-значимыми, обозначают целый ряд понятий, с которыми человек сталкивается в обиходной жизни.

Связь терминологических единиц языка геоморфологии со словами общего употребления может быть различной: некоторые термины

распространились так широко, что не воспринимаются как собственно термины, они стали общеизвестными (*остров, луг, овраг и др.*). Другая группа терминов, безусловно, обладает специальным характером, но известна большому количеству людей (*плато, сопка, дельта и др.*). Ещё одна группа терминов известна лишь узким специалистам, например, географам (*друмлин, томболо, фиорд и др.*).

Следовательно, геоморфологические ЛЕ могут быть разделены на три группы: общеизвестные ЛЕ, специальные ЛЕ и узкоспециальные ЛЕ. Группа общеизвестных ЛЕ в этом ряду – особая, поскольку в ней находятся ЛЕ, которые условно можно разделить на две части: ЛЕ, пришедшие в данную отрасль из общеупотребительной лексики (*рог, игла, подошва, цирк и др.*), и ЛЕ, понятность значения которых позволяет им функционировать в общеупотребительной лексике, т.е. они перешли из терминологии в общеупотребительный язык (*депрессия, терраса, галерея, платформа и др.*) и называются «консубстанциональными» [5, 23; 6].

Анализ геоморфологических терминов показал наличие двух противопоставленных типов выражения отношений внутри выделенных с логической точки зрения групп терминов. В одних случаях эти отношения имеют эксплицитный характер (*терминологическое гнездо* – термин Т.Л. Канделаки), то есть специфическое внешнее языковое выражение, где опорный терминологический элемент в виде самостоятельного слова в словосочетании или основы в сложном слове охватывает все члены терминологического гнезда (например, группа терминов с опорным терминологическим элементом *рельеф, дюна, геосинклиналь, шельф* и др.). В других случаях их следует определять как имплицитные, проявляющиеся в семантической структуре терминов, но не получившие специального формального, внешнего языкового выражения. Так, например, в группу с родовым термином *вулкан* входят видовые термины-словосочетания: *гомогенный вулкан, грязевой вулкан, действующий вулкан, потухший вулкан, конусовидный вулкан, эмбриональный вулкан, паразитический вулкан, смешанный вулкан*, обладающие структурно-семантической общностью, представленной не только имплицитно выраженной родовой семей «геологические образования, возникающие при извержении», но и эксплицитным включением в терминологические словосочетания опорного терминологического элемента *вулкан*. Однако в пределах этой группы оказываются и термины *сальза, макалуба* (грязевые вулканы), связанные с другими терминами, определяющими разновидности вулканов, общей родовой семей «геологические образования, возникающие при извержении», входящей в дефиницию соответствующего понятия. Таким образом, различаются два типа терминологических гнёзд: чёткий тип, в котором «последовательно выдержан принцип эксплицитного выражения родовидовых от-

ношений путём включения в видовые термины в качестве опорного терминологического обобщающего термина, и смешанный (нечёткий) тип, в котором эксплицитность выражения родовидовых отношений осуществляется непоследовательно [7, 256]. Но всё же в значительной части видовых терминов присутствует опорный терминологический элемент, носитель родовой семы. Объединённые на основе особенностей проявления некоторого признака, термины-словосочетания характеризуются структурно-семантической общностью, достаточно чётко выраженной. Но когда уровень обобщения повышается, чёткость структурно-семантической общности ослабляется [7, 256, 258]. Обобщённое понятие *равнина* включает всю систему терминов, в состав которых входит сема «форма рельефа», при которой поверхность земли в пределах видимого горизонта представляется «ровной или слабо волнистой»; иначе говоря, *равнины* могут быть как *низменностями*, так и высокими *плоскогорьями*. Так, в группу терминов, объединённых общим понятием «равнина», входят термины *низменность* и *плоскогорье*. Наряду с ними употребляются ещё два термина – *низина* и *плато*, которые в специальной геоморфологической литературе рассматриваются как синонимы к терминам *низменность* и *плоскогорье*. Следовательно, применительно к терминам, называющим разные виды равнин, можно говорить о семе «ровная поверхность» как об интегрирующей, родовой. Признаки «выше, высокий» и «ниже, низкая, низменная» (по отношению к уровню моря) можно рассматривать как дифференцирующие. Значит, дифференцирующими семами для терминов *плоскогорье*, *плато* и *низменность*, *низина* являются «высоко расположенная» и «низко расположенная», что и выражается во внутренней форме соответствующих терминов (если они не заимствованы, как *плато*). Во всех видовых терминах присутствует и интегрирующая сема «ровная поверхность», но внешнего (эксплицитного) выражения она не имеет. Термин *равнина* отсутствует как опорный терминологический элемент в составе видовых терминов, отсутствует эксплицитность выражения терминопроводной связи. Отсутствие эксплицитно выраженных терминопроводных связей в рассмотренных подобных макрогруппах, по нашему мнению, делает неправомерным употребление в данном случае термина *гнездо*, который применяется нами только к группам или подгруппам с эксплицитно выраженными терминологическими связями.

Литература

1. Гринев С.В. Основы лексикографического описания терминосистем: дисс. ... докт. филол.наук. – М., 1990. – 436 с.
2. Даниленко В.П. Язык для специальных целей // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С.234-270

3. Лейчик В.М. Плодотворное десятилетие // Научно-техническая терминология. Научно-технический реферативный сборник. Материалы 9-ой международной научной конференции по терминологии. – М.: ВНИИКИ, 2003. – С.28-32.
4. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1985. – 128 с.
5. Сорокина Э.А. Лингвистическая терминология: от родного языка к иностранному // Научно-техническая терминология. – М., 2004. -№ 2. - С. 103.
6. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: в 3-х томах. – Т.1: Теория термина: История и современное состояние. – М.: Московский лицей, 1996. – 311 с.
7. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук.– Уфа, 2002.– 343 с.
8. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Термин в терминосистеме: теоретические основы и принципы анализа. Монография – Уфа: РИЦ БашГУ. 2014.– 168 с.
9. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана. – №1 (15. – 2015. – С.239-243.

© Г.Н. Хайбулина, 2015

Г.Г. Хисамова, С.Р. Ишмуратова
БашГУ, Уфа, Россия

Русский коммуникативный стиль в художественной прозе **В. Астафьева и В. Шукшина**

Русская национальная личность характеризуется совокупностью важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившегося на основе системы ценностей общества. Эти ценности, ставшие элементом национального менталитета (то есть способа восприятия и понимания действительности), нашедшие отражение в русском языке, определяют суть русской национальной личности.

Исследователи (И.А. Стернин, А.Д. Шмелев, А. Вежицкая) отмечают такие черты русского характера, как гуманность, доброту, душевную мягкость, эмоциональность, импульсивность. Основными чертами, характеризующими национально-культурную специфику русского общения, являются искренность, общительность, оценочность общения, приоритетность «разговора по душам» [5, 481]. Особенности доминантных черт речевого поведения формируют национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль, который представляет собой «закрепленные традицией коллективные привычки народа, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления в процессе межличностного взаимодействия тех или иных стратегий и средств коммуникации (как вербальных, так и невербальных)» [6, 21].

Национальный стиль коммуникации непосредственно связан с категорией вежливости, которая, несмотря на свою универсальность, является национально-специфической и предопределяется культурой народа. Вежливость, являясь центральной коммуникативной категорией, выступающей регулятором поведения людей, проявляется не только в особенностях этикетных формул и их употреблении, но и в наличии национально-специфических стратегий, регулирующих речевое поведение представителей той или иной лингвокультуры, в их направленности и частотности использования [7].

Русский стиль коммуникации характеризуется в коммуникативной стилистике как: контактный (в пространственном, вербальном, эмоциональном аспектах); импозитивный (допустимо прямое коммуникативное воздействие на собеседника); прямой (с точки зрения способа выражения коммуникативных интенций); категоричный (при выражении мнения, отношения, совета, отказа и т.д.); централизованный (характеризуется установкой на самого говорящего); статусно-ориентированный (приоритет часто отдается статусу); ориентированный на средний и низкий уровни вежливости (при симметричных отношениях, а также отношениях «сверху – вниз»); естественный (нестрогое следование нормам); эмоциональный (свободное проявление эмоций, часто без учета реакций собеседника); информативный, ориентированный в большей степени на содержание, а не на форму [6, 434-435].

Статья посвящена особенностям реализации национального коммуникативного стиля в современной художественной прозе В. Астафьева и В. Шукшина.

В рассказах В.П. Астафьева и В.М. Шукшина национально-культурная специфика речевого общения показана через этикетные речевые жанры, отражающие фатическое общение. В диалогических фрагментах рассказов функционируют все формы русского речевого этикета: приветствие, прощание, обращение, пожелание, поздравление, благодарность, извинение, согласие/несогласие, приглашение, предложение, комплимент.

В рассказе В.М. Шукшина «Дашь сердце!» встреча главного героя ветфельдшера Алексея Ивановича Козулина с участковым начинается с приветствия:

В полдень на ветучасток к Козулину приехал грузный, с красным, обветренным лицом участковый милиционер.

–Здравствуйте, товарищ Козулин!

Козулин удивленно посмотрел на милиционера.

–Здравствуйте.

–Надо будет... это... приехать в сельсовет. Протокол составить [8, 386].

Позднее в разговоре председателя с ветфельдшером Козулиным используются формулы приглашения, извинения, благодарности, использование которых определяется содержанием разговора. В финальной части разговора употребляются формулы этикета для завершения контакта:

– *Мы вас больше не задерживаем, товарищ Козулин, – сказал председатель. – Идите работайте. Заходите, если что понадобится.*

– *Спасибо.* – *Фельдшер поднялся, надел шапку, пошел к входу. На пороге остановился... Обернулся <...>*

Потом потрогал лоб и глаза и сказал тихо:

– *Опять нашло... До свиданья.* – *И вышел* [8, 389].

Составным элементом разрыва коммуникативного контакта между персонажами в данном фрагменте является завершение темы разговора и прощания, осуществляемые посредством этикетной речевой формулы.

Согласно русской национальной традиции формы пожелания (или благопожелания) используются либо вместе с формами приветствия (при встрече или прощании), либо вместо них:

1) *Прежде чем уйти от женщины, делавшей свою маленькую, хлопотливую работу, я, как тогда, в войну, поклонился и сказал:*

– *До свидания, мамаша!*

Она взглянула на меня<...>

– *Доброго пути, милый сын!* – *молвила она и занесла руку словно бы для прощального приветия, но лишь поправила халат на груди* [3, 364].

2) *Когда последний вагон прострочил пулеметом на стрелке, Сергей Митрофанович совсем уж тихо повторил:*

– *Мирной вам службы!* [3, 69].

3) *Старики Нехорошевы и Князев с женой завтракали.*

– *Приятного аппетита,* – *сказал председатель. И посмотрел на Князева. – С приездом вас* [9, 289].

Этикетные вкрапления представляют собой отдельные речевые акты, либо встроенные в структуру диалогического фрагмента, либо имеющие самостоятельное значение. Это могут быть этикетные выражения благодарности, извинения и др. Например:

1) *... Данила прислонил к стенке ружье, вычищенное, впрок смазанное, сказал заранее заготовленное:*

– *Вот, благодарствую.* *Шибко оно нас выручило* [1, 692].

2) *Мужчина сел, глядя вперед, на дорогу, тихо сказал:*

– *Вы это ... извините* меня. *Наговорил я тут, самому тошно. – Он нахмурился, ослабил галстук, глянул на женщину...* [8, 267].

3) *Дядя Левонтий и Мишка Коршуков, стоя рядом, чокнулись с бабушкой, с дедушкой.*

– С ангелом, Катерина Петровна! С праздником! Со свиданием!

– Кушайте, гости, кушайте, дорогие!

Бабушка притронулась губами к рюмочке и оставила ее [2, 225].

В данных фрагментах используются персонажами формы благодарности, извинения, поздравления.

Этикетный каркас выполняет функцию поддержания контакта в определенной тональности. Персонажи, действуя по этикетным правилам поведения, создают прежде всего дружескую тональность общения.

Например, в рассказе В. Астафьева «Ночь космонавта» сибирский лесник Захар Куприянович и космонавт Олег Дмитриевич, встречаясь впервые, устанавливают дружеский контакт с помощью «вежливых» приветствий:

Человек, сидевший на чурбаке возле костра, встрепенулся, заметив, что космонавт шевельнул головой, выплюнул цигарку в костёр и широко развёл скособоченный рот, обмётанный рыжеватою с проседью щетиной.

– Ну, здравствуй, Алек Митрич! Добро пожаловать, как говорится, на родную землю!

– Здравствуйте! – отчего-то растерянно ответил космонавт и вспомнил – это ведь первое слово, произнесённое им на Земле настоящему вслух! Хорошее слово! Его всегда произносит человек человеку, желая добра и здоровья. Замечательное какое слово! [3, 293].

В русской речевой культуре возможна ориентированность на низкий уровень вежливости. Сравните фрагменты текста, представляющих два разных уровня вежливости:

1) *Вечером Николай Иванович перечитывал в своей комнате оба письма... Потом бросил оба письма в стол и громко сказал:*

– А черт его знает – как?

– Что ты? – спросила жена <...>

– Нет, все в порядке. Поддай газеты, пожалуйста [8, 284].

2) *Данила Явсевич заторопился открывать дверь в избу, и, когда в горнице Парасковья принялась спешно сдирать с дочери мокрую одежду, подвывая при этом, он сурово прикрикнул на оробевшего Кирьку:*

– Чего пялишься? Выдь отседова, покурим на улке! [3, 417].

В приведенных контекстах в качестве формы завершения контакта используются побуждающие речевые действия, выражающие просьбу, причем в первом контексте персонаж произносит фразу, которая сопровождается формами, передающими актуализацию вежливости просьбы («пожалуйста»), в последующих контекстах побуждающие речевые действия носят стилистически сниженный характер и выражают требование или даже приказ.

Русское речевое поведение может характеризоваться грубостью и наличием антиэтикетных форм поведения, способствующих возникновению отчужденности между собеседниками, нарастанию агрессивности и прекращению общения. Важную роль в структуре ситуации при этом играют речевые клише: *отстань, не приставай, оставь меня в покое, знать тебя не желаю, не попадайся мне на глаза, чтоб духу твоего здесь не было* [4, 47-48].

Указанные клише встречаются в диалогах персонажей В. Астафьева и В.М. Шукшина:

– Поломойка! Нищенка! **Чтоб духу твоего здесь не было!** – сорвалась Нелли Сергеевна на крик [1, 700].

– Обормоты, – говорил он на ходу. – Не были же, не были – и в глаза врут стоят. **Штыбы бы вам околеть, не доживая веку! Штыбы бы вам... жены злые попались!** [9, 77].

Этикетные речевые жанры отражают социальную регламентированность, подчиняясь законам социально дифференцированного применения языковых единиц. Например:

1) ... баба с корзиной, перемахнув на него, задышило твердила:

– **Дай тебе, Митяй, бог здоровья! Вот дай тебе бог...** [3, 167].

2) Еще постояли.

– **Ну, с богом!** – сказал старик [8, 321].

3) Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:

– **Спаси тебя Христос!**

И вышла из камеры [8, 424].

Формы этикетных высказываний способствуют передаче социальной характеристики персонажа и указывают на возрастные особенности литературных героев. В приведенных контекстах формы «**Дай тебе бог здоровья!**», «**С богом!**», «**Спаси тебя Христос!**» употребляются преимущественно в речи пожилых людей.

Русский коммуникативный стиль, отражая коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции, находит яркое воплощение в произведениях В.П. Астафьева и В.М. Шукшина.

Литература

1. Астафьев В.П. Жестокие романы. Рассказы. – М.: Эксмо, 2002. – 864 с.
2. Астафьев В.П. Последний поклон. – М.: Детская литература, 1983. – 232 с.
3. Астафьев В.П. Рассказы. – М.: Советская Россия, 1984. – 480 с.
4. Брагина Н.Г. Невежливость как ритуал (речевые формулы антикоммуникативного поведения) // Ритуал в языке и коммуникации. – М.: Знак, 2013. – С. 45-57.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 587 с.

6. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.
7. Хисамова Г.Г. Речевой этикет в аспекте этнолингвистики и актуальные методические проблемы его изучения // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: Материалы Международной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2014. – С. 605-608.
8. Шукшин В.М. Собрание сочинений в шести томах. Т.2. – М.: Молодая гвардия, 1992. – 560 с.
9. Шукшин В.М. Собрание сочинений в шести томах. Т.3. – М.: Молодая гвардия, 1993. – 608 с.

©Г.Г. Хисамова, С.Р. Ишмуратова, 2015

А.О. Хужахметов
БашГУ, Уфа, Россия

Эволюция поэтики в восточной литературе

«Рамаяна» — вторая после «Махабхараты» великая эпическая поэма Индии, отразившая более высокий уровень общественного и культурного развития. Фантастические мотивы преданий и мифов памятника сочетаются с реальными чертами эпохи его создания. Стройность и единство содержания, позволяющие допустить единое авторство её основных частей, совершенная поэтическая форма и богатство выразительных средств сделали поэму одним из самых популярных произведений индийской литературы. Уже в средние века версии «Раманы» были хорошо известны в Тибете, Китае, странах Юго-Восточной Азии. «Рамаяна» является источником сюжетов многих литературных произведений Индии (Калидаса, Бхавабхути, Бхатти, памятники буддийской и джайнской литератур, переводы и переложения на бенгальском, малаяльском, маратхском и др. новоиндийских языках и т.д.) и за её пределами (перевод памятника на древнеяванский язык, на основе которого создан героический эпос на кхмерском, тайском, малайском и др. языках Индокитая и Индонезии). К первым проявлениям литературной древнеперсидской традиции можно отнести клинописные надписи царей Ахеменидской династии (558–330 до н.э.) и созданный на родственном древнеперсидскому авестийском языке, передаваемый устно священный свод зароастрийской религии Авеста (1 пол. 1 тыс. до н.э.). В нее входили: наиболее древняя часть – Гата (17 ритмизованных молитв, авторство которых приписывалось основателю древнеиранской религии Заратустре); книга Яшт, отражающая архаические представления персов

о связи общества с миром природы и одухотворении природных сил. В Авесте уже встречаются зародыши популярных фольклорных сказочных сюжетов и мифологические образы борьбы царства света и царства мрака, где решающая роль отводится человеку-богатырю.

Следующий, среднеперсидский период (3–7 вв. н.э.), характеризуется появлением собственно литературных произведений на разных диалектах среднеперсидского языка – пехлеви, парфянском, согдийском и др. Среди сохранившихся памятников того времени – эпическое «Сказание о Зарере», династийные хроники «Книга деяний Арташира Папакана», дидактическая поэма «Ассирийское дерево и коза». В среднеперсидский период была записана Авеста. Многие сочинения 3–7 вв. известны только по названиям, в том числе династийные хроники Книги царей, на основе которых впоследствии был создан иранский эпос Шах-намэ Фирдоуси.

В 7 в. персидские территории были завоеваны арабскими кочевниками и вошли в состав огромного Арабского халифата. Завоевания сопровождалась экспансией арабской культуры – распространением ислама, арабского языка и письменности. В свою очередь, арабская культура также испытала на себе влияние культур побежденных народов, в том числе персов. Однако уже в начале 10 в. халифат распался на отдельные эмираты, развивавшие собственную культуру при сохранении общей религии – ислама. Абу-л-Хасан Кисаи Марвази (р.963) был известен как мастер жанра описания, особенно развившегося позже, в 11 в. Кисаи начал череду «ответов» – насибов – на Старческую касыду Рудаки, мотивы которой впоследствии многократно варьировались в произведениях авторов 11–12 вв. «Ответ», как жанр, предполагал сохранение части мотивов и грамматического строя или рифмы оригинала в совокупности с возможностью изменений отдельных элементов исходного произведения, что свидетельствовало об искусстве импровизации на заданную тему и умении бесконечно развивать и ритмически повторять ее смысловой узор. В ответной касыде Кисаи на касыду Рудаки сохраняется лексика и грамматическое построение образца – вопросы самому себе и ответы на них, но мотив имеет иную интерпретацию. Рудаки печалился о своей необремененности семейными узами, Кисаи же, наоборот, сетовал на необходимость содержать большую семью.

Начиная с 11 в. большое влияние на формирование персидской классической литературы оказывали религиозные течения – исмаилизм и суфизм. Стал развиваться жанр назидательной касыды. Наиболее известным ее мастером был «пророк исмаилизма» поэт Насир Хосров (1004–1072). В своих религиозно-философских трактатах, диване из 12 тыс. бейтов, поэме Ровшанайи-намэ он осуждал придворную поэзию,

бичевал сельджукских феодалов, нападал на ортодоксальное духовенство, сковывавшее свободное развитие научной и философской мысли и требовал сострадания к беднякам. Причину зол и бед он видел в распространении «дурной веры» и «несправедливом правлении». Хосров заменил восхваление правителя восхвалением праведника – носителя духовных ценностей, отвергающего корысть и мирские соблазны и верящего в силу слова и разума. Так в персидской касыде появились мудрые афоризмы и моралистические замечания.

Исследователи, активно прибегающие в ходе исследований к сопоставлению литературных традиций Востока и Запада, отмечали, что в арабо-персидской традиции есть все, что и на Западе, но граница между эстетически приемлемым и неприемлемым все время проходит "не там, где ее хотелось бы провести европейцу". Не там она проходит в вопросе об отделении заимствованных образов от авторских при определении границ плагиата, не там проложен водораздел между гиперболой и вульгарным преувеличением, не там проведена линия, отделяющая сюжетное произведение от бессюжетного, не те черты обеспечивают единство и цельность произведения. Поиску подходов к этому таинственному "не там" и посвящен третий раздел нашей работы. В нем мы постарались показать, как может быть устроено воспринимающее художественное (литературное) сознание читателя (слушателя) родной арабской или персидской поэзии, на материале текстов, эксплицирующих правила построения ее художественного языка. Сюжетность иносказания, в котором сама метафора разворачивается как «смысловой нарратив», имеющий свою строго определенную логику построения и понимания, составляет, видимо, существенную основу эстетического переживания, характерного для арабо-мусульманской культуры. С этой точки зрения безобразно избыточен и цветист оказывается, к примеру, как раз такой привычный, если не сказать хрестоматийно-прекрасный, для читателя образ, как "гений чистой красоты". Мы можем проделать мысленный эксперимент и посмотреть на эти слова глазами классической исламской поэтики. Перевод этого образа на арабский или персидский (где он превратился бы в "пэри чистой красоты"), составляющий необходимый предварительный шаг для поэтологического анализа, тем более возможен, что образ этот генетически связан с восточными мотивами. "Гений чистой красоты" в его восприятии читателем передает ощущение тончайшего, но все же воплощения, чистой идеи, идеальности красоты; наличие этих двух смысловых элементов, "чистой красоты" и "гения", идеи и ее — столь неплотского — воплощения, принципиально для смысловой архитектоники образа. Иначе обстоит дело в случае выстраивания смысла в арабо-мусульманской интеллектуальной

культуре, где бесплотная идея не улавливается и не воплощается — в слове, где "гений" (пэри) уже (и всегда) несет в себе смысл "красота" как неназванный по имени — но тем более незабываемо присутствующий в поэтическом дискурсе. Оценки, даваемые иной культуре, неожиданно могут оказаться оценкой самого себя при взгляде со стороны — взгляде, не слишком внимательном к тем существенным основаниям, которые только и позволили бы воспринять иное как чужое, но не чуждое.

Венцом жанровой эволюции X в. становится макама, соединяющая в разных пропорциях особенности классической поэзии и новеллистики. Стилевой основой стал сложившийся к этому времени садж — особый размер рифмованной прозы. Здесь несколько новелл объединялись одним главным героем-рассказчиком, при этом сборники не имели самостоятельного названия, как персидские и древнееврейские. Широко известны "Собрание макам" Бади аз-Замана и "Собрание макам" аль-Харири. Макамы стали предтечей европейского "плутовского романа", появившегося в Испании в XVI в. В период расцвета макамы родился самостоятельный жанр – философская поэзия, в которой можно увидеть различие между мусульманской и эллинистической культурами. Первые переводы греческих источников этого жанра относятся к VIII в., но к X в. в произведениях Джахиза и Ибн ар-Руми уже нет откровенного подражания, но создана система оригинальных воззрений. Таким образом, к XI в. классическая арабская литература представляла собой уникальное сочетание мусульманских религиозных и светских мотивов, противостоявших друг другу или сочетавшихся. Традиция жесткого подчинения жанру способствовала внутреннему их развитию. Но начиная с XI в. даже такое развитие замерло, что большинство исследователей трактует как упадок, хотя на самом деле это не совсем так. Именно в это время началась бурная литературная деятельность собирательного характера. Написаны обширные комментарии к древнейшим произведениям и их новые стилизации. В своих историко-биографических произведениях Ибн Халликан воссоздал образы великих людей прошлого. Авторы-компиляторы ас-Саалиби, Имад-ад-дин, аль-Исфахани составили несколько литературных антологий. Особое явление в средневековой арабской литературе представляют произведения авторов арабо-мусульманских областей Испании и Магриба. Развитие литературы Арабского Запада началось в VIII в. Чтобы сохранить восточную классику в завоеванных странах, были составлены объемные прозаические своды, систематизирующие и комментирующие наследие. Таким образом, в западно-мусульманской литературе сложилась новая сильная прозаическая традиция. Примеры художественной прозы — философская антология по литературе и истории "Уникальное

ожерелье" Ибн Абу Раббихи, произведения Ибн Хазма, Ибн Шухейда и др.

Литература

1. Баимов Р.Н. Великие лики и литературные памятники Востока. – Уфа, 2005.
2. Идельбаев М.Х. Башкирская изустная литература. – Уфа: БГУ, 2000.(на баш.яз.).
3. Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – 336 с.
4. История башкирской литературы. В 6-ти томах. Т.3. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. (на баш. яз)
5. Кунафин Г.С. Башкирская литература XIX – начала XX вв. – Нефтекамск: РИО НФ БашГУ, 2006. – 230 с.
6. Кунафин Г.С. Культура Башкортостана и башкирская литература в XIX – начале XX века. – Уфа, 2006. – 280 с.
7. Хусаинов Г.Б. Поэтика башкирской литературы. Первая часть/ – Уфа: Гилем, 2006. – 403 с.(на баш. яз.).

© А.О. Хужахметов, 2015

Чжан Мянъ

Нанчанский университет, Нанчань. Китай

Отражение ритуала чаепития в русских и китайских пословицах

Большинству фразеологизмов свойственна образность, содержание экспрессивных признаков. Национально-культурную специфику этих единиц передают используемые имена собственные, географические названия, бытовые реалии, традиции, обычаи, обряды, приметы, повседневное поведение, элементы специфического восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры [2; 3].

В русской культуре традиция гостеприимства издревле считается основополагающей. «Русским фразеологизмам свойственна метафоричность ...» [2, 132]. Устойчивую метафору мы находим в пословице *«Хоть не богат, а гостям рад»*. Доброе расположение гостю передается фразами *широкая душа, рад не рад, а гостя встречай* и др.

Традиция щедрого, богатого застолья и угощения гостей актуальна для русской культуры. Обычай не расспрашивать гостя, прежде не накормив, отражен в следующих русских фразеологизмах: *Без соли, без хлеба - худая беседа; не спрашивают: чей, да кто и откуда, а садись обедать; напои, накорми, а после вестей спроси; наперед накорми, а там уж поспроси*.

Поговорки и фразеологизмы в русском языке в основном имеют отношение к процессу чаепития. В русской культуре чай является символом приятного времяпрепровождения, отдыха и расслабления, приёма гостей, что очень чётко прослеживается в приведённых примерах. Большинство поговорок обозначают времяпрепровождение («баловаться чайком», «чай пить — не дрова рубить»), иногда они могут иметь даже негативный оттенок, отражая такую черту национального русского характера, как леность («гонять чай»). Также немалое количество пословиц относятся к чайному этикету, гостеприимству («обсудить за чашкой чая», «приходите к чаю — пирогами угощаю»). Все приведенные выражения дают нам право утверждать, что за время функционирования концепта «чай» в русском языке в России сложилась особая чайная культура, в рамках которой были сформированы определённые традиции чаепития, а чай стал неотъемлемой частью любого застолья.

Для сравнения нами были взяты пословицы и поговорки из «Словаря пословиц и поговорок китайского языка»:

Выращивание чая: 七掏金, 八掏银 · 十月掏掏平平心 Qitaojin, bataoyin, shiyuetaotaopingpingxin (пог.) Собранный в июле чай — золото (самый лучший), в августе — серебро, в октябре — хороший чай; 茶叶是时辰草 · 早采三天是宝 · 迟采三天是草 Chayeshishichencao, zaocaisantianshibao, chisantianshicao (пог.) Чайный лист — как утренняя трава, собранный в первые три дня — сокровище, а если опоздать на три дня, то он станет просто травой; 茶树不怕肥 · 无肥可加泥 · 熟泥加生泥 · 胜似吃高丽. Чай не зависит от удобрений, если нет удобрений, можно просто добавить глины и всё равно получить хороший урожай; 茶树不怕冷 · 就怕干风冻 Чай не боится низкой температуры, он боится сухого холодного ветра Словарь пословиц и поговорок китайского языка; 采摘多留叶, 来年多增产. Собирая чайный лист, оставьте больше листьев нетронутыми, и на следующий год ваш урожай увеличится; 平地有好花, 高山有好茶, 云雾山中出名茶. На равнине и в горах вырастает хороший чай, а там, где горы окутывает дымка облаков — лучший чай; 茶季施化肥, 冬季培生泥. Удобряйте чайный куст во время роста, а зимой добавляйте глины 头茶荒 · 二茶光; 若要春茶好, 茶山开得早. Первый год — неурожайный, во второй год урожая также мало; если хотите получить хороший урожай весеннего чая, то нужно заранее заняться выращиванием; 清明时节到 · 姑娘采茶忙 Qingmingshijiedao, guniangcaichamang (пог.) В

день поминовения усопших (начало апреля) девушки заняты сбором чая [4].

Поговорки, в которых отражено лекарственное действие чая, являются подтверждением тому, что чай употребляется в Китае не только как напиток, но и как лекарство [1]. В пословицах и поговорках китайского языка отражается и сам ритуал чаепития, что подчёркивает его важность в жизни каждого китайца (头茶香, 二茶苦, 三茶可口不可摘 – в первый раз налитый чай даёт прекрасный аромат, во второй раз налитый чай горек на вкус, в третий раз налитый чай вкусен и неповторим).

Литература

1. Сюй Х. Особенности китайского национального характера (часть 1) [Текст] / Х. Сюй // Молодой ученый. — 2011. — №2. Т.2. — С. 180-181.
2. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Автореф....дисс. докт. филол. наук. – Уфа, 2002. – 343 с.
3. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics// Педагогический журнал Башкортостана. – №1 (15). – 2015. – С.239-243.
4. 唐) 陆羽, 《茶经》, 中国工人出版社, 2003年版;
5. 关剑平, 《茶与中国文化》, 人民出版社, 2001年版。

© Чжан Мянъ, 2015

С.В. Чупринина
ГТУ, Тбилиси, Грузия

Различные виды речевой деятельности

Речевое общение предполагает наличие у студентов навыков и умений в различных видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме.

Аудирование, т. е. восприятие и понимание звучащей речи, представляет собой активный творческий процесс. Аудитор (слушающий) воспринимает и понимает уже сформулированные мысли. Этот процесс сопровождается сложной мыслительной деятельностью, напряженной работой памяти.

При чтении, говорении и письме студент может выбрать темп, который ему удобен, самостоятельно определить длину и количество пауз. Слушающий же полностью зависит от источника информации.

Существует прочная связь между слуховыми и артикуляционными навыками. При восприятии речи происходит в н у т р е н н е е п р о г о в а р и в а н и е. Если слушающий имеет возможность наблюдать за мимикой, жестикой и органами речи говорящего, это облегчает внутреннее проговаривание, поэтому живая речь преподавателя легче воспринимается студентами, чем запись на пленке или посредством компьютера (обучающие программы).

Значение внутренней речи для понимания услышанного очень велико. У начинающего аудитора внутренняя речь протекает интенсивно, без нее невозможно слуховое восприятие.

На начальном этапе слушание должно развиваться в тесной связи с говорением, так как говорящий не только производит речь, но и воспринимает ее на слух, что способствует установлению прочных связей между артикуляционными и слуховыми ощущениями. Поэтому аудирование следует предварять речевыми и фонетическими зарядками, имитацией.

Обучение аудированию начинается с формирования *фонематического* и *интонационного* слуха. Четкие произносительные навыки являются одним из условий, облегчающих процесс восприятия. Для развития речевого слуха существуют различные типы упражнений. Это могут быть задания типа «Слушайте и повторяйте следующие слова (словосочетания, предложения)». Студенты должны повторить предлагаемый материал после однократного предъявления. Упражнения на имитацию на уровне фразы могут быть такого типа: «Повторите фразу, соблюдая интонацию»; «Повторите фразу, трансформируя повествовательную интонацию в вопросительную и наоборот». Полезны для развития речевого слуха упражнения на вычленение звуков, слогов, слов, фраз, смысловых частей в предлагаемом изолированном или связном материале.

Большую роль при формировании навыков аудирования играет вероятностное прогнозирование. Языковой опыт, который уже имеется у студентов, способствует тому, что они могут, услышав часть слова, предложения или сообщения, прогнозировать его конец. Вероятностное прогнозирование проявляется на всех уровнях языка — от слога до текста. Например, понимание слов зависит от сформированности фонематического слуха, знания законов словообразования и сочетаемости слов, от умения соотносить значения слов, особенно многозначных, с контекстом. Для прогнозирования на уровне фразы существенным является знание типов синтаксических связей.

Таким образом, успешность аудирования зависит от сформированности лексических, грамматических и фонетических навыков. Только в том случае, если эти навыки достаточно автоматизированы, внимание студента может быть сконцентрировано на содержании и не отвлекаться на форму. Одним из видов упражнений на развитие навыков вероятностного прогнозирования на уровне предложения может являться следующее: «Слушайте предложения, закончите их: *Я купил компьютер, подключил интернет и...; Я вошел на сайт «Одноклассники» и прочел.... Теперь я могу свободно общаться с...; Мой брат хорошо плавает, потому что...; Моя сестра любит путешествовать, поэтому она...; Работа продолжалась, несмотря на то что...».*

Аудирование на уровне текста связано с умением удержать в памяти всю информацию, объединить разрозненные факты в общий контекст. Для того чтобы аудирование текста оказалось успешным, необходимо начинать с тщательной отработки нового материала на этапе объяснения. Следует предлагать упражнения в аудировании микротекстов (смысловых кусков) до полуминуты звучания, что составляет примерно 50 слов.

Как уже было сказано, аудирование речевых сообщений связано с деятельностью *кратковременной и долговременной* памяти. Чтобы понять предложение, студенты должны удержать в сознании всю звуковую последовательность слов, из которых состоит данное предложение. Чем оно короче, тем легче его запомнить. Психологи установили, что объем кратковременной памяти ограничен, поэтому при обучении аудированию на начальном этапе рекомендуется использовать предложения, длина которых не больше 5-7 слов. Постепенно увеличивая длину предложений, можно довести их объем до 10-12 слов. То же относится к количеству предложений и смысловых кусков в целом тексте.

Итак, кратковременная память удерживает поступающую в процессе восприятия информацию. Затем нужная часть информации поступает в долговременную память, где хранятся слова, словосочетания и синтаксические структуры, правила и схемы их соединения. Объем кратковременной памяти можно увеличить с помощью специальных упражнений. Например: «Прослушайте ряд слов, словосочетаний или предложений, повторите их»; «Прослушайте предложение или ряд предложений дважды; установите, что в них добавлено или опущено»; «Слушайте и повторяйте предложения» и др.

Понимание текста и на родном, и на иностранном языке связано с переходом от внешнего развернутого оформления мысли к сокращенному, компрессированному общему смыслу высказывания. О полноценном понимании воспринятого сообщения можно говорить только в том случае, когда слушающий способен в нескольких словах передать его основное содержание. Если студент понял все слова и фразы в прослушанном сообщении, но не может сказать, в чем заключается основная мысль, идея рассказа, это означает, что не достигнут высший уровень понимания. Необходимо тренировать студентов в перефразировании услышанных предложений, формировать у них *навыки эквивалентных замен* одних слов текста другими с целью сокращения, компрессии полученной информации. Это способствует более глубокому осмысливанию, пониманию воспринимаемого сообщения. Можно использовать задание типа «Прослушайте рассказ и передайте его в максимально сжатой форме»; «Прослушайте текст и озаглавьте его» или «Из ряда данных

заглавий выберите наиболее адекватное»; «Составьте план к тексту»; «Прослушайте текст и сформулируйте его основную идею» и др.

Итак, чтобы обеспечить процесс аудирования на изучаемом языке, необходимо в первую очередь формировать артикуляционные навыки, развивать фонематический и интонационный слух, вероятностное прогнозирование, кратковременную память и навыки эквивалентных замен.

Успешность аудирования зависит, с одной стороны, от самого слушающего (его памяти, внимания, интереса, развитости речевого слуха), с другой — от условий восприятия (темпа, количества предъявлений, продолжительности звучания и др.), а также от языковых сложностей речевых сообщений. Важно учитывать, насколько предлагаемые сообщения соответствуют речевому опыту и знаниям студентов.

Рассмотрим некоторые наиболее важные условия, в которых протекает восприятие и понимание речевых сообщений.

Темп речевых сообщений зависит от важности и новизны информации. Более важная информация сообщается медленнее, путем подчеркивания долготы гласных, второстепенная — более быстро. Темп речи тесно связан с другими средствами выразительности — с ритмом, ударением и паузами. Быстрый темп речи, который превышает возможности слушающего, приводит к падению активности и снижению уровня понимания. Слишком медленный темп речи также мешает успешному аудированию, поскольку при таком предъявлении растягивается время восприятия, внимание слушающего отвлекается на форму, затрудняется синтезирование, происходит более быстрое утомление и ослабляется произвольное внимание.

В процессе речевого общения наиболее распространенным является средний темп речи (примерно 220-240 слогов в минуту), с небольшими отклонениями в ту или другую сторону, которые обозначаются как темп «выше среднего» или «ниже среднего». На начальном этапе рекомендуется начинать обучение с несколько замедленного темпа (путем увеличения длины и количества пауз). Этот темп равен примерно 180-220 слогам в минуту или 60-70 словам в минуту (Программа по РКИ).

Известно, что повторное прослушивание сообщения улучшает понимание, способствует извлечению новой информации, более глубокому ее осмыслению и лучшему запоминанию. Повторное прослушивание может быть двух видов: двукратное предъявление одного и того же текста; повторное предъявление модифицированного текста. В аудитории двукратное предъявление одного и того же текста целесообразно лишь при установке на последующий пересказ или обсуждение текста. Повторному прослушиванию предшествует контроль понимания с по-

мощью вопросов общего характера и формулировка новой практической задачи, которая мобилизует внимание слушающих на более зрелое понимание.

Объем сообщения измеряется либо количеством слов или предложений, либо временем звучания. Для начального этапа рекомендуются несложные тексты описательного или повествовательного характера, состоящие из 3-6 предложений, число которых затем увеличивается до 10-15. Обычно рекомендуют начинать обучение аудированию с текстов продолжительностью до 3 минут звучания. Такой объем текста принято считать оптимальным, так как он не превышает возможности студентов в удержании информации.

Тексты, выбираемые для аудирования, должны соответствовать возрастным особенностям и интересам учащихся, иметь несложный сюжет со строгой логикой и причинностью, представлять разные формы речи (диалогическую и монологическую), располагать избыточными элементами информации. Наличие в тексте вводных слов, повторов, синонимических выражений, связующих слов облегчает прогнозирование, улучшает деятельность памяти. К избыточным элементам относятся также и внеязыковые элементы речи: повышение и понижение голоса, ритм, паузы, жесты, мимика. Они уточняют содержание, способствуют удержанию внимания.

Восприятие речи на слух начинается с выделения смысловых ориентиров. В первую очередь сюда следует отнести интонацию (как признак связи слов и предложений), ритм, паузы, логическое ударение, ускорение или замедление темпа. Эти опоры должны не только соответствовать содержанию, но и выражать эмоциональное отношение говорящего к сообщаемым фактам и явлениям. При нейтральном, неакцентированном говорении понимание значительно снижается. В качестве смысловых ориентиров употребляются также вводные слова, повторения, риторические вопросы и др. При комбинированном звукозрительном предъявлении речевых сообщений широко используются схемы, рисунки, заголовки, подчеркивания, шрифтовые выделения и др.

Заголовки знакомят с темой речевого сообщения и создают определенную направленность мысли. Рисунки являются подсказывающим ориентиром: они способствуют языковой догадке, возбуждают интерес, помогают удержать в памяти последовательность излагаемых фактов. Зрительная опора важна не только для смыслового понимания, но и для последующей передачи содержания. При обучении аудированию следует учитывать, что слуховая память у большинства людей развита хуже зрительной и любое визуальное подкрепление способствует точности и полноте понимания сообщения.

© С.В. Чуприна, 2015

Уровень сформированности компетенции в ракурсе общественного интеллекта

Качество процесса формирования компетенций определяется путем отслеживания динамики продвижения студентов по уровням.

Для характеристики уровней сформированности любой компетенции нами были выбраны три уровня: грамотность, функциональная грамотность, компетентность [1].

Далее рассмотрим каждый из них.

Первый уровень образованности – грамотность. Грамотность характеризуется способностью использовать элементарные способы деятельности, какими являются чтение, письмо, счет, т.е. элементарные социальные каналы кодирования, средства приема и передачи информации в системе биосоциальной педагогики. Уже само то, что эти способы являются элементарными, связывает их, с одной стороны, с достигнутым обществом уровнем развития, с другой – постоянным изменением границ грамотности. Если сто лет назад в определенных случаях было достаточно какой-то степени грамотности, то сегодня речь идет о более сложных ее формах (например, компьютерная грамотность).

Второй уровень образованности – функциональная грамотность. Она характеризуется степенью овладения средствами познания основных видов жизнедеятельности. Функциональная грамотность включает в себя способности решать стандартные жизненные задачи на основе прикладных знаний в различных сферах жизнедеятельности.

Противоположное функциональной грамотности – функциональная неграмотность, которая говорит о том, что наличный уровень знаний, умений и навыков не позволяет полноценно функционировать в обществе. Функционально неграмотный человек – неграмотный не только в профессиональной деятельности, но и неспособен разбираться в технических инструкциях, программах политических партий, в любых сложных текстах.

Функциональная грамотность имеет несколько признаков:

- готовность к повышению уровня образованности на основе осознанного выбора программ общего и профессионального образования;
- способность к выбору профессии, ориентации в политической жизни общества, выбору социально ценных форм досуговой деятельности, самостоятельному решению семейно-бытовых проблем, защите своих прав и ориентации в своих обязательствах;

- готовность к жизни в современном мире, ориентация в его проблемах, ценностях, нравственных нормах, понимание особенностей жизни в крупном городе, ориентация в возможностях этой жизни для удовлетворения своих духовных процессов; ориентация в духовном понимании мира;

- способность к коммуникативной деятельности в незнакомой среде, в том числе способность к диалогу с представителями других культур.

Обратим внимание на то, что в данной характеристике признаков функциональной грамотности более всего признаков общественного характера. Видимо, это вызвано тем, что общественный статус любого выступает основой его профессиональной и другой характеристики. Исследователи говорят о том, что к окончанию школы выпускники, к сожалению, лишь частично овладевают функциональной грамотностью, особенно в части общественно-политической грамотности. Примеры регионов и крупных городов говорят о необходимости принятия специальных программ по ее формированию. Отметим еще и то, что проблема функциональной грамотности относится также к числу глобальных. Здесь речь не идет только о наличии какой-то ступени образования у человека. Функционально неграмотным можно быть и тогда, когда у человека такое образование имеется. Иными словами, можно сказать, что функционально неграмотным считается человек, который прошел курс обязательного школьного образования, но не владеет навыками чтения, письма, счета в той мере, в которой это необходимо для решения проблем повседневной жизни (Ж.-П.Велис).

Третий уровень образованности – компетентность. Она рассматривается как способность ориентироваться в определенном круге вопросов и характеризуется степенью овладения теоретическими средствами познавательной или практической деятельности. Связывая с образованностью, компетентность можно определить как уровень образованности, которая характеризуется способностью решать задачи в различных сферах жизнедеятельности на основе глубоких специальных теоретических знаний. В данном определении более важным является способность к решению задач, а не простая сумма каких-либо знаний.

С таким утверждением можно связать и потребность в необходимости поворота образовательной деятельности в сторону формирования указанной способности, и в ближайшее время ценность образования любой ступени будет определяться именно этим. Показательными в этом смысле в учебном процессе являются теоретические дисциплины, обслуживающие профессиональный блок учебного плана по направлениям «Лингвистика» и «Иностранные языки». Зачастую можно услышать от студентов тезис о том, что им не нужны такие теоретические

дисциплины, как «Теоретическая фонетика», «Теоретическая грамматика», «Лексикология», «Общее языкознание», «История языка». Подобного рода заявления указывают, как минимум, на два фактора. Во-первых, сам учебный процесс можно охарактеризовать как предметно-центричный. Преподаваемая дисциплина рассматривается не как средство формирования соответствующих профессиональных компетенций, а как цель формирования знаний студентов по соответствующему предмету. Соответственно, познание предмета происходит на втором уровне мышления, т. е. рациональном, дающем представление о сущностном содержании предмета, его внутренних связях. Однако этот этап познания является метафизическим, поверхностным, нерасчлененным, лишенным проникновения во все связи по историко-логическим и абстрактно-конкретным осям.

Второй фактор – это отсутствие функциональной составляющей преподаваемого предмета, социального канала и программного обеспечения. Это означает, что ни сам преподаватель, ни студенты не видят в преподаваемом теоретическом предмете инструмента формирования профессиональной компетенции, не осознают роль освоенной студентами информации в решении конкретных профессиональных задач. Поэтому можно сказать, что преподавание теоретических предметов в парадигме ЗУНов происходит схоластично, а сами технологии преподавания теоретических дисциплин не предусматривают подготовку студентов к решению профессиональных задач.

Практическая деятельность в вузе в качестве преподавателя кафедры межкультурной коммуникации и перевода и руководителя практики показывает, что, зачастую, отсутствие функциональной составляющей учебного процесса приводит к трудно разрешимым профессиональным ситуациям, когда даже отличные предметные знания, но отсутствие межпредметных связей у субъекта интеллектуальной ситуации, приводили к фрустрации иноязычной коммуникации.

Например, наш преподаватель педагогического университета с отличными знаниями английского языка и даже достаточным переводческим опытом был приглашен в качестве переводчика для хоккейной команды на международный турнир. Ничто не предвещало провала. Однако на следующий день попросили другого переводчика. Оказалось, что наш преподаватель допустил ряд погрешностей межкультурного плана: не придерживался межкультурной стратегии ведения диалога, свойственной конкретным участникам коммуникативной ситуации, добавлял свои субъективные комментарии к обсуждаемому вопросу, превысил функции межкультурного медиатора. Этот преподаватель владел в достаточной мере иноязычной компетенцией, но профессиональная межкультурная компетенция оказалась его слабой стороной, поскольку

допущенные ошибки являются следствием отсутствия знаний и навыков по таким предметам, как «Теория межкультурной коммуникации», «Психология личности». Примеров подобного рода можно привести неограниченное количество.

Литература

1. Гаязов, А.С. Образование и образованность гражданина в современном мире [Текст] / А.С. Гаязов. – М.: Наука, 2003. – 256 с

© О.А. Шабанов, 2015

Т.Д. Шабанова, Р.Я. Дмитриева
БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Культуруносная информация функциональной семантики предложных конструкций

Иллюстрацией проблемы культурной коннотации в семантике языковых знаков может служить классический пример употребления английского предлога *in* в предложении *The bird is sitting in the tree* и русского предлога *на* в предложении *Птичка сидит на дереве* при одинаковости денотативной ситуации. Различие в восприятии соотношения фигуры и фона в русском и английском языках является тем, что Талми называл культурным предвыбором [6]. Существуют разные объяснения подобного рода различий, в частности, характерную для английского языка включенность - *in* объясняют малой территорией Британских островов, которые в отличие от континента содержат все внутри себя.

Пространственные предлоги, равно как и постфиксы, и наречия в структуре фразовых глаголов, а также паремических структурах, могут характеризоваться как пространственной, так и функциональной семантикой. В данной статье мы не будем подробно останавливаться на топологической и геометрической семантике английских предложных конструкций, а остановимся на понятии функциональной семантики и ее проявлении в английских предложных и наречных конструкциях, поскольку именно функциональная семантика предложных фраз является источником специфических культуруносных смыслов.

В ряде исследований описание функциональной составляющей значения локативной единицы рассматривается как описание функциональных вариантов для каждой локативной единицы, как его дополнительные смыслы или идиоматические формы [7]. В ряде других работ функциональное значение трактуется в контексте многозначности глагола [2]. Так, Лакофф писал, что значения каждой языковой единицы образуют радиально организованную категорию с центральным членом

и связями, которые определяются трансформацией образной схемы и метафорами [3, 455].

Исходя из истории вопроса, непространственные, или функциональные смыслы пространственных предлогов и наречий трактуются по-разному. Так, в работе [2] функциональные смыслы трактуются только как метафорические выражения в контексте паремии или стертых метафор. Однако в ряде работ по глубинной пространственной семантике эти нетривиальные смыслы трактуются в контексте функциональной семантики, являющейся частью пространственной семантики, но которая «отягощена» различного рода отношениями, которые как раз и являются источником культураносных смыслов [1].

Функциональные значения предлогов являются информацией об отношениях между X-ом и Y-ом, где X – это референт, а Y – это релятум. Важным мета понятием является Z как область релятума. Так например, в предложении 1. *Mary (X) was back standing by the stove (Y)* очевидно, что Mary не занята приготовлением пищи. Функциональная связь между X и Y отсутствует. В то время как в предложении 2. *Mary was at the stove* ясно, что Mary была у плиты, т. е. готовила. В 2 функциональная связь в виде деятельности X-а присутствует.

Важным в метаязыковом описании пространственных отношений является представление об «области» объекта как об особом формируемом им пространстве. Такое пространство может обладать материальной выраженностью (дорожки, полосы вдоль дорог и т. д.), но в основном это итоговый результат мысленного членения пространства. В этом случае в функции Y-а выступают здания, конструкции, помещения и т. д. Эти объекты служат естественными составляющими деления части общего пространства сцены. Например: 3. *Mary stood by the sofa*. 4. *Elizabeth was by the window*. 5. *The nurse has retired to the background by the head of the bed*. В данных предложениях описывается положение людей в общем пространстве сцены. При этом это пространство делится на сегменты. Пространство сцены может быть ограничено. Главным является наличие некого элемента, который может приниматься за пространство формирующий объект. В этом случае Y является пространственным центром определенной части пространства, он формирует ее благодаря своим физическим свойствам или своей роли конструктивного элемента в пространстве сцены.

В характеристике функциональных значений пространственной лексики в английском языке особое место занимает предлог *at*. В истории анализа семантики *at* можно выделить ряд ярких работ, которые трактуют значение этого предлога. Так К. Г. Лингвист отмечает, что *at* не выражает взаимоположение объектов [4, 706]. Другие лингвисты в своих определениях лишь описывали возможные параметры денотатив-

ной ситуации, когда употреблялся предлог *at*: *X* прилагается к *Y*-у или накладывается на место расположения *Y*-а [5, 384] или происходит совпадение двух точек при возможном отклонении от данного геометрического положения.

Т. Н. Маляр, описывая функциональное значение предлога *at*, предложила рассматривать его семантику как единство позиции в пространстве и непространственных признаков [1, 265]. Метапонятие *позиция в пространстве* отличается от просто понятия *пространство*. Так, предложение *The children were playing at the side-porch* имеет ограничение на употребление предлога *at*, поскольку предлог *at* не может локализовать действия, связанные с неупорядоченным передвижением в пространстве.

Важной характеристикой значения предлога *at* является непосредственная функциональная связь *X*-а и *Y*-а, при которой *X* осуществляет действия или деятельность, предусмотренную функциями *Y*-а. В этом случае позиция *X*-а определяется как рабочая позиция относительно *Y*-а. На этом концепте основано одно из значений предлога *at* – *at1*. Пространственный концепт, лежащий в основе значения *at1*, определяет сочетание денотатов *X*-а и *Y*-а. В этом случае *Y* – это артефакт или функциональное пространство, а *X* – лицо или «предмет-место», которое занимает человек в процессе «работы» с *Y*-ом.

К числу ярких аргументов функциональной семантики предлога *at* относится его употребление с компьютером как релятумом, поскольку компьютер предполагает осуществление рабочих операций: *He sat at the display, no: He sat in front of the TVset*.

Поскольку значение *at1* включает семантический элемент «выполнение действий, связанных с функциональным предназначением *Y*-а» эта информация, как правило, не дублируется в значении глагола-сказуемого. В большинстве случаев сказуемое выражено глаголом *to be*. *Ex.: There is someone at the door. He is at the telephone at the moment.*

В русском языке информация о характере деятельности включается в глагол-сказуемое (*звонят/стучат в дверь, говорит по телефону*), так как в нем отсутствует предлог, который бы так же однозначно, как английский предлог *at1*, определял местоположение *X*-а как позицию, связанную с выполнением действий или осуществлением деятельности, предусмотренных функциональным предназначением *X*-а.

У предлога *at* имеются дополнительные функциональные смыслы, которые можно задать закрытым списком. В этом случае релятум *Y* рассматривается не как самостоятельный единичный объект, а как один из членов определенной группы или множества однородных объектов.

Функциональные отношения характеризуют не только предлог *at*, но и другие пространственные предлоги и наречия, которые являются

источником культуросносных смыслов, что и будет являться предметом обсуждения в нашем исследовании.

Литература

1. Мальяр Т.Н., Селиверстова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Verlag Otto Sagner, Munchen, 1988.
2. Hawkins B.W. The Semantic of English Spatial Prepositions/ Dissertation Abstracts International (ISSN Pt 0412-42-09), 1984.
3. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago-London, 1987.
4. Lindkvist K.G. Comprehensive Study of Conceptions of Locality in which English Prepositions Occur. Stockholm, 1976.
5. Miller G, Johnson-Laird P.N. Language and Perception. Massachusetts, 1976.
6. Talmy L. How Language Structures Space //Spatial Orientation. Theory, Research and Application. New York, 1983. P. 225-281.
7. Taylor J.R. Contrasting Prepositional Categories: English and Italian//Topics of Cognitive Linguistics. Amsterdam/Philadelphia, 1988. P. 225-326.

© Т. Д. Шабанова, Р. Я. Дмитриева, 2015

Л.Р. Шамсутдинова
БашГУ, Уфа, Россия

Структурно-семантическая характеристика фразеологических единиц в русском и английском языках

Общее или целостное значение таких фразеологизмов не выводится из значений компонентов, поскольку они деактуализированы, а мотивируется внутренней формой, которая подлежит расшифровке. В области фразеологии мотивировка и выводимость разные явления. Например, значение фразеологизма «*носить воду решето*» - «бесцельно и безрезультатно трудиться» мотивировано, т.к. ясно «осознается его внутренняя форма, образ, лежащий в основе фразеологизма, но данное значение невозможно вывести из значения каждого компонента в отдельности, поскольку они деактуализированы в семантическом отношении» [5, 139]. К тому же, собственное значение компонентов вода и решето определить невозможно. А во фразеологизме «*от молодых ног*», «с молодых лет, смолоду», напротив, значение можно отчасти определить семантически доминирующим компонентом *молодых*, поэтому этот смыслообразующий компонент и включен в развернутое толкование. Фразеологизмы типа «*носить воду решето*» или «*на дружеской ноге*» не имеют внутренней формы, так как они не могут быть противопоставлены с точки зрения современного языкового сознания эквивалентному свободному словосочетанию из-за невозможности его образовывать. Подобным оборотам свойственна не мотивировка, присущая фразеологизмам с внутренней формой, а выводимость.

Как видно, «внутренняя форма участвует в образовании фразеологического значения, возникающего в результате метафорического переосмысления того словосочетания, которое формирует внутренний образ фразеологизма, его внутреннюю форму» [5, 138]. И именно этот образ предсказывает объект обозначения, т.е. несет указательную функцию, иначе мы не смогли бы говорить о мотивированности целостного значения.

Однако внутренняя форма как таковая не способна выступать в качестве дифференциального признака фразеологического значения и поэтому «нельзя определить фразеологизм при помощи слов, входящих в словосочетание, образующее внутреннюю форму» [3]. Например, при определении фразеологизма «*вилять хвостом*», «раболепно выражать свою покорность» невозможно использовать слова *вилять* – «колебать из стороны в сторону» и хвост «у животных: придаток на заднем конце тела». Нужно отметить, что двойным планом, буквальным и фигуральным, обладают только пословицы, такие как «*Кашу маслом не испортишь*», а фразеологизмы не могут употребляться одновременно в прямом и переносном значении, так как при употреблении в прямом значении фразеологизмы теряют свои характеристики и становятся свободными словосочетаниями такого же лексического состава.

В системе языка фразеологизмы тесно соприкасаются со словами и словосочетаниями, однако между ними существует существенное различие.

В составе свободного словосочетания слова употребляются в своих обычных, прямых значениях. А в составе фразеологизма, совпадающего по форме со свободным словосочетанием, «компоненты семантически преобразованы так, что семантически реализуется весь фразеологизм, а не его составляющие» [5, 141]. Для сравнения рассмотрим два примера: «*Парень рванулся в сторону с такой силой, что куртка на нем затрещала по швам*» и «- *Да, бывают положения, затрещит жизнь по всем швам*, - задумчиво говорит Ефим» [И.М. Лавров]. В первом предложении мы сталкиваемся со свободным словосочетанием, в котором слова «трещать» и «шов» реализуют свои прямые значения – «издавать треск, разрываться на части» и «место соединения сшитых кусков ткани», соответственно. Во втором предложении семантически реализуется весь фразеологизм «находится под угрозой краха, развала; расстраиваться, разлаживаться», а не его компоненты, собственное значение которых выявить сложно, поскольку они не связаны непосредственно с семантическим строем слов свободного словосочетания.

В тех случаях, когда семантически реализуется весь словесный комплекс и его составляющие, то мы можем говорить и о словосочетании в целом и о смысле отдельных слов, в то время как семантическая

реализация фразеологизма предполагает забвение смысла его составляющих [2].

Фразеологизм имеет раздельнооформленное строение и его значение создается семантическим взаимодействием всех компонентов, в отличие от слова, где лексическое значение порождается семантическим взаимодействием морфем, причем основную смысловую нагрузку несет корневая морфема, а остальные реализуют словообразовательное и грамматическое значение [4].

На уровне словосочетания, границей фразеологизма является фразеологическое сочетание. А на уровне предложения – поговорка или пословица. Нужно подчеркнуть, что в составе фразеологического сочетания наблюдается односторонняя семантическая зависимость, т.е. одно слово-компонент обладает фразеологически связанным значением, а другое является конкретизирующим, а в составе собственно фразеологизма отмечается обоюдная, сквозная семантическая взаимосвязанность компонентов. О семантической обособленности слов с фразеологическим значением акад. В.В. Виноградов говорит следующее: «для фразеологического сочетания характерно, что его лексические компоненты, хоть и плотно пригнаны один к другому, все же ощущаются как отдельные, имеющие свое особое значение слова. Правда, одно из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, употреблено не в свободном, связанном значении и, следовательно, не вполне самостоятельно. Но и оно не теряет здесь своей семантической раздельности, обособляемости. Ведь это несвободное слово легко может быть заманено синонимом, например, расквасить нос – разбить нос, обагрить кровью – окрасить кровью, сардоническая улыбка – язвительно-насмешливая улыбка и т.д.» [1, 137-138].

При этом фразеологические сочетания, по мнению Д.Н. Шмелева, могут подвергаться стяжению, т. е. когда слово, имевшее фразеологически связанное значение приобретает полную семантическую и грамматическую самостоятельность. Например, глагол *выйти* в составе фразеологических сочетания *выйти замуж* (за кого-либо) стал употребляться в том же значении вне сочетания с конкретизирующим словом *замуж*. А компоненты фразеологизма не способны актуализироваться, воспроизводиться отдельно, поскольку лишены лексико-семантической самостоятельности[7].

Близко примыкают к фразеологическим словосочетаниям многие составные термины и наименования такие как: «*белый медведь*», «*серная кислота*», «*мертвая зыбь*» (*зыбь при полном безветрии*). Как видно, в составе таких словосочетаний слова сохраняют лексико-семантическую самостоятельность, поэтому они не относятся к фразеологизмам.

Однако и среди них выделяется значительная группа образований фразеологического характера, типа *«анютины глазки»*, *«заячья лапка»*, *«мертвая голова»* и т.д., так как подобные наименования возникли вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания. Таким образом, по мнению Н.Н. Амосовой, включение терминологических сочетаний в разряд фразеологизмов, должно основываться исключительно на семантических свойствах компонентов.

Вопрос об объеме и границе фразеологии, а так же об отношении к ней паремий до сих пор неоднозначен. Одни лингвисты, такие как А.В. Кунин, Н.М. Шанский, И.И. Чернышева включают их в состав фразеологии, а другие, такие как А.М. Бабкин, М.Т. Тагиев, М.М. Копыленко отграничивают пословичные выражения от фразеологизмов.

«Пословицы, поговорки и крылатые изречения представляют собой законченное предложение в коммуникативном смысле» и не связаны со словом [6, 240]. Поговорки и крылатые изречения состоят из слов с определенным лексическим значением, поэтому слова могут быть выделены логическим ударением. Пословицы, имеющие переносное значение, семантически и синтаксически неделимы, а что касается фразеологизма, то его компоненты лишены актуального членения и, следовательно, не могут выделяться логическим ударением. Например, пословицы типа *«Бабушка надвое сказала»*, *«Игра не стоит свеч»*, *«Старого воробья на мякине не проведешь»* и т.д. не могут быть рассмотрены как фразеологизмы, так как соответствующие выражения не сочетаются со словом и представляют собой законченную мысль.

За пределами фразеологии остаются перифразы, т.е. описательные обороты, заменяющие общепринятые названия предметов, явлений и т.п., например, *черное золото* (нефть), *голубое золото* (газ), *царь зверей* (лев). Перифразы соотносятся с именем существительным, а фразеологизмы соотносятся с разными частями речи. Другой спорный вопрос во фразеологии – это ее объем и границы [6]. Некоторые ученые принимают узкое понимание фразеологии (А.И. Смирницкий Н.Н. Амосова), другие – широкое (С.Г. Гаврин, А.В. Кунин). В настоящее время преобладает широкое понимание фразеологии, т.е. объект изучения - устойчивые сочетания слов с осложненным значением, где нижняя граница – двусловное образование, а верхняя граница - сложное предложение, т.е. пословицы. Все, что выходит за пределы сложного предложения, к фразеологии отношения не имеет (загадки, прибаутки, считалки и т.д.).

Фразеология состоит из трех разделов: идиоматика, идиофразеоматика и фразеоматика. В раздел идиоматики входят собственно ФЕ, или идиомы (устойчивые сочетания слов с переосмысленным или частично переосмысленным значением). В раздел идиофразеоматики входят идиофразеоматические единицы (устойчивые сочетания, у которых

первый фразеосемантический вариант (т.е. один из значений фразеологизма) компонента имеет буквальное значение, но осложненное, а вторые идиоматические варианты – полностью переосмысленные значения). Например, *chainreaction* – 1) цепная реакция (науч. термин); 2) цепная реакция (полностью переосмысленный идиоматический вариант). Второй вариант – переосмысление первого, который является его прототипом. Переосмысление носит метафорический характер. В раздел фразеоматики входят фразеоматические единицы, или фразеологизмы неидиоматического характера, но обладающие осложненным значением. Например, *redbox* – красный кожаный ящик, в котором министры хранят документы; *short story* – рассказ, новелла; *Dutchcourage* – храбрость во хмелю; *Dutchfeast* – пир, на котором хозяин напивается первым.

Традиционные обороты, в которых семантическая структура не осложнена, например, *to fail one's duty* – не выполнить свой долг; *to hope for the best* – надеяться на лучшее; а также терминологические обороты, например, *visual navigation* – визуальное судовождение; *hydraulic brake* – гидравлический тормоз; не являются объектами изучения фразеологии, оставаясь в ведении лексикологии.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избр. труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – 290 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996 – 381 с.
3. Сираева Р.Т., Фаткуллина Ф.Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3; URL: <http://www.science-education.ru/117-13230> (дата обращения: 26.05.2014).
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт.филол.наук.– Уфа, 2002.– 343 с.
6. Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics // Педагогический журнал Башкортостана, №1 (15), 2015. – С.239-243.
7. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. Изд-е 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 280 с.

©Л.Р. Шамсутдинова, 2015

Функций языка в речевой деятельности

Речевая деятельность тесно связана со средством её реализации – языком, который создает механизм, ориентированный на всякого говорящего, являясь «базисным принципом речевой деятельности» [6, 715]. Речевое общение происходит на конкретном языке, и говорящие могут использовать только то, что имеется в норме и потенциальных возможностях данного контента. Однако речевое общение совершается в конкретных условиях, предполагающих использование определенных видов речевой деятельности. Таким образом, речевая деятельность опирается на функции языка, которые, в свою очередь, реализуются именно посредством речевой деятельности человека говорящего.

С расширением сферы изучения языковой динамики особый интерес вызывает проблема функций языка. Сами функции представляют собой проявление исконной сущности, назначения и действия языка в обществе, его природы, т.к. они (функции) являются лингвистическими характеристиками, без которых язык не может быть самим собой [2]. Изучение названных функций в речевой деятельности создает необходимую основу для познания сущности языка, проявляющейся в процессе его функционирования. Кроме того, возникает необходимость соотнесения данных функций с функциями различных языковых единиц с целью выявления доли их участия в реализации не только каждой отдельно взятой языковой функции, но и ряда языковых функций в совокупности.

Как бы ни были глубоко изучены строение и функции единиц языка, адекватное исследование может быть проведено лишь на уровне изучения закономерностей, свойственных языку в целом, т.е. во всей динамике речевого общения. Функциональное направление в лингвистике исследует содержание языковых единиц разных уровней, их системные соотношения и способы реализации в актах коммуникации с опорой на языковые функции. При этом описание отдельных единиц и их функций соотносится с внутренним механизмом, который позволяет языку воплощать в себе все результаты познавательного процесса и выступать посредником между людьми, обеспечивая их взаимопонимание в речевой деятельности [4; 3].

Под функциями языка следует понимать лишь те функциональные характеристики речевой деятельности, которые проявляются в любой разговорной ситуации. Функция языка, как научное понятие, есть практическое проявление сущности языка, реализация его назначения в системе общественных явлений, когда специфическое действие языка обуславливается самой его природой, как «то, без чего язык не может

существовать, как не существует материя без движения» [1, 67]. «Функция языка есть форма его существования» [8, 565]; функция же языковой единицы – это «свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и соответствующему функционированию в речи, вместе с тем реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [3, 7]. Определенные функции, как правило, не имеют в языке соответствующих им и закрепленных за ними элементов, потому что «они включены в одно единство, внутри которого они определяют друг друга и опосредуют» [7, 163].

При классификации функций, с точки зрения их предназначенности и употребления, следует учитывать, что функциональная система языка очень сложна. Функции бывают общими и частными, основными и второстепенными, первичными и вторичными. Подавляющее большинство лингвистов склоняется к мнению, что функций языка, которые могут быть отнесены к сущностным, должно быть немного. Это вполне соответствует современной тенденции науки к укрупнению категорий языка [1; 8; 9]. Двумя главнейшими, базовыми лингвистическими функциями являются *коммуникативная* и *когнитивная* (гностическая, познавательная). Другие функции (аккумулятивная, эстетическая, эмоциональная и другие) «относятся к второстепенным, производным от двух основных функций языка – быть средством общения и орудием познания» [5, 17].

Коммуникативную функцию соотносят с контактоустанавливающей (фатической), конативной (усвоения), волонкативной (воздействия) и функцией хранения и передачи национального самосознания, традиций, культуры и истории народа. С когнитивной (гносеологической, экспрессивной) функцией соотносятся функции орудия познания и овладения общественно-историческим опытом и знаниями, оценки (аксеологическая), денотации (номинации), референции, предикации и др.

Определяя язык как средство понимания и познания, некоторые лингвисты выделяют поэтическую и сциентетическую функции, к которым относятся конструктивная и метаязыковая функции [1; 8]. Многие связывают поэтическую (эстетическую) функцию с выражением эмоций и оценки, называя эту функцию эмоциональной, которая соотносится с модальной функцией и функцией выражения творческих возможностей, что проявляется в художественной литературе [10, 7].

При порождении различных типов высказывания и формирования целого сообщения определенные функции языка могут интегрироваться. К таковым относят: коммуникативную, когнитивную, номинативную и интерпретирующую. Названные функции составляют сущностную характеристику языка и обуславливают его природу во всех разговорных видах деятельности.

Рассматривая речевую деятельность как единство общения и обобщения, можно сказать, что язык выполняет различные функции в речевой деятельности, используя при этом разнообразные языковые средства. Функции языка являются важнейшим общим знаменателем, под который можно подвести номинативные и коммуникативные средства, различные в каждом языке. Все современные направления изучения функций языка в речевой деятельности можно объединить одной идеей – когнитивным взглядом на мир, когда антропоцентрический принцип изучения языка сводится к когнитивным задачам его описания, а именно к описанию роли языка в получении, обработке, фиксации, хранении, организации, накоплении, использовании и росте информации о мире.

Литература

1. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики / В.А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Электронный ресурс.
<http://slovarslov.ru/slovar/bes.html>
3. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136с.
4. Кильдибекова, Т.А., Гафарова, Г.В., Абдюкова, Л.А. Функционально-когнитивная систематизация лексики как основа дискурсивной деятельности // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012., Том 1., г. Уфа / отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2012. – 348 с.
5. Кодухов, В.И. Функции языка и речи и функциональная грамматика / В.И. Кодухов // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988. – 163с.
6. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – С.-Пб.: Научный центр проблем диалога, 1997. – 758с.
7. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 1. – 485с.
8. Слюсарева, Н.А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / Н.А. Слюсарева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 564 - 565.
9. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271с.
10. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 208с.

© В.А.Шарипова, 2015

Текстологический аспект перевода

Как известно, проблемы перевода – это проблемы связанные с анализом, пониманием и созданием текста. Текст выступает в качестве основной единицы перевода, поскольку понимание отдельных слов и высказываний зависит от содержания всего текста в целом. «Именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанном с интерпретацией перевода, и именно текст является предметом синтеза на его заключительном этапе» [7, 31]. Учитывая важную роль текста в переводе, некоторые исследователи пытаются связать стратегии переводчика с классификацией текстов. По мнению этих исследователей, подобная классификация отражает различия в общей стратегии переводчика, разную степень воспроизведения разных элементов или функций оригинала и роль переводчика как создателя текста перевода.

В.Н. Комиссаров [1, 65], рассматривая эти исследования, приводит в качестве примера концепцию немецкой исследовательницы К.Райс, опирающейся на теорию основных функций языка, предложенную австрийцем К.Бюлером. По мнению последнего язык выполняет три главных функции: функцию описания (сообщение информации), функцию выражения (эмоциональных или эстетических переживаний) и функцию обращения (призыв к действию или реакции). К.Райс предлагает выделять три типа текстов в соответствии с доминирующей в нем функцией, поскольку «именно тип текста наиболее надежно подсказывает, как следует переводить; именно тип текста, в первую очередь, определяет выбор средств перевода» [6, 203].

Первый тип текста, ориентирующийся в основном на содержание, охватывает деловые, научные коммерческие тексты. При переводе таких текстов основной задачей переводчика является наиболее полная и точная передача содержания. Второй тип текста, ориентированный на форму, включает в себя художественные тексты. Здесь от переводчика требуется сохранить идейно-эстетическое воздействие оригинала. Тексты третьего типа направлены на достижение экстралингвистического эффекта, поэтому в переводе должно быть точно передано это обращение к читателю. Таким образом, исследователь устанавливает зависимость между типом текста и способом его перевыражения.

Полемизируя с подобным принципом нормативно-содержательного соответствия, Л.К. Латышев замечает, что «не всегда скрупулезное воспроизведение предметно-логического содержания является непременным условием эквивалентного перевода», поскольку в

некоторых случаях «к широкому и весьма неопределенному (как иногда говорят «размытому») понятию «содержание» вполне закономерно можно отнести не только описываемую в тексте предметно-логическую ситуацию, но и все эмоционально-оценочные и стилистические элементы текста, все его особенности, воспринимаемые адресатом и воздействующие на рациональную и эмоциональную сферы его сознания» [2, 163].

По нашему мнению, очевидно, что на практике не всегда сохраняется подобное четкое разделение признаков текстов в зависимости от их функциональной направленности. Порой текст сочетает в себе признаки разных типов. В частности, рассматриваемый в нашем исследовании научно-популярный текст нельзя однозначно отнести к выделяемому К. Райс первому типу текстов. Вместе с тем, предложенный принцип типологической зависимости переводческих стратегий, несомненно, имеет важное значение. В экспериментальных исследованиях Н.П. Пешковой [4; 5], посвященных изучению механизмов формирования содержания и смысла письменного текста, получили подтверждение предположения о совпадении содержания и смысла при восприятии некоторых типов текста (в первую очередь – научных описаний, инструкций и т.п.).

Р.К. Миньяр-Белоручев разграничивает устный и письменный переводы в связи со спецификой задействованных в нем переводческих аспектов [3, 34-35]. Если в процессе устного перевода на первое место выдвигается проблема функционирования навыков и умений и вспомогательных средств перевода (система записей, технические установки), то при письменном переводе, который охватывает художественные произведения, все обстоит несколько иначе. В письменном переводе акцент делается на творческий аспект работы переводчика, умение правильно оценивать и выбирать языковые средства, сохранять стиль оригинала. «Передача образных средств языка, стилистических особенностей писателя больше зависит от литературного таланта переводчика, от его языкового чутья, чем от выработанных у него автоматизмов» [3, 35].

Что касается научных текстов, то здесь также есть своя специфика. Научные тексты характеризуются терминологической насыщенностью, передающей понятийный аппарат той или иной научной области, что требует специальной подготовки для их понимания и перевода. Успешность работы переводчика, по мнению автора, в данном случае больше определяется его познаниями в этой предметной области, умением оперировать терминологией, чем переводческими навыками. Отсюда автор делает вывод, что «письменный перевод обретает свою специфику лишь в связи с особенностями исходных текстов, с особенностями использованных в них языковых средств» [3, там же].

Таким образом, свойства исходного текста накладывают определенные ограничения на создаваемую реципиентом проекцию этого текста. В зависимости от функционального назначения текста варьируются переводческие стратегии. Кроме того, картина, которая складывается в сознании реципиента под воздействием исходного текста, подвергается некоторому искажению в силу личностных свойств данного реципиента (его знаний, опыта, отношения к сообщаемому и т.д.). В результате текст перевода представляет своего рода проекцию «проекции».

Литература

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
2. Латышев Л.К. Эквивалентность перевода // Отечественное переводоведение. Некоторые аспекты общей теории перевода: Хрестоматия. Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2003. – С. 153-175.
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Наука о переводе самостоятельная наука? // Отечественное переводоведение: Некоторые аспекты общей теории перевода: Хрестоматия / Сост. Н.М. Нестерова. - Пермь: Изд-во Перм. гос. тех. ун-та, 2003. – С. 28-37.
4. Пешкова Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2002. – 261 с.
5. Пешкова Н. П. Типология научного текста: психолингвистический аспект // Вопросы психолингвистики. – №1. – 2003. – С. 64–76.
6. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 202-205.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.-215 с.

© А.А. Шияпова, 2015

Е.В. Шпар
БашГУ, Уфа, Россия

Опыт использования информационно-коммуникационных технологий в организации аудиторной и самостоятельной работы студентов-филологов

Многие отечественные и зарубежные учёные (С.В. Титова, М.А. Бовтенко, Е.С. Полат, С.П. Сысоев, М. Краус, М. Воршер и др.) в своих работах подчёркивают, что использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в процессе преподавания иностранных языков и культуры стран изучаемого языка обеспечивает значительное повышение качества обучения. Обобщение идей разных учёных позволяет выделить основные факторы, обуславливающие такое

положительное влияние. Повышение качества обучения при использовании ИКТ достигается за счёт 1) предоставления большого объёма свежей и аутентичной информации, 2) комплексного воздействия на различные каналы восприятия путём использования мультимедийных ресурсов, 3) нелинейности предоставления информации (гипертекст вместо линейного печатного текста учебника, что в большей степени соответствует принципам мышления человека), 4) обеспечения многоканального и разнонаправленного взаимодействия преподавателя и студентов, 5) адаптивности и индивидуализированности процесса обучения, а также 6) высокой включенности студентов в учебный процесс. В результате применение ИКТ обеспечивает а) повышение мотивации, позволяет б) развивать широкий спектр умений в сфере иноязычного общения и в) прививать навыки автономной учебной деятельности.

По мнению С.В. Титовой, когда говорят об использовании новейших технологий в учебном процессе, обычно имеют в виду следующие виды интеграции: 1) использование уже созданных обучающих электронных заданий и материалов; 2) единичное применение некоторых Интернет-технологий, например, электронной почты, веб-конференций, вебинаров, сервисов веб 2.0. (блога, чата, видеохостингов, вики и т.д); 3) создание и использование авторских упражнений, тестов и веб-страниц на базе готовых программных оболочек, специализированных платформ/сервисов с использованием различных качественных информационных ресурсов, т.е. дидактическое переосмысление информационных веб-ресурсов: электронные версии газет; 4) создание и использование уникальных авторских сайтов, полностью основанных на программе курса, с заданиями, критериями оценки, возможностью общения между студентами, полезными ссылками и т.д. [3]. По вполне понятным причинам, на практике преподаватели, использующие ИКТ, переходят от уровня к уровню, постепенно набираясь опыта в результате самообразования и повышения профессиональной компетенции.

В данной статье представлена попытка описать и систематизировать личный педагогический опыт автора данной публикации по внедрению и использованию ИКТ в процессе преподавания ряда филологических дисциплин.

Первый уровень включает в себя использование готовых обучающих программ и упражнений, например, ресурсных дисков для преподавателя и интерактивных дисков для студентов, предлагаемых в рамках пакетов обучающих средств (учебник/рабочая тетрадь/книга для учителя + Teacher's CD Pack + Student's CD Pack) ведущими издательствами учебной литературы, банков упражнений, в качестве приложений к словарям на дисках, собственно обучающих программ и учебников. Официальные сайты издательств (Cambridge/Oxford University Press,

Pearson Education Ltd, Macmillan Publishers Ltd, Heinle-Cengage Learning, Express Publishing, etc), организаций, специализирующихся в сфере международных экзаменов, и других организаций, например, Британского Совета (British council), службы Би-Би-Си (BBC) представляют богатые коллекции разнообразных ресурсов для изучения английского языка. Использование подобных ресурсов для организации аудиторной и самостоятельной работы студентов позволяют начинающему преподавателю иностранного языка не только вносить разнообразие в традиционный урок, но и демонстрировать студентам, что обучение не ограничивается рамками работы в классе и домашнего задания. Использование подобных ресурсов, даже нерегулярное, указывает направление для самообучения как студентам, так и преподавателю.

Участие в работе различных он-лайн сообществ профессионалов в области преподавания иностранных языков (включающих, как правило, порталы, сайты, каналы на youtube, форумы, дискуссионные группы или личные блоги, предназначенные для обмена опытом [например: Dave's ESL Café [<http://www.eslcafe.com/>], Rong Chang Li site <http://www.rong-chang.com/>, Ресурсный центр МГУ «Learning and Teaching with the Web» [<http://learnteachweb.ru/web-resources.html>], Ресурсный центр НГТУ «Информационные технологии в обучении языку» http://www.itlt.edu.nstu.ru/masterclass_articles.php]

является следующим этапом в освоении возможностей использования ИКТ в процессе преподавания иностранных языков. Именно здесь преподаватель на практике в ходе обсуждения интересующих его/её вопросов знакомится с функциональными возможностями различных Интернет-технологий, например, веб-конференций, вебинаров, сервисов веб 2.0. (блога, чата, видеохостингов, вики и т.д) и тем самым морально и технически готовится к их использованию в качестве инструмента в своей профессиональной деятельности. Именно в результате такого самообучения преподаватель, при наличии желания и достаточной инициативности переходит от единичного применения некоторых Интернет-технологий (обычно электронной почты) к дидактическому переосмыслению информационных веб-ресурсов и технологий, т.е. к созданию и использованию авторских упражнений, тестов и веб-страниц на базе готовых программных оболочек и специализированных платформ/сервисов с привлечением более широкого спектра аутентичных качественных ресурсов (не только обучающих, а информационных в целом).

Поясним на конкретных примерах из опыта преподавания ряда дисциплин направления «Зарубежная филология» и попытаемся соотнести подобное применение ИКТ с конкретными методами обуче-

ния, признанными эффективными при их использовании в ходе преподавания иностранных языков.

Детальное и многостороннее изучение литературы стран изучаемого языка в рамках «Углублённого курса основного иностранного языка» и «Литературоведческого анализа текста» является неотъемлемой частью подготовки специалиста в области зарубежной филологии, т.к. через лучшие образцы художественных произведений студенты не только расширяют кругозор, развивают художественный вкус и приобщаются к культуре стран изучаемого языка, но и учатся критически мыслить, сопоставлять, самостоятельно приобретать и применять необходимые знания. Изучение биографии писателя и культурно-исторического контекста рассматриваемого произведения является чрезвычайно важным, но при этом нелюбимым студентами аспектом литературоведческого занятия. Вариантом активизации работы студентов в аудитории и, как следствие, повышения мотивации к изучению необходимых материалов самостоятельно в ходе подготовки к занятию, являются всевозможные *игровые элементы*: блиц-игры, соревнования команд или отдельных студентов в виде «интеллектуального футбола» или «ромашки». Однако, достаточно эффективно могут быть использованы способы активизации собственно самостоятельной работы студентов. Задание подобного рода может быть представлено, например, на платформе Padlet [<https://padlet.com/>], представляющей так называемые «стены» для проведения опросов либо создания совместных проектов в виде мультимедийной стенгазеты. Преподаватель подбирает для размещения на данной платформе (напрямую или в виде ссылок) разнообразные качественные ресурсы: один или несколько *текстов биографии*, например, с официального сайта писателя, сайта его поклонников, сайта музея, литературной энциклопедии, *видео материалы* – документальный фильм/передачу о писателе, например, канала BBC, видеозапись лекции о писателе либо литературном направлении с научно-популярных порталов, например, сайта некоммерческого проекта TED (англ. Technology, Entertainment and Design: Ideas Worth Spreading) [<http://www.ted.com/>] либо с сайтов, предоставляющих доступ открытым лекциям, таких как сайт Массачусетского технологического института [<http://ocw.mit.edu/index.htm>] или к «массовым открытым онлайн-курсам» (англ. Massive open online courses, *МООС*), например, сайт виртуальной академии, основанной С. Ханом, выпускником Массачусетского технологического института и Гарварда [<https://www.khanacademy.org/>] или Coursera – проект в сфере массового онлайн-образования, основанный профессорами информатики Стэнфордского университета Э. Ыном и Д. Коллер

[<https://www.coursera.org/>], а также, при возможности, *аутентичные письма, интервью, записи голоса или видеозаписи самих писателей*. Таким образом, материал подбирается как для задания в формате «Мультимедийного альбома/каталога» (“Multimedia Scrapbook” термин Майкла Крауса [6]), направленного на усиление заинтересованности студента через выработку собственного отношения к изучаемому материалу (англ. «connecting affectively»). Активность студентов обеспечивается и самим заданием – разместить краткую информацию о представляющихся студенту наиболее важными либо интересными фактах биографии писателя в виде записи на «стене», сопроводив фотографией, рисунком и т.п., найденными самостоятельно, не повторяя уже размещённых однокурсниками заметок. Полученная в результате совместной мыслительной деятельности мультимедийная стенгазета, используется как самими студентами в ходе подготовки к занятию (она должна быть закончена за сутки до аудиторного занятия), так и в качестве основы для дискуссий в рамках аудиторного занятия.

Платформы Padlet и Blogger [<https://www.blogger.com/>] могут также быть эффективно использованы для визуализации словаря, без которого знакомство с иноязычной культурой невозможно. Так, “Georgian house” (дом в архитектурном стиле Георгианской эпохи) или “wisteria” (глициния или вистерия – высокое древовидное вьющееся субтропическое растение с крупными кистями душистых лиловых цветков) необходимо увидеть, иначе они остаются для студентов «пустым звуком». Блог или стена Padlet, постоянно пополняемые студентами в соответствии с заданиями на самостоятельную работу, являются реализацией как *метода обучения в сотрудничестве*, так и *метода взаимообучения*. Следующей качественной ступенью реализации указанных методов является подготовка студентами в группах, а затем индивидуально мини-уроков (20 минут) изучение отдельных рассказов, экранизаций анализируемых произведений и т.п. Финальный творческий проект представляет собой многоаспектную, методически обоснованную презентацию нового автора и 1-2 рассказов (45 минут). Практика применения подобных заданий показывает чрезвычайную заинтересованность студентов, желание и способность проявлять инициативу, делать выбор и работать творчески, справляясь с возникающими трудностями. Следует также отметить, что сами студенты активно используют разнообразные игровые элементы при проведении мини-уроков: копилка мудростей, тренерский инструктаж, экспертные группы, дискуссионные клубы, интеллектуальный футбол, – лишь некоторые из них.

Метод взаимообучения также можно реализовывать с привлечением информационных технологий, например, на основе программной оболочки HotPotatoes, позволяющей преподавателям создавать 5 основ-

ных форматов обучающих электронных упражнений (crossword, quiz, cloze, matching, etc.) [<http://hotpot.uvic.ca/>]. Это бесплатное, простое и понятное в освоении программное обеспечение, а преимущество предлагаемых форматов в том, что они задуманы в первую очередь как обучающие, а не контролирующие средства (благодаря возможности добавить пояснения, подсказки и т.п.). Студенты достаточно быстро осваивают все функциональные возможности программы и с большим энтузиазмом выполняют не только подготовленные преподавателем упражнения, но и задания по созданию собственных тренировочных упражнений по различным темам, например, по изучаемому лексическому материалу или стилистическим приёмам на основе данной оболочки. Создаваемые самими студентами упражнения могут быть также использованы одноклассниками для закрепления изучаемого материала в классе или дома. Важнейшим условием успешности и эффективности в данном случае является контроль преподавателя на подготовительном этапе, т.е. на этапе подбора материала для упражнения. Другие популярные программные средства включают: Quia (Quintessential Instructional Archive with Templates for creating 16 types of online activities) [<http://www.quia.com/web/>], Internet TESL Journal's Self-Study Quiz Projects [<http://iteslj.org/quizzes/tour.html>] и т.д.

Описанные выше способы интеграции ИКТ в процесс преподавания иностранных языков, используемые в комплексе, способствуют снятию эмоционального напряжения, созданию творческой атмосферы и формированию познавательной мотивации. Многие обучающиеся остаются активными и не теряют интереса к предмету и после завершения его изучения, о чём свидетельствует участие студентов, завершивших курс, в дискуссионных группах по предмету (например, на платформе Google Discussions или Blogger) и их желание и готовность делиться ссылками на интересные ресурсы с преподавателем и другими студентами.

Однако, наивысшим уровнем внедрения ИКТ в преподавание (для преподавателя) и наиболее многообещающим и перспективным (для студента) является создание и использование уникальных авторских сайтов, полностью основанных на программе курса, с заданиями, критериями оценки, возможностью общения между студентами, полезными ссылками и т.д. Большинство учебных курсов в зарубежных университетах преподаются на основе веб-программ (или динамических программ), которые становятся все более и более популярными и в нашей стране, поскольку обладают несомненным по сравнению с печатными аналогами преимуществами. Подобные программы создаются на основе специального программного обеспечения, «обучающих сред», например, Moodle [<http://moodle.org/>], NiceNet [www.nicenet.org/], Wikispaces

[<https://www.wikispaces.com/>], TeacherPage [<http://teacherpage.com/>]. Структурированный характер подачи материала в рамках такой программы помогает студентам быстро привыкнуть к формату работы и получать максимальную пользу от систематической интеграции информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения. Нельзя не согласиться со специалистом в данной области, профессором МГУ С.В. Титовой, что «создание и реализация динамической программы представляет собой долгий и трудоемкий процесс, но применение этой педагогической технологии позволяет значительно расширить рамки учебного процесса, сделать его более интересным, эффективным и оптимальным, увеличить мотивацию обучающихся, поэтому анализ международного опыта, распространение и разработка моделей, основанных на использовании компьютерных технологий, являются весьма актуальными в данный момент» [3].

Литература

1. Бовтенко М.А. Создаем компьютерные учебные материалы самостоятельно // Информационные технологии в обучении языку. Мастер-класс. Ноябрь, 2004. – URL: <http://www.itlt.edu.nstu.ru/article11.php>
2. Сысоев П.В. Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании. Обучение иностранному языку. – М.: Изд-во URSS, 2013. – 264 с.
3. Титова С.В. Динамическая программа как пример использования Интернет-технологий в учебном процессе // Всероссийская научная конференция "Научный сервис в сети Интернет". – М.: Информика, 2002. – URL: <http://ict.edu.ru/vconf/files/382.doc>
4. Титова С.В. Ресурсы и службы Интернета в преподавании иностранных языков. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 269с.
5. Krauss M.D. Integrating the Internet into the Classroom: An Online Course ©1998-2015. – URL: <http://www.lclark.edu/~krauss/usia/home.html>
6. Krauss M.D. Let's Create Web-based Learning Activities // ORTESOL Conference Portland, Oregon, October 27, 2000. – URL: <http://www.lclark.edu/~krauss/ORTESOL2000web/home.html>
7. Warschauer M., Shetzer H. & Meloni C. Internet for English Teaching. – Alexandria: TESOL, Inc., 2000. – 178 p.
8. Warschauer M.; Whittaker P. Internet for English Teaching: guidelines for teachers // TESL Reporter 30, 1 (1997). – pp. 27-33 URL: <http://www.aitech.ac.jp/~iteslj/articles/warschauer-internet.html>

© Е.В. Шпап, 2015

Античные аллюзии в романе А.С. Байетт «Детская книга»

Роман «Детская книга» (2009) английской писательницы А.С. Байетт мало изучен как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении с точки зрения его интертекстуальности. Между тем роман содержит множество вставных текстов (письма, сказки, выдержки из газет), а также отсылок к античной и кельтской мифологиям. На наш взгляд, древнегреческие и древнеримские мифологические аллюзии позволяют с наибольшей выразительностью раскрыть образы основных действующих героев, а также выполняют прогностическую функцию.

Одна из героинь романа носит имя римской богини плодов Помона. Юная и трудолюбивая, долгое время из-за любимой работы в саду она не отвечала взаимностью на ухаживания многочисленных юношей. И только Вертумну, покровителю смены времен года, удалось сделать Помону своей женой. С тех пор они вместе стали заботиться о процветании плодоносных садов. Романная же Помона, как отмечает А.С. Байетт, «не очень похожа на яблоко, <...> скорее на бледный нарцисс» [2, 35]. И это объяснимо: девочка, ставшая жертвой отца-тирана и страдающая лунатизмом, не может соответствовать своему божественному имени. Ее брат Герант, напротив, «похож на Пана, <...> дикий мальчишка, замаскированный под обычного, настоящего» [2, 215]. Он, в отличие от сестры, целеустремлен и старателен, хочет вырваться из домашнего заточения, и это ему удастся. Пан в греческой мифологии энергичен, любит вино, веселье, «полон страстной влюбленности и преследует нимф» [4, 279]. Герант не зря сравнивается с этим божеством: он быстро делает хорошую карьеру на банковском поприще, а тяга к посещению публичных домов гармонично сочетается в нем с любовью к Флоренции Кейн.

Примечательно и то, что Пан – сын нимфы Дриопы. Согласно «Метаморфозам» Овидия, Дриопа, по незнанию сорвавшая цветы с дерева, в котором жила нимфа Лотос, сама превратилась в растение. В романе мать Геранта, Серафита Фладд, мало напоминает живого человека, она слишком отстранена от окружающей действительности: «сказала, глядя в пространство» [2, 151], «сказала безо всякого выражения – безмятежно» [2, 161], «глядела прямо перед собой, мечтательно и рассеянно» [2, 188], «обзавелась нынешним пустым, безучастным взглядом» [2, 289].

Глава семьи Фладд – известный гончар Бенедикт, гений и злодей в одном лице. Именно под его руководством осваивает ремесло еще один герой романа, Филип. «Прометеева ваза», которую он увидел в

коттедже Августа Штейнинга, покоряет его с первого взгляда: «Прометей из глины телесного цвета распростерся на сверкающей бирюзовой выпуклости крышки. Огромный зелено-золотой орел сидел у него на бедре и животе, разрывая клювом алую печень. <...> Он даже приблизительно не представлял, как сделаны эти глазури, не говоря уже о том, чтобы понять сюжет» [2, 99-100]. Согласно мифу, Прометей создал людей из глины и воды, этим же ремеслом зарабатывают на жизнь и гончары в романе. Здесь это искусство наделяется божественным смыслом: «Гончар – раб стихий <...>. Это очищающий огонь и в то же время демонический» [2, 184]. Однако Филип в конце произведения сам становится похожим на творение Прометея. Участвуя в войне, он едва не погиб, утонув в грязи. Лежа «в глиняном футляре» [2, 818], Филип рассуждает о том, что «это хорошая смерть для горшечника – утонуть в море глины. Глины и крови» [2, 818].

Одной из основных проблем в романе «Детская книга» является проблема личных отношений и положения женщин в английском обществе конца XIX – начала XX века. Герой А.С. Байетт, писатель Герберт Метли, неоднократно выступает перед широкой аудиторией, читая лекции на тему половой любви, призывая освободиться от навязываемых извне шаблонов поведения и прислушаться к врожденным инстинктам. Метли использует и античные легенды: «он писал рассказы о женщинах – жрицах Геи, постигших древнюю богиню Хтон» [2, 662]. Выбор богини не случаен: Гея в мифологии – мать-земля, потомство которой «ужасно, отличается дикостью и стихийной силой, несоразмерностью, уродством и миксантропизмом, т.е. смешением животных и человеческих черт» [4, 300]. Такой образ очень подходит для произведений, пропагандирующих свободную любовь и так называемый «возврат к природе». Выступления Герберта производят сильное впечатление на женскую половину аудитории, чем он и пользуется: Метли с легкостью соблазняет нескольких женщин.

Отношения между мужчинами и женщинами в произведении не отличаются постоянством. Истории героев скорее напоминают сюжеты из античной мифологии, в которой возможен даже брак между сыном и матерью. Так, Проспер Кейн берет в жены Имогену Фладд, в то время как его дочь соглашается выйти замуж за брата Имогены, Геранта: «Так что Имогена станет мне одновременно сестрой и матерью. Как в древнегреческих мифах» [2, 621].

Также в романе остро встает проблема отцов и детей, которая раскрывается на примере трагической судьбы Тома Уэллвуда. Его мать Олив пишет сказки, одна из них, «Кустарник», вводится в текст романа в самом начале. В ней непослушный мальчик Перкин уходит из дома и с помощью камня с дырочкой находит маленький народец, крохотных

жителей кустарника, у которых он получает новое имя – Пэкан – и остается навсегда. «<...> продырявленные камни в народных легендах использовались для того, чтобы видеть души мертвых и волшебного народца типа фей, гномов, гоблинов и эльфов. Дырочка в камне открывала тайный мир духов» [1]. Такой камень – это способ перейти из настоящего мира в волшебный или загробный. Поэтому «также это символ Гекаты, хозяйки более низкого мира, которая обладает способностью открыть ворота и заключенные в тюрьму души» [1]. Этот камень встречается и в описании последних минут жизни Тома, который из-за непонимания с матерью решает на самоубийство: «такие камешки – волшебные, или когда-то были волшебными, и через дырку виднелся невидимый мир. <...> Том подобрал этот камушек и поглядел через дырку на море» [2, 725]. Постановка «Сна в летнюю ночь» У. Шекспира, в которой Том сыграл роль Пэка, стала судьбоносной, т.к. слова мальчика в пьесе возвращают к мифу о Гекате, богине мрака и покровительнице детей и юношества: «Мы ж к Гекате все летим, / И, как сны во тьме, мы таем; / Но пока везде чудим, / Дом счастливый облетаем» [2, 94].

С уходом в другой мир связана и другая сказка Олив, посвященная сыну, «Том-под-землей», повествующая о мальчике, потерявшем свою тень и пытающемся найти ее в подземелье. Путешествие в царство теней – аллюзия на древнегреческие мифы о мире мертвых Аида. Сопоставление становится еще более отчетливым, когда Олив решает сделать из сказки пьесу: «тень может заключить уговор, как Персефона, чтобы ей разрешили возвращаться-под-землю, когда на земле лежит снег» [2, 706].

Слова Тома-Пэка о Гекате относятся не только к нему самому, но и к обществу, описываемому в романе. Действие в нем охватывает период с 1895 года до окончания Первой мировой войны. У А.С. Байетт «панорама эпохи дополняется судьбами мужских персонажей, чья жизнь определяется ухудшением внешнего мира к концу века» [5]. С этим связано и деление романа на главы («Начала», «Золотой век», «Серебряный век», «Свинцовый век») по принципу, взятому из «Трудов и дней» Гесиода. В первой части мы знакомимся со всеми основными действующими лицами произведения. Вторая глава, самая объемная в романе, повествует о времени с 1895 года до смерти королевы Виктории. По Гесиоду, в золотой век люди жили как боги, не зная бед и горя. Дети в произведении растут, читают «Век золотой» Кеннета Грэма и готовятся к предстоящей учебе, семьи пополняются, родители строят далеко идущие планы – все находится в ожидании чего-то нового. Однако это лишь видимое благополучие: жизнь героев полна измен и фальши.

Глава «Серебряный век» начинается с рассуждений писательницы о смене эпох. Английское общество переживает смерть любимой всеми

королевы: «эдвардианцы знали, что они идут после чего-то. <...> Они оглядывались назад. Они смотрели в прошлое, вглядывались в него – в жадной, иногда намеренной тоске по воображаемому золотому веку» [2, 535-536]. Гесиод описывает серебряный век так: «Сотню годов возрастал человек неразумным ребенком, / <...> Жили лишь малое время, на беды себя обрекая / Собственной глупостью» [3]. В романе те негативные моменты в жизни героев, которые были обозначены во второй главе, теперь начинают давать свои плоды. Здесь взрослые напоминают наивных детей, а некоторые дети, в свою очередь, никак не могут повзрослеть: Флоренция из мести к отцу соглашается на брак с Герантом; отец Имогены не может отдать дочь другому мужчине и поэтому решается на самоубийство; Олив, будучи детским писателем, не осознает, что происходит с ее собственным сыном, чем доводит его до мыслей о смерти; Гедда Уэллвуд из-за своего бунтарского духа становится суфражисткой и по глупости попадает в тюрьму. Эти люди были совершенно не готовы к новому повороту истории – к войне, которой посвящена последняя глава романа.

У Гесиода, в отличие от А.С. Байетт, третья эпоха обозначена как «Медный век». Но, несмотря на разные названия, характеристика этого периода у них совпадает. В «Трудах и днях» находим об этом веке следующее: «Были те люди могучи и страшны. Любили / Грозное дело Арея, насильщину. <...> / Черная смерть их взяла и лишила сияния солнца» [3]. Так и в романе «Детская книга» большинство действующих лиц погибает на войне. Согласно древнегреческому мыслителю, следующая эпоха должна быть «Веком героев». Финал романа допускает возможность, что оставшиеся в живых смогут отказаться от утопических мечтаний, реально взглянуть на окружающий мир и стать хозяевами своей судьбы.

Таким образом, роман «Детская книга» построен на соединении мифологического и реального пластов повествования. А.С. Байетт использует множество образов и сюжетов из античной мифологии, которые привносят в характеры персонажей дополнительный смысл, выполняют прогностическую функцию и помогают раскрыть обширную проблематику романа.

Литература

1. Александрова, А. Дырявые камни – куриный бог, ведьмин камень, перунова стрела [Электронный ресурс] / А. Александрова. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/3469412/post204274916/>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Байетт, А. Детская книга / пер. с англ. Т.П. Боровиковой. М. : Эксмо, 2012. – 832 с.
3. Гесиод. Труды и Дни [Электронный ресурс] / Гесиод. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1425407002>, свободный. – Загл. с экрана.

4. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М. : Советская энциклопедия, 1987-1988. – Т. 1: А – К. – 671 с.; Т. 2: К – Я. – 719 с.
5. Uhsadel, K. The Continuity of Victorian Traces: A.S. Byatt's *The Children's Book* // *Journal of Victorian Culture* (Routledge). Abingdon, 2012. Vol. 17. Issue 1. – P. 72-79.

© М.А. Шушпанова, 2015

М.О. Эрштейн
БашГУ, Уфа, Россия

Интертекстуальные включения в пьесах А. Стриндберга «Отец» и «Фрекен Жюли»

В 2012 г., объявленном в Швеции годом Стриндберга, на конференции «Неизвестный Стриндберг» (РГГУ, 14-15 мая 2012г.) прозвучали слова о том, что писатель до сих пор остается «на особом положении» - с одной стороны – культового автора, нарушавшего всевозможные запреты, с другой – классика европейской литературы [3].

Важно отметить, что «нарушитель» Стриндберг активно учился у предшественников и, творчески переосмысляя и модернизируя полученный опыт, добавлял элементы классических текстов в свои произведения. Вопрос о характере и механизме использования писателем интертекстуальных включений из прецедентных для европейской литературы книг – Лопе де Веги, Шекспира, Руссо - и стал объектом данной статьи. Конечно, мы сможем рассмотреть лишь некоторые аспекты проблемы, а именно - попытаться определить типы подобных включений в пьесах «Отец» и «Фрекен Жюли». Наш анализ выполнен на русскоязычных переводах художественных текстов.

Взяв за основу типологию Н.А. Фатеевой, предложенную исследовательницей в монографии «Контрапункт интертекстуальности» (глава «Типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественных текстах») [6, 120 - 159], мы выделили в текстах пьес «Отец» и «Фрекен Жюли» следующие типы включений:

интертекстуальные:

- 1) неатрибутированная цитата;
- 2) неатрибутированная аллюзия;

паратекстуальные:

- 3) неатрибутированное цитата-заглавие;

метатекстуальные:

- 4) игра с претекстом.

«Отец».

Включение, которое сразу привлекает внимание в драме «Отец», - это пространная реплика Ротмистра, представляющая собой слегка измененный известный монолог шекспировского Шейлока из комедии «Венецианский купец». Сравним:

Шейлок («Венецианский купец» Шекспира): «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его (...), разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь? Если пощекотать – разве мы не смеемся?» [7, 257].

Ротмистр («Отец» Стриндберга): «Разве у мужчины нет глаз? Разве нет у мужчины рук, тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве он питается не той же пищей, разве его ранят не тем же оружием, и не те же зима и лето заставляют его чувствовать холод и тепло, как и женщину? И если вы раните нас, разве мы не истекаем кровью? Когда нас щекочете, мы не хохочем?» [4, 131].

Какой художественный прием использовал в данном случае Стриндберг – цитату или аллюзию - и с какой целью? Уточним, что, по определению Н.А. Фатеевой, «от цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка текста-донора, соотносимое с новым текстом, присутствуют в последнем как бы «за текстом» - только имплицитно» [6, 129]. Стриндберг позаимствовал довольно большой фрагмент шекспировского текста, почти не изменив его, что позволяет предположить факт цитации -1). Однако, по словам Н.А. Фатеевой, введение в текст цитаты «вызывает замену лица, числа и рода» [6, 125], а в нашем случае меняются целиком существительные: «жид - христианин» на «мужчина – женщина». Следовательно, вероятнее всего, это - 2) неатрибутированная аллюзия, либо 4) метатекстуальная игра с читателем. Встраивание элемента шекспировского текста позволяет Стриндбергу послать читателю «двойной» заряд переживаний, напоминая о страданиях Шейлока, явно и намеренно противопоставляя мужчину и женщину – так же, как Шекспир - иудея и христианина, подчеркивая, таким образом, что гонимой жертвой в его произведении является именно мужчина.

В пьесе «Отец» есть ещё одно включение из Шекспира – 2) неатрибутированная аллюзия, отсылающая читателя к тексту «Гамлета»: герой говорит своей жене Лауре, что та «влила сомнение, как вливают каплю беленного масла в ухо» [4, 128]. Благодаря этому элементу в читательском сознании должен возникнуть образ Клавдия, а за его спиной – Гертруды, чьё имя, как и всех женщин, - «вероломство».

«Фрекен Жюли».

Драма «Фрекен Жюли» имеет, как мы полагаем, по крайней мере, два классических текста-донора – «Собаку на сене» Лопе де Веги и «Юлию, или Новую Элоизу» Руссо. В обоих произведениях сюжет построен на истории любви знатной дамы, аристократки к плебею, бедному слуге. Такова же и сюжетная коллизия у Стриндберга, что даёт основание предполагать сознательное использование им классических текстов-источников в полемическом ключе.

При сопоставлении с романом Руссо обращает на себя тождество имён главных героинь, вынесенных, к тому же, в заглавие произведений. Очевидно, что перед нами - 3) неатрибутированное цитата-заглавие. Как справедливо утверждает Е. Г. Воскресенская, «выбор включений в качестве заглавия, эпиграфа и т.д. диктуется потребностью писателя сказать свое слово об одной из вечных проблем с помощью материала, свойственного его эпохе, и отражает диалогическую модальность автора» [2, 11].

Что даёт Стриндбергу этот паратекстуальный приём? Полагаем, что читателя сразу же настраивают на встречу с актуализированным вариантом образа знаменитой сентименталистской героини Руссо, который послужит ярким контрастным фоном для «новой Юлии конца XIX века». Таким образом, конструирование Стриндбергом собственного текста с закладыванием в него полемики с классическим романом Руссо, маркировано выбором названия произведения и имени главной героини. Заглавие, в данном случае, является сильным художественным средством, позволяющим автору подчеркнуть свою концепцию.

Более сложной и завуалированной представляется игра автора с читателем, построенная на скрытых аллюзиях, должных отсылать к сюжету знаменитой комедии Лопе де Веги «Собака на сене». По определению Н.А. Фатеевой, в основе подобной игры «лежит метод «психологического конструктивизма», когда частицы текстов перестраиваются в соответствии с концептуальной установкой автора, а читатель должен её разгадать, чтобы сложить цельную конструкцию» [6, 136]. Полагаем, что «спрятанным кодом» у Стриндберга можно назвать линию отношений аристократки Юлии – лакея Жана – кухарки Кристины, выстроенную по принципу противопоставления любовному треугольнику «графиня де Бельфлор – её секретарь Теодоро – служанка Марсела». Однако приметы этого противопоставления найти гораздо сложнее, чем в случае с Юлией Руссо, имя которой уже является маркированным ключом к разгадке. Здесь мы обнаружили такие приемы, как «затемнение аллюзии» и «перевёрнутую интерпретацию». Например, у Лопе де Веги благородная дама пытается снизить привлекательность соперницы-служанки в глазах возлюбленного: «Я вижу вкус у вас плохой» [1, 312].

У Стриндберга, наоборот, служанка чернит свою хозяйку перед лакеем Жаном: «К р и с т и н а: А, ладно тебе! Я-то слышала, что Клара говорит, а Клара ее одевает» [5, 215]. Ещё один намёк на текст-донор мы видим в обыгрывании момента с попавшей в глаз соринкой. Теодоро пытается скрыть причину своих слез, вызванных сильными переживаниями: «Д и а н а. Вы плачете? Т е о д о р о. Нет, что-то в глаз Попало и больно гложет» [1, 411]. Жан также маскирует свои чувства: «Ф р е к е н. Дайте-ка посмотреть, что вам что-то в глаз попало? Ж а н. О – пустяки. Соринка. Сейчас пройдет» [5, 219]. Считаем данный эпизод важной подсказкой автора, сигнализирующей, что чувства к Юлии у Жана все-таки были, несмотря на его показной цинизм, и выстраивается эта гипотеза именно на основе сопоставления с поведением влюбленных комедии Лопе де Веги.

Важно отметить, что Стриндберг использует текст Лопе де Веги и для яркого противопоставления отношений его героев и героев текста-донора. Примеров тому много. Приведем один из них: в счастливом финале Диана нисколько не смущена плебейским происхождением своего будущего супруга, напротив, она с радостью готова стать его женой и торжествует победу, одержанную над служанкой: «Д и а н а. Как «что»? А «милость» где моя? Так госпоже не отвечают. Т е о д о р о. Но ваша милость забывают, Что господин отныне я. Д и а н а. А ваша милость навсегда, Как бы она не сожалела, Должна забыть, Что есть Марсела» [1, 419-420]. Героиня Стриндберга брачный союз со слугой воспринимает как катастрофу и не жалеет оскорблений в его адрес: «Ф р е к е н. (...) ты пёс, и ты носишь мой ошейник, ты холоп, заклеянный моим гербом, и чтоб я тебя делила со совей кухаркой, стала соперницей своей служанки!» [5, 233].

Представленные здесь результаты небольшого анализа позволяют нам выдвинуть предположение, что Стриндберг активно использовал разные типы интертекстуальных включений из классических текстов, создавая новые смыслы, делая более интенсивным восприятие собственных персонажей, играя с читателем на разных уровнях восприятия произведения.

Литература

1. Лопе де Вега. Собака на сене/Пер. М. Лозинского/ Лопе де Вега. Избранные произведения. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. С. 263 – 430.
2. Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во [Электронный ресурс]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 <Герман. яз.> / Воскресенская Елена Геннадьевна; [Барнаул, гос. пед. ун-т]. - М.: РГБ, 2005. - Из фондов Российской Государственной Библиотеки.

3. Кобленкова Д. Швед ли Август Стриндберг// Новое литературное обозрение. № 120 (2/2013) [Электронный ресурс] <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/120/ko35.html> Дата обращения: 25.11.2015.
4. Стриндберг А. Отец/ Полн. собр. соч. Т. 5. – М.: Издание В.М. Саблина, 1909. – С. 87-152.
5. Стриндберг А. Фрекен Жюли/ Пер. с швед. Е. Суриц/ А. Стриндберг. Слово безумца в свою защиту; Одинокий: Романы; Пьесы. – М.: Худож. лит., 1997. – С. 214 – 236.
6. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
7. Шекспир У. Венецианский купец/ Пер. Т. Шепкиной-Куперник/ У. Шекспир. Полн. собр. соч. в 8 т. – Т. 3. – М.: «ИСКУССТВО», 1958. – С. 211-310.
- © М.О. Эрштейн, 2015

Д.Ш. Юзликбаева
БашГУ, Уфа, Россия

Применение проблемных заданий в процессе обучения профессионально-ориентированному чтению

Профессионально-ориентированное чтение должно занимать в подготовке будущих специалистов значительное место, поскольку оно дает возможность создать информационную основу профессионально деятельности и сформировать компетентного специалиста. Задача преподавателя – научить беспереводному чтению, самостоятельной работе с текстом. При этом желательно не ограничиваться традиционными заданиями при обучении чтению, но и использовать элементы проблемного обучения, что формирует интерес к предмету, побуждает к размышлениям, сравнению и обобщению знаний. При этом очень важное значение должно уделяться разработке проблемных заданий, при выполнении которых обучаемые совершают не только чисто механические действия, но и действия, связанные с обращением к накопленному теоретическому фону, в результате чего учебный материал активизируется в процессе самостоятельной поисковой деятельности обучаемого.

При разработке проблемных заданий такого типа большая роль принадлежит как мыслительным задачам для декодирования текста, так и его интерпретации. Декодирование текста включает мыслительные операции сравнения, анализа, синтеза и т.д. Часто само название текста представляет собой проблемный вопрос, понимание которого играет важную роль в прогнозировании содержания текста.

Следующим этапом деятельности является постановка мыслительных задач в виде вопросов на осмысление содержания прочитанного и выявление в текстах элементов проблемности. Все задания должны быть основаны на противоречии между старым и новым знанием и

сформулированы так, чтобы обучаемые не просто искали ответы на вопросы, но и сравнивали информацию, содержащуюся в тексте, с ранее изученным материалом. Это формирует умение сосредоточить внимание на новой информации. Разрешая такие задачи, обучаемые должны обосновать свою точку зрения на основе сравнений, рассуждений, обобщений.

Далее следует этап самостоятельного нахождения в тексте проблемных ситуаций, постановки мыслительных задач и поиска ответов на них. Такой вид деятельности имеет более выраженную коммуникативную направленность и требует высокого владения умениями и навыками работы с текстом.

Таким образом, использование проблемных заданий при работе над спецтекстом стимулирует у обучаемых интерес к предмету, активизирует их мыслительную деятельность и формирует способность к непрерывному профессиональному самообразованию.

© Д.Ш. Юзликбаева, 2015

Ян Си

Сычуанский университет, Чунцин, Китай

К вопросу о функционировании заимствований из китайского языка в художественной литературе

Проблема заимствований издавна привлекает к себе внимание лингвистов, поскольку контакты с другими языками, а следовательно, пополнение словарного состава за счет заимствований наблюдались на разных этапах развития языка. Заимствованные слова в русском языке представляют собой неотъемлемую составную часть его лексики [7, 10]. Заимствование – одно из давних, традиционных тем лингвистических исследований. Литература, посвященная языковым заимствованиям, насчитывает многие сотни наименований. И тем не менее, эта тема не утрачивает своей актуальности.

Особая группа заимствованных слов – это экзотизмы. «Экзотизмы» – это слова иноязычного происхождения, означающие реалии «чужой» культуры, т.е. такие реалии, которые отсутствуют (и отсутствовали) в российской действительности [1, 49]. Экзотизмы специфичны по своей роли в языке. Как правило, они попадают в текст для обозначения реалий чужого быта, для понимания истории и культуры разных народов. При частом использовании, при вхождении чужих реалий в жизнь и быт русских экзотизмы теряют свои особые качества и начинают свою жизнь в русском языке.

Понятие экзотизмов оказывается особенно важным для нашей работы, поскольку у слов с китайским компонентом значения сам этот

компонент является сигналом экзотичности понятия. Кроме того, исследуемые нами слова, пришедшие из языков других семей и групп, очень специфичны для русских по своим формальным признакам и, следовательно, особенно долго сохраняют свою экзотичность.

Несмотря на довольно длительное и плотное соприкосновение наших культур, китайских слов, в отличие от французских и английских, в русском языке очень мало. Как отмечал в главе «Речь сибиряка и ее особенности» своего труда Г.М. Осокин: «Китайских слов заимствовано менее всего (по сравнению с монгольскими и бурятскими), что объясняется двумя причинами:

1. Тем, что русские настойчиво старались объясняться с китайцами на русском, не особо стараясь учить китайский.
2. Китайцы же сами учили русский и общались на нем с русскими и, соответственно, вхождение китайских слов в русский язык было минимальным [8, 206].

Очевидно, что ограничением для вхождения китайских слов являлось также и ограничение распространения китайцев на приграничных территориях. Китайские слова входили в язык русских жителей в основном в районах Забайкалья, Дальнего Востока и Северо – Востока Китая (Маньчжурии), где наиболее плотно соприкасались две культуры. Наличие, появление или исчезновение тех или иных китайских слов в русском языке определялось состоянием и изменением условий жизни обоих народов, изменением в политической, экономической жизни на данной территории.

Отношения России с Китаем в своем развитии прошли различные этапы. Сейчас отношения между нашими государствами вышли на новый виток развития: дружбы, добрососедства, экономической взаимовыгоды и интеграции.

В данной статье мы хотим проанализировать китаизмы в переведенных на русский язык произведениях Мо Яня, который получил Нобелевскую премию по литературе за 2012 года, чтобы на материале художественной литературы показать сегодняшнюю ситуацию с функционированием китаизмов в современном русском языке.

Почему произведения Мо Яня выбраны как материал исследования? Во-первых, Мо Янь считается одним из самых талантливых и плодотворных современных китайских писателей. Его перу принадлежат многочисленные работы, популярные как в Китае, так за рубежом. В том числе большинство было переведено на более чем 10 иностранных языков, включая английский, французский, русский и др. Во-вторых, творчество Мо Яня – магический реализм с китайской спецификой. Конечная цель магического реализма – отражение реальной действительности. Габриэль Гарсиа Маркес утверждал, что «реализм – специально заду-

манная литературная форма, где реальность отражена статично и ограничено» [11, 56], «реалистичный» текст не всегда бывает достаточным, это лишь более или менее точное представление вещи в себе, метафизической реальности. Диспропорция – это тоже часть нашей реальности. Наша реальность сама по себе вне всяких пропорций» [12, 148]. Идея мира, соединяющая в себе реальное и фантастическое, была подхвачена китайскими писателями-авангардистами, не является исключением и Мо Янь, чье творчество пропитано магическим, вымышленным и в то же время действительным и обыденным. Магический реализм у Мо Яня – это не «игра в сказку», он отражает особенности самой действительности. В-третьих, не трудно заметить, что Мо Янь обращается к своей деревне Гаоми на севере-востоке Китая, чтобы создать собственный литературный мир. Мо Янь безгранично благодарен малой Родине, он отдает ей свою душу и сердце, например, в «Красном гаоляне»: «Я готов вырвать из груди пропитанное соей сердце, нарезать его на мелкие кусочки, разложить по тарелкам и вынести в гаоляновое поле. Припаду к земле и промолвлю: Полного здоровья Вам! Полного здоровья!» [2, 1]. Действия многих произведений Мо Яня происходят в литературном пространстве Гаоми. Как любит подшучивать Мо Янь, его истории вынуты из Гаоми, этакого «дырявого мешка». В Гаоми он размещает события и действия, наполняя их чертами необыкновенных легенд, услышанных от деревенских стариков. Притчи, в которых он рассказывает о варварских кланах и местах, отличаются особой эстетической и поэтической ценностью.

Для данной статьи мы выбрали 4 повести, которые были опубликованы в России: «Большая грудь, широкий зад», «Страна вина», «Перемены» и «Устал родиться и умирать».

тип	слово	кол. в произ. Мо Яня	значение	кол. в НКРЯ и в Яндекс Новости(с 2000 года)	Фиксация словарями
Теория и политические слова	конфуция конфуцианство	12	Система нравственно-философских взглядов и традиций, основанная на учении китайского мыслителя Конфуция .	27/ 298	+
	гоминдан* гоминьдан	9	Правящая националистская партия во времена Китайской Республики (1912–1949).	0/198	+
	хунвэйбины	12	Красные охотники: члены созданных в 1966 г., во время «культурной революции»,	0/246	+

			отрядов из числа студентов и старших школьников.		
Напитки и еда	чай (чай-ник)	30	Название различных видов вечнозеленого растения, из листьев которого готовится напиток.	723/28949	+
	жень-шень	1	Дикорастущее травянистое растение, корень которого применяется китайской медициной, как универсальное лечебное средство.	266/657	+
	доуфу (тофу)	15	Соевый творог.	0/290	—
	юэбин	1	Праздник любования полной луной, приходится на пятнадцатый день восьмого месяца (полнолуние) по китайскому календарю, что примерно соответствует второй половине сентября. Традиционное угощение — лунные пряники -- юэбин.	0/6	—
	гаолян	69	Однолетнее растение злаковых (один из видов сорго), которое возделывается в Китае	83/27	+
	маньтоу	1	Булочки, приготовленные на пару.	0/7	—
	эрготоу	2	Крепкая гаоляновая водка двойной выгонки.	0/18	—
Ткани и одежда	шелк	57	Пряжа шелковницы, шелко-вичника, или вичного червя (т.е. гусеницы), идущая на ткани.	30/3469	+
	ципао	9	Также чунсам, облегающее платье с высоким воротничком, правым запахом и высокими разрезами на бёдрах.	0/38	—
Искусст-во и культура	маджонг мацзян*	4	Игра китайского происхождения, в которую играют костями, внешне сходными с домино, но с нанесенными китайскими символами и	5/87	—

			буквами, и разделенными на масти и онеры		
	жемчуг	11	Драгоценное перламутровое вещество, имеющее форму крупных зерен или шариков белого, желтого или черного цвета с разнообразными переливами и оттенками.	24/1912	+
	пипá	6	Четырехструнный щипковый инструмент типа лютни.	0/3	—
	ушу	2	Традиционные китайские воинские искусства	7/526	+
	кан	68	Отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.	0/0	—
Единицы	юань	103	Денежная единица Китая.	1721/5478	+
	цзинь	6	Мера веса, равная 0,5кг.	0/0	—
	цунь	7	Мера длины, равная 3,3 см.	0/0	—
Праздники	лаба	5	Восьмой день двенадцатого лунного месяца. В древности это был праздник нового урожая. Непременная часть праздника — каша из смеси риса, бобов, фиников и орехов.	0/1	—
	чуньцзе	1	Праздник весны, китайский новый год.	0/16	—
Народная мифология	Яньло-ван	10	Владыка царства мёртвых.	0/9	—
	Гуаньинь	9	В китайском пантеоне богиня милосердия	0/20	—
	Сунь Укун	5	Могущественный царь обезьян, персонаж классического романа «Путешествие на Запад».	0/6	—

Анализ китаизмов в произведениях Мо Яня позволяет сделать следующие выводы:

1. Активно используются давно освоенные в русском языке китаизмы,

например: *чай, женьшень, шелк, жемчуг, гаолян, юань*.

2. Функционируют слова, которые зафиксированы только в словарях иностранных слов, например: *гоминьдан, ушу*.

3. В произведениях Мо Яня встречаются историзмы, например: *хунвэйбины*. В настоящее время в Китае это слово не используется, хотя оно встречается в словарях иностранных слов, изданных в России, ср.: ХУНВЭЙБИНЫ: молодежные отряды, сформированные в Китае в 1966 г. в начале т. наз. «культурной революции» и принимавшие в ней активное участие. Впоследствии преступления хунвейбинов были резко осуждены в Китае[10]

4. Автор включает в свои произведения неологизмы, например: доуфу/туфу, маджонг/мацзян, – слова, которые пока не зафиксированы словарями, но количество примеров из НКРЯ и Яндекса свидетельствует о тенденции вхождения их в состав иноязычной лексики русского языка.

Литература

1. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка –М.: Наука, 2012. – 293с.
2. Мо Янь, Хунгаолян (Красный гаолян). – Шанхай: Литература и искусство, 2008. – 364 с.
3. Мо Янь, пер. с кит., примеч. И.А. Егорова, Большая грудь широкий зад – СПб. : Амфора, 2013.–832 с.
4. Мо Янь, пер. с кит., примеч. И.А. Егорова, Страна вина – СПб. : Амфора, 2012
5. Мо Янь, пер. с кит., примеч.Н. Власовой. Перемены — М.: «Эксмо», 2014.
6. Мо Янь, пер. с кит., примеч. И.А. Егорова, Устал родиться и умирать – СПб. : Амфора, 2014
7. Новиков Л.А. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке // Русский язык в школе. – 1963. – № 3. – С. 5-10.
8. Осокин Г.М. Московия на Востоке М.: ДИ Танаис, 1996.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка– СПб. : А ТЕМП, 2006.– 944с.
10. Словарь иностранных слов – СПб. : Виктория плюс, 2013. – 816 с.
11. Mendoza, Plinio Apuleyo and Márquez, Gabriel Garcia. The Fragrance of Guava. – L.: Verso, 1983.– 126 с.
12. Zamora Lois Parkinson, Faris Wendy B. Magical realism: theory, history, community. Durham (NC) – L.: Duke University Press, 2005. – 583 с.

© Ян Си, 2015

Исследования фразеологических единиц в отечественном и зарубежном языкознании

Фразеологические единицы (ФЕ) используются постоянно в повседневной речи. Для носителя языка ФЕ являются привычными в употреблении. Понимание ФЕ и корректное употребление в речи является одним из показателей владения языком. Фразеологический состав языка является показателем, отражающим изменения в языке и обществе, указывающий на специфику и характерные черты определенной эпохи, страны или народа в целом. ФЕ обладают культурно-национальным своеобразием. Происхождение, существование и употребление ФЕ внутри языкового сообщества, соотносимое с культурой сообщества, олицетворяет сознание отдельной личности и национальной идентичности всего народа. В лингвистической литературе со времен Ф. де Соссюра неоднократно указывалось на неразрывную связь фразеологии с национальной культурой, на открытие во фразеологизмах национальной специфики, особенностей образа жизни и менталитета народа. Фразеологизмы, отражая длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Как считает Ф.И. Буслаев «ФЕ, своеобразные микромиры, содержащие в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». Это душа всякого национального языка, неповторимым образом выражающая дух и своеобразие нации [3,128].

Историю фразеологии принято делить на два периода: классический и постклассический. Отсоединение фразеологии от других лингвистических дисциплин в качестве самостоятельной явилось целью классического периода. Фразеология очертила свои границы после публикации научных работ В.В. Виноградова.

В России вопросы фразеологии являются объектом контрастивных исследований во многих вузах, где действовали и продолжают функционировать научные школы: г.Вологда (Р.Н. Попов), г.Волгоград (Н.Ф. Алефиренко), г.Москва (Д.О. Добровольский), г.Санкт-Петербург (В.М. Мокиенко), г.Казань (Э.М. Солодухо, Г.Х. Ахунзянов, Е.Ф. Арсентьева, Г.А. Багаутдинова, Л.К. Байрамова, Р.А. Аюпова, Л.Р. Сакаева), г.Ростов (Ю.А. Гвоздарев, В.Л. Архангельский) и др.

Х. Касарес сравнивает фразеологию с «таинственным миром, исследование которого является срочной, настоятельной и неотложной задачей, поскольку слова могут ждать, они прикреплены к текстам подобно бабочкам, убитым парами камфоры и насаженными на булавки, а вот исследование модизмов не терпит отлагательств, потому что каждое вступающее в мир поколение менее чувствительно, чем предыдущее, к волнам прошлого, которое быстро удаляется и становится эфемерным» [5, 255].

Современное развитие фразеологии позволяет выделить и некоторые не только наметившиеся, но и отчетливо сформировавшиеся направления исследований по данной лингвистической дисциплине: морфолого-грамматические особенности фразеологических единиц; структурные типы ФЕ; семантика ФЕ; специфика отношений ФЕ с их компонентами; когнитивный подход к изучению фразеологического значения; стилистическое функционирование ФЕ; пути и способы фразеологизации; ФЕ «различных территориальных вариантов языка» [8, 1626]; фразеография; фразеологическая деривация; фразеологический идиостиль автора; функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц; лингвокультурологический аспект фразеологии и национально-культурная специфика ФЕ; фразеологическая терминология; социолингвистический аспект прагматических функций ФЕ; сопоставительное изучение ФЕ разных языков; жанровые, стилистические, художественные проблемы перевода фразеологии; лингводидактический аспект фразеологии.

Одной из основных задач фразеологии как лингвистической дисциплины исследователи считают осмысление механизмов взаимодействия лексических, морфологических, синтаксических и семантических компонентов, которые вызывают характерные для ФЕ ограничения по сочетаемости и приводят к объединению этих компонентов в единое целое.

В языке устойчивые сочетания слов принято обозначать различными терминами: фразеологизм, фразема, идиома, устойчивое сочетание. Разнообразие терминов свидетельствует о разноплановости данного языкового явления и существовании различных типов ФЕ.

Во фразеологии исследуются разноплановые аспекты, и дать точное определение фразеологизма является сложной задачей. В определении понятия фразеологизма и по сей день исследователям не удалось достичь единого мнения. Согласно Н.Ф. Алефиренко, под ФЕ принято считать «устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [1, 15]. В.В. Елисеева понимает «фразеологическую единицу как немоделированное словосочетание,

связанное семантическим единством. Такое единство не создается в речи, а воспроизводится в готовом виде и функционирует как единый член предложения» [4]. Автор отмечает небольшие варьирования структуры ФЕ, которые не влияют на основные признаки ФЕ. По мнению М.П. Брандес: «фразеологическая единица представляет собой устойчивое и воспроизводимое, оформленное отдельно, но семантически целостное сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [2, 354].

В.М. Мокиенко, выделяя основные свойства ФЕ, делит последние на пять групп: семантические, формальные, функциональные, стилистические, гносеологические. Одновременно существуют универсальные категориальные признаки фразеологизмов, присущие единицам различных уровней языка [7, 29]. В.Ю. Меликян отмечает, что ФЕ обнаруживаются на всех структурных уровнях языка, а именно: на уровне слова, на уровне номинативной единицы, на уровне предикативной единицы, на уровне предложения [6].

Актуальной проблемой исследования ФЕ по-прежнему остается вопрос о методах исследования ФЕ: контекстологический (семантические связи и отношения ФЕ), анализ по окружению (конструктивные связи ФЕ), трансформационный (структурное преобразование ФЕ), дистрибутивный, вариационный (внутрикомпонентные лексические, семантические, морфологические, синтаксические отношения), метод синонимического сопоставления, метод внутриязыкового и межъязыкового перевода, компонентный анализ семантической структуры и др.

Лингвисты склонны считать, что фразеология языка включает в себя самые разнообразные речевые средства, и до сих пор границы ее четко не определены.

1. Первый подход принято называть «узким» пониманием фразеологизма – сторонники данного подхода относят к ФЕ только идиомы (устойчивые сочетания, значения которых не определяются составляющими их компонентами).

2. Второй подход – «широкое» понимание фразеологии. В данную группу принято относить все устойчивые сочетания слов.

В своих исследованиях мы придерживаемся «широкого» понимания фразеологии.

Антропологическая направленность присуща многим лингвистическим исследованиям, фразеология не является исключением. Лингвистическая концепция, согласно которой в основе языковой деятельности находится человек, получила обоснование в работах Э. Бенвениста (1974), В.В. Виноградова (1986), Ю.С. Степанова (1997), Г.А. Золотовой (1982) и др. Проблема отражения познавательной деятельности человека в языке, сконцентрированной на исследовании

окружающей действительности, имеет большое значение в трудах таких отечественных и зарубежных исследователей, как Д.О. Добровольский, Л.В. Правикова, Е.С. Кубрякова, Г.В. Колшанский, Мак Корман, М. Минский, Дж. Лакофф, Е.Л. Боярская, А.Н. Баранов, А.Вежбицкая и другие. Картина мира, созданная в сознании отдельно взятого индивида, группы, коллектива или сообщества, вследствие его личных или национально-культурных особенностей, непременно приобретает субъективный характер и закрепляется при помощи лингвистических средств, в течение её отображения, в языковой картине мира, из чего и формируется актуальность темы антропоцентрического фактора в языке [8].

За последнее время интерес к человеческому фактору непрерывно возрос, что может свидетельствовать о появляющемся в современной науке методологическом перемещении, переходе от лингвистики к антропологической лингвистике (от установки исследовать язык «в самом себе и для себя» к исследованию языка в единой связи с сознанием и образом мышления человека). В ряде научных работ исследовались признаки, на основании которых может быть определена тематическая организация класса наименований лица: род занятий, принадлежность к общественным группировкам, участие в чем-либо, национальная принадлежность, место жительства, внутренние качества, личные отношения, социальное положение, имущественное положение, возраст, брачные отношения, внешние особенности, родственные отношения и др. (Л.И. Моисеев, 1968; М.Н. Лапшина, 1985; А.М. Чепасова, 1985; Т.Ф. Ухина, 2000 и др.).

Причина исследования человеческой концептосферы играет значительную роль в языковой картине, что помогает лучше изучить природу языка и интерпретировать её, исходя из окружающего мира человека. Внимание лингвистов к данной проблеме все более возрастает за последние годы, в результате чего появляются работы, которые посвящены изучению языковой репрезентации концептов «Характер человека» (Лычкина 2005), «Моральные качества личности» (Буянова 2004, Коваленко 2005), «Межличностные отношения» (Хайруллина 2000), «Человек» (Лебедева 1999) и многие другие.

Таким образом, как показывает анализ, исследование ФЕ представлено фундаментальными трудами лингвистов. Однако фразеологию нельзя считать изученной в полной мере. Большинство работ сосредоточено на исследовании человеческого фактора в ФЕ. Антропоцентрический аспект исследования языковых явлений позволяет подвергнуть рассмотрению человека во всем спектре его личностных качеств, эмоциональных и психических состояний, чувств и

приблизить нахождение решения общетеоретических задач «человек и язык» и «язык и культура».

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 247 с.
2. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс / М.П. Брандес. ИНФРА-М, 3-е издание, 2004.
3. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. Буслаев. – М.: Русский язык, 1954.
4. Елисеева В.В. Лексикология английского языка. – Учебник. – 2003.
5. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / Х. Касарес. – М, 1958.
6. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка / В.Ю. Меликян. Учебное пособие. – Флинта, 2013.
7. Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В.М. Мокиенко. – Вестник Кемеровского государственного университета. Выпуск № 4. Том 4, 2012.
8. Фаткуллина Ф.Г. Художественная картина мира как особый способ отражения действительности / Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3. С. 1626 -1627.

© М.А. Яхин, Д.Ф. Хакимзянова, 2015

О НАШИХ АВТОРАХ

Karlheinz Hengst Доктор филологии, профессор филологического факультета Института славистики Лейпцигского университета. Германия
Абдурахманова Алие Заировна Соискатель Института языкознания РАН (Москва), преподаватель Института иностранной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
Азнабаева Лариса Алексеевна Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа
Акубекова Диана Григорьевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Анищенко Анна Александровна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Артемова Ольга Евгеньевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа
Афанасьева Галина Андреевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ахмедова Галина Хаджиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Ахметова Гузель Азатовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы и издательского дела Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Баишева Зиля Вагизовна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Басырова Фарида Амировна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа

Батырова Гузель Завильевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Батыршин Шамиль Фасхидинович Аспирант факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Беглова Елена Ивановна Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия
Белоусов Константин Игоревич Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Россия
Беляев Андрей Николаевич Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Бердимуратова Калдыгуль Суйеужановна Преподаватель русского языка и литературы, заведующий предметной цикловой комиссией «Языковые дисциплины» Актюбинского колледжа транспорта, коммуникаций и новых технологий, г. Актобе, Казахстан
Биктимирова Мария Маратовна Аспирант ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Бычковская Наталья Валерьевна Аспирант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Вардзелашвили Жанетта Александровна Доктор филологических наук, фулл-профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия
Васильева Наталия Владимировна Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН, г. Москва, Россия
Виноградов Виктор Алексеевич Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, г.Москва
Виноградова Рената Ивановна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов БашГУ, г.Уфа, Россия
Воронцов Олег Евгеньевич Преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия

Габдрахманова Ксения Владиславовна Аспирант, зам.начальника отдела мониторинга учебного процесса и статистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Газизов Рафаэль Аркадьевич Доктор филологических наук, профессор, декан факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гайназарова Алина Амуровна Магистрант кафедры русской и сопоставительной филологии ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гайнаншин Мансур Фарвазович Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гараева Ирина Камилевна Ассистент кафедры иностранных языков, аспирант кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы, г. Уфа, Россия
Гатауллин Равиль Гибатович Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и французской филологии ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Генералов Владимир Александрович Старший преподаватель кафедры делового иностранного языка ЧелГУ, соискатель кафедры теории языка Челябинского государственного университета, г.Челябинск, Россия
Герте Наталия Александровна Аспирант Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Гилязова Диляра Рифовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Голованова Елена Юрьевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Голушин Иван Преподаватель Панъевропейского университета «Апеирон», г. Баня-Лука, Сербия Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Гоннова Наталья Викторовна Старший преподаватель кафедры начального образования Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования, г. Самара, Россия
Гордеева Ольга Николаевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Гоциридзе Русудан Арчилловна Кандидат педагогических наук, фулл-профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия
Гречачин Виталий Андреевич Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гурова Ирина Владимировна Старший преподаватель кафедры дошкольного образования Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, Россия
Даутова Гузьяль Хайриваровна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры ГиСЭД ИФ УГА-ТУ, г. Ишимбай, Россия
Дел Рио Нина Бернардовна Доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, г. Москва, Россия
Демина Олеся Фагимовна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Дмитриева Рената Явдатовна Аспирант кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия
Долгих Наталья Олеговна Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Закирьянов Кабир Закирьянович Доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зоранян Марина Георгиевна Кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия

Ибатуллина Наталья Сергеевна Старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ибрагимова Венера Латыповна Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Игнатова Евгения Михайловна Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, г.Москва, Россия
Искандарова Гульнара Рифовна Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков УЮИ МВД России, г.Уфа, Россия
Исмагилова Нурия Винеровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Ичкинсева Дилара Ахметовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишимбаева Галина Григорьевна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишмуратова Людмила Мингазовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишмуратова Лидия Наимьяновна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишмуратова Сулпан Рамилевна Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Каинова Ольга Александровна Старший преподаватель кафедры иностранных языков экологического факультета РУДН, г.Москва, Россия
Калимуллина Лариса Айратовна Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета, г.Уфа

Калугина Юлия Владимировна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Камалов Ренат Ильгизович Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия
Камильянова Юлия Марковна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Каримова Роза Ахметовна Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Кенесов Есим Кабденович Ассистент кафедры казахского языка Актюбинского регионального государственного университета им.К.Жубанова, Казахстан, аспирант Башкирского государственного университета
Кирсанова Инна Вячеславовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия
Кортунова Екатерина Владимировна Преподаватель Российского центра науки и культуры при посольстве РФ во Вьетнаме, г.Ханой, Вьетнам
Красикова Ольга Григорьевна Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия
Кудряшева Фания Саитгалиевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Кулыева Айгуль Альбертовна Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Кульсарина Ирена Галинуровна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии, зам.декана ФБФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Курбангалиева Гузель Фиргатовна Аспирант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Курушин Даниил Сергеевич Кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и автоматизированных систем Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Латыпова Алия Айратовна Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Латыпова Лена Мунировна Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Леготина Елена Владимировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Майоров Анатолий Петрович Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Майорова Ольга Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Максютова Флюра Маратовна Преподаватель ИНК. г. Ишимбай, Россия
Малов Алексей Александрович Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Махмутова Альфия Сабировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мигранова Ирина Хамзиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Микаберидзе Мария Александровна Соискатель кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Михайленко Елена Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета БашГУ, г.Уфа
Михайлова Марина Юрьевна Доцент кафедры иностранных языков Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, Россия

Моисеева Ангелина Валерьевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Морозкина Евгения Александровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мусин Исмагил Хасанович Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка БГМУ, г.Уфа, Россия
Нелькенбаум Виктория Михайловна Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Нестерова Наталья Михайловна Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Нечаева Ольга Серафимовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Новикова Ольга Николаевна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия
Палютин Зилаира Рязовна Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков с курсом латинского языка Башкирского государственного медицинского университета, г.Уфа, Россия
Папулова Юлия Константиновна Аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия
Перевозникова Татьяна Викторовна Кандидат психологических наук, зав.кафедрой иностранных языков Института современного управления, кино и телевидения, старший преподаватель английского и испанского языков кафедры « Иностранные языки- 3» Финуниверситета при Правительстве РФ, г.Москва, Россия
Пермякова Лариса Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Пешкова Наталья Петровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Попова Валентина Николаевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Радкевич Анна Валерьевна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, Нижний Новгород, Россия
Разумовская Вероника Адольфовна Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры делового иностранного языка Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия
Раренко Мария Борисовна Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, г.Москва, Россия
Рюкова Айсылу Ринатовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сабирова Ляйсан Давытовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Саблукова Валентина Алексеевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сайфуллина Мария Дмитриевна Начальник Управления международных и межрегиональных связей Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сайфутдинова Алия Мирзагитовна Доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия
Сакаева Лилия Радиковна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка в сфере высоких технологий Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Салимьянова Гузелия Вазировна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ БашГУ, г.Уфа, Россия

Самигуллина Анна Сергеевна Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сафина Арина Валерьевна Аспирант ФРГФ Башкирского государственного университета, учитель немецкого языка МАОУ Гимназии № 16, г.Уфа, Россия
Сафина Зарема Миниаминовна Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа
Сергеева Лариса Александровна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сираева Райля Талгатовна Кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской и сопоставительной филологии БашГУ, г.Уфа, Россия
Соболева Ольга Владимировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода ПНИПУ, г. Пермь, Россия
Спирина Татьяна Сергеевна Аспирант кафедры филологии социально-гуманитарного отделения Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Сулейманова Альмира Камиловна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Титлова Анастасия Станиславовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Трошина Наталья Николаевна Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, г. Москва, Россия
Уразаева Куралай Бибиталиевна Доктор филологических наук, доцент, профессор, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Фаткуллина Флюза Габдуллиновна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии БашГУ, г.Уфа, Россия
Филимонова Елена Александровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа

Филиппова Юлия Артуровна Аспирант ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хайбулина Гайша Нильевна Кандидат филологических наук, доцент, зам. директора Учалинского филиала БашГУ, Россия
Хакимзянова Диана Фаридовна Доцент кафедры английского языка в сфере высоких технологий Высшей школы иностранных языков и перевода ИМОИиВ КФУ, г.Казань
Хисамова Галия Гильмулловна Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хужахметов Айнур Оскарович Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры башкирской литературы, фольклора и культуры БашГУ, г. Уфа, Россия
Чжан Мянъ Иностранная преподавательница китайского языка Башкирского государственного университета, заведующий кафедрой русского языка Наньчанского университета, Китай
Чупринина Светлана Викторовна Кандидат филологических наук, доцент, профессор Грузинского технического университета, г. Тбилиси, Грузия
Шабанов Олег Александрович Кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия
Шабанова Татьяна Дмитриевна Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия
Шамсутдинова Лия Ринатовна Ассистент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шарипова Василя Анатольевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шияпова Асия Альтафовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия

Шпар Елена Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, зам.декана ФРГФ по научной работе Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шушпанова Мария Алексеевна
Аспирант кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Эрнштейн Марина Оттовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Юзликбаева Диляра Шамильевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ян Си
Аспирант кафедры русского языка Южного Федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; Сычуанский университет иностранных языков, г.Чуцин, Китай.
Яхин Марат Айдарович
Преподаватель кафедры английского языка в сфере высоких технологий Высшей школы иностранных языков и перевода ИМОИиВ КФУ, г.Казань

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады		
1.	Виноградов В.А. Некоторые вопросы изучения языковых заимствований	3
2.	Karlheinz Hengst Interethnische Kommunikation und Zusammenleben im östlichen Europa	8
3.	Белоусов К.И. Динамика изменения информационного пространства поддержанных проектов РГНФ по языкознанию за 2010-2015 гг.	10
4.	Вардзелашвили Ж.А. Исходная когнитивно-денотативная ситуация, суппозиции и модификация референтных связей концептуального множества	13
5.	Васильева Н. В. Терминологические ловушки и терминообразование	18
6.	Газизов Р.А. «Вежливые» частицы в вербальном коммуникативном поведении немцев	20
7.	Закирьянов К.З. Билингвизм и межкультурная коммуникация	25
8.	Ишимбаева Г.Г. Особенности военного дискурса в романе Э.-М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»	28
9.	Морозкина Е.А., Сафина З.М. Бифуркации в художественном дискурсе	30
10.	Пешкова Н.П. Конфликт как развитие внутренних противоречий личности и его отражение в «контр тексте» при восприятии информации	34
11.	Трошина Н.Н. Языковые процессы в современной Европе	39
12.	Уразаева К.Б. Способы передачи риторической аргументации в буквальном переводе	45
13.	Фаткуллина Ф.Г. Семантическая деривация в сфере глаголов деструктивного воздействия	50

Секционные доклады		
1.	Абдурахманова А.З. Категориальные признаки строительных конструкций и их объективация в англоязычной терминосистеме «Civil engineering»	57
2.	Азнабаева Л.А., Анищенко А.А. Грамматический аспект эмпатии (на материале канонического диалога и интернет коммуникации)	61
3.	Акубекова Д.Г. Аббревиация в техническом тексте	66
4.	Артемова О.Е. Метод проектов как вид самостоятельной работы студентов (на материале художественных фильмов)	68
5.	Афанасьева Г.А. К вопросу об организации самостоятельной работы студентов	72
6.	Ахмедова Г.Х. Задачи активного овладения иноязычной лексикой	73
7.	Ахметова Г.А. «Власть тьмы» Л. Толстого и «Макбет» У. Шекспира: тема судьбы и композиционный закон трагической прогрессии	74
8.	Баишева З.В. Обучение студентов юридическому консультированию	79
9.	Басырова Ф.А. Слово как отражение динамичности и стабильности языка	82
10.	Батырова Г.З. Сопоставительный анализ функционально-семантического аспекта окказиональных преобразований английских и русских глагольных фразеологизмов	88
11.	Батыршин Ш.Ф. Проблемы теории и практики перевода и сопоставительного изучения языков	92
12.	Беглова Е.И. Коммуникативный и экспрессивный потенциал перифразы в современной публицистике	95
13.	Беляев А.Н. Окказиональные глаголы от имён собственных в современном немецком языке	100
14.	Бердимуратова К.С. Сопоставительно-типологический анализ свадебного обряда в казахской и русской лингвокультурах	104
15.	Биктимирова М.М. «Заимствованная» метафора в песенном дискурсе	108

16.	Бычковская Н.В. Интертекстуальность в заголовках и текстах публицистических интервью	111
17.	Виноградова Р.И. Место европейских языков в системе вузовского образования	116
18.	Воронцов О.Е., Красикова О.Г. Возможности использования практико-ориентированного подхода в обучении английскому языку в вузе МВД	118
19.	Габдрахманова К.В. Главенствующее значение топонимов в жизни людей	120
20.	Габдрахманова К.В. Грамматические особенности топонимов. Категория рода	124
21.	Гайнаншин М.Ф. Интерпретация метафорических образов в экономическом дискурсе	127
22.	Гараева И.К. Семантическая структура глаголов лексико-семантической группы «защита» «protect» и «defend»	129
23.	Гатауллин Р.Г. К вопросу модификации и деривации фразеологизмов	133
24.	Генералов В.А. Анализ некоторых типов именных словосочетаний в современном английском языке	138
25.	Гилязова Д.Р. Письменный текст как источник конфликта	143
26.	Голованова Е.Ю. Метафоризация телесности как объект лингво-когнитивного анализа	146
27.	Голушин Иван К вопросу о статусе фразеологизированных предложно-падежных конструкциях и их эквивалентности в двух близкородственных языках	149
28.	Гоннова Н.В. Проблемы изучения рекламных имен с <i>царь</i> - производными единицами	153
29.	Гордеева О.Н., Мусин И.Х. Роль контекста в понимании дискурса	158
30.	Gotsiridze Rusudan Cyberculture and Intercultural Communication in Foreign Language Education	160
31.	Гречачин В.А. Категориально-понятийный аппарат корпусной лингвистики	164

32.	Гурова И.В. О процессах грамматикализации и лексикализации в <i>гейт</i> - образованиях	169
33.	Даутова Г.Х., Максюткова Ф.М Коммуникативные средства в принятии решения	174
34.	Дел Рио Н.Б. «Амадис Гальский» как безупречный автохтонный текст	176
35.	Демина О.Ф. Влияние этики Макиавелли на трактовку образа Каупервуда в «Трилогии желания» Теодора Драйзера	178
36.	Долгих Н.О. Отражение артефактов традиционной культуры в рекламных текстах российских и немецких печатных СМИ	182
37.	Зоранян М.Г. К вопросу об экстралингвистической обусловленности прилага- тельных с суффиксом -like	187
38.	Ибатуллина Н.С. Языковая репрезентация концепта LAW в юридическом дискур- се Великобритании: дефинитивный анализ	193
39.	Ибрагимова В.Л., Калимуллина Л.А. Память, возвращающая время	197
40.	Игнатова Е.М. Еще раз о тоталитарном языке и тоталитарном дискурсе	200
41.	Искандарова Г.Р. О методике работы над видеофильмом на практических занятиях по немецкому языку с курсантами УЮИ МВД России	203
42.	Исмагилова Н.В. Лексика тюркского происхождения в русском жаргоне	207
43.	Ичкинеева Д.А. Стратегии переработки информации в процессе восприятия тек- ста	212
44.	Ишмуратова Л.М. Влияние иноязычных заимствований на пополнение словарного состава английского языка	215
45.	Ишмуратова Л.Н. Функционально-когнитивный аспект категории орудийности в русском языке	218
46.	Каинова О.А. Образ Кармен в поэзии А. Блока	223
47.	Камалов Р.И., Салимьянова Г.В. Лингвистическая реализация мистического пространства в ху- дожественном переводе (на материале романов Н. Готорна)	225

48.	Камильянова Ю.М. Роль публицистических текстов в духовном и нравственном образовании журналиста (на примере произведений Г.Д. Торо, Р.У.Эмерсона)	229
49.	Каримова Р.А. Фонетический аспект медиадискурса	232
50.	Кенесов Е.К. Фразеологизмы с компонентом-фитонимом в казахском языке	234
51.	Кирсанова И.В. Проблемы определения смыслового уровня интерпретации текстовой информации	237
52.	Кортунова Е.В. К вопросу об информативности онимической лексики	240
53.	Кудряшева Ф.С. О социолингвистической вариантности языковой нормы	242
54.	Кулыева А.А. Обучение презентациям на иностранном языке в профессиональной коммуникации	246
55.	Кульсарина И.Г. Русско-башкирские интертекстуальные связи в поэзии XX века	248
56.	Курбангалиева Г.Ф. К вопросу о классификации коммуникативных угроз в речевом общении	250
57.	Курушин Д.С., Нестерова Н.М. О возможности использования методики денотативного анализа текста в создании системы автоматического реферирования	254
58.	Латыпова А.А. Национально-региональный компонент при изучении русской литературы в Республике Башкортостан	256
59.	Латыпова Л.М. Проявление категории вежливости в русском языке: обращение	259
60.	Леготина Е.В. Категория времени в произведениях Ф.М. Достоевского	261
61.	Майоров А. П. В поисках новой знаковости языка	264
62.	Майорова О. А. Ресурсология концепта в интегративном видении	266
63.	Малов А.А. Базы данных аффективных норм языка как средство оценки эквивалентности перевода эмотивной лексики	268
64.	Махмутова А.С. Особенности функционирования составных наименований в рус-	271

	ском языке XVI-XVII веков	
65.	Махмутова А.С. Тюркизмы – наименования лиц в деловых памятниках древнерусской письменности	273
66.	Мигранова И.Х. Проблемы восприятия и понимания научного текста в современной науке	275
67.	Микаберидзе М.А. О роли нарратива в деловой литературе	278
68.	Михайленко Е.Н. Д.Г. Байрон и просветительская философия религии	281
69.	Михайлова М.Ю. Истоки формирования семантики невыразимого	284
70.	Моисеева А.В. Смысл как интегративный аспект восприятия текста и его понимания	289
71.	Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А. В. фон Гумбольдт как основоположник сравнительно-исторического языкознания	293
72.	Мусин И.Х., Гордеева О.Н. Тема общения, как социальный детерминант, влияющий на выбор языка у билингва	298
73.	Нелькенбаум В.М. Скрытые смыслы в названиях ранних стихотворений Б.Л. Пастернака	299
74.	Нестерова Н.М., Папулова Ю.К. К проблеме определения основных понятий теории интертекстуальности	301
75.	Нечаева О.С. Перевод и культура	308
76.	Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Формирование иноязычной компетенции во внеаудиторной самостоятельной работе студентов	309
77.	Палютина З.Р. К вопросу о трансдисциплинарности языка	313
78.	Перевозникова Т.В. Основные психолого-педагогические приемы развития иноязычной речи студентов с учетом аксиологического компонента обучения	316
79.	Пермякова Л.А. Неоромантизм в культуре Серебряного века	323

80.	Попова В.Н. Языковые компетенции: равноправие шансов жителей Германии	325
81.	Радкевич А.В. Специфика обучение переводу студентов юридических вузов (французский язык)	328
82.	Разумовская В.А. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая задача	329
83.	Раренко М.Б. К вопросу о статусе языка скотс в современной Шотландии	334
84.	Рюкова А.Р. Игра слов как переводческая проблема	339
85.	Сабинова Л.Д. Преподавание иностранного языка в России и за рубежом	343
86.	Саблукова В.А. Стратегии и тактики суггестивно-манипулятивного использования прецедентных феноменов	345
87.	Сайфуллина М.Д. Директивные речевые акты в телевизионной рекламе	348
88.	Сайфутдинова А.М. К вопросу об обучении аналитическому чтению и реферированию	351
89.	Сакаева Л.Р., Спирина Т.С. Контекстуальное использование фразеологических единиц в английском, немецком и русском языках и основные принципы создания «Экспериментального словаря фразеологических единиц, характеризующих власть (на материале английского, немецкого и русского языков)»	354
90.	Самигуллина А.С. Типы сочетаемости метафорических моделей А.Н. Баранова в свете лингвосинергетической проблематики	358
91.	Сафина А.В. Фонетическое оформление языковых выражений манипуляции	361
92.	Сергеева Л.А. Теория языковой личности и формирование компетенций билингва	364
93.	Сираева Р.Т. Национально-культурное своеобразие паремий, характеризующих умственные способности человека, в русском и английском языках	369
94.	Соболева О. В. «Колокольчик Дарвалдая гудит уныло под дугой»: ослышки при восприятии песенных текстов	374

95.	Сулейманова А.К. Роль терминологического словаря в формировании профессиональной компетенции студентов-иностранцев	376
96.	Титлова А.С. Оценочность контртекста в виртуальном дискурсе (на примере микроблогов)	381
97.	Фаткуллина Ф.Г., Гайназарова А.А. Становление музыкальной терминологии	384
98.	Филимонова Е.А. Экспликация в переводе советизмов	386
99.	Хайбулина Г.Н. Терминология как класс лексики языков для специальных целей (ЯСЦ - LSP)	389
100.	Хисамова Г.Г., Ишмуратова С.Р. Русский коммуникативный стиль в художественной прозе В. Астафьева и В. Шукшина	393
101.	Хужахметов А.О. Эволюция поэтики в восточной литературе	398
102.	Чжань Мян Отражение ритуала чаепития в русских и китайских пословицах	402
103.	Чупринина С.В. Различные виды речевой деятельности	404
104.	Шабанов О.А. Уровень сформированности компетенции в ракурсе общественного интеллекта	409
105.	Шабанова Т.Д., Дмитриева Р.Я. Культуроносная информация функциональной семантики предположных конструкций	412
106.	Шамсутдинова Л.Р. Структурно-семантическая характеристика фразеологических единиц в русском и английском языках	415
107.	Шарипова В.А. Функций языка в речевой деятельности	420
108.	Шияпова А.А. Текстологический аспект перевода	423
109.	Шпар Е.В. Опыт использования информационно-коммуникационных технологий в организации аудиторной и самостоятельной работы студентов-филологов	425
110.	Шушпанова М.А. Античные аллюзии в романе А.С. Байетт «Детская книга»	432

111.	Эрштейн М.О. Интертекстуальные включения в пьесах А. Стриндберга «Отец» и «Фрекен Жюли»	436
112.	Юзликбаева Д.Ш. Применение проблемных заданий в процессе обучения профессионально-ориентированному чтению	440
113.	Ян Си К вопросу о функционировании заимствований из китайского языка в художественной литературе	441
114.	Яхин М.А., Хакимзянова Д.Ф. Исследования фразеологических единиц в отечественном и зарубежном языкознании	447